К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1980

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ
48

3К1

М $\frac{10101-069}{079(02)-80}$ Подписное 0101010000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сорок восьмой том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит впервые публикуемое окончание экономической рукописи К. Маркса, созданной в период с августа 1861 по июль 1863 г. и озаглавленной «К критике политической экономии». Рукопись 1861—1863 гг. состоит из 23 тетрадей (со сквозной нумерацией страниц от 1 до 1472) общим объемом около 200 печатных листов и является вторым — вслед за рукописью 1857—1858 гг. — черновым вариантом «Капитала».

Тетради I—V и их непосредственное продолжение — тетради XIX и XX, в которых изложены основные итоги исследования процесса производства капитала, составили содержание предыдущего, 47 тома.

Центральная часть рукописи (тетради VI—XIV и частично XV и XVIII) представляет собой «Теории прибавочной стоимости» — единственный вариант IV тома «Капитала», опубликованный в 26 томе (ч. I—III) настоящего издания.

Остальные тетради рукописи 1861—1863 гг., т. е. тетради XVI, XVII, XXI, XXII, XXIII, а также неопубликованные части тетрадей XV и XVIII включены в настоящий том.

Текст тома создан Марксом в период *с ноября 1862 по июль 1863 г.* Именно в это время Маркс принял решение опубликовать свой экономический труд уже не в виде второго выпуска «К критике политической экономии» (первый выпуск вышел в свет в июне 1859 г.), как он предполагал первоначально, а в качестве самостоятельного произведения под заглавием *«Капитал»* и с подзаголовком «К критике политической экономии» (см.

письмо Л. Кугельману от 28 декабря 1862 г.; настоящее издание, т. 30, стр. 527).

Еще в процессе создания первоначального варианта «Капитала» — рукописи 1857—1858 гг. — Маркс разработал структуру своего экономического труда, предусматривавшую три части, или отдела (впоследствии — книги), озаглавленные им: 1) процесс производства капитала, 2) процесс обращения капитала, 3) капитал и прибыль. Теперь, в январе 1863 г., в XVIII тетради рукописи 1861—1863 гг. он составил подробные наброски планов первой и третьей частей «Капитала» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 424—426). На основе этих планов им и велась работа на завершающем этапе создания рукописи. Указанное трехчленное деление было положено в основу расположения текста рукописи при подготовке ее к публикации в 47 и 48 томах настоящего издания.

Рукопись 1861—1863 гг. весьма неоднородна по своей структуре. Первая ее часть отражает работу Маркса над вторым выпуском «К критике политической экономии». Ее центральная часть — «Теории прибавочной стоимости» — представляет собой одновременно набросок IV книги «Капитала» и исследование прибавочной стоимости в широком смысле — прибавочной стоимости и ее превращенных форм. Наконец, завершающая часть рукописи 1861—1863 гг. уже отражает работу Маркса над книгами «Капитала», главным образом над I и III книгами.

Характеризуя содержание рукописи 1861—1863 гг., Энгельс в предисловии ко II тому «Капитала» (1885 г.) отмечал, что наиболее подробно в ней разработана проблематика будущей I книги «Капитала», «начиная с превращения денег в капитал и до конца». Далее Энгельс указал на содержащуюся в рукописи разработку ряда проблем III книги «Капитала» (темы: «капитал и прибыль», «норма прибыли», «купеческий капитал», «денежный капитал») и вместе с тем отметил, что «темы, вошедшие в книгу II, а также очень многие темы, рассмотренные позже в книге III, еще не были здесь специально разработаны. Они затрагиваются попутно» (настоящее издание, т. 24, стр. 4). Вот почему та часть рукописи, в которой трактуются проблемы будущей I книги «Капитала», заняла весь 47 и значительную часть настоящего тома.

Первые четыре главы отдела о «Процессе производства капитала», в которых рассматриваются вопросы превращения денег в капитал, абсолютной и относительной прибавочной стоимости, составляют содержание 47 тома. В настоящем томе продолжена публикация следующих четырех глав этого отдела (гл. 5—8), в которых трактуются темы о формальном и реаль-

ном подчинении труда капиталу, производительном и непроизводительном труде, обратном превращении прибавочной стоимости в капитал и о так называемом первоначальном накоплении.

Отсюда следует, что структура I отдела в рукописи 1861—1863 гг. во многом приближается к структуре I тома «Капитала».

Второй отдел настоящего тома, посвященный «Процессу обращения капитала», включает в себя две главы (гл. 9 и 10): о процессе капиталистического воспроизводства и о возвратных движениях денег в этом процессе.

В третьем отделе тома — о «Капитале и прибыли», также состоящем из двух глав (гл. 11 и 12), раскрываются темы, связанные с превращением прибавочной стоимости в прибыль, образованием средней прибыли, тенденцией нормы прибыли к понижению, а также с анализом торгового и денежного капитала.

Наконец, в отдел «Разное» включены фрагменты из XVIII и XXI—XXIII тетрадей рукописи, относящиеся к различным другим экономическим проблемам и потому не вошедшие в первые три отдела тома. Среди них — проблемы стоимости рабочей силы, заработной платы, положения рабочих, женского и детского труда, борьбы профсоюзов, земельной ренты, концентрации сельскохозяйственного производства, народонаселения, роли науки в процессе производства и другие.

Таким образом, публикуемая в настоящем томе заключительная часть рукописи 1861—1863 гг. содержит материал, относящийся к проблематике всех трех теоретических томов «Капитала». Анализ ее содержания, сопоставление с другими черновыми рукописями Маркса, а также с соответствующими разделами «Капитала» свидетельствуют о том, что она имеет весьма важное значение как для экономической теории, так и для истории марксизма. Во-первых, публикуемая часть рукописи содержит ряд разделов — о формальном и реальном подчинении труда капиталу, производительном и непроизводительном труде, о возвратных движениях денег в капиталистическом воспроизводстве, — не получивших в I—III томах «Капитала» столь подробной разработки. Во-вторых, материал рукописи содержит множество тезисов, идей и выводов, которые обогащают наше понимание тех или иных сформулированных в других рукописях Маркса и в «Капитале» положений, ибо в данной рукописи они разработаны зачастую в других аспектах, выявляющих новые стороны буржуазной экономики. Наконец, в-третьих, публикуемый материал раскрывает существенные черты процесса создания Марксом его экономической

теории, в особенности переход от глубинных категорий капиталистического способа производства (стоимость, прибавочная стоимость) к тем превращенным формам, в которых эти категории выступают на поверхности буржуазного общества (прибыль, средняя прибыль и цена производства, торговая прибыль, процент и др.).

* * *

Настоящий том открывается анализом *формального и реального подчинения труда капиталу*. Впервые два этих этапа в историческом развитии капитализма были кратко охарактеризованы Марксом в начале рукописи 1861—1863 гг. (см. настоящее издание, т. 47, стр. 98—100). После того как Маркс в соответствии с разработанной им логической структурой I книги «Капитала» детально рассмотрел проблемы товара и денег (в первом выпуске «К критике политической экономии»), превращения денег в капитал, абсолютной и относительной прибавочной стоимости (в первой части рукописи 1861—1863 гг.), он возвратился к этой проблеме, значительно углубив и расширив свое исследование. Этот переход был обусловлен тем, что абсолютной и относительной прибавочной стоимости как раз соответствуют обе указанные формы подчинения труда капиталу.

Прежде всего Маркс выделил существенные черты формального подчинения труда капиталу, отличающие его от докапиталистических способов эксплуатации, подчеркнув, что отношение между капиталистом и рабочим является чисто экономическим, что «не существует больше никакого политически или социально фиксированного отношения господства и подчинения» (настоящий том, стр. 5), что объективные условия труда противостоят рабочему как капитал. «Чем полнее эти *условия труда* противостоят ему как чужая собственность, тем полнее *формально* имеет место *отношение между капиталом и наемным трудом*, следовательно, формальное подчинение труда капиталу» (там же, стр. 6).

На основе тщательного исследования истории экономических отношений Маркс в публикуемой части рукописи осуществил дальнейший анализ проблем генезиса капиталистического способа производства, дал детальное научное освещение этого сложного процесса и тем самым внес важный вклад не только в политическую экономию, но и в историческую науку, в разработку с диалектико-материалистических позиций ключевых социологических и исторических вопросов.

Маркс подробно рассматривает так называемые *переходные формы* капиталистической эксплуатации труда, развивающиеся в докапиталистических формациях, формы перехода к буржуазному производству, раскрывает особую роль в этом процессе торгового и ростовщического капитала. Маркс отмечает, что «переходные формы постоянно воспроизводятся внутри самого̀ буржуазного способа производства и отчасти воспроизводятся им самим» (там же, стр. 29).

Маркс прослеживает *генезис* формального подчинения труда капиталу, раскрывает исторические условия возникновения капиталистических отношений, приходящих на смену либо рабству и крепостничеству, либо самостоятельному производству крестьян, фермеров, ремесленников, либо, наконец, цеховому производству. Хотя переход к капиталистической эксплуатации в рамках формального подчинения труда капиталу не означает еще изменения способа производства, однако он ведет к возрастанию непрерывности, а стало быть, интенсивности и производительности труда. Кроме того, он существенно изменяет характер отношений между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Превращение крепостного или раба в наемного рабочего «выступает здесь как подъем на более высокую социальную ступень... изменившиеся отношения делают деятельность свободного рабочего интенсивнее, непрерывнее, подвижнее и искуснее, чем деятельность раба, не говоря уже о том, что они делают его самого способным к совершенно другой исторической акции» (там же, стр. 11).

Характеризуя наемного рабочего, Маркс отмечает также полнейшее его безразличие к содержанию своего труда, принципиальную готовность «ко всякой перемене... своей трудовой деятельности», если эта перемена «сулит более высокий заработок» (там же, стр. 12).

В предыдущих тетрадях рукописи 1861—1863 гг. Маркс подробно исследовал три стадии в развитии производства относительной прибавочной стоимости, а тем самым и реального подчинения труда капиталу: простую капиталистическую кооперацию, мануфактурное разделение труда и крупное машинное производство. Теперь, резюмируя это исследование, он отмечает, что вместе «с реальным подчинением труда капиталу происходит полная революция в самом способе производства, в производительности труда и в отношении — внутри производства — между капиталистом и рабочим, так же как и в социальном отношении обоих друг к другу» (там же, стр. 19). В частности, Маркс указывает на все возрастающий «минимум капитала», необходимый для ведения капиталистического

производства и не идущий ни в какое сравнение с тем, что «могли бы накопить отдельный человек или отдельная семья в течение поколений... Объем требуемых условий труда не находится больше ни в каком соотношении с тем, что̀ может в случае удачи присвоить отдельный рабочий посредством экономии и т. д.» (там же, стр. 18). В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс охарактеризовал этот процесс как *увековечение* положения рабочего в буржуазном обществе как наемного рабочего (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 364). В данной части рукописи Маркс конкретизирует это положение, раскрывая господство вещи над личностью в условиях капитализма: «Создание *огромного вещественного богатства*... выступает как такая цель, в достижении которой рабочая сила является лишь средством и которая достигается лишь путем ее собственного превращения в *нечто одностороннее и обесчеловеченное*» (настоящий том, стр. 40).

Приведенные положения убедительно демонстрируют преемственность в развитии экономических воззрений «раннего» и «зрелого» Маркса. Разработанная Марксом в 40-е гг. XIX в. теория отчужденного труда выступает в 60-е гг. обогащенной его дальнейшими экономическими исследованиями, в первую очередь теорией прибавочной стоимости.

Развитие реального подчинения труда капиталу означает вместе с тем развитие общественной формы труда, его производительности, т. е. создание вещественных предпосылок будущего, коммунистического общества; оно «есть необходимая переходная ступень к превращению собственности на условия производства в *общественную* собственность» (там же, стр. 20).

Маркс придавал важное значение положениям о формальном и реальном подчинении труда капиталу. Приступив в последующий период к подготовке текста первой книги «Капитала», он основательно использовал эти положения в «Главе шестой», излагающей «результаты непосредственного процесса производства» (см. настоящее издание, т. 49, стр. 74—93).

Важное место в настоящем томе занимает выяснение сущности и содержания производительного труда в буржуазном обществе.

Маркс писал о том, что «производительный труд — это лишь сокращенное выражение, обозначающее всю полноту и особый характер того отношения, в котором рабочая сила фигурирует в капиталистическом процессе производства» (настоящий том, стр. 45). Отсюда и вытекала необходимость перехода от анализа формального и реального подчинения труда капиталу к исследованию производительного труда при капитализме.

В обширном разделе «Теорий прибавочной стоимости», посвященном критическому рассмотрению буржуазных концепций *производительного и непроизводительного труда* (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 133—300), Маркс исследовал эту проблему в *историческом* аспекте. В настоящем томе дано ее подробное *теоретическое* резюме. Маркс опирался при этом на предшествующий анализ формального и реального подчинения труда капиталу, в ходе которого выяснилось, что «капитал... производителен: 1) как *сила, принуждающая* к прибавочному труду; 2) как сила, поглощающая, присваивающая и персонифицирующая производительные силы общественного труда» (настоящий том, стр. 41). Отсюда следует, что в буржуазном обществе, в системе капиталистического производства производительным является только «такой труд, который производит для того, кто его применяет, *прибавочную стоимость*, который, иными словами, превращает объективные условия труда в капитал, а их владельца в капиталиста» (там же, стр. 45). Таким образом, понятие производительного труда является общественно обусловленным. Маркс показывает, что один и тот же вид труда (например, труд портного или актера) может быть производительным, если он организован капиталистически, т. е. нацелен на создание прибавочной стоимости, и, напротив, — непроизводительным, если он относится к категории услуг, непосредственно удовлетворяет личные — материальные или духовные — потребности индивида. «Певица, продающая свое пение на свой страх и риск, — пишет Маркс, — *непроизводительный работник*. Но та же самая певица, приглашенная антрепренером, который заставляет ее петь, для того чтобы «делать деньги», — *производительный работник*, ибо она производит капитал» (там же, стр. 51).

Наряду с *основной* характеристикой производительного труда при капитализме как труда, создающего прибавочную стоимость, Маркс дал его *дополнительную* характеристику как труда, реализующегося в *товарах*, материальном богатстве. При этом Маркс исходил из объективной тенденции к подчинению капиталу (формальному или реальному) всех сфер материального производства. Указывая на это, Маркс подчеркивал, что материальный характер производства и его результата — товара не следует понимать только вещественно, так как конкретный труд может не оставить на товаре никакого следа. В качестве примера Маркс приводил «четвертую сферу материального производства» (три другие сферы — добывающая промышленность, земледелие, обрабатывающая промышленность) — транспортную индустрию, где «предмет труда подвергается некоторому

материальному изменению — *пространственной* перемене, перемене места» (там же, стр. 61).

Что же касается сферы духовного производства, то, как отмечал Маркс, «в большинстве случаев здесь дело ограничивается *переходной* к капиталистическому производству *формой*... Проявления капиталистического производства в данной области столь незначительны по сравнению со всем совокупным производством, что они могут быть оставлены совершенно без внимания» (там же, стр. 60).

В условиях современного капитализма, в огромном масштабе подчинившего себе духовное производство, Марксовы характеристики производительного труда распространяются и на эту сферу человеческой деятельности.

С развитием капиталистического способа производства материальный продукт все в большей мере является *«совместным продуктом труда»* — как умственного, так и физического — многих людей, *«совокупность»* которых выступает в качестве «одного производственного коллектива» (там же, стр. 60—61). Эта впервые установленная Марксом в рукописи 1861—1863 гг. тенденция капиталистической экономики к образованию «совокупного работника» была затем более обстоятельно рассмотрена в I томе «Капитала».

Выяснив, что закономерным результатом функционирования производительного труда в условиях капиталистического способа производства является создание прибавочной стоимости, Маркс переходит к рассмотрению ее дальнейшего движения. Разработка в рукописи 1861—1863 гг. проблем *обратного превращения прибавочной стоимости в капитал,* или *капиталистического накопления,* опирается на предшествующее исследование этих проблем, проведенное Марксом в рукописи 1857—1858 гг., а также на результаты критики рикардовской теории накопления в «Теориях прибавочной стоимости».

Маркс прежде всего констатирует объективный характер процесса накопления: «Постоянное увеличение капитала, а не только его сохранение, является... *необходимостью* для капиталистического производства, его условием» (там же, стр. 64). Важнейшим же результатом этого процесса является то, что «теперь... совокупный капитал представляет собой фактически лишь превращенную в капитал прибавочную стоимость, т. е. *овеществленный неоплаченный чужой труд* ...иными словами, *капиталистическое отношение* создает *капиталистическое отношение* в возросшем масштабе» (там же, стр. 69, 73).

Далее Маркс показывает, что в процессе накопления происходит распространение капиталистического способа производ-

ства на новые сферы производства, концентрация капитала и всего общественного богатства, образование новых капиталов. При этом масса стоимости постоянного капитала, приводимого в движение тем же самым количеством труда, возрастает, переменный же капитал, «т. е. затраченная на заработную плату часть капитала... растет во все убывающей пропорции» (там же, стр. 94).

Рассмотрение капиталистического накопления с необходимостью включало в себя рассмотрение процесса *первоначального накопления*, генезиса капиталистического способа производства. Маркс исходил при этом из результатов исследования этого процесса, полученных им в рукописи 1857—1858 гг. Но теперь Маркс исследует новый обширный фактический материал, почерпнутый из работ ряда буржуазных экономистов (впоследствии он широко использовал его в I томе «Капитала») и подтверждающий его основной вывод: решающим в процессе первоначального накопления «является *концентрация наличных условий производства* в руках немногих и *отделение этих условий производства от непосредственных производителей*, собственностью или владением которых они первоначально были» (там же, стр. 101). Именно этот вывод позволил Марксу в развитие содержания рукописи 1857—1858 гг. охарактеризовать указанный процесс, представлявший собой «в высшей степени грустную и трагическую историю» (там же), в качестве *так называемого* первоначального накопления.

Исследование проблем формального и реального подчинения труда капиталу, возникновения капитализма, а затем развития его на собственной основе, «*на базисе* самого̀ *капиталистического способа производства*» (там же, стр. 115), анализ процесса так называемого первоначального накопления, далее, обоснование того, что «добуржуазная история, так же как и каждая ее фаза, тоже имеет свою *экономику* и *экономическую основу* своего движения» (там же, стр. 117), — все это явилось дальнейшей конкретизацией материалистического понимания истории, в частности марксистского учения об общественно-экономических формациях.

* * *

Проблемы II книги «Капитала» частично уже были разработаны Марксом в рукописи 1857—1858 гг. и в «Теориях прибавочной стоимости». В заключительной части рукописи 1861—1863 гг. Маркс сосредоточил основное внимание на разработке центральной проблемы II книги — процесса *воспроизводства и*

обращения всего общественного капитала. Маркс впервые проводит здесь разделение всего общественного производства на два «класса»: производство жизненных средств (класс I) и производство постоянного капитала (класс II). Впоследствии, в 70-е гг., в различных вариантах рукописи второй книги «Капитала», Маркс в качестве I подразделения уже рассматривал производство средств производства — в соответствии с доминирующей ролью этого подразделения в процессе воспроизводства.

Некоторые вопросы теории воспроизводства рассмотрены в рукописи 1861—1863 гг. с учетом влияния внешней торговли, или мирового рынка. Внешняя торговля необходима капиталистическому производству, в то же время, как показывает Маркс, она порождает новые противоречия, так как «процесс воспроизводства зависит не от производства взаимно соответствующих друг другу эквивалентов в одной и той же стране, а от производства этих эквивалентов на чужих рынках, от силы поглощения их мировым рынком и от расширения последнего». На этом основании Маркс формулирует весьма важный вывод: «Тем самым создана *возрастающая* возможность несоответствия, следовательно, возможность кризисов» (там же, стр. 141). Этот вывод существенно дополняет основные положения теории экономических кризисов, сформулированные Марксом в процессе критики буржуазных концепций кризисов в «Теориях прибавочной стоимости».

Свой анализ процесса капиталистического воспроизводства Маркс подытожил в составленной и прокомментированной им «Экономической таблице совокупного процесса воспроизводства» (таблице предшествовали три черновых наброска — см. там же, стр. 160—166). В целях более ясного изложения самого существенного в процессе воспроизводства он был рассмотрен «*без учета денежного обращения и при неизменном масштабе воспроизводства*» (там же, стр. 160). Результаты своего исследования Маркс 6 июля 1863 г. сообщил Энгельсу в обстоятельном письме (см. настоящее издание, т. 30, стр. 297—301). Конспектируя переписку Маркса с Энгельсом, В. И. Ленин по поводу этого письма заметил: «Том II в черняке (I, II процесс воспроизводства etc.). Ясно!!» (*В. И. Ленин.* Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М., 1968, стр. 342). В. И. Ленин отмечает здесь тот факт, что в рассматриваемом письме — соответственно и в рукописи 1861—1863 гг. — уже нашли отражение центральные идеи будущего II тома «Капитала»: учение о двух подразделениях общественного производства, условия воспроизводства.

Анализируя процесс воспроизводства, Маркс исходил из того, что «дело нужно рассмотреть сначала без учета *денег,* затем с *учетом* денег» (настоящий том, стр. 144). В рукописи 1861—1863 гг. анализ процесса воспроизводства без учета денег был дополнен детальным исследованием движения денег в процессе капиталистического воспроизводства. Маркс впервые выясняет здесь вопрос, поставленный им уже в «Теориях прибавочной стоимости» при анализе теории воспроизводства Кенэ: «Как же возможно, что все капиталисты, класс промышленных капиталистов, постоянно извлекают из обращения больше денег, чем бросают в обращение?» (настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 327). Для решения этой важной проблемы капиталистического воспроизводства Марксу потребовалось исследовать роль торгового капитала в денежном обращении, процесс реализации прибавочной стоимости в обращении, роль производителя золота в капиталистическом воспроизводстве, обмен между производителями жизненных средств и производителями средств производства, накопление денежного капитала.

Окончательное решение проблемы капиталистического воспроизводства дано Марксом во II томе «Капитала» и в написанной им X главе II отдела «Анти-Дюринга».

* * *

Рассматривая в заключительной части рукописи 1861—1863 гг. проблемы III книги «Капитала», в первую очередь превращенные формы прибавочной стоимости, Маркс впервые дал *систематическое изложение* в известной мере разработанной в «Теориях прибавочной стоимости» *теории прибыли, а также средней прибыли и цены производства.* Маркс отмечает, что в отличие от отношения прибавочной стоимости к переменному капиталу, являющегося отношением «органическим», выражающим «тайну образования и роста» капитала, в отношении между прибылью и капиталом «прибавочная стоимость приобретает форму, в которой уже нет и намека на тайну ее происхождения» (настоящий том, стр. 244). Подчеркивая объективный характер превращения прибавочной стоимости в прибыль, Маркс показывает, что именно последняя выступает в качестве *непосредственного* регулятора капиталистического производства. Вместе с тем категория прибыли отражает систему извращенных, мистифицированных представлений, согласно которым капитал выступает самостоятельным, независимым от труда источником прибавочной стоимости, а рабочий превращается в простой источник плодовитости капитала. Капиталиста вполне

устраивают эти представления, «в то время как наемного рабочего, находящегося в плену того же самого извращенного воззрения, только на другом его полюсе, в качестве угнетенной стороны, практика заставляет противоречить всему этому отношению, а следовательно, и соответствующим этому отношению представлениям, понятиям и образу мышления» (там же, стр. 248).

Таким образом, эксплуататорская сущность капитализма объективно способствует развитию классового сознания пролетариев, побуждает их к борьбе против тирании буржуазного господства. Этот вывод Маркса имел существенное значение для дальнейшего экономического обоснования положения об исторической миссии рабочего класса.

Анализ категории *издержек капиталистического производства* как важнейшей категории, характеризующей процесс образования прибыли, привел Маркса к формулировке закона, «согласно которому капиталист может продавать товар *с прибылью,* хотя и *ниже* его стоимости» (там же, стр. 258). Этот закон означает возможность *образования общей, средней нормы прибыли,* которая предполагает, что одни товары продаются выше, а другие — ниже своей стоимости. Маркс прослеживает два последовательных процесса: превращение прибавочной стоимости в прибыль, т. е. в избыток стоимости над издержками производства, и превращение прибыли в среднюю прибыль, т. е. в избыток стоимости совокупного продукта над стоимостью совокупного авансированного капитала. Оба процесса взаимосвязаны: второй протекает на основе первого и по существу «выражает то же самое превращение» (там же, стр. 278).

Исследуя в этой части рукописи 1861—1863 гг. механизм образования средней прибыли, Маркс не рассматривает лежащее в его основе *двоякое действие конкуренции* (внутриотраслевой и межотраслевой), так как на данной стадии разработки своей экономической теории он еще исходил из того, что такое рассмотрение должно быть дано лишь позднее — в специальном разделе о конкуренции капиталов. Точно так же и земельную ренту Маркс пока еще рассматривал как «иллюстрацию» к соотношению между стоимостью и ценой производства, т. е. под тем углом зрения, как она была разработана в «Теориях прибавочной стоимости». Впоследствии, создавая рукопись III книги «Капитала», Маркс снял указанные ограничения, и это позволило ему включить в изложение уже частично разработанный в «Теориях прибавочной стоимости» вопрос о формировании рыночной стоимости в процессе внутриотраслевой конкуренции и превращении рыночной стоимости в цену производства в ре-

зультате межотраслевой конкуренции. Кроме того, специальный раздел III книги «Капитала» был посвящен проблемам земельной ренты как одной из превращенных форм прибавочной стоимости. Большой материал для этого раздела был собран Марксом уже в процессе заполнения трех последних тетрадей рукописи 1861—1863 гг.

В публикуемой части этой рукописи Маркс обстоятельно рассмотрел также причины и характер действия закона, согласно которому «*с прогрессом капиталистического производства норма прибыли имеет тенденцию к понижению*» (там же, стр. 282). Ключом к решению этой проблемы, в которой тщетно пыталась разобраться буржуазная политическая экономия, явилось положение о росте органического строения капитала, т. е. отношения постоянного капитала к переменному, происходящем в результате технического прогресса и увеличения основного капитала.

Указав на эту тенденцию, Маркс вместе с тем впервые исследовал «препятствия», т. е. факторы, противодействующие указанной тенденции, и прежде всего — рост нормы прибавочной стоимости, выражающий усиление капиталистической эксплуатации. Кроме того, Маркс особо подчеркивает, что из тенденции нормы прибыли к понижению вовсе не следует, что уменьшаются накопление капитала и абсолютная масса прибыли. Понижение нормы прибыли уравновешивается и может даже более чем компенсироваться увеличением ее массы.

На основе своего анализа закона тенденции нормы прибыли к понижению Маркс делает следующий важный вывод: «*Развитие производительных сил общественного труда есть историческая* задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создает материальные условия более высокого способа производства... прибыль — стимул капиталистического производства и условие, а также двигатель накопления — ставится под угрозу самим законом развития производства... Здесь обнаруживается *чисто экономическим* образом, с точки зрения самого капиталистического производства, его предел, его *относительность*, то, что оно — не *абсолютный*, а лишь исторический *способ производства*, соответствующий определенной ограниченной эпохе развития материальных условий производства» (там же, стр. 294).

В этой связи представляет большой теоретический интерес выяснение Марксом противоречивой природы капитализма и его исторической обреченности, постепенного вызревания в лоне капитализма предпосылок нового, более высокого общественного строя, коммунизма. «Капитал, — подчеркивает Маркс, —

все более и более оказывается *общественной силой*... но *отчужденной, обособленной общественной силой*, которая противостоит обществу как вещь, а посредством этой вещи — как сила отдельных капиталистов. Тем самым, с другой стороны, все бо̀льшая масса [индивидов] лишается условий производства, противопоставляется им. Противоречие между *всеобщей общественной силой*, в которую превращается капитал, и *частной властью отдельных капиталистов* над этими общественными условиями производства становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения, так как оно вместе с тем включает преобразование материальных условий производства во всеобщие и поэтому коллективные общественные условия производства» (там же, стр. 328—329).

Эти положения впоследствии были широко использованы Марксом при подготовке текста III книги «Капитала».

В публикуемой в настоящем томе заключительной части рукописи 1861—1863 гг. Маркс впервые обстоятельно рассмотрел такие превращенные формы прибавочной стоимости, как торговая прибыль и процент, осуществил подробный анализ *торгового и ссудного капитала*. Эти две особые формы капитала он исследует в историческом аспекте, прослеживает их возникновение в процессе развития денежного обращения, рассматривает превращение купеческого имущества в торговый капитал, а ростовщичества — в ссудный капитал.

При господстве развитых капиталистических отношений торговый (купеческий) и ссудный (денежный) капитал выступают уже как формы производительного капитала, функционирующие в сфере обращения. Для того чтобы проанализировать специфические функции торгового капитала в чистом виде, необходимо было прежде всего отделить их от функций, принадлежащих самому процессу производства, хотя и осуществляющихся в обращении (транспортные операции, упаковка, хранение, складское дело и т. д.). В этой связи понятие производительного капитала расширяется и включает в себя: «1) капитал, входящий непосредственно в процесс производства; 2) капитал, который входит в процесс воспроизводства (включающий в себя обращение)» (там же, стр. 376).

Что же касается торгового и денежного капитала, то, как показывает Маркс, «их специфические функции должны объясняться формой метаморфоза товара, следовательно, движениями формы, свойственными обращению как таковому» (там же, стр. 378). Но эти специфические функции — операции по купле и продаже товаров — требуют затрат рабочего времени, затрат капитала и т. д.

В публикуемой части рукописи 1861—1863 гг. Маркс впервые решает сложную теоретическую задачу объяснения торговой прибыли и процента с учетом действия закона стоимости и закона прибавочной стоимости. Находясь в сфере обращения, торговый капитал непосредственно не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, но, содействуя сокращению времени обращения, он помогает увеличивать создаваемую производительным капиталом прибавочную стоимость. Функционируя вместе с производительным капиталом в процессе воспроизводства товара, купец, так же как и денежный капиталист, получает право на участие в распределении совокупной прибавочной стоимости, на получение средней нормы прибыли в форме торговой прибыли, хотя он и не имеет отношения к ее непосредственному производству.

Обосновывая различие между торговыми наемными рабочими («конторщиками») и наемными рабочими, занятыми в сфере непосредственного производства, Маркс опирается на проводимое им различение между сферой непосредственного производства и сферой воспроизводства: «Каково отношение рабочего к непосредственному *производству*, таково отношение конторщика к непосредственному *воспроизводству* чужого богатства. Его труд, как и труд рабочего, есть только средство для воспроизводства капитала как господствующей над ним силы, и вместе с тем, подобно тому как рабочий создает прибавочную стоимость, так конторщик занят тем, что помогает реализовать ее, но не для себя, а для капитала» (там же, стр. 413).

Выводы Маркса о характере труда торговых наемных рабочих, в частности раскрытая им тенденция капитализма к превращению их из привилегированной, лучше оплачиваемой прослойки рабочего класса в низкооплачиваемую его часть, были включены в текст III книги «Капитала» и получили в 1894 г. высокую оценку Энгельса, отметившего, что осуществленное Марксом «предвидение участи торгового пролетариата» полностью оправдалось (см. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 330).

Таким образом, заключительная часть рукописи 1861—1863 гг., как и вся эта рукопись в целом, имеет громадное историческое и теоретическое значение, ибо она составляет важный этап в разработке экономического учения Маркса и в истории экономической мысли вообще, содержит ценнейшие научные положения, идеи и выводы, которые могут служить солидной теоретической и методологической основой как для творческой разработки актуальных проблем политической экономии, так и для критики теорий буржуазных экономистов.

* * *

Публикуемый в настоящем томе текст рукописи 1861—1863 гг. разделен на главы в соответствии с составленными Марксом набросками планов, его указаниями в тексте, на обложках тетрадей рукописи и т. д. Большинство заголовков к отдельным разделам также принадлежит Марксу. Редакционные заголовки и необходимые пояснения текста даются в квадратных скобках. В квадратных же скобках даны цифры, обозначающие тетради рукописи Маркса (римские цифры) и страницы каждой тетради (арабские цифры). В связи с этим те квадратные скобки, которые имеются в рукописи, заменены фигурными. Если текст рукописи дается без всяких перестановок, то номер тетради и страницы ставится только один раз, в самом начале каждой страницы рукописи. Если же текст печатается не подряд, а с перестановками, то номер тетради и страницы рукописи указывается как в начале отрывка, так и в конце его.

Явные описки, встречающиеся в рукописи, исправлены при переводе текста на русский язык, как правило, без специальных оговорок в примечаниях. Кое-где редакцией введено разделение текста на абзацы в дополнение к абзацам, имеющимся в рукописи.

Приводимые Марксом цитаты из сочинений, переведенных на русский язык, даются в заново проверенных и уточненных переводах. В квадратных скобках указываются страницы наиболее распространенных русских изданий соответствующих произведений. Если Маркс ту или иную цитату приводит в сокращенном виде или в виде перифраза, то перевод этой цитаты дается в соответствии с формулировкой ее у Маркса.

Том снабжен научно-справочным аппаратом, состоящим из примечаний, аннотированного указателя имен, указателя цитируемой и упоминаемой литературы, указателя русских переводов цитируемых Марксом книг, предметного указателя к 47 и к настоящему тому, а также постраничного указателя расположения текста рукописи 1861—1863 гг. в 47, 26 и 48 томах настоящего издания.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ 1861—1863 годов

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА
[окончание]

ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

КАПИТАЛ И ПРИБЫЛЬ

ОТДЕЛ I

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА [окончание][1]

[ГЛАВА 5]

ФОРМАЛЬНОЕ И РЕАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ТРУДА КАПИТАЛУ. ПЕРЕХОДНЫЕ ФОРМЫ

[XXI—1 301] * Мы рассмотрели обе формы прибавочной стоимости, абсолютную и относительную, раздельно и показали вместе с тем, как они обе взаимосвязаны и как одновременно с развитием относительной прибавочной стоимости абсолютная прибавочная стоимость доводится до крайних пределов.

Мы видели, как разделение обеих форм вызывает различия в отношениях между заработной платой и прибавочной стоимостью. При данном развитии производительной силы прибавочная стоимость всегда выступает как абсолютная прибавочная стоимость, и изменение в ней возможно главным образом лишь посредством изменения совокупного рабочего дня. Предполагая рабочий день данным, развитие прибавочной стоимости возможно только как развитие относительной прибавочной стоимости, т. е. посредством развития производительной силы.

Но простое *существование абсолютной прибавочной стоимости* не предполагает ничего иного, кроме такой природной продуктивности, т. е. такой *естественно возникшей* производительности труда, чтобы не все (возможное) (ежедневное) рабочее время человека требовалось для поддержания его собственного существования или для воспроизводства его собственной рабочей силы[2]. Далее, к этому должно еще прибавиться только то, чтобы он был вынужден — для него существует внешнее принуждение — работать сверх необходимого рабочего времени, принуждение к прибавочному труду. Физическая возможность *прибавочного продукта*, в котором овеществляется прибавочный

* На обложке XXI тетради рукою Маркса написано: *«Май. 1863.» Ред.*

труд, очевидно, все-таки зависит от двух обстоятельств: если потребности очень малы, то даже при небольшой природной производительной силе труда лишь части рабочего времени может быть достаточно для того, чтобы удовлетворить их и таким образом оставить другую часть для прибавочного труда, а следовательно, для образования прибавочного продукта. С другой стороны, если природная производительная сила труда очень велика, т. е. если природная продуктивность земли, воды и т. д. требует лишь незначительного применения труда, для того чтобы добыть необходимые для существования жизненные средства, то — если рассматривать *только продолжительность необходимого рабочего времени* — эта природная производительная сила труда или, если угодно, эта естественно возникшая производительность труда действует, разумеется, совершенно так же, как развитие общественной производительной силы последнего. Высокая степень естественно возникшей производительной силы труда связана с быстрым увеличением населения — рабочей силы и, следовательно, того материала, из которого выкраивается прибавочная стоимость. Если, наоборот, естественно возникшая производительная сила труда мала, следовательно, рабочее время, необходимое для удовлетворения даже простых потребностей, велико, то развитие прибавочного продукта (или прибавочного труда) может создавать *чужое богатство*, вообще говоря, только в том случае, если численность одновременно эксплуатируемых одним лицом велика.

[XXI—1 302] Предположим, что необходимое рабочее время равно $11^1/_2$ часам, рабочий день равен 12 часам, тогда один рабочий доставляет прибавочную стоимость, равную $^1/_2$ часа. Но так как для содержания одного-единственного рабочего требуются $^{23}/_2$ часа, то получается следующий расчет:

Один рабочий доставляет $^1/_2$ часа прибавочного труда, а 23 рабочих — $^{23}/_2$ часа. Следовательно, в этом случае необходимы 23 рабочих, для того чтобы содержать одного-единственного субъекта, который живет не работая, но только живет как рабочий. Для того чтобы он жил в 3 или 4 раза лучше и, кроме того, еще мог часть прибавочной стоимости вновь превратить в капитал, на него одного, быть может, должны были бы работать $23 \times 8 = 184$ рабочих. К тому же в данном случае реальное богатство, которым располагало бы это одно лицо, оказалось бы еще весьма незначительным. Чем больше производительная сила труда, тем больше может оказаться число нерабочих в сравнении с рабочими и тем больше число рабочих, которые не заняты производством необходимых жизненных средств либо совершенно не заняты материальным производст-

вом, или, наконец, тем больше число лиц, которые либо непосредственно образуют число собственников *прибавочного продукта*, либо также число лиц, которые не работают ни физически, ни духовно, однако оказывают «услуги», в уплату за которые владельцы прибавочного продукта отдают им его часть.

Во всяком случае обеим формам прибавочной стоимости — абсолютной и относительной, если каждая из них будет рассматриваться сама по себе, обособленно, и абсолютная прибавочная стоимость всегда предшествует относительной, — соответствуют две обособленные *формы подчинения труда капиталу*, или *две обособленные формы капиталистического производства*, первая из которых всегда является предшественником второй, хотя вторая, более развитая форма, снова может явиться базисом для введения первой в новых отраслях производства.

[а) ФОРМАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ТРУДА КАПИТАЛУ]

Форму, покоящуюся на абсолютной прибавочной стоимости, я называю *формальным подчинением труда капиталу*. Она лишь *формально* отличается от других способов производства, при которых действительные производители доставляют прибавочный продукт, прибавочную стоимость, т. е. работают сверх необходимого рабочего времени, но не для себя, а для других.

Иным является применяемое принуждение, т. е. тот метод, посредством которого порождаются прибавочная стоимость, прибавочный продукт или прибавочный труд.

Определенные *различия* мы рассмотрим лишь в следующем разделе — о накоплении [3]. Существенное в этом *формальном подчинении труда капиталу* состоит в том, что

1) *рабочий* как собственник своей собственной личности и поэтому своей собственной рабочей силы противостоит, в качестве продавца временного ее использования, капиталисту, который имеет деньги; оба они, следовательно, противостоят друг другу как товаровладельцы, как продавец и покупатель, и, таким образом, оба они формально являются свободными лицами, между которыми фактически не существует никакого другого отношения, кроме отношения покупателя и продавца; не существует больше никакого политически или социально фиксированного отношения господства и подчинения;

2) в этом первом отношении заключено то, — ибо в противном случае рабочий не должен был бы продавать свою рабочую силу,—что его *объективные условия труда* (сырье, орудие труда, а потому также жизненные средства во время труда) [4] полностью или по крайней мере частично принадлежат не рабочему,

а покупателю и потребителю его труда, следовательно, противостоят ему самому как *капитал*. Чем полнее эти *условия труда* противостоят ему как чужая собственность, тем полнее *формально* имеет место *отношение между капиталом и наемным трудом*, следовательно, формальное подчинение труда капиталу.

В самом *способе производства* здесь еще нет различия. Процесс труда, рассматриваемый технологически, совершается точно так же, как и прежде, только теперь он стал процессом труда, *подчиненным* капиталу. Однако в самом процессе производства развивается, как было показано ранее (все, что ранее было сказано об этом, уместно лишь здесь), *во-первых*, отношение господства и подчинения в результате того, что происходит потребление рабочей силы капиталистом, происходит поэтому под его надзором и управлением; *во-вторых*, развивается бо̀льшая непрерывность труда.

Если это отношение господства и подчинения возникает вместо рабства, крепостничества, вассальных, патриархальных отношений подчинения, то *превращение* происходит лишь *в его форме*. Форма подчинения становится свободнее, потому что по своей природе подчинение является только *вещественным*, формально добровольным, касается только положения рабочего и капиталиста в самом процессе производства. И это есть такое *изменение формы*, которое происходит именно в сельском хозяйстве, как только бывшие крепостные или рабы превратились в свободных наемных рабочих.

[XXI—1 303] [5] Или же отношение *господства и подчинения* в процессе производства заступает место прежней *самостоятельности* в процессе производства, как, например, у всех самостоятельных крестьян, фермеров, которые должны были платить лишь ренту продуктами, будь то государству или лендлорду, в сельских домашних побочных промыслах или в *самостоятельных ремеслах*. Здесь, следовательно, налицо потеря прежней *самостоятельности* в процессе производства, и само отношение господства и подчинения есть продукт введения капиталистического способа производства.

Наконец, отношение между капиталистом и наемным рабочим может заступить место отношения *цехового мастера* к его *подмастерьям и ученикам* — переход, который частично проделывает при своем возникновении городская мануфактура.

Средневековое цеховое отношение, которое в аналогичной форме развилось также в узких пределах в Афинах и Риме и которое имело столь решающе важное значение в Европе, с одной стороны, для образования капиталистов, с другой стороны, для образования свободного рабочего сословия, есть *ограничен-*

ная, еще не адекватная форма отношения между капиталом и наемным трудом. Здесь, с одной стороны, существует отношение между покупателем и продавцом: выплачивается жалованье, и мастер, подмастерье и ученик противостоят друг другу как свободные лица. Технологическим базисом этого отношения является *ремесленное предприятие,* где более или менее искусное владение *орудием труда* составляет решающий фактор производства. Самостоятельная личная работа и, стало быть, профессиональное развитие работника, требующее более или менее продолжительного времени обучения, определяет здесь результат труда. Мастер здесь, правда, является владельцем условий производства, ремесленного инструмента, сырья (хотя ремесленный инструмент может принадлежать и подмастерью), ему принадлежит и продукт; постольку он — *капиталист.* Но как капиталист — он не *мастер.* Во-первых, он прежде всего сам *ремесленник,* и предполагается, что он должен быть мастером в своем ремесле. В самом процессе производства он фигурирует в качестве ремесленника точно так же, как и его подмастерья, и посвящает в тайны ремесла только своих учеников. Его отношение к своим ученикам совершенно такое же, как отношение профессора к своим студентам. Его отношение к ученикам и подмастерьям, следовательно, не есть отношение капиталиста как такового, а есть отношение *мастера* в данном ремесле, который в качестве такового занимает в корпорации, а поэтому и по отношению к ним, такое положение в иерархии, которое должно покоиться на его собственном *мастерстве* в ремесле. Поэтому также его капитал как по своей *вещественной* форме, так и по *величине* своей *стоимости* представляет собой связанный капитал, который еще отнюдь не обрел свободной формы капитала. Он не есть *определенное количество овеществленного труда,* стоимость вообще, которая может принимать ту или другую форму условий труда и которая принимает любую из них смотря по тому, обменивается ли она на ту или иную, любую, форму живого труда, для того чтобы присвоить себе прибавочный труд. Лишь после того как мастер пройдет предписанные ступени ученика, подмастерья и т. д., сам представит образец своего искусства, он может в *этой определенной* отрасли труда, в своем собственном ремесле, обратить деньги частично в объективные условия ремесла, частично на куплю подмастерьев и на то, чтобы держать учеников. Лишь в своем собственном ремесле он может превратить свои деньги в капитал, т. е. применять их не только как средство своего собственного труда, но и как средство эксплуатации чужого труда. Его капитал связан с определенной формой *потребительной стоимости*

и поэтому также не противостоит его рабочим как *капитал*. Методы труда, которые он применяет, являются не только плодом его опыта, но и предписаны цехом; они считаются необходимыми, стало быть, и с этой стороны не меновая стоимость, а потребительная стоимость труда выступает как последняя конечная цель. Не от его желания зависит то или иное качество труда, а все цеховое производство направлено на обеспечение *определенного качества*. Как метод труда, так и процесс труда не зависят от его воли. *Ограниченная* форма, препятствующая функционированию его имущества в качестве *капитала*, обнаруживается далее в том, что фактически *максимум* для величины стоимости его капитала предопределен. Он не имеет права держать больше *известного числа подмастерьев*, так как цех должен обеспечить всем мастерам определенную долю доходов от их ремесла. Наконец, отношение мастера к другим мастерам как членам того же цеха; как таковой, он принадлежал к корпорации, которая имела определенные совместные условия производства (цеховая касса и т. д.), политические права, принимала участие в городском управлении и т. д. Мастер работал на заказ, за исключением его работы на купцов, для создания непосредственной потребительной стоимости, и соответственно этому регулировалось также число мастеров. Он не противостоит своим рабочим как *простой купец*. Еще в меньшей степени может купец превращать свои деньги в производительный капитал: он может лишь «перемещать» товары, но сам не может их производить. *Соответствующее его сословному положению существование*, — а не меновая стоимость как таковая, не обогащение как таковое, — выступает здесь целью и результатом эксплуатации чужого труда. Решающим здесь является *инструмент*. Сырье здесь во многих отраслях труда (например, в портняжном деле) доставляется мастеру самими его заказчиками. Ограниченность производства в целом рамками сложившегося потребления является здесь законом. Производство, следовательно, отнюдь не регулируется размерами самого капитала. При капиталистическом отношении эти ограничения исчезают вместе с политико-социальными путами, в которых здесь еще движется капитал и поэтому еще не выступает как *капитал*.

[XXI—1 304] [6] [...] в Карфагене и Риме, оно ограничено народами, у которых карфагеняне [...] развивали капитал в форме торгового капитала и поэтому меновую стоимость как таковую делали также непосредственной [...] производства или у которых, как у римлян, путем концентрации богатства, а именно земельной собственности, в немногих руках производ-

ство по необходимости было направлено уже не на удовлетворение собственных потребностей, а на создание меновой стоимости, следовательно, овладело этой стороной капиталистического производства. Ибо хотя для богатого римлянина цель состояла в расточительстве, в расходовании максимально возможной массы потребительных стоимостей, он мог бы достичь этой цели только путем увеличения меновой стоимости продаваемого продукта; следовательно, производство было направлено на создание меновой стоимости, и дело заключалось в том, чтобы выколачивать из рабов как можно больше денег, а стало быть, как можно больше труда.

По сравнению с самостоятельным ремесленником, который работает на случайных заказчиков, непрерывность [труда] рабочего, работающего на капиталиста, конечно, увеличивается; поэтому труд рабочего не имеет ограничений, каковыми являются случайная потребность, приводящая его в движение, и ее величина; напротив, рабочий постоянно, более или менее регулярно, изо дня в день занят капиталом. По сравнению с трудом раба этот труд производительнее, ибо он интенсивнее и более непрерывен вследствие того, что раб работает лишь побуждаемый внешним страхом, а не ради *своего существования,* которое ему не принадлежит; свободного рабочего, напротив, побуждают к труду его потребности. Сознание [7] свободного самоопределения, свободы, делает рабочего намного лучшим работником, чем раб, а также порождает чувство ответственности, так как он, как и любой продавец товара, является ответственным за тот товар, который он доставляет, и должен доставлять товар определенного качества, если он не хочет допустить, чтобы его вытеснили другие продавцы товара того же рода. *Непрерывность* отношения между рабом и рабовладельцем есть отношение, в котором раба удерживает прямое принуждение. Свободный рабочий, напротив, сам должен сохранять свое отношение, так как его существование в качестве рабочего зависит от постоянного возобновления им продажи своей рабочей силы капиталистам. В отличие от раба, так же как и от барщинных крестьян, рабочий получает *эквивалент* за свой труд, ибо, как мы видели [8], *заработная плата,* — хотя фактически ею оплачивается только необходимый труд и в действительности прибавочный труд рабочего точно так же не оплачивается, как барщинная повинность или как труд раба сверх того времени, которое необходимо для воспроизводства его содержания, — выступает как *стоимость, цена всего рабочего дня.* Различие может состоять здесь только в количестве неоплаченного рабочего времени, хотя такое *количественное*

различие не является необходимым, а скорее зависит от высоты обычной *стоимости рабочей силы*. Но как бы много или мало прибавочного труда ни доставлял свободный рабочий, как бы высока или низка ни была средняя заработная плата, в каком бы отношении всякий раз ни находился его совокупный рабочий день к его необходимому рабочему времени, — для него всегда дело приобретает ту *форму*, что он работает *за свою заработную плату*, за *деньги*, и если он работает 12 часов, чтобы получить эквивалент только 8 часов труда, то и работает эти 12 часов только для того, чтобы выкупить эквивалент 8 часов труда. С рабом дело обстоит не так. Даже та часть труда, которую он выполняет для себя, т. е. для того, чтобы возместить стоимость своего собственного содержания, представляется ему как труд, который он выполняет для рабовладельца, в то время как у свободного рабочего даже выполняемый им прибавочный труд выступает как труд, который он выполняет в собственных интересах, т. е. как средство купли своей заработной платы. *Денежное отношение* — купля и продажа — между капиталистом и рабочим скрывает *даровой труд*, в то время как при рабском труде отношение собственности, в котором раб находится к своему хозяину, скрывает *труд на самого себя*. Если рабочий день равен 12 часам, то необходимое и поэтому представленное в заработной плате рабочее время может составлять 6, 7, 8, 9, 10, 11 часов, и тогда прибавочный труд, т. е. даровой труд, соответственно равен 6, 5, 4, 3, 2, 1 часам; это отношение постоянно представляется для рабочего таким образом, будто 12 часов труда он продает за определенную, хотя и изменяющуюся цену, будто он, следовательно, все время работает только на себя и совершенно не работает на своего хозяина.

[XXI—1 305] [...] Более высокая стоимость этой рабочей силы должна быть уплачена ему самому, и выражается она в более высокой заработной плате. Здесь, таким образом, преобладают большие различия в заработной плате смотря по тому, требует ли особый труд более развитой рабочей силы, требующей бо́льших издержек производства, или нет; тем самым, с одной стороны, открывается простор для индивидуальных различий, а с другой стороны, дается стимул развитию собственно рабочей силы. Хотя и несомненно, что труд в своей массе должен состоять из более или менее неквалифицированного труда, а поэтому и заработная плата в своей массе должна определяться *стоимостью простой рабочей силы*, тем не менее отдельные индивиды могут благодаря особой энергии, таланту и т. д. подняться в более высокие сферы труда, совершенно так же, как существует абстрактная возможность того, что тот или иной

рабочий сам станет капиталистом и эксплуататором чужого труда. Раб принадлежит определенному *хозяину;* рабочий, правда, вынужден продавать себя капиталу, но не какому-то определенному капиталисту, и таким образом в пределах определенной сферы он может выбирать, кому он хочет продать себя, и может менять своего хозяина. Все эти изменившиеся отношения делают деятельность свободного рабочего интенсивнее, непрерывнее, подвижнее и искуснее, чем деятельность раба, не говоря уже о том, что они делают его самого способным к совершенно другой исторической акции. Раб получает необходимые для своего содержания жизненные средства в *натуральной форме,* которая является фиксированной как по характеру, так и по объему, в *потребительных стоимостях.* Свободный рабочий получает жизненные средства в форме *денег, меновой стоимости,* в абстрактной социальной форме богатства. Хотя заработная плата есть в действительности не что иное, как *посеребренная,* или *позолоченная,* или *медная [verkupferte],* или *бумажная [verpapierte]* форма необходимых жизненных средств, в которые она постоянно должна превращаться, — *деньги* функционируют здесь лишь как мимолетная форма меновой стоимости, как простое *средство обращения,* — тем не менее целью и результатом его труда остается в его представлении *абстрактное богатство, меновая стоимость,* а не определенная, традиционно и локально ограниченная потребительная стоимость. Рабочий сам превращает деньги в угодные ему потребительные стоимости, покупает на них угодные ему товары, и как *владелец денег,* как покупатель товаров он находится точно в таком же отношении к продавцам товаров, как все другие покупатели. Условия его существования, равно как и величина стоимости заработанных им денег, вынуждают его, естественно, расходовать их на довольно ограниченный круг жизненных средств. Однако здесь возможны некоторые вариации: так, например, газеты входят в необходимые жизненные средства английского городского рабочего. Он может немного сберегать, копить. Он может также транжирить свою заработную плату на водку и т. д. Но поступает он так в качестве свободно действующего лица, ему самому приходится расплачиваться за это; он ответственен перед самим собой за то, каким образом он расходует свою заработную плату. *Он учится владеть самим собой в противоположность рабу,* которому нужен хозяин. Правда, это верно лишь в том случае, когда рассматривается превращение крепостного или раба в свободного наемного рабочего. Капиталистическое отношение выступает здесь как подъем на более высокую социальную ступень. Обратное

имеет место там, где самостоятельный крестьянин или ремесленник превращаются в наемного рабочего. Как велико различие между гордыми йоменами Англии, о которых говорит Шекспир [9], и английскими поденными земледельческими рабочими! Так как цель труда наемного рабочего только заработная плата, деньги, определенное количество меновой стоимости, в которой исчезает всякое своеобразие потребительной стоимости, то он совершенно равнодушен к *содержанию* своего труда и поэтому к особому роду своей деятельности, между тем как эта деятельность при цеховой или кастовой системе считается деятельностью по призванию, а у раба, как у рабочего скота, она является лишь определенным, навязанным ему и традиционным родом деятельности, осуществления его рабочей силы. Поэтому в той мере, в какой разделение труда не сделало рабочую силу совершенно односторонней, свободный рабочий *принципиально* [XXI—1 306] предрасположен и готов ко всякой перемене своей рабочей силы и своей трудовой деятельности (как это обнаруживается всегда у избыточного сельского населения, которое постоянно переходит в города), если она сулит более высокий заработок. Если сложившийся рабочий в большей или меньшей мере не способен к этой перемене, то он считает ее всегда открытой для новой смены, и подрастающее поколение рабочих постоянно может распределяться и поступать в распоряжение новых или особо процветающих отраслей труда. В Северной Америке, где наемный труд развивался более свободно, чем где-либо, в отношении пережитков старого цехового строя и т. д., также особенно обнаруживаются эта *изменчивость,* полнейшее безразличие к определенному содержанию труда и переход из одной отрасли в другую [10]. Эта *изменчивость* в противоположность однообразному, традиционному характеру *рабского труда,* который не изменяется сообразно требованиям производства, а, наоборот, требует, чтобы производство приспособлялось к однажды введенному и по традиции унаследованному способу труда, подчеркивается поэтому также всеми писателями Соединенных Штатов как существенная характеристика свободного наемного труда на Севере по сравнению с рабским трудом на Юге (см. *Кернса* [11]). Постоянное образование *новых видов* труда, это постоянное изменение соответствует разнообразию потребительных стоимостей и поэтому также есть действительное развитие меновой стоимости; поэтому прогрессирующее разделение труда в *обществе в целом* становится возможным только при капиталистическом способе производства. Это постоянное изменение начинается со свободным ремесленно-цеховым производством, там, где оно само не находит

преград и окостенелости каждой определенной отрасли производства.

При всего лишь *формальном подчинении труда капиталу* принуждение к прибавочному труду, а тем самым, с одной стороны, к созданию потребностей и средств удовлетворения этих потребностей, так же как и массы продукции сверх меры традиционных потребностей рабочего, — и создание *свободного времени* для развития, независимо от материального производства, — приобретает *только* иную форму, чем при прежних способах производства, но такую форму, которая повышает непрерывность и интенсивность труда, увеличивает производство, благоприятствует развитию *разновидностей рабочей силы* и тем самым дифференциации видов труда и способов заработка, наконец, превращает само отношение между владельцами условий труда и рабочими в новое *отношение купли и продажи* и освобождает отношение эксплуатации от всяких патриархальных и политических пут. Разумеется, в само производственное отношение входит отношение *господства и подчинения,* которое вытекает из собственности капитала на включенный в него труд и из природы самого процесса труда. Чем меньше капиталистическое производство выходит за пределы этого формального отношения, тем меньше развито это отношение, так как оно предполагает только мелких капиталистов, которые по своему образованию и роду занятий лишь немногим отличаются от самих рабочих.

Технологически — там, где происходит это превращение более ранних способов производства в капиталистический и где оно сначала выступает лишь как *формальное подчинение труда капиталу,* следовательно, как отношение купли и продажи между владельцами условий труда и владельцами рабочей силы, — действительный процесс труда остается тем же самым, а характер его функционирования зависит от того отношения, из которого он развился. Земледелие остается тем же самым, хотя на место батраков заступает поденщик; то же происходит с ремесленным производством там, где оно из цехового переходит в капиталистический способ производства. Различие в *отношении господства и подчинения,* не касаясь еще самого способа производства, более всего обнаруживается там, где *земледельческие, или вообще домашние побочные промыслы, или же подсобные работы,* которыми занимаются *только* для нужд семьи, *превращаются в собственно капиталистические отрасли труда.*

Различие труда, формально *подчиненного капиталу,* от прежнего способа применения труда здесь выступает в том же

самом объеме, в каком возрастает *величина капитала,* применяемого отдельным капиталистом, в каком, следовательно, возрастает число *одновременно* занятых у него рабочих. Лишь при известном минимуме капитала сам капиталист перестает быть рабочим, оставляя за собой только руководство, а также торговлю произведенными товарами. С другой стороны, форма собственно капиталистического производства, которая подлежит сейчас рассмотрению, также может появиться лишь в том случае, когда капиталы известной величины непосредственно овладевают производством, потому ли, что купец становится производителем, или потому, что внутри собственно производства постепенно образовались более крупные капиталы.

«Свободный рабочий обычно может свободно переменить своего хозяина; эта свобода в такой же мере отличает раба от свободного рабочего, в какой английский матрос на военном судне отличается от матроса на торговом судне... Положение рабочего выше положения раба, ибо *рабочий считает* себя *свободным;* и это предположение, как оно ни ошибочно, имеет немалое влияние на характер... населения» (*Т. R. Edmonds.* Practical, Moral and Political Economy etc. London, 1828, стр. 56—57). «Мотив, который принуждает свободного человека работать, намного сильнее мотива, который движет рабом: свободному человеку приходится выбирать между тяжелым трудом [и голодом, а рабу — между тяжелым трудом] [XXI — 1 307] и хорошей поркой» (там же, стр. 56). «Различие между положением раба и рабочего при денежной системе весьма незначительно; ... хозяин раба слишком хорошо понимает свои собственные интересы, чтобы ослаблять своих рабов, недодавая им пищу; но хозяин свободного человека дает ему так мало пищи, как только возможно, потому что несправедливость в отношении рабочего падает не только на одного его хозяина, но на весь класс хозяев» (там же).

«В древние времена заставить людей работать сверх того, что необходимо для удовлетворения их собственных потребностей, заставить часть населения работать для того, чтобы содержать остальных бесплатно, можно было только путем рабства; поэтому рабство было введено повсюду. Рабство было тогда так же необходимо для роста производства, как теперь оно было бы пагубно для него. Причина ясна. Если *людей не принуждать к труду,* то они будут работать только на самих себя; и если у них мало потребностей, то будет мало работы. Но когда образуются государства и появляется нужда в праздных людях для защиты государств от насилий их врагов, то во что бы то ни стало необходимо добыть пищу для тех, кто не работает; а так как, по предположению, потребности работников невелики, то необходимо найти способ увеличения их труда сверх размеров их потребностей. На достижение этой цели и было рассчитано рабство... Рабов заставляли обрабатывать землю, которая кормила как их, так и праздных свободных людей, как это имело место в Спарте; или они занимали все рабские должности, занимаемые в настоящее время свободными людьми; они также использовались, как в Греции и Риме, для снабжения промышленными изделиями тех, чья служба была нужна государству. Здесь, следовательно, применялся *метод насилия, чтобы заставить людей трудиться* над добыванием пищи... Люди тогда принуждались к труду потому, что были рабами других; люди теперь принуждаются к труду потому, что они рабы собственных потребностей»

(*J. Steuart*. [An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy]. Vol. I. Dublin, [1770], стр. 38—40).

{В земледелии, особенно с развитием капиталистического производства, т. е. производства, имеющего целью, с одной стороны, меновую стоимость, а с другой стороны, покупающего труд, *интенсивность* труда увеличивается, между тем как число рабочих весьма значительно уменьшается. Заработная плата ни в коем случае не возрастает пропорционально этой увеличившейся *интенсивности труда*.

«В XVI столетии, в то время как, с одной стороны, лорды увольняли своих слуг, фермеры», превращавшиеся в промышленных капиталистов, «увольняли лишние рты».

Из средства существования земледелие превратилось в предпринимательство. Следствием было, как говорит *Стюарт*,

«изъятие ... некоторого количества рабочих из мелкого земледелия тем путем, что *вынуждали земледельцев работать чрезмерно* и *тяжелым трудом на малой площади* достигался такой же результат, какой — легким трудом на большом пространстве» (там же, стр. 105).

{Даже в городском ремесле, хотя там по природе вещей продукт производится непосредственно как товар, так как он должен быть сначала превращен в деньги, для того чтобы его можно было превратить в жизненные средства, производство все-таки, несмотря на это, осталось главным образом *средством существования*.} (Обогащение как таковое не является его непосредственной целью.)}

[б)] РЕАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ТРУДА КАПИТАЛУ

Так как целью производительного труда является не существование рабочего, а производство прибавочной стоимости, то весь необходимый труд, который не производит прибавочного труда, является излишним и не представляет ценности для капиталистического производства. То же самое имеет место и по отношению к капиталистической нации. Это же положение может быть выражено еще и так, что весь тот *валовой доход*, который лишь возмещает средства существования (фонд жизненных средств) рабочего и не производит *чистого дохода*, точно так же является излишним, как и существование самих рабочих, которые не производят чистого дохода, или прибавочной стоимости, или которые, — если они и были нужны на определенной ступени развития промышленности, для того

чтобы производить прибавочную стоимость, — на более развитой ступени становятся излишними для производства этой прибавочной стоимости. Иными словами, необходимо только то количество людей, которое способно приносить прибыль капиталу. То же самое имеет место и по отношению к капиталистической нации.

«Разве с точки зрения *реального интереса* нации не безразлично» (как и с точки зрения интереса частного капиталиста, которому безразлично, «приводит ли его капитал в движение 100 или 1 000 человек», если только прибыль на его капитал, равный 20 000, «во всяком случае не падает ниже 2 000»), «состоит ли эта нация из 10 или 12 миллионов человек, [XXI — 1 308] [12] если только ее чистый и реальный доход, ее рента и прибыль не изменяются? ... Если 5 миллионов человек могут производить столько пищи и одежды, сколько необходимо для 10 миллионов человек, то пища и одежда для этих 5 миллионов являются чистым доходом. Разве страна получила бы какую-нибудь выгоду от того, что для производства того же самого чистого дохода понадобилось бы 7 миллионов человек, или, иначе говоря, от того, что труд 7 миллионов человек должен был бы быть применен для производства пищи и одежды в количестве, достаточном для 12 миллионов? Пища и одежда для 5 миллионов человек по-прежнему будут составлять чистый доход» [*D. Ricardo*. On the Principles of Political Economy, and Taxation. 3rd edition. London, 1821, стр. 416—417 (Русский перевод, том I, стр. 284—285)].

Даже филантропия ничего не может возразить против этого положения Рикардо. Ибо во всяком случае лучше, если из 10 миллионов лишь 50 процентов будут прозябать в качестве машин, занятых исключительно производством для [других] 5 миллионов, чем из 12 миллионов — 7 миллионов, или $58^{1}/_{3}$ процента.

«Какую пользу имело бы современное государство от целой провинции, [земля которой,] как бы хорошо она ни обрабатывалась, разделена» {между мелкими независимыми крестьянами, как это было первоначально в Древнем Риме}? «Какой цели служила бы эта земля, кроме той единственной, что на ней производились бы люди, что само по себе составляет самую бесполезную цель?» (*Arthur Young*. Political Arithmetic etc. London, 1774, стр. 47).

{*Труд на фабриках:*

«Человек, ежедневно наблюдая по пятнадцать часов за однообразным ходом машины, истощается скорее, чем если бы он в течение такого же времени напрягал свою физическую силу. Этот *труд по наблюдению,* который мог бы послужить полезной гимнастикой для ума, если бы он не был слишком продолжительным, разрушает своей чрезмерностью и ум и самое тело» (*G. de Molinari*. Études Économiques. Paris, 1846, [стр. 49]).}

Реальное подчинение труда капиталу развивается во всех тех формах, которые создают относительную прибавочную

стоимость в отличие от абсолютной, что, как мы видели, отнюдь не исключает увеличения ими последней одновременно с первой.

«*Потребительское земледелие* ... сменилось *торговым земледелием*... улучшение национальной территории ... пропорционально этой *перемене*» (*A. Young*. Political Arithmetic. London, 1774, стр. 49, примечание).

{*Минимум заработной платы:*

«Владение собственностью и определенное стремление к собственности важны для того, чтобы предохранить обычного необученного рабочего от падения до состояния части машины, покупаемой по *минимальной* рыночной цене, по которой она может быть произведена, т. е. по цене, при которой рабочие могут существовать и продолжать свой род; до такого состояния рабочий рано или поздно *неизбежно* будет низведен, *поскольку интересы капитала и труда совершенно различны* и их регулирование предоставлено исключительно действию закона спроса и предложения» (*Samuel Laing*. National Distress; [its Causes and Remedies]. London, 1844, стр. 45—46).}

При реальном подчинении труда капиталу происходят все те изменения в технологическом процессе, в процессе труда, которые мы разобрали, и одновременно с ними — изменения в отношении рабочего к своему собственному производству и к капиталу; наконец, происходит развитие производительной силы труда, ибо развиваются производительные силы общественного труда, и лишь одновременно с ними становится возможным применение в крупном масштабе сил природы, науки и машин в непосредственном производстве. Здесь, следовательно, изменяется не только формальное отношение, но и сам процесс труда. С одной стороны, капиталистический способ производства, который лишь теперь выступает как способ производства sui generis *, изменяет форму материального производства. С другой стороны, это изменение материальной формы образует базис для развития капиталистического отношения, адекватная форма которого поэтому соответствует лишь определенной ступени развития материальных производительных сил. Выше было рассмотрено, каким образом в результате этого принимает новый вид отношение зависимости рабочего в самом производстве. Это первый пункт, который следует подчеркнуть. Это повышение производительности труда и масштаба производства является отчасти следствием, отчасти базисом развития капиталистического отношения.

Второй пункт — это то, что капиталистическое производство теперь совершенно сбрасывает форму производства для существования и становится производством для торговли, причем

* — особого рода. *Ред.*

ни собственное потребление, ни непосредственная потребность данного круга покупателей не являются больше пределом для производства; им становится лишь величина самого капитала. С другой стороны, так как весь продукт становится товаром (даже там, где он, как в земледелии, частично снова входит в производство в натуральной форме), то все его элементы переходят из обращения в акт производства как *товар*.

[XXI—1 309] Наконец, общим для всех этих форм капиталистического производства является то, что для ведения производства капиталистически требуется постоянно растущий минимум меновой стоимости, денег, т. е. постоянного и переменного капитала, для того чтобы труд, необходимый для получения продукта, был бы трудом *общественно необходимым*, т. е., чтобы труд, необходимый для производства отдельного товара, был равен минимуму необходимого труда при средних условиях производства. Для того чтобы овеществленный труд, деньги, мог действовать как капитал, некоторый его минимум должен быть здесь в наличии в руках отдельного капиталиста, — минимум, значительно превосходящий тот максимум, который требовался при всего лишь формальном подчинении труда капиталу. Капиталист должен быть собственником или владельцем средств производства в некотором *общественном масштабе*, некоторого количества стоимости, некоторого концентрированного имущества, все более и более несравнимого с тем, которое все же могли бы накопить отдельный человек или отдельная семья в течение поколений путем *образования* собственного *сокровища*. Таким образом, объем требуемых условий труда не находится больше ни в каком соотношении с тем, что может в случае удачи присвоить отдельный рабочий посредством экономии и т. д. Этот *минимум капитала* тем больше в данной отрасли хозяйства, чем более она развита капиталистически, чем выше развита в ней производительность труда, общественная производительность труда или производительность общественного труда. При том же самом объеме капитала должна расти величина его стоимости и принимать размеры средств производства для общественного производства, следовательно, капитал должен лишиться всякого индивидуального характера. Именно производительность и поэтому масса продукции, масса населения и масса избыточного населения, увеличиваемые этим способом производства, постоянно вызывают к жизни вместе с высвобожденным капиталом и высвобожденным трудом новые отрасли хозяйства, в которых капитал снова может работать в малом масштабе и снова проходить различные стадии развития, пока также и в этих новых отраслях хозяй-

ства с развитием капиталистического производства труд не станет применяться в общественном масштабе и соответственно этому капитал не станет выступать как концентрация большого количества общественных средств производства в одних руках. Этот процесс носит постоянный характер.

С реальным подчинением труда капиталу происходит полная революция в самом способе производства, в производительности труда и в отношении — внутри производства — между капиталистом и рабочим, так же как и в социальном отношении обоих друг к другу.

Только простейшая форма, форма *простой кооперации*, возможна и при более ранних производственных отношениях (см. в раннем Египте и т. д., где эта простая кооперация имеет место не при постройке железных дорог, а при постройке пирамид и т. д.) и при отношении рабства (см. об этом дальше). Отношение зависимости здесь опять низводится приблизительно до отношения рабства путем введения женского и детского труда (см. у *Стюарта* [13]).

Для всех этих форм производства, помимо *растущего минимума капитала*, который требуется для производства, общим является то, что *общие условия* для труда многих ассоциированных рабочих обеспечивают в качестве таковых *экономию* в противоположность раздроблению этих условий при производстве в малом масштабе, ибо действенность этих *общих условий производства*, которая представляется непосредственно отделенной от повышения производительности самого труда посредством кооперации, разделения труда, машин и т. д., не требует такого же увеличения их количества и их стоимости. *Совместное, одновременное* пользование ими понижает их *относительную стоимость*, хотя абсолютная величина представляемой ими стоимости повышается.

{*Положительный результат* здесь тот, что уменьшается рабочее время, которое требуется, чтобы производить увеличившееся количество жизненных средств, что этот результат достигается общественной формой труда и что владение отдельного лица условиями производства выступает не только как нечто ненужное, но и как несовместимое с этим производством в крупном масштабе. Правда, при капиталистическом способе производства получается так, что капиталист, т. е. *нерабочий*, является собственником этой массы общественных средств производства. В действительности он ни в коем случае не представляет по отношению к рабочим их соединение, их общественное единство. Как только эта антагонистическая форма [XXI—1310] отпадает, получается, следовательно, что они

владеют этими средствами производства *сообща*, не как *частные индивиды*. Капиталистическая собственность есть лишь антагонистическое выражение этой их общественной собственности, т. е. подвергнувшейся отрицанию собственности отдельного лица на условия производства (следовательно, и на продукт, так как продукт постоянно превращается в условия производства). Вместе с тем обнаруживается, что это превращение требует определенной ступени развития материальных производительных сил. Например, для мелкого крестьянина тот клочок земли, который он обрабатывает, есть *его* клочок. Собственность на этот клочок как на его орудие производства есть необходимый стимул и условие его труда. То же самое в ремесле. В крупном земледелии, как и в крупной промышленности, этот труд и собственность на условия производства *не приходится предварительно разделять*, они уже *фактически разделены;* это разделение собственности и труда, которое оплакивает Сисмонди [14], есть необходимая переходная ступень к превращению собственности на условия производства в *общественную* собственность. Как *одиночка* отдельный рабочий мог бы опять быть восстановлен в собственности на условия производства, но только путем разобщения производительной силы и развития труда в крупном масштабе. *Чужая собственность* — собственность капиталистов — на этот труд может быть уничтожена лишь путем преобразования собственности рабочего не как собственности одиночки в его самостоятельной обособленности, а, следовательно, как собственности *ассоциированного, общественного индивида*. Вместе с тем, естественно, прекращается фетишизм, согласно которому продукт является собственником производителя, и все развившиеся внутри капиталистического производства общественные формы труда освобождаются от той противоположности, которая извращает их всех и представляет в антагонистическом виде; например, сокращение рабочего времени представляется не так, что все работают по 6 часов, а так, что 15-часовой труд шестерых достаточен, чтобы содержать 15 человек.} [15]

Производство ради производства, т. е. производительная сила человеческого труда, развитая вне всяких предопределяющих и предопределенных пределов потребностей. Далее будет подробнее показано, что даже внутри капиталистического производства, хотя оно и стремится к этому в порядке тенденции, производство ради производства противоречит его собственным пределам. Ибо хотя капиталистическое производство и является самым производительным из всех прежних способов производства, тем не менее в результате своего *антагонистического*

характера оно содержит в себе пределы производства, за которые оно постоянно стремится выйти, — отсюда кризисы, перепроизводство и т. д. С другой стороны, *производство ради производства* выступает поэтому как его прямая противоположность. Производство не как развитие человеческой производительности, а как воспроизведение *вещного богатства* в противоположность производительному развитию человеческой личности.

В наиболее абстрактной форме все те методы, посредством которых развивается относительная прибавочная стоимость и тем самым специфически капиталистический способ производства, сводятся к тому, что этот способ производства стремится свести *стоимость единицы товара* к ее *минимуму* и, следовательно, произвести возможно больше товаров в течение данного рабочего времени, или осуществить превращение предмета труда в продукт с затратой возможно меньшего количества труда, в кратчайшее рабочее время. Производительность труда вообще есть не что иное, как производство максимума продукта минимумом труда, или реализация минимума рабочего времени в максимуме продукта, следовательно, сведение стоимости единицы продукта к его минимуму.

При этом нужно заметить две вещи:

Во-первых, кажется противоречием то, что имеющее целью меновую стоимость и подвластное ей производство стремится к минимуму стоимости единицы продукта. Но стоимость продукта как таковая безразлична для капиталистического производства. Его целью является возможно большее производство прибавочной стоимости. А последняя определяется не стоимостью единицы продукта, единицы товара, а нормой прибавочной стоимости, отношением той части товара, которая представляет переменный капитал, к ее изменению, иными словами, содержащимся в продукте сверх стоимости переменного капитала прибавочным трудом. Цель капиталистического производства состоит не в том, чтобы единица продукта и поэтому суммарное количество продукта содержали возможно больше труда, а в том, чтобы они содержали возможно больше неоплаченного труда. *Это противоречие чувствовали физиократы. См. Кенэ.* Добавочная тетрадь *С* (стр. 29 (внизу), 31) [16].

[XXI—1 311] *Во-вторых:*

Сведение стоимости товара к ее минимуму, т. е. максимально возможное его удешевление, лишь в том случае непосредственно создает относительную прибавочную стоимость, если эти товары входят в потребление рабочего как необходимые жизненные средства, если поэтому их удешевление идентично с удешевлением

рабочей силы, т. е. с сокращением необходимого и потому оплаченного рабочего времени, что, в свою очередь, если рассматривать совокупный рабочий день, выражается, как мы видели [17], в виде падения *цены труда*.

Этот закон, однако, имеет значение не только для этой определенной сферы капиталистического производства, но для всех сфер производства, которыми оно стремится постепенно овладеть и подчинить своему способу производства. Мы видели, что для отдельного капиталиста более дешевое производство единицы товара, который он производит, непосредственно не влечет за собой удешевления рабочей силы (по крайней мере, это удешевление его продукта не вызвало бы никакого удешевления рабочей силы) и что, поскольку оно достигается, оно приносит выгоду не этому отдельному капиталисту, а капиталу вообще — классу капиталистов, — производя всеобщее удешевление рабочей силы.

Но так как стоимость товара на данной ступени производства определяется рабочим временем, в среднем *необходимым* для его производства, то *индивидуальная* стоимость товара, который *в виде исключения* производится более производительными методами труда, превышающими средний уровень данной ступени производства, стоит *ниже* всеобщей, или общественной стоимости этого товара. Поэтому если он продается *ниже* общественной стоимости товаров того же самого рода, но *выше* своей индивидуальной стоимости, т. е. продается по какой-то стоимости, которая не *выравнивает* разницу между его индивидуальной и его всеобщей стоимостью, то он продается *выше* своей стоимости, или содержащийся в нем труд становится в данный момент *трудом более высокого порядка* по отношению к среднему труду, которым он обычно производится. Однако рабочая сила применяемых при его производстве рабочих не оплачивается выше. Эта *разница*, следовательно, попадает в карман капиталиста и образует для него прибавочную стоимость. Этот вид прибавочной стоимости, который покоится на вызванной изменением способа производства *разнице между индивидуальной и общественной стоимостью* товара, есть преходящая величина и становится равной нулю, как только новый способ производства сделается всеобщим и сам станет средним способом производства. Однако именно эта преходящая прибавочная стоимость является *непосредственным* результатом изменения способа производства. Поэтому она составляет *непосредственный мотив* капиталиста, и поэтому мотив этот в равной мере господствует во всех сферах производства, которыми овладевает капитал, независимо от потребительной стои-

мости, которую они производят, и поэтому независимо от того, входит или не входит данный продукт в необходимые жизненные средства рабочего или в воспроизводство рабочей силы. Эта форма прибавочной стоимости, однако, преходяща; она может относиться всегда лишь к отдельному капиталисту, а не к совокупному капиталу, и хотя она создает в отдельной отрасли относительное обесценение рабочей силы или понижение цены труда, но не *потому, что эта цена падает*, а *потому, что она не повышается*. Эта форма не касается поэтому прибавочной стоимости вообще, ибо она не вызывает ни *постоянного (относительного)* уменьшения цены труда в своей собственной отрасли, ни всеобщего удешевления рабочей силы и потому сокращения необходимого рабочего времени, так как ее продукт не входит в необходимые жизненные средства рабочего.

Но, далее, так как в этих отраслях производства в результате действия указанного мотива постепенно вводится капиталистический способ производства, то здесь, как и в отрасли, производящей необходимые жизненные средства, применяемый труд сводится к простому среднему труду, с чем одновременно связана тенденция к удлинению абсолютного рабочего дня. Здесь, следовательно, происходит совершенно такое же обесценение рабочей силы, как и в других отраслях, обесценение, которое происходит не вследствие удешевления жизненных средств, а вследствие упрощения труда, сведения его к простому среднему труду.

Если рабочий работает 12 часов и, например, 10 часов для себя, 2 часа для капиталиста, то, правда, *отношение прибавочной стоимости* к переменному капиталу остается тем же самым, представляют ли собой эти 10 часов труд более высокого или более низкого порядка. Стоимость переменного капитала повышается или падает вместе со степенью [сложности] труда, а так как прибавочный труд имеет тот же самый характер, что и необходимый труд, то отношение между прибавочной стоимостью и переменным капиталом остается тем же самым.

Введение машинного труда и т. д., давая новые побуждения для удлинения абсолютного рабочего времени, облегчает вместе с тем это удлинение, так как оно лишает труд свойственной ему, так сказать, расхлябанности. И это действие оно производит совершенно независимо от особого характера той отрасли производства, в которой вводятся машины, и независимо [XXI—1 312] от того, входит ли продукт этой отрасли в потребление рабочих или не входит.

Как только капиталистический способ производства (т. е. реальное подчинение труда капиталу) овладевает земледелием,

горной промышленностью, производством основных видов ткани для одежды, а также транспортом, средствами передвижения, он постепенно завоевывает, по мере того как развивается капитал, и другие сферы, которые либо лишь формально подчинены капиталистическому производству, либо ведутся еще самостоятельными ремесленниками. Такова тенденция капитала. Уже при рассмотрении вопроса о машинах [18] было отмечено, что введение машин в одной отрасли влечет за собой введение их в других отраслях и вместе с тем в других видах производства той же отрасли. Например, машинное прядение привело к машинному ткачеству; машинное прядение в хлопчатобумажной промышленности — к машинному прядению в шерстяной, льняной, шелковой промышленности и т. д. Увеличившееся применение машин в угольных шахтах, на хлопчатобумажных фабриках и т. д. сделало необходимым введение крупного производства в самом машиностроении. Не говоря об увеличении средств сообщения, которых этот способ производства потребовал в крупном масштабе, лишь введение машин в самом машиностроении — особенно первичного двигателя колоссальной мощности и т. д. — со своей стороны сделало возможным введение пароходов, паровозов и железных дорог (в особенности перевернуло все судостроение). Введение крупной промышленности бросает в еще неподчиненные ей отрасли такие массы людей или вызывает в них такое относительно избыточное население, какое требовалось для превращения ремесла или мелкого формально капиталистического предприятия в крупную промышленность, где она в свою очередь проходит различные ступени и вместе с тем постоянно высвобождает капитал. Все это в сущности относится не сюда. Но следует, как это здесь и сделано, указать в нескольких словах на распространение крупной промышленности и на постепенное завоевание ею всех сфер производства. (При строительстве железных дорог — мы имеем в виду строительство *железнодорожных линий* — проявляется лишь форма концентрации капитала, с одной стороны, кооперация рабочих — с другой. Применение самих машин здесь весьма незначительно.)

{*Цена труда. Цена* труда, а не *стоимость* труда, есть верное выражение, если вместо рабочей силы говорится о *самом труде*. То, что *действительно* дает рабочий, есть *определенное количество труда*, так как только в нем проявляет себя или, вернее, существует потребительная стоимость его рабочей силы. И это *количество труда*, труд, измеряемый временем, есть то, что получает капиталист, и то единственное, что его интересует в данной сделке. Поэтому для капиталиста, так же как и для

самого рабочего, заработная плата выступает как *цена самого труда*. И заработная плата является таковой постольку, поскольку денежная сумма, которой оплачивается каждый товар, есть его *цена*. Но цена товара, коль скоро дело идет не о случайном количестве денег, на которое товар обменивается при случайных сделках, есть прежде всего (более развитые формы рыночной цены и т. д. сами могут быть объяснены только так) не что иное, как его *стоимость*, которая *как стоимость*, отделенная от его потребительной стоимости, представлена в *денежной форме;* сама его стоимость выражена в веществе денег. Хотя это и имеет место, тем не менее, как было показано ранее при рассмотрении денег, в *цене* самой по себе заключается возможность несоответствия между *ценой* и *стоимостью*[19]. *Цене* товара не требуется соответствовать его стоимости. *Стоимость товара* есть адекватное выражение этой стоимости. Но так как в *цене* — или в денежной форме стоимости — содержатся два момента: 1) что стоимость товара получает определенное *качественное* выражение, что содержащееся в товаре рабочее время выражено как *всеобщее общественное рабочее время*, т. е. в общей всем товарам, как *стоимостям*, форме, в *мере* стоимостей, в *денежной* форме; 2) что *масса стоимости*, количественное отношение также получило выражение, следовательно, товар выражен в некотором количестве денег *той же самой* величины стоимости, в эквиваленте; — так как это есть, следовательно, выражение стоимости данного товара в потребительной стоимости некоторого другого товара, а не его непосредственное, ничем другим не опосредованное выражение; — так как в *цене* содержится то, что данный товар получает превращенную форму, проделывает процесс отчуждения, сначала идеально, потом реально, — то в этом уже заключается то обстоятельство, что стоимость и цена могут не [XXI—1313] совпадать. Например, если аршин холста стоит 2 шилл. и если его цена равна 1 шилл., то величина его стоимости не выражена в его цене и его цена не является эквивалентом, не является адекватным денежным выражением его стоимости. Тем не менее цена в той мере остается *денежным выражением* последней — *стоимостным выражением* аршина холста, в какой содержащийся в нем труд представлен как всеобщий общественный труд, как *деньги*. Из-за этого несоответствия между ценой и стоимостью можно говорить непосредственно о цене какой-либо вещи, но о ее стоимости говорить непосредственно нельзя. Во всяком случае это относится прежде всего лишь к возможному несоответствию между *величиной стоимости* товара и величиной стоимости, выраженной в его *цене*. Но *цена* может стать также

и *иррациональным* выражением, а именно: денежным выражением вещей, которые *не имеют никакой стоимости,* хотя сама по себе цена представляет собой выражение вещи в виде денег и поэтому *качественно* (если и не обязательно *количественно*) — в виде *стоимости.* Например, ложная присяга может иметь цену, хотя она не имеет никакой стоимости (рассматриваемая экономически; о потребительной стоимости речь здесь не идет). Ибо если деньги представляют собой не что иное, как *превращенную форму* меновой стоимости товара, меновую стоимость, *представленную* как меновая стоимость, то, с другой стороны, они являются определенным количеством товара (золота, серебра или представителя золота и серебра), и все *может* быть обменено на все, первородство на чечевичную похлебку. С *ценой* здесь дело обстоит точно так же, как в алгебре с иррациональным выражением типа $\frac{0}{0}$ и т. д. Дальнейшее исследование обнаруживает, скрывается ли за этим иррациональным выражением какое-либо рациональное отношение или нет, т. е. скрывается ли за ним действительное отношение стоимости или нет. Так как *денежное выражение,* или *цена,* какого-либо товара, какой-либо вещи представляет собой выражение, в котором совершенно стерта потребительная стоимость вещи, а следовательно, и связь, существующая между потребительной стоимостью этого товара и его стоимостью, т. е. содержащимся в нем трудом, получающим в меновой стоимости только лишь *абстрактное выражение,* то абстрагирование от потребительной стоимости или природы вещи может привести затем к абстрагированию от того, выражена ли она, как *стоимость,* в соответствии со своей природой, т. е. является ли она потребительной стоимостью, которая содержит и может содержать овеществленный труд. Вещи, которые не имеют стоимости, могут иметь *цену.* Но если мы спросим теперь дальше, *какое отношение стоимости* лежит в основе этой реально выступающей *цены* труда, или, как выразился бы А. Смит, что является естественной ценой труда [20], то оказывается, что *регулирующая цена* труда определяется *стоимостью рабочей силы* и есть не что иное, как производное выражение последней.

Пусть, например, то количество денег, которое выплачивается в качестве *цены* одного рабочего дня продолжительностью в 12 часов, равно 3 шилл., или 36 пенсам. Если необходимое рабочее время равно 6 часам, то 3 шилл. представляют собой, следовательно, ежедневную стоимость рабочей силы, которая ежедневно используется в течение 12 часов. Та сумма денег, в которой реализуются 6 часов, здесь выражает *цену* одного

рабочего дня продолжительностью в 12 часов, потому что рабочий должен работать 12 часов, чтобы получить денежное выражение шестичасового рабочего времени, и действительно, в обмен за 12 часов он получает только эту *цену*, эту сумму денег. Следовательно, эта *цена* не является выражением стоимости его труда, о которой вообще не может быть речи, а представляет собой выражение стоимости его рабочей силы, которая ежедневно нуждается для своего воспроизводства в шестичасовом труде. Как же теперь эта цена относится к стоимости рабочей силы, а во-вторых, как она относится к ежедневной стоимости, в которой реализуется потребление этой рабочей силы, ежедневный труд; зависит, с одной стороны, от стоимости рабочей силы, а с другой стороны, от ежедневной продолжительности ее потребления, или от продолжительности нормального рабочего дня. Но в *цене* труда это отношение к стоимости рабочей силы, а поэтому и отношение необходимого труда к прибавочному труду совершенно стерты. Если цена рабочего дня продолжительностью в 12 часов равна 3 шилл., то цена 6 часов равна $1^1/_2$ шилл., цена одного часа равна 3 пенсам. Таким образом, все рабочее время представляется оплаченным. Различие между оплаченным и неоплаченным трудом никак не выражено. И в действительности дело представляется так, будто 3 шилл. являются той стоимостью, которую создает двенадцатичасовой труд, хотя они составляют лишь половину этой стоимости, и таким образом возникло выражение *стоимость труда*. Стоимость труда в отличие от *цены труда* здесь означает только то, что Смит называет *естественной ценой* труда, т. е., в отличие от случайных цен труда, его регулирующую цену, определенную *стоимостью рабочей силы*. *Стоимость труда* — это совершенно иррациональное выражение, которое ведет, с одной стороны, к смешению [XXI—1 314] определения стоимости товаров содержащимся в них рабочим временем с определением их стоимости ценой труда; оба эти выражения не имеют абсолютно ничего общего между собой, так как стоимость какого-либо товара определяется совокупным количеством содержащегося в нем рабочего времени, между тем как цена труда выражает лишь уплаченную рабочему часть этого совокупного количества. С другой стороны, выражение стоимость труда ведет у выискавших его экономистов (например, у Рикардо [21]) к весьма беспомощным методам возражения этому противоречию. Однако даже в отдельных случаях на практике обнаруживается это отношение *цены* труда к *стоимости рабочей силы*, как, например, в полемике лондонских строителей и т. д. в 1860 г. и в следующие годы против *введения почасовой оплаты*

вместо поденной [22]. Если, например, рабочий занят только 6 часов и если, согласно вышеприведенному предположению, считают так: 3 шилл. — это цена 12 рабочих часов, следовательно, $1^1/_2$ шилл. — цена 6, а 3 пенса — одного рабочего часа, то рабочий выполнял бы, например, прибавочный труд на $1^1/_2$ шилл. или продолжительностью в 3 часа, в то время как ему не был бы оплачен его необходимый труд — шесть часов. Чтобы выколотить из него 3 часа прибавочного труда, хозяин должен дать ему возможность выполнить 6 часов необходимого труда для него самого. Конечно, эта попытка выколачивать прибавочный труд, не давая рабочему возможности выполнять необходимый труд, долго продолжаться не может. Однако строители, как это видно из их полемических выступлений, очень хорошо почувствовали, что этот метод исчисления сделал бы, по крайней мере для более продолжительных периодов, подобную попытку со стороны хозяев возможной, что, с другой стороны, он означал бы очень ловкий метод понижения средней заработной платы, обесценения рабочей силы. Выраженная в деньгах стоимость рабочей силы есть та цена, которая выплачивается рабочему за целый рабочий день и выступает как непосредственная цена всего рабочего дня, так как хотя купля и продажа этого товара происходят прежде чем выполнен труд, однако оплата происходит только после его выполнения.}

Развитое при рассмотрении относительной прибавочной стоимости положение о том, что стоимость рабочей силы находится в обратном отношении к производительности труда и понижается в той же самой степени, в какой повышается производительность труда [23], есть во всяком случае не что иное, как частное применение общего положения о том, что стоимость товара определяется реализованным в нем количеством труда, или величиной рабочего времени, что его стоимость понижается в том же отношении, в каком он может быть изготовлен меньшим трудом, и что развитие производительной силы труда вообще означает не что иное, как развитие условий, при которых то же самое количество товаров (потребительных стоимостей) может быть произведено уменьшившимся количеством труда; что, следовательно, стоимость товара понижается с развитием производительной силы создающего его труда.

[в)] ПЕРЕХОДНЫЕ ФОРМЫ

{Я говорю здесь не о формах перехода от формального подчинения труда капиталу к его реальному подчинению капиталу и тем самым к специфически капиталистическому способу

производства, а о тех формах, при которых капиталистическое отношение еще не существует формально, при которых, следовательно, труд эксплуатируется капиталом еще до того, как последний разовьется в свою форму производительного капитала, а сам труд приобретет форму наемного труда. Такого рода [переходные] формы существуют в общественных формациях, предшествующих буржуазному способу производства; с другой стороны, эти переходные формы постоянно воспроизводятся внутри самого̀ буржуазного способа производства и отчасти воспроизводятся им самим.

Формы перехода к капиталистическому производству. О таких переходных формах речь может идти только там, где *формально* между действительным производителем и эксплуататором господствует *отношение покупателя и продавца* (или модифицированное отношение должника и заимодавца), вообще там, где содержание сделки между двумя сторонами не обусловлено отношениями рабства и господства, но где они противостоят друг другу как формально свободные лица. Две формы, в которых выступает капитал (подробнее об этом позднее, в III отделе [24]), прежде чем он овладеет непосредственным производственным отношением, станет в этом смысле производительным капиталом и поэтому выступит как господствующее над производством отношение, — это *торговый капитал* и *ростовщический капитал (капитал, приносящий проценты)*. Оба эти вида капитала, которые в рамках капиталистического производства выступают как особые и производные формы капитала, а, с другой стороны, в более ранних формах производства функционируют как единственные и первоначальные формы капитала, могут вступать в такие отношения к реальному производителю, что они выступают либо как допотопные формы капитала, либо — при само̀м капиталистическом способе производства — как переходные формы и отчасти вызываются к жизни капиталистическим способом производства в еще не подчиненных ему способах производства.

[XXI—1 315] Например, в Индии ростовщик (который с самого начала берет от крестьянина в заклад его *будущий урожай,* прежде чем он созрел) авансирует крестьянину деньги, необходимые для того, чтобы вырастить хлопок. Крестьянин должен платить 40—50% в год. Труд здесь еще формально не подчинен капиталу. Последний еще не нанимает крестьянина как рабочего; крестьянин еще не наемный рабочий, так же как и ростовщик, который применяет его труд, еще не промышленный капиталист. Продукт не является собственностью ростовщика, но он находится у него в закладе. Деньги, которые крестьянин

превращает в средство производства, представляют собой, правда, чужую собственность, но он распоряжается ею как своей, так как она дана ему взаймы.

Крестьянин сам себе хозяин, а его способ производства является традиционным способом производства независимого мелкого самостоятельного крестьянина. Он не работает под чужим руководством, на кого-то другого и в подчинении у кого-то другого и, таким образом, не подчинен в качестве наемного рабочего владельцу условий производства. Поэтому последние не противостоят ему как капитал. Таким образом, здесь нет еще даже *формального капиталистического отношения* и тем более специфически капиталистического способа производства. И все-таки ростовщик присваивает себе не только всю прибавочную стоимость, которую создает крестьянин, т. е. весь прибавочный продукт сверх того, что идет на воспроизводство его необходимых жизненных средств. Ростовщик отнимает у него часть последних, так что крестьянин лишь прозябает самым жалким образом. Ростовщик ведет себя как капиталист в той мере, в какой увеличение стоимости его капитала происходит *прямо* путем присвоения чужого труда, но это происходит в форме, которая делает действительного производителя его должником, вместо того чтобы делать его продавцом своего труда капиталисту. Эта форма увеличивает эксплуатацию производителя, доводит ее до крайности, не обеспечивая каким бы то ни было образом вместе с введением капиталистического производства — хотя поначалу еще только формального подчинения труда капиталу — повышения в результате этого производительности труда и перехода к специфически капиталистическому способу производства. Это, напротив, есть форма, которая делает труд бесплодным, ставит его в самые неблагоприятные экономические условия и соединяет капиталистическую эксплуатацию без капиталистического способа производства со способом производства самостоятельных мелких собственников орудий труда, но без преимуществ этого способа производства в пору неразвитого состояния [общества]. Фактически здесь средства производства перестали принадлежать производителю, но *номинально* они ему подчинены, и способ производства сохраняется в виде тех же самых, но только *разрушенных* отношений мелкого самостоятельного хозяйства. То же самое отношение мы находим, например, между римскими патрициями и плебеями, между мелкими крестьянами, владельцами клочка земли, и ростовщиками. И это вместе с тем представляет собой форму, в которой создается капитал евреев в средние века всюду, где они появляются в порах чисто зем-

ледельческих народов в качестве заимодавцев. (*Рабство должника* в отличие от *рабства наемного рабочего*.)

Далее, в Индии, там, где разложился старый общинный строй, вместо этого ссужения денег мы находим предоставление взаймы орудий труда, например, ткацких станков из 50—100%. Это было целиком воспроизведено в *Англии*, например, в той форме, которую приняла домашняя промышленность под воздействием крупной промышленности, например у чулочников и т. д. Масса выброшенного вследствие введения машин населения, лишенного своих средств производства, продолжает эксплуатироваться в этой карикатурной форме домашней промышленности собственником средств производства без превращения этих средств производства в капитал или труда — в наемный труд. То, что здесь выступает в форме *процента*, представляет собой не только *совокупную прибавочную стоимость*, но и часть нормальной заработной платы. Нужно быть таким «критиком», как господин Кэри, чтобы, исходя из подобных отношений, исчислять *процентную ставку* в той или иной стране [25]. (См. приведенные в другой тетради цитаты о *суде по делам казначейства**.) Эта форма может составить *переход* к капиталистическому способу производства. [В то же время] она сама есть побочный продукт капиталистического способа производства.

То, что относится к ростовщическому капиталу, относится также и к *торговому капиталу*. Он также может образовать *переходную форму* к подчинению труда капиталу (сначала формальному). Это имеет место повсюду, где *купец* как таковой играет роль промышленника. Он авансирует сырье. Выступает первоначально как *покупатель* продуктов самостоятельного производства. Однако этот пункт следует развить в следующем разделе [26].

И развить это нужно в следующем разделе лишь постольку, поскольку это есть *переходная форма* к капиталистическому производству и поскольку она на историческом примере показывает отчуждение условий труда как процесс развития капиталистического производства.

Но на базисе капиталистического производства эта форма воспроизводится как *видоизмененная форма, в виде которой капиталистическое производство воспроизводит домашнюю промышленность,* одну из отвратительнейших форм производства, которая исчезает только благодаря введению машин и по сравнению с которой формальное подчинение труда капиталу

* См. настоящий том, стр. 445—446. *Ред.*

[XXI—1316] представляется спасением. Громадное избыточное население, которое порождается крупным производством в земледелии и фабричной системой, здесь эксплуатируется таким способом, который сберегает «капиталисту» часть издержек производства капитала и позволяет ему спекулировать непосредственно на нищете рабочего. Так обстоит дело в условиях сдельной работы — системы, при которой в Лондоне производится часть портняжных, сапожных, швейных работ и т. д. Создаваемая здесь прибавочная стоимость покоится не только на сверхурочном труде и присвоении прибавочного труда, но непосредственно на *вычете из заработной платы,* которая падает намного ниже ее нормального среднего уровня.

К этой системе примыкает система *посредников* и *выжимателей пота.* Собственно «капиталист» раздает *посредникам* определенное количество сырья для обработки, те со своей стороны опять распределяют этот материал среди несчастных обитателей трущоб, опустившихся ниже среднего уровня нормальных, объединенных в тред-юнионы рабочих, и т. д. и т. д. Прибыль этих посредников, которые часто прибегают к другим посредникам, состоит, следовательно, исключительно из разницы между нормальной заработной платой, которую они выплачивают себе, и заработной платой ниже нормального уровня, которую они выдают другим. Как только через посредство этой системы организуется достаточное количество таких рабочих, капиталист № 1 часто непосредственно применяет их на тех же самых условиях, на каких их применяли посредники. Помимо того, здесь ярко проявляется *труд по управлению.* Таким способом наживают громадные состояния (см. приведенный в другой тетради пример со швеями [27]).

«Кроме *нормы заработной платы,* которая является результатом соотношения между спросом и предложением труда, существует *более низкая норма,* которая может быть следствием нужды рабочих. Например, в тех отраслях, где практикуется так называемая «система выжимания пота», подходящий результат в виде основанной на соотношении между спросом и предложением нормы заработной платы представлен суммой, получаемой выжимателем пота» (*T. Dunning.* Trades' Unions and Strikes: their philosophy and intention. London, 1860, стр. 6).

««Выжиматель пота» — это тот, который обязуется выполнить определенную работу за обычную заработную плату, но заставляет произвести эту работу других за более низкую цену; эта *разница,* составляющая его прибыль, получена путем «выжимания пота» из тех, кто выполнил эту работу» (там же, примечание).}

(К предыдущему [28] следует еще добавить цитату о подчинении капиталу различных сфер производства:

«В добрые старые времена, когда «живи и жить давай другим» было общим девизом, каждый человек довольствовался одним занятием. В хлоп-

чатобумажном деле были ткачи, хлопкопрядильщики, белильщики, красильщики и различные другие независимые отрасли; все жили на доход от своего собственного дела, и все, как могло бы быть доказано, были довольны и счастливы. Мало-помалу, однако, когда упадок в делах достиг известных размеров, сначала одна отрасль была захвачена капиталистом, потом другая, до тех пор, пока весь народ не был вытеснен и выброшен на рынок труда добывать жизненные средства любым доступным способом. Таким образом, хотя никакая хартия не обеспечивает этим людям права быть хлопкопрядильщиками, ткачами, набойщиками, отделочниками и т. д., однако ход событий дал им монополию на все... Они сделались мастерами на все руки, и поскольку страна увлечена бизнесом, следует опасаться, что они ни в одном деле не являются мастерами» («Public Economy Concentrated» etc. Carlisle, 1833, стр. 56).

«Одно из двух *должно* было явиться результатом применения машин: либо, чтобы люди могли работать *меньше*, либо, чтобы они могли иметь *больше* жизненных благ. К несчастью, не случилось ни того ни другого. С тех пор как были введены машины, количество жизненных благ для людей уменьшилось; людям пришлось работать вдвое больше, и детский труд был призван на помощь им и даже для того, чтобы дети зарабатывали себе *собственный* хлеб насущный... Еврейский историк по поводу разрушения Иерусалима Титом заметил, что нет ничего удивительного в том, что город подвергся такому необыкновенному опустошению, раз *одна* бесчеловечная мать пожертвовала своим собственным ребенком для утоления мук ужасного голода» (там же, стр. 66).)

[ГЛАВА 6]

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ КАПИТАЛА. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД [29]

[XXI—1 317] Мы видели не только, как капитал производит, но и как его самого производят и как он в качестве существенно измененного отношения возникает из процесса производства, как в этом последнем он получает свое развитие [30]. С одной стороны, капитал видоизменяет способ производства, а с другой стороны, это видоизменение способа производства и эта особая ступень в развитии материальных производительных сил представляют собой основу и условие — предпосылку собственного формирования капитала.

Так как живой труд — в результате обмена между капиталом и рабочим — превращен в составную часть капитала и с первого же момента процесса труда выступает как деятельность, принадлежащая капиталу, то все производительные силы общественного труда принимают вид производительных сил капитала совершенно так же, как всеобщая общественная форма труда выступает в деньгах как свойство вещи. Таким образом, производительная сила общественного труда и его особые формы получают теперь свое выражение в виде производительных сил и форм капитала, *овеществленного* труда, вещественных условий труда, которые в качестве такого обособившегося элемента, будучи персонифицированными в капиталисте, противостоят живому труду. Здесь мы опять сталкиваемся с извращением отношения, выражающимся в том, что̀ мы уже при рассмотрении денег назвали *фетишизмом* [31].

Сам капиталист является властителем лишь в качестве *персонификации капитала*. (В итальянской бухгалтерии эта его роль *капиталиста*, персонифицированного капитала, также

неизменно противопоставляется ему просто как отдельному лицу, фигурирующему всего лишь в качестве частного потребителя и должника своего собственного капитала.)

Производительность капитала, даже если рассматривать всего лишь *формальное* подчинение труда капиталу, состоит прежде всего в *принуждении к прибавочному труду*, к большему количеству труда, чем то, которое необходимо для удовлетворения непосредственных потребностей. Капиталистический способ производства разделяет это принуждение с предшествующими способами производства, но осуществляет его в такой форме, которая в большей степени благоприятствует производству.

Даже если рассматривать это всего лишь формальное отношение — *всеобщую* форму капиталистического производства, которая является общей как для менее развитой его стадии, так и для более развитой, — то *средства производства, вещественные условия труда* — материал труда, средства труда (и жизненные средства) выступают не как подчиненные рабочему; наоборот, рабочий подчинен им. Не он применяет их, а они применяют его. В силу этого они и являются капиталом. Капитал *применяет* труд [32]. По отношению к рабочему они выступают не как средства для производства продуктов, в виде ли непосредственных средств существования или же в виде средств обмена, в виде товаров. Наоборот, рабочий является для них таким средством, благодаря которому они и сохраняют свою стоимость, и используют ее [в качестве капитала], т. е. увеличивают ее, впитывая в себя прибавочный труд.

Уже в своем простом виде это отношение является извращением, олицетворением вещей и овеществлением лиц, ибо эта форма отличается от всех предшествующих тем, что капиталист господствует над рабочим не как носитель того или иного личного качества, а лишь поскольку он представляет собой «капитал». Его господство является лишь господством овеществленного труда над живым, созданного рабочим продукта над самим рабочим.

Это отношение становится, однако, еще более сложным — и кажется еще более мистическим — вследствие того, что с развитием специфически капиталистического способа производства против рабочего выступают и противостоят ему в качестве «капитала» не только эти непосредственно материальные вещи (все это — продукты труда; рассматриваемые со стороны потребительной стоимости, они являются вещественными условиями труда, так же как и его продуктами; по своей меновой стоимости они — овеществленное всеобщее рабочее время, или

деньги), но и формы общественно развитого труда — кооперация, мануфактура (как форма разделения труда), фабрика (как форма общественного труда, имеющая своей материальной основой систему машин) представляют собой *формы развития капитала,* и поэтому производительные силы труда, развившиеся из этих форм общественного труда, а стало быть также наука и силы природы, представляют собой *производительные силы капитала.* И действительно, единство при кооперации, комбинация при разделении труда, применение в системе машин в производственных целях природных сил и науки, так же как и продуктов труда, — все это противостоит отдельно взятым рабочим как нечто *чуждое* им самим и как нечто *вещное,* как всего лишь форма бытия независимых от них и господствующих над ними средств труда, подобно тому как сами эти средства труда, в их простой осязаемой форме, в качестве материала, орудия и т. д., противостоят рабочим как *функции капитала,* а следовательно, и *капиталиста.* Общественные формы собственного труда рабочих, или формы их собственного [XXI—1 318] [33] общественного труда, представляют собой такие отношения, которые образовались совершенно независимо от отдельно взятых рабочих; рабочие, находясь в подчинении у капитала, становятся элементами этих общественных образований, но принадлежат эти общественные образования не им. Поэтому они противостоят рабочим как *образы* самого капитала, как такие комбинации, которые — в отличие от рабочей силы каждого из этих рабочих в отдельности — принадлежат капиталу, возникают из него и включены в его состав. И это принимает все более реальную форму по мере того как, с одной стороны, сама рабочая сила этих рабочих претерпевает под воздействием указанных форм такие видоизменения, что она в своем самостоятельном существовании, т. е. *вне* этой капиталистической связи, становится бессильной, ее самостоятельная способность к производству подрывается; а с другой стороны, с развитием системы машин условия труда все более выступают как силы, господствующие над трудом также и технологически; и в то же время они заменяют труд, угнетают его, делают его излишним в его самостоятельных формах. В этом процессе, в котором *общественные* черты труда рабочих противостоят им как нечто в известном смысле *капитализированное* (как, например, в условиях системы машин осязаемые продукты труда выступают как властители труда), то же самое, естественно, происходит с силами природы и с наукой, этим продуктом всеобщего исторического развития, абстрактно выражающим его квинтэссенцию; силы

природы и наука противостоят рабочим как *силы* капитала. Они действительно отделяются от мастерства отдельного рабочего и его знания дела, и хотя они, если обратиться к их истокам, представляют собой опять-таки продукты труда, однако всюду, где они входят в процесс труда, они выступают как *включенные* в состав капитала. Капиталисту, применяющему какую-либо машину, не требуется разбираться в ее устройстве (см. Юра [34]). Но *в машине* сама реализованная наука противостоит рабочим в качестве *капитала*. И в самом деле, все эти основанные на *общественном труде* применения науки, сил природы и огромных масс продуктов труда выступают только как *средства эксплуатации* труда, как средства присвоения прибавочного труда, а следовательно, как *силы*, принадлежащие капиталу и противостоящие труду. Капитал, конечно, применяет все эти средства лишь для того, чтобы эксплуатировать труд, но для его эксплуатации капитал должен применять эти средства в процессе производства. И таким образом, развитие *общественных* производительных сил труда и условия этого развития выступают как такое *деяние капитала*, к которому не только безучастно относится отдельный рабочий, но которое направлено против него.

Сам капитал имеет двойственный характер, так как он состоит из товаров:

Меновая стоимость (деньги), но *используемая* [в качестве капитала] *стоимость*, такая стоимость, которая — в результате того, что она есть *стоимость*, — создает стоимость, *возрастает* как *стоимость*, получает приращение. Это сводится к обмену некоторого данного количества овеществленного труда на большее количество живого труда.

Потребительная стоимость. Здесь капитал проявляется со стороны тех определенных отношений, которые присущи ему в процессе труда. Но именно здесь капитал не остается всего лишь материалом труда, средством труда, которым принадлежит *труд*, включенный ими в свой состав: вместе с трудом [капитал включил в свой состав] также и *общественные комбинации* труда и соответствующее этим общественным комбинациям развитие средств труда. Капиталистическое производство впервые в крупном масштабе, не будучи связано с отдельными самостоятельными работниками, развивает как предметные, так и субъективные условия процесса труда, но развивает их как господствующие над *отдельным рабочим* и *чуждые* ему силы.

Все это делает *капитал* каким-то весьма мистическим существом.

Исследование *прибыли* [35] отличается от исследования *прибавочной стоимости* между прочим следующим: прибыль, если прибавочный труд остается тем же самым, может увеличиваться благодаря экономному применению *общих* условий труда и благодаря общей экономии в применении этих условий, выражается ли эта экономия, например, в использовании строений, отопления, освещения и т. д.; или в том, что стоимость первичного двигателя повышается не в той же мере, в какой увеличивается его мощность (следовательно, стоимость первичного двигателя для больших фабрик не так велика, как для разрозненных мелких предприятий); или в том, что экономят на цене сырья путем его закупки оптом (пункт, который мы далее совершенно не рассматриваем, так как он предполагает развитие тех отношений, которые не принимаются во внимание здесь, где мы предполагаем в качестве данной *стоимость* товаров, а не рыночные цены); точно так же в том, что экономят на передаточных механизмах при крупных масштабах [производства]; или в том, что отбросы существуют в таком количестве, что эти экскременты производства сами вновь могут стать товарами, пригодными для продажи (или [XXI—1 319] как средства производства могут вновь войти в процесс воспроизводства в той же или в какой-либо иной сфере производства); в том, что уменьшаются административные расходы; в том, что товарные склады для больших масс товаров обходятся не дороже в той же пропорции, а относительно дешевле и т. д., — все эти *относительные* удешевления постоянного капитала, в то время как его абсолютная стоимость и его отношение к переменному капиталу растут, покоятся на том, что условия труда — сырье, так же как и средства труда и т. д. — применяются *совместно,* и это их совместное *применение* {самым главным является здесь концентрация на *небольшом пространстве*} в качестве своей абсолютной предпосылки имеет *совместное* сотрудничество конгломерата рабочих. Этому конгломерату людей соответствует концентрация условий труда, а этой последней — их относительное удешевление. Относительное удешевление постоянного капитала, повышающее прибыль при *данной* прибавочной стоимости {к этому следует еще учесть возмещение транспортных средств, так же как и *средств хранения* товаров, необходимых для производства}, само представляет собой, следовательно, лишь *предметное* выражение *общественной производительной силы труда* и проистекает лишь из общественной комбинации труда. {Помимо же этой экономии в непосредственном процессе производства возможно еще только другое изменение в стоимости постоянного капи-

тала, проистекающее из *удешевления* тех элементов постоянного капитала, которые поставляются ему извне, — *экономия,* которая, следовательно, не является результатом организации процесса труда, куда эти товары входят как элементы; однако она представляет собой результат *другого* процесса труда в *другой* сфере производства.} Но все эти виды экономии представляются *независимыми* от прибавочного труда и прибавочной стоимости, так как эти последние предполагаются по отношению к ним заранее данными. Напротив, то, что рабочий создает больше продукта в течение одного и того же времени, проистекает из кооперации, разделения труда, наконец, из объединения его труда с машинами (силами природы) и из методов его труда (наука). Машина сама по себе (совершенно так же, как химические процессы и т. д.) есть в первую очередь лишь осязаемый продукт комбинации труда головы и руки, но в процессе ее использования она порождает применение комбинированного труда и создает *прибавочную стоимость* лишь в качестве средства эксплуатации на более высоком уровне рабочей силы рабочего и комбинации рабочих.

Наука в качестве всеобщего духовного продукта общественного развития точно так же выступает здесь как нечто непосредственно *включенное в* капитал (а применение ее как науки, отделенной от знаний и умения отдельного рабочего, в процессе материального производства проистекает только из *общественной* формы труда), как силы природы как та́ковые и как природные силы самого̀ *общественного* труда. Всеобщее развитие общества как такового, так как по отношению к труду это развитие эксплуатируется капиталом, действует по отношению к труду как производительная сила капитала, также выступает, следовательно, как *развитие капитала,* причем выступает в тем большей мере, чем более вместе с этим развитием происходит *опустошение рабочей силы,* по крайней мере огромной ее массы.

Материальный результат капиталистического производства — помимо развития производительных сил самого̀ общественного труда, которые выступают здесь лишь как средство эксплуатации труда, — есть увеличение *массы продуктов,* и все эти средства эксплуатации труда представляют собой также средства *увеличения* и *преумножения продуктов,* так как повысившаяся производительность труда выражается в этой увеличившейся массе продуктов. Но если рассматривать капиталистическое производство с этой стороны, то оно представляет собой господство вещи над личностью, ибо создание *потребительных стоимостей* во все увеличивающемся объеме,

улучшающемся качестве, растущем разнообразии — создание *огромного вещественного богатства* — выступает как такая цель, в достижении которой рабочая сила является лишь средством и которая достигается лишь путем ее собственного превращения в *нечто одностороннее и обесчеловеченное.*

Машины.

«Всякое новое применение машин и лошадей связано с ростом продукции и, следовательно, капитала; в какой бы степени этим ни уменьшалось *отношение* части национального капитала, образующей фонд заработной платы, к той части, которая применяется иным образом, имеется тенденция не к уменьшению, а к возрастанию *абсолютной величины* [XXI — 1 320] этого фонда и, следовательно, к возрастанию количества занятых рабочих» («The Westminster Review», январь 1826 г., стр. 123) [36].

«Класс капиталистов, рассматриваемый в целом, находится в нормальном положении в том отношении, что его благосостояние растет вместе с социальным прогрессом» (*Cherbuliez*. Richesse ou pauvreté. Paris, 1841, стр. 75). «Капиталист по преимуществу — человек общественный, он представляет цивилизацию» (там же, стр. 76). «*Производительная сила капитала* есть не что иное, как то количество действительной производительной силы, которым капиталист может распоряжаться благодаря своему капиталу» (*J. St. Mill*. Essays on some Unsettled Questions of Political Economy. London, 1844, стр. 91). «Капитал есть... *коллективная* сила» (*John Wade*. History of the Middle and Working Classes. 3rd edition. London, 1835, стр. 162).

«Капитал есть лишь иное название для цивилизации» (там же, стр. 164).

{*Экономия* на условиях производства всецело покоится на их *совместном использовании* массой рабочих, сосредоточенных в одном месте и сотрудничающих между собой, следовательно, — на этом *общественном* характере их труда. Ибо условия труда в качестве условий труда многих сотрудничающих [рабочих] дешевле, чем разрозненные, повторяющиеся до мелочей условия труда обособленных отдельных работников, или же дешевле в меньшей степени, чем условия комбинированного, но все же парцеллированного труда. Рассмотреть подробнее: 1) экономию на необходимых многим, сообща используемых «субъективных» условиях труда, таких, как строения, отопление, освещение; 2) экономию, вытекающую из концентрации орудий производства, следовательно, экономию на передаточных механизмах; 3) экономию на энергии, приводящей в движение первичные двигатели. Другие способы удешевления постоянного капитала покоятся на изобретениях и относятся к другому роду его удешевления, а именно, к такому удешевлению, которое проистекает не из условий его непосредственного применения, а из развития производи-

тельности труда в тех сферах производства, продуктом которых он является.

Капиталистическое производство не довольствуется, однако, экономией, вытекающей из концентрации рабочих и средств труда. Другого рода экономия проистекает из пренебрежения, с которым относятся к «ничего не стоящему» человеческому материалу; следовательно, из скученности в тесных, плохо проветриваемых помещениях, из такого несоблюдения правил безопасности и удобств, как отсутствие ограждений у опасных машин, недостаточное количество стволов и т. д. в рудниках. Эти положения подтвердить позже несколькими примерами.}

Капитал, таким образом, производителен:

1) как *сила, принуждающая* к прибавочному труду;

2) как сила, поглощающая, присваивающая и персонифицирующая производительные силы общественного труда и всеобщие общественные производительные силы, например науку.

Спрашивается: как или почему труд, противостоящий капиталу, выступает в качестве производительного, выступает как *производительный труд*, хотя производительные силы труда перешли к капиталу и хотя одну и ту же производительную силу нельзя считать дважды, один раз — как производительную силу труда, а другой раз — как производительную силу капитала? {Производительная сила труда — это производительная сила капитала. А *рабочая сила* производительна вследствие *различия* между ее *стоимостью* и *использованием* ее *стоимости* [в качестве капитала].}

Только буржуазная ограниченность, считающая капиталистические формы производства абсолютными его формами, а следовательно, вечными естественными формами производства, может смешивать вопрос о том, что такое *производительный труд* с точки зрения капитала, с вопросом, какой труд вообще является производительным, или что такое производительный труд вообще; только она может поэтому кичиться, как проявлением особой мудрости, своим ответом, гласящим, что всякий труд, производящий вообще что-либо, имеющий что-либо своим результатом, ео ipso * есть уже производительный труд.

Производительным является лишь такой труд, *который прямо превращается в капитал,* т. е. только такой труд, который делает переменный капитал переменной величиной и

* — в силу этого. *Ред.*

поэтому [весь капитал C] равным $C+\Delta$. Если переменный капитал до его обмена на труд равен x, — так что мы имеем уравнение $y = x$, — то производительным трудом является тот труд, который превращает x в $x+h$, а уравнение $y = x$ превращает в $y' = x + h$. Таков первый пункт, требующий выяснения. Труд, создающий прибавочную стоимость, или служащий капиталу фактором образования прибавочной стоимости и, следовательно, проявления себя в качестве капитала, в качестве самовозрастающей стоимости.

Во-вторых: общественные и всеобщие производительные силы труда являются производительными силами капитала; но эти производительные силы касаются только процесса труда или затрагивают только потребительную стоимость. Они выступают как свойства, присущие капиталу в качестве вещи, как его потребительная стоимость. Они не затрагивают непосредственно *меновой стоимости*. Работают ли 100 рабочих вместе или же каждый из них работает в одиночку, стоимость их продукции равна 100 рабочим дням, независимо от того, в большом или малом количестве продуктов представлены эти рабочие дни; другими словами, независимо от производительности труда.

[XXI — 1 321] В одном только отношении различие в производительности труда затрагивает меновую стоимость.

Если, например, производительность труда развивается в какой-нибудь отдельной отрасли труда, если, скажем, производство ткани с помощью механических ткацких станков вместо ручных перестает быть исключением и если при этом для изготовления одного аршина на механическом станке требуется только половина того рабочего времени, которое затрачивается при работе на ручном, то 12 часов труда ручного ткача выражаются уже не в двенадцатичасовой стоимости, а только в шестичасовой, так как *необходимое* рабочее время стало теперь равным 6 часам. 12 часов труда ручного ткача теперь равны уже только 6 часам общественного рабочего времени, несмотря на то что этот ткач по-прежнему работает 12 часов. Но не об этом идет здесь речь. Если мы, напротив, возьмем какую-нибудь другую отрасль производства, например работу наборщика, где машины пока еще не применяются, то 12 часов труда в этой отрасли будут создавать совершенно такое же количество *стоимости*, какое создают 12 часов труда в тех отраслях производства, где машины и т. д. достигли самой высокой степени развития. Стало быть, как созидатель *стоимости* труд всегда остается трудом *отдельного* рабочего, только выраженным в виде *всеобщего* труда.

Поэтому производительный труд — в качестве труда, производящего стоимость, — всегда противостоит капиталу как труд отдельной рабочей силы, как труд *единичного рабочего,* в какие бы общественные комбинации эти рабочие ни вступали в процессе производства. Значит, в то время как противостоящий рабочему капитал представляет общественную производительную силу труда, противостоящий капиталу производительный труд рабочего всегда представляет только труд *единичного рабочего*.

В-третьих: если свойство капитала — принуждать рабочего к прибавочному труду и присваивать себе общественные производительные силы труда — представляется таким свойством, которое присуще капиталу от природы, следовательно, свойством, вытекающим из его потребительной стоимости, то также и наоборот: представляется, будто труду от природы присуще проявлять свои собственные общественные производительные силы как производительные силы капитала, а свой собственный прибавочный продукт — как прибавочную стоимость, как самовозрастание капитала.

Эти три пункта следует теперь развить и вывести отсюда различие между производительным и непроизводительным трудом.

К пункту 1. Производительность капитала состоит в том, что он противопоставляет себе труд как наемный труд, а производительность труда состоит в том, что он противопоставляет себе средства труда как капитал.

Мы видели, что деньги превращаются в капитал, т. е. определенная меновая стоимость превращается в самовозрастающую меновую стоимость, в стоимость плюс прибавочная стоимость, вследствие того, что одна часть этой меновой стоимости превращается в такие товары, которые служат средствами труда (сырье, орудие, — словом, вещественные условия труда), а другая часть используется на покупку рабочей силы. Однако не этот первоначальный обмен денег на рабочую силу, не самый факт покупки этой последней превращает деньги в капитал. Эта покупка превращает применение рабочей силы на определенный срок в составную часть капитала, т. е. делает определенное количество живого труда одной из форм бытия самого капитала, его, так сказать, энтелехией *. В действительном процессе производства живой труд превращается в капитал вследствие того, что этот труд, с одной стороны, воспроизводит заработную плату, следовательно, воспроизводит стоимость переменного

* — деятельностью, действительностью, действенностью. *Ред.*

капитала, а с другой стороны, создает прибавочную стоимость; в результате этого процесса вся [первоначальная] сумма денег превращается в капитал, хотя та ее часть, которая непосредственно функционирует как переменная, затрачивается лишь на заработную плату. Если раньше стоимость равнялась $c + v$, то теперь она равна $c + (v + x)$, или, что то же самое, равна $(c + v) + x$; другими словами: первоначальная сумма денег, первоначальная величина стоимости реализовала себя [в качестве капитала], проявила себя в качестве одновременно и сохраняющейся и увеличивающейся стоимости.

(Необходимо отметить следующее: то обстоятельство, что только *переменная часть* капитала создает его приращение, абсолютно ничего не меняет в том, что посредством этого процесса была реализована [в качестве капитала] совокупная первоначальная стоимость, которая возросла на величину прибавочной стоимости; что, следовательно, совокупная первоначальная сумма денег превратилась в капитал. Ведь первоначальная стоимость равна $c + v$ (постоянный и переменный капитал). В указанном процессе она превращается в $c + (v + x)$; выражение $v + x$ представляет собой воспроизведенную часть, возникшую путем превращения живого труда в овеществленный, превращения, которое обусловлено обменом v на рабочую силу и которое ведет свое начало от этого обмена, т. е. от превращения переменного капитала в заработную плату. Но $c + (v + x) = (c + v)$ (первоначальному капиталу) $+ x$. Кроме того, превращение v в $v + x$, а стало быть, и превращение $(c + v)$ в $(c + v) + x$ могло осуществиться только в результате того, что часть денег превратилась в c. Одна часть денег может превратиться в *переменный* капитал лишь при том условии, что другая часть их превращается в *постоянный капитал*.)

В действительном процессе производства труд *realiter* * превращается в капитал, но это превращение обусловлено первоначальным обменом денег на рабочую силу. Только в результате этого *непосредственного* превращения труда в *овеществленный* труд, принадлежащий не рабочему, а капиталисту, деньги и превращаются в капитал, включая также ту их часть, которая приняла форму средств производства, условий труда. До этого деньги лишь *an sich* ** являются капиталом, все равно, существуют ли они в своей собственной форме или же в виде таких товаров (продуктов), которые по

* — *реально, на самом деле. Ред.*

** — *«в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. Ред.*

своей [натуральной] форме могут служить средствами производства новых товаров.

[XXI — 1 322] Только это определенное *отношение* к труду превращает деньги или товар в капитал, а труд, который посредством этого своего отношения к условиям производства — отношения, которому соответствует определенное отношение в действительном процессе производства, — превращает деньги или товар в капитал, т. е. сохраняет и увеличивает стоимость *овеществленного* труда, противостоящего рабочей силе, обособившегося от нее, является *производительным трудом*. Производительный труд — это лишь сокращенное выражение, обозначающее всю полноту и особый характер того отношения, в котором рабочая сила фигурирует в капиталистическом процессе производства. Но это его отличие от *других* видов труда является в высшей степени важным, так как оно выражает как раз ту определенную форму труда, на которой основан весь капиталистический способ производства и сам капитал.

Итак, *производительный труд* в системе капиталистического производства — это такой труд, который производит для того, кто его применяет, *прибавочную стоимость*, который, иными словами, превращает объективные условия труда в капитал, а их владельца в капиталиста; стало быть, это труд, который производит свой собственный продукт в качестве капитала.

Следовательно, когда мы говорим о *производительном труде*, то мы говорим об *общественно определенном* труде, труде, который включает совершенно определенное отношение между покупателем труда и его продавцом.

И хотя находящиеся в руках покупателя рабочей силы деньги или — в виде товаров — средства производства и жизненные средства для рабочего становятся капиталом только в силу указанного процесса, в котором они и претерпевают это превращение в капитал (и поэтому до их вступления в данный процесс эти вещи еще не капитал, а только должны стать им), тем не менее они *an sich* являются капиталом; они являются им вследствие той самостоятельной формы, в которой они противостоят рабочей силе, а рабочая сила противостоит им — отношение, которое обусловливает и обеспечивает обмен на рабочую силу и последующий процесс действительного превращения труда в капитал. Средствам производства и жизненным средствам в их отношении к рабочим с самого начала присущ тот *определенный общественный характер*, который делает их капиталом и дает им власть над трудом. Поэтому труду они *предпосланы* в качестве капитала.

Производительный труд может быть поэтому определен как такой труд, который прямо обменивается на *деньги как капитал,* или — что является лишь сокращенным выражением того же самого — как труд, обменивающийся непосредственно на *капитал,* т. е. на деньги, которые an sich являются капиталом, которые предназначены функционировать как капитал, другими словами, которые противостоят рабочей силе в качестве *капитала.* Выражение «труд, обменивающийся *непосредственно* на *капитал»,* подразумевает, что труд обменивается на деньги как *капитал* и actu * превращает их в капитал. Какие следствия вытекают из характеристики *«непосредственно»,* это будет сейчас выяснено точнее.

Производительным трудом является, следовательно, тот труд, который для рабочего лишь воспроизводит заранее определенную стоимость его рабочей силы, но вместе с тем как деятельность, созидающая стоимость, он реализует стоимость капитала, иными словами, противопоставляет самому рабочему в качестве капитала созданные этим трудом стоимости.

В обмене между капиталом и трудом следует различать, как мы видели при рассмотрении процесса производства [37], два существенно различных, хотя и обусловливающих друг друга, момента.

Во-первых: первоначальный обмен между трудом и капиталом представляет собой *формальный процесс,* в котором капитал фигурирует как *деньги,* а рабочая сила — как *товар.* В этом первом процессе продажа рабочей силы имеет место идеально, или юридически, несмотря на то что *оплачивается* труд только после того, как он выполнен, к концу дня, недели и т. д. Это ничего не меняет в данной сделке, посредством которой совершается *продажа* рабочей силы. В данном случае *непосредственно* продается не товар, в котором уже реализован труд, а *потребление* самòй *рабочей силы,* стало быть, фактически *самый труд,* так как потребление рабочей силы выражается в ее действии, в труде. Это, следовательно, не обмен труда, опосредованный обменом товаров. Если *A* продает *B* сапоги, то оба они обменивают труд: один обменивает труд, реализованный в сапогах, а другой — в деньгах. Здесь, однако, вступают в обмен, с одной стороны, *овеществленный труд* в его всеобщей общественной форме, т. е. в виде *денег,* а с другой стороны — *труд, существующий* еще только в качестве *способности;* предметом же купли и продажи служит потреб-

* — на деле, действительно. *Ред.*

ление этой способности, т. е. самый труд, хотя *стоимость* продаваемого товара представляет собой не стоимость труда (иррациональное выражение), а *стоимость* рабочей силы. Таким образом, имеет место непосредственный обмен между *овеществленным* трудом и *рабочей силой*, которая de facto * превращается в живой труд, следовательно, — обмен между овеществленным и живым трудом. Поэтому заработная плата — стоимость рабочей силы выражается, как это было развито выше [38], в качестве непосредственной покупной цены, *цены труда*.

В пределах этого первого момента отношение между рабочим и капиталистом есть отношение между продавцом и покупателем товара. Капиталист оплачивает *стоимость* рабочей силы, т. е. *стоимость* покупаемого им товара.

Но в то же время рабочая сила покупается только потому, что то количество труда, которое она может и обязывается выполнить, больше того количества труда, которое требуется для воспроизводства рабочей силы; поэтому выполняемый ею труд и выражается в стоимости большей, чем стоимость рабочей силы.

[XXI—1 323] *Во-вторых:* второй момент *обмена* между капиталом и трудом не имеет на деле ничего общего с первым моментом; строго говоря, он вовсе не является *обменом*.

Для первого момента характерен обмен денег на товар — обмен эквивалентов, а рабочий и капиталист противостоят здесь друг другу только как товаровладельцы. Происходит обмен эквивалентов (это означает, что в данном отношении ничто не меняется от того, *когда* именно фактически осуществляется обмен и стоит ли цена труда *выше*, или *ниже стоимости* рабочей силы, или же *равна* ей; ничто не меняется в данной сделке. Она *может*, следовательно, осуществляться в соответствии с общим законом товарного обмена). Для второго момента характерно то, что здесь совсем нет обмена. Владелец денег перестал быть покупателем товара, а рабочий перестал быть его продавцом. Владелец денег функционирует теперь как капиталист. Он потребляет купленный им товар, а доставляет этот товар рабочий, так как потребление его рабочей силы есть сам его труд. В результате предшествующей сделки *труд* сам стал частью вещественного богатства. Рабочий выполняет этот труд, но *принадлежит* его труд капиталу, являясь отныне лишь функцией капитала. Поэтому он совершается под непосредственным контролем и управлением

* — на самом деле, фактически. *Ред.*

капитала, а продукт, в котором этот труд овеществляется, представляет собой ту новую форму, в которой выступает капитал, или, точнее, в которой он actu * *осуществляет* себя в качестве капитала. Вот почему в этом процессе труд прямым образом *овеществляется, непосредственно* превращается в капитал, после того как в результате первой сделки труд *формально* уже превращен в составную часть капитала. При этом количество труда, превратившееся здесь в капитал, *превышает* то количество капитала, которое прежде было затрачено на покупку рабочей силы. В рассматриваемом процессе присваивается определенное количество неоплаченного труда, и только вследствие этого деньги превращаются в капитал.

Но хотя здесь в действительности и нет обмена, однако, отвлекаясь от посредствующих звеньев, результатом этого процесса, охватывающего оба момента, является то, что определенное количество овеществленного труда обменялось на большее количество живого труда. В итоге всего процесса это получает следующее выражение: труд, увеличившийся в своем продукте, больше того труда, который овеществлен в рабочей силе, и поэтому больше того овеществленного труда, который выплачивается рабочему; иными словами, в действительном процессе капиталист не только получает обратно ту часть капитала, которую он израсходовал на заработную плату, но получает еще и прибавочную стоимость, которая ничего ему не стоит. *Непосредственный* обмен между трудом и капиталом означает здесь: 1) непосредственное превращение в процессе производства труда в капитал, в вещественную составную часть капитала; 2) обмен определенного количества овеществленного труда на такое же количество живого труда плюс добавочное количество живого труда, которое присваивается *без обмена.*

Утверждение, что *производительным трудом* является такой труд, который *непосредственно* обменивается на *капитал,* охватывает все указанные моменты и представляет собой лишь производную формулировку того положения, что *это — труд,* превращающий деньги в капитал, обменивающийся на условия производства как на *капитал;* следовательно, к этим условиям производства, фигурирующим здесь не просто лишь как условия производства, труд вступает в определенное отношение отнюдь не как просто *труд,* лишенный специфического общественного характера.

* — на деле, действительно. *Ред.*

Это заключает в себе: 1) взаимоотношение между деньгами и рабочей силой как товарами, куплю и продажу, происходящую между владельцем денег и владельцем рабочей силы; 2) прямое подчинение труда капиталу; 3) реальное превращение труда в капитал в процессе производства, или, что одно и то же, создание прибавочной стоимости для капитала. Происходит *двоякого рода обмен между трудом и капиталом*. Первый обмен выражает только покупку рабочей силы и, стало быть, actu * — покупку труда, а потому и его продукта. Второй обмен есть прямое превращение *живого* труда в капитал, или овеществление живого труда как осуществление капитала.

Результатом капиталистического процесса производства является не просто продукт (потребительная стоимость) и не *товар*, т. е. потребительная стоимость, имеющая определенную меновую стоимость. Его результат, его продукт, состоит в создании *прибавочной стоимости* для капитала, а потому — в действительном *превращении* денег или товара в капитал, каковым они являются до процесса производства лишь по общей направленности, an sich **, по своему назначению. Процесс производства поглощает большее количество труда, чем то, которое куплено. Это поглощение, [XXI—1 324] это *присвоение* чужого неоплаченного труда, совершающееся в процессе производства, является *непосредственной целью* процесса капиталистического производства, ибо в задачи капитала как такового (а стало быть, и капиталиста как такового) не входит ни производство потребительных стоимостей, непосредственно предназначенных для собственного потребления, ни производство товаров для последующего превращения их в деньги, а затем — в потребительные стоимости. Цель капиталистического производства — *обогащение, использование стоимости* [в качестве капитала], ее *увеличение*, следовательно, сохранение прежней стоимости и создание прибавочной стоимости. И этот *специфический продукт* процесса капиталистического производства достается капиталу только в результате обмена на труд, называемый поэтому *производительным трудом*.

Для того чтобы производить *товар*, труд должен быть полезным трудом, должен производить какую-нибудь *потребительную стоимость*, выражать себя в какой-нибудь *потребительной стоимости*. И только труд, выражающий себя в *товаре*, следовательно, в потребительных стоимостях,

* — на деле, действительно. *Ред.*

** — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

является поэтому таким трудом, который обменивается на капитал. Такова сама собой разумеющаяся предпосылка. Однако не этот конкретный характер труда, не его потребительная стоимость как таковая, не то, следовательно, что он является, например, трудом портного, сапожника, прядильщика, ткача и т. д., составляет его специфическую потребительную стоимость для капитала и поэтому налагает на него в системе капиталистического производства печать *производительного труда*. Его *специфическую потребительную стоимость* для капитала образует не его определенный полезный характер, так же как и не особые полезные свойства того продукта, в котором он овеществляется, а его характер как элемента, созидающего меновую стоимость, его характер абстрактного труда; причем дело не в том, что он представляет вообще определенное количество этого всеобщего труда, а в том, что он представляет *большее* количество абстрактного труда, чем то, которое *содержится* в его цене, т. е. в *стоимости рабочей силы*. Для капитала потребительная стоимость рабочей силы заключается именно в избытке того количества труда, которое доставляется рабочей силой, над тем количеством труда, которое овеществлено в ней самой и которое требуется поэтому для ее воспроизводства. Труд доставляется, конечно, *в той определенной форме*, которая присуща ему как особому полезному труду — как прядению, ткачеству и т. д. Но этот конкретный характер труда, который вообще делает его способным выражать себя в товаре, не составляет его *специфическую потребительную стоимость* для капитала. Для капитала эта специфическая потребительная стоимость труда состоит в его качестве как труда вообще и в избытке количества выполняемого труда *над* тем его количеством, которое составляет его оплату.

Определенная сумма денег x становится капиталом в силу того, что в своем продукте она выражается как $x + h$, т. е. в силу того, что то количество труда, которое содержится в ней как продукте, больше того количества труда, которое содержалось в ней первоначально. И это есть результат обмена между деньгами и производительным трудом; иными словами, только тот труд является *производительным*, который, обмениваясь на овеществленный труд, дает ему возможность выразить себя в возросшем количестве овеществленного труда.

Поэтому-то процесс капиталистического производства не является просто производством товаров. Это — процесс, поглощающий неоплаченный труд, процесс, делающий средства производства — материалы и средства труда — средствами поглощения неоплаченного труда.

Из всего вышеизложенного следует, что быть *производительным трудом* — это такое определение труда, которое непосредственно не имеет абсолютно ничего общего с *определенным содержанием* труда, с его особой полезностью или с той специфической потребительной стоимостью, в которой он выражается.

Один и тот же вид труда может быть как *производительным*, так и *непроизводительным*.

Например, Мильтон, написавший «Потерянный рай» и получивший за него 5 ф. ст., был *непроизводительным работником*. Напротив, писатель, работающий для своего книготорговца на фабричный манер, является *производительным работником*. Мильтон создавал «Потерянный рай» по той же причине, по какой шелковичный червь производит шелк. Это было действенное проявление *его* натуры. Потом он продал свое произведение за 5 ф. ст. А лейпцигский литератор-пролетарий, фабрикующий книги (например, руководства по политической экономии) по указке своего книготорговца, является *производительным работником*, так как его производство с самого начала подчинено капиталу и совершается только для увеличения стоимости этого капитала. Певица, продающая свое пение на свой страх и риск, — *непроизводительный работник*. Но та же самая певица, приглашенная антрепренером, который заставляет ее петь, для того чтобы «делать деньги», — *производительный работник*, ибо она производит капитал.

[XXI—1 325] Здесь возникают различные вопросы, которые нельзя смешивать.

Покупаю ли я брюки или же покупаю сукно и приглашаю на дом портного, оплачивая ему его *услугу* (т. е. его портняжную работу), состоящую в превращении этого сукна в брюки, для меня совершенно безразлично, поскольку для меня имеют значение только брюки. Вместо того чтобы приглашать портного на дом, я покупаю брюки у торговца мужским платьем, так как первый способ дороже, ведь брюки сто́ят меньше труда, следовательно, обходятся дешевле, если их производит портной-капиталист, чем если их производит портной у меня на дому. Но в обоих случаях я превращаю деньги, на которые покупаю брюки, не в капитал, а в брюки, и в обоих случаях дело заключается для меня в том, чтобы употребить деньги просто как средство обращения, т. е. превратить их в данную определенную потребительную стоимость. Таким образом, здесь деньги функционируют не в качестве капитала, несмотря на то что в одном случае они обмениваются на *товар*, в другом же

случае покупают самый *труд* как *товар*. Они функционируют только как деньги, а более определенно — как средство обращения. С другой стороны, [работающий на дому] портной не является *производительным рабочим*, хотя его труд доставляет мне продукт, брюки, а ему — цену его труда, деньги. Возможно, что количество труда, доставляемое этим портным, превышает то количество труда, которое заключается в получаемой им от меня плате; это даже весьма вероятно, так как цена его труда определяется ценой, получаемой теми портными, которые являются *производительными* рабочими. Но для меня это абсолютно безразлично. Раз цена установлена, то мне совершенно все равно, работает ли этот портной 8 или 10 часов. Для меня имеет значение только *потребительная стоимость*, брюки, причем — независимо от того, приобретаю ли я их первым или вторым способом, — я заинтересован, конечно, в том, чтобы заплатить за них как можно меньше, но в этом я одинаково заинтересован как в первом, так и во втором случае; иными словами, *уплаченная мною цена* в обоих случаях не должна быть выше *нормальной*. Это — *расход* на мое потребление; не прирост моих денег, а, наоборот, их убыль. Это — отнюдь не средство обогащения, как и вообще ни одна затрата денег для моего *личного потребления* не является средством обогащения. Какой-нибудь *«ученый»*, из персонажей Поль де Кока [39], пожалуй, скажет мне, что без этой покупки, так же как и без покупки хлеба, я не могу жить, а стало быть, не могу и *обогащаться;* что эта покупка является, таким образом, косвенным средством — или по крайней мере условием — моего обогащения. На том же основании можно было бы считать мое кровообращение и процесс моего дыхания условиями моего обогащения. Однако ни мое кровообращение, ни процесс моего дыхания сами по себе меня нисколько не обогащают, напротив, и то и другое предполагает наличие дорогостоящего обмена веществ, и если бы этот последний не был необходим, то на свете не было бы и бедняков. Просто *непосредственный* обмен денег на труд не превращает поэтому деньги в капитал, или труд — в производительный труд. Что же является наиболее характерным в этом обмене? Чем отличается он от обмена денег на производительный труд? С одной стороны, тем, что *деньги* расходуются в данном случае *как деньги*, как самостоятельная форма меновой стоимости, которая должна быть превращена в какую-нибудь *потребительную стоимость*, в жизненные средства, в предмет личного потребления. Деньги, следовательно, не становятся здесь капиталом, наоборот, они перестают существовать в качестве

меновой стоимости, чтобы быть истраченными, потребленными в качестве потребительной стоимости. С другой стороны, труд интересует меня здесь только как потребительная стоимость, как *услуга*, благодаря которой сукно превращается в брюки, как такая услуга, которую труд оказывает мне вследствие присущего ему определенного полезного характера. Напротив, та услуга, которую этот же портной оказывает нанявшему его портному-капиталисту, состоит вовсе не в том, что он превращает сукно в брюки, а в том, что овеществленное в брюках необходимое рабочее время равно 12 часам, получаемая же портным-рабочим заработная плата равна 6 часам. Услуга, которую он оказывает капиталисту, состоит, стало быть, в том, что 6 часов он работает даром. То, что это совершается в форме шитья брюк, лишь *скрывает* действительное отношение. Поэтому при первой же возможности портной-капиталист старается превратить брюки обратно в деньги, т. е. в такую форму, в которой совершенно исчез определенный характер портняжного труда, а оказанная услуга получает свое выражение в том, что вместо рабочего времени в 6 часов, [XXI—1 326] выраженного в определенной сумме денег, налицо рабочее время в 12 часов, выраженное в сумме денег вдвое большей.

Я покупаю портняжный труд ради той услуги, которую он оказывает в качестве *портняжного труда*, удовлетворяя мою потребность в одежде, обслуживая, следовательно, одну из моих *потребностей*. Портной-капиталист покупает его как средство, позволяющее из одного талера сделать два. Я покупаю портняжный труд потому, что он производит определенную потребительную стоимость, оказывает определенную услугу. Капиталист покупает этот труд потому, что последний приносит ему больше меновой стоимости, чем сто̀ит сам, потому, что он представляет собой всего лишь средство обмена меньшего количества труда на большее его количество.

В тех случаях, когда деньги непосредственно обмениваются на труд, который не производит капитала, стало быть, представляет собой *непроизводительный* труд, этот труд покупается как *услуга*. Это выражение означает вообще не что иное, как ту особую потребительную стоимость, которую доставляет этот труд подобно всякому другому товару; но особая потребительная стоимость труда получила это специфическое выражение потому, что труд оказывает услуги не в качестве *вещи*, а в качестве *деятельности*, что, однако, нисколько не отличает его, скажем, от какой-нибудь машины, например от часов. Do ut facias, facio ut facias, facio ut des, do ut des [40] являются

здесь совершенно равнозначными формами одного и того же отношения, в то время как в капиталистическом производстве форма do ut facias выражает весьма специфическое отношение между отдаваемой стоимостью, имеющей вещную форму, и присваиваемой живой деятельностью. Так как, следовательно, в этой покупке *услуг* совершенно не содержится специфическое отношение между трудом и капиталом, — оно либо полностью изгладилось, либо вовсе отсутствовало, — то покупка услуг, естественно, является для Сэя, Бастиа и всей их компании излюбленной формой выражения *отношения между капиталом и трудом* [41].

Как регулируется *стоимость* этих услуг и как сама эта *стоимость* определяется законами заработной платы, это вопрос, который не имеет ничего общего с исследованием изучаемого нами здесь отношения и подлежит рассмотрению в главе о заработной плате.

Из сказанного вытекает, что один лишь обмен денег на труд еще не превращает этот последний в *производительный труд* и что, с другой стороны, *содержание* этого труда, при первом подходе к вопросу, есть нечто безразличное.

Рабочий сам может покупать труд, т. е. товары, доставляемые в форме услуг, и расходование его заработной платы на такие услуги ничем не отличается от расходования ее на покупку каких бы то ни было других товаров. Услуги, покупаемые рабочим, могут быть более необходимыми или менее необходимыми; он может купить, например, услугу врача или услугу попа, совершенно так же, как он может купить себе хлеб или водку. Как покупатель, т. е. как представитель денег, противостоящих товару, рабочий принадлежит к той же самой категории, к которой капиталист принадлежит в тех случаях, когда он выступает только в качестве покупателя, т. е. когда дело сводится только к тому, чтобы перевести деньги в форму товара. Как определяется цена этих услуг и каково ее отношение к заработной плате в собственном смысле слова, в какой мере она регулируется законами заработной платы, а в какой нет, — все эти вопросы подлежат рассмотрению в исследовании о заработной плате и к настоящему исследованию совершенно не относятся.

Если, таким образом, один лишь обмен денег на труд еще не превращает этот последний в *производительный труд*, или, что то же самое, не превращает деньги в капитал, то и *содержание* труда, его конкретный характер, его особая полезность выступают, при первом подходе к вопросу, как нечто безразличное; выше мы видели, что один и тот же труд того же

портного в одном случае выступает как производительный труд, а в другом — как непроизводительный.

Известного рода *услуги*, иными словами, *потребительные стоимости* — результаты известных видов деятельности или труда — воплощаются в *товарах*, другие же услуги, напротив, не оставляют осязательного результата, *существующего отдельно* от самого исполнителя; иначе говоря, их результат не является *пригодным для продажи товаром*. Например, услуга, оказываемая мне певцом, удовлетворяет мою эстетическую потребность, но то, чем я наслаждаюсь, существует только в виде деятельности, неотделимой от самого певца, и как только прекращается его труд, его пение, прекращается и испытываемое мной наслаждение; я наслаждаюсь самой деятельностью, ее воздействием на мой слух. Сами по себе эти услуги, подобно покупаемым мной товарам, могут быть необходимыми или же только казаться таковыми — например, услуги солдата, или врача, или адвоката, — либо же они могут быть такими услугами, которые доставляют мне наслаждение. Но от этого нисколько не меняется их экономический характер. Если я здоров и не нуждаюсь в помощи врача или если я, к счастью, не должен вести никаких судебных процессов, то я буду избегать, как чумы, траты денег на услуги врачей или юристов.

[XXI—1 328] [42] *Услуги* могут быть также и навязанными: *услуги чиновников* и т. п.

Если я покупаю услугу учителя — или другие покупают ее для меня — не для того, чтобы развить мои способности, а для того, чтобы иметь возможность зарабатывать деньги, и если я при этом действительно что-нибудь усваиваю, — что само по себе нисколько не зависит от оплаты этой услуги, — то издержки на это обучение, точно так же как и издержки на мое содержание, входят в издержки производства моей рабочей силы. Но особая полезность этой услуги нисколько не *меняет* данного *экономического отношения*, и оно не является таким отношением, при котором деньги превращались бы мной в капитал или посредством которого исполнитель услуги, учитель, превратил бы меня в *своего капиталиста*, в своего хозяина. И вследствие этого для *экономического характера* данного отношения совершенно безразлично, излечивает ли меня врач, успешно ли обучает меня учитель, выигрывает ли мое дело адвокат. Здесь оплачивается услуга как таковая, но по самой ее природе ее результат не может быть гарантирован исполнителем. Оплата значительной части *услуг* принадлежит к *издержкам потребления* товаров, как, например, услуги кухарки, горничной и т. д.

Характерным для всех видов *непроизводительного труда* является то, что я могу пользоваться ими, — как это имеет место и при покупке всех остальных товаров с целью потребления, — только в той мере, в какой я эксплуатирую *производительных рабочих*. Поэтому *производительный рабочий* по сравнению с другими в наименьшей степени располагает *услугами* непроизводительных работников, хотя ему и приходится больше всех платить за *навязанные* ему услуги (государство, налоги). Наоборот, моя способность распоряжаться *производительными рабочими* отнюдь не увеличивается пропорционально тому, в какой мере я применяю *непроизводительных работников;* напротив, она в той же пропорции уменьшается.

Даже *производительные рабочие* могут быть по отношению ко мне *непроизводительными работниками*. Если я, например, оклеиваю комнаты своего дома обоями, причем обойщики являются наемными рабочими предпринимателя, продающего мне исполнение этой работы, то для меня дело обстоит точно так же, как если бы я купил дом с уже наклеенными обоями, затратил бы деньги на товар, служащий мне предметом потребления. Но для предпринимателя, заставляющего этих рабочих оклеивать комнаты обоями, они являются производительными рабочими, так как производят для него прибавочную стоимость.

Но как же тогда обстоит дело с самостоятельными ремесленниками или крестьянами, которые не применяют рабочих и производят, стало быть, не как капиталисты? Они, — что является типичным для крестьянина {но не относится, скажем, к садовнику, которого я нанимаю лично для себя}, — могут быть *товаропроизводителями*, и я покупаю у них *товар*, причем дело нисколько не меняется, например, от того, что ремесленник изготовляет свой товар по заказу, а крестьянин поставляет свой товар в меру имеющихся у него средств. В данном случае они выступают по отношению ко мне в качестве продавцов товаров, а не в качестве продавцов труда, и, стало быть, это отношение не имеет ничего общего с обменом между капиталом и трудом, а следовательно, сюда неприменимо различение между *производительным и непроизводительным трудом* — различение, которое как раз основано на том, обменивается ли труд на деньги как таковые или же он обменивается на деньги как капитал. Поэтому крестьяне и ремесленники не принадлежат ни к категории *производительных рабочих*, ни к категории *непроизводительных работников*, хотя и являются товаропроизводителями. Но их производство не подчинено капиталистическому способу производства. Возможно, что эти производители, работающие с помощью собственных средств

производства, не только воспроизводят свою рабочую силу, но и создают прибавочную стоимость, причем их положение позволяет им присваивать себе свой собственный прибавочный труд или же часть его (так как остальная часть отбирается у них в форме налогов и т. д.). И тут перед нами выступает одна особенность, характерная для такого общества, в котором определенный способ производства является преобладающим, хотя еще не все производственные отношения данного общества ему подчинены. Так, в феодальном обществе приобрели феодальный облик также и такие отношения, которые весьма далеки от существа феодализма (лучше всего можно изучать это на примере Англии, потому что феодальная система была перенесена туда из Нормандии в готовом виде и ее форма наложила свой отпечаток на существовавший в Англии общественный уклад, отличавшийся от нее во многих отношениях), например, чисто денежные отношения — там, где дело вовсе не идет о взаимных личных услугах сюзерена и вассала. Примером может служить также фикция, состоящая в том, что мелкий крестьянин владеет своим участком земли на правах лена. Точно так же обстоит дело при капиталистическом способе производства. Независимый крестьянин или ремесленник раздваивается *. В качестве владельца средств производства он является капиталистом, в качестве работника — своим собственным наемным рабочим. Таким образом, как капиталист он уплачивает самому себе заработную плату и извлекает свою прибыль из своего капитала, т. е. эксплуатирует самого себя как наемного рабочего и в виде прибавочной стоимости платит себе самому ту дань, которую труд вынужден отдавать капиталу. Быть может, он в качестве земельного собственника уплачивает себе еще и некоторую третью часть (ренту), подобно тому как — мы в дальнейшем увидим это [43] — промышленный капиталист, применяющий свой собственный [XXI—1329] капитал, уплачивает себе самому процент и притом считает, что это причитается ему не как промышленному капиталисту, а как просто капиталисту. *Определенный общественный характер* средств производства в капиталистическом производстве — в результате чего они выражают определенное *производственное отношение* — в такой мере сросся с материальным бытием этих средств производства как таковых, а в представлении буржуазного общества в такой степени неотделим от этого материального бытия, что указанный общественный характер

* «На мелких предприятиях... *предприниматель* часто является своим *собственным рабочим*» (*Storch*. Cours d'économie politique. T. I, стр. 242. *Петербургское издание*).

(выражаемый как определенная категория) приписывается даже таким отношениям, которые прямо противоречат ему. Средства производства становятся капиталом лишь постольку, поскольку они, обособившись, выступают против труда как самостоятельная сила. В рассматриваемом же случае производитель, работник, является владельцем своих средств производства, их собственником. Стало быть, они — не капитал, а работник ни в какой мере не противостоит им как наемный рабочий. Тем не менее они рассматриваются как капитал, а сам работник раздваивается; выходит, что *он* в качестве капиталиста применяет самого себя как наемного рабочего. Такой способ представления, каким бы иррациональным он ни казался на первый взгляд, есть на деле все же нечто правильное, а именно: в рассматриваемом случае производитель создает, правда, свою собственную прибавочную стоимость {предполагается, что он продает свой товар по его стоимости}, иными словами, во всем продукте овеществлен только его собственный труд. Однако тем, что он может присваивать *самому себе* весь продукт своего собственного труда, что третьим лицом, *хозяином,* не присваивается избыток стоимости продукта его труда в течение, скажем, одного дня над средней ценой [44], он обязан не своему труду, который ничем не отличает его от других рабочих, а только своей собственности на средства производства. Значит, только благодаря собственности на средства производства он обладает своим собственным прибавочным трудом, и в этом смысле он относится как свой собственный капиталист к самому себе как к наемному рабочему. *Разъединение* выступает в нынешнем обществе как нормальное отношение. Поэтому там, где это разъединение не имеет места в действительности, оно предполагается, и, как только что было показано, это в известном смысле правильно, ибо (в отличие, например, от общественных отношений Древнего Рима, Норвегии, а также Америки — на северо-западе Соединенных Штатов) *соединение* фигурирует здесь как нечто случайное, а *разъединение* — как нечто нормальное, и потому разъединение кладется в основу как определенное отношение даже там, где в одном лице соединяются различные функции. Здесь совершенно разительно обнаруживается тот факт, что капиталист как таковой есть лишь функция капитала, а рабочий — функция рабочей силы. К тому же законом является то, что в процессе экономического развития эти функции разделяются между различными лицами и что ремесленник или крестьянин, производящий при помощи своих собственных средств производства, либо мало-помалу превращается в мелкого капита-

листа, фактически эксплуатирующего чужой труд, либо лишается своих средств производства {чаще всего бывает последнее, даже если он и остается их *номинальным* собственником, как, например, при ипотечной задолженности} и превращается в наемного рабочего. Такова тенденция развития в той форме общества, в которой преобладает капиталистический способ производства. При рассмотрении существенных отношений капиталистического производства можно, таким образом, допустить {так как это все в большей степени и происходит, представляет собой принципиальную цель, и так как только в этом случае производительные силы труда развиваются до наивысшего уровня}, что весь мир товаров, все сферы материального производства — производства материального богатства — подчинены (формально или реально) капиталистическому способу производства. При этом предположении, которое выражает предел [указанного процесса], которое, следовательно, постоянно все более приближается к тому, чтобы стать точным воплощением действительности, все рабочие, занятые в производстве товаров, являются наемными рабочими, а средства производства противостоят им во всех этих сферах как капитал. Согласно этому, можно признать характерным для *производительных рабочих*, т. е. для рабочих, производящих капитал, то, что их труд реализуется в *товарах*, в материальном богатстве. И таким образом *производительный труд*, — помимо своей имеющей решающее значение характеристики, которая относится совершенно безразлично к *содержанию труда* и которая от этого содержания не зависит, — получил бы отличающуюся от нее вторую, дополнительную характеристику.

В нематериальном производстве, даже если оно ведется исключительно для обмена, следовательно, производит *товары*, возможны два случая: 1) оно имеет своим результатом *товары*, потребительные стоимости, обладающие самостоятельной формой, обособленной от производителя и потребителя, способные, следовательно, сохранять свое существование в промежутке времени между производством и потреблением, способные обращаться в течение этого времени как *пригодные для продажи товары;* таковы, например, книги, картины, короче говоря, все произведения искусства, существующие отдельно от творческой деятельности создающего их художника. Здесь капиталистическое производство применимо только в очень ограниченном масштабе, например, в том случае, когда какой-нибудь литератор эксплуатирует при создании какого-нибудь коллективного произведения, скажем, энциклопедии, многих других авторов в качестве подсобных работников. [XXI—1 330]

В большинстве случаев здесь дело ограничивается *переходной* к капиталистическому производству *формой*, заключающейся в том, что люди, занятые различными видами научного или художественного производства, ремесленники или профессионалы, работают на совокупный торговый капитал книготорговцев, — отношение, не имеющее ничего общего с капиталистическим способом производства в собственном смысле слова и еще не подчиненное ему даже формально. То, что именно в этих переходных формах эксплуатация труда достигает наивысшей степени, нисколько не меняет существа дела; 2) производимый продукт неотделим от акта производства, как это имеет место у всех деятелей исполнительского искусства: чтецов, актеров, учителей, врачей, попов и т. д. Также и здесь капиталистический способ производства находит себе применение только в небольшом объеме, и по самой природе вещей он может здесь применяться только в некоторых сферах. Например, учителя могут быть в учебных заведениях простыми наемными работниками для предпринимателя, владельца учебного заведения; подобного рода фабрики для обучения весьма многочисленны в Англии. Хотя по отношению к своим ученикам эти учителя вовсе не являются *производительными работниками*, но они являются таковыми по отношению к нанявшему их предпринимателю. Последний обменивает свой капитал на их рабочую силу и обогащается путем этого процесса. Таким же путем обогащаются и антрепренеры театров, увеселительных заведений и т. д. По отношению к публике актер выступает здесь как художник, но для своего предпринимателя он — *производительный работник*. Все эти проявления капиталистического производства в данной области столь незначительны по сравнению со всем совокупным производством, что они могут быть оставлены совершенно без внимания.

С развитием специфически капиталистического способа производства, при котором значительное число рабочих сообща производит один и тот же товар, должно быть, разумеется, весьма различным то отношение, которое непосредственно существует между их трудом и предметом производства. Например, упомянутые ранее подсобные рабочие на фабрике [45] не имеют прямого отношения к обработке сырья. Рабочие, являющиеся надсмотрщиками над теми, кто непосредственно имеет дело с этой обработкой, стоят от нее еще на шаг дальше. Отношение инженера [к предмету производства] опять-таки другое, и работает он преимущественно только головой и т. д. Но *совокупность всех этих работников*, обладающих рабочей силой различной стоимости (хотя в своей массе применяемый

труд находится примерно на одном и том же уровне), производит такой результат, который, если рассматривать *результат* просто процесса труда, получает свое выражение в *товаре* или в каком-нибудь *материальном продукте.* Все эти работники вместе, в качестве одного производственного коллектива, представляют собой живую машину для производства этих *продуктов,* подобно тому как они, если рассматривать совокупный процесс производства в целом, обменивают свой труд на капитал и воспроизводят деньги капиталиста как капитал, т. е. в качестве используемой [как капитал], увеличивающейся стоимости. Характерную черту капиталистического способа производства составляет как раз то, что он отделяет друг от друга различные виды труда, а, стало быть, также умственный и физический труд или же те виды труда, в которых преобладает та или другая сторона, и распределяет их между различными людьми. Это, однако, не мешает тому, что материальный продукт является *совместным продуктом труда* этих людей, или что их совместный продукт овеществляется в материальном богатстве; с другой стороны, это нисколько не мешает тому или совершенно ничего не меняет в том, что отношение каждого из этих людей в отдельности к капиталу представляет собой отношение к капиталу наемного работника и в этом особом смысле — отношение *производительного работника.* Все эти люди не только *непосредственно* заняты в производстве материального богатства, но и обменивают свой труд *непосредственно* на деньги в качестве капитала и поэтому помимо воспроизводства своей заработной платы непосредственно создают еще прибавочную стоимость для капиталиста. Их труд состоит из оплаченного труда плюс неоплаченный прибавочный труд.

Кроме добывающей промышленности, земледелия и обрабатывающей промышленности существует еще четвертая сфера материального производства, которая в своем развитии тоже проходит различные ступени ремесленного, мануфактурного и машинного производства. Это — *транспортная индустрия,* все равно, перевозит ли она людей или товары. Отношение *производительного труда,* т. е. наемного рабочего, к капиталу здесь совершенно такое же, как и в других сферах материального производства. Далее, здесь предмет труда подвергается некоторому материальному изменению — *пространственной* перемене, перемене места. Когда речь идет о перевозке людей, то эта перемена места выступает лишь как *услуга,* выполняемая для них предпринимателем. Но отношение между покупателями этой *услуги* и ее продавцами имеет так же мало общего

с отношением производительных рабочих к капиталу, как и отношение между продавцами пряжи и ее покупателями. Если же рассматривать этот процесс по отношению к товарам, то [XXI—1 331] здесь в процессе труда предмет труда, *товар*, действительно претерпевает некоторое изменение. Изменяется его пространственное бытие и тем самым подвергается изменению его потребительная стоимость, так как изменяется пространственное бытие этой последней. Меновая стоимость товара возрастает при этом в размере того количества труда, которое требуется для того, чтобы произвести данное изменение его потребительной стоимости, в размере того количества труда, которое определяется отчасти потреблением постоянного капитала, т. е. количеством овеществленного труда, входящего в товар, а отчасти количеством живого труда, как это имеет место в процессе увеличения стоимости всех других товаров. Как только товар дошел до места своего назначения, эта перемена, которую претерпела его потребительная стоимость, исчезла, и выражается она еще только в повысившейся меновой стоимости товара, в его вздорожании. И хотя реальный труд не оставил при этом никакого следа на потребительной стоимости, тем не менее он реализовался в меновой стоимости данного материального продукта, и, следовательно, для этой индустрии, как и для других сфер материального производства, имеет силу то, что труд воплощается в *товаре*, хотя он и не оставляет на потребительной стоимости товара никакого заметного следа.

Здесь мы имеем дело пока только с *производительным капиталом*, т. е. с капиталом, занятым в *непосредственном процессе производства*. В дальнейшем мы перейдем к капиталу в *процессе обращения*, и только потом, при рассмотрении той особой формы, которую капитал принимает в качестве *торгового капитала*, можно будет ответить на вопрос, в какой мере занятые им рабочие являются производительными или непроизводительными [46].

«Производительный рабочий» — это такой рабочий, который «непосредственно» увеличивает «богатство своего хозяина» (*Th. R. Malthus*. Principles of Political Economy. 2nd edition. London, 1836, стр. 47) [47]. [XXI — 1 331] [48]

[ГЛАВА 7]

ОБРАТНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В КАПИТАЛ [49]

[XXII—1 353] [50] Результат капиталистического процесса производства, результат поглощения в этом процессе неоплаченного труда, или прибавочного труда, капиталом состоит прежде всего в том, что *продукт* содержит более высокую стоимость, чем та, которую содержит капитал до своего вступления в данный процесс. Мы предполагаем, что продукт продан, вновь превращен в деньги. Более подробное рассмотрение этого процесса относится к следующему отделу, к отделу о процессе обращения. Для данного нашего исследования этот последний процесс *предполагается*. Если капитал был равен 5 000 ф. ст., в том числе постоянный капитал = 4 000 ф. ст., переменный = 1 000 ф. ст. и если норма прибавочной стоимости составляла 100%, то продукт теперь равен 6 000 ф. ст. (при предположении, что весь капитал вошел в процесс образования стоимости). Если первоначальная стоимость авансированного капитала была равна 5 000 ф. ст., то теперь она равна 5 000 + 1 000 = 6 000 ф. ст. И если предположить, что эти 6 000 ф. ст. снова превращены в деньги, то 5 000 ф. ст. представляют капитал, который возмещен и сохранился, а 1 000 ф. ст. — превращенную в золото прибавочную стоимость. 5 000 ф. ст. оказались в действительности капиталом именно потому, что они сохранились и возросли в качестве *реализующей себя* [как капитал] *стоимости;* 5 000 ф. ст. не только опять налицо, но в отличие от себя как первоначального капитала они сверх того еще создали прибавочную стоимость в 1 000 ф. ст.

Часть этой прибавочной стоимости капиталист, который представляет собой не только капитал, проест, т. е. израсходует как средство обращения, для того чтобы превратить ее в жизненные средства для себя самого, причем совершенно безразлично, покупает ли он помимо товаров еще и «услуги», т. е. труд, в котором он нуждается для удовлетворения того или иного вида потребностей, но который он покупает из-за его потребительной стоимости, а не как элемент, создающий меновую стоимость.

Здесь мы оставляем вне поля зрения указанную часть прибавочной стоимости, которую капиталист расходует для удовлетворения своих потребностей. Следует только заметить, что капиталист может таким образом ежегодно расходовать определенную сумму денег или определенную величину стоимости без того, чтобы вследствие ее расходования уменьшался его капитал. Он расходует, следовательно, часть присвоенной им прибавочной стоимости, овеществленного неоплаченного труда, и эта часть не затрагивает самого капитала. Деньги при этом — мимолетная форма. Прибавочная стоимость представлена в *прибавочном продукте*, в *избытке товаров*, который капиталист может проесть целиком или частично, не затрагивая своего капитала, не встречая препятствий к тому, чтобы увековечить ту же самую сумму в 5 000 ф. ст. как капитал, т. е. снова сохранить ее посредством обмена на труд и применить для производства прибавочной стоимости.

Однако капиталист — активный представитель капитала. Целью его как такового является не потребление, не потребительная стоимость, а увеличение меновой стоимости. Подобно собирателю сокровищ, он представляет собой абсолютное стремление к обогащению, и каждая определенная граница его капитала является пределом этого стремления к обогащению, который должен быть преодолен. Мы увидим позднее, что постоянное увеличение капитала, а не только его сохранение, является, кроме того, *необходимостью* для капиталистического производства, его условием.

В том пункте, который мы здесь рассматриваем, мы можем совершенно отвлечься от той части прибавочной стоимости, которая проедается капиталистом. Здесь мы имеем дело только с той ее частью, которая вновь входит в капиталистическое производство.

Если первоначально капитал был равен 5 000 ф. ст., а прибавочная стоимость — 1 000 ф. ст., если, следовательно, совокупная стоимость равна 6 000 ф. ст., то 5 000 ф. ст. превратились в капитал вследствие того, что путем обмена переменного

капитала на труд они создали отличную от себя прибавочную стоимость, равную 1 000 ф. ст. Если бы эта 1 000 ф. ст. была съедена полностью, то вновь входящий в производство капитал был бы по-прежнему равен 5 000 ф. ст., но *сам капитал* не увеличился бы. Указанные 5 000 ф. ст. стали бы [XXII—1 354] капиталом вследствие того, что они создали, произвели прибавочную стоимость в 1 000 ф. ст., и путем повторения этого процесса они могли бы постоянно сохраняться как *капитал*, как *тот же самый капитал;* но для того чтобы они вошли в процесс производства как *капитал большей величины,* следовательно, на данной ступени производства создали еще бо̀льшую прибавочную стоимость, сюда должен прибавиться некоторый новый процесс. Сама *прибавочная стоимость* (оставляя в стороне ту ее часть, которая потребляется) должна снова превратиться в *капитал.*

Как же прибавочная стоимость превращается в капитал? Условия этого процесса в деталях подлежат рассмотрению в следующем отделе. Здесь же нужно установить лишь чисто формальные моменты.

Прибавочная стоимость ничем не отличается от первоначального капитала, если ее рассматривать вещественно. Перед нами *тот же самый* продукт, одна часть которого возмещает первоначальный капитал, а другая часть представляет прибавочный продукт, прибавочную стоимость, прибавочный труд. Отличие одной части от другой не вещественное и покоится только на том, что одна часть представляет собой эквивалент оплаченного труда, овеществленного и живого, другая — *неоплаченного.* Если продуктом является, например, пряжа или зерно и если прибавочная стоимость равна $^1/_3$ продукта, то эта $^1/_3$ совершенно так же представлена в зерне или пряже, как и другие $^2/_3$, которые возмещают капитал. Равным образом, как только продукт превратился в деньги (будь то настоящие деньги или знаки стоимости), то и в этом случае нет никакого формального различия между той частью денег, которая представляет капитал, и той, которая представляет прибавочную стоимость. Если стоимость капитала была равна 100 талерам, а стоимость продукта равна 150 талерам, то 100 талеров представляют капитал, а 50 — прибавочную стоимость, но и то и другое — талеры. Прибавочный продукт существует в той же форме, в какой и часть продукта, возмещающая капитал, первоначально существовавший в форме произведенного товара, затем, как только состоялась продажа, в форме денег. (Если деньги функционируют как платежное средство, то обе части могут существовать в форме долгового требования.)

Итак, для того чтобы *прибавочная стоимость* превратилась в капитал, не требуется никаких других условий, кроме тех, которые были нужны, чтобы первоначально некоторая *данная стоимость*, следовательно, *деньги*, превратилась в капитал или произвела прибавочную стоимость. Владелец прибавочной стоимости, для того чтобы превратить ее в капитал, должен найти условия обмена ее на рабочую силу, т. е. он должен найти на товарном рынке объективные условия труда — сырье, средство труда и т. д., короче говоря, он должен найти, с одной стороны, объективные условия труда как товары, которые можно купить, с другой стороны, субъективные условия труда, рабочую силу, которую можно купить. Если капиталист является, например, хлопчатобумажным фабрикантом, то за свою прибавочную стоимость в 1 000 ф. ст. он должен найти на рынке добавочный хлопок, добавочные машины (в том случае, когда рабочее время не удлиняется или не становится интенсивнее) и т. д. и добавочных прядильщиков. Если ни интенсивность, ни продолжительность рабочего дня не могут быть увеличены, то должно быть увеличено только число прядильщиков. Если бы для этого не было достаточно прироста населения, то указанное превращение было бы невозможно. С другой стороны, если бы капиталист не нашел добавочного хлопка, то оно также было бы невозможно, по крайней мере в этой отрасли. То же самое имело бы место в случае [нехватки] требуемых добавочных машин. Напротив, на хлопкопрядильной фабрике, например, увеличение количества машин и сырья может быть достигнуто таким путем, чтобы не были необходимы новые рабочие. В земледелии, по-видимому, нужны только новые рабочие и орудия и не требуется дополнительное сырье (семена) и т. д. Но все это здесь нас не касается. Те *условия*, которые позволяют превратить *прибавочную стоимость* в капитал, или превратить в капитал некоторую добавочную стоимость, превратить в капитал некоторую бо̀льшую сумму стоимости, т. е. обменять ее на рабочую силу и условие эксплуатации последней, здесь нас не касаются. Мы *предполагаем*, как и при первоначальном превращении денег в капитал, что эти условия *имеются* на рынке.

При этом предположении капиталист теперь, стало быть, помимо старой суммы стоимости, обменяет на *условия труда* (материал труда, средства труда) и на саму рабочую силу *сумму денег*, которая равна прибавочной стоимости. А соотношения, в которых происходит этот обмен, т. е. соотношения, в которых добавочные деньги обмениваются на различные элементы производства, обусловлены технологическими условиями.

[XXII—1 355] Если бы прибавочная стоимость не была достаточно велика, для того чтобы купить указанные различные элементы, — в заданных соотношениях их между собой, — то она не могла бы быть превращена в капитал (в этой сфере); могло бы, например, случиться, что прибавочная стоимость была бы достаточно велика, для того чтобы нанять 10 новых рабочих, но недостаточно велика, чтобы купить нужный для них материал и т. д., или что предоставление работы новому количеству рабочих потребовало бы *укрупнения всего предприятия,* для чего данной прибавочной стоимости было бы недостаточно. Если, следовательно, это превращение прибавочной стоимости в капитал может быть ограничено *имеющимся в наличии населением,* то оно точно так же может быть ограничено своей *собственной величиной* и технологическими условиями применения добавочного капитала. В таком случае *этот* капиталист не смог бы в своей сфере превратить прибавочную стоимость в капитал. С другой стороны, капиталист, возможно, мог бы, например, лишь усовершенствовать *машины,* вмонтировать в них новые части и т. д., которые сделали бы их более эффективными, так, чтобы ему не *было необходимо* применять больше труда, чем прежде. Или же в земледелии купить больше скота, так, чтобы не было необходимо большее число рабочих и т. д. Или же вместо старой паровой машины установить новую, более мощную. В этом случае произошло бы возрастание *относительной* прибавочной стоимости, так как рабочие стали бы работать производительнее без увеличения количества труда; у отдельного капитала это выразилось бы прежде всего в том, что индивидуальная стоимость его товара стала бы ниже его общественной стоимости и, *следовательно, стоимость рабочей силы* для него относительно понизилась бы.

Все эти случаи и возможности относятся к рассмотрению *действительного процесса воспроизводства.* Для того чтобы превратить *прибавочную стоимость* в капитал, капиталист точно так же должен обменять ее на *прибавочный труд,* как и первоначальный капитал; следовательно, он должен привести в движение добавочное количество труда, безразлично, выжимает ли он *большее количество* труда из *старых рабочих* путем выплаты большей заработной платы или нанимает *добавочное количество рабочих.* И это есть *предпосылка,* из которой, как из некоего факта, следует исходить при рассмотрении процесса *превращения прибавочной стоимости* в *капитал.* Те обстоятельства и модификации, которые при этом имеют место, следует рассмотреть позднее.

Предположим, следовательно, что *прибавочная стоимость* таким же образом превращается в капитал, как первоначально деньги превращались в стоимость, создающую прибавочную стоимость. Одна часть прибавочной стоимости превращается в *постоянный капитал*, другая — в *переменный*, т. е. одна часть покупает *товары*, которые в процессе производства фигурируют как материал и орудие, другая часть покупает рабочую силу. Только эта последняя часть создает *прибавочную стоимость*, создает совершенно таким же образом, как раньше, а именно — вследствие того, что эта переменная часть обменивается на большее количество живого труда, чем содержащееся в ней самой количество овеществленного труда. *Отличие* от прежнего процесса лишь в следующем: все элементы капитала состоят теперь из *неоплаченного* труда, и первоначальное образование прибавочной стоимости, т. е. присвоение чужого труда без эквивалента, выступает как средство присвоить себе больше прибавочной стоимости, присвоить без эквивалента больше *чужого труда*. Первоначальный процесс обогащения выступает как средство и условие данного рода обогащения в *увеличенном* масштабе.

В первом процессе, посредством которого деньги были превращены в капитал, стало быть, в *первом процессе образования капитала, авансированный капитал* сам выступает *независимо* от рабочей силы, на которую он обменивается. Здесь только *прибавочная стоимость* состоит из неоплаченного труда. Деньги капиталиста в этом процессе частично были обменены на *средства труда*, на эквивалент, частично на рабочую силу, которая была куплена по ее стоимости. И таким образом обе части этих денег, *постоянная и переменная*, представляли только те товары, которые обменивались на товарные эквиваленты, причем и та и другая часть существовали независимо от рабочих, как *собственность* [XXII—1 356] капиталиста, израсходовавшего их в этой форме. Эта *первоначальная сумма денег*, превратившаяся в капитал, так же как и все другие товары, находящиеся во владении их собственников, существовала независимо от рабочего, совершенно так же как его собственный товар, рабочая сила, независимо противостояла этим условиям своего использования. Одна только *прибавочная стоимость* представляла собой присвоенный капиталистом чужой *неоплаченный* труд.

Теперь в этом втором процессе *капитал*, сами деньги, которые снова превращаются в капитал, выступает как *овеществленный чужой неоплаченный* труд, служащий средством присвоения большего прибавочного труда. Деньги, на которые

капиталист покупает теперь *объективные условия труда*, средства труда и материал труда, представляют собой исключительно прибавочную стоимость, являются исключительно *превращенной* в деньги *прибавочной стоимостью*.

Ничего не меняет в данном отношении и то, обменивает ли капиталист прибавочную стоимость — коль скоро она превращается в переменный капитал — как капитал на *тех же самых* рабочих или на добавочных *новых рабочих*. Это ничего не меняет в деле. Деньги, на которые он покупает новые условия труда, точно так же как деньги, на которые он покупает новую рабочую силу, представляют собой *неоплаченный труд*, который он присвоил при обмене со старой рабочей силой и который он теперь делает средством покупки большего количества труда, а потому и большего количества прибавочного труда. Если рассматривать, с одной стороны, весь класс капиталистов, т. е. капитал, а с другой — рабочий класс, т. е. рабочих как совокупное лицо, то продукт собственного неоплаченного труда рабочего противостоит ему теперь как *капитал*, как *овеществленная* власть над его трудом, как *чужое богатство*, только часть которого он может опять присвоить себе, покупая эту часть за большее количество труда, чем то количество, которое в ней содержится, и *реализуя* ее вновь в качестве капитала.

Предположим, что капитал первоначально был равен 5 000 ф. ст., прибавочная стоимость равна 1 000 ф. ст. Если капиталист ежегодно проедает 500 ф. ст. и превращает каждый год 500 ф. ст. в капитал, то за 10 лет он съест 5 000 ф. ст., т. е. весь свой первоначальный капитал; но он владеет теперь капиталом в 10 000 ф. ст., и то количество прибавочной стоимости, которую он присвоил себе за 10 лет, равно 10 000 ф. ст. Следовательно, теперь его совокупный капитал представляет собой фактически лишь превращенную в капитал прибавочную стоимость, т. е. *овеществленный неоплаченный чужой труд*, который по мере роста его количества постоянно вновь присваивает в большем масштабе чужой труд. Если бы капиталист ежегодно проедал только 200 ф. ст., то это не изменило бы ничего, кроме лишь того, что он израсходовал бы свой первоначальный капитал за 25 лет и что его капитал в 25 000 ф. ст. представлял бы собой не что иное, как только *прибавочную стоимость*. И таким образом каждый капитал через определенное время должен представлять собой только лишь *прибавочную стоимость*. Если рабочий скопил 1 000 ф. ст. и сам стал капиталистом, ежегодно получая 200 ф. ст. прибавочной стоимости, из которых он проедает 100 ф. ст., то накопленная им за 10 лет прибавочная стоимость равна 1 000 ф. ст., т. е.

равна его совокупному капиталу. Представление, согласно которому он проедает прибавочную стоимость, а не свой первоначальный капитал, что он, наоборот, сохраняет последний, разумеется, ничего не меняет в том факте, что величина капитала, находящегося в его владении к концу десятилетнего периода, равна сумме скопленной им прибавочной стоимости, а та сумма, которую он проел, равна величине его первоначального капитала. Излюбленное выражение экономистов, что весь существующий капитал следует рассматривать как проценты и проценты на проценты, означает только то, что он представляет собой капитализированную, превращенную в капитал прибавочную стоимость и что весь капитал в конце концов является лишь бытием прибавочной стоимости. Название *процента* — этой определенной формы прибавочной стоимости — ничего не меняет в деле. И здесь, где мы рассматриваем прибавочную стоимость вообще, не следует, конечно, соглашаться с этой определенной формой, в которой экономисты объясняют капитал как *лишь бытие прибавочной стоимости*, т. е. *неоплаченного чужого труда* [51].

[XXII—1 357] *Превращение прибавочной стоимости в капитал* отнюдь не отличается от *первоначального превращения денег в капитал*. Условия те же самые, а именно *определенная сумма стоимости* (следовательно, самостоятельно выраженная стоимость, *деньги*, безразлично, функционируют ли они здесь как счетные деньги или как действительные деньги), определенная сумма денег превращается в капитал посредством обмена на условия труда и рабочую силу. Различие состоит не в самом процессе, так как [в обоих случаях] это *идентичный процесс*, превращение денег в капитал. Различие состоит только в том, что *деньги*, которые превращаются в капитал в этом втором процессе образования капитала, представляют собой не что иное, как *прибавочную стоимость*, т. е. *прибавочный труд*, т. е. *овеществленный неоплаченный чужой труд*. Это превращение прибавочной стоимости в капитал называется *накоплением капитала*.

До сих пор были констатированы два положения:

1) капитал, в который снова превращается *прибавочная стоимость*, состоит во всем объеме своей стоимости из неоплаченного чужого труда, а именно из прибавочного труда, который был присвоен в процессе капиталистического производства;

2) *стоимость всякого капитала* через определенное время должна представлять одну только капитализированную прибавочную стоимость, так как по истечении определенного ряда

лет *первоначальная сумма стоимости* капитала съедена капиталистом. Здесь следует рассматривать просто *стоимость*. Здесь, следовательно, ничего не меняется от того, что капиталист представляет себе, будто он ежегодно проедает всего лишь часть прибавочной стоимости, капитал же, напротив, сохраняет. Это обстоятельство ничего не меняет в том факте, что *сумма стоимости* всякого капитала через известный ряд лет равна накопленной, вновь превращенной в капитал прибавочной стоимости и что больше не существует ни одного атома стоимости старого капитала.

Этот второй *процесс образования капитала* по праву рассматривался как настолько существенный и характерный для капитала, что капитал, в отличие от другого богатства, изображался как «богатство, сбереженное из дохода (прибыли) с целью и т. д.» (см. *Р. Джонса* и т. д.) [52].

Итак, первоначально *объективные условия труда*, т. е. *овеществленный труд* в форме *условий производства* (материала труда и средств труда) и *жизненных средств*, противостоят рабочей силе или рабочим как чужие товары во владении *хранителей товаров*, которые именно потому превращаются в капиталистов, что противостоят живому труду как олицетворенное бытие овеществленного труда. Но теперь, в этом втором процессе образования капитала, рабочим противостоит их *собственный труд, овеществленный* в условиях производства и жизненных средствах, которые представляют собой *капитал*, т. е. чужую собственность, и которые противостоят труду в качестве средств эксплуатации труда.

При рассмотрении капиталистического процесса производства мы видели, что 1) абсолютная прибавочная стоимость на данной *ступени развития производства*, т. е. при данном уровне производительных сил, может быть увеличена лишь путем увеличения либо интенсивности труда, либо продолжительности рабочего дня; или же, если и то и другое предполагается данным, — путем увеличения *численности применяемых рабочих;* во всех этих случаях должна расти *величина затраченного капитала;* 2) что *относительная прибавочная стоимость* может быть увеличена только путем *развития производительных сил труда*, путем кооперации, разделения труда, применения машин и т. д. и что все это опять предполагает *растущую величину затраченного капитала*. Вследствие *обратного превращения прибавочной стоимости в капитал*, или, что то же самое, вследствие *накопления капитала*, увеличивается *величина затраченного капитала*, [XXII—1 358] так как *первоначальная величина стоимости* плюс *прибавочная стоимость*

(а именно та часть последней, которая снова превращается в капитал), или продукт, в котором представлен первоначальный капитал, плюс прибавочный продукт образуют теперь *капитал;* прибавочная стоимость больше не отличается как прибавочная стоимость от капитала, а прибавляется к нему как *добавочный капитал.* Иными словами, образование прибавочной стоимости представляется теперь как *возрастающая величина* капитала, входящего в процесс производства. Тем самым, следовательно, выполнены условия, заключающиеся в том, чтобы увеличить как *количество примененного* труда, так и *производительную силу труда,* те объективные условия, при которых труд во все более высокой степени развивает свои общественные производительные силы. Теперь, следовательно, имеет место производство в *расширенном масштабе* как в отношении количества примененного труда, так и в отношении *развития средств производства, условий производства,* при которых этот труд выступает как труд общественный. Если, следовательно, капиталистический способ производства, с одной стороны, приумножает условия создания прибавочной стоимости — прибавочный труд, то и наоборот, обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, или *накопление капитала,* является условием развития капиталистического способа производства, масштабом производства, возрастающей массы эксплуатируемого труда, а также *вещественных условий* развития общественных производительных сил труда.

Вместе с тем мы видели [53], как капиталистический способ производства постоянно создает *относительно избыточное население,* т. е. *высвобождает* определенное количество рабочей силы, *делает ее такой, которой можно располагать,* выкидывает ее как излишнюю рабочую силу [Arbeitskraft] из различных сфер производства. Капиталистическое накопление, следовательно, не обусловлено просто естественным приростом населения; оно производит для *вновь образованного капитала* и для постоянно *вновь образующегося* капитала бо́льшую или меньшую *массу* рабочей силы, *которой можно располагать* и которая может быть вновь поглощена либо путем расширения старых отраслей производства, либо путем образования новых, смотря по тому, каким образом применяется добавочный капитал, в который превратилась прибавочная стоимость.

Если первоначальный капитал был равен 6 000 ф. ст., а прибавочная стоимость равна 1 000 ф. ст., то они не отличаются друг от друга ни *вещественно,* ибо прежде чем оба они вновь превратились в деньги, они существуют как части одного и того же продукта, в одной и той же товарной форме, ни тогда,

когда они превратились в деньги. Превращение 1 000 ф. ст. в капитал, следовательно, ничем не отличается по *своим условиям* от превращения в капитал первоначальных 6 000 ф. ст. Различие заключается только в том, что в этих 1 000 ф. ст. рабочим теперь противостоит в качестве *капитала их собственный неоплаченный труд,* или *продукт их собственного неоплаченного труда.* Это различие № 1.

6 000 ф. ст. превратились в *капитал* вследствие того, что 1 000 ф. ст., отличную от первоначальной величины своей стоимости, они произвели как *прибавочную стоимость,* как *реализацию* своей *стоимости.* Путем обратного превращения 1 000 ф. ст. в капитал эта противоположность формы снимается. Вместо капитала в 6 000 ф. ст. теперь налицо капитал в 7 000 ф. ст., т. е. капитал, который увеличился на $^1/_6$. Или же обе суммы функционируют как *два* капитала, одна сумма — как капитал в 6 000 ф. ст., другая — как капитал в 1 000 ф. ст. Это ничего не меняет в том, что совокупный капитал увеличился на $^1/_6$. Это выражает только то, что добавочная $^1/_6$ функционирует в другой сфере производства как капитал либо применяется каким-либо другим капиталистом в той же самой сфере производства. Однако остается одна *общая* характерная черта: то, что было *прибавочной стоимостью* в отличие от капитала, само становится *капиталом* и фактически функционирует как таковой, производя со своей стороны *прибавочную стоимость.* Прибавочная стоимость превратилась в *добавочный капитал.*

Поэтому *капитал* произвел *капитал,* но отнюдь не просто товар; иными словами, *капиталистическое отношение* создает *капиталистическое отношение* в возросшем масштабе.

[XXII—1 359] Вместе с этим увеличением *капитала,* т. е. массы произведенного богатства, которое как *капитал* противостоит труду:

1) *капиталистический способ производства* распространяется на сферы производства, которые до этого не были подчинены капиталистическому производству; иными словами, *капитал* все более и более овладевает всей совокупностью сфер производства;

2) он образует *новые сферы производства,* т. е. производит новые потребительные стоимости и дает занятие новым отраслям труда;

3) поскольку добавочный капитал применяется в *той же самой* сфере производства тем же самым капиталистом, отчасти для того чтобы превратить формальное подчинение [труда] капиталу в реальное, отчасти для того чтобы расширить *масштаб производства,* развить специфически капиталистический

способ производства, стало быть, для того чтобы работать с *бо̀льшим капиталом,* с большей степенью объединения условий труда и разделения труда и т. д., — это *накопление* капитала представляется как его *концентрация,* так как *один* капитал командует бо̀льшим количеством рабочих и бо̀льшим количеством средств производства, а *общественное богатство в большем объеме* выступает объединенным в одних руках;

4) в *каждой* сфере производства это образование капитала происходит в *различных* пунктах поверхности [Oberfläche] общества. Различные, независимые друг от друга товаровладельцы или владельцы денег сначала превращают эти деньги, путем их обмена на рабочую силу, в капитал, а затем снова превращают *прибавочную стоимость* в капитал, или накопляют капитал. Следовательно, имеет место образование *различных* капиталов, иными словами, увеличение *числа капиталистов* и *самостоятельных капиталов.* Накопление, в противоположность *концентрации* капитала, или его притяжению, представляется как *отталкивание капиталов* друг от друга. Исследование того, как эти две противоположные формы относятся друг к другу, должно быть дано не здесь, а при рассмотрении *конкуренции капиталов.* Но уже теперь ясно: каждое накопление капитала представляет собой концентрацию средств производства в одних руках. И в то же время *концентрация* многих капиталов противостоит этому их *раздроблению* как особый процесс.

При рассмотрении производства абсолютной прибавочной стоимости мы видели следующее [54].

Стоимость постоянного капитала, т. е. материала труда и средств труда, просто *сохраняется* в процессе труда; она вновь появляется в продукте не потому, что рабочий выполняет особый труд, для того чтобы сохранить эту стоимость, а потому, что эти *условия производства* как таковые применяются *живым трудом.* Вследствие того что рабочий присоединяет новый труд к овеществленному и присоединяет больше труда, чем содержится в его заработной плате, он вместе с тем сохраняет *стоимость* постоянного капитала, стоимость уже овеществленного в условиях производства труда. Поэтому сохраняемая им *стоимость* постоянного капитала отнюдь не находится в каком-либо отношении к *количеству* его труда, которое он присоединяет, а зависит от величины и, следовательно, от количества стоимости постоянного капитала, с которым он работает. Чем производительнее становится его труд, тем больше, например, количество сырья, которое перерабатывается данным количеством рабочих, тем больше, следовательно, *стоимость*

части постоянного капитала, которую он сохраняет или которая вновь появляется в *продукте*. С другой стороны, возросшая производительность его труда обусловливается объемом и, следовательно, величиной стоимости общих средств производства и условий производства, способствующих его труду: машин, рабочего скота, строений, удобрений, осушительных и оросительных каналов и т. д. Эта часть постоянного капитала — овеществленный труд — входит в *процесс труда* во всем своем объеме как средство производства и средство повышения производительности труда, между тем как в *процесс образования стоимости* она входит только частично и постепенно, в течение более продолжительного промежутка времени, и поэтому увеличивает *стоимость* единицы продукта не в той самой мере, в какой она увеличивает массу продукта, т. е. [XXII—1 360] *производительность* труда. И в той самой степени, в какой развивается капиталистический способ производства, возрастает *разница* между массой постоянного капитала, т. е. средств труда и условий труда, которые входят в процесс труда, и той *частью стоимости* последних, которая входит в процесс образования стоимости. Итак, совокупная стоимость постоянного капитала, поскольку он состоит из средств производства, которая не входит в процесс образования стоимости, а входит в процесс труда, в своей совокупности увеличивает производительную силу труда, в то время как лишь соответственная часть ее вновь появляется в продукте как *стоимость* и поэтому *повышает цену продукта*, — оказывает, следовательно, совершенно ту же самую *даровую услугу*, как силы природы, как вода, ветер и т. д., как силы природы, которые не являются продуктом человеческого труда и поэтому не имеют *меновой стоимости*, входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости. Например, машина, которая служит 15 лет; следовательно, только $^1/_{15}$ ее стоимости входит в годовую массу продукта, но действует она в процессе труда не как $^1/_{15}$, а как $^{15}/_{15}$; из них $^{14}/_{15}$ ничего не стòят. Применение в большем масштабе *прошлого труда, овеществленного* в средствах производства, увеличивает тем самым производительность живого труда. С другой стороны, *масса стоимости*, которая таким образом постепенно входит в продукт, растет *абсолютно*, хотя она растет не одновременно и не в той же самой степени, в какой увеличивается эта *составная часть стоимости постоянного* капитала. Она растет абсолютно в объеме примененных средств производства. Труд, следовательно, *сохраняет* эту бòльшую часть стоимости, заставляет ее вновь появляться в продукте в том самом процессе, в ходе которого он присоединяет [к ней]

прибавочную стоимость (вообще присоединяет стоимость). Кроме того, необходимо, конечно, заметить, что процесс труда сохраняет не только ту стоимость, которая вновь появляется в продукте, следовательно, часть стоимости постоянного капитала, которая входит в продукт, но также и ту стоимость, которая *не* входит *в процесс образования стоимости,* а входит только в *процесс труда.* Здесь речь идет не об особом труде, который необходим для того, чтобы чистить машины, убирать здания и т. д. Этот особый труд относится к работам по ремонту и отличается от *собственно труда,* использующего машину. Чистка прядильной машины есть труд, отличный от прядения как такового. Здесь же речь идет только о сохранении прядильной машины посредством прядения, посредством функционирования ее в качестве прядильной машины. Посредством самого процесса труда сохраняется ее *потребительная стоимость как машины* и тем самым сохраняется ее *меновая стоимость.* Это сохраняющее свойство труда, свойство сохранять стоимость, которое следует рассматривать как природную силу труда и которое *не* стоит *никакого труда,* — т. е. в данном случае никакого особого труда, помимо труда прядения, необходимого для того, чтобы сохранить машину, — выступает двояко во времена кризисов, т. е. при таких обстоятельствах, когда машина не функционирует как машина, когда осуществление ее потребительной стоимости приостановлено. *Отрицательно* — путем порчи машины. *Положительно* — тем, что в такие времена *работают* некоторое количество часов, *чтобы* только *сохранить машину в действии.* {*Все это относится к рассмотрению процесса труда и процесса увеличения стоимости* [55].} При [обработке] *земли,* если рассматривать *землю* как земледельческую машину, — а она в этом процессе ничем иным и не является, ибо здесь обрабатываются материал, семена, животные и т. д., — то в результате процесса труда не только сохраняется *меновая стоимость,* которая порождена ранее путем соединения земли с трудом, но и повышается ее *потребительная стоимость, улучшается сама машина* (см. у *Андерсона* и *Кэри*) [56], между тем как прекращение процесса труда приводит к *уничтожению* ее потребительной стоимости и принадлежащей ей как бытию овеществленного труда меновой стоимости. (Относящиеся сюда места следует процитировать ниже.)

Итак, дело представляется с двух сторон:

1. *a*) Как было показано при рассмотрении капиталистического производства, производительность труда развивается вместе с применением в большем масштабе средств производства — предметных условий труда, вместе с увеличением их объема [57].

Но *накопление капитала*, т. е. обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, увеличивает, расширяет объем тех овеществленных средств, с помощью которых функционирует живой труд.

[XXII—1 361] β) Количество прошлого труда, которое входит в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости, следовательно, *даровое функционирование* прошлого труда в процессе производства, увеличивается с *развитием капиталистического способа производства*, развитие которого в свою очередь обусловлено накоплением капитала. Оба эти пункта относятся к *увеличению постоянного капитала*, накопление которого предполагается вместе с накоплением [совокупного] капитала, или к прогрессирующему превращению части прибавочной стоимости в постоянный капитал. Увеличение *прибавочной стоимости* как таковой ограничено той частью прибавочной стоимости, которая превращается в *переменный капитал*, так как прибавочная стоимость вообще проистекает из переменного капитала.

Масса продукта вообще, а следовательно, и прибавочного продукта, растет вместе с ростом производительности труда, даже если *прибавочная стоимость* остается постоянной. Если необходимый труд выражается в большем количестве продукта, то это же происходит и с прибавочным трудом, который ведь вещественно не отличается от первого.

2. В обоих вышеупомянутых положениях было подчеркнуто, что вследствие *вхождения овеществленного труда в большем, увеличивающемся* количестве в процесс производства развивается капиталистический способ производства, а потому и производительность труда, благодаря чему одновременно, как было доказано выше, растет *прибавочная стоимость*. С другой стороны, *капиталистический способ производства* выступает как такая форма производства, в которой, в отличие от всех прежних, *овеществленный труд* может входить в процесс производства в возрастающем количестве.

Живой труд воспроизводит *переменную часть* капитала, отвлекаясь от *прибавочной стоимости* и, следовательно, от присоединяемого им *прибавочного продукта*. Это *отношение* следует подробнее определить в дальнейшем.

Здесь следует отметить прежде всего следующее.

Та часть *постоянной* части капитала, которая входит в *процесс образования стоимости*, следовательно, все сырье, а также все *вспомогательные материалы*, являются ли они вспомогательными материалами для переработки сырья, или вспомогательными материалами для *машин*, или общими условиями

[работы] фабрики, такими, как отопление, освещение и т. д., наконец, вся часть средств производства, изнашиваемая в процессе труда, вновь появляется в *продукте* вследствие своего контакта с живым трудом. Кроме того, та часть стоимости средств производства, которая не входит в этот продукт, сохраняется.

Это *появление вновь* выражается двояко: *стоимость* совокупного продукта возросла на эту *вновь появляющуюся* часть стоимости. Во-вторых, из увеличившейся массы продукта возрастающая часть представляет собой *эквивалент* увеличивающейся массы постоянного капитала.

Если отвлечься от *прибавочной стоимости*, а следовательно, и от *прибавочного продукта*, в котором она представлена, то чем больше количество овеществленного труда, приводимое в движение данным количеством живого труда {*чем больше то овеществленное богатство, которое служит для воспроизводства*}, *чем богаче* наличные условия труда, тем больше *стоимость* совокупного продукта (а также то количество продукта, в котором эта стоимость представлена), воспроизводимая *тем же самым* количеством труда; хотя, предполагая *данной величину* (экстенсивную и интенсивную) рабочего дня, одно и то же количество труда присоединяет к продукту лишь *одну и ту же* стоимость; следовательно, например, один миллион рабочих, которые ежедневно работают по 12 часов, присоединяет одну и ту же стоимость независимо от *степени производительности труда* и от соответствующей этой степени [производительности] труда *массы предметных условий труда* или от *объема материальных условий производства*, соответствующих определенным степеням производительности труда.

Масса продукта, конечно, зависит от степени производительности труда. Но эта *степень производительности* выражена и зависит от *совокупного количества материальных условий*, [XXII—1 362] при наличии которого как предпосылки функционирует труд.

Хотя *то же самое количество труда*, при упомянутом предположении, присоединяет к постоянному капиталу лишь *одну и ту же стоимость* (необходимый труд плюс прибавочный труд, причем совершенно независимо от той пропорции, в которой совокупный рабочий день делится на обе эти части), *стоимость продукта* (совокупного продукта), создаваемая одним и тем же количеством труда, весьма различна в зависимости от *величины стоимости постоянного капитала*, приводимого в движение тем же самым количеством живого труда. Ибо *стоимость этого продукта* определяется совокупным количеством содержаще-

гося в нем труда, следовательно, суммой овеществленного плюс добавленного живого труда. И хотя последний, согласно предположению, остался *тем же самым,* первый *возрос* вместе с увеличившимся объемом и богатством условий производства. И *величина стоимости* постоянного капитала, сохраняемая *живым трудом,* зависит не от *количества* живого труда, а от двух обстоятельств: 1) от *величины стоимости* постоянного капитала, приводимого им в движение, которая растет вместе с объемом постоянного капитала (хотя вследствие растущей производительности труда и не в *том же самом* отношении); 2) от той части указанной величины стоимости, которая входит в совокупный продукт. (Мы могли бы совсем опустить 2-е условие, если бы предположили такую эпоху производства, когда эта величина стоимости целиком входит в продукт.) Итак, вместе с растущей величиной стоимости постоянного капитала, приводимого в движение трудом, тот же самый труд *воспроизводит бо́льшие величины стоимости овеществленного труда,* вновь появляющиеся в продукте, *бо́льшую массу стоимости совокупного продукта.* Но прогрессирующее превращение прибавочной стоимости в капитал, или накопление капитала, поскольку оно в то же время представляет собой прогрессирующую концентрацию массы капитала в руках отдельных капиталистов, развитие специфически капиталистического способа производства, увеличивает массу стоимости постоянного капитала, приводимого в движение тем же самым количеством труда.

Следовательно, неверно мнение Рикардо о том, что один миллион человек (при упомянутых выше, но *не* сделанных им ограничениях) производит, например ежегодно, постоянно *одну и ту же стоимость,* независимо от степени производительности труда. Тот миллион человек, который работает с помощью машин, животных, удобрений, строений, каналов, железных дорог и т. д., воспроизводит несравненно *бо́льшую стоимость,* чем тот миллион человек, живой труд которых осуществляется без помощи этой массы овеществленного труда. И происходит это по той простой причине, что [в первом случае] живой труд воспроизводит в продукте несравненно бо́льшую массу *овеществленного труда;* это воспроизводство *является независимым* от массы вновь присоединенного труда.

Возьмем, например, английского рабочего, являющегося прядильщиком на хлопчатобумажной фабрике. Он производит больше, чем 200 индийских или китайских прядильщиков, которые работают с помощью веретена и прялки. Предположим также, что он перерабатывает *индийский* хлопок. Пусть

продолжительность и средняя интенсивность рабочего дня [в Англии и Индии] одинаковы — при сравнении рабочих дней различных наций имеют место модификации всеобщего закона стоимости, которые мы оставляем без внимания, так как здесь они не имеют значения.

В этом случае было бы правильно говорить, что 200 английских рабочих создают, присоединяют не больше стоимости, чем 200 индийских. Однако продукты их труда — мы имеем в виду *совокупный продукт* — имели бы весьма различную стоимость. И дело не только в том, что английский прядильщик за одно и то же время превращает в пряжу в 200 раз больше хлопка, чем индийский, следовательно, создает за то же самое время в 200 раз больше потребительной стоимости, стало быть, его труд в 200 раз производительнее.

[XXII—1 363] Продукт рабочего дня английского прядильщика содержит: 1) в 200 раз больше *хлопка*, следовательно, в 200 раз бòльшую *стоимость*, чем продукт *индийского* прядильщика. 2) То количество веретен, с помощью которых работает английский прядильщик, обладает большей стоимостью, однако не в той же пропорции, в какой их *количество* больше одного-единственного веретена, приводимого в движение индийским прядильщиком, и изнашивается это количество быстрее не в той же пропорции, в какой оно представляет бòльшую величину стоимости, так как индийское веретено — деревянное, а английские — из железа. Тем не менее в ежедневный продукт английского прядильщика входит несравненно бòльшая часть стоимости несравненно более дорогого орудия труда, чем в продукт индуса. Следовательно, в ежедневном продукте англичанина *сохраняется* и в этом смысле *воспроизводится* несравненно бòльшая величина стоимости, чем в ежедневном продукте индуса. Именно поэтому та часть продукта, которая равна стоимости постоянного капитала (поскольку последняя вошла в [стоимость] всего продукта), обменивается опять на в 200 раз большее количество машин и сырья, чем у индуса.

Английский прядильщик начинает *новое производство*, или *воспроизводство*, с бесконечно бòльшим богатством предметных условий, потому что его труд исходил из несравненно большего количества условий производства; несравненно большее количество *овеществленного труда* уже служит ему базисом и исходным пунктом и сохраняется вновь присоединенным трудом. Это относится к продукту. Но к этому добавляется то, что *потребительная стоимость*, а потому и *стоимость* орудия труда, не входящего в процесс образования стоимости, которая сохраняется трудом англичанина, несравнимо больше, чем стоимость

орудия труда индуса, который своим трудом сохраняет лишь *стоимость* своего веретена, поскольку оно не входит в процесс образования стоимости. И эта масса *этого предметного, прошлого* труда, который, так же как машины и т. д., *даром* содействует процессу труда англичанина (а именно, даром для всей той составной части, которая не входит в процесс образования стоимости), опять представляет собой условие того, что его ежедневный продукт все снова и снова не только создает несравненно большую потребительную стоимость, но и сохраняет несравненно большую величину *стоимости* и поэтому *воспроизводит* ее в продукте. Таким образом, живой труд сохраняет тем *большие массы стоимости,* которые существуют как прошлый труд, которые овеществлены, чем *больше* та *масса стоимости прошлого труда,* которая частью как средство труда, частью как материал труда уже входит в процесс живого труда, между тем как, с другой стороны, *бо́льшая величина меновой стоимости и потребительной стоимости* товаров, которую он таким образом воспроизводит, в свою очередь есть условие и предпосылка более обширного воспроизводства. Так как при этих условиях одновременно увеличивается *масса прибавочной стоимости,* отчасти потому, что возрастает величина переменного капитала, а стало быть, и *количество применяемых рабочих,* отчасти потому, что растет производительность рабочих, а следовательно, и *норма прибавочной стоимости,* отчасти потому, что вместе с производительностью труда увеличивается *масса потребительных стоимостей, прибавочный продукт,* в котором представлена та же самая *прибавочная стоимость,* то по всем этим причинам бо́льшая часть прибавочной стоимости может быть снова превращена в капитал, и это могло бы иметь место, даже если бы *норма прибавочной стоимости* оставалась неизменной; следовательно, может накопляться больше капитала, а также могут приумножаться те предметные *условия,* при которых осуществляется труд, средства труда и материал труда — *овеществленный, прошлый* труд, — следовательно, *производство* может быть возобновлено *в большем масштабе,* не говоря уже о том, что это расширение и больший масштаб условий труда само в свою очередь есть средство повышения *производительности труда.* (Следует также привести пример из работ *Кенэ* о *земледелии,* о [средствах] эксплуатации у богатого и бедного [58].) Чем больше предметное богатство, посредством которого работает живой труд, чем больше *прошлый труд,* который входит, как элемент воспроизводства, в *живой процесс труда,* тем больше, следовательно, не только количество потребительных стоимостей, но и величина их *меновой стоимости,* и тем больше

то *приращение производства,* которое происходит или может произойти в процессе воспроизводства.

Именно то *богатство,* в котором представлен *прошлый труд,* входящий в процесс производства, обусловливает величину *богатства,* создаваемого живым трудом, даже если при этом абстрагироваться от растущей прибавочной стоимости, которую [XXII—1364] *вновь присоединяет* живой труд.

Таким образом, хотя масса продуктов одного *рабочего дня* англичанина содержит гораздо *бóльшую стоимость,* чем масса продуктов рабочего дня индуса, потому что она *воспроизводит,* т. е. сохраняет в продукте и сохраняет как не входящую в продукт часть средств труда, гораздо большее богатство, тем не менее *единица продукта,* единица *товара* [у англичанина] гораздо дешевле. Ибо индус присоединяет к 1 фунту хлопка примерно столько же рабочего времени, сколько англичанин присоединяет к 200 фунтам. Англичанин, следовательно, присоединяет к 1 фунту хлопка только $^1/_{200}$ рабочего дня, тогда как индус — целый рабочий день. Если в однодневном продукте англичанина воспроизводится большее изнашивание машин, то эта стоимость распределяется на 200 фунтов, тогда как изнашивание веретена индуса целиком входит в 1 фунт.

{Вся та часть продукта, которая возмещает капитал, распадается, а именно: на *переменный капитал,* т. е. заработную плату, и на *постоянный капитал;* обе эти части снова входят в процесс производства и, следовательно, не могут войти в *потребление капиталиста,* если данный способ производства будет продолжать функционировать — при прочих равных условиях — в том же самом масштабе. Не говоря о том, что это *растущее количество* воспроизведенных условий производства, *растущая величина* капитала есть средство, которое позволяет эксплуатировать *растущее количество труда* или растущее производство, осуществляемое *одним и тем же* количеством труда, помимо этого те потребительные стоимости, в которых представлен прибавочный продукт, *увеличились и дифференцировались,* стали разнообразнее. То *обстоятельство,* что живой труд в той пропорции, в какой растет базис прошлого труда, на котором он покоится, воспроизводит *больше капитала,* т. е. *больше прошлого труда* в форме *средств производства,* отнюдь не безразлично для отдельного капиталиста. *Отдельный капиталист есть товаровладелец;* весь класс капиталистов, разумеется, не может продать свой капитал, но *отдельный* капиталист может и делает это, как только он отстраняется от дела, и тогда, если хочет, он может израсходовать *растущую величину стоимости* своего *капитала* в качестве богатства.

Следовательно, отвлекаясь от *прибавочной стоимости,* для отдельного капиталиста не безразлично то, что *его капитал растет* вместе с прибавочной стоимостью.}

Богатствами для эксплуатации — так совершенно правильно называет Кенэ, а за ним его школа, физиократы, эту растущую мощь, с которой *прошлый труд входит* в качестве элемента в живой процесс труда [59]. Чем больше указанные *богатства для эксплуатации,* объем которых по стоимости и потребительной стоимости равен *прошлому труду,* из которого как из *предпосылки* исходит живой труд, тем больше те *богатства для эксплуатации,* которые живой труд воспроизводит как свой результат, и тем легче расширить масштаб, в котором живой труд *при все более обильных предметных* условиях может вновь начать процесс труда. Накопление капитала сводится к расширению того масштаба, в котором может быть возобновлено производство, к растущему обилию условий [труда], предметного богатства, уже произведенных производительных сил и средств производства, которые служат труду в качестве его *неорганического тела.* Но эти *богатства для эксплуатации* являются таковыми не только в смысле Кенэ, а именно: богатствами, которые служат средством эксплуатации в земледелии и т. д. Они представляют собой одновременно *богатства для эксплуатации живого труда,* растущий объем средств для его эксплуатации и растущую *власть* прошлого труда над живым. То, что развитие предметных условий труда, вместо того чтобы выступать в качестве *растущей мощи труда,* наоборот, выступает как растущая власть этих *предметных условий* над живым трудом и против него, это, конечно, чуждо процессу производства как таковому. Но это *характерно* для *капиталистического* процесса производства, в котором овеществленные условия труда, будучи *отчужденными* и *обособленными,* противостоят труду как особые силы. С другой стороны, в таком объеме *прошлый труд* развивается впервые *в рамках* капиталистического способа производства.

[XXII—1 365] {Следовательно, даже если бы был правилен сам *закон* — это, как мы позже увидим, *неверно,* — если он формулируется как *перманентный закон,* а именно, так, что вследствие уменьшающейся природной производительности *сортов земли,* входящих в сферу производства, *продукты земли, служащие основным предметом питания,* а также часть *сырья* дорожают {до сих пор никто не утверждал, что, например, *хлопок* — это же относится и к шелку — подорожал в той же мере, в какой получила развитие хлопчатобумажная промышленность; фактом является обратное}, то это не служило бы

доказательством того, что они стоят *больше труда*, хотя они и имеют *более высокую стоимость* и хотя *стоимость* определяется исключительно тем *количеством труда*, которое содержится в товаре. Возьмем, например, Англию. Доля занятых непосредственно в земледелии рабочих, иными словами, число рабочих в сравнении с *продуктом*, уменьшилась за период начиная с XI столетия с $^9/_{10}$ до $^1/_5$, т. е. по крайней мере на $^7/_{10}$, и уменьшается ежедневно. Поскольку, следовательно, рассматривается количество рабочих, занятых *непосредственно* в земледелии, то оно постоянно уменьшалось и уменьшается. За восемь столетий оно уменьшилось по крайней мере на $^7/_{10}$. Поскольку, следовательно, рассматривается труд земледельческих рабочих, то *стоимость* совокупного земледельческого продукта с необходимостью упала на $^7/_{10}$; стало быть, уменьшилась также и *стоимость* единицы продукта, например, 1 квартера пшеницы. И то же самое соотношение, которое существует между Англией XIX века и Англией XI века, существует между Англией и другими современными странами, например *Россией*. Итак, если бы *стоимость* английского хлеба постоянно повышалась, то это могло бы иметь место только потому, что в него входило бы больше *овеществленного труда*, а именно — труда *других сфер производства*. Об этих других сферах производства утверждается, что труд в них стал *менее производительным*, иными словами, что то же самое количество потребительной стоимости содержит больше труда и поэтому больше меновой стоимости. Как раз наоборот. Ибо если стоимость *того же самого количества хлеба*, например одного квартера, повысилась, то должно возрасти *содержащееся* в нем *количество* труда. Содержащееся в нем количество живого земледельческого труда не возросло; следовательно, должно было возрасти количество *овеществленного труда*, вошедшего в него из других сфер производства, среди которого могло быть и такое *количество овеществленного труда*, которое само есть продукт земледелия, как например *скот*. Требуется, например, больше машин, больше водоотводных каналов и т. д.

Итак, в 1 квартер хлеба входит бо̀льшая доля стоимости машин и т. д. Однако та *стоимость*, которая заключена в машинах, состоит не только из *труда*, которого сто̀ит машина, но и из *прошлого труда*, который воспроизведен в машине как продукте, содержится в ней; и эта содержащаяся в ней *часть стоимости* зависит в своем *воспроизводстве* — при предположении, что уровень производительных сил не изменяется — не от живого труда, а от того количества прошлого труда, которое входит в производство машины и сохраняется в ней. Так же об-

стоит дело и со скотом. Если в этой форме существует больше прошлого труда, то и в продукт входит бо́льшая составная часть его стоимости, хотя количество живого труда остается тем же самым. Поэтому *стоимость* используемых в земледелии *средств производства* может расти, без того чтобы *росло* количество живого труда, необходимое для их производства, ибо этот живой труд без всякого содействия со своей стороны воспроизводит в *продукте* больше стоимости, чем если бы он работал при более скудных условиях производства. Таким образом, *стоимость единицы товара* [XXII—1 366] в какой-нибудь *отдельной, особой* сфере производства могла бы расти; поэтому, например, один квартер хлеба в Англии мог бы быть дороже, чем в более бедных странах, — совершенно абстрагируясь от не подлежащих здесь рассмотрению *различий в стоимости* золота и серебра в более бедных и более богатых странах, — хотя в действительности квартер пшеницы производился бы в Англии дешевле, чем в тех странах, где он дешевле, коль скоро принимается во внимание *живой* труд. Из этого нельзя было бы сделать тот нелепый вывод, что *все товары* в какой-либо стране могут быть дороже, хотя они производятся *дешевле*. Ибо то, что *прошлый труд* входит вообще в большем масштабе в процесс труда, — что бо́льшая часть совокупного продукта возмещает *прошлый* труд, — вообще возможно только потому, что *живой труд* стал производительнее, что, следовательно, бо́льшая часть этого продукта, вместо того чтобы войти в потребление, может войти в производство. Если бы, например, в том же самом объеме, в каком увеличивалось бы количество машин, в единицу товара входила бы соответственная часть стоимости машин, то происходили бы просто перемещения живого труда. Требовалось бы в той же самой степени больше труда, для того чтобы произвести машину, в какой его нужно было бы меньше, для того чтобы эту машину применять. *В той же самой мере,* в какой применялось бы больше машин, бо́льшая часть их стоимости составляла бы износ и поэтому должна была бы воспроизводиться. Требовалось бы ровно настолько больше машиностроительных рабочих, насколько, например, требовалось бы меньше прядильщиков. То, что выигрывалось бы на одной стороне, терялось бы на другой. Машинный труд не мог бы поэтому вытеснить ручной, так как оба производили бы одинаково дорого. Поэтому не производилось бы ни больше потребительных стоимостей, ни больше прибавочной стоимости, прибавочного продукта, и поэтому также в процесс производства не могло бы входить больше капитала в форме *прошлого труда,* вместо того чтобы расходоваться как *переменный*

капитал, т. е. на заработную плату, или же это имело бы место только потому, что в этой сфере производства машин применялось бы больше живого труда. Это, однако, отнюдь не мешает тому, что если в собственно *промышленности,* например, в результате концентрации рабочих и орудий труда — концентрация последних также и *физически* выступает в виде машин — растет производительность труда, то поэтому растет также и количество того продукта труда, который может быть превращен в средство труда, следовательно, растет *предметное богатство,* с помощью которого *то же самое количество* живого труда начинает процесс воспроизводства, стало быть, растет также и *стоимость совокупного продукта,* хотя цена и стоимость единицы товара падают; в какой-либо *отдельной сфере может применяться* больше *овеществленного труда,* следовательно, больше не только потребительной стоимости, но и меновой стоимости, для того чтобы произвести тот же самый продукт. Воспроизводство *той же самой* меновой стоимости сто́ит во всех этих сферах меньше, потому что то же самое *количество живого труда* сохраняет больше *овеществленного труда.* Следовательно, для того чтобы возместить уменьшающуюся *природную производительность* земли, в продукт одной из этих сфер может входить больше *овеществленного труда,* и поэтому он может дорожать, ибо хотя он содержит меньше живого труда, он содержит больше труда овеществленного, — больше, чем уменьшение живого труда; следовательно, в целом продукт содержит *больше труда,* без того чтобы вследствие этого нация фактически *работала больше* с целью воспроизводства того же самого продукта. Продукт земледелия *может* поэтому дорожать, хотя в действительности он сто́ит меньше *труда,* чем там, где он дешевле, так как *большее количество овеществленного* труда, которое входит в него, фактически ничего не *стоит* нации, потому что, с одной стороны, оно воспроизводится тем же самым количеством *живого* труда, с другой стороны, количество потребительных стоимостей настолько увеличивается, что *бо́льшая часть* их может возместить этот [возросший] постоянный капитал.}

{То, что более богатая нация может расходовать на отдельный продукт больше, чем нация победнее, и при этом не беднеть, показывает между прочим растущая цена непроизводительных видов труда, таких, как пение, балетные танцы и т. д.} [60]

[XXII—1 367] {Прежде чем приступить к дальнейшей разработке этого вопроса, я хочу включить сюда кое-что из моего прежнего изложения, из которого подходит и может быть сохранено следующее [61].

Прибавочная стоимость сама положена опять в виде капитала, в виде овеществленного труда, вступающего в процесс обмена с живым трудом и поэтому распадающегося на *постоянную* часть — объективные условия труда — материал и орудие и на субъективные условия существования труда, условия существования живой рабочей силы, — на жизненные средства для рабочих, на *переменную* часть капитала.

При первом появлении капитала сами эти *предпосылки* внешне представляются такими, будто они произошли из *обращения*, порождены им; представляются как внешние предпосылки возникновения капитала, превращения денег в капитал. Теперь эти *внешние предпосылки* выступают как моменты движения самого капитала, как *результат* его собственного *процесса производства*, так что сам капитал предполагает их в качестве своих собственных моментов и условий.

Объективированный прибавочный труд в своей совокупности и поэтому *прибавочный продукт* в своей совокупности выступают теперь как *добавочный капитал* — *добавочный* по сравнению с первоначальным капиталом, еще прежде чем тот сам реализовался как капитал, т. е. как *ставшая самостоятельной меновая стоимость*, которая противостоит живой рабочей силе как своей *специфической потребительной стоимости*. Все те моменты, которые противостоят живой рабочей силе как *чуждые, внешние* и потребляющие, использующие ее при *известных, от нее самой не зависящих условиях*, теперь положены как ее собственный *продукт и результат*.

Во-первых, прибавочная стоимость, или *прибавочный продукт*, есть не что иное, как определенная сумма *неоплаченного труда* — *сумма прибавочного труда*. Эта новая *стоимость*, которая противостоит живому труду как самостоятельная стоимость, есть *продукт труда*, который капиталист присвоил себе без эквивалента. Этот продукт есть не что иное, как *объективированный избыток* [совокупного] *количества труда* над *количеством необходимого труда*.

Во-вторых, те особые формы, которые эта стоимость должна принять, для того чтобы снова увеличиться, т. е. стать капиталом — с одной стороны, сырьем и орудием, с другой стороны, жизненными средствами для рабочих, — именно поэтому представляют собой лишь *особые формы* самогó *прибавочного труда*.

{Это относится собственно к рассмотрению процесса *воспроизводства*. То, что произвел отдельный капитал, есть *определенный товар*, некоторая часть стоимости которого, правда,

теперь применяется для покупки нового сырья, другая часть — для покупки орудий труда и т. д., но *in natura* * *этот определенный* капитал производит не свои собственные условия воспроизводства, а только *их стоимость*. Если мы будем рассматривать совокупный *прибавочный продукт совокупного капитала*, то он состоит из материала труда, средств труда и жизненных средств. Следовательно, он воспроизвел не только *прибавочную стоимость*, но и те *вещественные формы*, в которых эта *прибавочная стоимость* может снова функционировать как капитал. Здесь, где рассматривается *простая форма* накопления (оно действительно рассматривается еще *формально*, так как конкретно оно может быть рассмотрено только вместе с процессом обращения и процессом воспроизводства), следует прежде всего *подчеркнуть* то, что в *прибавочной стоимости* капиталист имеет ту часть стоимости, на которую он может купить новый материал и орудие. Первоначально дело представляется так: капиталист на *свои деньги* покупает орудие и материал, а также труд. В этом акте купли он делает только то, что делает каждый покупатель, который превращает *свои деньги* в товар; отличие состоит только в том, что он покупает товары, которые будут потреблены производительно, вместо того чтобы покупать товары для своего личного потребления, и это уже само по себе есть большая заслуга, которой он хвастается. Но теперь дело представляется иначе. Фактически на эти *деньги* он покупает рабочего, ибо эти деньги представляют собой не что иное, как *неоплаченный*, присвоенный *без эквивалента чужой труд*. Если бы рабочий мог сам присваивать свой собственный прибавочный труд, то он мог бы сам продавать свой прибавочный продукт и какую-то часть его превращать в средства труда и материал труда. Эти последние не противостояли бы ему тогда как *капитал*. Они представляли бы собой возросшее богатство его собственных [XXII—1 368] условий труда, вместо того чтобы выступать как *добавочный капитал* капиталиста.}

Напротив, то, что орудия или средства труда имелись налицо в объеме, который давал возможность живому труду осуществляться не только в виде *необходимого*, но и в виде *прибавочного труда*, первоначально представлялось чуждым самому рабочему, происходящим без его содействия, представлялось, наоборот, как деяние капитала, т. е. как обстоятельство, зависящее от случайной величины богатства капиталиста. Однако теперь *добавочные средства производства*, позволяющие поглотить прибавочный труд, сами представляют собой всего лишь

* — *в натуре, в натуральной форме. Ред.*

превращенную форму прибавочного труда или прибавочной стоимости.

В-третьих, самостоятельное для-себя-бытие *стоимости* в форме *денег* (как стоимости) или — вещественно — в форме *производительного капитала,* средств производства, куда включаются также и жизненные средства, а поэтому и бытие стоимости как капитала — *отчужденность* условий труда по отношению к живой рабочей силе, доходящая до такой степени, что эти условия противостоят личности рабочего в виде личности капиталиста, противостоят как персонификации, наделенные собственной волей и интересами, — это абсолютное *отделение собственности,* т. е. предметного богатства, от живой рабочей силы, их *разъединение,* то, что условия труда как *чужая собственность,* как реальность другого юридического лица, как абсолютная сфера *его* воли противостоят *рабочей силе* и что поэтому, с другой стороны, труд выступает как *чужой труд* по отношению к олицетворяемой капиталистом стоимости, или условиям труда, — это абсолютное разъединение между собственностью и трудом, между стоимостью и созидающей стоимость деятельностью, а потому также и отчужденность содержания труда по отношению к самому рабочему, это *отделение* выступает теперь как *продукт* самого труда, как овеществление его собственных моментов. Ибо посредством акта производства и в самом акте производства, который лишь подтверждает предшествовавший ему обмен между капиталом и живым трудом, совокупный результат труда (как необходимого, так и прибавочного труда) был положен как *капитал.* Рабочая сила присвоила себе лишь необходимые для ее воспроизводства жизненные средства, т. е. для ее *воспроизводства* в качестве просто рабочей силы, отделенной от условий ее осуществления, причем она сама предполагает эти условия как *вещи,* как *стоимости,* которые противостоят ей в виде чужой, господствующей над ней персонификации. Рабочая сила выходит из процесса [производства] не только не богаче, но беднее, чем она была, когда входила в него. Ведь она не только создала условия живого труда в качестве *капитала,* но и заключенная в ней *возможность* использования стоимости [как капитала], возможность созидания новой стоимости также существует теперь в качестве *прибавочной стоимости, прибавочного продукта, добавочного капитала,* существует как стоимость, одаренная собственной властью и собственной волей, противостоящая рабочей силе в ее абстрактной, лишенной объективности, чисто субъективной бедности. Рабочая сила произвела не только чужое богатство и собственную бедность, но также и отношение этого богатства как

самодовлеющего богатства к рабочей силе как к бедности, потребляя которую богатство впитывает новые жизненные силы и вновь используется [в качестве капитала].

Все это проистекало из того обмена, в котором рабочий обменивал свою живую рабочую силу на некоторое количество *овеществленного* труда, только теперь это овеществление, эти существующие вне рабочего условия его бытия выступают как *его собственный продукт,* как положенные им самим, в равной мере как его собственное объектирование и как объектирование его в качестве независимой от него самого, напротив, в качестве господствующей над ним силы, господствующей в результате его собственной деятельности.

В *добавочном капитале* все его моменты представляют собой продукт чужого труда, превращенный в капитал *чужой прибавочный труд.* Здесь исчезла существовавшая еще при первоначальном рассмотрении процесса производства видимость того, что капитал со своей стороны якобы привнес какую-то стоимость из обращения. Наоборот, объективные условия труда выступают теперь как его продукт — и поскольку они представляют собой стоимость вообще, и поскольку они являются потребительными стоимостями для производства. Но если, таким образом, *капитал* выступает в качестве *продукта* труда, то точно так же *продукт* труда выступает в качестве *капитала* — овеществленный труд выступает как господство над живым трудом, распоряжение им. Следовательно, действие труда в процессе производства выступает таким образом, что труд одновременно отталкивает от себя как чужую реальность свое осуществление в объективных условиях и поэтому предполагает самого себя как лишенную субстанции, всего лишь неимущую рабочую силу в противоположность этой отчужденной от труда, принадлежащей не труду, а другим реальности; что труд свою собственную действительность полагает не как бытие-для-себя, а как всего лишь бытие-для-другого, а потому и как всего лишь инобытие, или как бытие иного против самого себя.

[XXII—1 369] Этот процесс претворения труда в действительность есть, вместе с тем, процесс, лишающий труд действительности. Труд предполагает себя объективно, но свою объективность он полагает как свое собственное небытие или как бытие своего небытия — капитала. Труд возвращается к себе как всего лишь возможность полагания стоимости, или использования себя [как капитала], ибо все действительное богатство, мир действительных стоимостей и точно так же реальные условия его собственного осуществления противопоставлены ему как самостоятельное бытие. Покоящиеся в собственном лоне

живого труда возможности в результате процесса производства существуют вне этого живого труда как реальности, но как *чуждые* ему реальности, образующие богатство, противостоящее труду.} {Продолжение этой выписки следует здесь же ниже [62].}

Весь *добавочный капитал* равен той части *прибавочной стоимости*, которая вновь превращена в капитал, но она не целиком обменивается на *живой труд*, точнее говоря, на него обменивается только та *часть* прибавочной стоимости, которая превращается в переменный капитал. Другая часть расходуется на *овеществленный* труд в тех формах, которые входят как элементы в *постоянный* капитал. Как это происходит детально, следует рассмотреть позже, при исследовании процесса обращения. Подобно тому как деньги превратились в капитал вследствие того, что они обменялись на производительный труд, то же самое происходит и с добавочным капиталом, который вообще есть не что иное, как деньги или товар, превращенные в капитал. Но совершенно так же как деньги при своем первоначальном превращении [в капитал], для того чтобы обменяться на производительный труд, должны были одновременно обменяться на предметные условия производства этого труда, точно так же должен на них обменяться и добавочный капитал. Выражение: превращение прибавочной стоимости в капитал равнозначно обмену прибавочной стоимости на производительный труд — приводит (даже самых выдающихся экономистов) к ложному представлению, будто этот *добавочный капитал* обменивается *только* на живой труд, или превращается только в *переменный* капитал. Наоборот. С прогрессом этого образования капитала все большая часть добавочного капитала обменивается на добавочный *прошлый труд*, на условия труда и все меньшая часть — на *живой труд*. Иными словами, относительно все меньшая часть прибавочного продукта воспроизводится в *жизненных средствах* для рабочих и все большая часть — в *средствах труда и материале труда*. Переменный капитал превращается, так сказать, в плоть и кровь рабочих, в *живой материал труда*, а постоянный капитал — в его вещественные условия. С развитием процесса образования капитала *изменяется* отношение между *постоянным* и *переменным* капиталом. Ибо *капиталистический способ производства* распространяется отчасти на новые отрасли труда, которые еще не были подчинены ему (и изменяет там поэтому *прежнее* отношение [между постоянным и переменным капиталом]); он создает новые отрасли труда, которые с самого начала эксплуатируются капиталистически; наконец, он развивает и расширяет прежние способы производства, увеличивая в них *капиталовложения*, расширяя

масштаб производства. Во всех этих случаях *изменяется* отношение между переменным и постоянным капиталом, отношение обеих составных частей, на которые делится и в которых воспроизводится капитал. Капитал *той же самой величины* — если только его величина достигает того минимума, который требуется для капиталистического способа производства, для промышленного предприятия — распадается на абсолютно бо̀льшую часть, постоянный капитал, и абсолютно меньшую часть, переменный капитал. Если с *образованием капитала*, которое происходит вследствие образования добавочного капитала, изменяется величина совокупного капитала, если она растет, то при всех обстоятельствах *относительно* уменьшается переменная часть капитала, хотя *абсолютно* она растет. Возросший капитал приводит в движение *больше труда*, но по сравнению с *величиной капитала* приводимый в движение труд *меньше*.

Величина переменного капитала может расти только pari passu * с *величиной совокупного капитала*, поскольку *способ производства* остается неизмененным, не происходит никакого изменения в *развитии производительных сил*. Например, если добавочный капитал достаточно велик, для того чтобы соорудить вторую фабрику наряду с первой, при *сохранении той же самой* производительности, то вдвое больший капитал будет применять вдвое больше рабочих, чем прежде вдвое меньший капитал. Бо̀льшая часть *добавочного капитала* только тогда может быть превращена в переменный капитал, т. е. только в том случае может быть применено больше труда по отношению к авансированному капиталу, если он вкладывается в те отрасли производства, которые [XXII—1 370] требуют больше живого труда по отношению к овеществленному. Это может иметь место в какой-то определенной сфере, в какой-то одной сфере, сравниваемой с другими.

Но с развитием капиталистического производства, которое связано с *растущей массой капитала* как со своим материальным базисом, изменяются *способ производства, производительность труда*, а следовательно, и то *технологическое отношение*, в котором определенные количества предметных средств труда требуют определенного количества живого труда, для того чтобы привести в движение эти средства труда. Мы видели это при рассмотрении капиталистического способа производства [63]. Расширение масштаба [производства] делает возможным расширение кооперации, разделения труда, машинного производства, прочих материальных вспомогательных средств производства,

* — буквально: одинаковым шагом; здесь: в соответствии. *Ред.*

посредством которых достигается *повышающаяся производительность* труда. Тем же самым трудом обрабатывается большее количество сырья, приводится в движение большее количество средств труда, воспроизводится в продукте большее количество постоянного капитала, используется более значительная часть средств труда, не входящая в процесс образования стоимости.

Растущая производительность труда, которая развивается с растущим объемом капитала, следовательно, с обратным превращением прибавочной стоимости в капитал, с образованием добавочного капитала, выражается именно в том или тождественна с тем, что изменяется отношение между *постоянным* и *переменным* капиталом и что то же самое количество труда приводит в движение больше постоянного капитала либо же меньшее количество труда приводит в движение тот же самый постоянный капитал или большее его количество, — выражается, следовательно, в том, что та часть совокупного капитала, которая превращается в переменный капитал, постоянно уменьшается по сравнению с той его частью, которая превращается в постоянный капитал. Применяемое количество труда растет вместе с ростом совокупного капитала, но в постоянно уменьшающемся отношении к росту совокупного капитала. Переменная часть *добавочного капитала* могла бы беспрерывно поглощать все *избыточное население,* и все-таки *относительная величина добавочного переменного* капитала постоянно уменьшалась бы по отношению к совокупному капиталу. И в том же самом отношении, в каком растет капитал, вследствие роста добавочного капитала и присоединения добавочного капитала к совокупному капиталу, развивается, — исключая короткие интервалы расширения [производства] при *сохранении той же самой производительности труда,* — вместе с сопровождающим указанный рост прогрессом производительности труда *относительный* и *абсолютный* рост постоянного капитала по сравнению с переменным. Поэтому все меньшая *доля* добавочного капитала превращается, в ходе развития и как результат накопления, в переменный капитал, или в жизненные средства, обменивающиеся на живой труд. Это тождественно только с тем, что растет масштаб производства и поэтому уменьшается относительное количество живого труда, необходимое для того, чтобы превратить в продукт растущее количество средств производства. Если, например, отношение постоянного капитала [к переменному] составляет 3 : 1, то добавочный капитал должен превращаться в переменный [и постоянный] капитал в пропорции 1 : 3; если это отношение составляет 5 : 1, то в пропорции 1 : 5, если 10 : 1, то в пропорции 1 : 10, и с накоплением

[капитала] указанное отношение 3 : 1 превращается в 4 : 1, 5 : 1, 10 : 1 и т. д.

Добавочный капитал изменяет указанное отношение у *совокупного капитала* — не только у себя самого, но и у того первоначального капитала, отпрыском которого он является. Ведь именно в результате его присоединения к первоначальному капиталу предметные условия процесса труда допускают повышение производительности труда и поэтому — уменьшение отношения переменного капитала к постоянному. Чем богаче те условия, при которых уже работают, тем больше при воспроизводстве совокупного продукта отношение той его части, которая воспроизводится как постоянный капитал, к той его части, которая воспроизводится как переменный капитал. То же самое деление имеет место у добавочного капитала при неизменном масштабе производства: еще больший перевес постоянного капитала над переменным.

[XXII—1 371] Итак, *переменный капитал,* т. е. затраченная на заработную плату часть капитала, растет с *накоплением капитала,* ибо это есть единственное средство произвести *абсолютную прибавочную стоимость;* но эта часть капитала уменьшается относительно или растет во все убывающей пропорции по сравнению с *ростом совокупного капитала,* и именно увеличивающееся *превращение неоплаченного труда* в капитал, т. е. *накопление,* есть средство и необходимый производитель этого уменьшающегося отношения, не только проявляющийся в *разделении* добавочного капитала, но и отражающийся на *совокупном капитале.*

Всякое накопление есть средство для еще большего накопления, следовательно, средство для эксплуатации большего количества *живого труда,* но одновременно оно есть средство для применения меньшего количества *живого* труда по отношению к совокупному капиталу.

Если посредством *добавочного капитала* находит применение и поглощается избыточное население, то, как мы видели при рассмотрении капиталистического производства [64], этот процесс ассимиляции, или процесс поглощения живого труда овеществленным трудом, поэтому вызывает и сопровождается — наряду с усовершенствованием машин и т. д. и применением капиталистического способа производства там, где он раньше не применялся, — постоянным выбрасыванием рабочих, их высвобождением, исключением их [из процесса производства], так что возрастающее количество притягиваемых капиталом рабочих порождается возрастающим количеством отталкиваемых, высвобожденных рабочих, — обстоятельство, посредством

которого накопление, помимо естественного прироста населения, постоянно держит в резерве и производит находящееся в его распоряжении избыточное население — живой материал для еще большего накопления капитала.

Отнюдь не следует представлять себе дело таким образом, будто *количество переменного капитала* идентично с *растущим количеством жизненных средств,* которое вместе с *увеличением объема капитала и производительности труда* превращается в переменный капитал, т. е. *может* быть обменено на живой труд; иными словами, мифическим является представление, будто определенная часть продукта, вследствие природы своей потребительной стоимости, должна быть превращена в *переменный капитал* или будто *переменный капитал* имеет какое-то необходимое отношение к *количеству жизненных средств* (или материала для жизненных средств), которые в качестве средств потребления могут входить в *воспроизводство* рабочей силы. [XXII—1 371] [65]

[ГЛАВА 8]

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ

[XXII—1 395] {*Из более раннего изложения*[66].

Если мы теперь рассмотрим прежде всего сложившееся отношение: ставшую капиталом стоимость (и ставшую добавочным капиталом прибавочную стоимость) и живой труд как всего лишь противостоящую капиталу потребительную стоимость, так что живой труд выступает только средством для того, чтобы *увеличить стоимость* овеществленного, мертвого труда, вдохнуть в него живую душу, утратив при этом свою собственную, и в результате, с одной стороны, произвести созданное богатство как чужое, а как свое — только нищету живой рабочей силы, то дело представляется просто так, что в самом процессе и посредством него вещественные условия реального труда (т. е. материал, в котором происходит увеличение стоимости, орудие, посредством которого увеличивается стоимость, и жизненные средства, которые должны раздуть пламя живой рабочей силы и побудить ее к труду, не давать ей погаснуть, доставляя необходимые для ее жизненного процесса вещества) положены как чужие самостоятельные сущности или как *способ существования чужой личности*, как нечто, само противостоящее живой рабочей силе, которая изолирована от них и субъективна, — положены как прочно обособившиеся, для-себя-сущие стоимости, а потому как стоимости, образующие богатство, чуждое рабочей силе, богатство капиталиста. Объективные условия живого труда выступают как *отделившиеся стоимости, ставшие самостоятельными* по отношению к живой рабочей силе как субъективному бытию, которая по отношению к ним также выступает лишь как стоимость *другого рода* (она отличается от них

не как *стоимость,* а как *потребительная стоимость*). Если это разделение однажды выступает как предпосылка, то *процесс производства* может его только *воспроизводить,* производить вновь и воспроизводить в большем масштабе. Ка̀к он это делает, мы видели. Объективные условия живой рабочей силы предпосланы как условия, существующие самостоятельно по отношению к ней, как объективность отличного от живой рабочей силы и самостоятельно противостоящего ей субъекта; поэтому воспроизводство и *увеличение стоимости,* т. е. *расширение* этих *объективных условий,* есть вместе с тем воспроизводство и новое производство их в качестве богатства чужого субъекта, безразличного к рабочей силе и самостоятельно противостоящего ей. Воспроизводится и производится вновь не только *бытие* этих объективных условий живого труда, но и их *чуждое* рабочему *бытие,* их бытие как самостоятельных, т. е. принадлежащих чужому субъекту стоимостей, в противовес этой живой рабочей силе. *Объективные* условия труда приобретают по отношению к живой рабочей силе *субъективное* существование — из *капитала* возникает *капиталист;* с другой стороны, всего лишь субъективное бытие рабочей силы по отношению к ее собственным условиям придает ей всего лишь безразличную объективную по отношению к этим условиям форму: рабочая сила — только *стоимость особой потребительной стоимости — товар* — наряду с ее собственными условиями как *стоимостями другой потребительной стоимости — другими товарами.* [XXII—1 396] Вместо того чтобы воспроизводиться в процессе производства в качестве условий осуществления рабочей силы, они, наоборот, выходят из процесса производства как условия увеличения и сохранения *своей собственной* стоимости в качестве для-себя-сущей стоимости, противостоящей рабочей силе. Материал, обрабатываемый рабочим, есть *чужой* материал; точно так же орудие есть *чужое* орудие; труд рабочего выступает только как придаток к материалу и орудию как субстанции, и поэтому он овеществляется в том, что *ему не* принадлежит. Даже сам живой труд выступает как *чужой* по отношению к живой рабочей силе, трудом которой он является, проявлением собственной жизни которой он выступает, так как труд передан капиталу взамен овеществленного труда, взамен продукта самого труда. Рабочая сила относится к труду как к чужому, как к *принудительному труду.* Ее собственный труд является для нее чужим, и, как мы видим, в капиталистическом производстве он является таковым по своему содержанию, по управлению им, по своей общественной форме, — точно так же как материал и орудие. Поэтому также и продукт

является для рабочей силы комбинацией чужого материала, чужого орудия и чужого труда, выступает как *чужая собственность,* и после производства рабочая сила становится беднее на израсходованную жизненную энергию; и тяжкий труд начинается снова как труд рабочей силы, применяемой *условиями труда.* Осознание [рабочим] продукта труда в качестве своего собственного и оценка отделения [труда] от условий его осуществления как несправедливости — как *отношения принуждения* — свидетельствуют об огромной сознательности, являющейся *в свою очередь продуктом* капиталистического способа производства, и точно так же служат похоронным звоном, предвещающим гибель этого способа производства, как с осознанием рабом того, что он *не может быть собственностью другого лица,* рабство влачило уже только искусственное существование и впредь уже не могло служить базисом производства.

Если мы, напротив, рассмотрим *первоначальное отношение,* предшествовавшее вступлению денег в процесс самовозрастания стоимости, то выявятся различные условия, которые *должны были возникнуть исторически* или должны были *существовать,* для того чтобы деньги стали капиталом, а труд — наемным трудом. Существенные условия положены в самом отношении, положены так, как оно выступает первоначально: 1) на одной стороне наличие живой рабочей силы как всего лишь *субъективного* существования, отделенного от моментов его объективной действительности, отделенного поэтому как от *условий* живого *труда,* так и от *средств существования, жизненных средств,* средств самосохранения *живой рабочей силы;* живая возможность труда в этой полной абстракции — на одной стороне; 2) находящаяся на другой стороне стоимость, или овеществленный труд, должна представлять собой накопление потребительных стоимостей достаточно большое, для того чтобы доставить предметные условия не только для производства товара, необходимого для сохранения или воспроизводства живой рабочей силы, но и для производства прибавочного труда — доставить объективный материал для прибавочного труда; 3) свободный обмен — денежное обращение — между обеими сторонами; основанное на меновой стоимости, а не на отношении господства и кабалы, отношение между двумя полюсами, т. е., следовательно, производство, которое доставляет производителю жизненные средства не непосредственно, а через посредство обмена и которое точно так же не располагает непосредственно чужим трудом, а должно покупать его у самого носителя этого труда; наконец, 4) та сторона, которая представляет предметные условия труда в *обособившейся* форме,

должна выступать как *стоимость,* конечной целью которой должно быть *полагание стоимости,* самовозрастание стоимости, делание денег, но не непосредственное потребление или созидание потребительных стоимостей.

[XXII—1 397] До тех пор пока *обе* стороны обмениваются своим трудом в форме *овеществленного труда* — как *продукты,* которые представляют собою *товары,* — подобное отношение невозможно; оно невозможно также и в том случае, если *рабочий* сам выступает как собственность другой стороны, сам принадлежит к *объективным* условиям труда, а не выступает в качестве *лица,* участвующего в обмене. (Это не противоречит тому, что внутри буржуазной системы производства возможно в отдельных пунктах рабство. Но последнее возможно в этих условиях только потому, что оно не существует в других пунктах и выступает как аномалия по отношению к самой буржуазной системе.)

Те условия, при которых первоначально выступает это отношение, которые, стало быть, выступают в качестве исторической предпосылки его становления, с первого же взгляда обнаруживают двойственный характер: с одной стороны, разложение низших форм живого труда, с другой стороны, разложение отношений, более благоприятных для непосредственных производителей. С одной стороны, разложение рабства и крепостничества. С другой стороны, разложение той формы, в которой средства производства существуют непосредственно как собственность непосредственного производителя, направлен ли его труд *преимущественно* на создание потребительной стоимости (сельскохозяйственный труд) или меновой стоимости (городской труд). Наконец, разложение той формы *общины,* в которой работник в качестве органа этой естественно возникшей общины вместе с тем положен как собственник или владелец своих средств производства.} [XXII—1 397] [67]

[XXII—1 402] *Первоначальное накопление.* Возьмем сочинение *Прайса и сочинение, в котором ему возражают* [68].

Dr. *Richard Price.* Observations on Reversionary Payments. 6. edit. 2 vols. (edited By *William Morgan.* London, 1803).

(*3-е издание,* на которое ссылается возражающий ему автор, вышло в 1773 году.)

Прайс, указ. соч., том II:

«Если земля попадает в руки *немногих крупных фермеров...* то *мелкие фермеры»* (которых он раньше характеризовал как «массу мелких собственников и фермеров, обеспечивающих себя и свои семьи продуктами обрабатываемой ими земли, овцами, которые содержатся на общинной земле, птицей, свиньями и т. д., так что им почти не приходится *покупать*

средства существования на рынке») «*превращаются* в людей, вынужденных добывать себе средства к существованию *трудом на других* и покупать все, что им нужно, на рынке» (стр. 147). «Выполняется, быть может, *больше труда*, так как *больше принуждают* к труду» (там же). «Больше *хлеба* будет потребляться и, следовательно, больше зерна выращиваться, потому что будет *меньше возможности* заплатить за другую пищу» (там же, стр. 147—148). «Города и мануфактуры будут расти, потому что *туда сгоняется все большее количество людей*, вынужденных искать себе занятий. Вот те результаты, к которым неизбежно должна приводить *концентрация ферм* и к которым она *действительно* приводит в нашем королевстве в течение уже столь многих лет» (там же, стр. 148). «Те самые причины, которые вызывают уменьшение численности арендаторов, могут в течение некоторого времени способствовать улучшению обработки земли» (там же).

Изложенное на стр. 149—152 (стр. 32 в тетради [69]) также показывает, что трудящиеся классы потребляли гораздо *больше мяса* и поэтому им была более безразлична *цена хлеба*, особенно пшеничного.

Цитируется достопочтенный господин Аддингтон: Enquiry into the Reasons for and against Inclosing Open Fields. London, 1772, стр. 43 и 37.

«В Нортгемптоншире и Лестершире очень распространилось огораживание общинных земель, и *большинство новых лордств, образовавшихся благодаря огораживанию, превращено в пастбища;* вследствие этого во многих лордствах не распахивается и 50 акров, хотя раньше распахивалось до 1 500 или, по меньшей мере, 1 000 акров; теперь едва ли увидишь колос хлеба на огромных пространствах в сотни миль. И так остро чувствовались результаты всего этого, что недавно в этих местностях самая плохая пшеница продавалась в среднем по 7 шилл. и 7 шилл. 6 пенсов за один винчестерский бушель, тогда как прежде, в течение многих месяцев, она обычно продавалась за 3 шилл. 6 пенсов и 4 шилл. и т. д.» (стр. 43).

Аддингтон отмечает также:

«В Нортгемптоне и Лестере уменьшение численности населения почти во всех огороженных деревнях, в которых [XXII — 1 403] нет значительной мануфактуры, очевидно, замечается каждым, кто знал их 20 или 30 лет тому назад и видит их теперь... Развалины стоявших здесь некогда жилых домов, сараев, конюшен и т. д. показывают каждому проходящему мимо них, что некогда они были более населенными. В некоторых местах от ста домов и семей осталось всего 8 или 10. В большинстве приходов, где огораживание началось всего 15 или 20 лет тому назад, сохранились лишь очень немногие из тех *земельных собственников*, которые обрабатывали землю раньше, когда поля еще не были огорожены. Далеко не редки случаи, когда 4 или 5 богатых скотоводов *поглощают* большие, недавно огороженные лордства, которые раньше находились в руках 20 или 30 фермеров и такого же количества мелких собственников и других жителей. Все они *с их семьями изгнаны из своих владений*, вместе с ними изгнано и много других семей, которые находили у них работу и пропитание» (там же, стр. 37).

Относительно этих цитат из сочинения Аддингтона Прайс замечает:

«Я говорю здесь об *огораживании открытых до того времени полей и земель,* которые уже были обработаны. *Даже авторы, защищающие огораживания,* признают, что вследствие огораживаний уменьшается количество пашни, усиливается монопольное положение крупных ферм, повышаются цены на жизненные средства и сокращается население. Поэтому такого рода огораживания, как бы выгодны они ни были в настоящее время для немногих индивидов, безусловно пагубны. Напротив, огораживание *невозделанных и общинных земель* было бы полезно, если бы их разделили на мелкие участки и отдали за умеренную плату в аренду бедным. Но если, помимо уменьшения производства тонкой шерсти, оно *тяжелым бременем ложится на плечи бедных, лишая их части их жизненных средств,* и ведет только к увеличению и без того слишком больших ферм, то сопутствующие им выгоды не могут компенсировать многих невыгод» (там же, стр. 155—156, примечание).

(Из этих цитат видно, как плоско и оптимистично понимает дело компилятор и отъявленный плагиатор Мак-Куллох, который на стр. 194 своей книги «The Literature of Political Economy». London, 1845, писал:

«Каким бы другим причинам ни приписывать рост цен, едва ли можно представить себе, что к их числу относится распространение огораживаний. Действительно, если что-то и содействовало в большей степени, чем что-либо другое, значительному росту производства в Англии с середины прошлого столетия, то это было огораживание невозделанных земель и т. д.».)

Мы видим, как у современников данного *процесса,* который образует главный момент в *первоначальном накоплении* капитала, — а именно (позже процитировать *Стюарта* [70]) *отделение земли от ее трудолюбивых детей,* — образование крупных ферм путем *«поглощения»* (что является лишь другим словом для обозначения концентрации многих мелких ферм в *одних* руках) определяется как *характерная черта.* Совершенно так же, как у Мирабо, крупные мануфактуры названы *«объединенными фабриками»* [71], сконцентрированными в одних руках мелкими мануфактурными предприятиями.

Первоначальное накопление, которое приняло такой идиллический вид в изображении либеральных кретинов, представляет собой в высшей степени грустную и трагическую историю.

Решающим является *концентрация наличных условий производства* в руках немногих и *отделение этих условий производства от непосредственных производителей,* собственностью или владением которых они первоначально были. О грабеже *церковного имущества* дворянством и буржуазией смотри у *Коббета* в его истории реформации [72]. *Мошенническое присвоение*

принадлежащих короне поместий с возникновением либерального режима (см. у *Ф. Ньюмена* [73]). *Мошеннические огораживания общинных земель* (см. процитированные места и другие). При этом гибель *йоменов* [74], самостоятельно обрабатывавших землю собственников {так же как и коттеров [75]}, которые еще в 1689 г. были собственниками, имели в своих руках, быть может, $^{7}/_{10}$ всей земли [76]. [XXII—1 404] (См. *Маколея* [77] и места, которые следует процитировать позднее.) Эти последние погибли вследствие *усовершенствования земледелия,* конкуренции крупных фермеров (так как приблизительно с 1700 по 1750 г. хлебные цены почти непрерывно падали [78]), при растущем *бремени податей* (государственный долг и т. д., постоянная армия и т. д.), а также вследствие упадка *сельских побочных промыслов,* которые не могли конкурировать с мануфактурами. Так же как сами *работники* погибали от голода вследствие высоких *налогов на жизненные средства* (о таможенных пошлинах и акцизе см. нижеследующую цитату). (Вся *система протекционизма* по отношению к сельскохозяйственному и мануфактурному производству, наряду с развитием внешней торговли, колониальной системы и кредитной системы, содействовала отчасти *ускорению* накопления, накопления капитала за счет трудящихся классов и старого мелкопоместного дворянства, а также превращению самостоятельных производителей в простых наемных рабочих. Внезапное образование больших *состояний* посредством государственного долга, равнозначного биржевому мошенничеству, так же как и посредством *вновь появившихся* посредников, агентов, маклеров и т. д., ускорило концентрацию денег в немногих руках; эти деньги впоследствии действуют как *капитал* частично в земледелии и частично в мануфактуре или же путем *покупки земли* содействуют также новой системе сдачи земли в аренду, системе, имеющей целью исключительно денежный доход земельного собственника.)

Систематически это делалось путем *очистки имений* [79]. (Превращение клановой или феодальной земельной собственности в современную, насильственное отделение старых арендаторов от условий их производства, сопровождавшееся убийством (умышленным или непреднамеренным), военными экзекуциями, насильственным превращением их в нищих, сожжением их коттеджей. В *горной Шотландии* это происходило начиная с середины XVIII столетия; повторилось в XIX столетии. Отчасти продолжается и теперь. Сначала превращение этих земель в пастбища для овец, позднее (теперь) даже в искусственные лесные угодья для охоты; при этом в XVIII столетии жителям этих мест законом воспрещалось *переселение,*

для того чтобы загнать их на фабрики. Часть этих людей становится рыбаками, бежит на морское побережье. Но и оттуда они вновь изгоняются, как только лендлорды нашли более выгодным заключать контракты с крупными лондонскими рыботорговцами, которые вели дело в крупном масштабе.) (В *Англии* за десятилетие до середины XVIII столетия посредством *огораживания общинных земель, объединения взятых в аренду мелких участков* произошло превращение *пахотной земли в пастбища для скота.* Этот процесс происходит еще и теперь. В наиболее крупном масштабе *очистка имений* в Ирландии происходит вновь начиная с 1846 г. Голодная смерть одного миллиона ирландцев и изгнание другого миллиона за океан — таковой была *очистка имений в Ирландии.* Она продолжается (процитировать подробности об этом). *Очистка имений* как *систематический* процесс, осуществлявшийся в целых графствах, показывает лишь то, что в период *первоначального накопления* она происходила всюду и везде вследствие изменившихся производственных отношений.)

Теперь против *Прайса, Аддингтона* и т. д.: «*An Inquiry into the Connection between the present price of Provisions, and the Size of Farms* etc. *By a Farmer*». *London, 1773.*

Этот парень пожимает плечами по поводу тех людей, чья философия «не видит ничего, кроме чрева бедняков». Этого упрека, конечно, не сделаешь современной политической экономии.

«Культура земли не может зайти слишком далеко» (стр. 62).

Парень — *фритредер:*

отмени хлебные законы, «сделай торговлю свободной и открытой для вывоза и ввоза во все времена и во всех случаях, без малейшего ограничения ... пусть зерно течет, как вода, и нужный уровень его установится» (стр. 88).

{*Свободная торговля*, оставляя в стороне отмену ограничений международной торговли, означает не что иное, как *свободное, ничем не ограниченное развитие* капиталистического производства и его законов, не принимающее во внимание агентов производства, не принимающее во внимание все [XXII—1 405] экзотерические соображения, будь то национальные, гуманные или какие бы то ни было другие, по поводу законов и условий *развития капитала.* Прежние ограничения, поскольку они исходят от самих владельцев мануфактур, собственников земли и т. д., должны сначала сами создать условия, при которых *капитал* может исходить из самого себя как из предпо-

сылки. Только на *известной ступени* своего развития капитал больше не нуждается в помощи извне.}

«Абсолютно необходима полная свобода торговли вообще, но особенно необходима свобода торговли хлебом» (там же, стр. 135).

Возражение Прайсу:

«Неправилен вывод, будто страна обезлюдела, поскольку население не расточает более свой труд на открытых полях» (стр. 124).

«Если *в результате превращения мелких фермеров в людей, вынужденных работать на других, приведено в движение большее количество труда*, то это только выгодно и желательно для нации» (стр. 128). «Продукта получается больше, если их комбинированный труд применяется на одной ферме: таким путем *создается избыток для владельцев мануфактур* и, следовательно, число мануфактур — этих золотых россыпей нашей страны — возрастает соответственно количеству производимого хлеба» (стр. 129).

{В результате увеличившейся производительности капиталистического производства создается не только *избыток*. Если, например, из 4-х человек, которые работали на земле, нужны уже только 3, но вместе с тем *переменный* капитал замещается *постоянным*, и эти 3 выбрасываются в мануфактуру, то часть постоянного капитала фермера обменивается на переменный капитал владельца мануфактуры. Эти трое рабочих получают теперь в качестве заработной платы от владельца мануфактуры такое количество хлеба, которое прежде они потребляли как крестьяне. Таким образом, больше *хлеба выбрасывается на рынок* не потому, что производится избыток, а потому, что часть продукта, которая прежде непосредственно потреблялась теми тремя работниками как крестьянами, теперь покупается теми же самыми тремя работниками как рабочими мануфактуры. На рынок выбрасывается больше, потому что больше потребителей выброшено из земледелия в мануфактуру. В *результате этого* получается не добавочный продукт — хлеб, а больше продукта мануфактуры.}

Он допускает, что даже еще в 1697 г. мясная пища преобладала у рабочих (там же, стр. 130).

У него, впрочем, правильные представления (следовательно, *до* А. Смита) об изменении и выравнивании относительных цен мяса и хлеба:

«Стоимость одного продукта должна падать или стоимость другого повышаться до тех пор, пока они не сделаются одинаковыми... Единственный метод *установления* того, какой должна быть цена одного продукта, для того чтобы она соответствовала цене другого, состоит в том, что *выделяется определенная сумма денег на производство хлеба и равная ей сумма на выращивание и откорм скота; одинаковая прибыль* определит *действительную стоимость* каждого» (стр. 132—133).

(В процитированном месте рента не включена в издержки производства.) *Это место важно для цен производства.*

«*Если бы не был нужен труд, не могло бы быть и цены*» (стр. 138).

Этот человек соглашается с *доктором Прайсом* в том, что заработная плата не повысилась *пропорционально росту цен на продовольствие,* и торжествующе добавляет:

«Суждение доктора (Прайса) относительно условий того, что *цена труда не повысилась пропорционально росту цен на продовольствие, подтверждает* то, что говорится в важных работах г-на *Артура Юнга,* и, я надеюсь, *успокоит* умы тех, *кто воображает, что дороговизна продовольствия должна разорить наши мануфактуры*» (там же).

(Последнее утверждение было тогда общим мнением.)

[XXII — 1406] «Я больше всего скорблю... об исчезновении наших *йоменов, категории людей, которые действительно поддерживали независимость нашей нации;* мне грустно видеть, что земли их находятся теперь в руках *монополистов-лордов и сдаются в аренду мелким фермерам* на условиях, не намного лучших, чем для вассалов, причем эти фермеры при первом же злосчастном случае могут быть прогнаны. Что же касается класса, называемого *наемниками,* то я думаю, что они находятся большей частью в том же положении, в каком находились, с тем преимуществом, что теперь они работают, а не бродят по общему выгону и невозделанной земле» (стр. 139).

Следующее место по поводу мнения *Смита* о том, что хлеб создает своих потребителей и постоянно имеет стоимость:

«Обработка земли не может быть чрезмерной» (стр. 62).

«Хлеба имеется много или мало в соответствии с его потреблением. Если налицо больше ртов, то будет больше и хлеба, потому что будет больше рук для обработки земли; а если налицо больше хлеба, то окажется больше и ртов, так как изобилие увеличивает население» (там же, стр. 125).

«Чрезмерное изобилие в мануфактурных городах не производит больше труда, но наоборот. Факт, хорошо известный тем, кто сведущ в этом деле, заключается в том, что *недостаток* чего-либо *в известной степени способствует развитию производства* и что рабочий мануфактуры, если он может существовать на труд трех дней, будет лениться и пьянствовать в остальные дни недели» (стр. 93).

Этот парень, дающий очень точное исчисление расходов и доходов фермеров (стр. 146, 103—107), говорит:

«Согласно упомянутому выше исчислению... фермер, по-видимому, может, благодаря большому старанию и в случае удачи, получить около 25% [прибыли] *в год,* но для этого он должен продавать свою пшеницу по 46 шилл. 8 п. и т. д. Не всякая земля позволит вести дело с такой большой прибылью» (цит. соч., стр. 107).

Мы видим, как крупные фермеры тогда обогащались — *накопляли капитал* — путем обнищания работников и экспроприации мелких арендаторов. С конца XIV (или начала XV) по XVI в. происходило *превращение пахотной земли в пастбища для овец*. Противодействие английских законов. В XVII в., при Елизавете, а также со времени революции до 1697 г. опять увеличивается число мелких земледельцев и арендаторов, отчасти потому, что получает развитие производство зерна, отчасти потому, что мануфактура часть подготовительных работ для себя (например, прядение) стала производить в деревне.

... * То, что обнищание рабочих шло рука об руку с «накоплением капитала», видно также из работы Прайса.

Прайс говорит: [80]

Бэкон в своих «Essays, civil and moral», глава 29, говорит:

«В акте Генриха VII глубоким и достойным удивления было то, что он создавал земледельческие хозяйства и дворы определенной *нормальной* величины, т. е. удерживал за ними такое количество земли, *при котором они могли давать подданных, достаточно обеспеченных и не находящихся в рабской зависимости*, и при котором, с другой стороны, плуг держали руки самого *собственника*, а не *наемника*» **. «*Огораживания*», — говорит Бэкон также и в своей истории царствования Генриха VII, — «проводились в то время (1489 г.) более часто, в результате чего пахотная земля превращалась в пастбища, на которых работало немного пастухов. Это повлекло за собой убыль населения... Они (король и парламент) приняли меры против *истребляющей население узурпации общинных земель* и против *истребляющего население пастбищного хозяйства*. Закон предусматривал, что все сельские хозяйства с 20 и более акрами земли должны были бы сохраниться навсегда вместе с тем количеством земли, которое должно быть занято ими и никоим образом не должно быть отделено от них. Посредством указанных мер эти хозяйства должны сохраниться и не должны нищать».

Этот акт при Генрихе VIII предписывал конфискацию половины земельного участка у каждого, кто превращал пашню в пастбище ([*Прайс*]. Цит. соч., стр. 156, 157).

[XXIII—1 407] *** В законе, изданном в 25-й год царствования Генриха VIII, говорится,

«что много ферм и большие стада скота, в особенности овец, скопились в немногих руках, вследствие чего *земельная рента возросла, а обработка пашни пришла в упадок;* церкви и дома снесены, цена на продовольствие чрезвычайно повысилась, огромное количество людей оказалось не в состоянии содержать самих себя и свои семьи, и поэтому законом предписы-

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

** Здесь и далее (до конца страницы) рукопись повреждена. *Ред.*

*** На обложке тетради XXIII рукою Маркса проставлена дата: «*Июнь. 1863*». *Ред.*

валось, что ни одно лицо не имело права держать свыше 2 000 овец и *брать в аренду больше двух ферм»* [81].

При *Эдуарде VI* был внесен проект закона в пользу бедных о восстановлении разрушенных домов фермеров и *о стимулировании обработки земли вместо огораживания в слишком больших размерах.* В 1638 г. *Карлом I* была назначена *специальная комиссия,* призванная обеспечить принудительное исполнение *закона, изданного в 30-й год царствования Елизаветы,* согласно которому ни в какой сельской местности не разрешалось строить коттеджи без наличия по крайней мере 4 акров земли, для того чтобы предупредить увеличение численности бедных путем обеспечения их жизненными средствами; ограничивалось количество людей в коттедже, для того чтобы обеспечить обработку всей земли путем большего расселения на ней людей ([*Прайс.* Цит. соч.,] стр. 157, 158). По закону *времен Кромвеля* не разрешалось строить новый дом в пределах до 10 миль от Лондона, если при доме не было 4 акров обрабатываемой земли (там же).

«Такой», — говорит д-р *Прайс,* — «была политика в прежние времена. *Современная* политика, конечно, *более благоприятна для высших классов народа;* следствием ее может быть то, что со временем все население королевства будет состоять только из *дворян* и *нищих,* т. е. из *вельмож* и *рабов»* (стр. 158).

Так как в прежние времена число лиц, занятых *обработкой земли,* было больше и все имели больше возможности *работать на самих себя,* то из этого резонно следует, что *количество людей,* готовых *работать на других,* должно было быть меньше, а *цена одного рабочего дня* — выше. Так обстоит дело теперь в наших *американских* колониях, и, как обнаружено в результате исследования, точно так же обстояло дело и в нашей стране в прошлом (стр. 158, 159). *Номинальная цена одного рабочего дня* в настоящее время не более, чем, примерно, в 4 раза или, самое большее, в 5 раз выше... Следовательно, цена труда повышалась настолько не соразмерно возрастанию стоимости жизни, что теперь она, быть может, не составляет по отношению к этой стоимости и *половины* того, что составляла раньше (стр. 159).

Прайс цитирует:

{Mr. *Kent.* Hints to Gentlemen of Landed Property etc. London, 1775 (2-е издание вышло в 1793 г.), стр. 273:

«Баланс в настоящее время в значительной мере не в пользу рабочих. ...Большое увеличение налогов в пользу бедных может быть объяснено в немногих словах. Повышение [цены] земли и ее продукта составило по крайней мере 60%; повышение [цены] труда — не более 20%. Разница,

конечно, не в пользу рабочих; а когда их заработок недостаточен для приобретения абсолютно необходимых жизненных средств, они неизбежно должны прибегнуть к просьбе о помощи».}

Далее *Прайс* сам отмечает:

«В общем положение низших классов народа изменилось почти во всех отношениях к худшему. Из *мелких землевладельцев* они *низведены* до положения *поденщиков* и *наемников*, и в то же самое время их существование в этом положении стало более трудным» (стр. 159 и след.). [XXIII — 1 407] [82]

[XXIII—1 438] *Первоначальное накопление.*

Этого парня [83] очень хорошо процитировать при рассмотрении *принуждения к труду и создания, с помощью государственной власти* и т. д., таких условий, которые содействуют накоплению капитала и превращают рабочий класс в простое орудие реализации стоимости капитала, а также максимально быстрого и массового возрастания капитала.

Насильственное законодательство впервые начинается статутом Эдуарда III, который устанавливает *рабочий день* (пытаясь вместе с тем удержать *заработную плату* на низком уровне), но как раз в духе, противоположном *современным фабричным законам*. Первое законодательство соответствует периоду образования капиталистического производства, условия которого созревают постепенно; последнее законодательство относится к периоду *господства капиталистического способа производства*, который устранил все стоявшие на его пути препятствия и создал условия, при которых «естественные законы» действуют свободно. Первым законодательством *рабочий день* определяется так, чтобы путем принуждения, находящегося вне действия экономических законов, заставить рабочего ежедневно выполнять определенное количество труда; это — законы против так называемых «лени и покоя» рабочего класса. Наоборот, второе законодательство, или законы против *чрезмерного труда*, представляет собой посягательство на «естественную игру» экономических законов. Противоположный характер тех и других законов характеризует тот способ, каким капиталистическое производство принуждает к труду: одни законы *принуждают* к труду, другие законы принуждают к *ограничению* рабочего дня.

Парень начинает так:

«В царствование *Эдуарда VI* англичане с полной, по-видимому, серьезностью принялись за *поощрение* мануфактур и *предоставление бедным занятий*. Это видно из одного замечательного закона, в котором говорится,

«что на всех бродяг должно быть *наложено клеймо,* что в течение двух лет они должны быть *рабами* тех, кто донесет на них; содержать их нужно на хлебе и воде»

{впоследствии это стало нормальной пищей земледельческих рабочих},

«с железным ошейником или кольцом на шее, руках или ногах; а если они попытаются убежать, заклеймить их дополнительно и осудить к пожизненному рабству, а если вновь попытаются убежать, то повесить» *(Статут I Эдуарда VI, гл. 3)*» [«An Essay on Trade and Commerce». London, 1770, стр. 5—6].

Дороговизна продовольствия есть обстоятельство, которое приводит (без принудительных законов) к тому, что трудящиеся бедняки «не могут ни жить дешевле... ни работать с бо̀льшим напряжением», и тем самым достигается «рациональное счастье» гордого английского крестьянства [стр. 14—15].

При более дорогих ценах на продовольствие:

«немедленно возникает всеобщее желание трудиться; рабочие толпятся у домов фабрикантов, *выпрашивая* работу *почти за любую плату;* и они работают 5 или 6 дней в неделю вместо 3-х или 4-х. Так как труд есть один из видов товара, то количество предлагаемого труда имеет тенденцию понижать его цену» (там же, стр. 15—16).

(Это количество предлагаемого труда отнюдь не есть просто количество труда, но *количество предлагаемого труда,* которое определяется, [XXIII—1 438 а] если дано число рабочих, продолжительностью рабочего дня, а если дана продолжительность рабочего дня, — числом рабочих.)

Наш приятель поэтому совершенно правильно замечает:

«Любой метод... который *принудит к труду* и усердию, будет иметь тот же самый *результат, что и увеличение числа рабочих рук»* (стр. 18).

Вздорожание продовольствия может быть прежде всего естественным следствием *увеличения населения* по отношению к *территории.*

«Большое количество людей, собранное на небольшой территории, повысит *цену продовольствия,* но в то же самое время, если управление будет хорошим, оно *должно держать цену труда на низком уровне,* сделать рабочих прилежными и склонными применять все свои способности в целях усовершенствования мануфактурного производства» (там же, стр. 19).

Увеличение населения путем *привлечения иностранных рабочих* есть, таким образом, увеличение *конкуренции между рабочими:*

«Но наиболее целесообразный путь увеличения численности населения, *удержания цены труда на низком уровне, принуждения* к труду и совершенствования наших мануфактур — это *общая натурализация»* (там же, стр. 20).

(Наплыв ирландцев в промышленные округа и т. д. со времен введения машин осуществил все, что этот мерзкий тип ожидал от «общей натурализации». В самом деле удивительно, как в эпоху крупной промышленности в Англии осуществились все благочестивые пожелания, о которых трезвонит этот гнусный сикофант промышленной и торговой буржуазии: повышение цен на сельскохозяйственные продукты, рост государственного долга, введение налога на предметы первой необходимости, привлечение иностранных рабочих, обесценение денег, работные дома как дома ужаса, искусственное производство постоянного «избытка труда».)

В высшей степени характерно то, что из всех средств «*принуждения к труду* и усердию» этому парню совершенно не приходит на ум *лучшая оплата,* или *повышение заработной платы.* Напротив, из его сочинения видно, что как раз накануне введения машинного производства спрос на труд в Англии рос быстрее, чем предложение труда, и что промышленная буржуазия, с завистью косившаяся на «рациональное счастье», до которого уже были доведены сельскохозяйственные рабочие, изо всех сил боролась против растущей нормы заработной платы. *Введение машин* относится как раз к той эпохе, когда лидеры буржуазии ломали себе голову над тем, как добиться, чтобы при преобладании спроса на труд над его предложением увеличить предложение, не повышая заработной платы. *Машины* действительно были введены в тот момент, когда размышляли над тем, как понизить *заработную плату.*

Это *факт,* что тогда спрос на труд увеличивался быстрее, чем его предложение, и он виден из следующих положений (уже Вандерлинт, позднее Форстер [84] и т. д. обращают внимание на то, что буржуа стремятся обеспечить себя бо̀льшим количеством труда посредством более высокой заработной платы):

«Другая причина лености в этом королевстве состоит в *недостаточном количестве рабочих рук»* (там же, стр. 27).

«*Поразительно,* что каждый раз, когда *вследствие чрезвычайного спроса на фабричные изделия* предложение труда становится недостаточным, *рабочие чувствуют свою силу»* (чего не должно быть) «и стремятся дать ее почувствовать также и своему хозяину; но *нравы этих людей развращены до такой степени,* что в таких случаях группы рабочих объединялись для того, чтобы поставить своих хозяев в затруднительное положение, *совместно пребывая в бездействии в течение целого дня»* (стр. 27—28).

(Сравни с этим «поразительным» [XXIII—1 438 b] фактом и с этой неслыханной «развращенностью» то, что говорят Вандерлинт и Форстер.)

«Таких случаев никогда не бывает, если пшеница и другие предметы первой необходимости дороги; труд тогда имеется в *изобилии* и становится слишком нужным, для того чтобы допустить *такие неестественные союзы*» (стр. 28).

Поэтому какой-то «способ» должен быть «найден для того, чтобы вызвать всеобщее усердие» (стр. 28—29).

Помимо *естественного* роста цен на предметы первой необходимости и общей натурализации предлагается еще одно средство — *налоги на предметы первой необходимости:*

«Лень и покой — роскошь для бедных; такой роскоши не следовало бы потворствовать, чтобы она не вошла в привычку, ибо тогда она становится роковой. Однако *всякого рода налоги на предметы первой необходимости,* потребляемые бедными, оказываются весьма полезными, поскольку они предотвращают это роковое потворство, вследствие чего указанные налоги должны быть последними из тех, которые подлежали бы отмене» (стр. 45).

«Половина налогов, которые в Англии платят низшие слои населения, — это налоги на излишества или штрафы за мелкий дебош, но не налоги на предметы первой необходимости. Если принять во внимание то, какие предметы роскоши потребляет фабричное простонародье, а именно водку, джин, чай, сахар, заграничные фрукты, крепкое пиво, ситец, табак (нюхательный и курительный) и т. д., то *поразительно,* что те, кто, зная, что бедняки потребляют *такую массу* лишнего, считают, что *налоги повышают цену труда,* т. е. что необходимо, принимая во внимание наши налоги, увеличить цену труда, для того чтобы дать возможность бедным жить прилично» (стр. 46).

«*Налоги* отнюдь не приносят ущерба нашей внешней торговле, удорожая наши фабричные изделия на внешних рынках... поэтому я убежден, что у нас не было бы фабричных изделий для вывоза, если бы все налоги были полностью отменены или если бы вследствие других, оказывающих подобное же воздействие причин наша работающая на фабриках беднота могла жить с издержками, вдвое меньшими, чем те, с которыми они жили в течение последних 20-ти лет» (стр. 47).

«В большом городе Амстердаме в течение года было приговорено к смертной казни не более 4-х преступников и редко увидишь нищего на улицах; *это счастливые последствия высоких налогов, дороговизны продовольствия и хорошей полиции...* Великий *де Витт* в своих голландских «Максимах» [85] утверждает, что «большие налоги благоприятствуют изобретательству, трудолюбию и бережливости»» (стр. 49).

Основная причина того, что англичане в различных странах «продают дешевле», чем французы, — «высокая цена труда» (стр. 67).

Состояние «рационального счастья», до которого он хочет довести английских рабочих, описано в следующем месте, причем он еще допускает *искажение,* так как французские рабочие, о которых он говорит, были *сельскохозяйственными рабочими,* которые, по его собственному свидетельству, и в Англии уже находились тогда в том же самом состоянии «рационального

счастья». (Несоответствие между заработной платой фабричных и сельскохозяйственных рабочих тогда усиливалось законами об оседлости [86].)

«Это... необходимо, чтобы уравнять нас с Францией. Один автор, называющий себя *нортгемптонским фабрикантом,* утверждает... что «труд во Франции на $^1/_3$ дешевле, чем в Англии, так как там бедняки работают с бо́льшим напряжением и жизнь их тяжела, если говорить об их пище и одежде; их основная пища — хлеб, овощи, травы, коренья [XXIII — 1 439] и сушеная рыба; мясо они едят очень редко, а если пшеница дорога, то они едят и очень мало хлеба». К этому можно добавить, что они пьют либо воду, либо слабые спиртные напитки, так что они расходуют очень мало денег и т. д.» (там же, стр. 69—70). «*Это очень трудно осуществить,* но *не невозможно,* коль скоро подобное было осуществлено как во Франции, так и в Голландии» (стр. 70—71).

Цитирует в качестве *авторитетов* тех, кто утверждает, что высокая цена на продовольствие необходима для того, чтобы «*принудить* ко всеобщему трудолюбию»:

«*Сэр Уильям Темпл* в своей речи, обращенной к лорду-губернатору Ирландии, говорит, что «*продовольствие должно стать таким дорогим,* чтобы *принудить* ко всеобщему трудолюбию». *Сэр Уильям Петти, сэр Джозая Чайлд* (этот родоначальник биржевых спекулянтов середины XVII в.), г-н *Поллексфен,* г-н *Джи* (глава меркантилистов) и т. д. — все они разделяли то мнение, что промышленность никогда не сможет достигнуть больших размеров, если предметы первой необходимости очень дешевы» (стр. 83).

Далее он цитирует [там же, стр. 290—294] сборщика налогов и сикофанта английской землевладельческой аристократии, жалкого *Артура Юнга,* агрономические заслуги которого весьма сильно преувеличивались, экономические же взгляды ниже всякой критики. Этот малый испокон века мечтает о высоких *ценах на продовольствие,* отчасти потому, что они, как он ясно говорит, «вознаграждают» мелкопоместное дворянство за налоги и обеспечивают им необходимую свободу от налогов, отчасти потому, что они, с одной стороны, понижают *уровень заработной платы,* а с другой стороны, принуждают рабочих *больше работать* за уменьшающуюся заработную плату. Для того чтобы сделать «высокие цены на хлеб» приемлемыми для фабрикантов, главных их противников (а также для того чтобы изобразить в выгодном свете премии за вывоз хлеба), он с помощью статистических данных доказывает в «*Шестинедельном путешествии по Уэльсу*» (Лондон, 1769) [87], что

«*не было никакого соответствия между ценой труда и ценой продовольствия*» (стр. 18),

наоборот, что между ними существует обратная пропорциональность:

«цена одного так далека от цены другого, что они большей частью представляют собой противоположности» [там же, стр. 19—20].

Его *«The Expediency of allowing the free exportation of corn»* (1770) только и имеет целью доказать это.

«Но, во имя здравого смысла, где те факты и каковы те доводы, которые *доказывают, что высокая цена продовольствия — враг фабричного производства?*» [стр. 27]. «Жизненные средства должны сделаться дороже, прежде чем *то общее трудолюбие,* которое одно только может содержать фабричных рабочих, укрепится среди них» [стр. 28]. «Работающие бедняки трудятся *не больше дней в неделю, чем это необходимо* для их содержания; остальное время проводится в праздности» (*Юнг.* Цит. соч., стр. 29).

Таковы *авторитеты.*

Государственный долг поэтому выгоден, так как он *вызывает увеличение налогов,* а «увеличение богатств» счастливым образом приводит к увеличению государственного долга.

«Увеличение богатств имеет тенденцию увеличивать национальный долг... давая возможность правительству, в случае какой-либо нужды, чрезвычайно просто занимать деньги под низкий процент» ([«An Essay on Trade and Commerce». London, 1770] стр. 164—165).

Автор приводит данные о *голландском* государственном долге и *голландских* налогах [и заключает]:

«И все-таки, в конечном счете, труд здесь дешевле, чем в Англии» (стр. 170).

[XXIII—1 440] *Обесценение денег* — также хорошее средство.

«С 1613 г. французы путем частого повышения стоимости своих денег изменяли соотношение между серебром и товарами; иными словами, они меняли *меру стоимости;* таким способом *они за день труда не давали и половины того количества серебра,* которое они давали 150 лет тому назад» (стр. 211). «Франция *покупает такое же количество труда* на меньшее количество серебра, чем мы; следовательно, во Франции труд дешевле, чем в Англии» (стр. 213).

Он хочет поэтому

«некоторого изменения» в «стоимости денег» (там же).

«Цена труда в Англии остается той же самой и когда пшеница стóит 10 шилл. за бушель, и когда она стóит 2 шилл. 6 пенсов; я думаю, что

и в других странах цена пшеницы так же мало влияет на цену труда» (стр. 160).

Но допустим,

«что *увеличение наших налогов* повысило бы *цены на предметы первой необходимости* для фабричного бедняка на 2 пенса в день; самое большое зло, которое могло бы произойти вследствие этого, *предполагая достаточный уровень занятости*, состояло бы в том, что он был бы вынужден работать дольше на 1 или 2 часа в день в течение недели и т. д.; работая 1 или 2 лишних часа, он был бы в состоянии купить ровно столько предметов первой необходимости и предметов роскоши, сколько он мог купить до указанного увеличения налогов» (стр. 161).

«Мы видим, что фабричные рабочие охотно подчиняются необходимости работать больше для поддержания своего существования, если вследствие *плохого урожая* пшеница очень дорога... *Налоги на предметы первой необходимости для бедняков влияют* до некоторой степени таким же образом и являются большим побуждением к труду и усердию... это отнюдь не влияет на *цену труда*, но только на его количество» (стр. 94). Рабочие, не заметив, перенесли бы эту операцию с налогами, если только такие парни, как *Послтуэйт* и его единомышленники, «будут молчать» (стр. 95)[88].

Государственные мероприятия, принудительные законы для выколачивания определенной массы труда. Прежде всего цитированный выше закон Эдуарда VI. Затем различные законы *Елизаветы (добавочная тетрадь G*[89], *стр. 32)* (стр. 40). *Статут I Анны* (там же, стр. 40). *Голландский статут Карла V, 7 октября 1531 г.* (там же, стр. 45) (против нищенствования). *Первый эдикт штатов и городов Голландии от 19 марта 1614 г.* (там же, стр. 45, 46) (битье кнутом, изгнание, клеймение нищих). Также *плакат Соединенных провинций от 25 января 1649 г.* (там же, стр. 46).

Но, полагает он [автор «An Essay on Trade and Commerce»], для Англии не годятся эти *откровенные принудительные законы*. Тот же результат должен достигаться более незаметным образом:

«Низший класс населения в Англии *вследствие романтического представления о свободе* вообще отвергает все и противится всему, что ему *навязывают насильно;* и хотя под *страхом наказания* вы *можете заставить людей работать определенное количество часов за определенную заработную плату*, но вы не можете заставить их работать должным образом» (стр. 92). «Хотя *нужда* должна быть основой любой *системы принуждения* к общему трудолюбию, однако, исходя из представлений и характера британского простонародья, *не следовало бы так полно и прямо доводить* это принуждение *до такой степени*, до какой *его доводят некоторые законы парламента*, так как выполнение таких законов почти всегда порождало *нелегальные союзы*, бунты и беспорядки. По возможности, эффект таких законов должен достигаться *почти незаметно и без применения силы*» (стр. 93). [XXIII — 1 440][90]

[XXIII—1 461] Мы вновь возвращаемся к пункту:

2) *Так называемое первоначальное накопление* [91].

а) Если мы предположим *капиталистический способ производства* как исторически данный, то даны и те условия, при которых посредством самого процесса производства *средства производства* постоянно *воспроизводятся* как *капитал*, а труд — как *наемный труд*, так как процесс производства есть не только процесс производства *потребительных стоимостей (вещей)* и *товаров*, но и процесс воспроизводства и производства *общественных отношений, производственных отношений*, при которых воспроизводятся потребительные стоимости (эти *вещи*) и товары. А именно, воспроизводство происходит таким образом, что *отношения капиталистического производства*, с одной стороны, воспроизводятся в большем масштабе, а с другой стороны, их *differentia specifica* *, их внутренняя тенденция придает действительности форму, все более и более адекватную принципу [капиталистического производства]. Если уже предположить *данным* сам капиталистический способ производства, то его рассмотрение сохраняет свою важность даже в *данной теме*, так как тот способ, каким *распространяется* капиталистический способ производства (занимая все большее пространство общественной арены) и подчиняет себе до сих пор не подчиненные ему сферы производства, каким он, с другой стороны, переходит от всего лишь *формального* подчинения ему труда к *реальному подчинению*, целиком воспроизводит тот *способ*, каким вообще возникает капиталистический способ производства. Поэтому в настоящем разделе мы можем постоянно иметь в виду эти изменения, происходящие *на базисе* самого *капиталистического способа производства*.

Это — первый пункт.

Второй пункт заключается в следующем:

Развитие капитала начинается не с сотворения мира, не *ab ovo* **. Как нечто господствующее над миром и воздействующее на всю экономическую формацию общества, это развитие на самом деле начинается впервые в XVI и XVII столетиях. Это его детство. Поэтому необходимо возвратиться к состоянию лишь весьма недавнего прошлого. В действительности капиталистический способ производства получил свое полное развитие (хотя еще только спорадическое) лишь вместе с *крупной промышленностью*, следовательно, как нечто целостное он датируется только начиная с последней трети XVIII столетия. Даже всего лишь *формальное подчинение* труда капиталу, на

* — *специфическое различие. Ред.*

** — *с самого начала. Ред.*

котором покоится *удлинение рабочего дня* и овладение *совокупным свободным временем рабочего класса* как временем, принадлежащим капиталу, развивается лишь в той мере, в какой *реально* развивается *капиталистический способ производства*. Прежде, самое раннее при *системе рабства* (системе, в основе которой лежат современные колонии, или той, которая существовала у античных торговых народов или у древних, например, у римлян), как только возникает массовое производство и, следовательно, производство для *продажи*, так производство *товара* путем концентрации земельной собственности овладевает земледелием.

Там, где мы находим *мануфактуру* до XVI и XVII веков, как например в Италии, Испании, Константинополе, во Фландрии и т. д., там она 1) отчасти имеет ремесленный характер (за исключением, скажем, *горного дела* и *обработки металлов*) и 2) всегда основывается на *торговле*, монополии *транспорта*, накопляющих денежный капитал, торговый капитал в руках этих *монополистов* тогдашнего [XXIII—1 462] мирового рынка.

Однако здесь все же следует возвратиться к рассмотрению прежних отношений, для того чтобы опровергнуть ходячие представления о так называемом первоначальном накоплении капитала.

3) [*Третий пункт*.] Капиталистическое производство предполагает, что человек должен продавать свой *труд*, так как он не в состоянии *продавать товар*, следовательно, не в состоянии *производить* товар; следовательно, средства производства товара — объективные условия труда — противостоят ему как *чужая* собственность.

Там, где в той или иной форме существуют *частная собственность* и *товарообмен*, обмен продуктов этой частной собственности, там может возникнуть *условие капиталистического производства: лишенный* средств производства, условий труда *индивид*, вследствие всех тех причин, по которым *он* лишается этой частной собственности и, следовательно, этих средств производства, *теряет* их. И эти условия, если рассматривать отдельных индивидов, являются чисто случайными, не имеют никакого отношения к *всеобщему лишению, всеобщей потере* этих условий массой народа, следовательно, к всеобщему превращению этой массы в наемных рабочих. Отдельный индивид может *пауперизироваться* при всевозможных формах частной собственности, следовательно, при всевозможных модификациях общественного способа производства, предполагающего частную собственность. Между тем Рим, Афины и т. д. показывают нам (даже в *Фивах*, древней республике, таким путем возникали *свободные наемные рабочие*), что вследствие такого рода

пауперизации отдельного индивида и даже массы плебеев и т. д. еще отнюдь не возникает капиталистический способ производства. А *без* рабства он все же должен был бы возникнуть.

Если здесь обнаруживается, что даже *утрата средств производства* массой (свободного) народа еще не создает капиталистического способа производства (хотя примерно такие же обстоятельства создавались в Афинах, на Сицилии и т. д.), то в еще меньшей мере могли спорадически создавать *свободных наемных рабочих* те обстоятельства и случайности, при которых отдельные индивиды лишались своих средств производства, — в той мере, в какой они не существовали при этом как *государственные пауперы* (panes et circenses *). Спорадическое наличие свободных наемных рабочих, не воздействующее на весь способ производства общества и, следовательно, на общественные производственные отношения, в данном исследовании нас не интересует.

4) [*Четвертый пункт.*] [92] *Прудон* в своей «*Philosophie de la Misère*» говорит *о внеэкономическом происхождении собственности,* под которой он понимает *собственность на землю* [93]. Эта мистерия находит разгадку в *добуржуазном* (докапиталистическом) отношении [индивида] к его *условиям труда,* прежде всего к природным условиям труда, следовательно, — к земле. Он мог бы точно так же обвинить во *внеэкономическом* происхождении *капитал и наемный труд* как *формы собственности.* Ибо то, что рабочие находят объективные условия труда как *капитал,* а капиталист находит *рабочих* как лишенных собственности, абстрактных *рабочих,* — это предполагает *исторический процесс,* хотя [капитал и наемный труд] воспроизводят это отношение на однажды данной основе, развивают его как вширь, так и вглубь, *исторический процесс,* представляющий собой историю возникновения капитала и наемного труда. Иными словами, *внеэкономическое происхождение* собственности означает не что иное, как *историческое происхождение* буржуазных форм производства, которые получают теоретическое, или идеальное, выражение в категориях политической экономии. Но то обстоятельство, что добуржуазная история, так же как и каждая ее фаза, тоже имеет свою *экономику* и *экономическую основу* своего движения, это обстоятельство в действительности сводится к простой тавтологии, что жизнь [XXIII—1 463] людей искони покоилась на производстве, а как только они вышли из чисто животного состояния, она стала основываться на различного рода *общественном производстве,* отношения которого мы как раз и называем *экономическими* отношениями. [XXIII—1 463] [94]

* — «хлеб и зрелища». *Ред.*

ОТДЕЛ II
ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА[95]

[ГЛАВА 9]
[ПРОЦЕСС ВОСПРОИЗВОДСТВА]

[XV—901] [96] { *Различные формы капитала.*

I) *Абстрактная форма, Д — Т — Д* и *Д — Д'*. Но последнее лишь как результат. Эта абстрактная форма соответствует *всем* формам капитала, также и формам, предшествовавшим промышленному капиталу. Непосредственно форма *Д — Т — Д* даже выступает лишь как выражение *торгового капитала,* а форма *Д — Д',* поскольку она понимается не как результат последнего, непосредственно выступает как *капитал, приносящий проценты.* В качестве самостоятельной формы капитала торговый капитал не предполагает капиталистический способ производства и противоречит производству продуктов в качестве *товаров,* определяемых, стало быть, посредством их стоимости, посредством рабочего времени не только при продаже, но и в самом производстве. Торговый капитал обусловливает иные, чем капиталистический, *способы производства,* если он является господствующей формой капитала. Еще более это относится к форме *Д — Д'* как *капиталу, приносящему проценты.* Последний предполагает товарное производство, деньги, денежное и товарное обращение; как господствующая форма капитала он совершенно исключает капитал из самого производства.

II) *Основная форма современного капитала,* или *капитала, овладевшего способом производства.* Как таковая она может быть только господствующей над самим процессом производства формой капитала, следовательно, «*производительным капиталом*». (Это должна быть такая форма, которая, предполагая обращение в качестве предпосылки, обнаруживает свое своеобразие в самом

процессе производства или в условиях процесса производства.) *Обособление условий труда как капитала* по отношению к труду как *наемному труду*. Условия труда выступают в качестве господина самого труда, но это господство опосредовано простым товарообменом, обращением, куплей и продажей. Цель производства — *увеличение меновой стоимости*.

III) *Особые формы капитала в самом процессе производства:* постоянный капитал и переменный капитал; т. е. та часть капитала, которая обменивается на *товары как свои элементы*, и та часть, которая *обменивается* на *живой труд как товар*.

IV) 1) *Производительный капитал* и *обращающийся капитал*.

Первая форма: капитал в процессе производства. *Вторая форма:* капитал в процессе обращения.

2) Из *формы обращения* производительного капитала проистекают различия: *основной капитал, оборотный капитал*. Или, что касается *процесса воспроизводства* капитала, одна часть выступает только как оборотный капитал, другая — как основной.

V) *Обращающийся капитал. Капитал в процессе обращения.*

Первое различие: по той форме, которую капитал принимает в процессе обращения. *Товарный капитал, денежный капитал* и *производительный капитал*. В этой последней форме капитал снова распадается на элементы своего производства и постоянно выступает здесь как товар и труд. Однако с превращением в производительный капитал он наряду с этим снова возвращается из сферы обращения в сферу производства, — выступает только как воспроизводство.

Второе различие. Возвращение в сферу производства является реальным лишь в том случае, когда покупается труд, а такие товары, как сырье и т. д., короче говоря, элементы процесса труда, положены как таковые.

Однако в самом процессе обращения имеют место интервалы. 1) Товарный капитал находится в этом интервале вплоть до своего превращения в деньги. Следовательно, этот интервал есть процесс *превращения товара в деньги*, или продажа товара. 2) Превращение *денег в товар*. Второй интервал. Второй процесс: *купля. Продажа, для того чтобы купить, и купля, для того чтобы продать*, ибо деньги лишь для того превращаются в условия производства, чтобы снова превратить их в товар, а этот последний — снова в деньги; [капитал] выступает здесь, следовательно, как [XV—902] капитал в процессе обращения, а *процесс воспроизводства*, который содержит процесс производства как таковой в качестве момента процесса обращения

и процесс обращения в качестве момента процесса производства, выступает как функция капитала, как капитал, определенный посредством этой определенной функции.

В движении капитала этот переход из товарного капитала в денежный капитал и наоборот выступает лишь как *переход*, как такие формы, которые капитал постоянно пробегает, но которые составляют лишь момент процесса его воспроизводства. Всегда имеется в наличии какая-то часть капитала (хотя и не *одного и того же* капитала), которая постоянно находится на рынке в качестве товара, для того чтобы превратиться в деньги, и находится на рынке в качестве денег, для того чтобы превратиться в товар, причем эта часть капитала постоянно находится в *движении*, превращаясь из товара в деньги, из денег в товар, из товара в деньги. Поскольку эта функция находящегося в обращении капитала становится *особой функцией* капитала, фиксируется как особая функция, этот капитал является *коммерческим капиталом, торговым капиталом* и т. д.} [XV—902]

* * *

[XV—907] Мы видели, что капитал в процессе обращения фиксируется как товарный капитал и как денежный капитал в зависимости от той стадии процесса обращения или, мы можем также сказать, процесса воспроизводства, в которой он находится. Если я начинаю с *Д*, с денег, со стоимости, которыми открывается процесс, то прежде всего эти деньги должны быть брошены в обращение, для того чтобы превратиться в капитал. Деньги покупают материал труда, средства труда и рабочую силу. Это — просто превращение денег в товар, акт обращения. И как раз акт обращения, составляющий заключительную стадию в обращении простого товара, есть первая стадия в обращении капитала, *Д — Т*, потому что оно начинается именно с денег, с превращенного образа товара, с той формы последнего, которая сама уже есть продукт товарного обращения. За этим первым актом следует собственно процесс производства, в котором средства труда, материал труда и действующая рабочая сила, брошенные вместе в один котел, погибают в одном процессе. Это в самом деле *процесс потребления* купленных товаров, однако это потребление по своему специфическому характеру есть *промышленное потребление* — в той мере, в какой оно вообще производит; оно представляет собой *капиталистическое производство* — вследствие того особого способа, каким потребляется рабочая сила. Как результат этого процесса производства, составляющего паузу в обращении, включающего

само потребление в экономический процесс, появляется *товар* или — так как отдельный товар здесь ничто — совокупность товаров, равная первоначальной стоимости плюс поглощенная прибавочная стоимость, т. е. появляется *товарная масса*, из которой теперь состоит капитал. Далее следует второй акт обращения, прерванного процессом производства, или промышленным потреблением, а именно, выбрасывание товара на рынок, в обращение и превращение его в деньги, т. е. его продажа. Эти деньги № 2 отличаются от денег № 1. Деньги № 1 были предпосылкой, деньги № 2 — результат. Первые были деньгами, которые должны были быть превращены в капитал; последние представляют собой капитал, превращенный в деньги. Первые были исходным пунктом, последние являются возвращением к самим себе, представляют собой стоимость, которая не только сохранилась, но и увеличилась. Первые были равны 100, а последние — 110, т. е. 100 + 10; равны своей стоимости и соответственной части первоначальной суммы в качестве избытка. Оба акта обращения разделены здесь процессом производства и оба — вне его. Процесс производства находится между ними. Один акт обращения вводит в процесс производства, другой — следует за ним. Воспроизводство происходит точно так же. Стоимость, содержавшаяся в товарах, которые служили в качестве средств [производства], сохраняется и увеличивается в товаре, являющемся результатом процесса производства. С другой стороны, деньги, образующие исходный пункт, сохраняются и увеличиваются в деньгах, образующих заключительный пункт. И таким образом совокупный процесс выступает как единство процесса производства и процесса обращения и постольку — как процесс воспроизводства. Между тем такое единство *отдельного* процесса есть на деле не воспроизводство, а производство.

Рассмотрим сначала форму в чистом виде; обозначим через *Т'* товары, в которые превращаются деньги, т. е. *ингредиенты* того товара, который должен быть произведен, в отличие от того товара, который выходит из процесса производства [*Т*].

[XV—908] I) *Отдельный цикл производства.*

1)	2)	3)
Д — Т'	*— Т' в процессе*	*— Т — Д'*
1-й акт обращения	Результат: *Т*	*2-й акт обращения*
	Потребление Т', процесс производства Т	

Воспроизводством здесь называется просто *сохранение* предпосланной стоимости. Стоимость *Д* сохраняется в *Т'*, в *Т* и во втором *Д'*, в котором она появляется вновь. Производится же прибавочная стоимость, и это происходит в процессе производства. Из этого следует, что стоимость *Т* > *Т'*. То, что бо́льшая стоимость *Т* выражается в большем количестве денег, чем [стоимость] *Т'* в *Д* или *Д* в [стоимости] *Т'*, означает лишь, что в *Д'* реализуется не только сохраненная, но и увеличенная в процессе производства стоимость *Д* и *Т'*. *Д'*, а не *Д* являются в действительности *продуктом* всего процесса; но они представляют собой лишь измененную форму *Т* вместо *Т'*. Тот же самый *Т'* не появляется вновь как воспроизведенный, а *Д'* выступают просто как результат процесса, исходным пунктом которого они были. Сами они не выступают как момент в ходе этого процесса, а только как его кристалл.

Наоборот, непрерывность производства и обращения — непрерывность, обусловленная природой капиталистического производства, показывает оба акта обращения в ином значении и в ином положении, чем в отдельном процессе производства, в котором *Д* — *Т'* есть лишь акт обращения, выражающий *начало* (не возобновление) процесса производства, а *Т* — *Д'* — лишь процесс обращения, выражающий его *конец*, следовательно, тем более не возобновление его. Рассматривая процесс как непрерывный, следовательно, как текучее единство процесса обращения и процесса производства, мы можем принять за исходный любой из тех пунктов, которые выступают как переходные пункты или конечные пункты. Стало быть, мы можем начать, *во-первых*, с *денег* как исходного пункта отдельного процесса производства; *во-вторых*, с *товара* (продукта) как непосредственного результата процесса производства; наконец, с самого этого процесса производства, с *Т'* как процесса.

II) *Непрерывность процесса производства. Воспроизводство.*

	1)	2)	3)	4)	5)	6)
а)	*Д—Т'*	— *Т'* в процессе	— *Т* — *Д'*	— *Д'* — *Т'*	— *Т'* в процессе	— *Т* — *Д''* и т. д.
	Первый акт обращения	— Процесс производства *Т*	— Второй акт обращения	— Третий акт обращения	— Процесс производства *Т*	— Четвертый и последний акт обращения и т. д.

1)	2)	3)	4)
b) Т — Д Первый акт обращения	*— Д — Т'* — Второй акт обращения	*— Т' в процессе* — Процесс производства *Т*	*— Т* — (Результат процесса. Воспроизводство *Т*)

1)	2)	3)	4)
c) Т' в процессе (Процесс производства *Т*)	*— Т — Д* Первый акт обращения	*— Д — Т'* Второй акт обращения	*— Т'* в процессе (Возобновление процесса производства, который таким образом выступает как процесс воспроизводства)

Только в том случае, если начинают с денег, как в [форме] *а)*, процесс воспроизводства prima facie * выступает всего лишь как повторение. Он всегда может вновь начаться с *Д*, но может и заканчиваться ими.

Но если исходят из *Т*, или из самого процесса производства, а следовательно, и заканчивают им, поскольку совершается кругооборот, то ясно, что в какой-то момент процесс воспроизводства, который должен идти дальше, прерывается. Результат процесса производства должен вступить в обращение в [форме] *с)*, а *товар* должен быть превращен в деньги в [форме] *b)*. Все эти три формы в случае II отличаются от формы I следующим: в I, в отдельном процессе производства действительный процесс производства находится в середине, а в двух его отделенных друг от друга крайних пунктах находятся: перед ним *Д — Т'*, после него *Т — Д'*. [XV—910] [97] Наоборот, во всех трех формах процесса воспроизводства противоположные фазы *(Т — Д* и *Д — Т')* товарного метаморфоза, или совокупного обращения *Т — Д — Т'*, выступают как такое движение, которое предшествует возобновлению процесса производства. *Т — Д — Т'* выступает в процессе воспроизводства как собственно фаза обращения, или метаморфоз товаров выступает как момент процесса воспроизводства. Правда, [формы] *b)* и *с)* показывают: одна, что товар *Т* воссоздан, воспроизведен; другая, что возобновлен сам процесс производства; но обе они

* — с первого же взгляда. *Ред.*

указывают на то, что их конец представляет собой лишь звено дальнейшего процесса. Напротив, в [форме] *а)*, где начинают с *Д*, обратный приток денег, появление товара вновь в виде денег есть единственная форма, которая точно так же может составлять начало воспроизводства, как и завершать процесс производства. В простом метаморфозе *Т — Д — Т'*, который мы рассмотрели в разделе о денежном обращении [98], потребление товара происходит вне экономической формы. Здесь же потребление товара в качестве промышленного потребления, в качестве процесса производства само образует звено реального метаморфоза товара. Если мы отвлечемся от денег, то получим: 1) *Т — Т'*. Товар обменивается на элементы своего бытия. 2) *Т' в процессе*. Потребление этих элементов посредством труда. Процесс производства. Наконец, третье *Т*. Следовательно, *Т — Т' — Т'* (в процессе) — *Т*. Каждый акт обращения, так же как и совокупный метаморфоз, единство противоположных фаз, *Т — Д — Т'*, выступают как всего лишь моменты процесса воспроизводства. С другой стороны, сам процесс производства выступает как один из моментов всего кругооборота, включенный в обращение как таковой.

Третья фигура в случае II) показывает нам процесс производства в отличие от совокупного процесса обращения. Для того чтобы процесс производства возобновился, должно быть пройдено *Т — Д — Т'*, и скорость его возобновления зависит от скорости этого метаморфоза. С другой стороны, скорость, с которой возобновляется этот метаморфоз, выражает лишь ту скорость, с которой возобновляется процесс производства.

Во второй фигуре II) мы исходим из товара. Скорость, с которой он воссоздается, существенным образом зависит от той скорости, с которой он прошел процесс производства.

Наконец, в первой фигуре II) дана совокупность условий. Скорость, с которой *Д* прежде всего производится как *Д'*, зависит от скорости превращения *Д* в *Т'*, от скорости *Д — Т'* (1); во-вторых, от продолжительности процесса производства, от продолжительности пребывания *Т'* в процессе (2); в-третьих, от скорости метаморфоза *Т — Д — Т'*. [XV—910]

* * *

[XXII—1 371] *Воспроизводство* [99].

Воспроизводство в своей детальной определенности будет исследовано только в следующем отделе [100]. Здесь пока необходимо заметить лишь следующее. Производство, рассматриваемое как постоянно возобновляющийся акт, или в связи с его

постоянным возобновлением, есть *воспроизводство*. Процесс производства как целое (в той мере, в какой не возникают новые отрасли труда, в *исходный момент функционирования* которых нельзя было бы, следовательно, сказать, что воспроизводится *тот же самый продукт*) есть непременно процесс воспроизводства. В совокупном продукте *воспроизведены*: 1) постоянный капитал, 2) переменный капитал, наконец, 3) вновь появившийся прибавочный продукт, который представляет собой прибавочную стоимость. Та часть постоянного капитала, которая не входит в процесс образования стоимости, здесь может быть оставлена без внимания. Более подробное рассмотрение этого относится к следующему отделу. Все три содержащиеся в продукте вышеуказанные составные части существуют в *одной и той же вещественной* форме. Это одна и та же *масса продуктов*, один и тот же *товар*, каждая часть которого соответствует вышеперечисленным трем частям. Здесь прежде всего *воспроизведена* первоначальная *стоимость* и вновь произведена *прибавочная стоимость*. Та часть, которая представляет собой прибавочную стоимость, *может* входить в потребление (хотя и не полностью, как будет показано позднее). Итак, рассмотрим прежде всего первые две [XXII—1 372] части. Если *производство* должно вновь начаться в *том же самом* масштабе, то те части продукта, которые представляют собой переменный капитал и постоянный капитал, должны быть опять превращены в ту же *форму потребительной стоимости*, которую они имели первоначально. (Все это лучше рассмотреть в следующем отделе.) При *воспроизводстве* исходят из *продукта*; при *простом процессе производства* определенный продукт должен сначала возникнуть, или то, что воспроизводится, получает в продукте такую форму, которой оно *раньше* еще не обладало, между тем как при *воспроизводстве* эта форма постоянно повторяется. Предпосылки производства выступают в самом *воспроизводстве* как его прошлые результаты, а результат производства — как его *предпосылка*. Во всяком воспроизводстве любая предпосылка выступает как результат (как полагание), а любой результат — как предпосылка, продукт же выступает и как условие, и как результат процесса производства. Взятый в целом, процесс производства есть непременно процесс воспроизводства, хотя внутри каждой определенной сферы производства и для отдельного капитала: 1) его предпосылки могут выступать как *первые* условия, с которых начинают, как при открытии всякого нового дела; 2) продукт может быть превращен в деньги без возобновления процесса производства. Рассматриваемое в своем течении — в своем истинном виде — производство всегда выступает как

воспроизводство. *Накопление* есть не что иное, как воспроизводство в расширенном масштабе. Если бы прибавочная стоимость проедалась полностью, то масштаб воспроизводства оставался бы тем же.

С этим связано следующее.

Оставим без внимания, 1) что *добавочный капитал* есть не что иное, как *прибавочный труд,* 2) что всякий первоначальный *капитал,* накоплен ли он или же не накоплен, через определенный промежуток времени по своей *стоимости* выступает как порождение прибавочной стоимости, следовательно, исчезает как *первоначальный капитал,* как *независимое,* не вытекающее из эксплуатации чужого труда, а, наоборот, *предпосланное* ей *богатство.*

Если капитал равен 100, а прибавочная стоимость равна 20, то либо происходит накопление, либо нет. Если накопления не происходит и *процесс производства* постоянно *повторяется* в одном и том же масштабе {*воспроизводство* включает α) постоянное *повторение* одного и того же процесса производства, поскольку рассматривается его продукт, или потребительная стоимость, являющаяся его результатом; β) но помимо постоянного повторения этого процесса, результатом которого является *товар* или который как отдельный процесс завершается в продукте, воспроизводство одновременно включает в себя то, что часть *стоимости* продукта входит в производство как *предпосылка,* а выходит из него снова как результат и что та *вещественная форма,* которой эта часть стоимости обладала в процессе труда, снова восстанавливается в результате превращения в нее продукта}, если, следовательно, прибавочная стоимость проедается, то она может быть постоянно выражена в *определенном отношении* к капиталу, как это имеет место с прибылью; например, 20 : 100 = 1 : 5. Если, стало быть, этот процесс повторяется 5 раз, то съеденная прибавочная стоимость равна первоначальному капиталу, и, поскольку имеется в виду *стоимость,* ничего не меняется в деле, если предполагают, что прибавочная стоимость проедается, а капитал сохраняется или же что *стоимость* капитала проедается, а прибавочная стоимость накопляется. Через 5 лет *стоимость* капитала в данном случае равнялась бы *стоимости,* отторгнутой в течение 5 лет в виде прибавочной стоимости; иными словами, рабочий противостоит в стоимости капитала, если рассматривать это с точки зрения стоимости, одной только *сумме прибавочной стоимости, присвоенной капиталистом без эквивалента.* Если бы рабочий оставил себе свою собственную прибавочную стоимость, а капиталист, как и прежде, проедал сумму, равную этой

прибавочной стоимости, то к концу 5-летнего периода стоимость первоначального капитала была бы равна 0, в то время как рабочий обладал бы стоимостью, равной первоначальному капиталу. Но если [половина] *прибавочной стоимости* снова превращается в *капитал,* стало быть, например для вышеприведенного случая — 10%, то это меняет в исчислении только следующее: съеденная прибавочная стоимость, вместо того чтобы, как прежде, быть равной $^1/_5$ первоначального капитала, теперь составляет $^1/_{10}$. Вместо 5-ти лет *стоимость* первоначального капитала проедается теперь за 2 × 5, т. е. за 10 лет. Но вместе с тем она возмещается стоимостью, равной 10 × 10, т. е. равной первоначальному капиталу, потому что *сумма* капитализированной в течение 10 лет прибавочной стоимости равна в точности [XXII—1 373] *стоимости первоначального* капитала. Однако, как и прежде, *стоимость* первоначального капитала исчезла, лишь *стоимость всего* капитала равна теперь сумме накопленной прибавочной стоимости. (Если капитал $= C$, годовая прибавочная стоимость $= y$ и если $y = \frac{C}{x}$ (или $xy = C$; $x : C = 1 : y$), то $xy = C$. Или же, если прибавочная стоимость $= \frac{C}{x}$, то $C = \frac{xC}{x} = x\left(\frac{C}{x}\right) = C$. Если, следовательно, $\frac{C}{x}$ есть прибавочная стоимость одного года, то за x лет первоначальный капитал должен быть возмещен прибавочной стоимостью. И в этом факте опять ничего не меняется от того, представляется ли дело так, что стоимость первоначального капитала сохранялась, а половина прибавочной стоимости проедалась (в течение 10-ти лет), между тем как другая половина, равная первоначальному капиталу, накоплялась, или же дело представляется таким образом, что *стоимость* всего капитала проедалась, тогда как, напротив, вся *прибавочная стоимость,* созданная в течение 10-ти лет и равная удвоенной стоимости первоначального капитала, накоплялась.)

Итак, если оставить без внимания оба эти обстоятельства, — если оставить без внимания накопление, а стало быть, природу добавочного капитала, так же как и отношение между стоимостью первоначального капитала и суммой съеденной прибавочной стоимости, — то сюда относится еще следующее.

3) * Если рассматривать *простой процесс воспроизводства,* простое повторение обмена одного и того же капитала на одну и ту же рабочую силу в условиях продолжающегося процесса, его течения, его постоянного повторения, короче, если рассмат-

* См. настоящий том, стр. 126. *Ред.*

ривать один и тот же процесс как процесс воспроизводства, то дело представляется иначе, чем в том случае, когда этот процесс выступает как простой и изолированный, обособленный процесс производства. {Что̀ превращает процесс производства в процесс воспроизводства, оставляя в стороне относящийся к следующему отделу вопрос о правильном понимании процесса производства, о понимании его как *процесса воспроизводства,* так это то, что *продукт* вновь превращается в элементы его производства. Следовательно, *постоянный капитал* в своей натуральной форме снова производится благодаря превращению продукта, точно так же как другая часть капитала, переменная, снова обменивается на рабочую силу. Это обратное превращение той части продукта, которая представляет собой капитал, в элементы его производства опосредовано обменом; в определенных отраслях производства, например в земледелии, оно происходит в натуральной форме. Часть продукта, как, например, семена, удобрения, скот и т. д., входит вновь в тот же самый процесс производства как его элемент.

Внутри определенной сферы производства, то есть такой, которая производит один определенный *товар,* товар определенной потребительной стоимости, имеет место обратное превращение в элементы производства одной и той же вещественной определенности. Наоборот, продукт может быть в качестве денег превращен из своей формы в любые другие элементы производства, может быть перенесен из одной сферы в другую. Капитал воспроизводится тогда не в той же самой натуральной форме. Но это также есть воспроизводство, поскольку рассматривается *стоимость,* также представляющая собой продукт. *Форма воспроизводства* в этом случае изменяется.}

{*Норма прибыли (средняя)*. Ранее я показал [101], что если, например, норма прибавочной стоимости = 50% и мы имеем следующее строение [капитала] в различных сферах производства: $c = 50$, $v = 50$, $M = 25$ (M — прибавочная стоимость), то, следовательно, норма прибыли равна 25%; если $c = 90$, $v = 10$, $M = 5$, то, следовательно, норма прибыли равна 5%; если $c = 80$, $v = 20$, $M = 10$, то, следовательно, норма прибыли равна 10%; если $c = 20$, $v = 80$, $M = 40$, то, следовательно, норма прибыли равна 40%, а средняя прибыль $= \frac{25+5+10+40}{4} = \frac{80}{4} = 20\%$. Согласно этому, 20% были бы средней нормой прибыли. Но для более точного определения следует добавить, что здесь вместе с тем следует принять в расчет *массу* капитала, вложенного в каждую отдельную сферу. Например, если бы в вышеприведенном случае было вложено

2 капитала с нормой прибыли в 25%, 2 капитала с нормой прибыли в 5%, 2 капитала с нормой прибыли в 10% и 2 капитала с нормой прибыли в 40%, то у нас было бы 8 капиталов. Следовательно, $\frac{2\times80}{2\times4}$. Норма прибыли *осталась бы* той же самой, потому что *тем же самым* осталось бы отношение совокупного капитала к прибыли. Если бы капитал во всех случаях *соразмерно* удвоился или вообще увеличился, то в той же самой мере увеличилась бы и масса прибавочной стоимости; отношение между ними было бы поэтому *тем же самым*. Напротив, дело обстояло бы иначе, если бы у нас было, например, 20 капиталов по 100 с нормой прибыли в 5%, 20 капиталов с нормой прибыли в 10%, 10 капиталов с нормой прибыли в 25% и 5 капиталов с нормой прибыли в 40%. В этом случае мы имели бы следующее:

Капитал	Прибавочная стоимость	Всего: Капитал	Всего: Прибавочная стоимость	Всего: Норма прибыли
20×100=2 000	100	5 500	750	$13\frac{14}{22}$ %
20×100=2 000	200			
10×100=1 000	250			
5×100= 500	200			

[XXII—1 374] Мы видим, следовательно, что средняя прибыль определяется 1) средним числом неравных норм прибыли в различных сферах производства; 2) отношением, в котором совокупный капитал делится между различными сферами производства. Под различными сферами производства здесь следует понимать сферы производства, отличающиеся различным органическим строением капитала.}

Отношение, которое мы здесь имеем в виду, следующее.

Если рассматривать *простой* процесс воспроизводства капитала — безразлично, воспроизводится ли он в той же самой сфере производства или в какой-либо другой, — то при постоянном повторении акта превращения переменного капитала в труд рабочий постоянно воспроизводит: 1) переменный капитал, 2) прибавочную стоимость. То, что противостоит ему как переменный капитал, есть в равной мере его собственный продукт, как и прибавочная стоимость. Он воспроизвел переменный капитал, и этот последний вновь служит для того, чтобы снова покупать его труд. Он снова воспроизводит переменный капитал, который снова покупает его труд. На его вчерашний труд или на труд последнего полугодия покупается и оплачивается его сегодняшний труд или труд следующего полугодия. На его прошлый труд покупается его теперешний труд. В ре-

зультате рабочий воспроизвел в продукте прежде всего свою *собственную будущую заработную плату,* возможно, свою нынешнюю заработную плату (если, например, заработная плата выплачивается еженедельно и товар продается также в течение недели, то, стало быть, рабочий действительно оплачивается из своего превращенного в деньги продукта; это происходит точно так же, как с другими товарами, которые лишь через год превращаются в деньги, т. е. принимают такую форму, в которой они только и могут функционировать как заработная плата; это обстоятельство ничего не меняет в рассматриваемом отношении), точно так же как и прибавочную стоимость.

Весьма распространенное среди части экономистов (например, Рикардо [102]) представление о том, что рабочий и капиталист распределяют между собой стоимость продукта (распределяют продукт, если мы рассматриваем *совокупный продукт совокупного капитала,* распределяют *стоимость* продукта, если мы рассматриваем отдельный капитал), ничего другого не означает. Это представление не является произвольным. Если рассматривать *непрерывный процесс производства,* который постоянно возобновляется, т. е. если не фиксировать отдельный процесс производства, то *стоимость,* прибавляемая рабочим к [стоимости] средств производства, образует тот *фонд,* 1) из которого возобновляется переменный капитал, следовательно, выплачивается заработная плата; 2) из которого проистекает *прибавочная стоимость,* как бы она при этом ни делилась и ни превращалась в фонд потребления капиталиста и в фонд накопления. Если рабочий должен применяться беспрерывно, то это возможно лишь постольку, поскольку он беспрерывно воспроизводит ту часть стоимости продукта, которая служит для его собственной оплаты, поскольку он, следовательно, на самом деле постоянно воспроизводит средство оплаты своего собственного труда. И хотя рассматриваемое отношение первоначально представляется как обмен овеществленного труда на живой, тем не менее в стоимости продукта не только содержится овеществленный труд, но и *овеществляется* живой. Овеществленный труд рабочего является поэтому тем фондом, из которого оплачивается его живой труд.

Представим себе, что рабочий работает с помощью своих собственных средств производства или, что то же самое, что он работает с помощью чужих средств производства, но лишь столько времени, сколько необходимо, для того чтобы воспроизвести свою заработную плату (в этом случае собственность капиталиста на средства производства была бы лишь *номинальной;* они не создали бы для него никакой прибавочной стоимости

и служили бы только для того, чтобы воспроизвести заработную плату); тогда этот фонд, из которого рабочий оплачивается, или в котором он нуждается для воспроизводства своей рабочей силы, фонд жизненных средств, представляющий собой естественное условие возобновления его труда, не противостоял бы ему как *капитал*. Не фонд *нанимал* бы рабочего, а он *применял* бы этот фонд, воспроизводил бы его постоянно, для того чтобы сохранить свою жизнь в качестве рабочего. Поэтому то обстоятельство, что этот рабочий фонд противостоит рабочему как *переменный капитал*, вообще *как составная часть капитала*, есть всего лишь его особая *общественная* форма, которая не имеет никакого отношения к его природе в качестве *рабочего фонда* и к оказываемой им услуге — воспроизводству рабочего и поэтому его продукта как такового. В условиях *капиталистического производства* этот рабочий фонд постоянно воспроизводится как принадлежащая капиталисту *масса товаров*, которую рабочий постоянно должен выкупать, давая за нее больше труда, чем в ней содержится. Но он должен *постоянно выкупать* ее, потому что он ее постоянно воспроизводит как *капитал*. Если бы он постоянно воспроизводил ее в качестве своего собственного рабочего фонда, то она не противостояла бы ему как *капитал*. Это есть, следовательно, лишь определенная *историческая форма проявления* его продукта (или, вернее, части его продукта), которая, правда, очень важна для формирования процесса производства или, вернее, процесса воспроизводства, [XXII—1 375] однако ничего не меняет ни в самом этом рабочем фонде, поскольку он рассматривается как потребительная стоимость, ни в том, что он есть собственный продукт рабочего, овеществление его собственного труда.

Возможно, что этот рабочий фонд не принимает форму капитала, а работник все-таки должен постоянно выполнять прибавочный труд и отдавать без эквивалента часть стоимости своего продукта. Например, в рассмотренном ранее [производственном] отношении барщинных крестьян в дунайских княжествах [103]. Они воспроизводят не только свой рабочий фонд как таковой (это работники должны делать при всех общественных формах), но он никогда не принимает по отношению к ним форму капитала. Он выступает не только в качестве их продукта, но как им принадлежащий продукт, как фонд их жизненных средств, который они не только постоянно возобновляют посредством своего труда, но возобновляют для самих себя, для того чтобы проесть его в качестве своего рабочего фонда. Барщинный труд, который они выполняют для боярина, *выступает* поэтому как неоплаченный труд, между тем как труд наемного рабочего

выступает как труд *оплаченный*, но он выступает как оплаченный труд только потому, что 1) воспроизведенный им рабочий фонд постоянно переходит в собственность капиталиста, следовательно, постоянно противостоит рабочему как *переменный капитал*, как чужая собственность, которую рабочий постоянно должен выкупать в качестве платежного средства из рук третьего лица; 2) *стоимость* его необходимого труда, той части труда, которую он затрачивает на себя самого, противостоит ему как *цена* всего рабочего дня, как цена необходимого труда плюс прибавочный труд, поэтому *весь* рабочий день выступает как оплаченный; 3) его прибавочный труд не выступает поэтому как отделенный от его необходимого труда (отделенный в пространстве и во времени). Если рабочий ежедневно работает 6 часов на себя и 6 часов на своего капиталиста, то для 6 дней недели это то же самое, как если бы он работал 3 дня на себя (и в течение этих трех дней использовал для себя средства производства как свои собственные) и 3 дня — на капиталиста, следовательно, 3 дня работал бы даром. Но так как *внешне* такого деления не происходит, то *кажется*, будто рабочий оплачивается за все 6 рабочих дней. Наоборот, барщинный работник в Молдавии работает 3 дня на себя на своем собственном поле, за что ему никто не платит; он оплачивает себя сам; продукт этих трех дней его еженедельного труда не превращается в *капитал*, т. е. не противостоит ему в качестве находящегося в руках третьего лица *условия производства*. Остальные три дня он работает в имении боярина даром. Этот его прибавочный труд *выступает*, как и всякий другой прибавочный труд, в качестве *неоплаченного*, выполняемого без *эквивалента* принудительного труда, но он выступает так только потому, что продукт *необходимого* труда работника не переходит в руки боярина, следовательно, не отдается последним обратно барщинному крестьянину в обмен на 6 дней [труда]. В противном случае весь труд барщинного крестьянина *выступал бы* для него как оплаченный, и произведенный им самим *рабочий фонд* противостоял бы ему, таким образом, как капитал. Если бы боярин присвоил себе весь продукт труда барщинного крестьянина и уплатил ему все необходимое для его существования, для того чтобы он снова: 1) выкупил ту часть, которая сто̀ит трех дней труда еженедельно, или шести часов труда ежедневно, т. е. воспроизвел ее, но, кроме того, 2) даром работал 3 дня, или ежедневно 6 часов, то барщинный труд превратился бы в наемный труд, а рабочий фонд — в определенную форму *переменного капитала*. С другой стороны, например в Индии (доанглийской), крестьянин производил определенную часть своего продукта, или свой

прибавочный труд, в форме ренты in natura *. Но он никогда не *отчуждал* свой рабочий фонд; последний ни на одно мгновение не превращался в *капитал;* крестьянин сам постоянно воспроизводил его для себя. Но так как капитал, если он должен воспроизводить себя в качестве капитала, в качестве самовозрастающей стоимости, постоянно должен передавать рабочей силе часть стоимости продукта, равную стоимости жизненных средств, необходимых для воспроизводства этой рабочей силы, так как он с тем же постоянством, как боярин или могол, безвозмездно присваивает себе *прибавочный труд,* то обнаруживается, что эта определенность формы рабочего фонда — выступать в качестве *капитала,* и именно в качестве *переменного капитала* — есть лишь определенная *историческая форма* его *проявления,* которая сама по себе ничего не меняет в обстоятельствах дела, как ни важна она для всего процесса производства и для отношения между рабочим и присваивателем прибавочного труда, ничего не меняет в том, что рабочий фонд [XXII—1 376] есть не что иное, как та часть стоимости продукта или часть продукта работника, которую он постоянно воспроизводит, для того чтобы постоянно потреблять ее. Различен лишь тот *способ,* каким работник доходит до ее потребления. В одном случае работник непосредственно противостоит этой части своего продукта как продукту, находящемуся в его собственности, и формирует находящийся непосредственно в его распоряжении фонд потребления. В другом случае эта часть продукта работника сперва *отчуждается,* выступает как *чужая собственность,* как обособившийся, *сделавшийся самостоятельным* по отношению к рабочему, *продукт* его труда; его *прошлый труд выступает как некая персона,* которую он может все снова и снова присваивать себе, постоянно выкупая ее бо̀льшим количеством живого труда, чем то, которое в ней содержится. Также и при других формах [рабочего фонда] работник должен его постоянно выкупать посредством возобновления своего труда, но не как *товар* у третьего лица. Если у *барщинного работника* часть труда, прибавочный труд, выступает как *барщинный труд,* как *неоплаченный принудительный труд,* или если у *индийского крестьянина* овеществление прибавочного труда, прибавочный продукт, выступает как *часть его совокупного продукта,* которую он должен отдать без эквивалента, то это происходит только потому, что в обоих этих случаях необходимый труд и продукт этого необходимого труда выступают как *труд, принадлежащий* самому̀ барщинному крестьянину или индийскому крестьянину,

* — в натуре. *Ред.*

и как *принадлежащий* им *продукт*, и никогда не выступают как труд и как продукт, принадлежащие третьему лицу. У *наемного рабочего*, напротив, *весь труд* выступает как оплаченный труд, так как ни одна часть его труда не выступает как принадлежащий ему труд, а весь продукт его труда, в том числе и тот, который образует всего лишь его собственный фонд потребления, служит возобновлению его собственных жизненных средств, постоянно на какой-то момент выступает как продукт, принадлежащий капиталисту, как *капитал*. Только потому, что его необходимый труд сам выступает как *чужой* ему труд, его совокупный труд выступает как труд *оплаченный*. Только потому, что даже продукт его необходимого труда выступает как *не ему принадлежащий* продукт, он может выступать в качестве *средства оплаты* его труда. Для того чтобы быть представленным как средство оплаты, он должен сначала перейти в руки третьего лица, а потом опять, посредством купли и продажи, из рук третьего лица перейти в руки рабочего. Следовательно, продукт необходимого труда только потому выступает как *средство оплаты*, или *рабочий фонд* только потому выступает как капитал, что он *присваивается* непосредственно не рабочим, а капиталистом, что он сперва забирается, для того чтобы потом быть отданным обратно. Это постоянное отчуждение есть условие того, что рабочий фонд, вместо того чтобы выступать в качестве непосредственного фонда потребления, выступает как *фонд средств оплаты* труда, как капитал.

Итак, мы видели:

1) *добавочный капитал* — или капитал в качестве добавочного капитала — состоит во всех своих элементах из присвоенного капиталистом без эквивалента прибавочного труда и есть средство повторения этого присвоения чужого прибавочного труда;

2) *стоимость* всякого капитала, также и первоначально отличного от добавочного капитала, исчезает в производстве, взятом в целом, и превращается в одну лишь капитализированную прибавочную стоимость;

3) отвлекаясь от прибавочной стоимости, *переменный капитал* выступает в совокупном процессе производства лишь как особая *историческая форма проявления* рабочего фонда, который постоянно возобновляется и воспроизводится самим рабочим для своего собственного воспроизводства.

Экономисты выражают это следующим образом:

1) обозначая накопление как превращение дохода (прибыли) в капитал (последний включает в себя также постоянный капитал);

2) обозначая совокупную стоимость продукта {отвлекаясь от постоянного капитала} или продукт рабочего как фонд, из которого выплачиваются заработная плата и прибавочная стоимость, или который делят между собой капиталист и рабочий;

3) считая *переменный капитал* лишь *особой исторической формой проявления* рабочего фонда, как это делал Ричард Джонс, который показал, что этот фонд в различные эпохи принимает различные формы [104].

[XXII—1 377] {Одна из основных заслуг физиократов состоит в рассмотрении *процесса воспроизводства*. Они очень хорошо показали (см. *Бодо* [105]), что то, что в *производстве* выступает как *avances* *, при воспроизводстве выступает как *reprises* **. Обратные поступления выступают по отношению к авансам как непосредственное или опосредованное (процессом обращения) обратное превращение составных частей *продукта* из его натуральной формы в *элементы производства*, в составные части постоянного капитала; как обратное превращение части продукта, равной постоянному капиталу, в сырье, вспомогательные материалы, средства труда. Наоборот, в качестве *авансов* эти предпосылки продукта выступают независимо от предпосылок, возникающих из обращения. Различие обнаруживается постоянно. Если капитал вложен в определенную сферу производства, то его авансы выступают как постоянно воспроизводимые, как *обратно превращенные* [в элементы производства] формы составных частей продукта. Если производительно вкладывается *новый капитал*, то деньги превращаются в *постоянный* и *переменный* капитал. Это не *обратные поступления*, а всего лишь *авансы* для отдельных капиталистов, хотя — так как этот новый капитал есть *добавочный капитал* — они, если рассматривать совокупный капитал, представляют собой также и *обратные поступления*.}

{Старый капитал [106], так же как и добавочный капитал, может быть воспроизведен в *измененной натуральной форме*. Это возможно в двоякой форме.

Во-первых: капитал (старый или добавочный капитал, первоначальный или дополнительный капитал) воспроизводится не в *форме того же самого продукта*, часть которого он первоначально составляет, а в форме *другого продукта*, который уже производился раньше. Это есть *перемещение* капитала (его перевод) из одной сферы производства в другую таким образом, что старый капитал просто иначе распределяется между различными

* — *авансы. Ред.*

** — *обратные поступления. Ред.*

сферами производства, или таким образом, что дополнительный капитал, добавочный капитал, вместо того чтобы находиться в той сфере производства, в которой он возник, вкладывается в уже ранее существовавшую сферу. Это также *метаморфоз капитала,* и даже очень важный, ибо на нем покоится *конкуренция* капиталов различных сфер производства, а следовательно, образование *общей нормы прибыли.* Наиболее изменчивая часть капитала, которая может принимать самые различные формы, есть сам *переменный капитал,* обменивающийся на живой труд. Для изменения натуральной формы этой части капитала нужно только, чтобы *рабочая сила,* вместо того чтобы применяться одним способом, применялась другим. Это покоится на *изменяемости* человеческой рабочей силы. Чем проще труд (а во всех крупных отраслях производства труд прост), чем менее необходимо специальное обучение, тем легче это превращение формы конкретного труда. Далее, что касается *оборотного капитала,* то, разумеется, его способность превращаться в любую форму существующих товаров — *абсолютна;* такова характерная особенность денег. Но эта способность к превращению является совершенно иллюзорной, так как деньги есть лишь преходящая форма *оборотного* капитала {рассматриваемого здесь в той мере, в какой он не состоит из жизненных средств для рабочих; следовательно, рассматриваемого как та часть постоянного капитала, которая не состоит из *основного капитала,* орудий труда и т. д.} и их масса не находится ни в каком отношении к массе *оборотного капитала.* Если, например, вместо того чтобы производить больше *пшеницы,* следует произвести больше *ржи,* то больше денег должно быть превращено в семена ржи. Если бы прежнего урожая ржи было как раз достаточно для прежнего потребления и, соответственно, не нужно было бы покупать рожь за границей, то увеличение капиталовложений в производство ржи могло бы иметь место только в том случае, если вследствие *повышения цены на рожь* уменьшилось бы ее потребление и тем самым часть ржи высвободилась бы на *семена.* Что же касается прочих условий, то труд остался бы тем же самым, так же как и *основной капитал,* а имело бы место лишь иное распределение *того же самого* труда и того же самого *орудия* для производства пшеницы и ржи. *С другой стороны,* например при изменении номеров прядильных ниток и т. д., нужна была бы лишь *незначительная модификация* основного капитала. Вид труда и материал остались бы теми же самыми. Вообще это происходит в том случае, если [изменение] масштабов [XXII—1 378] одной и той же *отрасли производства* ведет к изменению применяемой в ней массы совокупного капитала.

Следовательно, это происходит там, где *сырье* остается тем же самым. С другой стороны, возможно, что *сырье* меняется, а основной капитал и вид труда остаются теми же самыми или последний меняется лишь в небольшой степени. Например, в том случае, когда больше нравится тот или другой сорт дерева, больше ловится тот или другой вид рыбы, больше производится того или другого металла. Но там, где *отрасль производства* меняется существенно, определенная часть основного капитала не может быть превращена из одной формы в другую. *Строения* могут оставаться теми же самыми, но машины и т. д. будут совершенно иными; то же самое имеет место и в отношении капитала, вложенного в землю. Следовательно, при таком изменении *основной капитал* может обесцениться и потерять свою стоимость. Если же меняется применение одного лишь *добавочного капитала*, то дело сводится всегда к тому, что *то же самое сырье* перерабатывается другими машинами и т. д. *Изменяемость* человеческого труда образует всегда основу этого вида *метаморфоза* капитала, все равно, меняет ли свой труд некоторая часть старой рабочей силы, или новая рабочая сила, вместо того чтобы применяться в старой сфере производства, применяется преимущественно в другой сфере.

Этот *метаморфоз* капитала относится только к *реальному метаморфозу*, который происходит в процессе труда, к *изменившейся* форме сырья, машин, труда, в которые снова превращается капитал. Он не имеет никакого отношения к *формальному* метаморфозу, который состоит исключительно в превращении *товарного капитала в денежный капитал, а денежного капитала в производительный капитал*, состоит фактически в обратном превращении *товарного капитала* в качестве товаров, образующих элементы процесса труда. Этот второй метаморфоз относится всего лишь к изменившейся *натуральной форме* (форме потребительных стоимостей), в которую вновь превращаются деньги при их обратном превращении в капитал.

Во-вторых *. Старый или же дополнительный капитал вкладывается в *новые* отрасли производства. Для этого нужно или *новое сырье*, или вновь открытая потребительная стоимость *старого сырья*. Например, железные дороги. Здесь не требуется никакого нового материала помимо угля, железа, дерева и т. д. В противоположность этому — *каучук*. Также и в электротелеграфии лишь по-новому применяется старое сырье. Главное изменение в последних отраслях — только в способе труда.

---

* См. настоящий том, стр. 135. *Ред.*

Чем производительнее труд, тем больше возможность увеличить число *отраслей труда;* труд, ставший *излишним* в старом производстве для воспроизводства последнего в том же самом или в расширенном масштабе, применять по-новому, будь то путем нового использования старого сырья, или путем открытия нового сырья, или расширения торговли открытым новым сырьем. *Разнообразие* отраслей производства растет вместе с *накоплением* капитала — отсюда *дифференциация труда.*}

{Вместе с [расширением] *отраслей капиталистического производства* расширяется использование *экскрементов производства* и *потребления*. Под экскрементами *производства* мы понимаем его *отбросы,* будь то отбросы промышленности или отбросы земледелия (как навоз и т. д.). Под *экскрементами* потребления мы понимаем отчасти экскременты, возникающие вследствие естественного процесса воспроизводства (испражнения, моча человека и т. д.), отчасти предметы потребления в той их форме, в которой они остаются после их использования (как тряпье и т. д.). Например, на химическом заводе — это побочные продукты, которые пропадают при мелком производстве, но при массовом производстве образуют опять сырье для других химических отраслей производства; в крупном машиностроительном производстве обрезки железа вновь превращаются в железо; в массовом деревообделочном производстве мелкие части древесины вновь используются как удобрение, так что экскременты вновь входят в производство как средства производства либо в той же самой сфере производства, либо в других сферах производства. Навоз животных, моча и испражнения людей снова входят в земледелие, в кожевенное производство и т. д. Отходы железа вновь используются как средства производства в той же самой отрасли производства; тряпье используется на бумажной фабрике; отбросы хлопка идут на удобрение; привести пример использования химических веществ. Отчасти это связано с *природным* обменом веществ, отчасти же с промышленным *изменением формы.*}

[XXII—1379] {*Прибавочная стоимость* постоянно представлена в *прибавочном продукте,* т. е. в некоторой части *продукта,* находящегося в распоряжении капиталиста, в части, образующей *избыток* над теми частями продукта, которые возмещают первоначально израсходованный капитал. Поэтому не следует представлять себе, будто *прибавочный продукт* возникает просто вследствие того, что в процессе воспроизводства масса продуктов увеличилась по сравнению с первоначальной. Всякая *прибавочная стоимость* представлена в *прибавочном про-*

дукте, и только это мы и называем *прибавочным продуктом.* (Избыточная потребительная стоимость, в которой представлена прибавочная стоимость.) Напротив, не всякий *прибавочный продукт* представляет прибавочную стоимость; их смешение встречается у Торренса [107] и других. Предположим, например, что годовой урожай в этом году вдвое больше, чем в прошлом, хотя на его производство было затрачено *то же самое* количество овеществленного и живого труда. *Стоимость* урожая (мы оставляем здесь без внимания все вызванные спросом и предложением отклонения цены от стоимости) осталась той же самой. Если один и тот же акр вместо 4 квартеров принес 8 квартеров пшеницы, то 1 квартер пшеницы стоит половину того, что прежде, а 8 квартеров — не больше, чем 4. Для того чтобы обнаружить все посторонние обстоятельства, предположим, что семена доставляются с особых полей, продукт которых такой же, как и в предыдущем году. Тогда один квартер семян должен был бы оплачиваться двумя квартерами пшеницы, а все элементы капитала, так же как и прибавочная стоимость, остались бы теми же самыми (так же как и отношение прибавочной стоимости к совокупному капиталу). Если в этом примере дело обстоит иначе, то только потому, что часть постоянного капитала возмещается из продукта in natura *; поэтому необходима меньшая часть продукта для того, чтобы возместить семена; поэтому часть постоянного капитала высвобождается и *выступает* в качестве прибавочного продукта.}

{Это относится *к воспроизводству* [108].

Прибавочная стоимость представлена в виде *прибавочного продукта,* а форма прибавочного продукта есть форма совокупного продукта, т. е. определенной потребительной стоимости, которую капитал производит в этой определенной отрасли. Если продукт есть пшеница, лесоматериалы, машины, пряжа, замки́, скрипки и т. д., то прибавочный продукт также представлен как пшеница, лесоматериалы, машины, пряжа, замки́, скрипки и т. д.

С *прибавочным продуктом,* далее, может произойти следующее.

I) *Во-первых,* поскольку *он не превращается в добавочный капитал, а проедается.* 1) Капиталист может проесть его в его натуральной форме либо полностью, либо частично. Если лишь частично, то это относится к случаю, который следует рассмотреть в пункте 2. Для того чтобы капиталист мог проесть прибавочный продукт в его натуральной форме, последний должен

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

существовать в форме, в которой он может *войти в индивидуальное потребление*. Сюда относятся также орудия, сосуды и т. д., которые входят в процесс [индивидуального] потребления как *орудия*, например, иголки, ножницы, бутылки и т. д. Или, например, полуфабрикаты, такие, как материал для шитья, самая переработка которого относится к сфере [индивидуального] потребления. 2) Капиталист проедает прибавочный продукт в форме других потребительных стоимостей; продает прибавочный продукт и на вырученные деньги покупает различные предметы, которые входят в фонд [индивидуального] потребления. Если его продукт таков, что не может войти в индивидуальное потребление, то покупатель этого продукта должен купить его для *производительного потребления*, т. е. он должен войти в капитал этого покупателя как возмещающий элемент или должен войти в его добавочный капитал как элемент нового постоянного капитала. Итак, из того, что каждая часть стоимости прибавочного продукта, которая не превращается своим владельцем в добавочный капитал, им проедается, не следует, что сам этот *прибавочный продукт* входит in natura в индивидуальное потребление. Он может войти в капитал. Он может фактически быть потреблен как капитал покупателем этого прибавочного продукта. Здесь опять возможны два случая, а именно: прибавочный продукт возмещает *первоначальный капитал* или добавочный капитал либо же он оказывается для покупателя средством превращения части его *прибавочного продукта* в *добавочный капитал*. Если бы бо̀льшая часть прибавочного продукта производилась в такой натуральной форме, в которой она может служить только как *постоянный капитал*, тогда соответственно была бы [меньше] та часть прибавочного продукта, которая входит в индивидуальное потребление (либо для того, чтобы превратиться в переменный капитал, либо для того, чтобы войти в фонд [индивидуального] потребления капиталиста), и, таким образом, имело бы место *перепроизводство постоянного капитала*. Если бы, с другой стороны, слишком большая часть прибавочного продукта воспроизводилась в такой форме, в которой она не может образовать постоянный капитал, а предназначалась для индивидуального потребления, будь то рабочего, в качестве переменного капитала, будь то нерабочего, то имело бы место *перепроизводство той части оборотного капитала*, которая не входит в постоянный капитал. Эти соотношения были бы строго определенными в некой изолированной стране. Но посредством *внешней торговли* часть *прибавочного продукта*, которая в одной стране существует в форме сырья, полуфабрикатов, вспомогательных материалов

и машин, может быть превращена в форму *прибавочного продукта* [XXII—1380] другой страны, где последний существует в форме предметов, предназначенных для [индивидуального] потребления. *Внешняя* торговля устраняет, таким образом, эти ограничения. Поэтому она необходима капиталистическому производству, которое функционирует сообразно *масштабу* своих средств производства, вне зависимости от *удовлетворения определенной данной потребности*. Господство меновой стоимости над производством выступает по отношению к отдельному лицу таким образом, что его производство: 1) не руководствуется его потребностью, 2) не удовлетворяет непосредственно его потребность; что, короче говоря, отдельное лицо производит *товары*, которые лишь после своего превращения в деньги могут быть превращены в *потребительные стоимости* для него самого. Но теперь все это выступает таким образом, что производство *целой* страны не измеряется ни ее непосредственной потребностью, ни таким распределением различных элементов производства, которое требовалось бы для увеличения производства. Поэтому процесс воспроизводства зависит не от производства взаимно соответствующих друг другу эквивалентов в одной и той же стране, а от производства этих эквивалентов на чужих рынках, от силы поглощения их мировым рынком и от расширения последнего. Тем самым создана *возрастающая* возможность несоответствия, следовательно, возможность кризисов.

Если бы какая-либо страна была замкнутой, то ее прибавочный продукт мог бы проедаться только в данной натуральной форме этого прибавочного продукта. Сфера обмениваемости прибавочного продукта была бы ограничена числом различных отраслей производства в этой стране. Это ограничение устраняется посредством внешней торговли. Прибавочный продукт, существующий в виде пряжи, может быть представлен в виде вина, изюма, шелка и т. д. Таким образом, внешняя торговля умножает те формы, в которые может быть превращен и в которых может быть съеден прибавочный продукт какой-либо страны. Но несмотря на эту *внешнюю* форму, прибавочный продукт по-прежнему представляет собой не что иное, как прибавочную стоимость, прибавочный труд отечественных рабочих.

Поэтому чем в большем масштабе и чем производительнее (с чем большим накоплением капитала) производятся необходимые жизненные средства, тем большая часть труда может быть применена в производстве разнообразных форм, в которых может быть [индивидуально] потреблен прибавочный продукт.

Предметы, которые входят в фонд [индивидуального] потребления, проедаются медленнее или быстрее. Чем обширнее производство, тем в большем количестве входит в этот фонд [индивидуального] потребления множество потребительных стоимостей более или менее длительного пользования, так что фонд потребления увеличивается по своему объему и разнообразию. Часть этого *фонда потребления* в случае нужды могла бы быть превращена в капитал.

Впрочем, если мы говорим о *прибавочном продукте,* поскольку он *не* превращается в *добавочный капитал,* а проедается своими владельцами, то мы можем оставить без внимания опосредствование внешней или внутренней торговлей. *В фонд потребления* всегда может входить только та часть *продукта,* которая представлена в пригодной для индивидуального потребления форме. Капиталист не должен съедать все сам, его кошки, собаки, лошади, птица, слуги, любовницы и т. д. едят тоже. Или же часть [прибавочного продукта] может быть съедена также *непроизводительными работниками,* услуги которых покупаются на нее.

II) * *Коль скоро прибавочный продукт превращается в добавочный капитал:*

прибавочный продукт превращается в переменный капитал и в постоянный капитал. *Переменный капитал* может быть увеличен или уменьшен (переменный капитал, *относительно необходимый* для расширения производства; это отношение, однако, не определяется тем *отношением,* в котором расширяется производство) без увеличения или уменьшения прибавочного продукта, а также и без изменения лишь той части последнего, которая существует *в форме необходимых,* входящих в потребление рабочего *жизненных средств.* Эта его часть может быть в большей мере съедена лошадьми, собаками, любовницами и т. д. или же она может быть в *большей или меньшей мере* обменена на *услуги* непроизводительного труда. Часть прибавочного продукта, которая может быть превращена в *переменный капитал,* может быть увеличена или уменьшена в зависимости от ограничения или расширения этого непроизводительного потребления. Эта часть прибавочного продукта может быть уменьшена, например, на следующий год (уменьшена, по крайней мере, по отношению к численности вновь приводимых в движение в этом году производительных рабочих), если бо̀льшая часть прибавочного продукта фиксируется в такого рода *постоянном капитале* (основном капитале), который не входит

* См. настоящий том, стр. 139. *Ред.*

непосредственно в процесс воспроизводства, но лишь образует базис для расширенного воспроизводства и который по своей природе не годится для вывоза и не может быть превращен на чужих рынках в составные части переменного капитала. [XXII—1381] Это имеет место, например, при превращении прибавочного продукта в железные дороги, каналы, строения, мосты, в осушение болотистых местностей, в доки и недвижимость фабрики, в кузницы, угольные шахты и т. д. Все эти вещи не транспортабельны; они также непосредственно не увеличивают масштаб воспроизводства, хотя все они представляют собой средства для его расширения. Вследствие *несоразмерных* капиталовложений в них может произойти убыль прибавочного продукта в следующем году, особенно уменьшение той части прибавочного продукта, которая может быть представлена как *переменный капитал* и вообще как *оборотный* капитал. Снова — *возможность кризиса* вследствие *избыточного производства основного капитала.*

Ранее мы показали [109]:

если масштаб производства остается тем же самым, если воспроизводство повторяется в том же самом объеме, то продукт производителей, которые производят *постоянный капитал,* — в той мере, в какой этот продукт состоит из *переменного капитала* (заработная плата) и *прибавочного продукта,* следовательно, вообще представляет собой *доход* этого класса [производителей], — должен быть в точности равен тому *постоянному капиталу,* который ежегодно необходим классу [производителей], производящих *средства потребления.* Если бы этот продукт был больше, то он не имел бы эквивалента — соответствующего ему стоимостного эквивалента — и pro tanto * был бы обесценен. Эта граница, как замечено выше, преодолевается посредством *внешней торговли.* На внешних рынках производители могут превратить часть своего продукта в переменный капитал и в предметы [индивидуального] потребления дохода.

Но оставим в стороне внешнюю торговлю. Итак, при неизменном воспроизводстве переменный капитал и особенно прибавочный продукт класса I (который производит постоянный капитал) не могут рассматриваться как таковые. Прибавочный продукт является таковым только для капиталистов класса I, но не для совокупного капитала, ибо он есть часть постоянного капитала класса II. Следовательно, дело можно рассматривать так, что весь продукт класса II [110] возмещает только постоянный

* — соответственно, в такой же мере. *Ред.*

капитал общества, а весь продукт класса I образует доход общества, стало быть, после вычета переменного капитала, той части, которая потребляется в качестве заработной платы, он представляет прибавочный продукт, ежегодно проедаемый в различных формах, — [индивидуальное] потребление, так опосредованное обменом, куплей и продажей, что прибавочный продукт распределяется, соответственно потребности, между различными его владельцами.

Иначе, однако, обстоит дело, как только *прибавочный продукт* превращается в *добавочный капитал.*

Дело нужно рассмотреть сначала без учета *денег,* затем с *учетом* денег.

Без денег: для того чтобы часть прибавочного продукта могла быть превращена в добавочный капитал, некоторая ее часть с самого начала должна быть воспроизведена в форме, в которой она может служить как *дополнительный переменный капитал.* Это относится прежде всего к тем частям переменного капитала, которые создаются в отраслях, где продукция одного года должна служить для потребления следующего года, как, например, в производстве хлеба и т. д. и всех видов *сырья* растительного происхождения — хлопка, льна, а также шерсти и т. д., где имеет место то же самое. Овец можно стричь в различное время года, но урожай шерсти зависит от имеющегося в наличии в течение года количества овец и т. д. Напротив, это не относится к таким жизненным средствам, количество которых в течение года само может быть увеличено параллельно с их производством, если имеются налицо условия этого добавочного производства, будь то машины и труд или машины, труд и сырье. Уголь, железо, вообще металл, дерево и т. д. требуют для добавочного производства больше труда, больше угля, больше машин и больше орудий труда, если будет увеличено число занятых рабочих. Если бы, наоборот, лишь удлинился рабочий день, то не нужно было бы ничего, кроме большего количества сырья в одном случае, большего количества вспомогательных материалов и более быстрого дополнительного производства машин или орудий вместо изношенных — в другом. Добавочный капитал не должен вкладываться во все отрасли одновременно или равными долями. Если бы строились и оборудовались машинами новые хлопчатобумажные фабрики (и если бы это не было лишь новым распределением старого капитала), то не было бы необходимости в том, чтобы в это же время существовал прибавочный продукт в форме хлопка, а нужно было бы только, чтобы он имелся к тому времени, когда новая фабрика будет пущена в ход, может быть, через

год. Но к тому времени должен быть заготовлен дополнительный хлопок. А до этого нужно лишь дополнительное превращение прибавочного продукта отчасти в заработную плату (переменный капитал), отчасти в большее количество железа, дерева, камня, ремней и в требуемое для их добавочного производства дополнительное количество вспомогательных материалов, машин [XXII—1 382] и орудий.

Часть *прибавочного продукта* может быть in natura * превращена *непосредственно в постоянный капитал*, может как таковая непосредственно войти в свое собственное воспроизводство. Например, пшеница — в качестве семян, уголь — в качестве вспомогательного материала в производстве угля, машины — в машиностроении и т. д. Или же производители постоянного капитала могут обменивать его между собой; в этом случае он, перейдя из рук в руки, служит каждому из них в качестве постоянного капитала, но вся эта часть прибавочного продукта, рассматриваемая в целом, непосредственно превращается в постоянный капитал, создается новый дополнительный постоянный капитал.

Точно так же часть *прибавочного продукта* способна непосредственно превращаться в переменный капитал, и для этого часто нужно лишь иное распределение необходимых жизненных средств, их обмен на производительных рабочих вместо непроизводительных.

Часть прибавочного продукта может превращаться для одного — в переменный, для другого — в постоянный капитал. Например, фермер покупает новые машины, орудия труда и т. д. Фабрикант машин нанимает больше рабочих на полученные от фермера в обмен жизненные средства.

Так как возрастает постоянный капитал, применяемый классом I (производящим жизненные средства), то может увеличиться та часть продукта, которую производит класс II и которая распадается на переменный капитал и прибавочный продукт. Но постоянный капитал [класса II] может возрастать непосредственно, частично in natura, частично путем опосредованного обменом распределения прибавочного продукта, без обмена с классом I, в производстве которого он, таким образом, не встречает непосредственных препятствий. Равным образом здесь происходит обмен постоянного капитала [класса II] непосредственно на прибавочный продукт класса I (не на его постоянный капитал). Этот прибавочный продукт превращается для класса II в дополнительный переменный, а для класса I —

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

в дополнительный постоянный капитал. Однако тем самым уничтожаются, становятся более случайными необходимые пропорции, возникает новая возможность *кризиса.*

Но класс I отличается тем, что когда бо̀льшая часть его продукта потребляется (присваивается) классом II в качестве переменного капитала, то меньшее количество продукта в форме прибавочного продукта проедается непроизводительными работниками и самими капиталистами; вследствие этого уменьшается *спрос* [на продукт] тех производителей класса I, которые производят прибавочный продукт в форме средств потребления для нерабочих. Вследствие этого тормозится их воспроизводство и происходит обесценение части капитала, вложенного в это подразделение. На самом деле в начале развития какой-либо капиталистически производящей нации та часть прибавочного продукта, которая проедается в форме предметов роскоши или служит для оплаты непроизводительных работников, относительно мала. С накоплением капитала прибавочный продукт увеличивается количественно и по *стоимости;* следовательно, все бо̀льшая его часть может воспроизводиться в форме предметов роскоши или обмениваться на услуги непроизводительных работников, и все же постоянно возрастающая его часть может превращаться в добавочный капитал. При этом прогрессирующем развитии накопления в еще большей степени растет та часть капитала, которая превращается в постоянный капитал, в то время как та, которая превращается в переменный капитал, постоянно *относительно* уменьшается; поэтому при образовании *добавочного капитала* та часть жизненных средств, которая превращается в переменный капитал или изымается из непроизводительного потребления, постоянно уменьшается; следовательно, несмотря на рост капитала, объем непроизводительного потребления, количество имеющихся в наличии продуктов постоянно увеличиваются. Количество прибавочного продукта, превращенного в элементы постоянного капитала, растет, но в той же самой мере растет часть *прибавочного продукта,* находящаяся в форме *жизненных средств,* в то время как доля рабочего класса в нем, т. е. та часть прибавочного продукта, которая должна была быть превращена в дополнительный переменный капитал, уменьшается.

Так как — отчасти вследствие внешней торговли, отчасти вследствие изменения [доли] прибавочного продукта, превращаемого в добавочный капитал, — нарушается *определенное соотношение,* в котором совокупный капитал распределяется между двумя классами [производителей] или в котором различные составные части продукта входят в определенных местах в про-

цесс воспроизводства, то здесь появляется новая возможность *несоответствия* и, следовательно, возможность *кризиса*. Эти диспропорции могут иметь место не только между основным и оборотным капиталом (при их воспроизводстве), между переменным и постоянным капиталом, между различными частями постоянного капитала, но и между капиталом и доходом.

Случай с *деньгами* следует рассмотреть позднее.}

[XXII—1 383] Для нынешней нашей цели *превращение прибавочного продукта* в *добавочный капитал* проще всего может быть сформулировано следующим образом.

Прибавочный продукт представлен в продуктах различной потребительной стоимости. Часть прибавочного продукта существует в виде *средств потребления*, которые не входят в потребление трудящихся классов. (Посредством внешней торговли и эта часть могла бы быть представлена в какой угодно форме потребительных стоимостей, но от внешней торговли здесь следует совершенно абстрагироваться.) Эта часть входит целиком в потребление владельцев прибавочного продукта, и ее необходимо вычесть из прибавочного продукта в первую очередь. Вторая часть прибавочного продукта состоит из средств потребления, которые могут войти во всеобщее потребление. Бо̀льшая или меньшая часть их проедается *непосредственно* владельцами прибавочного продукта или косвенно их собаками, лошадьми, слугами или же непроизводительными работниками, услугами которых владельцы прибавочного продукта пользуются в обмен на последний. Эту [долю] второй части прибавочного продукта, следовательно, также следует вычесть. Другая часть этих *средств потребления* служит для покупки труда. Она превращается в *переменный капитал*. Наконец, часть [прибавочного продукта] состоит из семян, сырья, вспомогательных материалов, полуфабрикатов, скота, машин и орудий. Эта часть превращается в *постоянный капитал*. Сумма тех частей прибавочного продукта, которые таким путем превращаются в переменный и постоянный капитал, образует *добавочный капитал*, в который превращается часть *прибавочного продукта*, или *прибавочной стоимости*. Если бы превращенный таким путем в капитал прибавочный продукт был равен, например, 500 талерам, из которых 400 талеров составляли бы постоянный, а 100 талеров — переменный капитал; если бы на эти 100 талеров мог быть куплен дневной труд 100 рабочих и если бы рабочий день 100 рабочих реализовался в 200 талерах, то, следовательно, 100 талеров были бы средством для купли вдвое большего труда, чем в них содержится, и превращения тем самым 500 талеров в 600, в капитал. Та часть

добавочного капитала, которая превращается в переменный капитал, обменивается на большее количество труда, или есть средство даром присвоить себе часть нового дополнительного труда. Но сами эти 100 талеров представляют собой даром присвоенный чужой труд, точно так же как и 400 талеров дополнительного постоянного капитала, так что этот совокупный *прибавочный труд* рабочих в руках капиталиста есть средство для того, чтобы присвоить новый прибавочный труд и заставить [рабочих] *даром* воспроизводить уже присвоенный прибавочный труд.

То обстоятельство, что *производительность труда* и вместе с тем *стоимость воспроизведенного им продукта* зависит от обилия предметных условий, от количества прошлого труда, который входит в процесс производства, следовательно, от *накопления капитала,* выступает, подобно *всякой производительной силе* труда, как *производительная сила капитала, независимо противостоящего труду.* Это *постепенное увеличение прошлого* труда, приводимого в движение живым трудом в процессе воспроизводства и обусловливающего возрастающую производительность живого труда, представляется как *заслуга* этого *прошлого* труда; или дело изображается таким образом, что отчуждение *этого прошлого труда в качестве капитала* делает его этим существенным моментом производства. Вследствие того что в действительности при капиталистическом производстве этот *прошлый труд* постоянно противостоит живому труду как капитал, это *противостояние,* эта его *отчужденная, социально превращенная форма* рассматривается как скрытый процесс, посредством которого капитал делает труд более производительным, хотя, разумеется, этот прошлый труд работников оказывал совершенно ту же самую услугу и тогда, когда он функционировал как их *собственность.* Рассмотренное представление необходимо: 1) потому что только при капиталистическом производстве, в отличие от прежних способов производства, *прошлый* труд в столь растущем объеме входит в воспроизводство; он поэтому выступает отличительным признаком *капиталистического способа производства* по сравнению с прежними способами производства, 2) потому что та *антагонистическая* форма, в которой овеществленный труд выступает здесь по отношению к живому труду, рассматривается как его *имманентный* характер, неотделимый от функции, выполняемой им в процессе воспроизводства.

Кроме *накопления овеществленного труда,* как оно выступает при превращении прибавочного продукта в добавочный капитал, имеет место *постоянное накопление* личного умения рабочего

путем упражнения и передачи достигнутого умения новому, подрастающему поколению рабочих. Это *накопление* не стóит капиталу ничего, [XXII—1 384] хотя оно играет решающе важную роль в процессе воспроизводства. Сюда еще относится накопление *науки* в той мере, в какой она находит применение в материальном процессе производства. Это накопление есть постоянное воспроизводство в постоянно расширяющемся масштабе. Достигнутые *в прошлом* результаты познания преподаются и воспроизводятся как *элементы* знания и как таковые дальше разрабатываются учащимися. Издержки воспроизводства здесь никак не соразмерны с первоначальными издержками производства.

Здесь нужно предостеречь от двух представлений:

1) от смешения *сбережения* с накоплением;

2) от смешения *процесса накопления* капитала с накоплением, кото́рое происходит при простом *образовании сокровищ*.

К пункту 1). Сбережение. Та часть продукта, которой собственно можно распоряжаться, прибавочный продукт, могла бы быть потреблена капиталистом *индивидуально*. Следовательно, превращая некоторую часть этого продукта в капитал, он отказывается от наслаждения и сберегает. Представление о том, что весь прибавочный продукт можно проесть, прежде всего ошибочно само по себе, потому что в непосредственном процессе производства, так же как и в процессе обращения, продукт подвергается всевозможным опасностям, следовательно, необходим резервный фонд не только для обычных убытков, но и для чрезвычайных случаев. Этот резервный фонд может быть образован только из прибавочного продукта. Точно так же капиталистический способ производства был бы невозможен без постоянного расширения разделения труда, усовершенствованных и новых добавочных машин и т. д., что опять-таки требует какой-то части прибавочного продукта. Вообще капиталистическое производство есть производство, направленное на увеличение меновой стоимости, особенно прибавочной стоимости, а этого непрерывного увеличения можно достигнуть лишь путем постоянного превращения прибавочного продукта в капитал. Разумеется, капиталистический способ производства возможен только при соответствующих ему условиях, а последние весьма отличаются от условий того способа производства, который направлен на непосредственное [обеспечение] жизненными средствами. Это касается прежде всего иллюзии, будто бы можно проесть весь прибавочный продукт.

Теперь относительно совершенно фантастического представления о том, будто бы капиталист может проесть весь свой капи-

тал, вместо того чтобы использовать его в качестве капитала. Прежде всего, бо̀льшая часть этого капитала существует в форме, в которой он не может быть потреблен [иначе, чем] в качестве средств производства; в форме, в которой он может быть потреблен только производительно. Все представление покоится на представлении *отдельного владельца денег.* Вместо того чтобы превратить 1 000 ф. ст. в капитал, он может их проесть. (Разумеется, отдать их в ссуду под проценты он может лишь в том случае, если он не проедает эти свои 1 000 ф. ст., а, наоборот, передает их другим для применения в качестве капитала.) Но если бы совокупный процесс воспроизводства был прерван хотя бы только на 14 дней, то пришел бы конец тому, что «можно проесть».

Однако это — заслуга одного капиталиста по отношению к другому. Она не имеет никакого отношения к труду. Но ведь то, что капиталист *сберегает, экономит,* есть продукт *неоплаченного труда,* следовательно, продукт рабочего, присвоенный без эквивалента. *«Сбережения богатых составляются за счет бедных» (Сэй)* [111]. Это — *накопленный труд,* но не *его* [капиталиста] накопленный труд.

К пункту 2). Процесс накопления. Выше уже отмечалось отличие накопления от сбережения.

В той мере, в какой под накоплением понимают *образование запасов,* или пребывание *товаров в промежутке* между производством и потреблением, это относится к процессу обращения.

Фраза, что никто не принимает большего участия в процессе накопления капитала, чем сам рабочий, означает, по мнению вульгарных экономистов, что рабочий должен радоваться, если ему выплачивают самую низкую заработную плату, какая только возможна (*норма же прибавочной стоимости* и далее норма прибыли настолько высоки, насколько возможно), потому что вместе с массой прибавочной стоимости, или прибавочного продукта (при последующем рассмотрении — вместе с массой прибыли), растет часть, которая превращается в *добавочный капитал,* а вместе с ним увеличивается масса *дополнительного переменного капитала,* т. е. той части капитала, которая превращается в заработную плату производительного труда, или обменивается на труд. Если эта часть растет быстрее, чем работающее население (а ею определяется дополнительный спрос на труд), то *цена труда* поднялась бы выше его *стоимости* или его *среднего уровня.* Сначала утверждают, будто *уменьшение заработной платы* (или, по крайней мере, ее относительно низкий уровень) есть благо; иными словами, благом является якобы то, что рабочий *возможно бо̀льшую часть* своего времени

работает даром для капиталиста и поэтому получает *возможно меньшую* часть продукта своего собственного труда, ибо вследствие этого увеличивается масса применяемого капитала. Затем увеличение этой массы капитала рассматривается как благо потому, что вследствие этого уменьшается *прибавочный труд*, или растет заработная плата. Для того чтобы при определенных обстоятельствах бо̀льшая часть его дарового труда снова притекала к нему обратно в качестве заработной платы, рабочий должен предварительно присвоить себе в качестве заработной платы меньшую часть своего труда. Какие [XXII—1 385] прекрасные и — особенно для рабочего — нелепые движения по кругу!

С накоплением капитала *относительно* уменьшается та его часть, которая превращается в переменный капитал. Это во-первых.

Во-вторых, вместе с развитием производительных сил, осуществляемым посредством накопления капитала, увеличивается масса *ставшего излишним населения*, или масса постоянно порождаемого самим капиталистическим способом производства *избыточного населения*.

Но если оставить это положение без внимания, а оно имеет решающее значение, то накопление было бы в интересах рабочего, сколько бы бед оно вновь и вновь ни приносило ему:

1) поскольку *добавочный капитал* увеличивается вследствие того, что меньшая часть прибавочного продукта потребляется капиталистом, а бо̀льшая превращается в добавочный капитал; поскольку, следовательно, рост добавочного капитала происходит не вследствие того, что растет прибавочный труд (а потому и прибавочный продукт), а вследствие того, что при разделении этого прибавочного продукта на доход и капитал бо̀льшая часть его превращается в капитал;

2) но так как это, при неизменной величине *прибавочного продукта*, зависит от *производительности труда*, которая, в свою очередь, зависит от *развития капиталистического способа производства*, то в интересах рабочего (поскольку уже существует наемный труд), чтобы капиталы применялись концентрированно, в крупном масштабе, а не были бы раздроблены между многими капиталистами и не применялись бы непродуктивно.

Коль скоро *процесс накопления* идентичен *процессу концентрации*, то *внутренний* прогресс капиталистического производства состоит в том, чтобы все более и более упразднять *частное производство*, тот вид производства, для которого собственность действительно обособленного производителя на

его условие труда выступает в качестве *условия* самого *производства*. Развивается отношение рабочих к *условиям производства* как к *совместным, общественным величинам*.

{Окончание текста, взятого из прежнего изложения[112].

Поскольку прибавочный продукт снова используется в качестве добавочного капитала, снова вступает в процесс труда и в процесс увеличения стоимости, он распадается на:

1) жизненные средства, предназначенные для обмена на рабочую силу. Эта часть капитала может быть названа *рабочим фондом*. Он служит для непрерывного сохранения увеличивающейся рабочей силы, так как эта часть добавочного капитала постоянно возрастает, хотя отнюдь не в такой степени, в какой возрастает сам добавочный капитал. Этот *рабочий фонд* точно так же выступает теперь, как *отчужденный*, превращенный в *капитал* труд, как и

2) *вещественные составные части*, вещественные условия применения дополнительного труда.

Обе составные части капитала теперь *положены* трудом и положены как его *предпосылки*. То, что *первоначально* было *внутренним делением самого капитала*, выступает теперь таким образом, что *собственный продукт труда — объективированный прибавочный труд* — распадается на те две составные части, которые, если их рассматривать с вещественной стороны, представляют собой: одна — вещественные условия *процесса труда*, другая — вещественные условия *сохранения и воспроизводства* рабочей силы; однако по форме эти *условия* осуществления труда выступают так, что противостоят труду как *чужая самостоятельная сила*, как *капитал*. Сам труд создал новый фонд для применения нового труда, но вместе с тем он создал и то условие, что этот фонд может быть присвоен только в том случае, когда избыточная часть добавочного капитала поглощает новый прибавочный труд. Следовательно, в произведенном трудом добавочном капитале, в прибавочной стоимости, вместе с тем создана реальная необходимость (и возможность) нового прибавочного труда, и таким образом добавочный капитал сам есть реальная возможность как нового прибавочного труда, так и нового добавочного капитала. Из всего изложенного видно, как в результате самого труда все более и более расширяется объективный мир богатства, противопоставляя себя труду как чуждая ему сила и приобретая все более обширное и все более полное существование, так что относительно, по сравнению с созданными стоимостями и с объемом реальных условий созидания стоимости, нищая субъективность живой рабочей силы образует все более разительный контраст. Чем

больше объективирует себя труд, тем обширнее становится объективный мир стоимостей, противостоящий труду как чужой мир, как чужая собственность. Путем создания добавочного капитала [XXII—1 386] труд сам все снова и снова принуждает себя к созданию нового добавочного капитала и т. д., и т. д.

По сравнению с первоначальным, недобавочным капиталом условия труда изменились в том смысле, что 1) та часть капитала, которая обменивается на необходимый труд, воспроизведена самим этим трудом, т. е. уже не приходит к нему из обращения, а является его собственным продуктом; 2) часть стоимости, которая в виде сырья и орудий представляет реальные условия использования живого труда, была сохранена им самим в процессе производства; но так как всякая потребительная стоимость по своей природе состоит из преходящего материала, а меновая стоимость существует только в виде потребительной стоимости, то это сохранение равнозначно спасению от гибели, или отрицанию преходящей природы принадлежащих капиталистам стоимостей, а потому полаганию их как для-себя-сущей стоимости, как *непреходящего богатства*. Поэтому первоначальная сумма стоимостей была положена живым трудом в качестве *капитала* лишь в процессе производства.

В той мере, в какой рассматривается *добавочный капитал*, капитал представляет для-себя-сущую стоимость в результате *присвоения чужого труда*, ибо каждый из элементов добавочного капитала — материал, орудие, жизненные средства — сводится к *чужому труду*, который не присваивается капиталистом посредством *обмена* на имеющиеся в наличии стоимости, но который он *присвоил* себе без *обмена*. Правда, *первоначальным условием* для этого *добавочного капитала* выступает обмен части *принадлежащих* ему *стоимостей*, или находящегося в его владении *овеществленного труда*, на рабочую силу. Условием образования добавочного капитала I, если мы так назовем тот добавочный капитал, который выходит из первоначального процесса производства, т. е. условием *присвоения чужого труда*, овеществленного чужого труда, выступает на стороне капиталиста обладание *стоимостями*, часть которых он *формально* обменивает на живую рабочую силу. Во всяком случае условием образования *добавочного капитала I* является обмен принадлежащих капиталисту стоимостей, брошенных им в обращение и предложенных им рабочим, стоимостей, которые возникают *не* из его обмена с живым трудом, т. е. не из его отношения как *капитала* к *труду*; таковым условием является предшествующее, так называемое *первоначальное накопление*, как это постоянно происходит, например, также с каждым

отдельным лицом, которое появляется на рынке в качестве нового капиталиста.

Но представим себе теперь, что добавочный капитал I снова брошен в процесс производства, снова реализует в обмене свою прибавочную стоимость и снова появляется в начале третьего процесса производства в качестве нового *добавочного капитала II. Предпосылки* этого *добавочного капитала II* иные, *чем у добавочного капитала I*. Предпосылкой добавочного капитала I были стоимости, принадлежавшие капиталисту и брошенные им в обращение. Предпосылкой добавочного капитала II является не что иное, как существование *добавочного капитала I*, иными словами, та предпосылка, что капитал уже присвоил себе чужой труд без обмена. Это дает капиталисту возможность все снова и снова начинать процесс, причем в постоянно расширяющемся масштабе. Правда, для того чтобы создать *добавочный капитал II*, он должен был обменять часть добавочного капитала I в форме жизненных средств на живой труд. Однако то, что он таким образом обменял, с самого начала было такой стоимостью, которая, хотя и не была пущена им в обращение из собственного фонда, но представляла собой присвоенный без эквивалента чужой овеществленный труд, который он теперь снова обменивает на чужой живой труд; точно так же и *средства труда*, в которых осуществляется этот новый труд и посредством которых он создает новую прибавочную стоимость, попали в руки капиталиста без обмена, путем простого присвоения. *Прошлое присвоение чужого труда теперь выступает просто как условие нового присвоения чужого труда;* иными словами, то, что чужой труд в вещественной объективной форме, в форме существующих стоимостей, находится в собственности капиталиста, выступает в качестве условия того, чтобы капиталист снова мог присвоить себе без эквивалента чужую живую рабочую силу. То, что капиталист уже противостоял живому труду в качестве капитала, выступает как [XXII—1 387] единственное условие того, что он не только сохраняет себя как капитал, но как возрастающий капитал в возрастающем количестве *присваивает* чужой труд без *эквивалента*. *Собственность* на *прошлый объективированный чужой труд* выступает как единственное условие дальнейшего *присвоения теперешнего живого труда*.

Поскольку *добавочный капитал I* был создан путем простого обмена между овеществленным трудом (первоначальным капиталом) и живой рабочей силой — закон, основанный на обмене товаров как эквивалентов, оцениваемых посредством содержащегося в них сравнительного рабочего времени или количества

труда, — и поскольку этот обмен, выраженный юридически, не предполагал ничего иного, кроме права собственности каждого на его продукты и права свободного распоряжения ими (со стороны рабочего — свободного распоряжения своими личными способностями), а также поскольку добавочный капитал II есть всего лишь результат добавочного капитала I, стало быть, следствие указанного первого отношения, то право собственности на стороне капитала *диалектически* превращается в право на чужие продукты или в право собственности на чужой труд, в право присваивать себе чужой труд без эквивалента, а на стороне рабочего — в обязанность относиться к своему собственному труду и его продукту как к *чужой собственности*. Однако обмен эквивалентов, выступавший как первоначальная операция, теперь принял такой оборот, что для одной из сторон он является лишь видимостью обмена, так как обмененная на рабочую силу часть капитала, во-первых, сама есть присвоенный без эквивалента *чужой труд*, и, во-вторых, она должна быть с *избытком* возмещена *рабочей силой*, следовательно, фактически эта часть капитала не отдается, а только превращается из одной формы в другую. *Отношение обмена есть, следовательно, лишь видимость*, которая присуща процессу обращения. Далее, первоначально право собственности выступало основанным на собственном труде. Теперь собственность выступает как право на чужой труд и как невозможность для труда присваивать себе свой собственный продукт. Разделение между собственностью, или богатством, и трудом выступает теперь как следствие того закона, который исходил из их тождества.

Наконец, в качестве результата процесса производства и процесса увеличения стоимости прежде всего выступает *воспроизводство* в постоянно расширяющемся масштабе самого отношения между *капиталом и трудом*, между *капиталистом и рабочим*. Поэтому вместе с ростом массы капитала увеличивается масса лишенной средств существования, нуждающейся рабочей силы, «рабочей бедноты», и vice versa *. Это *антагонистическое отношение* выражено у Идена, Чалмерса [113] и т. д. Это производственное отношение (социальное отношение общения, в котором субъекты выступают в качестве агентов производства) фактически выступает как еще более важный результат процесса, чем его материальные результаты. Каждый воспроизводит самого себя тем, что он воспроизводит другую свою сторону, свое отрицание. Капиталист производит труд как

* — наоборот. *Ред.*

чужой труд; труд производит продукт как чужой продукт. Капиталист производит рабочего, а рабочий — капиталиста.

Если уж предположен способ производства, основанный на капитале {собственно говоря, деньги превратились в капитал лишь *в конце первого процесса производства,* результатом которого были воспроизводство (1) и новое производство добавочного капитала I (2). Однако сам добавочный капитал I только в том случае реализуется как добавочный капитал, когда он сам воспроизведен (3) и создал добавочный капитал II (4); следовательно, когда исчезли находящиеся еще вне движения *действительного* капитала предпосылки превращения денег в капитал, и поэтому капитал, соответственно своей имманентной сущности, фактически создал те самые условия, из которых он исходит в процессе воспроизводства}, то в этом случае условие, что капиталист должен бросить в обращение стоимости, созданные его *собственным трудом* или каким-нибудь другим способом (но только не уже имеющимся в наличии прошлым наемным трудом), относится к *допотопным* условиям капитала, к его историческим предпосылкам, которые именно в качестве такого рода *исторических предпосылок* уже изжиты и поэтому принадлежат к *истории образования капитала,* но отнюдь не к его *современной истории,* т. е. они не принадлежат к действительной системе подчиненного ему способа производства.

[XXII—1 388] Если, например, бегство крепостных в города явилось одним из *исторических* условий и предпосылок средневекового городского строя, то оно вовсе не является *условием,* реальным моментом развитого городского строя, а принадлежит к его *минувшим* предпосылкам, к тем предпосылкам его *становления,* которые в его *бытии* уже сняты. Да и условия *становления, возникновения* капитала предполагают то, что последнего еще нет, что он еще только *становится;* следовательно, эти условия исчезают вместе с [появлением] действительного капитала, того капитала, который, исходя из своей действительности, полагает условия своего осуществления. Так, например, если при первоначальном становлении денег, или для-себя-сущей стоимости, капиталом предпосылкой является *первоначальное накопление,* будь то посредством экономии, собственного труда и т. д. со стороны владельца денег или товаров, накопление, которое он осуществил как *не-капиталист,* если, таким образом, предпосылки становления денег капиталом выступают как данные внешние *предпосылки* возникновения *капитала,* то, как только капитал стал таковым, он создает свои собственные предпосылки, а именно: обладание реальными

условиями для создания новых стоимостей без *обмена*, посредством своего собственного процесса производства. Эти *предпосылки*, которые первоначально выступают в качестве условий становления капитала и поэтому еще не могут проистекать из его *действия как капитала*, теперь выступают как результат его собственного осуществления, порождаемой им *действительности*, выступают не как *условия возникновения капитала*, а как *результат его бытия*. Капитал больше не исходит из своих предпосылок, но он сам предпослан и, исходя из самого себя, сам создает предпосылки своего сохранения и своего роста. Поэтому условия, предшествующие созданию добавочного капитала I и выражающие становление капитала, не относятся к сфере того способа производства, предпосылкой которого служит капитал, а пройдены капиталом как предварительные исторические этапы его становления, подобно тому как те процессы, посредством которых Земля из состояния огненного и парообразного моря перешла в свою теперешнюю форму, находятся за пределами жизни сформировавшейся Земли. Буржуазные экономисты, рассматривающие капитал как вечную и *естественную* форму производства, затем снова стараются оправдать этот свой взгляд на капитал, выдавая условия (к тому же фантастические) его становления за условия его теперешнего осуществления, иными словами, те моменты, при которых капиталист присваивает в качестве *не-капиталиста*, так как он еще только становится капиталистом, они выдают именно за те условия, при которых он присваивает уже *в качестве капиталиста*.

{*Естественные законы производства!* Здесь, правда, речь идет об *естественных законах буржуазного производства*, следовательно, о законах, в рамках которых производят на *определенной исторической ступени* и при *определенных исторических условиях производства*. Если бы не было таких законов, то вообще была бы непостижима *система буржуазного производства*. Здесь, конечно, речь идет о том, чтобы представить *природу* этого определенного способа производства, следовательно, его *естественные законы*. Но подобно тому как сам этот способ производства является *историческим*, таковыми же являются его *природа* и *законы этой природы*. Естественные законы азиатского, или античного, или феодального способов производства были существенно иными. С другой стороны, нет никакого сомнения в том, что человеческое производство во всех формах имеет известные неизменные *законы* или *отношения*. Это идентичное является совершенно простым и может быть суммировано очень немногими общими местами.}

Эти попытки апологетики свидетельствуют о нечистой совести и о бессилии привести в соответствие с *общими законами собственности,* провозглашенными самим капиталистическим обществом, *специфически* капиталистический способ присвоения. С другой стороны, что гораздо важнее, наш метод показывает те пункты, где должно быть привнесено историческое рассмотрение, или где буржуазная экономика как всего лишь историческая форма процесса производства содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства. Поэтому, для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, нет необходимости писать *действительную историю* [XXII—1 389] *производственных отношений.* Однако правильный взгляд на производственные отношения и их дедукция всегда приводят к таким *первым уравнениям,* которые указывают на лежащее за этой системой прошлое. Если, с одной стороны, *добуржуазные фазы* выступают *лишь* как *исторические,* т. е. *упраздненные предпосылки,* то современные условия производства выступают как *упраздняющие самих себя* и поэтому полагающие себя в качестве *исторических предпосылок* будущего общества.}

Вышеизложенное отчасти относится к рассмотрению так называемого *первоначального накопления* [114].

Но здесь следует добавить.

При превращении денег в капитал и поэтому при образовании добавочного капитала I [должны соблюдаться] два [условия]:

Во-первых, нужно, чтобы деньги могли свободно обмениваться на труд; те *исторические условия,* которые должны быть выполнены для этого, следует рассмотреть позднее. Владелец денег, который теперь приходит на рынок, обнаруживает, что эти *условия* господствуют над способом производства. Деньги (и то, что они представляют) уже *an sich* * противостоят труду как *капитал* и должны только *проявить* себя в качестве такового.

Во-вторых, если отдельное лицо в наши дни хочет стать капиталистом, оно должно иметь *деньги.* Если это вновь формирующийся капиталист, который не *унаследовал* деньги (но владеет деньгами, приобретенными уже капиталистическим путем), и не получил *их* в долг (так как совершенно безразлично, какое лицо, имеющее деньги в кармане, противостоит рабочему), и не *украл* их, и не приобрел их в какой-либо другой сфере капитала (кроме сферы собственно производства) как

* — *«в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. Ред.*

купец, финансист, спекулянт и т. д., да и отношение этих вторичных функций капитала к производительному капиталу обнаружится позднее (здесь мы вообще не касаемся распределения имеющихся в наличии капиталов, их перехода из одних рук в другие), то эти деньги должны быть им нажиты или заработаны и сохранены. (При этом следует вычесть сбережения, если он отдал их в ссуду под проценты и т. д., так как это представляет собой уже *капиталистическое* использование стоимости.) В капитал он превращает деньги, начиная лишь с того момента, когда сам эксплуатирует рабочих. Если он сам был производительным рабочим, то сбереженная им сумма денег не может быть крупной. Но, например, врач, литератор, адвокат и т. д., которые приобрели «капитал», приобрели его лишь потому, что господствует капиталистический способ производства. *Оплата* этих непроизводительных работ находится в совершенно точной зависимости от *богатства* действительных агентов — участников производства, и действительная потребительная стоимость выполняемого ими труда поэтому также совершенно не зависит от его *цены*. Мильтон написал свой «Потерянный рай» за 5 ф. ст.

Подлинного образования сокровищ не бывает. Собиратель сокровищ всегда вместе с тем и *ростовщик*.

Капиталистический способ производства постоянно воспроизводит указанные условия тем, что он:

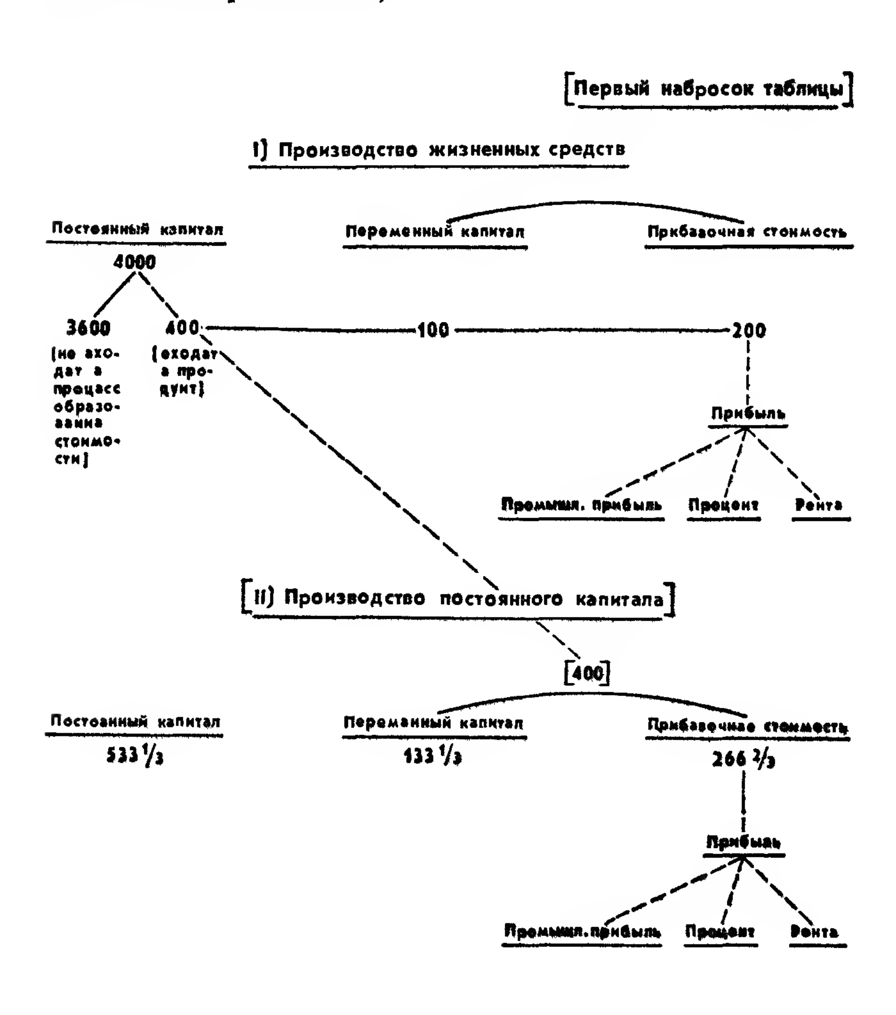
1) в простом процессе производства воспроизводит отношение условий труда в качестве капитала, а отношение рабочего — в качестве наемного труда;

2) путем постоянного превращения прибавочной стоимости в капитал (накопление) создает массу этих *существующих* как *капитал условий* путем *увеличения рабочей силы, имеющейся в наличии в качестве наемных рабочих;*

3) путем постоянного распространения капиталистического способа производства на новые сферы упраздняет еще существующее в какой-то мере единство между непосредственным производителем и его условиями производства; превращает непосредственного производителя в наемного рабочего, а его средства труда в противостоящий ему как наемному рабочему капитал;

4) путем концентрации (и конкуренции) капитала убивает мелкие капиталы и соединяет их в крупный, хотя параллельно с этим процессом притяжения в развитых сферах протекает процесс отталкивания во вновь возникающие сферы занятости и т. д. Если бы этого не было, то буржуазное производство очень просто и скоро дошло бы до своей катастрофы.

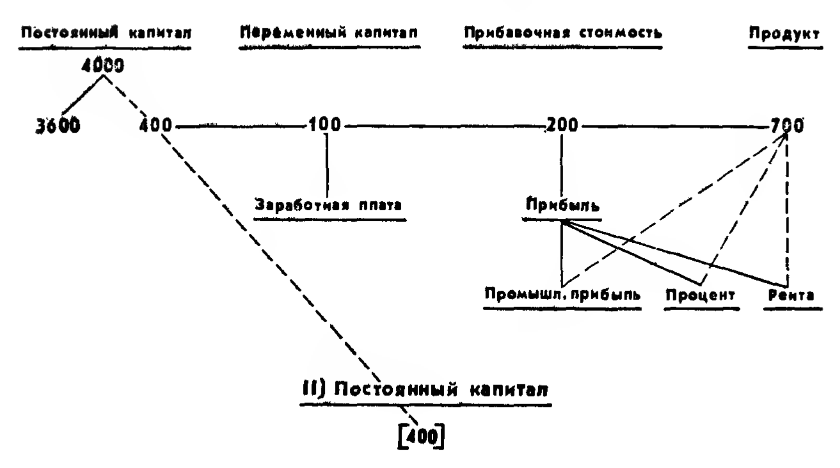
[XXII—1390] {*Таблица процесса воспроизводства (изображенного без учета денежного обращения и при неизменном масштабе воспроизводства)* [115].

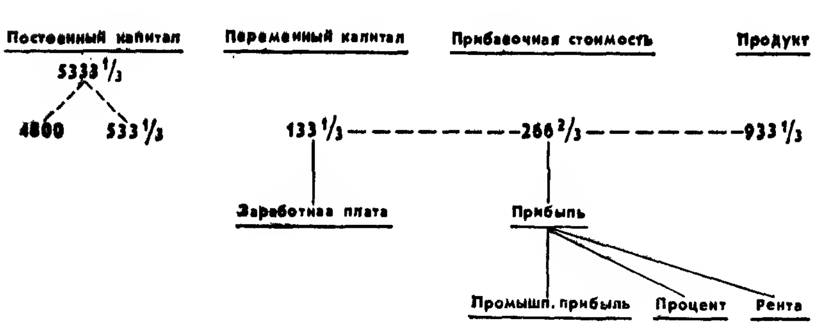

[XXII—1391] Всюду опущена та часть *постоянного капитала* (следовательно, здесь — *основного капитала*), которая не входит в *продукт*, т. е. не входит в *процесс образования стоимости* [XXII — 1391].

[Второй набросок таблицы]

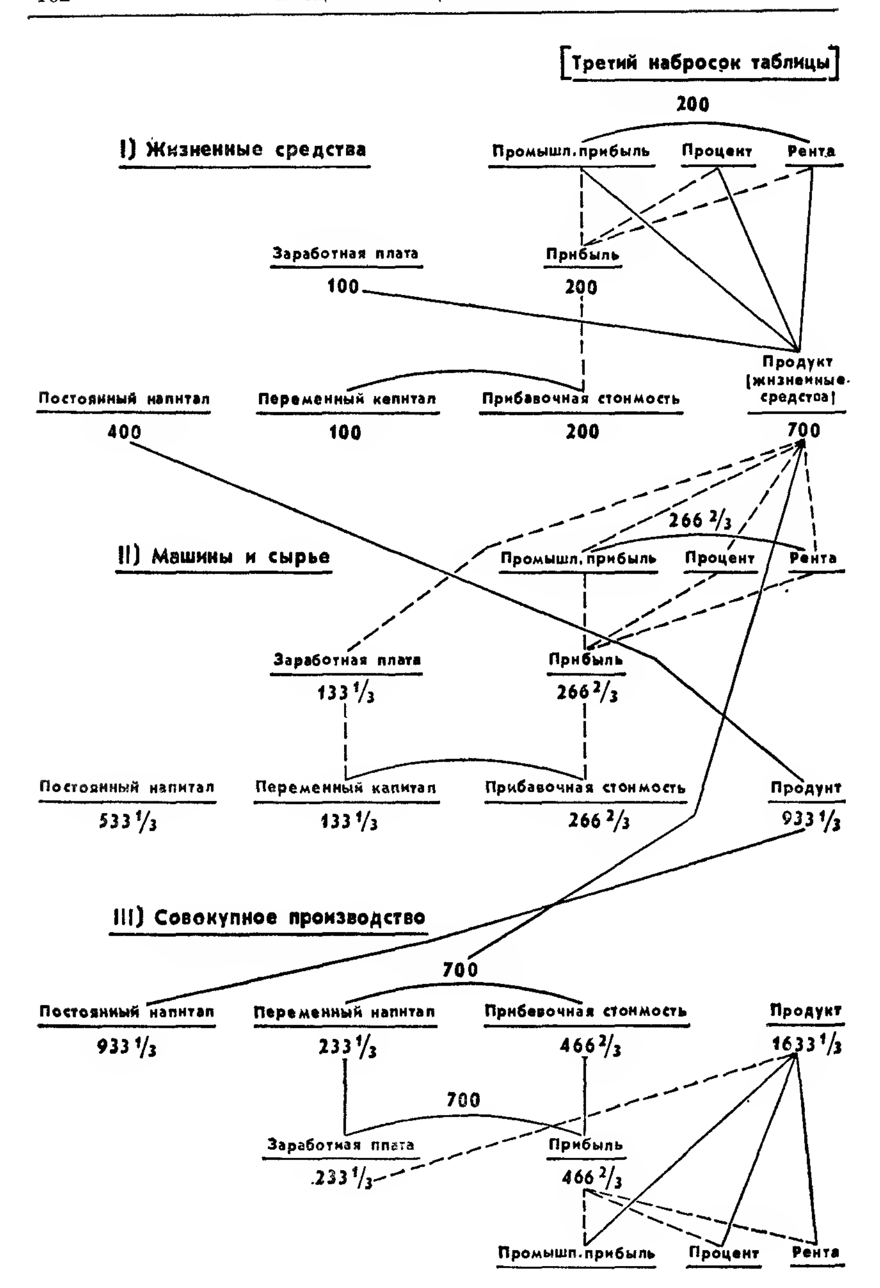
I) Жизненные средства

Следовательно, суммируя все:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Продукт в целом
933 1/3	233 1/3	466 2/3	1633 1/3

[Третий набросок таблицы]
200
I) Жизненные средства
Промышл. прибыль
Процент
Рента
Заработная плата
100
Прибыль
200
Продукт [жизненные средства]
Постоянный капитал
400
Переменный капитал
100
Прибавочная стоимость
200
700
266 2/3
II) Машины и сырье
Промышл. прибыль
Процент
Рента
Заработная плата
133 1/3
Прибыль
266 2/3
Постоянный капитал
533 1/3
Переменный капитал
133 1/3
Прибавочная стоимость
266 2/3
Продукт
933 1/3
III) Совокупное производство
700
Постоянный капитал
933 1/3
Переменный капитал
233 1/3
Прибавочная стоимость
466 2/3
Продукт
1633 1/3
700
Заработная плата
233 1/3
Прибыль
466 2/3
Промышл. прибыль
Процент
Рента

Мы видим *под рубрикой I)*, что постоянный капитал, равный 400, снова целиком обнаруживается в продукте. Весь этот продукт состоит из *жизненных средств*, которые входят в фонд потребления, хотя лишь частично — в фонд потребления класса I. Переменный капитал, равный 100, полагает прибавочную стоимость в 200, помимо своего собственного воспроизводства в продукте. Эти 100 единиц переменного капитала выплачиваются деньгами в виде заработной платы; из совокупного продукта в 700 на эту заработную плату получают продуктов на 100. Таким путем деньги притекают обратно в руки капиталистов класса I. Вся прибавочная стоимость выступает в качестве прибыли, но распадается на промышленную прибыль, процент и ренту, из которых по крайней мере обе последние части выплачиваются целиком деньгами. Владельцы этих доходов получают 200 единиц из массы продукта. Следовательно, класс I из произведенной им самим массы продукта проел 300; в то же время деньги притекли обратно к капиталистам, так что последние могут вновь оплатить деньгами заработную плату, процент и ренту. Остается непроеденным и может быть использован остаток массы продукта, равный 400, — часть стоимости [XXII—1 392] продукта, необходимая для того, чтобы возместить постоянный капитал в 400.

В рубрике II) весь продукт состоит из сырья и машин. *Переменный капитал* в $133^1/_3$ расходуется на заработную плату (деньги); на эти деньги приобретаются $133^1/_3$ из массы продукта класса I. Таким путем $133^1/_3$ притекают в класс I из класса II в виде денег, и на эту же сумму продукт класса I переходит в класс II. Из $266^2/_3$ прибавочной стоимости деньгами оплачиваются процент и рента, и на эту сумму совершается покупка из массы продукта класса I. Эта сумма денег вместе с деньгами, которые притекли обратно от заработной платы, процента, ренты их класса [класса I], вместе с заработной платой класса II более чем достаточна для того, чтобы доставить 400 классу I в виде денег, на которые он возмещает свой постоянный капитал в 400, в результате чего капиталисты класса II на свою промышленную прибыль приобретают жизненные средства из массы продукта класса I. В результате весь продукт класса I перешел в фонд потребления, а из массы продукта класса II 400 перешли в класс I для возмещения его постоянного капитала, тогда как $533^1/_3$ требуются [классу II] для возмещения его собственного постоянного капитала.

Собственно говоря, дело обстоит так.

Класс I. 100 выплачиваются деньгами в качестве заработной платы. На эти 100 рабочие приобретают 100 из массы продукта

класса I; тем самым 100 в виде денег притекают обратно к капиталистам класса I; на эти 100 они могут снова купить труд. Из прибавочной стоимости в 200 капиталисты [класса I] определенную часть выплачивают в качестве процента и ренты за прошлый год; на эти деньги [получатели] процента и ренты покупают соответственно свои части из массы продукта класса I. Деньги, следовательно, устремляются обратно к капиталистам класса I; этими деньгами последние снова оплачивают процент и ренту, т. е. снова выдают этот чек на продукт следующего года. Что же касается промышленной прибыли, то капиталисты [класса I] отчасти проедают ее in natura *, отчасти их взаимный обмен [ею] опосредован оплатой деньгами.

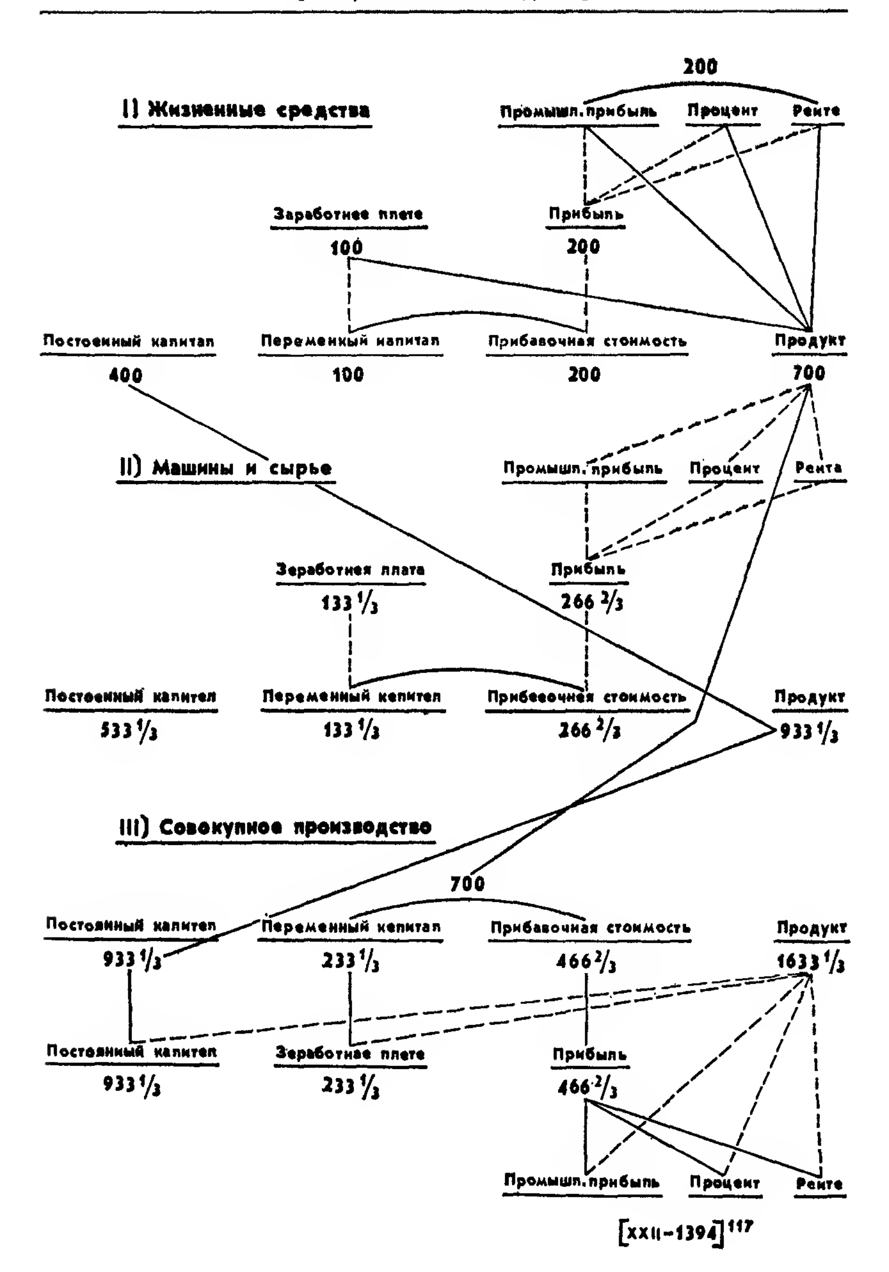
Класс II израсходовал $133^1/_3$ (деньгами) в качестве заработной платы. На эти деньги рабочий класс класса II покупает продукты у [капиталистов] класса I. Следовательно, эти $133^1/_3$ устремляются в виде денег в руки [капиталистов] класса I, которые покупают на эту сумму продукт класса II. Одновременно к [капиталистам] класса I устремляются деньги [получателей] процента и ренты класса II, которые точно так же приобретают на них свою долю из массы продукта класса I. На эти деньги [капиталисты] класса I покупают продукт класса II, к [капиталистам] которого, следовательно, снова притекают обратно деньги; этими деньгами они вновь могут оплатить заработную плату, а также процент и ренту. Часть этих денег, равную их промышленной прибыли, они затрачивают на то, чтобы купить продукт класса I. [Капиталисты] класса I на эти деньги покупают оставшуюся часть того, что им необходимо из массы продукта класса II. В итоге из продукта класса II они купили 400, равные их постоянному капиталу, и возместили его. Весь продукт класса I перешел в фонд потребления. С другой стороны, к [капиталистам] класса II возвратились все деньги, которые требуются им для оплаты труда, процента, ренты и для денежных сделок между капиталистами внутри этого класса.

К рубрике III). Совокупный продукт класса II выступает как постоянный капитал общества, а совокупный продукт класса I представляет собой отчасти сумму переменного капитала классов I и II, отчасти сумму дохода, проедаемого под различными рубриками в обоих классах.}

[XXII—1 393] {Относительно приведенных выше экономических таблиц необходимо заметить следующее:

1) Постоянный капитал состоит из основного и оборотного капитала. Та *часть основного капитала,* которая не входит

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

[XXII—1394][117]

в *процесс образования стоимости,* опущена. Или, что то же самое, в рубрику постоянного капитала здесь включена только та часть *основного капитала,* которая входит в *годовое воспроизводство,* следовательно, в *совокупный годовой продукт.*

Часть капитала состоит из *денег.* Только переменный капитал дан здесь как *денежный капитал.* Напротив, процент и рента — как денежные суммы, находящиеся в руках их владельцев. Находящаяся в обращении масса денег фактически гораздо меньше, чем она выступает здесь: отчасти как денежное выражение переменного капитала, отчасти как денежное выражение процента и ренты.

2) Коммерческий капитал и денежно-торговый капитал отдельно здесь не представлены, так как это сделало бы таблицу слишком сложной.

3) *Воспроизводство* по той же самой причине представлено как неизменное, так как изображение процесса накопления также внесло бы путаницу в простое восприятие основного движения.

4) [Рубрики] I и II таблицы показывают, как совокупный продукт класса II выступает в качестве постоянного капитала общества, совокупный же продукт класса I реализуется в переменном капитале и прибавочной стоимости обоих классов. Этот процесс предполагается в [рубрике] III таблицы, поэтому здесь продукт класса II непосредственно выступает как постоянный капитал, а продукт класса I — как сумма переменного капитала и прибавочной стоимости.

5) *Линии, проведенные пунктиром,* постоянно указывают на *происхождение* затрат, на исходный пункт обращения, т. е. туда, откуда затраты *восходят; непунктирные линии* [также] указывают на происхождение затрат, однако, туда, куда затраты *нисходят.*

Вся таблица приведена на следующей странице [116].

[XXII—1 394] *Экономическая таблица совокупного процесса* [простого] *воспроизводства* [см. табл. на стр. 165].}

[ГЛАВА 10]

ЭПИЗОД. ВОЗВРАТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ДЕНЕГ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ [118]

[1) ИЗМЕНЕНИЯ ФОРМЫ ДЕНЕГ В ПРОЦЕССЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА. РОЛЬ ТОРГОВОГО КАПИТАЛА В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ]

[XVII—1 038] Возьмем сначала обращение между производительным капиталистом, лавочником и рабочим. Пусть лавочник представляет всех продавцов жизненных средств, входящих в потребление рабочих.

Капиталист выплачивает рабочему *деньги* в качестве заработной платы; рабочий расходует эти деньги в качестве средств обращения, покупая на них товары у лавочника; последний на эти самые деньги возмещает свой запас [товаров] у капиталиста, который, согласно нашему предположению, производит жизненные средства.

Деньги, коль скоро они обмениваются капиталистом на труд, являются деньгами, которые превращаются в производительный капитал. Это — первый член (оставляя в стороне ту часть денег, которая превращается в сырье и т. д.) формы $Д — Т — Д$ как формы процесса воспроизводства капитала.

Далее, с точки зрения этого капиталиста деньги функционируют как покупательное средство, как средство обращения. $Т — Д — Р$ $(Т_1)$ [119]. Капиталист превратил товар в деньги, а теперь превращает эти деньги в труд, в другой товар.

С точки зрения рабочего, деньги являются всего лишь монетой. $Р$ (его товар) — $Д$ — $Т$ (товар, который он покупает у лавочника). Это всего лишь денежная форма, которую принимает его товар, для того чтобы превратиться в жизненные средства.

У лавочника деньги функционируют прежде всего как средство обращения, как $Т — Д — Т$. Он постоянно продает товар и на [вырученные] деньги покупает новый товар. Но если при-

нять во внимание, что прежде чем продать товар, лавочник сначала его купил, то совершаемый им процесс выступает в виде *Д — Т — Д'*, *Д' — Т* и т. д., и этот возврат [денег] представляет собой здесь капиталистическое движение.

Эти деньги в руках капиталиста в акте *Д — Р* (труд как товар), оставляя в стороне то, что они являются средством обращения (покупательным средством), представляют собой капитал, но только капитал, подвергающийся изменению формы. Из формы денег он превращается в форму труда, из формы денег — в форму товара. Но то изменение формы, которому капитал подвергается в процессе воспроизводства, не выражает *возрастания стоимости* капитала, ибо те деньги, которые выплачивает капиталист, равны *стоимости* той рабочей силы, которую он покупает. Из этого процесса, если его рассматривать сам по себе, не проистекает никакой *прибавочной стоимости*. Последняя проистекает только из промышленного потребления товара.

У рабочего деньги, будучи всего лишь монетой, представляют собой просто *доход*. Это имеет место всякий раз, когда деньги представляют всего лишь простой метаморфоз *Т — Д — Т*: превращение товара в деньги, для того чтобы превратить их в жизненные средства. В действительности это — обмен товара на жизненные средства. Израсходованные таким образом деньги г-н Тук называет *доходом* [120], так как они и на самом деле должны проистекать из какого-либо дохода: из заработной платы, прибыли — процента или ренты.

[XVII—1 039] Если, наконец, мы рассмотрим лавочника, то для него деньги не только являются формой его капитала, но их возвратное движение представляет собой движение его капитала, *Д — Т — Д'*, — деньги, возвращающиеся из обращения в возросшем количестве, самовозрастающую стоимость. Этот пункт мы сейчас хотим рассмотреть.

Прежде всего, однако, ясно, что не может быть ничего более ошибочного, чем прямая идентификация Туком различных определений формы денег в зависимости от того, представляют ли они капитал или доход. Так, например, в качестве средства обращения деньги являются доходом, но там, где они расходуются не как доход, они представляют собой *капитал*.

Здесь, во всех трех процессах, деньги выступают прежде всего как *средство обращения*. Для капиталиста: *Т — Д — Р'*. Для рабочего: *Р — Д — Т*. Для лавочника: *Т — Д — Т'*. Далее, те же самые деньги функционируют здесь просто как изменение формы капитала, как доход, как капитал плюс доход, т. е. как относящийся к самому себе капитал.

Если рассматривать совокупный процесс производительного капиталиста, то деньги являются всего лишь одной из форм его капитала, которую он изменяет посредством обмена денег на труд; по содержанию это — обратное превращение [денег] в условие производства. Те же самые деньги в руках рабочего становятся доходом и обращаются как доход. Те же самые деньги, возвращаясь в руки лавочника, равны капиталу плюс прибыль, а *выходя* от него при новой покупке у производительного капиталиста, представляют собой всего лишь изменение формы капитала лавочника, указывающее на один из моментов в процессе воспроизводства. Следовательно, смешно говорить, что эти деньги представляют собой доход, или капитал, или что-нибудь подобное этому.

Допустим, что производительный капиталист купил на 100 ф. ст. рабочую силу; рабочие на эти 100 ф. ст. покупают товар (который лавочник купил у капиталиста) и таким образом возвращают лавочнику его деньги. Этот возврат является для лавочника заключительным процессом одной из частей его капитала: *Д — Т — Д'*. Он извлек из обращения больше денег, чем бросил в него. Если прибыль равна 10%, то те товары, которые он продает за 100, стоили ему $90^{10}/_{11}$. ($9^{1}/_{11}$ — прибыль на 100.) Лавочник продает рабочим товары за 100, а покупает их у капиталиста за $90^{10}/_{11}$. И действительно, продавая товары лавочнику, капиталист реализует не всю их стоимость, не всю их цену производства; $^{1}/_{11}$ их стоимости он предоставляет реализовать лавочнику. Рабочие, следовательно, получают товары, действительная цена производства которых равна 100. Они получают эквивалент за свои 100 ф. ст., а та прибыль, которую делает на этом лавочник, есть всего лишь участие в прибыли капиталиста.

Мы видели раньше [121] — при рассмотрении того, как различные части совокупного капитала обмениваются одна на другую, как их стоимости реализуются одна посредством другой и как возмещаются их потребительные стоимости, — что если мы объединим лавочника с производительным капиталистом или вовсе устраним его, то сделка представляется в следующем виде: капиталист платит 100 ф. ст. за труд рабочих, которые покупают у капиталиста на эти 100 ф. ст. товар. Таким путем 100 ф. ст. притекают к нему обратно. Однако в этой сделке капиталист ничего не выигрывает. Вместо того чтобы платить рабочим непосредственно товаром, обладающим стоимостью в 100 ф. ст., капиталист платит им стоимостью в 100 ф. ст. в форме меновой стоимости (реальными деньгами или знаками стоимости), и как только он получает обратно эти 100 ф. ст.,

он платит товаром. Хотя каждая часть товара содержит стоимость, а каждая единица товара в одинаковой пропорции равна $K + P$, издержкам и прибыли, оплаченному труду и неоплаченному труду, однако та часть совокупного продукта (или стоимости совокупного продукта), которая выплачивается в виде заработной платы, если ее рассматривать изолированно, точно так же, как и та часть совокупного продукта, которая возмещает постоянный капитал, не содержат никакой прибавочной стоимости, тогда как вся та часть продукта, которая остается за вычетом возмещения [авансированного капитала], считается состоящей только из прибавочного труда.

Следовательно, для того чтобы лавочник (который имеет дело с рабочими) постоянно извлекал из обращения больше денег, чем он в него бросает, нужно только, чтобы обращалось достаточно денег для уплаты рабочим заработной платы. Лавочник извлекает из обращения больше денег, чем он бросает в него, потому что в действительности он бросает в обращение больше стоимости, чем извлекает из него. Правда, те жизненные средства, которые он купил у капиталиста, имели стоимость (мы говорим здесь о стоимости вместо цены производства, так как мы имеем дело с совокупным капиталом, а каждую отдельную сферу рассматриваем лишь как часть совокупного капитала), равную [XVII—1 040] 100, но их реализованная стоимость была равна только $90^{10}/_{11}$. Напротив, лавочник бросает эти жизненные средства в обращение в соответствии с их адекватным, полным стоимостным выражением, равным 100. И для рассматриваемого здесь вопроса совершенно безразлично, бросают ли товар в обращение с большей стоимостью, чем та, с которой он первоначально был из него извлечен, потому, что его стоимость возросла, или только потому, что стала явной, реализовалась скрытая стоимость. Мы говорим: здесь, где мы рассматриваем отношение обращающихся денег к процессу воспроизводства, это безразлично.

Допустим, что лавочник проедает всю свою прибыль, причем в виде тех же самых товаров, которые он покупает у капиталиста. В таком случае, если он первоначально покупает товар на $90^{10}/_{11}$ ф. ст., то продает он этот товар рабочим за 100, и на эти 100 он может снова купить не только достаточное количество товара, для того чтобы возместить свой предназначенный для продажи рабочим товарный капитал (а именно, 100 ф. ст. товарной стоимости за $90^{10}/_{11}$ ф. ст.), но также и $^{1}/_{11}$ часть товарной стоимости в 100 для своего собственного потребления. В этом случае, следовательно, он снова купил бы у производительного капиталиста товар на 100 ф. ст. Поэтому та сумма

денег (100 ф. ст.), которая нужна капиталисту, для того чтобы заплатить рабочим, постоянно целиком притекала бы к нему обратно от лавочника. Если лавочник покупает товар за $90^{10}/_{11}$ ф. ст., то он получает товарную стоимость в 100 ф. ст. и продает ее рабочим за 100 ф. ст. Если он покупает товар за 100 ф. ст., то он получает товарную стоимость в 110 ф. ст. Следовательно, после того как он продаст рабочим товар за 110 ф. ст., он удерживает товарную стоимость в 10 ф. ст., для того чтобы проесть ее самому.

Здесь перед нами, следовательно, прежде всего тот пример, в котором, для того чтобы лавочник постоянно извлекал из обращения больше денег, чем он в него бросает, требуется лишь, чтобы капиталист еженедельно (или в какие-либо иные периоды) платил рабочим их заработную плату, следовательно, чтобы деньги обращались в размере заработной платы рабочих. В этом случае к капиталисту будут постоянно возвращаться от лавочника $^{10}/_{11}$ ($9^{1}/_{11} \times 11 = 99 + {}^{11}/_{11} = 100$) всего обращения, которое нужно капиталисту, для того чтобы выплачивать заработную плату. Последнюю, $^{1}/_{11}$ часть капиталист, однако, должен был бы раздобыть другим путем, *о чем позже*. Но, во-вторых, если лавочник реализует свою прибыль в $9^{1}/_{11}$ ф. ст. в товарах самого капиталиста, то тех 100 ф. ст. заработной платы, которые выплачивает капиталист, было бы достаточно не только для того, чтобы рабочие получили свою заработную плату, а лавочник возместил свой капитал, но и для того, чтобы лавочник вместе с тем реализовал свою прибыль. Капиталисту совершенно *не нужно* было бы *никакого другого фонда,* кроме этого обращения между ним, его рабочими и лавочником, для того чтобы периодически платить своим рабочим заработную плату. Что же касается лавочника, то он постоянно извлекал бы из обращения *больше стоимости* (выраженной как *стоимость*), чем он бросает в него, а именно — 110 ф. ст., между тем как он бросает в обращение лишь 100 ф. ст. И все-таки он постоянно бросал бы в обращение ровно столько денег, сколько он из него извлекает, а именно — 100 ф. ст. Однако в этом случае он постоянно извлекает из обращения товаров на 110 ф. ст., а бросает в него обратно товаров только на 100 ф. ст. Но такая формулировка вопроса по видимости противоречит предыдущей. Сначала мы говорили, что лавочник извлекает из обращения больше денег, чем бросает в него, потому что он бросает в него больше товарной стоимости, чем извлекает. Теперь мы говорим, что он бросает в него столько же денег, сколько извлекает, потому что он извлекает из обращения больше товарной стоимости, чем бросает в него обратно.

В действительности обе формулировки представляют собой тождественные выражения. В одном случае лавочник реализует свою прибавочную стоимость в товаре, в другом случае — в деньгах. То обстоятельство, что лавочник за 100 ф. ст. постоянно извлекает из обращения товарную стоимость в 110, в то время как он бросает в обращение, продает рабочим лишь на 100 ф. ст. товарной стоимости, есть результат того, что он постоянно извлекает из обращения (реализованную) товарную стоимость в $90^{10}/_{11}$ ф. ст., а бросает в него обратно (реализованную в той же самой товарной массе) стоимость в 100 ф. ст.

При всех условиях, однако, здесь перед нами пример того, как одно и то же обращение (в 100 ф. ст.) оказывается достаточным для выплаты капиталистом заработной платы; вместе с тем оно оказывается достаточным для реализации лавочником прибавочной стоимости в 10 ф. ст.; наконец, *та же самая* сумма оказывается достаточной для реализации лавочником капитала и дохода, а для капиталиста эта же самая сумма оказывается достаточной, чтобы постоянно вновь расходовать ее на покупку одной и той же массы труда.

Предположим, что капитал лавочника составляет 1 200 ф. ст. и оборачивается четыре раза в год, так что лавочник ежегодно покупает у капиталиста на 4 800 ф. ст., ежемесячно на 400 ф. ст. и еженедельно на 100 ф. ст. Капитал *лавочника* был бы возмещен в первую четверть года. Далее, если бы норма прибыли была равна 10% в год, — а четырехкратный оборот есть, стало быть, средний оборот торгового капитала, — то лавочник накидывал бы $2^1/_2$% на каждые 100 ф. ст., ибо 10% с 1 200 составляют 120, а 120 на 4 800 составляют $2^1/_2$%. В этом случае, если бы лавочник купил товарную стоимость за 100, то он получил бы ее на [XVII—1 041] $102^1/_2$, а так как он дает рабочим за 100 ф. ст. лишь 100 ф. ст. товарной стоимости, то эти 100 ф. ст. товаров стоили бы ему $97^{23}/_{41}$ ф. ст. Здесь, следовательно, при еженедельном обращении в 100 ф. ст. (эти 100 ф. ст. оборачиваются четыре раза в месяц и 48 раз в год): 1) был бы оплачен труд годовой стоимостью в 4 800 ф. ст. и 2) была бы реализована товарная стоимость в 4 800 ф. ст. В совокупности была бы реализована стоимость, равная 9 600 ф. ст. Кроме того, в конце всего оборота к капиталисту возвращается его капитал в 100 ф. ст., причем для данного рассмотрения все равно, являются ли эти последние сами стоимостью в 100 ф. ст. (если это золотые деньги и т. д.) или они лишь представлены в знаках стоимости или в кредитных билетах. Реализуя эти товарные стоимости, 100 ф. ст. вместе с тем возместили бы лавочнику его капитал в 1 200 и реализовали бы прибыль в 120.

(Этот расчет сам по себе, вследствие сделанных *предположений*, нелеп, так как если лавочнику для одного оборота требуется лишь 100, он может не вкладывать капитал, равный 1 200. Мы должны были бы тогда допустить, что помимо той суммы, которая у него всегда должна быть наготове и которая, однако, составляет самое большее $^1/_3$ суммы, находящейся в обороте, следовательно, самое большее 40 ф. ст., остальная сумма заключена в его лавке и заработной плате и т. д., исчисляется издержками обращения. Но тогда мы должны были бы считать [торговую] надбавку большей: 10% прибыли и столько же, к примеру, на возмещение основного капитала. Нам тогда нужно было бы, далее, принять в расчет обращение между лавочником и его собственными рабочими.)

Однако то, что для нас здесь важно и что не зависит от указанных предположений, заключается в следующем: в одном цикле обращения капитала, когда капиталист расходует 100 ф. ст. на труд, рабочие на эти 100 ф. ст. покупают товар у лавочника, который в свою очередь покупает на эти 100 ф. ст. товар у капиталиста; эти 100 ф. ст. покупают на 100 ф. ст. труд и на 200 ф. ст. товар, а именно: товар на 100 ф. ст. рабочий покупает у лавочника и товар на 100 ф. ст. лавочник покупает у капиталиста. Хотя все это выражает, коль скоро мы рассматриваем обращение денег, всего лишь оборот последних, *Д — Т — Д — Т* и т. д., однако в то же время, если мы рассматриваем процесс, который скрывается за этим обращением денег, то в нем выражается совокупный цикл процесса воспроизводства, который содержит моменты производства, потребления, распределения, обращения и воспроизводства в их переплетении. Сорокакратный же оборот этих 100 ф. ст. за год выражает сорокакратное повторение этого совокупного цикла. Отдельный цикл может протекать медленно или быстро, обращающаяся сумма может быть велика или мала, но деньги должны проделать эти обороты. Наоборот, их достаточность для суммы в 40 раз большей обусловлена данным числом повторений цикла, следовательно, скоростью воспроизводства совокупного цикла воспроизводства в течение одного года.

Предположим, что капиталист (прежде чем он начал торговлю с лавочником) платит рабочим 100 ф. ст. из своего кармана. Лавочник на 100 ф. ст. из своего кармана покупает у капиталиста товарную стоимость в 110 ф. ст. (или же: товар на $90^{10}/_{11}$ ф. ст., для того чтобы продать его, и на $9^1/_{11}$ ф. ст., для того чтобы проесть его самому). Следовательно, теперь израсходовано денег на сумму в 200 ф. ст. Из них 100 ф. ст. находятся в кармане рабочего. Капиталист, со своей стороны,

возместил 100 ф. ст. посредством продажи товара. Но как только начался цикл и 100 ф. ст. от рабочих перешли к лавочнику, так от последнего они в ходе покупки возвращаются обратно к капиталисту; в его кармане находятся 200 ф. ст. Но он оплачивает своих рабочих теми 100 ф. ст., которые он получает обратно от лавочника, а не теми 100 ф. ст., которые он получил от него еще до начала цикла. Деньги на сумму в 100 ф. ст. теперь выбрасываются из этого обращения. Иначе говоря, капиталисту теперь требуется в форме денег на 100 ф. ст. меньше. Он может их вложить в другое дело. Деньги притекают к нему от лавочника. Это вообще та услуга, которую оказывает капитал, занятый исключительно в торговле. Однако вследствие этого капиталист не приобретает никакого капитала, ибо за первые 100 ф. ст. он доставил на 110 ф. ст. товар, а за 100 ф. ст. лавочника, которыми он позже оплачивает рабочих, он должен доставлять товар все снова и снова. Но он выигрывает то, что эту стоимость в 100 ф. ст. он может вложить в другое дело. Принадлежат ли первоначально лавочнику 100 ф. ст. или нет, обнаруживается в конце первого цикла. Если 100 ф. ст. принадлежат ему, то он теперь по-прежнему обладает ими, так как он проел прибавочную стоимость в 10 ф. ст. в виде товаров. Если эти 100 ф. ст. принадлежат капиталисту, то лавочник должен их отдать. Если он покупает вновь, то это действительно совершается посредством нового кредита.

[XVII—1 042] Для действительного процесса воспроизводства мы должны предположить, что одна часть прибыли проедается в качестве дохода, другая часть — накопляется. Предположим, что лавочник, получающий 10% прибыли на капитал в 100 (эти 100 могут быть ведь всего лишь соответственной частью его капитала и указаны здесь вообще вместо x), $^1/_2$ этих 10% потребляет и $^1/_2$ — накопляет. Согласно предположению, рабочие покупают у него на 100 ф. ст. товары, которые стоят ему $90^{10}/_{11}$ ф. ст. Его прибыль равна $9^1/_{11}$ ф. ст. Между тем для упрощения расчета мы — в пределах того же самого отношения — скажем лучше так: рабочие за 110 ф. ст. покупают товар, который стоит лавочнику 100 ф. ст. Здесь 110 ф. ст. представляют собой сумму, которую капиталист должен уплатить рабочим и которую он получает обратно от лавочника полностью лишь в том случае, если последний постоянно потребляет эти 10 ф. ст. прибыли, и именно в виде товаров капиталиста. Если он потребляет 5 ф. ст., то к капиталисту возвращаются 105 ф. ст., и если это совершается регулярно, то указанная сумма постоянно находится в обращении. Капиталист же должен был бы из других источников, помимо этого

цикла обращения, постоянно бросать в обращение избыток в 5 ф. ст. в виде заработной платы, за исключением известных обстоятельств, которые тут же будут выяснены.

Указанные 5 ф. ст., накопляемые лавочником, накопляются им прежде всего в форме денег, и это — единственная *ближайшая непосредственная* форма, в которой он, в отличие от производительного капиталиста, может накоплять. Производительный капиталист может накоплять *in natura* *, если его продукт сам входит в [производство] его продукта в качестве условия производства, как, например, пшеница в виде зерна в земледелии, или это достигается путем обмена, как это имеет место, например, у фабриканта машин и производителя железа. (Этому, пожалуй, соответствовало бы у лавочника увеличение той части его капитала, например строений и т. д., которая входит в издержки обращения его обращающегося капитала. Однако и для этого необходимо предварительное превращение товара в деньги.)

{Разумеется, у всех капиталистов накопление может выступать как *накопление непроданных товаров* (здесь предполагается, что ту часть товаров, которая возмещает их капитал, они продали). Но это всегда — недобровольное накопление, нарушающее воспроизводство, однако за одним-единственным исключением: капиталист может считать необходимым (это может происходить, естественно, лишь с такими товарами, которые могут сохраняться в течение некоторого времени, как, например, ткани для одежды и относящееся сюда сырье и т. д., скот, машины и т. д., металлы и т. д.) создать растущий резервный фонд товаров для растущего спроса (это может иметь место и у лавочника), и постольку все накопление сводится к ежегодному перепроизводству, к перепроизводству, являющемуся законом расширяющегося производства, незастойного производства.}

Итак, наш лавочник может сразу же realiter ** накоплять эти 5 ф. ст. как капитал, т. е. превращать их в капитал или же накоплять их лишь как материал для капитала, как предназначенный для воспроизводства, временно находящийся в покое денежный капитал. В действительности они — просто сокровище, но определенное как праздно лежащий капитал.

Лавочник за 100 ф. ст. купил товар стоимостью в 110; капиталист выплатил рабочим 110 ф. ст. заработной платы; рабочие заплатили лавочнику 110 ф. ст. за товары стоимостью

* — *в натуре, в натуральной форме. Ред.*
** — реально, фактически. *Ред.*

в 110, но лавочнику они обошлись лишь в 100. Согласно нашему первоначальному предположению, лавочник расходует у того же самого капиталиста, помимо 100 на возмещение своего товарного капитала (стоимостью в 110), еще 10 на собственное потребление. За 110 лавочник получает товар стоимостью в 121, но стоимость в 11 он проедает сам, или продает ее самому себе. Этот товар обходится лавочнику только в 10, хотя обладает стоимостью в 11 ф. ст.; однако для лавочника как своего собственного покупателя товар этот [также] имеет стоимость в 11 ф. ст. Совершенно так же, как он за 100 получал 110 ([или за $90^{10}/_{11}$—100] в том случае, когда его капитал составлял $90^{10}/_{11}$), но 10 проедал. Постоянно же обращаются те 110 ф.ст., которые превращают в деньги как заработную плату рабочих, так и товар лавочника, а также тот товар, который лавочник покупает вновь для возмещения своего капитала и своей прибыли.

Если теперь лавочник постоянно потребляет 5 ф. ст., а 5 — накопляет (в отличие от припрятывания денег про запас, что для капиталиста всегда имеет недобровольный характер, однако как для него, так и для собирателя сокровищ, представляет собой изъятые из обращения деньги, покоящуюся в виде денег меновую стоимость), то дело от этого не меняется, коль скоро он по-прежнему покупает товары на 110 ф. ст.: на 100 ф. ст. — для возмещения своего капитала, на 5 ф. ст. — в качестве присоединяемой к капиталу прибыли, на 5 ф. ст. — для своего потребления. Но здесь возникают известные различия. Что касается тех 5 ф. ст., которые лавочник потребляет сам, то тут все остается по-старому. Он покупает на них товарную стоимость в $5^{1}/_{2}$ ф. ст., которую сам же и потребляет. [XVII—1 043] Напротив, с другими [накопляемыми] 5 ф.ст. дело обстоит иначе.

Приведенное рассуждение ошибочно. Мы предполагаем, что лавочник постоянно присоединяет 5% к капиталу, следовательно, его капитал составляет 100, 105, 110 и т. д. [122] Для того чтобы он накоплял, применял эти 5% как капитал, необходимо, чтобы рабочие покупали у него больше, следовательно, чтобы капиталист покупал больше труда (выражается ли это в том, что он применяет больше рабочих, или в том, что он должен им больше платить, так как они выполняют больше труда. Повышение рыночной цены мы здесь не принимаем во внимание, хотя в отношении денежного обращения такое повышение привело бы к аналогичному результату. Точно так же могла бы повыситься цена производства товара, следовательно, либо капиталистом применялось бы больше труда, для того чтобы произвести такое же количество товара, либо

подорожало бы сырье и т. д. Все эти случаи мы здесь не рассматриваем. Мы допускаем, что товарные стоимости остаются неизменными). Просто накопление лавочника, коль скоро он не расходует свою прибыль, абсолютно не помогает ему накоплять сбереженные деньги в качестве капитала, если рабочие не должны покупать больше. И мы допускаем, что именно такова специфика его деятельности, оставляя здесь без внимания конкуренцию, посредством которой один лавочник расширяет сферу своего действия за счет другого. (Это очень важный аспект при рассмотрении конкуренции капиталов. Здесь один лавочник представляет класс лавочников.) Правда, возможно, что лавочник, например, расширяет свой магазин и т. д. и держит более многочисленный персонал служащих. Для этого требуется, чтобы уже значительно возросло накопление его капитала (или, вернее, накопление его скрытого капитала). Следовательно, это происходит лишь вследствие его более продолжительного накопления (производительного) или вследствие возрастания скрытого капитала.

Однако допустим, что рабочие покупают больше и что накопление лавочника как раз соответствует росту заработной платы (следовательно, росту воспроизводства *переменного* капитала капиталиста). (Если бы рост заработной платы происходил быстрее, то лавочник должен был бы брать кредит у капиталиста. Его прибыль росла бы тогда быстрее, чем его капитал.)

Допустим, что этот процесс продолжается, например, 5 лет.

I год. Капитал лавочника равен 100. Лавочник покупает у капиталиста на 100 ф. ст. товаров стоимостью в 110 ф. ст. Капитал платит 110 ф. ст. заработной платы. Рабочие покупают в лавке товар стоимостью в 110 ф. ст. {Рабочий, если дело идет нормально, как и любой другой покупатель, покупает товар по его стоимости. Товары обходятся ему дороже только потому, что за те деньги, на которые он их покупает, он дает больше труда, чем тот труд, который представляют деньги; не потому, что товар имеет меньшую стоимость, чем деньги, которых стоит этот товар рабочему. Деньги стоят рабочему больше труда, чем они сами стоят.}

II [год]. *Капитал равен 105.* Лавочник покупает у капиталиста на *110* ф. ст. (следовательно, товар стоимостью в 121 ф. ст.). Но лавочник держит в своей лавке товар только на 105 ф. ст., стоимость которого, следовательно, равна $115^1/_2$ ф. ст. Он проедает товар стоимостью в $5^1/_2$ ф. ст., которые ему обходятся в 5 ф. ст. ($^1/_2$ это — 10% от 5). Капиталист платит заработную плату в размере $115^1/_2$ ф. ст., на которую рабочие покупают у лавочника товарную стоимость в *$115^1/_2$ ф. ст.*

III [год]. *Капитал равен 110.* Лавочник покупает у капиталиста товар на $115^1/_2$ ф. ст., следовательно, товар стоимостью в $126^1/_2$ ф. ст. + $^{11}/_{20}$ ф. ст., или $127^1/_{20}$ ф. ст. Но лавочник держит в своей лавке товар только на 110 ф. ст. [стоимостью в 121 ф. ст.], следовательно, он проедает товарную стоимость в $6^1/_{20}$ ф. ст. Стоимость этого товара, на который он израсходовал 110 ф. ст., равна 121. Капиталист платит 121 ф. ст. заработной платы. Рабочие покупают в лавке товар на 121 ф. ст.

IV [год]. *Капитал равен 115.* Лавочник покупает у капиталиста товар на 121 ф. ст., равный $133^1/_{10}$ ф. ст. товарной стоимости. Однако лавочник держит в своей лавке товар только на 115, а его стоимость равна $126^1/_2$. Следовательно, лавочник проедает товарную стоимость в $6^6/_{10}$. Капиталист платит рабочим $126^1/_2$ ф. ст.; последние покупают на них товары, которые обходятся лавочнику в 115 ф. ст.

[XVII—1 044] V [год]. *Капитал равен 120.* Лавочник покупает у капиталиста товар на $126^1/_2$ ф. ст., имеет же его только на 120 ф. ст. Лавочник проедает, следовательно, $6^1/_2$ ф. ст. или товарную стоимость в $6 + {}^1/_2 + {}^6/_{10} + {}^1/_{20} = 6 + {}^{10}/_{20} + {}^{12}/_{20} + {}^1/_{20} = 7^3/_{20}$ ф. ст.

Лавочник держит в лавке товар на 120 ф. ст., следовательно, стоимость в 132 ф. ст. Капиталист платит 132 ф. ст. рабочим; последние покупают на эти деньги товар в лавке и т. д.

Здесь предполагаются два условия для того, чтобы лавочник каждый год присоединял 5% к своему капиталу [123]. Во-первых, предполагается, что индивидуальное потребление самого лавочника ежегодно немного растет. Иначе накопление должно было бы идти быстрее. Во-вторых, предполагается, что капиталист (так называем мы здесь κατ' ἐξοχήν * непосредственно производительного капиталиста) накопляет, так как это обнаруживается в возрастающей величине его переменного капитала, т. е. в ежегодно возрастающей затрате на покупку труда. Но вместе с тем мы видим здесь, что если прежде, пока лавочник не накоплял, а проедал свои 10 ф. ст. прибыли в виде товаров, обращение в 100 ф. ст. было достаточным, то теперь, как только он начинает накоплять, это уже не имеет места. Совершенно так же, как в начале процесса, когда лавочник покупал на $90^{10}/_{11}$ ф. ст., а продавал на 100 ф. ст., следовательно, капиталист должен был присоединить к обращению $9^1/_{11}$ ф. ст. и тогда 100 ф. ст. было достаточно, так и теперь в начале каждого года капиталист должен из своего капитала

* — по преимуществу. *Ред.*

добавлять в обращение деньги, для того чтобы поддерживать воспроизводство.

I год. Лавочник оперирует суммой в 100 ф. ст. Капитал платит 110 ф. ст. в виде заработной платы, следовательно, бросает в обращение на 10 ф. ст. больше денег.

II год. Лавочник оперирует 105 ф. ст. Капитал платит $115^1/_2$ ф. ст. в виде заработной платы. Бросает в обращение на $5^1/_2$ ф. ст. больше денег.

III год. Лавочник оперирует 110 ф. ст. Капитал платит 121 ф. ст. в виде заработной платы, следовательно, бросает в обращение на $5^1/_2$ ф. ст. больше денег ($115^1/_2 + 5^1/_2 = 121$).

IV год. Лавочник оперирует 115 ф. ст. Капитал платит $126^1/_2$ ф. ст. [в виде заработной платы], следовательно, бросает в обращение на $5^1/_2$ ф. ст. больше.

V год. Лавочник оперирует 120 ф. ст. Капитал платит 132 ф. ст., следовательно, вкладывает в операцию на $5^1/_2$ ф. ст. больше.

NB. См. стр. 1047 *.

Совокупная сумма, которую капиталист присоединил к сфере обращения за 5 лет, равна $10 + 4\ (5 + {}^1/_2)$ ф. ст. $= 10 + 20 + {}^4/_2 = 32$ ф. ст. Эта сумма возмещает всю прибыль лавочника, потому что часть ее он потребляет в виде товаров капиталиста, следовательно, продает самому себе.

Впрочем, все это сводится к развитому выше закону. Заработная плата оплачивает весь капитал лавочника вместе с прибылью. Следовательно, если накопляет лавочник, который только доставляет рабочим жизненные средства, т. е. питается исключительно за счет переменного капитала, то сумма денег, расходуемая на заработную плату, должна возрастать. В действительности причинное отношение выражается противоположным образом. Лавочник как таковой может накоплять (т. е. снова превращать в ходе своей деятельности свою прибыль в капитал) только в том случае, если производительный капитал производит в расширенном масштабе, и лишь в той мере, в какой это расширение влечет за собой увеличение переменного капитала, т. е. капитала, израсходованного на заработную плату. Расширение обращения должно быть тогда осуществлено капиталом в соответствии с накоплением лавочника.

Теперь предположим другой случай. Лавочник не имеет возможности расширять свое дело, так как израсходованный на покупку труда капитал не возрастает или возрастает не в той пропорции, в какой хотел бы накоплять лавочник. Если,

* См. настоящий том, стр. 184—185. *Ред.*

например, его капитал равен 100, стоимость купленных им товаров — 110 и если половину этих 10 [составляющих прибыль] он проедает, то за 5 лет он накопит 25 ф. ст., а если бы его капитал составлял 1 000, то — 250 ф. ст. Таким образом, здесь накопление капитала выступает прежде всего как накопление денег, которое есть не что иное, как припрятывание денег про запас, хотя сокровище здесь имеет назначение скрытого капитала. Всякая реализованная в деньгах прибавочная стоимость принимает прежде всего эту форму, — до тех пор пока она вновь не превращается в производительный капитал. Скрытый капитал может иметь и другие формы, форму основного капитала и т. д. Но тогда, за исключением непроданных товаров, предназначенных для индивидуального потребления (кроме жизненных средств для рабочих), он существует уже как реализованное (не в денежной форме), имеющееся в наличии условие производства.

[XVII—1 045] Это накопление капитала в форме денег есть, однако, единственно возможное, если не предполагать одновременного воспроизводства производительного капитала в других сферах. Наш лавочник может быть, таким образом, вынужден припрятать 250 ф. ст. в качестве денежного запаса, потому что переменный капитал не возрастает. Это отсутствие возрастания переменного капитала не мешает ему откладывать ежегодно 5 ф. ст. или — сообразно его алчности, или страсти к накоплению, — бо̀льшую сумму денег, которую он, однако, не может непосредственно применить в своем деле в качестве капитала. Это — один из случаев, важных для объяснения многих явлений процесса воспроизводства.

При упомянутых обстоятельствах лавочник покупает у капиталиста:

в 1-й год — на 100 ф. ст. Капиталисту нужно бросить в обращение 110, следовательно, на 10 ф. ст. больше, чем он получает от лавочника.

Во 2-й год — на 105 ф. ст., а именно — на 100 ф. ст. для лавки и на 5 ф. ст. для лавочника. 5 ф. ст. лавочник накопляет или, вернее, припрятывает про запас. Капиталист по-прежнему должен бросить в обращение 110 ф. ст. На 5 ф. ст. лавочник получает товаров стоимостью в $5^1/_2$ ф. ст. in natura *. А на 100 ф. ст. — товарную стоимость в 110, которые капиталист должен уплатить своим рабочим в качестве заработной платы. Но так как от лавочника он получает 105 ф. ст., то ему нужно добавить в обращение 5 ф. ст.

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

В 3-й год — то же, *в 4-й год* — то же, *в 5-й год* — то же.

Капиталисту, следовательно, нужно в первый год добавить в обращение 10, в четыре последующих года — 20 ф. ст. (каждый год — по 5), за 5 лет — 30 ф. ст. Он добавлял 32 ф. ст., в то время как лавочник, вместо того чтобы [ежегодно] класть в банк эти 5 ф. ст. (короче, откладывать их в сторону), тратил их производительно на покупку товаров у капиталиста. Это, следовательно, prima facie * почти тот же самый случай с точки зрения обращения, как если бы лавочник накоплял производительно.

На базисе капиталистического способа производства, однако, следует предположить, что лавочник ежегодно депонирует эту сумму у банкира. Получает ли он за нее проценты или нет, здесь безразлично. Тем не менее для воспроизводства в целом это следовало бы рассмотреть. Ясно, однако, что та сумма, которую в этом случае сберегает лавочник, равна той сумме, которую капиталист должен добавлять ежегодно в течение пяти лет, — 5 ф. ст. Впервые лавочник сберегает 5 ф. ст. в конце первого года; следовательно, 25 ф. ст. — за 5 лет. Капитал в первый год бросает в обращение 10 ф. ст. Но из них 5 остаются в обращении, или возвращаются к нему от лавочника. За исключением этих 10 ф. ст., которые капиталист бросил в обращение в первый год, теперь он бросает ежегодно еще лишь 5, так как другие 5 остаются в обращении. Так как в обращении остаются 105 ф. ст. (5 ф. ст. капиталист бросил в него раз и навсегда), то за вычетом последних, — а они находятся в обращении, вливаются в него обратно — капиталисту в течение 5 лет остается присоединить к обращению только 25 ф. ст., т. е. такую же сумму, какую лавочник должен иметь в банке. Эти деньги — праздно лежащий капитал, накопляющийся, скрытый денежный капитал лавочника — образуют источник тех добавочных вложений в обращение, в которых нуждается капитал. Таким образом, обращение может ежегодно продолжаться посредством суммы в 110 ф. ст. Прибыль лавочника выплачивается ему буквально его собственными деньгами. 105 ф. ст. он сам ежегодно откладывает, а 5 ф. ст. ему выплачиваются его же деньгами, депонированными у банкира. (Здесь предполагается, что лавочник сам не получает процентов, иначе необходимо увеличение обращения с какой-либо стороны.) Капиталист выплачивает лавочнику его ежегодную балансовую сумму в 5 ф. ст. его собственными 5-ю ф. ст., ежегодно депонируемыми им у банкира. Теперь дело происходит таким образом.

* — прежде всего. *Ред.*

Первый год. Капиталист получает от лавочника 100 ф. ст. Рабочие, которым он платит 110, покупают на них товар у лавочника. Последний платит 105, а 5 относит банкиру.

Второй год. Капиталист получает от лавочника 105 ф. ст. (из которых 5 брошены в обращение капиталистом). Он берет у банкира те 5 ф. ст., которые депонировал лавочник. Платит рабочим 110 ф. ст., возвращаемые лавочнику. Последний приносит банкиру те же самые 5 ф. ст., которые ему были возвращены в числе 110 ф. ст.

Третий год. Капиталист получает от лавочника 105 ф. ст. Он берет 5 ф. ст. у банкира и во второй раз выплачивает их лавочнику; в 4-м году он выплачивает их в третий раз; в 5-м году — в четвертый раз. 25 ф. ст., депонированные лавочником у банкира, всегда существуют, следовательно, лишь в форме 5 ф. ст. И в самом деле, капиталист лишь в начале операции бросил в обращение 10 ф. ст., которые по-прежнему проделывают тот же самый цикл. Из накопленных и постоянно расходуемых капиталистом денег, следовательно, из 25 ф. ст. лишь 5 находятся у банкира; эти 5 ф. ст. постоянно путешествуют от банкира к капиталисту и от [XVII—1 046] лавочника к банкиру. Лавочник ежегодно бросает в обращение, только окольным путем, 110 ф. ст. Его депонированный у банкира капитал в 25 ф. ст. сводится к банковскому активу в 25 ф. ст., которые (в той мере, в какой банкир вообще оперирует собственным капиталом) существуют в виде ценных бумаг, просто чеков на будущие доходы, в виде государственных бумаг, торговых векселей, акций и т. д. В действительности здесь скопились распоряжения лавочника банкиру, требования банкира на будущие доходы государства, акционерных обществ, производительных капиталов. В действительности накопление здесь есть всего лишь накопление требований на доходы, проистекающие от производительного капитала. (Ибо государственный доход также сводится к таким доходам, которые ежегодно выплачиваются государству производительным капиталом.) Рассмотрение этого вопроса относится, собственно, к разделу о кредите. Здесь важно то, что мы видим, как по-прежнему 110 ф. ст. достаточны для обращения, хотя 25 ф. ст. *накопляются* как *скрытый денежный капитал*. Отсюда видно само различие между собственно накоплением денег (кажущимся) и притоком денег в обращение. То, что здесь должно быть накоплено в качестве денег, есть не что иное, как те же самые первоначальные 110 ф. ст., хотя лавочник ежегодно извлекает из обращения 5 ф. ст.

{Даже если лавочник накопляет производительно и покупает ежегодно на 5 ф. ст. и т. д. больше товара у капиталиста, то последний получает тем же самым способом прибавку от банкира. Ведь и в этом случае обращение возрастает на все те деньги, которые лавочник не проедает в виде товарной стоимости, возрастает в качестве покупательного фонда лавки. Для растущей заработной платы, превышающей этот покупательный фонд, капиталист должен изыскивать деньги из других источников.} Правда, капиталист остается должником банкира за каждые 5 ф. ст., которые он таким образом извлекает ежегодно, всякий раз в качестве капитала стоимостью в 5 ф. ст. Следовательно, в конце пятого года эта сумма составит 25 ф. ст. Но это ни в коем случае не означает, что вследствие этого капиталист изменил свой счет с банкиром. Если он, например, увеличил свой постоянный капитал, не увеличивая своего переменного капитала, то ему нужно будет больше получить от банкира (который ведет его счета) для продажи своих товаров. Сказанное, следовательно, не означает, что капиталист берет эти 25 ф. ст. взаймы. Правда, он должен ежегодно затрачивать на 5 ф. ст. больше своего капитала в виде денег. Но для этого не требуется, чтобы увеличивалось количество денег в обращении, доставляемое им самим через посредство лавочника.

[2) РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В ОБРАЩЕНИИ. РОЛЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЯ ЗОЛОТА В ПРОЦЕССЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА]

Относительно купца (лавочника), продающего рабочему жизненные средства, — относительно части капитала (части торгового капитала), — мы, следовательно, видели, каким образом он постоянно «извлекает из обращения больше денег, чем бросает в него». Часть *«прибавочной стоимости» он извлекает в виде «товарной стоимости»*, но это должно быть общим законом, так как все живущие за счет прибыли {процента и ренты} должны часть ее расходовать на свое индивидуальное потребление. Для данной операции достаточно, что обращается сумма денег, необходимая для выплаты *недельной* заработной платы рабочих, необходимая, следовательно, для оплаты тех товарных стоимостей, которые потребляют рабочие. Необходимые для этого обращения деньги большей частью поступают из капитала самого лавочника (и составляют часть его капитала) (если только он не ведет дело на средства, взятые в кредит у фабриканта). Та часть, которую *первоначально* предо-

ставляет сам производительный капиталист, равна *прибыли лавочника*, т. е. равна не *годовой прибыли* на его капитал, а той части прибыли, которая приходится на недельный оборот. (В действительности избыток [реализуемый лавочником] содержит не только прибыль, но вместе с тем [стоимость] изнашивания капитала, израсходованного на издержки обращения.) Предположим, что обращаются 1 000 ф. ст. капитала лавочника, которые оборачиваются 4 раза в год, и что [годовая] прибыль (с издержками и т. д.) равна 16%. Таким образом, за три месяца она составляет 4%, а за один месяц — $^4/_3$% и за одну неделю — $^4/_{12}$, или $^1/_3$%. (4% за 3 месяца на 1 000 ф. ст. = = 40 ф. ст., а за 12 месяцев = 160 ф. ст. И ежегодно 16% на 1 000 ф. ст. = 160 ф. ст.) На 1 000 ф. ст. это составило бы еженедельную прибавку в $^1/_3$%. На 100 ф. ст. — $^1/_3$ ф. ст. На 300 ф. ст. — 3 × $^1/_3$ ф. ст. = 1 ф. ст. На 900 ф. ст. — 3 ф. ст. и на 1 000 ф. ст. — $3^1/_3$ ф. ст., или 3 ф. ст. $6^2/_3$ шилл. И это была бы та сумма, которую фабрикант должен был бы присоединить к денежному обращению в 1 000 ф. ст. (Конечно, все добавляемые суммы должны быть realiter * несколько бо̀льшими, так как обратный приток [денег] не происходит без помех; часть заработной платы, например, может уйти по другим каналам, может быть сбережена рабочими и т. д. С другой стороны, мы здесь почти совсем не принимаем в расчет кредитные компенсации.) Мы видели, что [XVII—1 047] эта сумма *остается постоянной*, если, с одной стороны, остается той же самой заработная плата (и число занятых рабочих), а с другой стороны, лавочник проедает всю свою прибыль в виде товаров капиталиста. Указанная сумма немного изменится, если лавочник изымет часть своей прибыли. Если он накопляет производительно, т. е. расширяет свое предприятие, то это возможно при той предпосылке, что растет применяемый капиталистом переменный капитал. Но и в этом случае то, что добавляет [в обращение] капиталист, лишь равно прибыли или, вернее, *еженедельному выражению прибыли* лавочника. Следовательно, 16% — очень небольшая норма. *Впрочем, см. нижеследующее.*

{*Примечание к стр. 1 044* **.

I год. Лавочник покупает на 100 ф. ст. для своей лавки товарную стоимость в 110 ф. ст. Заработная плата равна 110. *Капиталист* бросает в обращение 10 ф. ст., равные прибыли лавочника и составляющие $^1/_{11}$ суммы обращения.

---

* — реально, фактически. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 179. *Ред.*

II год. Лавочник расходует 5 ф. ст. в качестве дохода; покупает для лавки товар на 105 ф. ст. Следовательно, он расходует те 110 ф. ст., которые он получил от рабочих. На 105 ф. ст. он получает товар стоимостью в $115^1/_2$. Капиталист должен выплатить $115^1/_2$ ф. ст. заработной платы. 110 ф. ст. из них брошены в обращение лавкой. Капиталист должен теперь бросить в обращение $5^1/_2$ ф. ст.

III год. Лавочник бросает в обращение $115^1/_2$ ф. ст., капиталист — 121, следовательно, — $5^1/_2$. То же самое имеет место на IV и V году.

Расчет, следовательно, все же верен [124]. Впрочем, та сумма, которую капиталист здесь бросает в обращение как добавку, почти наполовину меньше — $5^1/_2$ вместо 10 — той, которую он бросил в обращение первоначально.}

На первый взгляд кажется запутанным вопрос о том, как капиталист может постоянно извлекать из обращения больше денег, чем он бросает в него; тем более что в действительности он бросает в обращение все деньги, т. е. является как начальным пунктом обращения денег, так и пунктом их возвращения.

В случае с лавочником капиталист должен, если процесс воспроизводства остается тем же самым и если лавочник проедает всю свою прибыль, раз и навсегда бросить в обращение часть, равную еженедельному выражению прибыли торгового капитала лавочника. Эта добавка к капиталу, еженедельно бросаемому в обращение самим лавочником {различия, возникающие вследствие того, что лавочник, вероятно, покупает раз в месяц или раз в три месяца, смотря по обстоятельствам, а продает еженедельно, могут быть рассмотрены позднее}, плюс еженедельное денежное выражение самого этого капитала являются тогда достаточными для того, чтобы лавочник еженедельно извлекал из обращения, например, на 10 ф. ст. больше, чем он бросает в него, хотя еженедельная сумма обращения по-прежнему остается равной 110 ф. ст. И то, что капиталист раз и навсегда туда бросил, есть лишь $^1/_{11}$ еженедельного выражения его переменного капитала; следовательно, так как еженедельный переменный капитал равен $^1/_{52}$ годового, то $^1/_{11}$ часть его составляет $^1/_{(52\times11)}$, т. е. $^1/_{572}$ переменного капитала, ежегодно расходуемого капиталистом. Оплачиваю ли я стоимость в 1 200 талеров сразу в конце года, или ежемесячно по 100 талеров, или еженедельно по $23\,^1/_{13}$ талера, это ничего не меняет в той *сумме стоимости*, которую я должен выплатить за весь год. Но в одном случае были бы необходимы деньги в размере 1 200 талеров, для того чтобы реализовать данную стоимость. В другом случае, когда [например] 3 талера воз-

вращаются обратно, их может хватить, для того чтобы заплатить 1 200 талеров: 3 талера, которые оборачиваются 400 раз в год, реализуют 1 200. Но мы видим вместе с тем, что, как бы ни было важно проведенное выше исследование для выяснения той роли, которую торговый капитал играет в денежном обращении, происходящем во время процесса воспроизводства, вопрос этим еще не решен. Он не решен в двух отношениях.

1) Так как торговый капитал сам есть неотъемлемая часть рассматриваемого капитала, то прежде всего присоединим его к самому производительному капиталу. Тогда операция примет следующий вид: капиталист выплачивает 110 на заработную плату, рабочие покупают у него же на эти 110 товар, и таким образом деньги устремляются к нему обратно. Это, разумеется, показывает нам, каким образом, при условии, что капиталист ежегодно должен расходовать переменный капитал на сумму в 5 720 ф. ст., для этого оказывается достаточным еженедельно расходуемый денежный капитал (в виде находящихся в обращении денег, в виде средств платежа) в 110. Рабочие получают от капиталиста в течение года товарную стоимость в 5 720 ф. ст. Но для того чтобы выплатить их, достаточно иметь в течение всего года сумму в 110 ф. ст. Простой оборот денег заключается только в том, что *одна и та же* монета проходит через различные руки. Напротив, обратное движение, движение непрерывное, включает в себя то,[XVII—1 048] что одна и та же монета или, во всяком случае, одна и та же сумма денег постоянно снова проходит через *одни и те же* руки в качестве покупательного или платежного средства. Следовательно, денежный капитал, который должен иметь капиталист, для того чтобы выплачивать свой переменный капитал рабочим, не находится ни в каком соответствии с величиной самого этого переменного капитала, хотя, разумеется, еженедельные денежные выражения переменного капитала для двух переменных капиталов A и B находятся друг с другом в той же самой пропорции, в какой величина A находится к величине B. Если величина A в 50 раз больше величины B, то и ее еженедельное денежное выражение в 50 раз больше, чем еженедельное денежное выражение величины B; это не мешает тому, что в обоих случаях денежное выражение A и B в течение целого года соответственно никогда не бывает больше, чем $^A/_{52}$ и $^B/_{52}$. Этот момент возвратного движения важен для понимания механизма денежного обращения. Но выплатил ли капиталист 110 в конце недели или 5 720 в конце года, из этого движения не выяснишь ни то, каким образом к нему вообще устремляется хотя бы один сантим прибыли, ни то, следовательно, каким образом к нему устрем-

ляется прибыль, реализованная в деньгах, ибо данный процесс сводится к еще более простому выражению: сначала капиталист выплачивает определенную сумму деньгами, потом он выплачивает эту же сумму стоимости в виде товара и таким образом получает деньги обратно. Процесс сводится к тому, что капиталист еженедельно выплачивает рабочим стоимость в 110 ф. ст. В результате этого процесса выплат не получается никакого барыша. Меньше всего барыш получается в результате того, что капиталист сначала выдает жетоны (деньги), а потом получает эти жетоны обратно и выдает действительные товарные стоимости.

2) *А, во-вторых,* в отношении торгового капитала лавочника дело сводится к следующему: его специфическая прибыль требует всего лишь того, чтобы уплачивалась стоимость проданного им товара, а так как покупатели его товара рабочие, то требуется, чтобы оплата труда была равна стоимости товаров, проданных рабочим лавочником. Но, выражая это в общем виде, мы находим, что сама проблема (оставляя в стороне специфическую природу торгового капитала) лишь повторена в другой форме. Выраженная в общем виде, она означает лишь следующее: для того чтобы капиталист извлекал из обращения больше денег, чем он бросил в него, не требуется ничего помимо того, чтобы оплачивалась стоимость его товаров, или чтобы было в наличии достаточно денег для оплаты стоимости его товаров. Иными словами, чтобы еженедельно было в наличии столько денег, т. е. чтобы периодически обращалось столько денег, сколько необходимо для оплаты периодически находящегося в обороте количества товаров, предлагаемых капиталистом для продажи. Но так как стоимость его товара включает прибавочную стоимость (прибыль (процент, ренту)), то, следовательно, он израсходовал меньше денег на покупку элементов этого товара, так что в обращении (периодически) находится столько денег, сколько необходимо для того, чтобы он мог периодически извлекать из обращения больше денег, чем он бросил в него. Это обобщенное решение вопроса есть, следовательно, не что иное, как повторение самого вопроса.

Прежде всего мы должны попытаться свести саму проблему к ее простейшему выражению.

Вопрос заключается не в том, что капиталист получает обратно больше стоимости, чем он расходует, ибо это был бы вопрос о происхождении прибавочной стоимости, который уже решен. *Вопрос заключается, следовательно, в том, как эта прибавочная стоимость реализуется в обращении.* В первом акте капитала — *Д—Т* — он покупает товары, к которым

в процессе производства уже исследованным способом добавляется прибавочная стоимость, т. е. не оплаченная капиталистом, но продаваемая им стоимость. Во втором процессе — *Т—Д* — при продаже воспроизведенного товара, напротив, капиталист фактически бросает в обращение больше стоимости, чем он извлек из него в акте *Д—Т*. Для того чтобы эта бо̀льшая стоимость реализовалась, требуется только, чтобы она нашла эквивалент в обращении. Как это происходит, мы показали при рассмотрении того способа, каким потребительная стоимость и стоимость различных капиталов возмещают, оплачивают, реализуют друг друга в совокупном процессе воспроизводства [125]. Следовательно, вопрос также и не в этом. При выяснении указанного процесса мы абстрагировались от денежного обращения или рассматривали деньги только как выражение стоимости, как счетные деньги. Поэтому вопрос тогда ставился так: *предположим, что продукт продан, как он возмещается?* Или, с другой стороны, *кто покупает его, кто обладает стоимостями, для того чтобы возместить его?* Теперь вопрос касается *денег*, на которые покупают. То, что капитал извлекает из процесса обращения бо̀льшую товарную стоимость, чем он первоначально в него бросает, объясняется тем, что он действительно сначала бросает в обращение этот избыток в одной форме, прежде чем извлечь его в другой. А то, как он бросает этот избыток в иной форме [чем извлекает], уже было объяснено.

[XVII—1 049] Но здесь вопрос состоит в следующем: *как реализуется этот избыток в деньгах?* Каким образом прибавочная стоимость принимает форму добавочных денег? Деньги, которые капиталист расходует в начале процесса, не входят в процесс производства; наоборот, капиталист выпускает их из своих рук. То, что он их отдал, есть условие начала действительного процесса производства. Поэтому какое бы увеличение стоимости ни происходило в процессе производства, увеличивается и та стоимость, которая первоначально была представлена деньгами, но это увеличение стоимости абсолютно ничего не меняет в количестве денег. Как до, так и после процесса производства они находятся в обращении в том же самом количестве. Они перешли из рук в руки. Если теперь посредством кругооборота воспроизводства они возвращаются обратно в руки капиталиста, то как могут они возвращаться туда в возросшем количестве? Скажем, совокупный производительный капитал был равен 1 000 ф. ст. и товар на эту сумму находился в руках купца. Хорошо. Теперь товары частично находятся в производительном процессе, частично они потреб-

ляются рабочими. Напротив, эти 1 000 ф. ст. находятся в руках купца. Как только процесс производства завершится, товары стоимостью в 1 100 ф. ст. должны находиться в руках производительного капиталиста. Как может купец за 1 000 ф. ст. купить товары стоимостью в 1 100 ф. ст.? Бесполезно уходить от вопроса и говорить: купец продает товары за 1 100 ф. ст. потребителям. Кто эти потребители? Промышленные потребители и индивидуальные потребители. Промышленные потребители — это сам капиталист и рабочие. Но они выкупают [товары] лишь после того, как 1 000 ф. ст. превратились в 1 100. Индивидуальные потребители — прибыль (процент, рента) и слуги. Но ведь эта прибыль и ее ответвления — процент, рента и заработная плата непроизводительных рабочих — сначала должны быть реализованы. Они заключены как раз в этих 100 ф. ст. Таким образом, действительно, говорят, что капиталист платит эти 100 купцу, с тем чтобы последний мог заплатить ему 1 100 ф. ст. за товар стоимостью в 1 100 ф. ст., так как купец после прежней операции обладает только 1 000 ф. ст.

На поставленный так откровенно вопрос ответ получается сам собой. В той форме, в какой поставлена проблема, деньги следует рассматривать только в обращении, исключая процесс производства. {Здесь мы не принимаем во внимание кредитные деньги, при которых само обращение функционирует как фабрика по производству денег.} И таковыми они являются как деньги, но не как товар. Как товар они сами выходят из процесса производства. Деньги (золото, серебро) также сначала представляют собой товар, прежде чем они циркулируют в обращении как деньги. Перенесем производство золота и серебра из стран их производства внутрь данной страны, для того чтобы привлечение внешней торговли с самого начала не создавало бесполезных осложнений. Для того чтобы разрабатывать золотые или серебряные рудники, капиталисту необходимо, как и во всякой другой отрасли промышленности, затратить постоянный и переменный капитал. Однако его постоянный капитал состоит из одного только основного капитала и вспомогательных материалов. Живой труд образует значительную долю совокупных затрат. Предположим, что капиталист, расходуя 100 ф. ст. в виде денег, добывает 130 ф. ст. В этом случае 30 ф. ст. образуют прибавочную стоимость. {{(Прибыль и рента.) Производство золота и серебра отличается от всех других отраслей производства тем, что здесь сравнивается не стоимость продукта со стоимостью затрат, а денежная стоимость затрат, затраты, выраженные в деньгах, с *совокупной массой* продукта. Затраты в 100 ф. ст. равны определенному

количеству золота. В их цене — в 100 ф. ст. — выражено, но только на языке счетных денег, что затраты равны определенному количеству золота. Поэтому если продукт составляет 130 ф. ст., т. е. если он содержит на $^{3}/_{10}$ больше золота по сравнению с затратами, то прибыль равна 30%. Норма прибыли (в которую здесь включена рента) непосредственно определяется здесь избытком полученной потребительной стоимости (золото) над затратами (также в золоте) и выражается в той же самой потребительной стоимости, в золоте. И все это совершенно независимо от стоимости золота. Выравнивание прибыли здесь также может происходить лишь таким образом, что если норма прибыли равна 10%, а избыток золота равен 30, то эти 30 могут распадаться на ренту и прибыль. Наоборот, сами затраты, конечно, зависят от стоимости золота, зависят поэтому от производительности труда, применяемого в производстве золота и серебра, производительности, которая при данном способе производства определяется природной продуктивностью рудников, а при данной природной продуктивности рудников зависит от способа производства. Если стоимость золота и серебра высока, потому что рудники скудны {мы оставляем здесь в стороне способ производства, хотя последний, как и во всяком другом производстве, важен для прибавочной стоимости; капиталист [XVII—1 050] может извлекать больше прибавочного труда, если он применяет разделение труда, машины и т. д.} и поэтому при большом количестве труда дают мало продукта, то возможно, что на 20 ф. ст. может быть куплено столько же труда (т. е. жизненных средств для рабочих), орудий труда и вспомогательных материалов, сколько в ином случае на 100. Следовательно, если затрачиваются 100 ф. ст., которые дают всего лишь 3 ф. ст. прибавочного продукта, то норма прибыли действительно составляет только 3%. Но на эти 3 ф. ст. можно купить столько, сколько в другом случае на 30.}}

Или же прибавочный труд выражается в 30 ф. ст. Предположим, что капитал [в 100 ф. ст.] состоит из 40 ф. ст. постоянного капитала и 60 ф. ст. переменного капитала, т. е. 60 ф. ст. расходуются на заработную плату. В этом случае брошенные в обращение 100 ф. ст. выходят из самого процесса производства как золото или серебро стоимостью в 130 ф. ст. Весь капитал не нуждается в том, чтобы — лишь посредством процесса обращения — превращаться в золото и серебро, но он превращен в золото или серебро in natura *. Первый метамор-

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

фоз здесь не превращение товара в золото или серебро (деньги), а, наоборот, превращение золота и серебра в товар. Золото и серебро лишь реализуются в качестве товара и превращаются в деньги посредством своего обмена на другие товары. Наш производитель золота прежде всего должен был выплатить $^6/_{13}$ своего продукта рабочим. Для него не имел бы места обратный приток этих $^6/_{13}$, или 60 ф. ст. Рабочие покупают на них у лавочника, но лавочнику не нужно покупать на эти 60 ф. ст., которые являются золотом, у производителя золота. Наоборот, он тратит 60 ф. ст. на то, чтобы купить товар у капиталиста, который производит жизненные средства. К этому последнему, стало быть, притекают эти 60 ф. ст. (Прибыль лавочника по-прежнему состоит в том, что он получает от капиталиста за 60 ф. ст. товарную стоимость, скажем, в 66 ф. ст. (10%), в то время как за 60 ф. ст. он дает товар, конечно, только на 60 ф. ст.) А 40 ф. ст. производитель золота снова превращает в машины, вспомогательные материалы и т. д. Они, следовательно, притекают к фабриканту машин, углепромышленнику и т. д. Наконец, 30 ф. ст. прибыли и ренты частично потребляются либо в виде жизненных средств и предметов роскоши, либо в виде расходов на непроизводительных работников (государство, слуги и т. д.); часть этих 30 ф. ст. должна накопляться, следовательно, выбрасывается на ссудный рынок. Пока она не отдана взаймы, она лежит без дела как сокровище. Как только она отдана взаймы, она сама снова расходуется на постоянный капитал и переменный капитал и таким образом бросается в обращение. Таким образом, само золото, которое производитель золота бросил в обращение, притекает из последнего к нему обратно, только в форме товара; оно возвращается к нему (с избытком) [в форме продукта] его собственной сферы производства, как золото и серебро. Таким образом, 130 ф. ст. нового золота вливаются в качестве денег в обращение частично в обмен на жизненные средства, будь то для рабочих или для других классов, частично в обмен на машины и вспомогательные материалы. В отличие от всех других товаров этому товару не нужно превращаться в деньги; он становится деньгами путем своего превращения в товары; следовательно, он совершает движение, обратное движению других товаров. Если, следовательно, с одной стороны, в обращение бросается избыток товарной стоимости, то, с другой стороны, избыток золота. Согласно предположению, существовавшее обращение достаточно для того, чтобы начать новый цикл процесса воспроизводства. Согласно тому же самому предположению, в новом обращении нуждается всего лишь прибавочная стои-

мость. С другой стороны, со стороны производства золота, в обращение бросается не только избыток (30 ф. ст.), но и совокупный продукт (за исключением накопленного золота, пока оно лежит без дела). Следовательно, например, согласно указанному выше предположению *, в соответствии с которым капитал состоит из 1 000, а прибыль (совокупная прибавочная стоимость) из 100, нужно было бы бросить в обращение золота лишь на 100 ф. ст. Следовательно, для производства этого золота [при норме прибыли в 30%] было бы достаточно капитала в $76^{12}/_{13}$, так как его продукт равен 100. (Прибыль — $23^{1}/_{13}$.) Здесь достаточно сравнительно небольшого капитала, так как не избыток, создаваемый этим капиталом, а капитал и прибыль — тот совокупный продукт, в котором воспроизводится капитал, — расходуются на оплату указанного избытка товарной стоимости.

Вся та часть годового продукта, которая обменивается на золото или серебро (так представляется дело там, где золото и серебро не производятся внутри страны) или непосредственно применяется для производства золота и серебра, представляет собой: 1) больше золота или серебра, чем было израсходовано на его производство; представляет прибавочную стоимость непосредственно в золоте или серебре, как избыток золота или серебра; 2) воспроизводит весь израсходованный капитал в золоте или серебре. Это золото (для простоты оставим серебро в стороне) в той мере, в какой оно входит как материал в производство золотых и серебряных изделий, есть, как мы видели [126], также форма образования сокровищ, которой мы здесь не касаемся. Оно возмещает постоянный капитал ювелира, золотых дел мастера, часовщика и т. д. Другая часть входит в обращение либо для того, чтобы возместить использованную, [XVII—1 051] стертую монету, либо потому, что реализация товарных стоимостей требует большего количества денег в обращении. Третья часть становится сокровищем и в этой форме — или просто сокровищем (праздно лежащий капитал), или резервным фондом платежных и покупательных средств, наконец, фондом для выравнивания международного баланса или фондом средств для покупок за границей. Золото в слитках может служить платежным средством только на мировом рынке; внутри страны оно должно быть действительно превращено в монету или, по крайней мере, переведено в счетные деньги.

Согласно нашему предположению, производство золота осуществляется внутри страны.

---

* См. настоящий том, стр. 188—189. *Ред.*

Производитель золота должен обменять свой продукт: 1) на переменный капитал посредством выплаченной рабочим заработной платы; 2) на постоянный капитал, на машины и вспомогательные материалы; 3) на жизненные средства и т. д., на которые расходуется прибыль (включая ренту); 4) часть прибыли накопляется. Если ее накопление не является всего лишь припрятыванием денег про запас, то она должна быть снова израсходована на переменный и постоянный капитал.

Мы начнем с пункта 4), с той части вновь произведенного золота, которая накопляется в качестве прибыли; либо, если для нее нет непосредственного применения, она должна быть припрятана про запас, либо, если для нее имеется применение, она возмещает постоянный и переменный капитал. В случае, когда имеет место последнее, производитель золота может вложить ее в свое собственное предприятие или отдать в ссуду как капитал, приносящий проценты. Что касается первого случая, то производитель золота имеет со всеми другими производителями, избыток [прибыли] которых реализован в деньгах, то общее, что этот избыток есть прежде всего праздно лежащее сокровище, скрытый денежный капитал. Как таковой он лежит у банкира и с нетерпением ждет своего превращения в производительный капитал. Единственное различие состоит в том, что в одном случае он может существовать в форме знака стоимости (государственные бумажные деньги), или как банкнота, или какая-либо другая форма кредитных денег, а здесь [у производителя золота] сам существует как стоимость, т. е. золото. Второй случай таков: производитель золота накопляет, т. е. капитализирует прибыль, существующую как избыток золота. Это происходит либо так, что он вкладывает указанный избыток в свое собственное предприятие, либо отдает его взаймы.

Предположим, что он вкладывает его в собственное предприятие. Тогда его накопление в данном случае отличается от накопления других капиталистов. Другие капиталисты могут снова применять свой собственный продукт как условие производства только в том случае, если он действительно входит в свое собственное производство как его условие. Например, уголь входит в производство угля, машина входит в производство машин, металл входит в производство металла, зерно входит в производство зерна. Но эти производители всегда могут воспроизвести свой продукт in natura * только как *постоянный капитал*. Можно было бы сказать, что производители жизненных средств, которые можно сохранять, например живой скот,

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

зерно, одежда и т. д., производят переменный капитал, который накопляется in natura. Но скотовод, фермер, фабрикант одежды и т. д. — все они должны сначала продать скот, зерно, одежду, прежде чем они смогут оплатить рабочих этими жизненными средствами. Заработная плата должна быть выдана деньгами. Производители жизненных средств, конечно, до известной степени накопляют (никто не производит жизненные средства, для того чтобы их накоплять; в крайнем случае производится избыток, который надеются продать в течение года в расчете на общее увеличение производства по сравнению с предыдущим годом) переменный капитал для общества, но не *непосредственно* для самих себя. Кроме того, каждая особая отрасль производства производит только один вид переменного капитала, и лишь путем его превращения в деньги он может быть снова превращен во все составные части переменного капитала. Напротив, производитель золота никогда не может воспроизвести in natura какую-либо часть своего постоянного капитала. Золото не является ни орудием, ни вспомогательным материалом для производства золота. Золото не входит in natura в производство золота. Наоборот, производитель золота в отличие от других производителей может непосредственно воспроизводить свой переменный капитал, т. е. переменный капитал в его непосредственной форме, в форме золота, уплачиваемого рабочим в качестве заработной платы. Правда, для того чтобы рабочий мог реализовать это золото, на рынке должны быть товары, в которые, как в жизненные средства, он превращает свою заработную плату. (Производители переменного капитала могут накоплять переменный капитал для общества, т. е. товар, но они не могут накоплять этот товар в той форме, в какой он непосредственно служит им самим как переменный капитал. Условия производства и товары, относящиеся к потребительному фонду общества, могут накопляться — первые в большей, вторые в меньшей степени.) Это уплачиваемое рабочим золото непосредственно вошло бы в обращение. В той мере, в какой было бы занято больше рабочих, могло бы обращаться больше денег и должно было бы обращаться больше денег, так как рабочим нужно платить одновременно в данный срок. Но здесь наступает различие. То, что производитель золота должен авансировать для *обращения*, представляет собой *еженедельное денежное выражение* нового переменного капитала, который он должен израсходовать в течение года. То, что он должен уплатить, представляет собой *денежное выражение одной недели*, умноженное на 52. Дело обстоит так: он ежегодно применяет, например, на 10 рабочих

больше; скажем, это равно 520 ф. ст. и составляет 1 ф. ст. в неделю на одного рабочего, или 10 ф. ст. на 10 рабочих. [XVII—1 052] Но он должен расходовать эти 10 ф. ст. каждую неделю, так как эти затраты притекают к нему обратно не как деньги, а как товар. Лавочник получает эти 10 ф. ст., покупает на них товар у фабриканта. Если раньше обращение составляло 100, — я имею в виду обращение между фабрикантом, лавочником и рабочими, — то теперь оно равно 110. Фабрикант по-прежнему получает те 100 ф. ст., которые он расходует на своих собственных рабочих; они возмещаются лавочником; далее, фабрикант получает от лавочника те возмещенные лавочником 10 ф. ст., которые производитель золота расходует на своих рабочих. Лавочник точно так же получает свою прибыль на 10 ф. ст., как и на 100. Он платит рабочим за 10 ф. ст. товаром стоимостью в 10 ф. ст., но который ему стоит, если его прибыль на 100 = 10% (однако она намного меньше вследствие оборота капитала), [на] $^{10}/_{11}$ ф. ст., или $18^{2}/_{11}$ шилл. [меньше]. Таким образом, первую неделю лавочник платит фабриканту 110. Но фабрикант платит своим рабочим только 100. Следовательно, те 10 ф. ст., которые бросил в обращение производитель золота, в это обращение между рабочими и лавочником не возвращаются. Однако последний должен теперь еженедельно покупать у фабриканта на 110 ф. ст. Он получает для обращения еженедельно эту прибавку в 10 ф. ст. от рабочих производителя золота. Тем не менее еженедельно обращаются лишь 110 ф. ст. Поэтому из тех 520 ф. ст., которые производитель золота расходует в течение года на добавочный труд, в обращение между фабрикантом и лавочником никогда не поступает больше 10 ф. ст. Основная сумма в 510 ф. ст. — это деньги, возмещенные капиталом фабриканта, т. е. товар на эту сумму, товар, в котором заключены капитал и прибыль. Предположим, что лавочник, который должен купить у фабриканта на $^{1}/_{10}$ больше, купил во вторую неделю, прежде чем он получил 10 ф. ст. от рабочих производителя золота, на 110 ф. ст., а следовательно, авансировал эти 10 ф. ст. из своего собственного капитала. Таким образом, фабрикант откладывает 10 ф. ст. в сторону (в пределах этого обращения), так как он должен заплатить собственным рабочим лишь 100 ф. ст. Во вторую неделю лавочник получает 110 ф. ст.: 100 — от рабочих фабриканта, 10 — от рабочих производителя золота. Но он уже обладает товаром на 110 ф. ст. (за вычетом того, что он оставляет для самого себя). Рабочим фабриканта он дает товар на 100 ф. ст., а рабочим производителя золота — на 10. Следовательно, он вновь обладает 110 ф. ст.

Различие состоит лишь в следующем: если 10 ф. ст. авансировал лавочник, то, если цикл прерывается, он удерживает эти 10 ф. ст., которые притекают к нему от рабочих производителя золота. Если же он их заплатил из поступлений от рабочих производителя золота, то он должен отдать эти 10 ф. ст. фабриканту.

В любом случае товар фабриканта на сумму в 520 ф. ст. превращен в деньги. Фактически фабрикант только первую неделю выплачивает заработную плату деньгами. Позже он постоянно оплачивает ее товаром, ибо денежная форма его товара, начиная со второй недели, притекает к нему обратно от лавочника. Производитель золота еженедельно платит золотом. Но это золото не входит в рассматриваемое обращение или входит в него только при обмене производителя золота со своими рабочими. Оно лишь один раз служит платежным средством для рабочих, а затем превращается в руках фабриканта в денежное выражение той части его капитала, которая не входит *in natura* в потребление его рабочих. Это означает, что оно превращается в денежное выражение (в известных пределах) той части продукта фабриканта, которая представляет его постоянный капитал и его прибыль. $^{1}/_{52}$ переменного капитала производителя золота входит в оборотный денежный капитал лавочника и поэтому служит в качестве денег, находящихся в обращении между лавочником, фабрикантом и рабочими. Напротив, $^{51}/_{52}$ становится выражением постоянного капитала и прибыли фабриканта. (Мы не принимаем здесь во внимание прибыль лавочника, которая получает свое денежное выражение в этой $^{51}/_{52}$.)

Предположим, что авансированный фабрикантом капитал составляет 700 ф. ст. Тогда 10 рабочих производителя золота возмещают ему 520 ф. ст. Те 100 ф. ст. «обращения», которых стоят ему его рабочие, находятся в обращении между ним и лавочником. Он должен, следовательно, превратить в деньги товарную стоимость еще лишь на 150 ф. ст., [XVII—1 053] для того чтобы превратить в деньги весь свой капитал, капитал и прибыль. [В самом деле,] так как его постоянный капитал равен 600, то указанными 520 ф. ст. он возмещает весь свой постоянный капитал, кроме 80 ф. ст. (600—520). Если прибыль равна 10%, то ему, следовательно, нужно возместить еще 80 ф. ст. постоянного капитала и 70 ф. ст. прибыли — всего 150 ф. ст.

Постоянный капитал фабриканта [производителя жизненных средств] сводится к переменному капиталу и прибыли производителя постоянного капитала. Если заработная плата здесь также составляет $^{1}/_{7}$ [авансированного капитала и $^{10}/_{17}$ вновь

созданной стоимости], то переменный капитал [производителя постоянного капитала], к которому сводится постоянный капитал [производителя жизненных средств], составляет $352^{16}/_{17}$, а его прибыль равна $247^{1}/_{17}$. Если все это расходуется [на индивидуальное потребление], то к фабриканту притекают обратно 600 ф. ст. за товар, так как [на эту сумму] он доставляет жизненные средства. И он должен [в этом случае] продать товары еще лишь на 170 ф. ст.

Прежде всего очевидно, что даже та часть капитала производителя золота, которую он расходует на заработную плату, не остается в обращении в качестве монеты, а, самое большее, добавляет к этому обращению денежное выражение еженедельной заработной платы. Он выплачивает эту часть как заработную плату. Таков тот путь, которым он бросает ее в обращение. Однако она не остается в обращении для выплаты заработной платы, а превращается в денежный капитал производительного капиталиста. Если бы вследствие возросшего производства золота (мы имеем в виду не повышающуюся производительность рудников и т. д., а растущее количество труда и капитала, вложенных в производство золота) фабрикант увеличил свое собственное производство, если, например, в указанном выше случае * он должен был бы применить на 10 рабочих больше (это неверное соотношение: если производитель золота применяет на 10 рабочих больше, то фабрикант самое большее — на одного), то процесс был бы таким: прежде он должен был платить 100 ф. ст. заработной платы 100 рабочим, а теперь ему нужно платить 110 ф. ст. 110 рабочим. Лавочник же, согласно предположению, еженедельно получает 10 ф. ст. от рабочих производителя золота. Таким образом, при составлении расчета мы предположили, что продукции фабриканта было достаточно, для того чтобы доставить товары еще 10 рабочим сверх [прежнего количества] его собственных рабочих.

1-я неделя. Лавочник получает от рабочих производителя золота 10 ф. ст., от рабочих фабриканта — 100. Покупает на них у фабриканта товар на 110 ф. ст. Фабрикант из этой суммы платит 100 ф. ст. своим рабочим, а 10 ф. ст. использует на другие цели. От рабочих фабриканта к лавочнику притекают лишь 100 ф. ст., а 10 ф. ст. притекают к нему от рабочих производителя золота. Первые, т. е. 100 ф. ст., постоянно обращаются в пределах этой сферы. Последние, т. е. 10 ф. ст., каждую неделю постоянно бросаются вновь в *это* обращение, но не возвращаются в него.

---

* См. настоящий том, стр. 194—195. *Ред.*

2-я неделя. Предположим, что фабрикант вследствие нового спроса со стороны производителя золота расширяет свое производство на 10 рабочих. Он выплачивает, следовательно, 110 ф. ст. заработной платы. Лавочник продает теперь на 110 ф. ст. рабочим фабриканта, на 10 ф. ст. рабочим золотопромышленника. Он покупает у фабриканта на 120 ф. ст. Но фабриканту необходимо всего лишь 110 ф. ст. для заработной платы. Следовательно, 10 ф. ст. притекают [к нему] обратно. Если он, стало быть, вследствие увеличившегося производства золота увеличивает свой собственный переменный капитал, то, поскольку речь идет об обращении, он увеличивает лишь *еженедельное* выражение своей прибавки к переменному капиталу. Золото производителя золота, еженедельно вновь притекающее сверх указанной суммы в обращение, в *этот* участок обращения не возвращается.

Далее, возьмем теперь ту часть прибыли, которую производитель золота тратит в качестве дохода. Помимо особых расходов он будет покупать товары то большей, то меньшей стоимости. Цена некоторых товаров, например мебели, драгоценных камней, лошадей, экипажа и т. д., может быть высока, поэтому для их продажи должно быть сразу израсходовано много золота. Но мы можем вывести среднюю величину. В течение 10 недель производитель золота, быть может, бросает в обращение по 10 ф. ст. [в неделю], в течение двух недель — всякий раз по 100 ф. ст. Как бы то ни было, за 12 недель он бросил бы в обращение золото на 1 200 ф. ст. Это составляет 100 ф. ст. в неделю. В течение года он бросает в обращение [в среднем каждые 12 недель] 1 200 ф. ст. золотом. Мы можем, однако, считать то количество денег, которое постоянно остается в этом обращении между ним, его лавочником, а также фабрикантом и фермером, равным приблизительно 100 ф. ст. Остаток в 1 100 ф. ст. идет в карман фабриканта и фермера (часть — в карман лавочника), для того чтобы служить на другом *участке обращения,* или он лежит у фабриканта как скрытый капитал. Если в результате этого увеличивается производство, то к обращению добавляется *еженедельное денежное выражение заработной платы* добавочных рабочих. Наибольшая часть этого золота, однако, извлекается как из обращения между лавочником, рабочими и фабрикантом, так и из обращения между лавочником, фабрикантом и производящим золото [XVII—1 054] капиталистом.

Наконец, третья часть продукта производителя золота обменивается на постоянный капитал, где она снова оплачивает заработную плату (переменный капитал) и постоянный капитал.

К первому относится сказанное до сих пор. Наибольшая доля этой третьей части извлекается из той сферы обращения, в которую она брошена, для того чтобы в нее не возвращаться. Предположим, что она равна 110 ф. ст., из которых 10 ф. ст. представляют прибыль производителя постоянного капитала. Пусть из 100 ф. ст. его затрат $^1/_5$, т. е. 20 ф. ст. составляют расходы на труд. Эти 20 ф. ст. не возвращаются в рассматриваемое обращение (или возвращается лишь небольшая их часть в результате возросших издержек на труд). Они возмещают деньгами $^1/_4$ постоянного капитала, так как $^{80}/_4 = 20$. Вместе с прибылью остается возместить 70. Но сумма обращающихся денег, находящихся в сфере обмена постоянного капитала, достаточна, чтобы превратить в деньги 80 ф. ст. Из 20, уплаченных за переменный капитал, достаточно половины — 10, для того чтобы превратить прибыль в деньги. Следовательно, из тех 100 ф. ст., которые получает производитель постоянного капитала, 90 являются излишними для его обращения. (Или, по крайней мере, наибольшая часть этих 90, если он вследствие спроса со стороны производителя золота расширяет свое предприятие.) Что же теперь происходит с этими 90 ф. ст.? Для производителя постоянного капитала они представляют собой не эквивалент прибыли, а эквивалент капитала. Производитель постоянного капитала получает золота за свой капитал больше, чем эквивалент, он получает избыток в золоте, избыток, который ему необходим в натуральной форме его капитала для возмещения последнего.

Допустим, что весь годовой производительный капитал состоит из 6 миллионов, иными словами, — это часть капитала, которая поступает на рынок как товар, а следовательно, включает годовой износ постоянного капитала. Предположим, что переменная часть этого капитала равна $^1/_6$, т. е. 1 миллиону. Таким образом, в этом случае должно было бы находиться в обращении денег лишь на сумму в $^1/_{52}$ миллиона, т. е. [примерно] 19 230 ф. ст. В действительности собственная стоимость этих 19 230 обращается в товарах 52 раза. Остается, следовательно, превратить в деньги еще 5 миллионов + 19 230. Предположим, далее, что прибыль (включая ренту) равна 30%, следовательно, равна 1 800 000 на капитал в 6 миллионов. Пусть эта прибыль проедается целиком. Если бы капиталисты, так же как и рабочие, более или менее одинаково расходовали свои доходы, равными долями еженедельно, то требовалось бы 34 $615^5/_{13}$ еженедельно. Однако вследствие более значительных случайных и периодических закупок требуется, скажем, 100 000. Таким образом, мы имели бы для обращения около

119 230, которые расходуются в качестве прибыли. Эта сумма возмещает не только прибыль производителей жизненных средств, но также их переменный *капитал;* она возмещает не только прибыль производителей постоянного капитала, но также и их переменный капитал. Предположим, что отношение переменного капитала к постоянному составляет вообще 1 : 5. Это отношение не обнаруживается в точности при распределении 6 миллионов, так как в него входит лишь износ основного капитала, а не сам основной капитал. По нашему предыдущему расчету 2 800 000 состоят из жизненных средств (1 миллион идет на возмещение совокупного переменного капитала общества, а 1 800 000 — на прибыль совокупного капитала), которые, согласно этому первому расчету, обращаются посредством 119 230 ф. ст. Так как эти товары на сумму в 2 800 000 представляют собой продукт капиталистов, производящих жизненные средства, то их совокупный продукт равен 2 800 000 ф. ст. Последние включают авансированный капитал производителей жизненных средств + 20% прибыли. Следовательно, $^{1}/_{6}$ этой суммы состоит из их прибыли, а остальная часть из авансированного капитала. Из 2 800 000 ф. ст. прибыль, стало быть, составляет 466 666$^{4}/_{6}$, а авансированный капитал — 2 333 333$^{2}/_{6}$. Прибыль, которую эти производители взаимно проедают в виде своих собственных товаров, или, вернее, это взаимное проедание ими их прибыли в виде их взаимно доставляемых друг другу товаров, может происходить трояким способом. Они одновременно покупают или же приобретают в кредит друг у друга. В обоих случаях самое большее, если либо одному, либо другому приходится оплачивать балансовую разницу. Или же первый сегодня покупает у второго на наличные деньги, а второй у первого — на наличные деньги завтра. В этом случае, *самом неблагоприятном* для уменьшения количества находящихся в обращении денег, непременно имеет место возвратное движение денег, и через посредство этого возвратного движения имеет место обращение денег. Здесь обращается определенная сумма денег, и ею платят в одни и те же руки много раз за различные порции товарной стоимости. Скажем, находящаяся в обороте сумма проходит 10 раз через каждые руки. Тогда, следовательно, для обращения вышеуказанной прибыли необходима лишь $^{1}/_{10}$ той суммы, которая была бы нужна для этого в противном случае. Предположим, что вышеуказанная прибыль в сумме 466 666$^{4}/_{6}$ равна $^{1}/_{4}$ от 1 800 000, соответственную часть которых она составляет. (Она больше [127].) Итак, если для обращения 1 800 000 ф. ст. требуется 100 000 ф. ст., то для обращения $^{1}/_{4}$ этой суммы — 25 000 ф. ст. Но эти 25 000 нужно

уменьшить до их $^1/_{10}$. Следовательно, для суммы обращающихся денег, находящихся в форме прибыли, остается 75 000 + 2 500, или 77 500 ф. ст. Если, далее, отношение переменного капитала к постоянному в [XVII—1 055] этой сфере производства равно 1 : 5, то, следовательно, $^1/_5$ капитала в 2 333 333$^2/_3$ есть переменный капитал, а $^4/_5$ — постоянный. Переменный капитал равен 466 666$^2/_3$, или, скажем, 466 667, а постоянный — 1 866 666. Для обращения переменного капитала требуется [$^1/_{52}$ его величины, т. е.] 8 974 ф. ст., которые уже учтены в обращении совокупного переменного капитала. Остаются 1 866 666 ф. ст., которыми производители жизненных средств оплачивают свой постоянный капитал и которыми рабочие и капиталисты, занятые в производстве постоянного капитала, возмещают свой переменный капитал и реализуют свои прибыли, короче, расходуют заработную плату и прибыль.

Из капитала в 6 миллионов после вычета 2 333 333, которые заняты в сфере производства жизненных средств, остаются 3 666 667; из них переменный капитал составляет 533 333 ф. ст. (так как в целом переменный капитал равен 1 миллиону, а 466 667 приходятся на рабочих сферы I, сферы производства жизненных средств). Остаются 3 133 334 постоянного капитала. Той же самой суммы, посредством которой капиталисты сферы II реализуют свою прибыль и свой переменный капитал, достаточно, для того чтобы класс I возместил свой постоянный капитал. Классу I (для обращения в его пределах) достаточно 2 500 ф. ст. для прибыли и 8 974 ф. ст. для заработной платы. Остается, следовательно, [сделать расчет] для обращения между I и II классами и т. д.

Этот расчет нужно сделать несколько иначе.

{У нас был капитал в 6 миллионов; 30% прибыли от него составляют 1 800 000. Следовательно, стоимость совокупной массы обращающихся товаров равна 7 800 000. Если 2 800 000 состоят из жизненных средств, то остающиеся 5 000 000 — это постоянный капитал. Отношение между жизненными средствами и постоянным капиталом здесь более высокое, так как из постоянного капитала лишь его часть, входящая в товар как износ, входит в *стоимость* обращающегося в течение года товара.}

Итак, [класс] I). 2 800 000 ф. ст. — *сфера капитала, занятого в производстве жизненных средств.*

Из этих товаров стоимостью в 2 800 000 ф. ст. около 466 667 представляют собой прибыль, равную 20% [авансированного капитала], а остальные — капитал, равный *2 333 333*. В этом капитале переменный капитал составляет [приблизительно $^1/_6$, т. е.] 388 888; на постоянный капитал остается 1 944 445 [128].

В пределах этой сферы обращаются для переменного капитала 388 888 : 52 — еженедельное денежное выражение переменного капитала, приблизительно равное 7 479 (а точнее, 7 478$^{32}/_{52}$). Для прибыли же, которая, согласно предположению, проедается полностью, и вообще для расходования всех видов дохода (не являющихся заработной платой) примем, что для их обращения достаточно $^1/_{10}$ соответствующей суммы, что составило бы около 46 667. Но так как потребители прибыли являются по отношению друг к другу продавцами съедаемого ими товара, то здесь имеет место обратный приток. Мясник покупает у булочника, а булочник на те же деньги покупает у мясника, мясник опять у булочника. Итак, посредством возвратного движения совершается оборот *одной и той же* суммы денег, прохождение ее через одни и те же руки. Среднее число оборотов равно, скажем, 10. Таким образом, для превращения прибыли в деньги требуется лишь $^1/_{10}$ вышеназванной суммы. Остается, следовательно, около 4 667 ф. ст., причем вовсе не принято в расчет то, что̀ лавочник и т. д. проедает в виде своих собственных товаров.

Следовательно, в этой сфере, для обращения внутри нее самой, требуются 7 479 ф. ст. для заработной платы и 4 667 ф. ст. для прибыли. Всего — 12 146 ф. ст. деньгами.

Остальные товары класса I на сумму в 1 944 445 ф. ст. продаются классу II, производителям постоянного капитала.

Итак, класс II). Его капитал вместе с прибылью составляет 5 000 000 ф. ст. товарных стоимостей. Из них прибыль [равна $^1/_6$, т. е.] немногим более 833 333. Из 5 миллионов 1 944 445 возмещают ту часть продукта, которая состоит из заработной платы и прибыли, так что 1 111 112 — заработная плата. Для того чтобы выплатить эту заработную плату, необходимо 1 111 112 : 52, т. е. [приблизительно] 21 367 ф. ст. А для того чтобы оплатить прибыль, необходима, скажем, $^1/_{10}$ ее суммы, следовательно, нужно 83 333. Таким образом, общее количество обращающихся денег должно быть равно [XVII—1 056] 83 333 + + 21 367 = 104 700 ф. ст. На эти 104 700 ф. ст. капиталисты и рабочие класса II покупают свои жизненные средства у класса I, а класс I покупает возмещение своего постоянного капитала in natura * у класса II. Имеет место обратный приток [этих денег]. Например, класс II покупает на 100 ф. ст. жизненные средства у класса I; класс I на те же самые 100 ф. ст. покупает постоянный капитал у класса II. Это напоминает повозку, которая ездит туда и обратно и которая сначала

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

везет груз от A к B, а потом обратно от B к A. Таким образом, на эти деньги реализуются товарные стоимости не на 1 944 445 ф. ст., а на 2 × 1 944 445 ф. ст., т. е. на 3 888 890 ф. ст. Та же самая сумма денег реализует постоянный капитал класса I, переменный капитал и прибыль класса II. Из 5 миллионов класса II остается, следовательно, еще

III) остаток в 5 миллионов минус 1 944 445, т. е. 3 055 555 ф. ст. Предположим также, что лишь $^1/_{10}$ этой суммы возмещается in natura, что в отношении земледелия слишком мало. Таким образом, эта часть совсем не входит в обращение и не нуждается в превращении ее в деньги. Значит, примерно 305 555 не нуждаются в реализации. Остаются товары на 2 750 000 ф. ст. Это второе обращение внутри класса II есть всего лишь опосредствуемое деньгами взаимное перемещение капиталов. Производитель железа покупает уголь у производителя угля, последний покупает машины у машиностроителя, машиностроитель — железо у производителя железа и т. д. Здесь деньги большей частью обращаются как платежное средство, и лишь балансовая разница оплачивается деньгами. Но если бы они даже обращались, то их потребовалось бы самое большее $^1/_{20}$, стало быть, 2 750 000 : 20, т. е. 137 500.

Следовательно, в целом для того чтобы реализовать капитал в 6 миллионов вместе с прибылью в 1 800 000 (снова неверно: должно быть 1 200 000, так как они составляют $^1/_5$, или 20%, от 6 миллионов; но это пустяки); *для того чтобы реализовать капитал в 6 миллионов вместе с прибылью в 1 200 000, или товар на 7 200 000 ф. ст.,* требуется:

12 146 ф. ст., обращающихся внутри класса I;
104 700 ф. ст., обращающихся между классом I и классом II;
137 500 ф. ст., обращающихся внутри класса II.

Сумма: 254 346 ф. ст. в виде денег.

При этом мы предположили также, что из 6 миллионов капитала переменный капитал составляет 388 888 + 1 111 112, стало быть, равен 1 500 000; следовательно, переменный капитал равен $^1/_4$ авансированного капитала. Исчисленная сумма денег, требуемых для обращения, несколько больше $^1/_6$ авансированного на заработную плату капитала. При этом совершенно не принималось в расчет взаимное погашение платежей и кредит и т. д. Следовательно, если бы производитель золота доставлял его лишь в таком количестве, какое требуется для того, чтобы

превратить в серебро или золото $^1/_6$ израсходованного на заработную плату капитала, или, что то же самое, если бы вывозилось такое количество товара, какое требуется для того, чтобы ввезти взамен него золото из стран, имеющих золотые прииски и т. д., то этого было бы достаточно для обеспечения всего обращения. И если бы это количество золота было однажды ввезено, его хватило бы (без учета изнашивания золота) до тех пор, пока способ производства оставался тем же самым.

Вообще для того чтобы капиталист извлекал из обращения больше денег, чем он бросает в него, необходимо всего лишь, чтобы обращающихся денег было достаточно для превращения находящихся в обращении товарных стоимостей в деньги. Для этого необходимо не только то, чтобы была налицо в виде денег $^1/_6$ капитала, который ежегодно целиком должен расходоваться в денежной форме на заработную плату, но чтобы необходимая сумма доставлялась через посредство той части капитала, которая обменивается прямо на золото, т. е. посредством товаров, которые продаются производителям золота и серебра, а взамен приносят слитки. Одна часть капитала, однако, накопляется в качестве сокровища, с его различными назначениями. Эта часть всегда лежит, таким образом, без дела. Предположим, что капитал, ежегодно обращающийся в форме товаров, равен 110 ф. ст. и требуется $^1/_{11}$ этой суммы, стало быть, 10 ф. ст., для того чтобы превратить его в деньги. Если в таком случае экспортируется на 10 ф. ст. товаров, которые обмениваются на золото, то эти 10 ф. ст. распределяются между всем классом, производящим указанные товары на сумму в 110 ф. ст.

[XVII—1 057] Так же как производители средств потребления возмещают переменный капитал и расходуемую в качестве дохода часть продукции всех классов, точно так же и та часть производителей, которая ввозит золото для всего общества (так же как и часть производителей, производящая это золото), доставляет деньги, необходимые для обращения всего капитала.

После всего вышеизложенного в первую очередь необходимо отметить следующие два пункта.

Во-первых. Совершаемые вследствие обратного притока обороты одной и той же суммы денег всегда сопровождаются оборотами между теми же самыми *денежными индивидами*, в то время как различные обороты, проделываемые теми же самыми денежными индивидами, ни в коем случае не включают в себя обратного притока. Например, 100 ф. ст. переходят от лавочника к фабриканту, от фабриканта к рабочим, от рабочих обратно к лавочнику. Те же самые деньги совершают здесь

три оборота. Во всяком случае два: от фабриканта к рабочим, от рабочих к лавочнику. Кроме того, обратный приток включает в себя повторение этого цикла для *той же самой суммы денег*, безразлично, *состоит ли она из тех же самых идентичных монет или нет*. Напротив, одна и та же монета может обернуться, например, 10 раз за один день, не выражая ни одного обратного притока. Я покупаю товар за 5 шилл., лавочник отдает эти 5 шилл. другому покупателю при размене 1 ф. ст., тот оплачивает ими рабочего, последний покупает на них и т. д. Скорость одного лишь оборота *той же самой* монеты — в большинстве своем она находится в обратной пропорции к ее величине — отличается от той скорости, с которой проходит свои фазы и повторяется цикл.

Во-вторых. Там, где деньги выступают в качестве *монеты*, в акте *Т—Д—Т* в его первом значении, т. е. при превращении товара в жизненные средства для его производителя или владельца, они функционируют только, во-первых, как выплаченная *заработная плата*, в акте *Р—Д—Т* [129]; во-вторых, там, где прибыль, процент, рента и т. д. (а также заработная плата непроизводительных работников) расходуются как доход; ибо здесь израсходованные ими *Д* представляют собой форму меновой стоимости товара, проданного для того, чтобы превратиться затем в жизненные средства: *Т—Д—Т*. То обстоятельство, что израсходованные таким путем деньги вместе с тем возмещают капитал (капитал + прибыль), нисколько не меняет дела. Наоборот, все другие функции, в которых деньги выступают *в сфере обращения*, всегда являются теми формами, в которых деньги выходят из какой-либо фазы капиталистического воспроизводства, фазы, которая либо вовсе не доходит до розничной торговли (как, например, обмен постоянного капитала на постоянный капитал), либо в крайнем случае является предшествующим [розничной торговле] процессом. До тех пор, пока деньги *обращаются таким образом, они есть денежный капитал*. Правда, для лавочника полученный им доход других тоже есть денежный капитал. Но это различные вещи. Деньги здесь поступают не из метаморфоза *капитала как такового*, а из возникающих из него и обособившихся от него доходов.

Мы рассмотрели оборот, проделываемый одной и той же суммой денег между лавочником, фабрикантом и рабочим и являющийся в действительности, если мы опустим опосредствующего этот цикл лавочника, обращением *одной и той же суммы денег между фабрикантом и рабочим*. Фабрикант на *те же самые* деньги постоянно покупает новый труд, а рабочий

на те же самые деньги постоянно покупает *новый товар*. Первоначально фабрикант (если мы оставим в стороне лавочника) бросает эти деньги в обращение. Он, следовательно, должен был первоначально получить их из обращения, но из обращения с участием производителя золота. Или же этот процесс имел место раньше, и фабрикант владеет этими деньгами как частью своего накопленного в форме денег капитала, совершенно так же как он владеет другой частью капитала в форме машин. Если стоимость еженедельно производимого им товара равна 600 ф. ст. (из которых 100 ф. ст. составляют прибыль, равную 20% [авансированного капитала]), а еженедельно выплачиваемая заработная плата равна 100 ф. ст., то $^1/_6$ своего товара фабрикант должен продать производителю золота. В этом случае он раз и навсегда будет иметь те 100 ф. ст., которые ему нужны для еженедельной выплаты заработной платы. Предположим, что весь его капитал составляет 1 500, из которых 1 000 — основной капитал, 398 — еженедельно расходуемые сырье и вспомогательные материалы, 100 — еженедельная заработная плата. Предположим, что основной капитал изнашивается в течение десятилетнего цикла. В таком случае ежегодно на [возмещение] износа фабриканту необходимо 100 ф. ст., а еженедельно (мы будем считать, что год состоит из 50 рабочих недель) — 2 ф. ст. Следовательно, еженедельно он имеет: 2 ф. ст. на [возмещение] износа, 398 — на сырье и вспомогательные материалы и 100 — на заработную плату; всего авансируются 500 ф. ст., 20 % прибыли на которые составляют 100 ф. ст. Износ в 100 ф. ст. он, возможно, должен возмещать лишь один раз в год (вероятно, реже). В первую неделю он получает 600 ф. ст., из которых 100 приобретены в обмен не на товар, а на золото. Таким образом, всю свою прибыль фабрикант превратил в золото. Или ему нужно было помимо своего функционирующего капитала еще 100 ф. ст. (их, действительно, авансирует лавочник), или в первую неделю он ничего не может проесть из своей прибыли, так как $^1/_6$ товара он обладает в форме золота, $^1/_6$ съедают его рабочие, а $^4/_6$ возмещают постоянный капитал. В следующую неделю ни одну часть своего товара он не должен тратить на покупку золота у производителя золота, для того чтобы быть в состоянии выплатить заработную плату. Но в первую неделю часть капитала требуется ему дважды. Во-первых, в форме товара, та $^1/_6$, которую съедят рабочие; во-вторых, в форме денег, для того чтобы тем самым дать рабочим [XVII—1 058] возможность купить у него их $^1/_6$. Итак, на эту неделю у фабриканта должен быть резерв денег, для того чтобы проесть их самому, денег, которые не притекают к нему

из этого же предприятия, но которые он унаследовал и т. п.; либо он должен жить в кредит, что весьма вероятно, если он начинает свое производство с 500 ф. ст.

Во вторую неделю фабриканту не нужно иметь $^{1}/_{6}$ своего товара в двоякой форме — как товар и как деньги, ибо 100 ф. ст. заработной платы притекают к нему обратно от рабочих в уплату за товар.

Следовательно, для того чтобы поддерживать это обращение между собой и рабочим, ему нужно лишь на $^{1}/_{6}$ продукта одной недели купить золото у производителя золота.

Спрашивается все-таки, кто *первым* бросает в обращение находящуюся там часть денег? Это всегда капиталист, будь он производитель или купец, но никогда — рабочий или получатель процента или ренты. Тот, кто дает взаймы под проценты, бросает капитал в обращение, т. е. передает его производительному капиталисту, но этот последний впервые бросает капитал в обращение на самом деле.

Получателю земельной ренты его деньги уплачиваются отчасти капиталистом-фермером, отчасти промышленным капиталистом (который разрабатывает рудники и т. д.; плата за строения, а также квартирная плата); далее — рабочими (часть земельной ренты и квартирная плата). В той мере, в какой рента превращается в деньги через посредство *рабочих*, эта часть ее денежного выражения (точно так же, как в случае с лавочником, который продает рабочим жизненные средства) извлекается из обращения между капиталистом и рабочими, следовательно, содержится в тех деньгах, которые обращаются для выплаты заработной платы. Правда, эта часть притекает обратно не так быстро (если только фабрикант или фермер сами не являются земельными собственниками, что бывает очень часто), как та часть заработной платы, которая израсходована на жизненные средства. Между тем соединение в одном лице фабриканта или фермера и земельного собственника представляет собой своеобразный случай. Те же самые деньги, которые фабрикант (или фермер) расходует здесь в качестве заработной платы, реализуют ему ренту, которую он получает как земельный собственник, или квартирную плату, которую он получает как домовладелец, не говоря о том, что эти же деньги возмещают ему износ его товара. Рабочий получает стоимость, а именно дом, который он снимает понедельно. Но часть этой стоимости сводится к квартирной плате и ренте. И та сумма, которую фабрикант выплачивает как фабрикант, одновременно превращает в деньги его доход в качестве земельного собственника и капиталиста, сдающего внаем дом.

Необходимые для этого средства обращения он сам авансировал при покупке труда. Рабочий же выплачивает ему обратно ренту и квартирную плату.

Фабрикант совершает с рабочим две сделки. [Во-первых,] он покупает за деньги его труд, во-вторых, он продает ему дом и получает за это часть этих денег обратно. Но та стоимость, которую он при этом продает рабочему, оплачена им не полностью; она содержит неоплаченный труд. Оплачивая ему эту стоимость, рабочий, следовательно, платит ему ренту и квартирную плату. Таким образом, нет никакого противоречия в том, что, получая обратно брошенные им самим в обращение деньги, капиталист извлекает из обращения больше денег, чем он бросил в него, т. е. больше денег, чем брошенная им в обращение оплаченная стоимость. Для всех земельных собственников и домовладельцев в той мере, в какой рента и квартирная плата уплачиваются им рабочими (здесь происходит то же, что и при уплате налогов), одни и те же деньги приводят в обращение заработную плату и реализуют часть ренты и процента на капитал, следовательно, превращают в деньги часть прибавочной стоимости. Вся эта часть прибавочной стоимости, которая сводится к уплачиваемой рабочими ренте с домов [130] и квартирной плате, для своего превращения в деньги нуждается, — точно так же как прибыль лавочника, ведущего торговлю с рабочими, — лишь в том обращении, которое необходимо для выплаты заработной платы.

Земельная рента со строений и т. д. относится к издержкам основного капитала. Следовательно, часть находящихся в обращении денег, авансируемых производительными капиталистами для основного капитала, заодно превращает в деньги также и часть прибавочной стоимости, а именно земельную ренту.

Плата за наем частного дома и т. д. относится к тем расходам, которые капиталист совершает за счет своей прибыли; собственно рента, которую платят фермер, добывающий руду капиталист и т. д., составляет часть прибавочной стоимости их продуктов.

Земельный собственник на деньги, которые он получает в виде ренты, покупает товары у фабриканта и фермера; либо он покупает их у лавочника, который платит этими деньгами фабриканту и фермеру. Следовательно, если только эта часть денежной суммы существует, она постоянно притекает обратно к производительным капиталистам, точно так же как деньги, предназначенные для заработной платы, хотя эту часть денежной суммы капиталисты постоянно должны вновь извлекать из обращения через посредство товара. Но достаточно им по-

стоянно вновь платить ренту в форме денег, для того чтобы получать обратно деньги за товар. Однако к ним притекает обратно больше денег, а именно, та часть ренты, которую рабочие платят земельному собственнику в качестве квартирной платы, или та часть, которую фабрикант уплатил в качестве ренты за строения. Следовательно, та денежная сумма, которая превращает ренту в деньги, достаточна не только для того, чтобы постоянно вновь платить ее, но и для того, чтобы выплачивать ту часть заработной платы, которая сводится к ренте, и ту часть издержек основного капитала, которая сводится к ренте. И только та часть ренты, которая не проистекает постоянно из заработной платы или основного капитала, требует своего собственного денежного обращения, своей собственной специфической суммы денег в обращении.

[XVII—1 059] То, что относится к ренте (земельного собственника) и проценту (кредитора), относится и к самой прибыли (независимо от того, выплачивается ли процент другому лицу или нет, следовательно, следует ли или не следует включать его в доход производительного капиталиста) в той мере, в какой производительный капиталист ее расходует, а некоторую ее часть он должен расходовать, ибо живет на нее. Деньги, предназначенные на расходование прибыли, деньги, брошенные в обращение, так же как и деньги, израсходованные на реализацию ренты и процента, содействуют обеспечению денежными средствами платежей капиталиста.

Деньги, выражающие ренту, процент, прибыль, в той мере, в какой на них покупают товары для индивидуального потребления, должны, точно так же как и деньги, выражающие заработную плату, притекать обратно к производительному капиталисту в качестве покупательного или платежного средства. Прибыль, рента, процент были израсходованы в течение предыдущего года; предназначенные для этого деньги находятся уже не в руках земельных собственников, рантье, капиталистов, а в руках лавочника, который платит ими оптовому торговцу, а этот, в свою очередь, платит ими производительному капиталисту. В той мере, в какой эти деньги притекают обратно к лавочнику, его запасы истощаются и нуждаются в пополнении. Следовательно, деньги проделывают тот же самый путь, какой они проделали первоначально, но в обратном направлении. Так как они тем самым реализуют товарные стоимости производительного капиталиста, то последний снова в состоянии платить ренту и процент теми же самыми деньгами, а другую часть прибавочной стоимости расходовать на свое собственное потребление.

Для того чтобы производительный капиталист извлекал из обращения больше денег, чем он в него бросил, необходимо только, чтобы обращалось достаточно денег для оплаты товарных стоимостей. Если бы имела место меновая торговля, то не находили бы ничего загадочного в том, что капиталист в конце кругооборота извлекает из обращения больше товарной стоимости, чем та стоимость, которую он бросил в обращение в виде денег. Ибо в конце кругооборота он должен обменять более высокую товарную стоимость. Весь этот запутанный вопрос, следовательно, возникает оттого, что не видно, откуда должны взяться в обращении деньги, представляющие собой *реальное денежное выражение* этой увеличившейся стоимости. Затруднение вызывает то, что капиталист должен извлечь из обращения больше, чем он бросил в него; еще большее затруднение вызывает то, что он сам — как класс — фактически владеет всем денежным состоянием (*владеет,* так как он непосредственно владеет всей прибавочной стоимостью, какую бы часть ее он ни отдавал). Однако необходимо различать следующее: как капиталист, он бросает в обращение только свой капитал (т. е. денежное выражение последнего), а как субъект, реализовавший прибыль (или, если он еще не реализовал ее, он должен обладать другими средствами), он бросает в обращение часть денежного выражения своей прибавочной стоимости, точно так же как денежное выражение другой части этой прибавочной стоимости — ренты и процента — постоянно бросают в обращение земельный собственник и рантье и, наконец, как рабочий бросает в обращение денежное выражение своей заработной платы. Если какой-либо капиталист бросил в обращение, т. е. использовал для воспроизводства 1 000 ф. ст. и одновременно проел 200 ф. ст. (sub specie * прибыли), и если его прибыль равна 20%, то он бросил в обращение как раз столько денег, сколько необходимо для того, чтобы превратить в деньги его товар, равный 1 200, его капитал плюс прибавочную стоимость. Он не подарил обращению ни 1 000 ф. ст., ни 200 ф. ст., а взамен извлек из обращения товарные стоимости: за 200 — столько же, сколько он бросил в обращение, а за 1 000 — на 20% больше. Но тем не менее он доставил ту денежную сумму, посредством которой ему может быть оплачена товарная стоимость в 1 200 ф. ст., и если мы будем рассматривать капиталиста вместе с его партнерами по поглощаемой им прибавочной стоимости {«*поглотителями богатства*» называет «*Times*» в номере от 19-го ноября 1862 года [стр. 9] ланкаширских

* — в виде. *Ред.*

фабрикантов, а их рабочих — «*добытчиками богатства*»} * как одно лицо, то он действительно сам доставил те деньги, которыми ему платят; но доставил он их в обмен на товары, а сами деньги (поскольку это золото и т. д.) первоначально получил в обмен на труд своих рабочих.

[3) ОТНОШЕНИЯ ОБМЕНА МЕЖДУ ДВУМЯ КЛАССАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА]

Первый класс производительных капиталистов включает тех из них, кто производит жизненные средства в их конечной форме, в той форме, в которой они входят в индивидуальное потребление. Стоимость их *годового* продукта состоит из двух частей: [*во-первых,*] *постоянный капитал*, который содержит износ основного капитала, ежегодно входящий в продукт. Другая часть основного капитала, остающаяся непотребленной, не имеет никакого отношения к стоимости продукта (хотя [при определении] средней нормы прибыли прибыль и процент на эту часть авансированного капитала начисляются совершенно так же, как на всякую другую. Но даже и в этом случае основной капитал входит здесь [в стоимость продукта], так же как и во втором классе, лишь как ежегодное отчисление, как износ плюс прибыль на него. Эту часть мы здесь опускаем, так как прибавочную стоимость мы рассматриваем отдельно). Постоянный капитал состоит, далее, из сырья и вспомогательных материалов, которые частично in natura **, но каждый раз по своей полной стоимости входят в продукт, так как они полностью потребляются в процессе производства. *Во-вторых,* [стоимость годового продукта состоит из] *переменного капитала*. В руках капиталиста он существует в качестве денег, а как только они реализуются, — в качестве труда. Для рабочего, доставляющего тот товар, в котором реализуется данная часть капитала, последняя существует в качестве заработной платы. Наконец, третья часть стоимости продукта — *прибавочная*

---

* Это передовая статья по поводу манчестерского бедствия [131], когда манчестерские фабриканты выпрашивали по всей Англии милостыню для «своих бедных рабочих», трусливо завязывая, как совершенно правильно говорит г-н Кобден, свои собственные кошельки. Конечно. Милостыня со стороны тех, кто непосредственно не участвует в эксплуатации именно этих рабочих, есть филантропия. Но если бы сами капиталисты были вынуждены вместо заработной платы платить [XVII—1 060] своим собственным рабочим дань, как только они не смогут их эксплуатировать, то это «противоречило бы здравым принципам политической экономии» и, как намекнула «*Morning Star*», «имело бы привкус социалистического извращения».

** — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

стоимость, которая распадается на прибыль (процент) и частично на ренту.

Поскольку весь годовой продукт этого класса входит в годовое потребление, он входит в индивидуальное потребление. Здесь мы пока что совершенно оставим в стороне накопление и рассмотрим лишь простое воспроизводство. Часть этого продукта [XVII—1 060] покупается рабочими того же класса I, следовательно, оплачивается теми же деньгами, которые они получили от капиталистов в качестве *заработной платы*. Иными словами, те деньги, которыми оплачен переменный капитал этого класса, выкупают соответствующую им часть стоимости продукта. Тем самым эти деньги снова притекают к производительному капиталисту. Это не *возмещение* той части капитала, которую проели рабочие, но это — *обратный приток* к производительному капиталисту тех *денег*, которыми он оплатил рабочих и на которые он их покупает вновь. Та относительно незначительная часть прибавочной стоимости, которая была потреблена этим классом *in natura*, не требует превращения в деньги, так как она присваивается производителем в натуральной форме и не входит в обращение. Что же касается другой части [прибавочной стоимости], то соответствующая ей часть стоимости совокупного продукта класса I выкупается рентой, процентом, прибылью, выплаченными в предыдущем году (или, если предприятие действует, — по мере воспроизводства (поскольку речь идет о производительном капиталисте), или, если предприятие *открывается вновь*, — денежным резервом производительного капиталиста). Вследствие этого те деньги, которыми производительный капиталист выплатил ренту и процент, притекают к нему обратно. Не как возмещение того, что он заплатил, а как возмещение того, что он снова продает в виде товара, получая взамен доставленные им самим деньги. Это не возмещение выплаченных в предыдущем году процента, ренты и т. д., а обратный приток к производительному капиталу тех денег, которыми он заплатил земельному собственнику и рантье и которыми он им будет платить вновь. Он отдает им обратно те же самые денежные знаки в качестве чеков на причитающуюся им соответственную часть товарного избытка, представляющую собой их долю в прибавочной стоимости этих товаров. Наконец, если, например, капиталист *A* этого класса, распадающегося на огромное количество особых сфер, столь же многочисленных, как и сами жизненные средства, покупает жизненные средства у капиталистов *B, C, D, E*, то он превращает для них в деньги съеденную им самим соответственную часть продукта капиталиста *A* — часть, которая

проедается самим производительным капиталистом. Они, со своей стороны, делают то же самое для него, пока каждый не извлечет из кармана другого денежное выражение съеденной части своего продукта. Таким образом, к каждому притекают обратно те деньги, на которые он купил и вновь будет покупать товар другого. Тем самым превращена в деньги вся та часть стоимости продукта [класса] I, которая состоит из переменного капитала и прибавочной стоимости (прибыль, процент, рента).

Что же касается другой части капитала [класса] I — его постоянной части, — то она должна быть возмещена in natura, должна быть вновь превращена из формы конечного товара в элементы его производства, в сырье, машины, вспомогательные материалы и т. д. (Ту часть этих продуктов, которая сама вновь входит в их собственное воспроизводство в качестве условия производства, как, например, зерно, уголь и т. д., мы с этой точки зрения относим к [классу] II. Впрочем, зерно не является непосредственным жизненным средством, разве только мука. Но таковыми являются, конечно, фрукты, яйца и т. д., куры и т. д.) Либо эта часть капитала [класса] I должна быть куплена классом II. Следовательно, мы подходим теперь к денежному обращению между этими обоими классами.

Второй класс. Его продукт также состоит из *постоянного капитала* (сырье, вспомогательные материалы и износ основного капитала), *переменного капитала* и *прибавочной стоимости*, которая в свою очередь распределяется в форме прибыли (процента) и ренты. Но продукт этого класса не входит в индивидуальное потребление (можно было бы не принимать в расчет жилые помещения, которые входят как в индивидуальное, так и в производительное потребление. Но для ясности это разграничение необходимо). (Поскольку же он входит в индивидуальное потребление, он принадлежит к классу I, к тому подразделению этого класса, продукт которого одновременно является элементом переменного и постоянного капитала.) Ни деньги, которые представляют собой переменный капитал этого класса, ни прибавочная стоимость, которая реализована в его продукте, не могут быть израсходованы на продукт этого класса.

Для того чтобы теперь определить обращение между этими двумя классами, начнем с наиболее очевидного момента.

Класс II выплачивает свой переменный капитал деньгами, так же как и класс I, но эти деньги не притекают обратно к производительным капиталистам *непосредственно*, как это было в классе I. Рабочий покупает свои жизненные средства у класса I. Поэтому все денежное выражение переменного капитала

класса II притекает к производительным капиталистам класса I. Последние покупают на него у производительных капиталистов класса II продукт, т. е. постоянный капитал, сырье и т. д., стоимость которого равна стоимости переменного капитала класса II. Таким *окольным путем* к капиталистам класса II притекают обратно деньги, необходимые им *для выплаты заработной платы* и первоначально израсходованные ими самими. Вместе с тем они таким окольным путем продали часть своего продукта, равную стоимости переменного капитала, классу I, а последний превратил соответствующее этой величине количество своего продукта в составные элементы [производства] этого продукта. {Точно так же и в классе I это опосредствование должно иметь место у тех, кто производит такие жизненные средства, которые не входят в потребление рабочих. Их рабочие покупают [жизненные средства] у других капиталистов [класса] I и таким путем доставляют последним деньги, на которые те частично превращают в деньги процент, ренту, прибыль и (растрачивая их как доход) покупают на них у тех капиталистов класса I, которые производят жизненные средства не для рабочих. Тем самым они возмещают им деньги для обращения их переменного капитала. Одновременно это обращение служит им для превращения в деньги части прибыли и т. д.} {Как только получили свое развитие банки, деньги [XVII—1 061] для заработной платы фактически возвращаются к производительным капиталистам еженедельно, независимо от того, что в противном случае они возвращались бы к ним лишь окольным путем.} Во всяком случае мы здесь видим, как одна и та же сумма денег обращается между производительным капиталистом [класса II] и его рабочими, как затем она выплачивается этими рабочими производительным капиталистам другого класса и в качестве капитала расходуется этими последними на покупку товаров производительного капиталиста [класса II] и таким путем возвращается к последнему. Покупка постоянного капитала классом I, — так как это есть превращение капитала в его элементы, а не превращение дохода в жизненные средства, — происходит через более длительные промежутки времени и в большем количестве, соответственно тому масштабу, в котором осуществляется производство, и условиям воспроизводства капитала в каждой особой отрасли класса I. Следовательно, деньги, выплаченные [капиталистами класса II] в виде заработной платы, притекают обратно в класс II не еженедельно, а через более продолжительные промежутки времени и в большем количестве, так что по этим деньгам вообще не видно, откуда они поступают. Впрочем, и в земледелии, и

в определенных отраслях городской промышленности, даже если заработная плата выплачивается еженедельно, в определенные периоды применяется много труда, следовательно, выплачивается много заработной платы, в другие периоды года — мало. Обратный приток, следовательно, не осуществляется так просто, как действие часового механизма. Впрочем, здесь речь идет лишь о том, чтобы изобразить *существенное* движение. Его дальнейшие опосредствования должны быть исследованы вообще лишь в разделе о *кредите;* для понимания последнего, однако, необходимо предварительное знание этого существенного движения. Обмен той части продукта класса II, которая представляет собой его прибавочную стоимость, на существующий в виде жизненных средств постоянный капитал класса I, наглядно обнаруживается на мировом рынке, например обмен английского миткаля на хлопок или обмен английских машин и пряжи на иностранную пшеницу и т. д.

Что касается, наконец, дохода, пригодного к употреблению в этой сфере в форме прибыли (процента, ренты), то его превращенное в деньги бытие предыдущего года и т. д. проедается в виде последней остающейся части продукта класса I. Таким образом, к классу I притекают деньги, на которые он выкупает еще недостающую часть своего постоянного капитала у класса II. К последнему поэтому притекают обратно деньги для его прибавочной стоимости.

Таким способом производительные капиталисты классов I и II, помимо того, что фонды, составляющие их доход, воссозданы в форме денег, в состоянии выплатить деньгами процент и ренту предоставившему капитал заимодавцу и земельному собственнику; этими деньгами затем снова начинается весь процесс. Здесь следует опять заметить, что для класса I воспроизводство капитала является тем же, чем для класса II превращение в деньги его прибавочной стоимости; и далее, что тот *способ, каким деньги притекают из класса II в класс I,* — именно потому, что это происходит в форме ежедневных расходов или иногда (нерегулярно) в форме более значительных расходов, именно потому, что это есть расходование дохода, соответствующее поэтому потребностям и прихотям индивидуальных потребителей, — этот способ должен отличаться от того способа и той формы, какими та же самая сумма денег притекает обратно из класса I в класс II, ибо это есть обратное превращение капитала, существующего в виде денег, в производительный капитал; и те количества, в каких здесь покупают, так же как и сроки покупок, должны соответствовать условиям производства обоих капиталов.

Если капиталист расходует 200 ф. ст. как доход и бросает в обращение 1 000 ф. ст. как капитал, а извлекает из обращения 1 200 ф. ст., то ясно, что он извлек из обращения больше денег, чем бросил в него, так как в качестве капиталиста он бросил в обращение лишь 1 000 ф. ст., а 200 ф. ст. израсходовал на жизненные средства равной стоимости, которые перешли в его фонд потребления. Вообще он израсходовал их просто как владелец денег, как человек, который тратит деньги, а не как капиталист.

Класс I теперь возместил in natura весь свой постоянный капитал, в виде денег — свой переменный капитал, а также фонд своих доходов (прибыль (процент, рента)), и ему (так как здесь мы пока еще не говорим о накоплении) больше нечего ни покупать у класса II, ни выплачивать последнему. То обстоятельство, что часть сельского хозяйства, как, например, производство зерна и т. д., скотоводство и т. д., одновременно принадлежит классу II, т. е. одновременно является производителем постоянного капитала, нисколько не меняет дела. Поскольку эта часть сельского хозяйства принадлежит классу II, к ней относится то, что теперь будет развито в отношении класса II далее.

Выше мы показали, что, предполагая воспроизводство в том же самом масштабе, присоединенный в течение года новый труд, или произведенная стоимость, равные воспроизведенному переменному капиталу плюс прибавочная стоимость, не могут купить или оплатить ничего сверх того, что было только что рассмотрено, т. е. сверх годового продукта входящих в индивидуальное потребление предметов (класс I) и той части *продукта* производителей постоянного капитала, которая представляет собой переменный капитал и доходы этого класса II.

А. Смит был бы совершенно прав, если бы сказал, что эта часть годового продукта сводится всего лишь к доходу, который выплачивается в виде заработной платы, прибыли, процента, ренты. *Однако тут* он должен был бы *добавить, что этот совокупный доход возмещает весь постоянный капитал класса I*. Но А. Смит не прав, когда утверждает это же в отношении совокупного годового продукта, допуская, что постоянный капитал класса II также возмещается посредством собственного дохода и дохода класса I. Следовательно, неверно также и то, что А. Смит говорит далее. Но прежде [XVII—1 062] следует еще заметить, что под деловыми людьми [dealers] Смит понимает всех участвующих в процессе производства и процессе обращения капиталистов, а под потребителями — рабочих, капита-

листов, земельных собственников и т. д. и их слуг, поскольку они расходуют доход.

Он говорит:

«Обращение каждой страны можно рассматривать как нечто, разделенное на две различные области: *обращение между деловыми людьми и обращение между деловыми людьми и потребителями.* Хотя одни и те же денежные знаки — бумажные или металлические — могут употребляться то в одной из этих двух областей обращения, то в другой, *все же, поскольку оба эти процесса обращения происходят всегда в одно и то же время,* каждый из них требует для своего совершения определенной суммы денег того или иного рода. *Стоимость товаров, обращающихся между различными деловыми людьми, никогда не может превысить стоимость товаров, обращающихся между деловыми людьми и потребителями, поскольку все, что покупается деловыми людьми, в конечном счете предназначается для продажи потребителям»* («Wealth of Nations» в издании Мак-Куллоха, [том I,] стр. 141) [Русский перевод, стр. 237].

Это положение соответствует ошибочному делению Смитом стоимости товара на заработную плату, прибыль и ренту. Об этом см. предыдущее изложение [132]. А само это неверное воззрение в свою очередь покоится на том, что накопленный капитал — в том числе и постоянный — при капиталистическом способе производства первоначально проистекает из прибавочного труда, т. е. прибыль превращается в капитал, однако из этого ни в коем случае не следует, что уже превратившаяся в капитал прибыль состоит из «прибыли».

Стоимость товаров, обращающихся между различными деловыми людьми, всегда больше, чем стоимость товаров, обращающихся между деловыми людьми и потребителями, так как первое обращение включает обмен составных частей постоянного капитала в натуре, возмещающий часть стоимости капитала, которую потребитель никогда не оплачивает. *Одновременное* и параллельное осуществление движений — а всякий *последовательно осуществляемый момент метаморфоза и воспроизводства выступает вместе с тем как одновременно и параллельно осуществляемый момент* — помешало Смиту увидеть само движение. Иначе он увидел бы, что его воззрение, исходящее из неверного анализа естественной цены [133], не подтверждается, а опровергается денежным обращением капитала. Фраза относительно «деловых людей» и «потребителей» также неверна, так как деловые люди — производительные капиталисты — в указанном обмене выступают вместе с тем и как конечные «потребители», правда, как промышленные, а не как индивидуальные потребители.

По поводу вышеприведенного высказывания А. Смита, которое *Тук* делает одной из фундаментальных основ своей теории денег, он замечает следующее:

«Все сделки между деловыми людьми, под которыми следует понимать все виды продажи, начиная от производителя или импортера, затем на всех ступенях промежуточного процесса промышленной обработки или чего-либо иного и кончая розничным торговцем или купцом-экспортером, *могут быть сведены к движениям, или перемещениям капитала*. Так вот, перемещения капитала не предполагают с необходимостью — и на практике действительно не вызывают — того, чтобы при большом количестве сделок во время этих перемещений совершалась передача денег, т. е. банкнот или монеты, — я имею в виду вещественную, а не фиктивную передачу. Все движения капитала могут быть выполнены — и в огромном большинстве сделок выполняются — посредством банковских операций и кредита без посредничества действительных платежей монетой или банкнотами, т. е. действительными, видимыми и осязаемыми банкнотами, а не предполагаемыми банкнотами, которые отдаются одной рукой и принимаются обратно другой или, говоря точнее, приходуются на одной стороне бухгалтерской книги и тут же записываются как расход на другой ее стороне. *Другое важное соображение состоит в том, что общее количество сделок между деловыми людьми в конечном счете должно определяться и ограничиваться количеством сделок между деловыми людьми и потребителями*» (*Th. Tooke*. An Inquiry into the Currency Principle. London, 1844, стр. 34—36).

В заключительной фразе Тук со свойственной ему как практику грубостью повторяет положение Смита, лишая это положение его теоретической остроты. То обстоятельство, что «общее количество» «сделок между деловыми людьми» должно «в конечном счете» определяться количеством сделок между деловыми людьми и потребителями, не подлежит ни малейшему сомнению и является тривиальным. Капитал всего класса, который вообще применяется в производстве, зависит «в конечном счете» и поэтому определяется тем количеством продукта, которое производитель может продать, так как свою прибыль он получает только от того продукта, который он продает. Но об этом А. Смит не говорил, хотя Тук думает, что он повторяет положение Смита. Смит говорил: «*Стоимость* товаров, обращающихся между деловыми людьми», равна «*стоимости* товаров, обращающихся между деловыми людьми и потребителями». В цитированном сочинении Тук поглощен исключительно борьбой против «Currency principle»[134]. [XVII—1 063] Фраза Тука о том, что обращение между деловыми людьми сводится «к движениям, или перемещениям капитала» {его интересует здесь, в отношении его противников, лишь вопрос о том, *как сальдируются* взаимные обязательства, возникающие из обращения капиталов в процессе воспроизводства, т. е. теоретически со-

вершенно второстепенный вопрос}, показывает явное несовершенство всего способа рассмотрения. «Движения капитала»? Нужно было определить и проанализировать именно эти движения. В основе положения Тука лежит то, что он всегда *имеет в виду* движения капитала в *сфере обращения*, вследствие чего он здесь под капиталом всегда подразумевает денежный или товарный капитал. «Перемещения капитала», хотя они и представляют собой движения, весьма отличаются от движений капитала. Они относятся в действительности только к торговому капиталу и фактически означают только то, что те различные фазы, в которых капитал переходит из рук одного покупателя в руки другого, представляют собой *лишь его собственное движение в сфере обращения.* «Движения» же капитала представляют собой качественно различные фазы процесса воспроизводства. «Перемещение» капитала имеет место также и в том случае, когда переменный капитал в качестве заработной платы переходит в руки рабочих, где он превращается в «сумму обращающихся денег». Все дело состоит только в том, что в движениях капитала как такового — до его окончательного обмена в качестве товара с потребителем — деньги никогда не обращаются как платежное средство; поэтому они функционируют частично только как счетные деньги, частично — только для уплаты балансовой разницы, если таковая имеется. Исходя из этого, Тук заключает, что различие между этими двумя функциями денег есть различие между «капиталом» и «суммой обращающихся денег». Вообще говоря, он, во-первых, смешивает деньги и товар с деньгами и товаром как способами существования капитала, с денежным и товарным капиталом, и, во-вторых, он рассматривает определенную денежную форму, в которой обращается капитал, как различие между «капиталом» и «монетой».

У Тука хорошо следующее место:

«Банковское дело, оставляя в стороне выпуск векселей, оплачиваемых по требованию, может быть разделено на два вида операций, соответственно указанному А. Смитом различию сделок между деловыми людьми и между деловыми людьми и потребителями. Один вид банковского дела состоит в том, чтобы собирать капитал у тех, кто не находит для него непосредственного применения, и распределять или передавать его тем, кто может его применить. Другой вид банковского дела состоит в том, чтобы принимать вклады из доходов своих клиентов и выплачивать им суммы, необходимые для расходов на предметы потребления. Первый можно рассматривать как вид операций, проходящих за стойкой банковской конторы, а второй — как вид операций, проходящих перед стойкой банковской конторы, т. е. через нее. Первый есть *обращение капитала*, второй — *обращение средств обращения*».

(Иными словами, первый вид операций есть обращение денежного капитала. Но это не собственно *обращение* капитала, а его *перемещение*. Действительное обращение всегда включает в себя объективный момент процесса воспроизводства капитала. *Перемещение* капитала, как это имеет место у торгового капитала, ставит одно лицо на место другого, но капитал все еще находится в той же самой фазе, как и прежде. Всякий раз это — переход денег или титула собственности (или также товара) от одного лица к другому, однако деньги при этом не совершают никакого метаморфоза. В еще большей степени это относится к *перемещению* денежного капитала при ссуде и т. д. через посредство банкира. Это *перемещение* имеет место также и в том случае, когда капиталист свою превращенную в деньги прибавочную стоимость частично выделяет рантье и частично земельному собственнику. В этом последнем случае имеет место распределение дохода; в предыдущем — распределение капитала. Только перемещение торгового капитала от одного разряда купцов к другому приближает сам товарный капитал к его превращению в деньги.)

«Различение или мысленное отделение *того вида* банковского дела, который относится к *концентрации капитала*, с одной стороны, и к *его распределению — с другой*, от *того вида*, который занимается регулированием *обращения* для местных нужд округа, таким образом, весьма важно» и т. д. (цит. соч., стр. 36—37).

Совокупный продукт класса II, так же как и класса I, распадается на три части.

{Попутно заметим здесь следующее: *капитал*, в отличие от прибыли, означает *авансированную сумму стоимости*. Но она не есть сумма стоимости. Она — *капитал* и поэтому в этой форме включает в себя отношение к прибыли. До тех пор, пока прибавочная стоимость не реализована, до тех пор, следовательно, пока движение капитала как капитала еще не закончено, совокупный продукт (включая прибавочную стоимость) называется капиталом; он оплодотворен прибавочной стоимостью, но она еще не стала [XVII—1 064] самостоятельной по отношению к нему. Это — еще реализующийся капитал, т. е. просто капитал.}

1 2 3

Постоянный капитал — Переменный капитал. Прибавочная стоимость (прибыль, рента, процент).

Мы видели, как части 2) и 3) [класса II] были реализованы в обмене с частью 1) [класса I] и как они обращались. Теперь

нам следует рассмотреть первую часть, постоянный капитал [класса II].

Он состоит a) из *непотребленной* части основного капитала, которая не входит в стоимость продукта и поэтому не принимается в расчет; а во-вторых,

b) из той части стоимости, которая представляет собой износ основного капитала, а также вспомогательные материалы и сырье, если они имеются, и которая должна быть возмещена.

Так же как в классе I часть продукта, состоящая из прибыли, т. е. часть, израсходованная в качестве дохода, реализуется тем путем, что продукт съедается in natura * или путем обмена внутри различных отраслей производства этого же класса, точно так же и в классе II постоянный капитал реализуется либо посредством возмещения in natura в своей собственной отрасли производства, либо посредством обмена продуктами между различными отраслями этого же класса. Здесь продукты входят вновь в свое собственное производство в качестве условия производства (как, например, зерно в качестве семян, племенной скот и т. д.) или же продукт отрасли *A*, например, входит как условие производства в продукт отрасли *B*, а продукт отрасли *B* — в продукт отрасли *A*, как, например, железо входит в производство машин или машина в производство железа. Продукт отрасли *A* может входить в отрасль *B*, продукт отрасли *B* — в отрасль *C*, а продукт отрасли *C* — в отрасль *A*. Это сцепление — общее сбалансирование этих отраслей, не требующее того, чтобы [любые] две отрасли были в точности сбалансированы между собой, — нисколько не меняет дела. В сущности *деньги* здесь *выступают как платежное средство*, и поэтому движение [товаров] будет выравниваться без денег, посредством компенсации. Но так как тот период, в течение которого продукт *A* входит в *B*, может отличаться от того периода, в течение которого продукт *B* входит в *A* и т. д., то и здесь может иметь место и будет, в большей или меньшей мере, иметь место денежное обращение; особенно это имело место до того, как капиталистическое производство получило свое полное развитие. Во всяком случае здесь важно рассматривать это именно таким образом.

Так как фактически здесь *имеет место обмен постоянного капитала на постоянный капитал* и продукты просто взаимно меняют свое место в процессе производства, то деньги постоянно притекают обратно к тому, кто их расходует. Например, если фабрикант машин покупает железо, для того чтобы возместить

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

свою машиностроительную машину, то в это возмещение входит: 1) износ самой машиностроительной машины; этот износ он сам себе авансирует, 2) железо и т. д. Он покупает его у фабриканта железа; фабрикант железа покупает у него машину, для того чтобы возместить износ своих собственных машин, и таким образом деньги притекают обратно к машиностроителю.

Даже там, где продукт непосредственно входит в свое собственное воспроизводство, вследствие разделения труда может иметь место денежное обращение, воспроизводство капитала может сопровождаться денежным обращением. Фермер может продать все свое зерно и купить семена у другого фермера. Но тогда последний должен выращивать семена и для себя, и для другого. Для одного часть стоимости зерна представляет собой покупательную цену, которую он должен заплатить за возмещение семян, для другого — его переменный капитал плюс прибавочная стоимость. В этом случае деньги не притекают обратно непосредственно от одного к другому. Однако в этом случае производитель семян должен израсходовать деньги, для того чтобы купить жизненные средства, в том числе зерно. Этими деньгами он оплачивает своих рабочих и расходует их на собственный доход. Деньги его рабочих частично притекают обратно к арендатору [производителю зерна]. Рабочие производителя семян также принадлежат к той публике, которая дает возможность производителю зерна продать все свое зерно. То же самое имеет место в скотоводстве. Один желает лишь откармливать скот для продажи в качестве жизненного средства, а другой — выращивать племенной скот для возмещения постоянного капитала скотовода.

Эта сводящаяся к постоянному капиталу часть продукта производительных капиталистов, производящих постоянный капитал для класса I, *точно так же как и любая другая часть продукта, есть продукт годового труда, т. е. воспроизводится лишь проходя через процесс труда. Но ее стоимость есть результат прошлого, прошлогоднего и т. д. труда.* И в качестве такой стоимости эта часть продукта выкупает ту часть продукта, которая требуется для ее воспроизводства. Чем более развито капиталистическое производство, чем в большей степени, следовательно, результат прошлого труда входит в качестве агента в производство, тем больше эта достающаяся производству и никогда не покидающая его сферы часть продукта, тем бо̀льшая составная часть стоимости продукта сводится к возмещению постоянной части постоянного капитала. Но и тем производительнее становится труд. Сама эта стоимость

зависит не от того труда, которого она стоила, а от того труда, которого стоит ее воспроизводство. Следовательно, по мере того как она, с одной стороны, постоянно накапливается с развитием капиталистического производства, она, с другой стороны, постоянно обесценивается в более или менее продолжительные периоды. Ее стоимость остается постоянной лишь до тех пор, пока не изменится способ производства.

[4) СОВОКУПНОЕ ДВИЖЕНИЕ ТОРГОВОГО КАПИТАЛА. НАКОПЛЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА]

[XVII—1 065] Теперь должно быть рассмотрено еще:
1) *Накопление,* специально в связи с деньгами.
2) *Одновременность* движений.
3) *Производитель золота и серебра.*
4) *Торговый капитал* в совокупном движении.

Что касается, прежде всего, пункта 4), торгового капитала, то мы уже разъяснили его движение на одном примере, на примере лавочника, который продает рабочим жизненные средства. Поставим на место этого купца сферы *A*[135] весь класс этих лавочников. Их дело по-прежнему заключается в том, чтобы продавать рабочим товары производителей и получать от рабочих обратно денежную заработную плату. Их капитал возмещается *в деньгах,* а их *прибыль реализуется* посредством тех же самых денег, которые первоначально существовали как переменный капитал, потом как денежный доход рабочих, а теперь выплачиваются последними лавочникам в виде монеты, для того чтобы реализовать принадлежащую рабочим в совокупном продукте долю в соответственных частях этого продукта. Собственный денежный капитал лавочника, в той мере, в какой он не вложен в издержки обращения, заключается в его обращающемся денежном капитале. Если каждый раз, когда он делает закупки, он покупает на 200 ф. ст., на 100 — в кредит и на 100 — наличными, то он авансировал 100 ф. ст. денежного капитала, постоянно пребывающего в обращении. На эти 200 ф. ст., если они обращаются 40 раз, он постепенно покупает товар стоимостью в 8 000 ф. ст. Дело не меняется от того, что один лавочник этой сферы *A* покупает у пятидесяти различных производителей, а пятьдесят лавочников этой же сферы, в свою очередь, покупают у одного производителя. Столь же мало меняет дело то, что этот лавочник частично проедает свою прибыль в виде своих собственных товаров, частично покупает на нее товары у других лавочников, которые вследствие разделения труда,

в свою очередь, покупают у него; так что деньги, реализующие прибыль этого класса, снова совершают промежуточное обращение (в процессе расходования дохода) между различными агентами этого класса. То, что лавочник съедает, покупая у других, реализует их прибыль, а то, что другие съедают у него, реализует его прибыль. Но вследствие этого каждый из них должен на эти деньги (в которых реализуется их прибыль) снова купить часть товаров у производителей, для того чтобы возобновить это потребление. Например, если лавочник *a* этого класса лавочников покупает у производителей на 100 ф. ст. и приобретает товаров на 110 ф. ст., за которые он получает от рабочих 110 ф. ст., то его прибыль составляет 10%. Но если он покупает на 110 ф. ст. товаров и съедает их на 10 ф. ст., то он по-прежнему продает рабочим на 100, а получает 110. Но эти 10 возвращаются обратно к производителю за съеденный лавочником товар. Лавочник получает полную стоимость товара, следовательно, за 10, если прибыль составляет 10%, он получает товар на $10^1/_{10}$ ф. ст., но этот товар он съедает. Если же на 10 ф. ст. он покупает у лавочника *b*, то последний реализует в этих 10 ф. ст. свою прибыль, но должен вернуть *своему* производителю $9^1/_{11}$ ф. ст., для того чтобы возместить товар. И если лавочник *b* покупает у лавочника *a* на 10 ф. ст., то это же делает и последний.

Предположим, что весь продукт, который производители класса I (та часть производителей, которая производит жизненные средства и притом также и ту часть из них, которая продается рабочим) продают указанному классу лавочников сферы *A*, равен 500 000 ф. ст.

Предположим, что имеются пять оптовых торговцев, покупающих на эти 500 000, а их капитал оборачивается 5 раз в год. Каждую пятую часть года они покупают в целом на 100 000. Каждый из пяти оптовых торговцев — на 20 000. Тем самым каждый из них за весь год покупает на 100 000, стало быть, все вместе — на 500 000. Предположим, что их прибыль составляет 10%. В этом случае годовая прибыль на 20 000 равна 2 000 ф. ст., а каждую $^1/_5$ года — 400 ф. ст.

Итак, *по видимости* капиталист продает каждому из пяти оптовых торговцев каждую пятую часть года товар на 20 400 ф. ст. за 20 000 ф. ст. Эти пять оптовых торговцев продают в течение каждой $^1/_5$ года лавочникам — розничным торговцам класса *A*. Последних имеется, допустим, 100; они продают ежедневно и ежечасно, а покупают у оптовых торговцев, быть может, также лишь каждую пятую часть года или же через меньшие промежутки времени — ежемесячно. Предполо-

жим, надбавка к цене у этих лавочников составляет 20%, а именно 10% — прибыль и 10% — возмещение их издержек обращения (которые следовало бы вычесть также у пяти оптовых торговцев, но ради упрощения это сделано не было). Товарная стоимость в руках одного оптового торговца равна 20 400 ф. ст., а в руках пятерых — 102 000 ф. ст. (так как это за $^1/_5$ года, то за год это будет товар в 510 000 ф. ст.). Из этих 102 000 ф. ст. каждый лавочник должен купить на 1 020 ф. ст. На одного оптового торговца приходилось бы 20 лавочников, а $^1/_{20}$ от 20 400 составляет 1 020 ф. ст. 10% от этих 1 020 ф. ст. составляют 102. Но предположим, что этот лавочник производит свои закупки 10 раз в год. В таком случае, для того чтобы купить товар на 1 020 ф. ст. за пятую часть года, ему требуется лишь [половина этой суммы, т. е.] 510 ф. ст. [136]

[XVII—1 065 *a*] Предположим, что вся заработная плата для классов I и II равна 550 000 ф. ст. Это есть, следовательно, та товарная стоимость, которую *класс лавочников сферы А* продает рабочим. Для того чтобы лавочник получил 10% прибыли, он должен за 550 000 ф. ст. заплатить на $^1/_{11}$ меньше того, что в них заключено. Это составляет 50 000 ф. ст. Так что он заплатил бы только 500 000 ф. ст. за товарную стоимость в 550 000. Но предположим, что лавочник оборачивает свой капитал 10 раз в год, иными словами, возобновляет свои закупки 10 раз в год, т. е. два раза за пятую часть года. В таком случае он должен авансировать капитал лишь в 55 000 ф. ст. И годовая прибыль в 10% на этот капитал равна 5 500 ф. ст., а за каждую $^1/_5$ года это составляет 1 100 ф. ст. Если предположить, что налицо 100 лавочников, тогда каждый авансирует лишь 550 ф. ст. капитала. И на каждого за пятую часть года приходится 11 ф. ст. прибыли. Но лавочник за $^1/_5$ года продает рабочим на 1 100 ф. ст. Это составляет 5 500 в год на одного лавочника и 550 000 на 100 лавочников. Из этих 1 100 ф. ст. он получает 11 ф. ст. прибыли. Следовательно, товар обходится ему лишь в 1 089 ф. ст., а за год — в 5 445 ф. ст. А 100 лавочникам он обходится в 544 500. Так что товар стоимостью в 550 000 ф. ст. производитель продал бы им за 544 500 ф. ст. Далее, однако, следует вычесть ту прибыль, которую лавочник получает на капитал, вложенный в издержки обращения, в лавку и т. д.; затем вычесть износ этого капитала, наконец, вычесть ту часть надбавки к цене, которая проистекает из капитала, вложенного в производительный труд в розничной торговле, которая равна его издержкам и прибыли. Предположим, что все это составляет столько же, сколько составляет прибыль на капитал, постоянно обращающийся для закупок.

Следовательно, необходимо вычесть еще 11 ф. ст., приходящихся на пятую часть года. Таким образом, из 1 089 ф. ст. необходимо вычесть 11 ф. ст., остается 1 078. Но для того чтобы упростить дело, мы предполагаем, что эти вторые 11 ф. ст. являются надбавкой к цене, которая включает в себя издержки (издержки обращения и издержки производства) и прибыль на производительную часть капитала. В расчете на год на одного лавочника 11 ф. ст. превращаются в 55, а в расчете на 100 лавочников — в 5 500. Следовательно, эти 5 500 мы вычитаем, так как они не содержатся в стоимости купленного товара, а впервые добавлены к ней лавочником. Остается *544 500*. Это — *действительная товарная стоимость,* которую лавочники ежегодно покупают у производителя. Из них опять вычитается 5 500 на прибыль. Остается *539 000*. Следовательно, лавочник ежегодно платит 539 000 производителю, за что получает у него 544 500 товарной стоимости, добавляя к ней 5 500 частично в виде издержек обращения, частично в виде издержек производства (включающих прибыль, которую, однако, лавочник создает сам как капиталистический производитель). Следовательно, мы теперь имеем:

Рабочие ежегодно покупают товарную стоимость, равную 550 000.

100 лавочников ежегодно продают им на 550 000; это им обходится в 539 000 (причем 5 500 стоимости добавлено ими самими). А от производителя ими получена за 539 000 товарная стоимость, равная 544 500.

Каждый из 100 лавочников ежегодно продает на 5 500 ф. ст., за $^1/_{10}$ года — на 550 и за $^1/_5$ года — на 1 100 ф. ст. Из этих 1 100 ф. ст. вычитается стоимость в 11 ф. ст., которую добавляет лавочник; остается 1 089 ф. ст. (приходящиеся на $^1/_5$ года). Эти 1 089 ф. ст. стóят лавочнику *1 078* (за $^1/_5$ года) и 5 390 — за целый год, а 100 лавочникам — *107 800* за $^1/_5$ *года* и 539 000 за целый год. Следовательно, 20 этих молодцов [приходящихся на одного оптового торговца] покупают за $^1/_5$ года на *21 560* и получают за это товарную стоимость, равную 1089 × 20 = = *21 780* ф. ст. [XVII—1 065 *a*]

[XVIII—1 068] [137] Предположим, что на 100 лавочников приходится лишь пятеро *оптовых торговцев*. Последние должны, следовательно, ежегодно продавать первым товарную стоимость, равную 544 500, а за $^1/_5$ года — 108 900. Однако в качестве платы за эту товарную стоимость оптовые торговцы получают от лавочников лишь 107 800.

Каждый из пяти оптовых торговцев должен продавать за $^1/_5$ года двадцати розничным торговцам. Иными словами, каждый должен продать товарную стоимость в 21 780 ф. ст., за которую он получает деньгами 21 560. Однако за эти 21 560 каждый оптовый торговец должен сначала получить от производителя товарную стоимость в 21 780 ф. ст. Но он должен получить за них больше, так как он должен иметь и свою прибыль. Предположим, что его капитал обращается 5 раз в год. Все пятеро оптовых торговцев покупают у производителя за год на 539 000 ф. ст. Но делают они это капиталом, равным 107 800. 10% от этого капитала составляют 10 780 ф. ст. в год. А на $^1/_5$ года приходится *2156* ф. ст. Следовательно, каждый из пяти оптовых торговцев за $^1/_5$ года получает $431^1/_5$ ф. ст. прибыли. Стало быть, каждый из оптовых торговцев покупает у капиталиста за $^1/_5$ года товар на 21 780 ф. ст., который обходится им деньгами в 21 560 ф. ст. минус $431^1/_5$ ф. ст. Оптовый торговец, следовательно, платит за этот товар $21\,128^4/_5$ ф. ст., иными словами, пятеро оптовых торговцев платят за $^1/_5$ года 105 644, а за целый год — 528 220. Таким образом, производитель за 528 220 фактически должен доставить 544 500 товарной стоимости; следовательно, оставляя в стороне стоимостную прибавку розничного торговца, [стоимостная прибавка оптового торговца] не составляет и $3^1/_2$% той товарной стоимости, которую отдает капиталист.

Здесь важно только то, что вмешательство оптового торговца ничего не меняет в ранее описанном кругообороте между лавочником, производителем и рабочим; но рабочие здесь — не только рабочие класса I, производящие жизненные средства для рабочих. Вместо того чтобы [XVIII—1 069] розничный торговец один клал себе в карман ту скидку, с которой производитель продает ему товар, эта скидка распределяется между оптовым торговцем и розничным торговцем. Другими словами, между ними делится та часть прибавочной стоимости, которая сводится к торговой прибыли. Вместо того чтобы денежная заработная плата, выплачиваемая капиталистом его собственным рабочим, возвращалась к нему при посредстве лавочника (но теперь уже для обратной покупки не только заработной платы — в виде товара, — но и прибыли лавочника), денежная заработная плата всех рабочих класса I и класса II при посредстве лавочника и оптового торговца (при обратной покупке товаров, приходящихся на долю рабочих, плюс реализация в товарах прибыли оптовых и розничных торговцев) притекает обратно к производителям класса I, которые отчасти возмещают ею в деньгах свой переменный капитал, отчасти покупают

постоянный капитал у класса II, посредством этих денег вновь получающего тот денежный фонд, из которого он выплачивает заработную плату.

Точно так же, как с лавочником и оптовым торговцем *A*, обстоит дело и с лавочником и оптовым торговцем *B*, которые продают жизненные средства владельцам прибавочной [стоимости], проедающим ее.

Мы видим, что продукт производителей класса I, сколько бы их ни было, собирается в пяти резервуарах у оптовых торговцев, затем разветвляется на 100 резервуаров у розничных торговцев, откуда он постепенно, ежедневно и ежечаспо, поступает в обращение между розничным торговцем и потребителем. При возврате денег, напротив, не происходит такого всевозрастающего их разделения, как при обращении товара. Наоборот. Деньги рабочих концентрируются у 100 розничных торговцев, затем собираются в пяти резервуарах у оптовых торговцев и вновь разделяются только тогда, когда они возвращаются к отдельным производителям.

При обращении товара имеет место простое перемещение от производителя к оптовому торговцу, от оптового торговца к розничному торговцу, который только и продает товар окончательно. Точно так же при возврате денег имеет место перемещение притекающих обратно к капиталисту денег (возврат капитала, если капиталист продает в кредит, но возврат денег, а именно денег как покупательного средства, т. е. возврат его капитала в *денежной форме,* если он продает за наличные деньги) от розничного торговца к оптовому, от оптового торговца к производителям.

Совершенно так же обстоит дело с теми торговцами, которые опосредствуют куплю и продажу постоянного капитала, т. е. покупают и продают в целях промышленного потребления. И здесь [торговая] прибыль заключается в том, что они покупают товар ниже его стоимости, а продают его по его стоимости и тем самым получают свою долю в прибавочной стоимости товара. Это обращение само по себе ничего другого не выражает. Например, оптовый торговец покупает пряжу у прядильщика, продает ее ткачу или покупает лен у фермера, продает его фабриканту льняной пряжи. В действительности прядильщику платит ткач. Обращение этих особых торговых капиталов скрывает действительное движение, действительную взаимосвязь, так как при этом постоянно продается определенный товар. Например, в обращении между производителем льна, торговцем и прядильщиком проявляется только то, что прядильщик постоянно покупает у производителя льна, Каждый

отдельный акт процесса воспроизводства выступает, таким образом, раздельно и обособленно.

Теперь мы переходим к *накоплению*.

{Но предварительно еще следующее. При оценке общей прибавочной стоимости очень важно включать в счет *торговую прибыль*, так как здесь скрывается часть прибавочной стоимости, а кажется, будто она проистекает из какой-то *особой сферы производства*.}

А теперь возвратимся к стр. 1065 тетради XVII, к пунктам 1) и 3) (накопление и производитель золота) *. В процессе воспроизводства мы имеем:

1) *Класс производителей, производящих жизненные средства*, те элементы, к которым сводятся переменный капитал и часть продукта, производимая в качестве прибавочной стоимости и расходуемая как доход.

2) *Класс производителей*, производящих *постоянный капитал* для указанного первого класса. Он состоит в конечном счете из отраслей, которые доставляют классу I элементы постоянного капитала: сырье, семена (будь то зерно или племенной скот; семена в животном царстве — это сам скот, в растительном — собственно семена), и производят машины, сосуды и орудия (мы видим, как даже в земледелии производство семян, будь то в животном или в растительном царстве, может в качестве самостоятельной отрасли производства отделиться от производства для потребления).

[XVIII—1 070] Правда, дом может служить постоянным капиталом, или входить в индивидуальное потребление, или одновременно быть и тем и другим. Уголь, дрова, лошадь — также; повозка, некоторое количество мелких инструментов и сосудов входят в потребление как его *постоянные части*, как орудия потребления. Это ничего не меняет в деле. В той мере, в какой производители продают индивидуальным потребителям, они принадлежат к классу I, в той мере, в какой они продают производителям, они принадлежат к классу II. Для одной категории производителей имеет значение то, что предназначено для нее; для другой категории — то, что предназначено для этой последней.

Наряду с этими классами производитель тех товаров, которые функционируют в качестве денег, производитель благородных металлов, образует категорию sui generis **. Для простоты мы говорим о производителе золота только как производителе

---

* См. настоящий том, стр. 223. *Ред.*

** — своеобразную, специфическую. *Ред.*

денежного материала. Ради упрощения (так как странам, производящим благородные металлы, свойственно некое своеобразие, которое не относится к этому общему рассмотрению) мы перемещаем производителя золота в страну самого̀ капиталистического производства.

Заметим мимоходом, что по той же самой причине мы исключили внешнюю торговлю; экспортер и импортер сами являются всего лишь разновидностями оптовых торговцев. Экспортер вывозит жизненные средства, которые входят в потребление в готовом виде; в этом случае он относится к оптовым торговцам, которые в процессе воспроизводства лишь опосредствуют перемещение продукта к розничным торговцам, с тем чтобы от них этот продукт непосредственно притекал в сферу потребления. Или же он экспортирует сырье, полуфабрикаты, вспомогательные материалы, машины, орудия труда. В этом случае он опосредствует обмен между самими производителями. В одном случае имеет место *Т* — *Д*, а в другом — *Д* — *Т*, превращение товарного капитала в деньги или денежного капитала в товар. Следовательно, по сути дела экспортер не отличается от двух основных категорий оптовых торговцев. Импортер же является тем же самым, что и экспортер. Экспортер одной страны является импортером для другой, а импортер одной страны — экспортером для другой. Правда, в одной и той же стране, например в Англии, имеются экспортеры и импортеры. Но экспортер импортирует в другие страны, а импортер экспортирует из других стран.

Золото в качестве сырья и вспомогательного материала входит в некоторые виды производства предметов роскоши. В той мере, в какой производитель золота продает золото производителям этих предметов, он принадлежит к классу II, который производит и продает элементы постоянного капитала.

Каждая часть продукта — каждый отдельный товар или доля его, рассматриваемые сами по себе, — содержит равную долю прибавочной стоимости. (Наше деление, однако, имеет место и на практике. Если $^2/_3$ продукта состоят из издержек, а $^1/_3$ представляет собой прибавочную стоимость, и если бы капиталист продал лишь $^1/_3$, то он возместил бы только свой переменный капитал; если бы он продал $^2/_3$, то он возместил бы свой переменный и постоянный капитал и не реализовал бы никакого дохода, хотя каждая часть товара и каждый отдельный товар равным образом продавались бы по своей цене производства, следовательно, некоторая часть прибавочной стоимости была бы реализована.) В каждой части товара производитель золота

реализует столько же прибыли, сколько и в любой другой, так как в золоте заключен неоплаченный труд, и он pro rata * реализует этот неоплаченный труд. Но реализует его лишь формально, ибо не получает никакого другого товара, а превращает золото из формы слитка в денежную форму, что он мог бы сделать также, отправляя его на монетный двор. (Правда, для него не безразлично, чеканится ли монета безвозмездно, как в Англии, или за это уплачивается монетная пошлина, как во Франции.) Вообще для производителя золота ясно проявляется то, что прибавочная стоимость проистекает не из обращения, а из производства, так как она уже в производстве обладает той формой, в которой способна к обращению. Однако это обращение между производителем золота и производителем, потребляющим золото, важно вследствие следующего положения. В этой сделке производитель золота извлекает деньги из обращения, вместо того чтобы бросать их в него, так как золото, которое он бросает в обращение, входит в него не как деньги, а как элемент производства.

Следовательно, в той стране, где находится золотой прииск и т. д., предполагается среднее производительное потребление золота, так же как и всех других товаров, образующих для других товаров предмет [труда] или же вспомогательный материал. Если бы в данном случае это потребление было так велико, что покрывало заработную плату [рабочих] производителя золота и его прибыль (следовательно, ту часть, которую он тратит в качестве дохода), то имели бы место два случая.

1) Вся эта часть годового производства золота в виде денег не входит ни в качестве обращающихся денег (монеты) в обращение между розничным торговцем и индивидуальным потребителем, ни в качестве денежного капитала в сделках между производительными потребителями. {Различие между монетой и деньгами здесь проводится в той мере, в какой денежный капитал выплачивается рабочему монетой, так как он должен циркулировать в обращении между розничным торговцем и конечным потребителем; между тем в тех сферах, где он движется между производительными потребителями, т. е. производительными капиталистами, он не входит в это обращение, служит, главным образом, платежным средством и в руках последних перестает быть представителем капитала, каковым он является в руках конечного потребителя. Одновременность и параллельность прохождения различных последовательных фаз обращения, которые вместе с тем всегда представляют собой

* — соответственно, пропорционально. *Ред.*

противоположные фазы для различных капиталов, порождают различного рода деньги, в виде которых обращаются капитал, с одной стороны, и доход — с другой. Переход одного вида денег в другой опосредствуется обменом.}

[XVIII—1 071] 2) Здесь имеет место обратный приток — и притом повторяющийся — денег (из обращения) к производителю золота. Если, например, потребитель золота, золотых дел мастер и т. д. платят производителю золота каждую четверть года или покупают у него каждую четверть года, то здесь, следовательно, в предположенном нами случае, налицо приток денег из самого обращения для выплаты заработной платы. И производителю золота необходимо было бы иметь в резерве в виде монеты лишь заработную плату за четверть года, так как последняя притекает к нему обратно из обращения каждую четверть года. Золотых же дел мастер и т. д. возмещает свой денежный капитал, который он израсходовал на покупку золота, деньгами тех, кто расходует свой доход, тех, к которым отчасти принадлежал бы также и сам производитель золота. Если бы это потребление золота было достаточно значительным, то оно доставляло бы производителю золота не только деньги на заработную плату, но и на доход (на расходуемую в качестве дохода часть прибыли производителя (а также на ренту)). При этом следует принять во внимание то, что производителю золота, как и всякому другому капиталисту, необходима лишь соответственная часть, и притом относительно небольшая часть годовой заработной платы в денежном выражении, для того чтобы выплатить ее, и что при расходовании своего собственного дохода он также нуждается лишь во много меньшем денежном выражении его годовой стоимости, так как те же самые деньги притекают обратно и выполняют свою службу вновь.

Допустим, что производитель золота должен ежегодно выплачивать своим рабочим 12 000 ф. ст. Это составляет, стало быть, 1 000 ф. ст. в месяц и примерно 240 ф. ст. в неделю, если работают 50 недель в год. Предположим, что этот производитель еженедельно авансирует деньги в начале первой четверти года, а так как они не притекают к нему обратно, то он авансирует их в течение всей этой четверти года. В конце ее он продает на 3 000 ф. ст. золота золотых дел мастеру и т. д. (а именно, если год равен 50 неделям, а в неделю авансируются 240 ф. ст., то четверть года равна $12^1/_2$ неделям, что соответствует 3 000 ф. ст.). Во вторую четверть года он, следовательно, больше не должен увеличивать денежное обращение на новые 3 000 ф. ст., он оставляет эти 3 000 ф. ст. у себя или у своего

банкира и каждую неделю берет из них по 240 ф. ст., снова выпуская их в обращение. Не подлежит никакому сомнению, что именно так и было бы в промышленной стране. Необходима была бы лишь небольшая часть продукта, которая продавалась бы производительным потребителям золота, для того чтобы таким путем заработная плата постоянно притекала из обращения. Поэтому для данной части капитала производителя золота и, смотря по обстоятельствам, также и для денежного выражения его дохода не требуется с его стороны никакого добавления к обращению, поскольку оно происходит между индивидуальными потребителями и производителями. Это обстоятельство совершенно упускает из виду Рикардо в своей гипотезе, согласно которой золотые прииски находятся в самой стране капиталистического производства, например в Англии [138].

Для этой части продукта производителя золота имел бы место обратный приток денег, так как, продавая золото как товар, он не покупает на него, не расходует его как деньги.

{Внутри капиталистического производства *цена издержек* [139] никогда не равна стоимости. *Цена производства* может быть равна стоимости, если случится так, что и 1) капитал, который придает товару окончательную форму, и 2) капитал, который доставляет машины и сырье, т. е. если оба они имеют среднее органическое строение. Как бы ни отличались цены производства товаров, образующих *переменный* капитал, от их стоимости, *количество* этих товаров, образующее заработную плату, всегда равно (в среднем) тому рабочему времени, которое необходимо рабочему, для того чтобы воспроизвести это количество, равно стоимости той рабочей силы, на которую обменивается переменная часть капитала. Эта часть, какова бы ни была ее цена, равна своей стоимости. Следовательно, для того чтобы цена производства товара была равна его стоимости, достаточно, чтобы обе остальные части — прибавочная стоимость и постоянный капитал — имели среднее строение.}

Итак, в дальнейшем мы оставляем совершенно в стороне ту часть золота, которая в качестве сырья входит в производство других товаров и поэтому — в постоянный капитал других сфер производства.

Что же касается положения производителя в производстве золота (как оно очерчено выше), то оно sui generis *. Продукт, товар, который он произвел, не может войти как элемент ни в постоянный, ни в переменный капитал других сфер производства, следовательно, он не входит, как было рассмотрено выше,

* — своеобразно, специфично. *Ред.*

в реальный процесс воспроизводства. Этот товар не входит также в собственный постоянный или переменный капитал производителя золота. Точно так же он не входит в ту категорию товаров, на которые непосредственно расходуется доход. С другой стороны, однако, этот товар непосредственно обладает такой формой, в которой он в качестве денег может поступать на мировой рынок, так же как посредством всего лишь технического преображения он может быть превращен в национальные деньги. Он может непосредственно действовать как деньги, т. е. покупать. Превращенная форма товара есть его первоначальная форма. Поэтому он непосредственно обладает также абсолютной формой обращающегося капитала, формой денежного капитала.

Таким образом, производитель золота может непосредственно покупать, не будучи вынужденным продавать. Его товар может быть непосредственно превращен в любой другой товар, совершенно независимо *от его отношения к существующим условиям производства тех товаров,* на которые он [XVIII—1 072] обменивается, которые он покупает.

Мы переместили производителя золота в страну капиталистического производства. Для этой сферы капиталистического производства имеет силу то же, что и для всякой другой: она может поглотить лишь свою пропорциональную часть капитала и труда при условии, что норма прибыли не должна упасть ниже средней прибыли. В других сферах производства, там, где прибавочная стоимость распадается на прибыль и ренту, относительное перенасыщение этих сфер капиталом сначала затронуло бы только ренту, а прибыль — лишь в том случае, если бы их относительное перенасыщение капиталом и трудом продолжалось даже после того, как прибыль поглотила бы ренту. Предположим, что вложенный в производство золота капитал приносит 30% — 10% прибыли и 20% ренты. Если бы в этой сфере было применено на какое-то количество больше капитала и труда, которое было бы отвлечено от других сфер, то, например, [затраты на] жизненные средства и постоянный капитал производителя золота (т. е. машины и т. д., которые он должен купить) возросли бы со 100 до 120. Эти 120 по-прежнему оплатили бы то же самое вещественное количество средств производства, т. е. то же самое количество труда, и сохранилось бы такое же, как и прежде, соотношение между машинами и т. д. и данным количеством труда. Продукт по-прежнему был бы равен 130, независимо от того, равен ли авансированный капитал 100, 110 или 120. Если мы примем последнее, то не только отпала бы рента, но и около 20% прибыли, ибо 120 : 10 =

$= 100 : 8^1/_3$. Итак, рента в 20% исчезла бы, а прибыль уменьшилась бы с 10 до $8^1/_3$%. Стало быть, примененные в производстве золота капитал и труд находятся в определенном отношении к массе капитала, примененного во всех других сферах производства, или приводятся к такому отношению посредством выравнивания нормы прибыли.

Производитель золота может купить на него все, что хочет (т. е. любой из товаров, которые он находит на рынке); следовательно, с одной стороны, жизненные средства, с другой стороны, средства производства. Ту часть своего продукта-золота, которая представляет собой прибавочную стоимость (прибыль, ренту), он может потребить в этой форме, т. е. фактически припрятать ее про запас, с тем чтобы впоследствии превратить ее либо в доход, либо в капитал. В той мере, в какой производитель золота это делает, он накопляет часть своего продукта в натуральной форме, совершенно так же, как крестьянин или машиностроитель.

Что же касается, далее, той части, которую он обменял на жизненные средства или средства производства, то отныне часть продукта, которую производители этих товаров продали производителю золота, существует целиком в виде золота, т. е. в такой форме, в которой процесс воспроизводства их товаров не может быть возобновлен. Для того чтобы они могли воспроизводить в том же самом масштабе, та же самая часть их продукта (предполагая, что не произошло никаких изменений в стоимости составных элементов их производства) должна быть снова превращена в сырье, машины и т. д. Например, продавцы жизненных средств, т. е. товаров в той их конечной форме, в которой они входят в индивидуальное потребление, не нуждаются в золоте ни как в сырье (полуфабрикаты, вспомогательные материалы) (ибо оно уже выделено для золотых дел мастеров и т. д.), ни для возмещения своих средств производства. Далее предположено, что сфера обращения уже достаточно наполнена, для того чтобы путем своих отливов и приливов возместить весь переменный капитал в форме денег и т. д., так же как и часть обращающегося капитала, которая должна обращаться как денежный капитал. Прибавочную стоимость, содержащуюся в тех товарах — жизненных средствах, которые этот класс продал производителям золота и в обмен за которые он теперь обладает золотом, он может накоплять в виде золота, задержать золото как форму прибавочной стоимости, сохранить эту прибавочную стоимость в форме золота, припрятать, придержать ее. Но класс производителей жизненных средств должен возместить себе сырье и машины (предполагается, что производство

золота для потребления предметов роскоши возмещает производителю золота его денежное обращение, так что ему не нужно для этой цели бросать в обращение другие деньги; но та часть товара, которую он съедает, и, оставляя эту часть в стороне, та часть труда, которая заключена в съеденном им товаре, должны быть возмещены производителем этого товара посредством купли нового труда), так как мы допускаем, что существовавшее до сих пор обращение достаточно, для того чтобы выплатить переменный капитал в виде денег. Следовательно, производитель жизненных средств на полученную им часть золота — на ту часть, которую он сохраняет как непосредственную форму своей прибавочной стоимости (прибыли), — покупает полуфабрикаты, вспомогательные материалы, машины и т. д. Все производители этих товаров находятся в таком же положении. Каждый может сохранить лишь определенную долю золота, равную некоторой части своей прибыли или прибавочной стоимости вообще. Другой частью он возмещает сырье и т. д. За эту последнюю часть золота, которая поступает к производителям сырья, эти последние продают весь свой товар pro toto * и не могут, за вычетом обмена между самими производителями сырья, снова превратить ее в часть прибавочной стоимости, в часть производительного капитала. Стало быть, для них это золото представляет собой не что иное, как накопленную в виде золота часть их прибавочной стоимости. И те товары, которые они таким путем косвенно продают производителю золота, образуют определенную долю той части их продукта, в которой реализуется прибавочная стоимость.

Мы рассмотрели ход дела, при котором производитель золота покупает жизненные средства. То же самое имеет место, когда он покупает средства производства и вспомогательные материалы. [XVIII—1 073] Следовательно, весь годовой продукт производителя золота {внешнюю торговлю мы намеренно оставляем здесь в стороне} расходуется на превращение в деньги прибавочной стоимости; часть прибавочного труда всего общества непосредственно воплощается в золоте, превращается в золото. Для него, для производителя золота, его совокупный продукт, так же как и совокупный продукт всякого другого капиталиста, состоит из 1) той части, которая воспроизводит постоянный капитал, 2) той части, которая возмещает переменный капитал, 3) третьей части, которая представляет собой прибавочную стоимость. Но по отношению ко всему обществу

* — целиком. *Ред.*

совокупный продукт производителя золота есть просто *воплощение прибавочной стоимости, или прибавочного труда*. Поскольку рассматривается эта прибавочная стоимость, производитель золота отличается от других капиталистов лишь тем, что золото для него есть форма, непосредственно вытекающая из процесса производства, а для других она опосредована обменом, обращением. Другие производители, будь то производители жизненных средств или постоянного капитала, какую-то долю той части своих продуктов, которая представляет собой прибавочную стоимость, обменивают на золото производителя золота; таким путем они возмещают ему его капитал, а он дает им товар, в котором они реализуют часть своей прибавочной стоимости. Следовательно, производитель золота находится как раз в таком же отношении к классам I и II, в каком классы I и II находятся друг к другу. Иными словами, весь его годовой продукт сводится к доходу, т. е. обменивается на ту часть жизненных средств и средств производства, которая для своих производителей представляет собой доход, т. е. *реализацию прибавочного труда*. Так же, как класс I часть своей *прибавочной стоимости* реализует в своих собственных продуктах, так может это делать и производитель золота. Но он может это делать только с частью прибавочной стоимости. Часть своей прибавочной стоимости он должен проесть. С другой стороны, другие производители *не* должны проедать часть своей прибавочной стоимости, если они хотят обладать ею в форме золота. Поскольку, следовательно, принимается во внимание эта форма возмещения, обмен между производителем золота и другими классами не представляет собой какого-либо нового явления. Но он является таковым, поскольку часть прибавочной стоимости здесь непосредственно превращается в денежный материал и тем самым простой процесс воспроизводства заключает в себе такой момент, когда реализация стоимости товара представляет собой непосредственно накопление золота, следовательно, накопление скрытого денежного капитала.

Если мы отбросим форму капиталистического производства, то ясно, что производители должны обменивать между собой определенную долю своих продуктов отчасти для индивидуального потребления, отчасти для производительного потребления. Эта доля — а она составляет наибольшую часть их продукта — может рассматриваться в среднем как данная, особенно при застойных состояниях, являвшихся нормальными *в период до* капиталистического способа производства. Лишь *избыток* они могут обменивать на продукт производителя золота или серебра. И действительно, таким путем создаются их *сокровища* и вообще

закладывается базис металлического денежного обращения. То обстоятельство, что лишь этот *избыток* может быть превращен в золото, остается в силе и при капиталистическом производстве.

Поскольку, далее, производитель золота и другие производители (в дополнение к уже обращающимся между ними деньгам) снова превращают свой [избыток] в форме денег в капитал, этот вопрос не является чем-то специфическим. Для этого здесь необходимы те же самые условия, которые вообще требуются для превращения денег в капитал.

Пока что ясно, следовательно, только лишь следующее: накопление денег — как тождественное с новым производством золота — требует того, чтобы некоторая часть прибавочного труда страны вкладывалась в производство золота.

Но теперь мы подойдем к этому вопросу в другой постановке, при которой производство нового золота совершенно оставляется в стороне. Известно, что в течение продолжительного времени, примерно с 1808 по 1830 год, вновь ввозимого золота и серебра было как раз достаточно, для того чтобы возместить стирание и т. д., изнашивание денежного капитала Европы. Капиталистический процесс накопления как таковой также должен рассматриваться — и именно в отношении денег — без какой-либо связи с производством золота и серебра.

Вопрос, который нас здесь занимает, это не тот, который уже рассматривался выше при исследовании воспроизводства: как существующая в форме денег прибавочная стоимость или, вернее, та часть прибавочной стоимости, которая не проедается, как она может быть вновь превращена в *производительный капитал?* Но здесь нас занимает вопрос о том, как и при каких условиях часть прибавочной стоимости, вместо того чтобы быть израсходованной, может накопляться в *форме денег,* и притом совершенно независимо от обмена с производящим золото или серебро капиталистом?

Рассмотрим различные классы:

класс I, который производит жизненные средства;

класс II, который производит постоянный капитал для [производства] этих жизненных средств и постоянный капитал для [производства] этого постоянного капитала;

класс III — торговый и денежный капитал, который лишь опосредствует движения между двумя первыми классами.

[XVIII—1 074] Относительно *класса I.* Этот класс должен возместить свой постоянный и переменный капитал. Последний он возмещает своими собственными продуктами, а первый покупает посредством обмена на свои продукты.

Что же касается, далее, прибавочной стоимости, то часть ее класс I должен *потребить* сам; однако весь его продукт, как прибавочная стоимость, так и капитал, существует в форме товаров, предназначенных для непосредственного потребления или, по меньшей мере, предназначенных попасть в фонд потребления и вследствие этого выйти из сферы обращения. Он должен быть продан, прежде чем какая-либо его часть станет существовать в форме денег, и его продажа означает, что он куплен для потребления. Это в равной мере относится как к той части продукта, которая представляет собой прибавочную стоимость, так и к той части, которая представляет собой капитал. Если, следовательно, этот класс нуждается лишь в том, чтобы потребить часть своего прибавочного продукта, а должен быть потреблен весь прибавочный продукт, то, стало быть, он должен быть продан потребителям. Если он не будет продан, он будет загромождать товарные склады этого класса в форме непотребленных и непроданных товаров.

Согласно предположению, класс I обменивает с классом II лишь ту часть своего продукта, которая представляет собой его постоянный капитал, следовательно, ничего из дохода. Следовательно, обмен с этим классом II совершенно не должен приниматься во внимание при рассмотрении указанного вопроса [о реализации прибавочной стоимости], коль скоро речь идет о классе I. Мы должны возвратиться к этому последнему.

В пределах самого класса I обмен с рабочими должен быть, следовательно, исключен из рассмотрения. Рабочие класса II уже включены в обмен класса I с классом II; этот обмен, говорим мы, должен быть исключен из рассмотрения. Собственные же рабочие капиталистов класса I лишь возвращают им деньгами стоимость капитала, который был им выплачен в виде товаров. Этот обмен не имеет никакого отношения к *реализации* прибавочной стоимости, но касается лишь авансированного переменного капитала.

Мы должны, следовательно, рассмотреть те группы самого класса I, которые *делят между собой произведенную им прибавочную стоимость* и которые посредством совершаемого ими обмена возвращают производительному капиталисту денежную стоимость: частично его авансированного капитала, частично его прибыли. Ни обмен с классом II, ни оплата переменного капитала внутри класса I не имеют никакого отношения к поставленному здесь вопросу.

Мы видели, как часть капитала может накопляться в качестве денежного капитала, поскольку не только та часть дохода,

которую производитель золота потребляет in natura *, но и та часть его продукта (золота), которую он должен отдавать в обмен для возмещения своего капитала in natura (оставляя в стороне ту часть этого продукта, которую он продает в качестве сырья другим отраслям производства), образуют часть дохода других производителей, непосредственно сохраняемую в форме золота, причем сначала это есть золото, припрятанное про запас, а затем оно может realiter ** функционировать как денежный капитал, т. е. может непосредственно входить в процесс накопления капитала.

Теперь мы ставим следующий вопрос: как вообще, оставляя в стороне ту часть прибавочной стоимости, которая посредством обмена с производителем золота накопляется в форме золота, может производительный капитал, вместо того чтобы расходовать часть своего дохода, заполучить его сначала в форме золота, с тем чтобы потом накоплять это золото как денежный капитал?

Капиталист затратил 100 ф. ст. Его товар равен 110. В нашем прежнем изложении, где помимо капитала в деньги превращается прибавочная стоимость, равная 10 ф. ст., мы предполагали, что доход съедается целиком, *так что в действительности деньги, израсходованные на потребление дохода, превращают в деньги прибавочную стоимость, оплачивают ее.* Но если капиталист (причем *каждый* капиталист, так как вопрос следует рассмотреть в общем виде, как процесс, совершаемый *капиталом*, а не отдельным капиталистом за счет других, так что, например, продажа одним капиталистом [товара] за 110, на который он затрачивает лишь 105, объясняется не тем, что другой не в состоянии продать часть своего продукта) 100 возмещает, 5 тратит и 5 накопляет, то как это может происходить в масштабе всего общества? Вот вопрос, который необходимо поставить и на который следует дать ответ.

Точно так же рассмотрение того, как некоторая часть продуктов определенных отраслей производства снова входит в них в качестве условия, было бы важно, если бы мы рассматривали особые отрасли производства класса I. Здесь же оно не имеет значения. 100 представляют собой совокупный капитал этого класса, а 10 — его совокупную прибыль. Некоторую часть он должен проесть in natura (в виде продукта самого этого класса in natura). Скажем, 5. В таком случае спрашивается, при каких условиях — прежде всего условиях обратного прев-

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*
** — реально, фактически. *Ред.*

ращения дохода в капитал — этот класс может откладывать 5 ф. ст. в форме денег? Первое условие заключается в том, чтобы этот класс продавал [свой продукт] за 105. Указанные 100 — возмещение капитала — объяснены и поэтому не подлежат здесь дальнейшему рассмотрению. Спрашивается, кому продаются товары на 5 ф. ст.? Они состоят из таких товаров, которые частично входят только в доход высших классов, частично из таких, которые входят в потребление рабочих, производительных или непроизводительных.

Дальнейшее выяснение этого вопроса следует отложить. [XVIII—1 074] [140]

ОТДЕЛ III

КАПИТАЛ И ПРИБЫЛЬ

[ГЛАВА 11]

[ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И ПРИБЫЛЬ. ИЗДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВА. СРЕДНЯЯ НОРМА ПРИБЫЛИ. ЗАКОН ПОНИЖЕНИЯ НОРМЫ ПРИБЫЛИ][141]

[XVI—973 c] 1) Прибавочная стоимость и прибыль.

2) Прибыль всегда значительно преуменьшает прибавочную стоимость.

3) Отношение [выражаемое прибавочной стоимостью] изменяется как численно, так и по форме.

4) Одна и та же прибавочная стоимость может быть выражена в весьма различных нормах прибыли; одна и та же норма прибыли может выражать весьма различные прибавочные стоимости.

5) Отношение [нормы] прибыли к [норме] прибавочной стоимости равно отношению переменного капитала к совокупному капиталу.

6) *Издержки производства.*

a) Прибыль равняется *избытку* стоимости продукта над стоимостью издержек производства; она не является частью издержек производства отдельного капитала.

b) Прибыль является частью издержек производства капиталистического производства вообще.

c) Товары могут продаваться с прибылью *ниже* своей стоимости.

d) При данной прибавочной стоимости норма прибыли повышается вследствие уменьшения стоимости постоянного капитала, вследствие экономии на его применении.

e) Определенное количество капитала — 100 — как масштаб прибыли.

f) Прибыль, а не прибавочная стоимость, есть норма накопления совокупного капитала и действительного барыша капиталистов.

g) Норма прибыли и масса прибыли. Прибыль в отношении к величине капитала, или средняя норма прибыли.

h) Основной капитал и рабочее время.

7) Всеобщий закон понижения *нормы прибыли* с развитием капиталистического производства. [XVI—973 c]

* * *

[XVI—973] 1) *[Прибавочная стоимость и прибыль.]*

Движение капитала, рассматриваемое в своей совокупности (целостности) (или рассматриваемое в полной мере) (или во всей *своей полноте*), представляет собой единство процесса производства и процесса обращения.

Прибавочная стоимость, произведенная в течение какого-либо данного периода обращения (возьмем в качестве меры, например, один год; см. выше гл. II) [142], измеряемая в отношении к авансированному *совокупному капиталу*, есть *прибыль*. (Здесь в понятие прибыли входит не только процент, который, как известно, является лишь частью совокупной прибыли, но также и *земельная рента*, являющаяся не чем иным, как *частью* [прибыли] примененного в земледелии капитала. Какова специфика этого капитала, вследствие особой сферы его приложения, — это относится к рассмотрению земельной собственности. Здесь следует лишь подчеркнуть, что под прибылью нельзя понимать исключительно так называемую промышленную или торговую прибыль.)

Прибыль, рассматриваемая с точки зрения ее субстанции, есть не что иное, как сама прибавочная стоимость. Прибыль, рассматриваемая с точки зрения ее абсолютной величины, поэтому также не отличается от той прибавочной стоимости, которую производит капитал за какое-то определенное время своего оборота. Прибыль есть сама прибавочная стоимость, но иначе *исчисленная*. По своей природе прибавочная стоимость относится и поэтому исчисляется в отношении к той части авансированного капитала, путем обмена на которую она возникает. Время обращения, поскольку оно отлично от времени производства, в этом случае принимается во внимание лишь как предел для создания прибавочной стоимости. Напротив, в качестве *прибыли* прибавочная стоимость рассматривается и поэтому измеряется не в отношении к некоторой части авансированного капитала, а в отношении ко всему авансированному капиталу, независимо от той совершенно различной роли, которую его различные составные части играют в создании прибавочной стоимости и вообще в производстве стоимости товара.

Итак, допустим, что некий капитал равен 600 талерам. Постоянная часть капитала, а именно, сырой материал и машины, составляет $^5/_6$ этой суммы; переменная часть, вложенная в заработную плату, составляет оставшуюся $^1/_6$ часть. Если произведенная за один год прибавочная стоимость равна 60 талерам, — так что стоимость годового совокупного продукта равна 660 талерам, — то эта прибавочная стоимость в 60 талеров означает *прибыль,* поскольку она не рассматривается с учетом тех 100 талеров, которые в капиталистическом процессе производства обмениваются на 160, не рассматривается с учетом той $^1/_6$ капитала, из которой она возникает, но исчисляется с учетом тех $^6/_6$, из которых состоит авансированный капитал, т. е. с учетом авансированного совокупного капитала в 600 талеров. Хотя эти 60 талеров представляют собой попрежнему *ту же самую* величину стоимости, однако 60 в отношении к 100 составляют 60%, в то время как 60 к 600 — только 10%. В прибыли, которая всегда выражает какое-то отношение*, какую-то пропорцию, прибавочная стоимость приобретает, следовательно, новое, *отличное* от своей первоначальной формы *численное выражение.* Одна и та же величина изменяет, разумеется, свое численное выражение, если она исчисляется не в органическом отношении к части целого, а в своем отношении ко всему целому.

[XVI—974] Указанное различие является не только *численным,* но различием *в понятии, в существе.* Речь идет не только о различной оценке, различном измерении или исчислении. Как раз наоборот. Это различие в исчислении, измерении, оценке является для капитала необходимостью, выражает новое характерное для него отношение, образование некой новой формы, которая так же существенна, как и различие, к примеру, между формой меновой стоимости и деньгами.

Отношение прибавочной стоимости к переменной части капитала есть, как мы видели, отношение органическое. Оно выражает в действительности тайну образования и роста, тайну существования капитала как капитала. В отношении между прибылью и капиталом это органическое отношение исчезает. Прибавочная стоимость приобретает форму, в которой уже нет и намека на тайну ее происхождения. Вследствие того что все части капитала одинаково выступают как источник вновь созданной стоимости, капиталистическое отношение полностью мистифицируется. В прибавочной стоимости как таковой всегда выражено отношение капитала к труду, который им присваи-

* *К этому месту сделать дополнение.* См. Мальтуса и т. д. [143]

вается. В отношении капитала к прибыли капитал относится не к труду, а к самому себе. С одной стороны, это всего лишь количественное отношение некой суммы стоимости, или суммы денег, к самой себе. Если, например, я говорю, что капитал в 100 талеров приносит ежегодно 10 талеров прибыли, то я просто сравниваю талеры с талерами. С одной стороны, эта основная, капитальная, главная сумма выступает как данная величина; с другой стороны, эти 100 талеров становятся главной, основной, капитальной суммой именно потому, что они приносят некоторую дополнительную сумму, а основная сумма выступает как причина, следствием которой является эта дополнительная сумма. Эта последняя есть ее естественный плод. (См. у *Аристотеля* о *ростовщичестве*[144], а также то место у Сисмонди[145], где он говорит, что богатство, подобно труду [и при помощи труда], каждый год доставляет плод. Добавляя, однако, слова «подобно труду» и «*при помощи труда*», он уже хватает через край.)

В данной форме исчезло поэтому также и различие между капиталом и его особыми формами, а, стало быть, также и между теми его функциями, в которых он выступает еще до появления самого̀ капиталистического производства. Тем самым капитал становится вещью, которая существует как в древнее время, так и в наши дни.

«Капиталист ожидает одинаковой *прибыли* от всех частей капитала» *(Мальтус)*[146].

С одной стороны, здесь верно то, что прибыль является одной из форм прибавочной стоимости, в которой последняя относится одинаково ко всем частям капитала и, следовательно, одинаково измеряется отношением к совокупной сумме капитала. С другой стороны, здесь верно то, что капиталист ничего не знает о сущности капитала и в его сознании прибавочная стоимость существует только в форме прибыли — превращенной формы прибавочной стоимости, полностью абстрагированной от тех отношений, при которых она возникает и которые ее обусловливают. Правда, во̀ время непосредственного процесса производства природа прибавочной стоимости постоянно вторгается в сознание капиталиста, который, как мы это видели при рассмотрении прибавочной стоимости, жаждет чужого рабочего времени и т. д.[147] Но это — лишь скрытое обстоятельство. В действительности он сам рассматривает капитал как самодействующий автомат, который не в качестве отношения, а в своем вещественном бытии обладает свойством увеличивать самого себя и приносить прибыль. Общественные отношения,

при которых стоимость, а также вещи, в которых она существует как в своей плоти (потребительной стоимости), приобретают это свойство, выступают как вечные естественные отношения, или, напротив, самое большее, достигается понимание того, что известные (искусственные) препятствия (отношения *) тормозят это естественное развитие и мешают ему достичь полного расцвета.

Представление о капитале как о таком самодействующем автомате лежит в основе, например, прайсовского исчисления процента и сложного процента, которое совершенно ввело в заблуждение даже Уильяма Питта [148]. (См. у Лютера о сращении процента [с капиталом] [149].) Отсюда проистекают также такие дурацкие заявления, какие мы встречаем у экономистов, например, о том, что прибыль должна существовать, иначе капиталист стал бы отдавать свой капитал под проценты. У него не было бы причины [XVI—975] вкладывать капитал в производство, вместо того чтобы отдавать его под проценты (таким образом, выходит, будто капитал приносил бы проценты, если бы в производство не вкладывалось никакого капитала). Так, уже Тюрго говорит, что если бы капитал не приносил прибыли, то каждый купил бы на свой капитал земельную собственность. (См. у Тюрго [150] то место, где, следовательно, определенный способ применения капитала рассматривается как нечто само приносящее плоды.)

Однако в голове буржуа прибавочная стоимость с необходимостью принимает форму *прибыли,* и это не просто способ представления; отношение прибавочной стоимости в качестве отношения *прибыли* подчиняет себе буржуазное производство, определяет распределение капиталов в различных отраслях производства, является, так сказать, определяющим моментом [das Bestimmungsdreieck] в свободной конкуренции (в конкуренции капиталов между собой, т. е. в действительном движении капиталов, в котором только и реализуются законы капитала. Эти законы в действительности представляют собой не что иное, как, с одной стороны, общие условия этого движения, его результат, а с другой — его тенденцию).

Отношения, при которых некая сумма стоимости — деньги, товар, особые потребительные стоимости, в виде которых стоимость вновь вступает в производство, становится капиталом, т. е., следовательно, владелец этой суммы стоимости становится капиталистом, настолько срослись на основе капиталистического производства внутри буржуазного общества с существо-

* Слово «отношения» написано над словом «препятствия». *Ред.*

ванием капиталистов, что Уэйкфилд[151], например, должен был сначала отправиться в колонии, чтобы открыть, что эти отношения вовсе не являются чем-то само собой разумеющимся и что без них стоимость не становится капиталом, а владелец стоимости — капиталистом. Это настолько понятно само собой и настолько, вообще говоря, непонятно, что подобное открытие Уэйкфилда могло в действительности составить своего рода эпоху в современной политической экономии.

Собственно процесс производства капитала постоянно связан с процессом обращения последнего. Оба эти процесса являются моментами самого процесса производства, так же как и процесс производства в свою очередь выступает в качестве момента процесса обращения. Оба они постоянно переплетаются, переходят один в другой и таким образом постоянно представляют в ложном свете свои характерные отличительные признаки. Однако в процессе обращения, с одной стороны, приобретает новые определения прибавочная стоимость, с другой стороны, ряд превращений претерпевает капитал; наконец, из своей, так сказать, внутренней органической жизни капитал в этом процессе вступает во внешние отношения жизни, в отношения, где противостоят друг другу не капитал и труд, а, с одной стороны, капитал и капитал, с другой стороны, индивиды, находящиеся в отношениях простого обращения, в отношениях товаровладельцев, покупателей и продавцов. Время обращения и рабочее время перекрещиваются на этом пути, и таким образом кажется, будто и то и другое в одинаковой степени определяет прибавочную стоимость. Та первоначальная форма, в которой друг другу противостоят капитал и наемный труд, как бы отпадает, и возникают отношения, которые кажутся независимыми от нее; сама прибавочная стоимость выступает уже не как продукт присвоения рабочего времени, а как избыток продажной цены товара над его стоимостью, но прежде всего — как деньги, так что воспоминание о первоначальной природе прибавочной стоимости полностью утрачивается или же вообще эта первоначальная ее природа никогда ясно не осознаётся; в лучшем случае она выступает как правомерный момент наряду с независимым от нее движением, возникающим из обращения и, следовательно, принадлежащим капиталу независимо от его отношения к труду. Ведь недаром иные экономисты (такие, как Рамсей, Мальтус, Сениор, Торренс и т. д.[152]) прямо ссылаются на эти явления обращения как на доказательства того, будто капитал в своем вещном образе независимо от общественного производственного отношения, которое только и делает его капиталом, является — наряду с трудом и незави-

симо от труда — самостоятельным источником прибавочной стоимости. Однако, как мы это уже видели при рассмотрении процесса производства капитала [153], в природе этого отношения заложено то, что общественные производительные силы труда выступают как производительные силы, транспонированные в капитал, что обособление и персонификация прошлого труда и стоимости, которые фактически существуют в образе капиталиста, господство прошлого труда над живым, составляющее сущность капитала, более того, превращение рабочего лишь в вещную рабочую силу, в товар, в [источник] плодовитости капитала, поскольку он существует предметно, — все это выступает не как следствие общественного производственного отношения, а, скорее, напротив, это последнее выступает как следствие вещного отношения между указанными предметами и трудом как особыми моментами [XVI—976] процесса производства. В капитале как отношении, даже если оно рассматривается еще независимо от процесса обращения капитала, характерно в сущности то, что оно мистифицируется, извращается, что субъективное и объективное в нем поставлены на голову, как это проявляется уже в деньгах. Из этого извращенного отношения с необходимостью возникает уже в собственно процессе производства соответствующее извращенное представление, транспонированное сознание, которое завершается превращениями и модификациями собственно процесса обращения. Однако капиталист в качестве капиталиста есть не что иное, как это движение самого капитала. Чем он является в действительности, тем он является и в сознании. Так как в нем выражается позитивная господствующая сторона отношения, то эти противоречия его не беспокоят, наоборот, как раз только в них он и чувствует себя прекрасно, в то время как наемного рабочего, находящегося в плену того же самого извращенного воззрения, только на другом его полюсе, в качестве угнетенной стороны, практика заставляет противоречить всему этому отношению, а следовательно, и соответствующим этому отношению представлениям, понятиям и образу мышления.

К этому присоединяется то, что в действительном процессе обращения не только совершаются превращения, которые мы рассмотрели (и которые даже лучших экономистов вынуждали относиться к представлениям капиталистов лишь несколько более доктринерски), но и то, что эти превращения совпадают с действительной конкуренцией, с куплей и продажей выше и ниже стоимости, поэтому в действительности для каждого отдельного капиталиста прибыль выступает не как прибавочная стоимость, которая зависит от степени эксплуатации труда,

а как нечто, зависящее от взаимного обмана, — представление, которое санкционировали не только прежние, но даже новейшие экономисты (например, *Торренс*[154]. См. также у *Сениора* о деньгах и т. д. и заработной плате[155]).

На самом деле единственное, что практически интересует капитал и что управляет его действительным движением, конкуренцией, это — *прибыль,* а не *прибавочная стоимость,* т. е. отношение прибавочной стоимости ко всей сумме авансированного капитала, а не ее отношение к капиталу, затраченному на покупку рабочей силы. Это приводит нас (является собственно переходом) к рассмотрению *издержек производства* и их отношения к *продажной цене* продукта.

Но прежде необходимо сделать еще несколько замечаний.

Во-первых. С точки зрения общества, в котором господствует капиталистическое производство, в какой бы степени капитал ни выступал как сельфактор *, стоимость, обладающая сама по себе свойством увеличиваться вследствие каких-то qualitates occultae **, наиболее разительно проявляется в приносящем проценты, отдаваемом под проценты денежном капитале. Определенная сумма стоимости продается здесь *как потенциальный* капитал, т. е. капитал сам выступает как товар. Известная сумма стоимостей или чек на стоимости продается как сама себя сохраняющая и умножающая величина. То, что это не сами деньги, а товар, в который деньги могут превратиться, ничего не меняет в деле. Ибо как сама себя сохраняющая и увеличивающая стоимость товар рассматривается и продается только в качестве меновой стоимости, т. е. в качестве денег. Это свойство быть капиталом продается как свойство, внутренне присущее стоимостной сумме. Поэтому она возвращается к своему владельцу с прибылью.

Во-вторых. Здесь нет надобности говорить о том, что если какой-либо товар продается выше или ниже своей стоимости, то имеет место лишь иное распределение прибавочной стоимости между различными капиталистами, между покупателем и продавцом. Это иное распределение, или измененное отношение, в котором различные лица делят между собой прибавочную стоимость, ничего не меняет ни в величине, ни в природе прибавочной стоимости.

В-третьих. Отношение конкуренции, поскольку оно рассмотрено здесь в качестве *иллюстрации* (а не как нечто, относящееся к самому развитию), влечет за собой то, что фактически

* — самодействующая машина, автомат. *Ред.*
** — скрытых особенностей. *Ред.*

прибавочная стоимость, которую извлекает отдельный капиталист, не является для него решающим моментом. [XVI—977] Ибо образуется средняя прибыль, т. е. всеобщая мера, и капиталисты исчисляют и делят между собой *совокупную стоимость*, достающуюся их классу, в соответствии с другими законами. (См. об этом также у *Джонса* [156].) Вследствие этого действительная цена товара, абстрагируясь от колебаний рыночной цены, существенно модифицируется и становится отличной от стоимости товара. Поэтому ни один отдельный капиталист не может сказать и не знает, в какой мере в получаемую им прибыль входит или не входит извлеченная им самим прибавочная стоимость, какова та часть произведенной классом капиталистов прибавочной стоимости, которая входит в цену товара отдельного капиталиста. Этот пункт, как и вообще тот извращенный способ, каким в условиях конкуренции представляются законы капитала, лучше всего изложить при рассмотрении издержек производства. Создаваемый конкуренцией взгляд на господствующее над капиталистом отношение (ибо на самом деле именно законы самого капитала выступают перед капиталистом в конкуренции как внешнее принуждение, творимое его капиталом над другими капиталами, а другими капиталами — над его капиталом) полностью лишает капиталиста представления о внутренней сущности тех отношений, в которых он вращается и всего лишь заинтересованным агентом или функционером которых он является.

В-четвертых. Смешение или недостаточное различение прибавочной стоимости и прибыли является источником величайших нелепостей в политической экономии, коль скоро дело само по себе состоит исключительно в том, чтобы дать правильное изложение вопроса. Выдающиеся экономисты, как, например, Рикардо, не смешивают, разумеется, то и другое абсолютно, хотя ясного понимания различия между ними они нигде не обнаруживают. Отсюда, однако, у них, с одной стороны, действительный закон выступает как абстракция действительного движения, которое поэтому повсюду противоречит этой абстракции в частностях. С другой стороны, они насильственным образом хотят природой стоимости или прибавочной стоимости объяснить такие феномены, которые возникают только из прибавочной стоимости в форме прибыли. Отсюда ошибочные законы. Рассматривая общую природу капитала, Рикардо абстрагируется от конкуренции. С другой стороны, уже при определении стоимости, с самого же начала, он вводит в качестве определяющего момента понятие основного капитала и т. д. и тем самым, как справедливо указывает Мальтус [157], отказы-

вается от своего собственного мнимого закона или сводит этот закон к одной лишь его тени. Далее, у его учеников, таких как [Джемс] Милль и Мак-Куллох [158], — безумная попытка превращать, к примеру, время обращения в рабочее время, наконец, называть *трудом* действия не только животных, но и мертвых вещей, любое природное движение последних. В этом отношении то же самое и у Сэя [159]. Эта критика, однако, относится к заключительному разделу данной главы [160].

2) Из характерного различия формы между прибавочной стоимостью и прибылью следует, что прибыль всегда *выражает меньшую пропорцию, чем пропорция действительной прибавочной стоимости;* следовательно, норма прибыли всегда представляет то отношение, в котором капитал присваивает себе чужой труд, гораздо меньшим, чем оно есть в действительности. Проникновение в суть этого (тавтологического) закона означает, по меньшей мере, такое достижение, которое опрокидывает всю ложную статистику. Это существенно для понимания тех явлений, которые в противном случае остаются непостижимыми и сопровождают теорию в качестве неудобоваримых элементов действительности.

Само собой разумеется, что величина a, если она измеряется как часть $в + c + a$, выражает меньшее отношение, чем если она измеряется как часть $c + a$, т. е. что некая величина выражает бо̀льшую или меньшую часть какой-то третьей величины в зависимости от того, больше или меньше сама эта третья величина. Стало быть, совокупный капитал всегда больше той его части, которая обменивается на заработную плату.

[XVI—978] 3) *Прибыль,* следовательно, есть иное отношение, во-первых, по форме, а во-вторых, она отличается [от прибавочной стоимости] численно. Прибыль представляет собой превращенную форму прибавочной стоимости, форму, в которой прибавочная стоимость изменяет, во-первых, свое численное выражение, во-вторых, свое понятийное определение.

4) Если, следовательно, прибавочная стоимость превращается в прибыль, т. е. если прибавочная стоимость, рассматриваемая в ее численном выражении, исчисляется по отношению ко всей сумме авансированного капитала, то из этого различия в представлении вытекают следующие положения.

Одна и та же прибыль может выражать различные нормы прибавочной стоимости. Возьмем, например, прибыль в 10 процентов. Если в капитале, равном 600, постоянный капитал составляет 500, а переменный — 100, то 60 талеров прибавочной стоимости образуют 60% [по отношению к переменному капи-

талу] и одновременно 10% по отношению к капиталу в 600 талеров. Если капитал в 600 состоит из 400 талеров постоянного капитала и 200 талеров переменного, то 60 талеров прибавочной стоимости по отношению к 200 талерам переменного капитала составляют 30%. Прибыль по-прежнему равна 10%. Наконец, если капитал в 600 талеров состоит из 550 постоянного и 50 талеров переменного капитала, то 60 талеров по отношению к 50 составляют 120% прибавочной стоимости (50 : 60 = 100 : 120); однако [прибыль] по-прежнему равна 10%. В первом случае прибавочное время составляло $^3/_5$, или $^6/_{10}$ [необходимого] рабочего времени; во втором — $^3/_{10}$; наконец, в третьем — $^{12}/_{10}$, или $^6/_5$. [Из 12 часов рабочего времени прибавочное время соответственно составляло] $4^1/_2$, $2^{10}/_{13}$ и $6^6/_{11}$ часа.

5) Так как [норма] прибыли есть не что иное, как отношение прибавочной стоимости ко всей сумме авансированного капитала, то она, норма прибыли, или ее пропорциональная величина, зависит, очевидно, от двух обстоятельств: во-первых, от *всей суммы* авансированного капитала, а во-вторых, от отношения переменной части авансированного капитала к его постоянной части. Это в том случае, если прибавочная стоимость предполагается величиной данной. Обычно же прибыль зависит, во-первых, от отношения прибавочной стоимости к переменной части капитала; во-вторых, от отношения этой переменной части к совокупному количеству капитала, или также, что одно и то же, от отношения переменной части к постоянной части капитала. Например, 50 это $^1/_2$ от 100, но также и $^1/_2$ от $^1/_6$ от 600. Если 50 = M (прибавочная стоимость), 100 = v (переменный капитал), то $^{50}/_{100}$ есть норма прибавочной стоимости, равная $^1/_2$, или 50%, равная $^M/_v$. Если совокупный капитал в 600 равен c (500) + v, то [норма прибыли равна] $^{50}/_{600} = ^1/_{12} = 8^1/_3\%$. [Норма] прибыли равна $^M/_{(v+c)}$; $^M/_v : ^M/_{(v+c)} = (v + c) : v$; или же $^M/_{(v+c)}$ (норма прибыли) относится к $^M/_v$ (к норме прибавочной стоимости) как v (переменный капитал) относится к $v + c$ (к совокупному капиталу). Следовательно, $^M/_{(v+c)} : ^M/_v = v : (v + c)$.

[Норма] прибыли относится к [норме] прибавочной стоимости как переменный капитал к совокупному капиталу (здесь мы не нуждаемся в категориях основного и оборотного капитала, потому что оборотным капиталом является переменный капитал, но также и часть постоянного капитала; следовательно, указанная противоположность сюда не относится), и указанное отношение зависит, очевидно, от того, в какой пропорции постоянный и переменный капитал образуют составные части совокупного капитала [C], так как $v = C - c$, а $c = C - v$.

Если бы c было равно 0, то переменный капитал достиг бы своего максимума; это означает, что вся сумма авансированного капитала была бы переменным, т. е. непосредственно затраченным на заработную плату капиталом. В этом случае прибыль была бы равна $^m/_{(o + v)} = {}^m/_v$, т. е. [XVI—979] равна прибавочной стоимости. Это было бы выражением ее максимума. Прибыль падает в той же самой мере, в которой возрастает c и в которой поэтому вся сумма авансированного капитала $c + v$, или C, отклоняется от v, т. е. от переменного капитала. Если рассматривать выражение $^m/_{(v + c)}$, то его величина, очевидно, прямо пропорциональна абсолютной величине m, которая, однако, обусловлена отношением $^m/_v$, и обратно пропорциональна величине $v + c$, т. е. всей сумме авансированного капитала. Определение прибыли у Шербюлье (см. тетрадь) [161] было бы правильным, если бы он не смешивал продукт и стоимость продукта, или потребительную стоимость и меновую стоимость товара.

6) *Издержки производства.*

a) Мы видели [162], что всеобщая форма капитала есть *Д — Т — Д;* иными словами, деньги, некоторую сумму стоимости, бросают в обращение, для того чтобы извлечь из него бо̀льшую сумму стоимости. Процесс, создающий эту бо̀льшую сумму стоимости, есть капиталистическое производство; процесс, реализующий ее, есть процесс обращения капитала.

Капиталист производит товар не ради самого товара, не ради его потребительной стоимости или потребления. Продукт, в котором действительно заинтересован капитал, это не материальный продукт, а прибыль, *избыток стоимости продукта над стоимостью того авансированного капитала,* который входит в производство товара. Если капиталист превращает 1 000 ф. ст. в машины, хлопок и заработную плату, то это делается не ради пряжи, которую он производит, а потому, что машины, хлопок и заработная плата теперь — после их превращения в пряжу — представляют собой не 1 000 ф. ст., как первоначально, а 1 200 ф. ст. Собиратель сокровищ как таковой превращает товар определенной стоимости, например пряжу стоимостью в 1 000 ф. ст., из формы товара в форму денег, с тем чтобы извлечь их теперь из обращения и обладать меновой стоимостью своего товара в самостоятельной, независимой от самого товара форме денег. Капиталист не разделяет суеверия собирателя сокровищ. Для него те формы, в которых выступает меновая стоимость, — безразлично, форма товара или форма денег, — представляют собой исчезающие формы, так как всякое реальное богатство является для него в действительности лишь различным воплощением меновой стоимости. Он превращает деньги

сначала в товар — в товар с более высокой меновой стоимостью, чем авансированные деньги, потому что в капиталистическом процессе производства в этом товаре материализуется больше рабочего времени, чем первоначально содержалось в факторах его производства, и притом реализуется путем присвоения неоплаченного чужого рабочего времени, — а в процессе обращения превращает этот товар снова в деньги, однако теперь в некоторую бо̀льшую сумму денег, чем та, с которой начался указанный процесс и часть избытка которой над ее первоначальной величиной служит ему в качестве проедаемого им дохода, а другая часть снова превращается в капитал, для того чтобы снова начать тот же самый кругооборот. Каждую часть капитала, превращает ли он ее в переменный или постоянный, основной или оборотный, капиталист в равной мере должен изымать из своего личного потребления и, с одной стороны, потреблять его промышленно, а с другой стороны, как только он примет форму продукта, подвергать его превратностям обращения. Капиталист в равной мере авансирует весь совокупный капитал, не обращая внимания на присущие этому капиталу качественные различия в производстве прибавочной стоимости, для того чтобы не только воспроизвести авансированный капитал, но и произвести по сравнению с ним некоторый избыток стоимости. Он может эксплуатировать только труд, т. е. превращать стоимость авансируемого им переменного капитала в бо̀льшую стоимость лишь посредством обмена на живой труд, одновременно авансируя условия для осуществления этого труда, условия производства — сырой материал и машины, — превращая принадлежащую ему сумму стоимости в эту форму условий производства; так же как и вообще он лишь потому является капиталистом, лишь потому вообще может приступить к процессу эксплуатации труда, что в качестве собственника условий производства он противостоит рабочему как владельцу всего лишь рабочей силы. Ему совершенно безразлично, рассматривается ли дело таким образом, что он авансирует постоянный капитал, для того чтобы извлечь прибыль из переменного капитала, или же так, что он авансирует переменный капитал, [XVI—980] для того чтобы извлечь прибыль из постоянного капитала; что он затрачивает деньги на заработную плату, для того чтобы придать машинам и сырью более высокую стоимость, или же что он авансирует деньги на машины и сырье, для того чтобы получить возможность эксплуатировать труд. Несмотря на то что прибыль, которую он получает, прибавочная стоимость товара, которую он реализует в процессе обращения, состоит из одного лишь избытка присвоенного им неоплаченного

труда над трудом, им оплаченным, что его товар имеет прибавочную стоимость только лишь потому, что теперь в нем содержится некоторая доля неоплаченного рабочего времени, которую капиталист продает, хотя он ее и не оплатил, несмотря на это размер его прибыли зависит отнюдь не от одной только прибавочной стоимости, но также и от отношения прибавочной стоимости ко всей сумме авансированного капитала. Если авансированный капитал составлял 1 000, а [прибавочная] стоимость того товара, в который он превращен, составляет 200, то прибыль исчисляется лишь как 200 в соотношении с 1 000, т. е. равна 200 : 1 000 = 20%. Та часть капитала, которая была затрачена на машины и материал труда, точно так же авансирована капиталистом, как и часть, затраченная на заработную плату, и хотя прибавочную стоимость создает лишь последняя часть, она создает ее лишь при том условии, что авансированы также и другие части, т. е. необходимые для труда условия производства, и что все они в равной мере входят в продукт. Так как капиталист может эксплуатировать труд лишь путем авансирования постоянного капитала, так как он может реализовать стоимость постоянного капитала лишь путем авансирования переменного капитала, то в его представлении все эти капиталы в равной мере сливаются воедино, и это тем более, что его действительная прибыль определена отношением прибавочной стоимости не к переменному капиталу, а к совокупному капиталу, стало быть, вообще не прибавочной стоимостью, а прибылью, которая, как мы уже видели, может оставаться одной и той же и тем не менее выражать различные нормы прибавочной стоимости.

Итак, мы возвращаемся теперь к тому отправному пункту, из которого мы исходили при рассмотрении всеобщей формы капитала. Прибыль представляет собой избыток созданной в процессе производства и реализованной в процессе обращения меновой стоимости над денежной суммой, или меновой стоимостью, первоначально превращенной капиталистом в капитал. Во-первых, от этого соотношения зависит та действительная норма, в соответствии с которой капиталист получает прибыль, в соответствии с которой, стало быть, капитал возрастает и происходит его накопление. Во-вторых, отсюда также и конкуренция капиталов. В-третьих, тем самым исчезает всякое воспоминание о действительном происхождении этой прибыли и о качественном отличии различных элементов или вхождения этих элементов в капиталистический процесс производства.

Следовательно, прибыль равна избытку стоимости продукта или, вернее, денежной сумме, полученной за него в обращении

(стало быть, прибыль в капиталистическом процессе равна этому избытку в течение определенного времени оборота), *над* стоимостью того капитала, который вошел в созидание продукта. Отсюда совокупный капитал выступает в качестве *средств производства* этой прибыли, а так как эти средства производства являются стоимостями, которые здесь предоставлены частично промышленному процессу производства, частично обращению, для того чтобы создать этот избыток стоимости, или прибыль, то вся сумма авансированного капитала выступает в качестве *издержек производства товара,* в действительности представляя собой издержки производства дохода, или прибыли, получаемой при посредстве товара.

Издержки производства это — всё, все те составные части продукта, которые капиталист *оплатил*. Если он продает товар за 1 200 ф. ст., из которых 200 составляют прибавочную стоимость, то он *оплатил* 1 000 ф. ст., он их купил и из формы денег, меновой стоимости, в которой он ими владел первоначально, превратил в форму товара, т. е. с точки зрения меновой стоимости — в низшую форму. Если бы он не продал товар, произведенный им не ради его потребительной стоимости, то авансированные 1 000 ф. ст. были бы потеряны. Во всяком случае они представляют собой *издержки* и должны быть возмещены посредством продажи, с тем чтобы капитал снова и снова возвращался в свое первоначальное состояние, просто бы себя сохранял. [XVI—981] Эти 1 000 ф. ст. или, вернее, их авансирование, ибо они должны быть возмещены, представляют собой *цену,* стало быть, те *издержки,* которые капиталист оплачивает, для того чтобы купить указанные 1 200 ф. ст.

Отсюда следует, что *издержки производства товара* с точки зрения отдельного капиталиста и его *действительные издержки производства* — это две различные вещи.

Содержащиеся в самом товаре издержки производства равны тому рабочему времени, которого стоит его создание. Иными словами, издержки производства товара равны его стоимости. Материализованный в нем труд включает в себя как труд по производству вошедшего в товар сырья, так и труд по производству израсходованного на него основного капитала, и, наконец, [живой] труд, затраченный на его производство, — необходимый и прибавочный труд, оплаченный и неоплаченный труд.

С точки зрения капиталиста издержки производства состоят только лишь из тех денег, которые он авансировал, или только лишь из той части издержек производства товара, которые он оплатил. Содержащийся в товаре прибавочный труд капиталист

не оплатил. Неоплаченный прибавочный труд как раз и образует его доход. Этот прибавочный труд ничего не стоит капиталисту, хотя рабочему, естественно, он точно так же стоит труда, как и оплаченный труд, и совершенно так же входит в товар в качестве образующего стоимость элемента.

Отсюда следует, что прибавочная стоимость, а следовательно, и *прибыль,* поскольку она представляет собой лишь иную форму прибавочной стоимости, хотя и входят в издержки производства товара, не входят в издержки производства того капиталиста, который продает товар. Его прибыль получается как раз вследствие того, что *он продал нечто такое, чего он не оплатил. Прибыль* для него заключается как раз в *избытке стоимости* (цены) *товара над издержками его производства,* что, другими словами, означает лишь то, что прибыль заключается в избытке всей суммы содержащегося в товаре рабочего времени над тем содержащимся в нем рабочим временем, которое капиталист оплатил.

Это положение решает *контроверзу:* входит ли прибыль в издержки производства или же нет. (См. об этом вопросе, подлежащем дальнейшей разработке, Сэя, Джонса, особенно Торренса и т. д. [163])

b) В более глубоком смысле вопрос (см. absurdum * Сэя, Шторха и т. д. [164]), входит ли прибыль в издержки производства, т. е. необходима ли она для капиталистического производства, сводится к тому, что прибавочная стоимость, а, следовательно, также и прибыль отнюдь не представляют собой всего лишь форму дохода, но являются производственным отношением для капитала (для накопления и т. д.); вообще же здесь выясняется нелепость абстрактного различения между производственным отношением и отношением распределения. Этот вопрос вообще может быть поставлен лишь в том случае, если совершенно отсутствует понимание сущности капитала, а следовательно, и капиталистического производства. Уже в виде процента прибыль входит в издержки производства в качестве их составной части.

c) Из того закона, что *издержки производства капитала* меньше *стоимости* произведенных им товаров (а *избыток стоимости* товара *над стоимостью* содержащихся в нем издержек производства, или избыток содержащегося в нем труда над содержащимся в нем оплаченным трудом, как раз и образует прибыль), следует, что товары могут продаваться *ниже* своей стоимости, но с *прибылью.* До тех пор, пока реализуется какой-

---

* — бессмыслицу, нелепость. *Ред.*

либо избыток над издержками производства, всегда реализуется прибыль. Товар продается с прибылью до тех пор, пока он продается *выше* стоимости издержек его производства, хотя из этого и не следует, что покупатель оплачивает всю разницу между стоимостью издержек производства и стоимостью товара. Предположим, что стоимость фунта пряжи 1 шилл., $^4/_5$ которого составляют издержки производства, а $^1/_5$ — неоплаченный труд, т. е. элемент, образующий прибавочную стоимость. Если при этом фунт пряжи продается за 1 шилл., то он продается по своей *стоимости*, а реализованная в нем прибыль составляет $^1/_5$ шилл., т. е. $^{12}/_5 = 2^2/_5$ пенса. Если бы фунт пряжи продавался за $^4/_5$ шилл., или за $4 \times {}^{12}/_5 = {}^{48}/_5 = 9^3/_5$ пенса, то он был бы продан на $^1/_5$ *ниже* своей стоимости, и не было бы реализовано никакой прибыли. Но если он продается дороже, чем за $9^3/_5$ пенса, скажем, примерно за 10 пенсов, то [XVI—982] он продается с прибылью в $^2/_5$ пенса, хотя все еще на 2, или $^{20}/_{10}$, пенса *ниже* своей стоимости. Прибыль реализуется, коль скоро фунт пряжи продается *выше* своих издержек производства, хотя и *ниже* своей стоимости. Если он продается по своей стоимости, то для капиталиста реализована вся прибавочная стоимость, т. е. весь избыток содержащегося в товаре неоплаченного труда над содержащимся в нем оплаченным трудом. Следовательно, задан весь диапазон повышения или падения прибыли, который определен прибавочной стоимостью, т. е. стоимостью товара, стоимостью его издержек производства, определен разностью стоимости товара и стоимости его издержек производства, разностью содержащегося в нем совокупного количества труда и содержащегося в нем оплаченного труда.

Если капиталист продает товар с прибылью, но ниже его стоимости, то часть прибавочной стоимости вместо продавца присваивается покупателем. Это различное распределение прибавочной стоимости между различными лицами, конечно, ничего не изменило бы в ее природе, так же как и для рабочего (разве что он сам случайно окажется покупателем этого товара) совершенно безразлично, присваивает ли его неоплаченный прибавочный труд тот капиталист, который непосредственно его эксплуатирует, или же класс капиталистов и т. д.

Этот закон, согласно которому капиталист может продавать товар *с прибылью*, хотя и *ниже* его стоимости, весьма важен для объяснения некоторых явлений конкуренции.

В особенности же было бы совершенно невозможно объяснить то основное явление, к которому мы еще вернемся позднее и рассмотрим его более обстоятельно, а именно, *общую норму прибыли* или тот способ, каким капиталисты делят между собой

всю произведенную капиталом прибавочную стоимость. Такого рода общая норма прибыли возможна лишь вследствие того, что одни товары продаются выше, другие ниже своей стоимости, или вследствие того, что прибавочная стоимость, реализуемая отдельным капиталистом, зависит не от той прибавочной стоимости, которую он производит сам, а от средней прибавочной стоимости, которую производит весь класс капиталистов.

d) Если, следовательно, дана *прибавочная стоимость*, абсолютная или относительная, т. е., с одной стороны, дана та граница нормального рабочего дня, за пределы которой не может быть удлинено рабочее время, с другой стороны, дана производительная сила труда, так что минимум необходимого рабочего времени не может быть более сокращен, то прибыль может быть увеличена лишь в том случае, если существует возможность уменьшения *стоимости* постоянного капитала, необходимого для производства товара. Поскольку постоянный капитал входит в производство товара, необходим для его производства, во внимание принимается не его цена (не его меновая стоимость), а только его потребительная стоимость. Сколько труда может впитать в себя, например, лен на прядильной фабрике, зависит, при данном уровне производства, т. е. при определенном уровне технологического развития, не от его *стоимости*, а от его *количества;* так же как то содействие, которое машина оказывает, например, 100 рабочим, зависит не от ее *стоимости*, не от ее *цены*, а от ее потребительной стоимости, от ее производительности как машины. На какой-то ступени технологического развития плохая машина может быть дорога, а на более высокой ступени технологического развития превосходная машина может быть дешева. Только после того как в результате изобретения хлопкоочистительной машины (в 1793 г.) хлопок из дорогого материала превратился в дешевый {поскольку непосредственно после изобретения этой машины одна пожилая негритянка была в состоянии за один день отделить 50 фунтов хлопкового волокна от хлопковых семян [165], в то время как раньше для производства этой операции лишь с одним-единственным фунтом хлопка требовался рабочий день одного негра}, смогла получить развитие хлопчатобумажная промышленность в Англии.

Стоимость постоянного капитала, необходимого на определенном технологическом уровне, может быть уменьшена, а, следовательно, *прибыль*, $^{m}/_{(c+v)}$, при неизменной прибавочной стоимости может быть увеличена только в том случае, если:

либо [во-первых] непосредственно падает *стоимость* примененного основного и оборотного капитала, т. е. если оба они становятся продуктом меньшего количества рабочего времени, следовательно, продуктом возросшей производительной силы в тех отраслях труда, непосредственными продуктами которых они являются. В этом случае прибыль повышается в одной отрасли труда потому, что возросла производительность труда (следовательно, до известной степени возрос прибавочный труд) в других отраслях труда, доставляющих первой отрасли [XVI—983] условия производства. Также и в этом случае, следовательно, полученная таким образом прибыль (или повышение прибыли, или, что одно и то же, уменьшение разницы между прибылью и прибавочной стоимостью), или более высокая производительность капитала (так как прибыль есть непосредственный продукт капитала), является следствием возросшей и присвоенной капиталом производительности труда. Только не прямо, а косвенно. Таким образом, возрастание прибыли, получаемой капиталистом вследствие того, что хлопок и прядильная машина становятся дешевле, хотя и не является результатом возросшей производительности на прядильной фабрике, но все же представляет собой результат возросшей производительности в машиностроении и льноводстве (или хлопководстве и т. д.).

Это выгодно, ибо повышает производительность капитала вдвойне. Для того чтобы материализовать данное количество труда, следовательно, присвоить данное количество прибавочного труда, требуется меньше затрат на условия труда, на постоянную часть капитала, стоимость которого лишь вновь появляется в продукте, но не повышается. Следовательно, те издержки производства, которые сегодня необходимы для того, чтобы присвоить известное количество прибавочного труда, понижаются. Это выражается в том, что отношение переменной части капитала к его постоянной части, а следовательно, и ко всему капиталу, возрастает. Поэтому прибыль возрастает, так как явно возрастает величина $^{m}/_{(c+v)}$, если стоимость *c*, числовая величина *c*, уменьшается, так как эта величина достигла бы своего максимума, если бы *c* было равно нулю.

[Либо,] *во-вторых*, мы предполагаем, что постоянный капитал данной величины первоначально требовался для того, чтобы занять данное количество, например, прядильщиков и присвоить данное количество их прибавочного труда. Предоставление работы этим 100 рабочим на данной ступени производства требует машин (основного капитала *) известного качества

* Слова «основного капитала» написаны над словом «машин». *Ред.*

и в определенном количестве, так же как и определенного количества сырья — хлопка, шерсти, шелка и т. д. Однако стоимость этого постоянного капитала не имеет никакого отношения к тому процессу прядения, в который он входит. Если бы она понизилась наполовину, то, во-первых, созданная в процессе прядения прибавочная стоимость осталась бы той же, что и прежде, но прибыль возросла бы. Если первоначально постоянный капитал составлял $^5/_6$ всего капитала, переменный капитал — $^1/_6$, следовательно, например, если [из 600 ф. ст. 500 ф. ст. приходилось на постоянный, а 100 ф. ст. — на переменный капитал, и прибавочная стоимость равнялась 30%, то на капитал в 600 ф. ст. это составило бы 5% (5 ф. ст. [прибыли] на [каждые] 100 ф. ст. капитала на капитал в 600 ф. ст. дают $5 \times 6 = 30$). Норма прибыли равна 5%; прибавочная стоимость — 30%; 100 (v) : 600 (C); ($5 \times 600 = 3\,000$ и $30 \times$ $\times$ 100 также $= 3\,000$). Норма прибыли составляла 5%. Если бы теперь издержки производства постоянного капитала снизились наполовину, т. е. если бы вдвое повысилась производительная сила в отраслях труда, доставляющих этот постоянный капитал, следовательно, если бы они снизились с 500 до 250, то вся сумма примененного капитала снизилась бы с 600 до 350. Прибавочная стоимость, равная 30, и переменный капитал, равный 100, остались бы теми же самыми. Следовательно, теперь 30 соотносятся с 350. Норма прибыли вместо $^{30}/_{(500+100)}$ равна $^{30}/_{(250+100)}$; т. е. вместо 5% прибыль равна теперь $8^4/_7$% ($350 : 30 = 100 : 8^4/_7$). Прибыль, следовательно, возросла бы, потому что в первом случае отношение переменного капитала к совокупному капиталу равно $100 : 600 = 1 : 6$. Во втором случае оно составляет $100 : 350 = 1 : {}^7/_2$. В первом случае переменный капитал равен $^1/_6$ всего капитала, во втором $= 1 : {}^7/_2 = {}^2/_7$. Однако $^1/_6$ относится к $^2/_7$ как $^7/_{42}$ к $^{12}/_{42}$. Следовательно, отношение переменного капитала к совокупному капиталу увеличилось с $^7/_{42}$ до $^{12}/_{42}$, т. е. на $^5/_{42}$. В той же пропорции, в какой возросло отношение переменного капитала к совокупному капиталу, [XVI—984] возросла и норма прибыли, ибо $^7/_{42} : {}^{12}/_{42}$, или $7 : 12 = 5 : 8^4/_7$; ($5 \times 12 = 60$ и $7 \times (8 + {}^4/_7) = 56 + 7 \times$ $\times {}^4/_7 = 56 + 4 = 60$).

Это был бы, следовательно, первый выигрыш или, если выразить это в общей форме, капитал в 350 принес бы теперь столько же прибыли, сколько прежде капитал в 600, так как прибавочная стоимость осталась той же самой; однако применение одного и того же капитала, затраченного на заработную плату, потребовало бы для его реализации уже только 250 ф. ст. постоянного капитала вместо прежних 500. Необходимые для произ-

водства прибавочной стоимости, а следовательно, и прибыли, *издержки производства* уменьшились бы.

Во-вторых, однако, из совокупного капитала в 600 ф. ст., который требовался прежде для производства одной и той же массы товара и одной и той же прибавочной стоимости, высвободились бы 250 ф. ст., которые либо могли бы быть вложены в какую-нибудь другую отрасль производства с целью присвоения чужого труда, либо были бы применены в той же самой отрасли производства (предполагается тот же уровень производства и поэтому то же самое отношение между различными частями капитала); в этом случае могло бы быть занято вдвое большее число рабочих, следовательно, могло бы быть присвоено вдвое большее количество прибавочного труда без какого-либо прироста постоянного капитала. Потребовался бы еще только прирост капитала в 100 ф. ст. для заработной платы, т. е. потребовался бы совокупный капитал в 700 ф. ст., для того чтобы получить прибыль (прибавочную стоимость) в 60 ф. ст. (60 : : 200 то же самое, что 30 : 100, и прибавочная стоимость попрежнему составляет 30%). Раньше (при прежней норме [прибыли]) для этого потребовалось бы 1 200 ф. ст. Или же, если бы 250 ф. ст. (в том случае, когда это возможно технически) были присоединены в качестве нового капитала к старому и разделены на *c* и *v* в тех же самых пропорциях, то из этой суммы на труд пришлось бы $71^3/_7$, а на постоянный капитал — $178^4/_7$; из $71^3/_7$ прибавочная стоимость согласно прежней пропорции составила бы $21^3/_7$ (или 30%) ($100 : 30 = 71^3/_7 : 21^3/_7$). Совокупная прибыль на капитал в 600 ф. ст. (несмотря на то что норма прибавочной стоимости осталась неизменной, сама прибавочная стоимость, однако, возросла, потому что возросло отношение переменного капитала к совокупному капиталу) теперь была бы равна $30 + 21^3/_7 = 51^3/_7$.

По сравнению с первоначальным уровнем норма прибыли возросла бы с 5 до $8^4/_7$%, масса же прибыли — так же как и масса прибавочной стоимости — с 30 до $51^3/_7$. Всякое уменьшение стоимости постоянного капитала, отвлекаясь от того, что оно увеличивает норму прибыли, так как оно уменьшает отношение совокупного капитала к переменному капиталу, вообще позволяет эксплуатировать ту же самую массу труда с меньшей затратой совокупного капитала, следовательно, оставляет прибавочную стоимость неизменной и высвобождает некоторую часть капитала, которая теперь может быть превращена не в постоянный капитал, как прежде, а в переменный капитал, в увеличивающуюся часть капитала. Всякое увеличение стоимости постоянного капитала (если уровень произ-

водства, а следовательно, и технологические условия производства остаются без изменения) увеличивает издержки производства, требующиеся для создания той же самой прибавочной стоимости, и уменьшает поэтому норму прибыли. Всякое уменьшение стоимости постоянного капитала — до тех пор, пока уровень производства остается тем же самым, — увеличивает ту часть капитала, которая может быть превращена в переменный капитал, в увеличивающийся, а не всего лишь сохраняющийся капитал, стало быть, увеличивает не только норму прибыли, но и ее массу, так как увеличивает массу прибавочной стоимости.

[XVI—985] *Другой пример.*

Итак, если дан капитал, например в 9 000 ф. ст., и если то же самое количество льна, машин и т. д., которое раньше стоило 6 000 ф. ст. и в течение года приводилось в движение 100 рабочими (по 30 ф. ст. каждый), теперь покупается за 3 000 ф. ст., то прибыль (прибавочная стоимость, оцененная по отношению к совокупному капиталу), полученная капиталистом на капитал в 6 000 ф. ст., была бы так же велика, как и та, которая раньше была возможна при капитале в 9 000. Капиталисту понадобилось бы на $^1/_3$ меньше капитала, для того чтобы *поглотить* и *присвоить* то же самое количество прибавочного труда. Стало быть, у него высвободилось бы 3 000 ф. ст. Если бы отношение [между постоянным и переменным капиталом] осталось тем же, то теперь из высвободившихся 3 000 ф. ст. он смог бы 1 500 истратить на машины и лен, 1 500 — на заработную плату и поглотить прибавочный труд еще 50 рабочих по сравнению с прежним их числом при том же капитале в 9 000 ф. ст. В первом случае, если бы капиталист применял только 6 000 ф. ст., норма прибыли возросла бы, так как возросло бы отношение переменного капитала к совокупному капиталу. Во втором случае помимо нормы прибыли возросла бы также и масса прибыли, если бы капиталист продолжал применять в производстве 9 000 ф. ст., так как 1) из 9 000 на живой труд были бы обменены 4 500 вместо прежних 3 000; 2) так как был бы присвоен прибавочный труд еще 50 человек и количество прибавочного труда увеличилось бы не только *относительно*, но и *абсолютно*. В обоих случаях производительность труда, поскольку она воздействует на постоянный капитал, увеличивает только прибыль (норму прибыли), так как она увеличивает прибавочный труд *относительно*, в отношении к авансированному капиталу, или *абсолютно* (последнее в том случае, если часть капитала, которая при данном — том же самом — масштабе производства раньше должна была бы быть

превращена в постоянный капитал, теперь высвобождается или же может быть превращена в переменный капитал).

Увеличение нормы прибыли — посредством уменьшения соотношения между переменным капиталом и всей суммой авансированного капитала, или, что одно и то же, посредством *уменьшения стоимости* постоянного капитала вследствие повышения производительной силы того труда, который его производит, — в обоих случаях проистекает лишь из того, что прибавочная стоимость увеличивается *относительно* или *абсолютно* по отношению к издержкам ее производства, т. е. по отношению ко всей сумме капитала, необходимого для ее производства, или из того, что уменьшается разность между прибылью и прибавочной стоимостью. Это увеличение нормы прибыли покоится, следовательно, на развитии производительных сил не в отрасли труда определенного капитала, а в тех отраслях труда, продуктом которых является необходимый для указанной отрасли труда постоянный капитал.

{В действительности та часть капитала, которая существует в качестве основного капитала, а также весь тот товарный капитал, который был произведен при прежних условиях производства, — посредством этого увеличения производительной силы, или относительного обесценения этого капитала — *относительно обесценивается;* точно так же как посредством повышения стоимости этого капитала в результате уменьшения производительной силы, — в случае вздорожания железа, дерева, хлопка и т. д. и других элементов, образующих основной и оборотный капитал, поскольку они входят в постоянный капитал, — норма прибыли, а следовательно, и прибыль в ее отношении к капиталу, при неизменной прибавочной стоимости, уменьшается, в то время как сама *стоимость этого капитала* увеличивается. Этот результат следует рассмотреть в разделе о конкуренции. Данное обстоятельство никогда не принимается во внимание при *новом капиталовложении,* безразлично — в то же самое или во вновь основанное предприятие; точно так же как оно не принимается в расчет в отношении сырья, которое должно покупаться заново.}

{Далее, норма прибыли может быть увеличена путем *сокращения времени обращения,* следовательно, путем всевозможных изобретений, улучшающих средства связи и транспорта, а также путем сокращения формальных процессов превращения товара, стало быть, путем развития кредита и т. п. Однако это, собственно говоря, относится к рассмотрению процесса обращения.}

Другим источником увеличения нормы прибыли является не *экономия на труде,* производящем постоянный капитал, а *эко-*

номия в применении постоянного капитала. С одной стороны, посредством концентрации рабочих, кооперации, производства в крупном масштабе *сберегается* постоянный капитал. Одни и те же постройки, отопление, освещение и т. п. обходятся относительно дешевле, если они применяются для производства в крупном, а не в мелком масштабе. В этом случае уменьшение издержек производства достигается в результате совместного применения одной и той же потребительной стоимости. Точно так же издержки на некоторые [XVI—986] машины и т. д., например на паровые котлы, не возрастают пропорционально количеству развиваемых ими лошадиных сил. (См. пример [166].) Хотя их абсолютная стоимость и возрастает, их *относительная* стоимость падает по сравнению с масштабом производства и величиной приводимого в движение переменного капитала, или массой эксплуатируемой рабочей силы [Arbeitskraft]. Та экономия, которую какой-либо капитал осуществляет в своей собственной отрасли производства, например в прядении, основана непосредственно на *экономии труда,* что означает обмен как можно меньшего количества овеществленного труда на возможно большее количество живого труда, создание как можно большего количества прибавочного труда, что достижимо лишь путем повышения производительной силы труда. Напротив, упомянутая выше *экономия* состоит в том, чтобы это *возможно большее присвоение чужого неоплаченного труда* осуществлять возможно более экономным способом, т. е. — при данном масштабе [производства] — с возможно меньшими *издержками производства.* Эта экономия также основана либо на эксплуатации производительности общественного труда за пределами этой определенной отрасли производства, т. е. производительности труда, применяемого в производстве постоянного капитала, либо, как в рассмотренном выше случае, на экономии в применении постоянного капитала — экономии, которая становится возможной или непосредственно путем кооперации и т. д., путем применения общественной формы труда внутри капиталистического производства [соответствующего] масштаба или создает возможность производства машин и т. д. в новом масштабе, при котором их меновая стоимость не растет пропорционально их потребительной стоимости. В обоих случаях возросшая производительность, рост производительности труда, проистекающий из его общественной формы, объясняется на этот раз не самим трудом, а теми условиями, при которых и посредством которых труд производит. Сюда относится также и то, что *отходы* при крупном масштабе [производства] легче превращаются в материал для новых промышленных отраслей,

чем распыленные отходы мелкой промышленности, в результате чего издержки производства также уменьшаются.

Итак, подобно тому как капитал имеет тенденцию при непосредственном применении *живого труда* сводить его к *необходимому труду* и путем эксплуатации общественной производительной силы труда постоянно сокращать труд, необходимый для изготовления продукта, а стало быть, экономить живой труд, затрачивать возможно меньше труда на изготовление того или иного товара, точно так же капитал имеет тенденцию этот сэкономленный и сведенный к необходимому труду труд применять при *самых экономных условиях,* т. е. сводить меновую стоимость постоянного капитала к возможному минимуму, следовательно, вообще сводить *к минимуму издержки производства.* Таким образом, мы видим, что если стоимость товара определена не вообще содержащимся в нем рабочим временем, а содержащимся в нем *необходимым* рабочим временем, то сначала капитал осуществляет это определение, но в то же время он непрерывно сокращает труд, общественно *необходимый* для производства товара. Цена товара сводится таким путем к своему минимуму, так как к минимуму сводятся все элементы труда, требуемого для производства товара.

e) Для того чтобы определить величину прибыли (как и величину прибавочной стоимости), мы берем не только ту прибавочную стоимость, которую определенный капитал производит в течение данного промежутка времени (времени оборота), но и какое-либо количество капитала, например 100, в качестве масштаба; так что указанное отношение выражается в процентах.

f) Ясно, что норма накопления, т. е. действительного роста капитала, определяется прибылью, а не прибавочной стоимостью, поскольку, как мы видели, одна и та же прибыль и одна и та же норма прибыли могут выражать весьма различные нормы прибавочной стоимости. Прибыль, однако, выражает прибавочную стоимость лишь в отношении ко всей сумме авансированного капитала, т. е. выражает действительный рост (или отношение действительного роста) совокупного капитала. Действительный барыш, достающийся капиталисту, также выражается поэтому не прибавочной стоимостью, а прибылью. Прибавочная стоимость относится лишь к той части капитала, из которой она непосредственно возникает. Прибыль относится к совокупному капиталу, который должен быть авансирован, для того чтобы произвести эту прибавочную стоимость, и который, следовательно, содержит не только часть капитала, обмененную непосредственно на живой труд, но одновременно и ту

часть капитала, сумму стоимости тех условий производства, при которых только и возможны обмен другой части капитала на живой труд и эксплуатация последнего.

[XVI—987] Прибавочная стоимость выражает лишь избыток обмененной и в процессе производства присвоенной части живого труда над тем эквивалентом, который посредством заработной платы был на него обменен в форме овеществленного труда. Прибыль же выражает избыток *стоимости продукта* над *стоимостью всех издержек производства*, следовательно, выражает в действительности тот прирост стоимости, который совокупный капитал приобрел в конце процесса производства и процесса обращения, над стоимостью, которой он обладал до этого процесса производства, до его вступления в этот процесс.

Прибыль поэтому есть также единственная форма, которая интересует капитал непосредственно, и в ней полностью утрачено воспоминание о ее происхождении. Поэтому превращение прибавочной стоимости в прибыль завершает ту мистификацию, которая представляет капитал как сельфактор * и как лицо, противостоящее труду, которая субъективирует объективный момент процесса производства.

g) *[Норма прибыли и масса прибыли. Средняя норма прибыли.]*

Как же относится прибыль к величине капитала, *если предполагается одна и та же прибавочная стоимость?* Этот вопрос равнозначен вопросу: как относится масса прибыли к норме прибыли?

И во-вторых, как возникает *общая норма прибыли*, зависящая исключительно от *величины* капитала, не зависящая от прибавочной стоимости, произведенной определенным капиталом в определенной отрасли производства, или от производительности (т. е. от отношения присвоения чужого труда) в определенной отрасли производства?

На оба эти вопроса, связанные с издержками производства, надлежит ответить еще до того, как мы перейдем к решению важнейшего вопроса этого раздела — вопроса о понижении нормы прибыли с развитием капиталистического производства.

{Но прежде еще одно замечание, касающееся пункта 6, с) **. Так как товары могут продаваться с прибылью *ниже* своей стоимости, — а именно, до тех пор, пока они продаются всего лишь *выше* издержек капиталиста, выше оплаченной им самим,

* — самодействующая машина, автомат. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 257. *Ред.*

авансированной из его собственного кошелька, части издержек производства, — и так как разница между стоимостью товара и издержками его производства предоставляет капиталисту значительную свободу действий и делает возможными весьма различные уровни цены товара ниже его стоимости, без того чтобы была утрачена всякая прибыль, то ясно, что конкуренция могла бы всюду, не только в одной, но и во многих, даже во всех отраслях производства, понизить норму прибыли путем постепенного понижения цен [товаров] ниже их стоимости. Если бы общество состояло из одних только промышленных капиталистов [и рабочих], то это уравнялось бы, так как каждый, не только как индивидуальный потребитель, но и в качестве промышленного потребителя получал бы свои условия труда дешевле, следовательно, норма прибыли повсеместно снова повысилась бы как в результате обесценения совокупного авансированного капитала, так и в результате уменьшения издержек производства рабочей силы, стало быть, в результате относительного — по отношению к переменному капиталу — повышения прибавочной стоимости. Между тем в обществе существуют классы с фиксированными доходами, класс рантье и т. д., кредиторы и т. п., следовательно, имеют место твердо установленные вычеты из прибавочной стоимости или прибыли, которые не уменьшаются с понижением нормы прибыли или цены товаров ниже их стоимости. Эти классы выиграли бы вдвойне. Рента, которая выпала бы на их долю, имела бы более высокую меновую стоимость, так как она осталась бы неизменной, в то время как цена товаров в среднем упала бы ниже их стоимости. Рантье получали бы бо̀льшую часть указанного вычета, и они смогли бы больше на нее купить. Нечто в этом роде имело место в Англии в 1815—1830 гг. (См. *Блейка*[167].) При таких обстоятельствах положение собственно промышленных капиталистов могло бы стать весьма затруднительным. Получатели ренты действительно прикарманивали бы значительную часть той прибавочной стоимости, которую терял промышленный капитал. Однако такое состояние может быть лишь временным, ибо оно вызвало бы банкротство среди промышленников (как в 1815—1830 гг. среди английских фермеров) и задержало бы накопление капитала. А это непременно вызвало бы противодействие. Поэтому хотя конкуренция может понижать норму прибыли не только в одной определенной отрасли промышленности, — до тех пор пока эта норма превышает среднюю норму, — но, [XVI—988] как полагает А. Смит[168], во всех отраслях, тем не менее эта последняя акция может иметь лишь временный характер. Капитал, который скапливают в своих руках обладатели фикси-

рованного дохода и класс рантье, либо должен быть затрачен на покупку товаров для потребления и в этом случае он вновь приблизил бы цену товара к его стоимости, стало быть, вновь повысил бы норму прибыли, либо же он вновь был бы отдан взаймы в качестве капитала и в этом случае, с одной стороны, еще более усилил бы конкуренцию, а стало быть, посредством дальнейшего понижения цен товаров ниже их стоимостей еще более понизил бы уже глубоко упавшую норму прибыли и таким образом привел бы к кризису, взрыву и противодействию; с другой стороны, в соответствии с понизившимися ценами были бы осуществлены по более низкой норме новые вложения средств, будь то в качестве процента или в качестве ренты, и тем самым было бы создано примерно такое положение, как если бы *все* капиталисты продавали товары ниже их стоимости, следовательно, — посредством выравнивания — *по* их стоимости. В результате норма прибыли снова повысилась бы до своего нормального уровня.

С этой точки зрения обнаруживается, что, с одной стороны, в воззрении А. Смита есть та правильная сторона, которую не заметили его противники, а именно, что оно объясняет некоторые преходящие явления современной промышленности; однако оно не объясняет того общего явления, о котором идет речь при обычном понижении нормы прибыли; оно объясняет лишь временные *общие колебания*, которые позднее снова выравниваются.

Далее, А. Смит предполагает в действительности не то, что понижается *норма прибыли* вообще, а та норма прибыли, которая непосредственно выступает как *промышленная* прибыль. Происходит якобы всего лишь иное распределение, при котором фактически значительную часть прибавочной стоимости прикарманивают не сами промышленные капиталисты, а рантье и люди, обладающие фиксированным доходом. Имеет место будто бы лишь иное *распределение* прибыли вообще, сама прибыль в действительности своей нормы будто бы не изменила, ибо теперь она выступает как более высокий доход в руках других классов. Правда, со временем это привело бы к кризисам и противодействию. А. Смит, следовательно, не объясняет подлинного явления. Стоимость же фиксированных доходов повысилась бы, с одной стороны, потому, что их владельцы получили бы более высокую норму совокупной прибыли, хотя номинально эта норма осталась бы неизменной, а с другой стороны, потому, что на свою долю прибыли они купили бы в действительности не только больше продуктов, но и бо̀льшую массу овеществленного, хотя и не *оплаченного* ими труда.}

Ясно, что если даны прибавочная стоимость и *норма прибыли*, в которой она выражается {последняя, как мы видели, может быть весьма различной при одной и той же прибавочной стоимости}, то *масса* прибыли, абсолютная величина прибыли, полностью зависит от *величины примененного совокупного капитала*. Если прибыль на капитал в 100 талеров составляет 10, то на капитал в 100 000 она составляет 10 000, а именно, 10 × 1 000, так как капитал в 100 так относится к 100 000, как 10 к 10 000. Масса прибыли в этом случае растет точно в той же самой мере, в какой растет стоимость, или величина авансированного капитала; точно так же как масса прибыли, если дан капитал, зависит от нормы прибыли.

1) Мы видели, однако, что *одна и та же* прибавочная стоимость может быть выражена в весьма различных нормах прибыли в зависимости от отношения переменного капитала к совокупному капиталу.

2) Но, во-вторых, сама прибавочная стоимость по природе вещей является для различных капиталов *не одной и той же*, а *различной*. Во-первых, отношение собственно *времени обращения к времени производства* и поэтому к времени оборота различных капиталов является различным, а действительно созданная прибавочная стоимость обратно пропорциональна отношению времени обращения к времени производства. Во-вторых, нормальный рабочий день, а следовательно, и прибавочное рабочее время являются различными для различных капиталов, хотя эти различия следует понимать только лишь как уравнивание того отношения, в котором различные способы труда находятся к простому среднему труду. В-третьих, различными являются отношение между оборотным и основным капиталом и, наконец, то отношение, в котором оборачивается *основной капитал*. Производительность в различных отраслях промышленности различна, так же как различна и степень их участия в производительности других отраслей промышленности. Например, какая-либо отрасль промышленности, в которой занято весьма незначительное число рабочих, не участвует в удешевлении земледельческих продуктов, вообще — в удешевлении жизненных средств в той же мере, в какой в нем участвует отрасль промышленности, в которой занято много рабочих, которая приводит в движение много живого труда; подобно тому как отрасль промышленности, применяющая мало машин, не участвует в удешевлении машин в той же мере, в какой в нем участвует отрасль промышленности, применяющая много машин.

[XVI—989] О *средней норме прибыли* речь может идти вообще только в том случае, если в различных отраслях производ-

ства капитала нормы прибыли являются различными, а не одними и теми же.

Более подробное рассмотрение этого пункта относится к главе о конкуренции. Однако здесь все же должны быть изложены наиболее важные общие моменты.

Итак, прежде всего в природе общей или всеобщей нормы прибыли заложено то, что она является *средней прибылью*, средней из весьма различных норм прибыли.

Средняя норма прибыли предполагает, далее, что если определенный капитал, вложенный в определенное дело, приносит прибыль, которая поднимается выше или падает ниже известной точки, — если его прибыль поднимается выше или опускается ниже обычной нормы прибыли, — то, стало быть, последняя определена именно тем уровнем, который обозначен указанной измерительной точкой. На этой высоте норма прибыли считается нормальной, в общем и целом приемлемой для данного капитала как такового. Сказанное все еще не подвело нас к решающему пункту.

Норма прибыли, — поскольку она не компенсирована особым характером капиталовложения, аналогично тому как различия в продолжительности нормальных рабочих дней в различных отраслях труда до некоторой степени модифицируются конкурирующими побочными обстоятельствами, особым характером труда и т. д., поскольку она выше или ниже среднего уровня, — считается исключительным состоянием капитала в той особой отрасли вложения, в которой это имеет место, и понижается или повышается конкуренцией до общего уровня посредством иммиграции чужих капиталов в привилегированную отрасль или, в противоположном случае, путем эмиграции из этой отрасли местных, осевших в ней капиталов. В результате в первом случае уровень нормы прибыли понижается, а во втором случае — повышается. Добавочная прибыль или же уменьшение прибыли, выпадающие на долю отдельного капиталиста в той или иной особой отрасли (области) вложения капитала, совершенно не относятся к рассматриваемому вопросу. Речь идет, напротив, о прибыли на капитал во всех особых отраслях производства, или в каждой обусловленной разделением общественного труда особой сфере вложения капитала, о прибыли на каждый капитал, вложенный при средних, или нормальных условиях. Важность этого ограничения состоит в том, чтобы путем анализа глубже вникнуть в суть того, что представляет собой *средняя норма прибыли*.

Если мы возьмем какое-либо определенное количество капитала, например 100 ф. ст., в качестве масштаба капитала, т. е.

масштаба, с которым сравнивается величина различных капиталов, то *средняя норма прибыли* означает, что на эти 100 ф. ст. будет получена прибыль, например, в 10 ф. ст., равная $^1/_{10}$ авансированного капитала, или 10%, — совершенно независимо от особой природы, или определенности той сферы производства, в которую эти 100 ф. ст. вложены в качестве капитала. Из этого отнюдь не следует, что сумма стоимости в 100 ф. ст. может быть вложена в качестве капитала в любую сферу производства. Отсюда следует лишь то, что в любой из этих сфер на [каждые] 100 ф. ст. [капитала] получается 10% [т. е. 10 ф. ст. прибыли], какова бы ни была та величина капитала, которая требуется для функционирования той или иной особой отрасли производства. *Общая норма прибыли* в действительности означает, следовательно, не что иное, как то, что совокупная масса прибыли абсолютно определена величиной авансированного капитала. Капитал может быть крупным или небольшим, но средняя норма прибыли на него составляет 10%, а именно — в течение одного и того же времени обращения, времени оборота, т. е. в течение, например, 1 года в качестве меры времени обращения. Так как время обращения предположено как безразличное (или, что то же самое, идентичное) для всех капиталов, так как, далее, предположена [общая] норма прибыли, то масса прибыли полностью зависит от величины капитала. Иными словами, масса прибыли равна $a \times x$, где a является постоянной величиной, x — переменной величиной, выражающей размер капитала. Или же, если дана величина капитала, то дана и масса прибыли, а именно, — она определена общей нормой прибыли. [XVI—990] То, что общая норма прибыли равна, например, 10%, вообще не означает ничего другого, кроме того, что $^1/_{10}$ капиталов, в какую бы отрасль они ни были вложены, возвращается в качестве прибыли, или что прибыль находится в том же самом отношении к величине капитала, характеризуется тем же самым отношением своей величины к авансированному капиталу, следовательно, ее масса целиком зависит от величины капитала, находится к ней в прямой пропорции; стало быть, она точно так же не зависит от *действительного времени оборота капитала* (так как норма прибыли вообще одна и та же для данного времени обращения), от его *специфического времени обращения,* т. е. от отношения времени его обращения к времени его производства; точно так же масса прибыли не зависит от органического соотношения различных составных частей капитала в каждой особой отрасли производства, следовательно, и от *действительной прибавочной стоимости,* т. е. от действительного количества прибавочного труда, которое

поглощает или производит каждый отдельный капитал в каждой особой отрасли производства.

Превращение прибавочной стоимости в прибыль изменяет не только числовое отношение, — или, скорее, *выражение числового отношения,* — но также и форму вообще. Прибавочная стоимость выступала как отношение, в котором овеществленный труд обменивается на живой труд или в котором овеществленный труд присваивает живой труд без обмена. Органическое соотношение между различными частями авансированного капитала, а поэтому также и отношение прибавочной стоимости к той или иной *специфической* составной части капитала здесь бросается в глаза, явно выражено. Это исчезает, как только прибавочная стоимость находит свое выражение в качестве прибыли. Все части авансированного капитала выступают как равнозначные, различающиеся лишь количественно стоимостные величины, массы меновой стоимости, суммы стоимости, которые — пропорционально своему количеству или, вернее, в своей совокупности — в одинаковой степени обладают свойством производить не только самих себя, но и избыток над своей первоначальной величиной, производить прибыль. Капитал есть главная сумма, прибыль — дополнительная сумма, произведенная этой главной суммой в течение определенного времени обращения. Главная сумма, капитал, относится к дополнительной сумме как основание (причина) к обоснованному (к следствию, результату). Это обстоятельство выступает как непосредственно действующий закон капиталистического производства. Как, отчего и почему — все это в данном отношении между капиталом и прибылью выражено настолько неясно, что толкователи капиталистического производства, политико-экономы, дают этому явлению самые различные и самые противоречивые интерпретации.

Однако при всем этом прибавочная стоимость в процессе своего превращения в прибыль по-прежнему остается по своей абсолютной величине равной прибыли. Исчисляются ли 100 как прибыль в 10% по отношению к 1 000 или как прибавочная стоимость в 20% по отношению к переменной части, которую содержит в себе эта 1 000 и которая равна, скажем, 500, — эти 100 по-прежнему фигурируют *как одна и та же стоимостная величина,* только иначе исчисленная. {А в неодинаковости исчисления заложена и неодинаковость формы, стирание связи этого *избытка над авансированным капиталом с органическим соотношением различных составных частей капитала.*} Само по себе это различие остается лишь формальным. Поэтому различная прибавочная стоимость в различных сферах вложения капитала

по-прежнему выступала бы здесь еще и как *различная прибыль*.

Однако совершенно иначе обстоит дело с *общей нормой прибыли*, наиболее общий закон которой выражается в том, что норма прибыли одинакова для всех капиталов, или, что одно и то же, что массы прибыли непосредственно и точно относятся друг к другу как величины капиталов.

Общая норма прибыли, а следовательно, и прибыль в ее действительной, эмпирической форме уже предполагают превращение прибавочной стоимости в прибыль, а стало быть, и превращение нормы прибавочной стоимости в норму прибыли. Но, *кроме того, существуют различия в прибавочной стоимости* (в ее норме, а потому также и относительные различия в совокупной массе прибавочной стоимости) в том виде, в каком они возникают в особых сферах вложения капитала, отчасти вследствие различного отношения переменного капитала к постоянному, отчасти вследствие различного соотношения оборотного капитала с основным капиталом (вопреки всем отношениям, проистекающим из соотношения времени производства с [XVI—991] временем обращения); так вот, *различные нормы прибавочной стоимости*, или *различия в прибавочной стоимости*, продолжают существовать, хотя и в измененной форме различий в прибыли, или *различных норм прибыли*. Эти последние различия служат в качестве субстанции, предпосылки *общей нормы прибыли*, а потому и *прибыли в ее органической форме*. Они выравниваются, сводятся к своей средней величине, которая затем представляет собой действительную (нормальную) норму прибыли во всех особых сферах производства капитала, образованных посредством разделения общественного труда. На основе первого превращения [— прибавочной стоимости в прибыль] происходит, следовательно, второе превращение [— прибыли в среднюю прибыль], которое затрагивает уже не только форму, но вместе с ней и саму субстанцию, а именно, изменяет *абсолютную величину* прибыли, а стало быть, и прибавочной стоимости, выступающей в форме прибыли. Эта *абсолютная величина* не была затронута первым превращением.

Каковы бы ни были издержки производства (с точки зрения капиталиста) в какой-либо особой сфере производства, — следовательно, издержки производства какого-либо особого товара, — капиталист набавляет, например, 10% (общую норму прибыли) на авансированную сумму с таким расчетом, чтобы на произведенную за год сумму [стоимости] товаров приходилось 10% [прибыли]. Эти 10% входят затем в цену товара, и если товар продается по этой цене, то реализуется нормальная прибыль,

или средняя прибыль. Если бы капиталист в течение первого полугодия получил, например, на 2% больше этой средней прибыли, а во втором полугодии на 2% меньше, то произведенная в течение года общая сумма [стоимости] товаров, или средняя из тех прибылей, которые он получил за год, представляла бы собой нормальную прибыль, или среднюю прибыль на капитал данной величины, так как происходящие в ходе ежедневных сделок повышения и понижения прибылей выравняли бы их в эту среднюю прибыль.

Однако прибыль в сущности состоит из прибавочной стоимости, а не из какой-то *формально* более высокой оценки продукта, как это имеет место, когда, к примеру, денежная цена номинально повышается, если стоимость денежного материала, скажем золота, падает без одновременного падения стоимости товаров. Прибавочная стоимость есть действительное созидание новой стоимости. Она представляет собой больше овеществленного труда, чем тот овеществленный труд, который первоначально содержался в капитале, а потому действительно представляет собой более высокую меновую стоимость по сравнению с первоначальной меновой стоимостью. И это добавочное количество труда реализовано в добавочном количестве продукта, или потребительной стоимости. Насколько неверно было бы бо̀льшую массу потребительных стоимостей, или продуктов, из-за их большего количества рассматривать как большее количество овеществленного труда, — напротив, при возросшей производительности труда эта бо̀льшая масса продуктов может представлять собой меньшее количество труда, — настолько же верно то, что на данном уровне производительности труда, на данной ступени развития производства прибавочный труд или прибавочная стоимость в то же время выступают как прибавочный продукт, прибавочная потребительная стоимость. Если рассматривать совокупный капитал, то совокупная прибавочная стоимость представляет собой совокупный избыток труда, воплощенный в совокупном прибавочном продукте, над тем продуктом, который возмещает постоянную часть капитала и необходим для воспроизводства совокупного рабочего класса. Прибавочный продукт частично снова превращается в капитал, частично образует доход всех классов, под разными титулами распоряжающихся чужим трудом, живущих на счет их соответствующего участия в этом прибавочном продукте.

Если бы надбавка прибыли к цене была только формальной, то она была бы *номинальной*, совершенно так же как если бы стоимость совокупного продукта отличалась от совокупной стоимости авансированного капитала лишь тем, что совокупный

продукт оценивался бы в золоте пониженной стоимости или, что одно и то же, если бы численное выражение [стоимости совокупного продукта] увеличилось оттого, что он стал оцениваться не в золоте, а в серебре. [XVI—992] Тем самым не предполагались бы ни новая стоимость, ни прибавочный продукт. Все капиталисты продавали бы одну и ту же стоимость по более высокой денежной цене, что равносильно тому, как если бы все они продавали ее по более низкой денежной цене или же по цене, соответствующей этой стоимости. Тогда было бы безразлично и то, добавлено ли 10 или 1 000% прибыли к цене издержек производства, так как те большие цифры, в которых выражается всего лишь номинальное повышение цены, так же мало касаются существа дела, как и в том случае, если бы это номинальное повышение происходило в меньшем масштабе. Проценты такого номинального повышения были бы совершенно безразличны. Заработная плата, т. е. та часть капитала, которая предназначена для воспроизводства рабочей силы, точно так же как и та часть капитала, которая возмещает авансированный постоянный капитал, выступала бы в той же пропорции в случае бо̀льших численных значений, более высокого денежного выражения.

Так же как прибавочная стоимость отдельного капитала в каждой отдельной сфере производства представляет собой меру абсолютной величины прибыли, — поскольку эта последняя является всего лишь превращенной формой прибавочной стоимости, — так и *совокупная прибавочная стоимость*, производимая совокупным капиталом, стало быть, совокупным классом капиталистов, представляет абсолютную *меру совокупной прибыли, совокупного капитала*, причем под прибылью следует понимать все формы прибавочной стоимости, такие, как рента, процент и т. д. (то, что эта совокупная прибыль включает в себя вторжение [в издержки производства] за вычетом заработной платы, как показано выше, к делу не относится), следовательно, она представляет абсолютную величину стоимости (и потому — абсолютный прибавочный продукт, товарную массу), которую все множество капиталистов может распределять между собой под различными наименованиями. Эмпирическая или средняя прибыль, таким образом, не может быть ничем иным, как распределением этой совокупной прибыли (и представленной ею совокупной прибавочной стоимости или совокупного прибавочного труда) между отдельными капиталами в каждой отдельной сфере производства по одинаковым нормам, или, что одно и то же, по различию в отношении к величине капиталов, а не в той пропорции, в которой послед-

ние непосредственно представляют производство этой совокупной прибыли. Последняя есть, стало быть, лишь результат определенного способа исчисления, согласно которому различные капиталы распределяют между собой соответственные части совокупной прибыли. То, что они должны между собой распределять, определяется только абсолютным количеством совокупной прибыли или совокупной прибавочной стоимости. Той нормой, согласно которой они ее распределяют, является равная прибыль для равновеликих капиталов или неравенство прибыли для капиталов неодинаковой величины. То, что в первом превращении было лишь формальным различием, — что прибавочная стоимость [в форме прибыли] исчисляется для всего отдельного капитала как *равнозначной, не имеющей различий суммы стоимости,* без учета органического соотношения его составных частей, — здесь становится различием материальным, так как участие в совокупной прибыли, или в совокупной прибавочной стоимости, в равной мере определяется, измеряется определенным количеством процентов, т. е. величиной капиталов, без учета того отношения, в котором каждый отдельный капитал в каждой особой сфере производства участвует в создании этой совокупной прибыли или совокупной прибавочной стоимости. Так же как в первом превращении прибавочная стоимость [отдельного капитала] формально определена как избыток стоимости продукта над стоимостью авансированного капитала, так здесь материально — по отношению к стоимости авансированного капитала — определена ее доля в избытке стоимости совокупного продукта, создаваемого совокупным капиталом, над совокупной стоимостью последнего. Тем фактором, посредством которого осуществляется это исчисление, является *конкуренция капиталов* между собой. С того момента, когда прибавочная стоимость превращается в прибыль, т. е. в избыток над авансированным капиталом, следует второй практический вывод, а именно, что определенный избыток, взятый в отношении к авансированному капиталу, образует прибыль, или приходящуюся на этот капитал прибавочную стоимость, пропорциональную его величине — величине издержек производства, — а эти последние сводятся к стоимости авансированного капитала. Выравненная, нивелированная таким путем прибыль для капиталов в одной сфере производства выражает более высокую прибавочную стоимость, чем та, которую они непосредственно производят на самом деле, [XVI—993] в другой сфере производства — более низкую, для той и другой — среднюю из этой более высокой и этой более низкой прибавочной стоимости. Абсолютная величина этой

[средней] нормы прибыли зависит, разумеется, от абсолютной [величины] прибавочной стоимости в ее отношении к совокупному авансированному капиталу.

В действительности суть дела может быть выражена следующим образом.

Прибыль в качестве первого превращения прибавочной стоимости — и норма прибыли в этом первом превращении — выражает прибавочную стоимость в ее отношении к отдельному капиталу в целом, продуктом которого она является; прибыль нивелирует все части всего этого капитала, относясь к его целому как к однородной стоимостной сумме, не учитывая того органического отношения, в котором различные составные части этого капитала находятся к производству его прибавочной стоимости.

Эмпирическая или средняя прибыль выражает то же самое превращение, тот же самый процесс, точно таким же образом выражает отношение общей суммы прибавочной стоимости, т. е. прибавочной стоимости, реализованной всем классом капиталистов, к совокупному капиталу, или к капиталу, примененному всем классом капиталистов; средняя прибыль в качестве прибыли относится к этому совокупному капиталу общества, не учитывая того органического отношения, в котором отдельные составные части этого совокупного капитала; т. е. в данном случае, следовательно, отдельные самостоятельные капиталы, или отдельные капиталисты в особых сферах производства непосредственно участвовали в создании этой совокупной прибавочной стоимости. Точно так же, как если отдельный капитал, например, в 900 ф. ст. приносит 90 ф. ст. прибавочной стоимости, то эта прибыль соотносится одинаково со всеми составными частями указанных 900 ф. ст. и каждая из этих составных частей увеличивает указанную стоимость на 10%. Следовательно, к примеру, 350 ф. ст., затраченные на основной капитал, 350 — часть капитала, авансированная на сырье, и 200 — на заработную плату, — каждая из этих частей доставляет 10% прибыли, каждая, стало быть, производит прибыль пропорционально своей величине: «Капиталист ожидает одинаковой прибыли от всех частей своего капитала» (*Мальтус*) [169]. Таким образом, совокупный капитал *C* выступает по отношению к *M*, к прибавочной стоимости, как общественный капитал, или как сумма всех капиталов отдельных капиталистов, выступает в соответствии с нормой прибыли *r*, и каждая часть этого совокупного капитала участвует в *P* или *M* пропорционально *r*, стало быть, пропорционально величине своей стоимости независимо от своего непосредственно функционального отношения к производству *M*.

Второе превращение является необходимым результатом первого, вытекающего из самой природы капитала, в результате чего прибавочная стоимость превращается в избыток стоимости над издержками производства, т. е. над стоимостью авансированного капитала. В первом случае абсолютная величина прибавочной стоимости равна абсолютной величине прибыли; однако норма прибыли меньше нормы прибавочной стоимости. Во втором случае абсолютная величина совокупной прибавочной стоимости равна абсолютной величине совокупной прибыли; однако средняя норма прибыли меньше средней нормы прибавочной стоимости (т. е. отношения прибавочной стоимости к совокупной стоимости переменного капитала, содержащегося в совокупном капитале).

В первом случае превращение является формальным, во втором случае оно является также и материальным, так как теперь приходящаяся на отдельный капитал прибыль фактически представляет собой величину, отличную от произведенной им прибавочной стоимости, бо̀льшую или меньшую, чем прибавочная стоимость. В первом случае прибавочная стоимость исчисляется без учета органических составных частей капитала, производящего эту определенную прибавочную стоимость лишь в соответствии со своей величиной. Во втором случае доля в совокупной прибавочной стоимости, приходящаяся на отдельный самостоятельный капитал, исчисляется без учета его функционального отношения к производству этой совокупной прибавочной стоимости, исчисляется лишь в соответствии с его величиной.

Следовательно, во втором случае выявляется существенное различие как между прибылью и прибавочной стоимостью, так и между ценой и стоимостью товара. Отсюда отличие действительных цен товаров — даже нормальных цен товаров — от их стоимостей. Более подробное [XVI—994] исследование этого вопроса относится к главе о *конкуренции,* где надлежит показать также, каким образом, вопреки этому различию между нормальными ценами товаров и их стоимостями, перевороты в стоимости товаров модифицируют их цены.

Однако с самого начала понятно, каким образом [возникает путаница] в результате смешения эмпирической прибыли с прибавочной стоимостью, которую прибыль выражает в весьма превращенной форме (точно так же как в результате смешения соответствующего различия даже между нормальными ценами и стоимостями товаров), и что эта путаница в большей или меньшей степени имеет место у всей прежней политической экономии (с той лишь разницей, что более глубокие экономисты, такие, как Рикардо, Смит и т. д., непосредственно сводят при-

быль к прибавочной стоимости, т. е. хотят выразить абстрактные законы прибавочной стоимости непосредственно в [форме] эмпирической прибыли, так как в противном случае вообще станет невозможным любое познание закономерностей, в то время как политико-экономическая чернь, наоборот, явления эмпирической прибыли выставляет и выражает непосредственно в качестве законов прибавочной стоимости; в действительности же видимость отсутствия закономерности она выражает как сам закон).

Конкуренция капиталов есть вообще не что иное, как осуществление имманентных законов капитала, т. е. капиталистического производства, когда каждый капитал выступает по отношению к другому как судебный исполнитель этих законов; капиталы выражают на деле свою внутреннюю природу посредством внешнего взаимного принуждения, которому они в силу их отношения друг к другу, в силу своей внутренней природы подвергают друг друга. Однако в конкуренции имманентные законы капитала, капиталистического производства выступают как результат механического воздействия капиталов друг на друга; выступают поэтому в извращенном виде и поставленными на голову. То, что является следствием, выступает как причина, превращенная форма — как первоначальная и т. д. Поэтому вульгарная политическая экономия все, чего она не понимает, объясняет конкуренцией, иными словами, для нее выразить явление в его наиболее плоской форме означает то же самое, что познать законы этого явления.

Если капитал, оборачивающийся 6 раз за год, получает лишь половину той прибыли, которую получает капитал, оборачивающийся 3 раза; если капитал, применяющий много труда, получает не больше прибыли, чем капитал, применяющий много основного капитала; если капитал, претерпевающий длительные перерывы в самом процессе производства, получает такую же прибыль, как и капитал, который действует без перерыва и т. д., — то это означает всего лишь, что та прибыль, которую приносят все эти капиталы, распределяется между ними по их величине, а не сообразно их непосредственному первоначальному отношению [к прибавочной стоимости].

Если каждый капиталист к своим издержкам производства прибавляет 10%, то это означает лишь то, что один капиталист прибавляет на столько-то больше, другой — на столько-то меньше, чем он действительно производит сверх этих издержек производства.

В некотором отношении это то же самое, как если бы отдельные капиталисты продавали свои товары выше или ниже стои-

мости, обсчитывая покупателя или себя. Один реализует больше прибавочной стоимости, чем произвел, другой — меньше. Оба, однако, делят между собой, хотя по случайным мотивам и не поровну, ту совокупную прибавочную стоимость, которую создали принадлежащие им капиталы. То же самое происходит со средней прибылью, или с эмпирической прибылью, но только как всеобщий закон, совершенно не зависящий от личного взаимного надувательства капиталистов, напротив, как всеобщий закон, осуществляющийся вопреки этому надувательству и наряду с ним.

Разъяснение А. Смита [170] в том смысле, что если бы прибыль не сообразовалась с величиной капиталов, то у капиталистов не было бы оснований применять большой капитал вместо небольшого, наивно, да и ошибочно. Не говоря о его ошибочности, ведь может же больший капитал с меньшей [нормой] прибыли в [XVI—999] [171] известных границах реализовать бо̀льшую массу прибыли, чем меньший капитал с большей нормой прибыли. Мотив для применения бо̀льших капиталов, следовательно, остался бы. У Смита важно только то, что он вообще чувствует трудность объяснения того, что у oeconomista vulgaris * разумеется само собой, точно так же как у этих парней все разумеется само собой.

Дело заключается просто в том, что с превращением прибавочной стоимости в прибыль стоимость авансированного капитала превращается в издержки производства отдельных капиталистов; величина этих издержек производства, следовательно, превращается в величину авансированного капитала, причем это означает, что капиталисты начисляют себе одну и ту же величину продукта, — специфическим продуктом капитала является прибыль, — пропорционально этим издержкам производства, с тем чтобы имело место такое же распределение совокупной прибавочной стоимости, как и в условиях эмпирической прибыли. Масштаб предложения в [каждой] отдельной отрасли производства сам по себе порождает это нивелирование и исчисление средней.

Последний пункт, который надлежит еще рассмотреть в этом разделе, это та совершенно окостеневшая форма, которую наряду с этим принял капитал, а также завершение мистификации, присущей капиталистическому способу производства.

К этому следует вернуться.

Отсюда фраза (Торренса) о том, что с прогрессом цивилизации не труд, а капитал определяет стоимость товаров, а также

---

* — вульгарного экономиста. *Ред.*

о том, что капитал производителен независимо от применяемого им труда (Рамсей, Мальтус, Торренс и т. д.) [172].

h) В связи с *издержками производства* следует еще рассмотреть вопрос о том, почему с развитием капиталистического производства, а потому с увеличением объема и совершенствованием основного капитала, яростное стремление к удлинению нормального рабочего дня проявляется в такой степени, что повсеместно становится необходимым прямое вмешательство правительств. Но об этом позднее.

7) *[Всеобщий закон понижения нормы прибыли с развитием капиталистического производства.]*

Мы видели (пункт 6, g) *), что действительная прибыль, т. е. обычная средняя прибыль и ее норма, отличается от прибыли, а следовательно, и от нормы прибыли отдельного капитала, поскольку последняя состоит из прибавочной стоимости, действительно произведенной отдельным капиталом, и поэтому равна отношению прибавочной стоимости к общей сумме авансированного капитала. Но точно так же обнаружилось, что если рассматривать ту сумму капиталов, которая применяется в различных отдельных сферах производства, совокупную массу общественного капитала, или, что то же самое, *совокупный капитал класса капиталистов*, то средняя норма прибыли есть не что иное, как совокупная прибавочная стоимость, взятая в отношении к совокупному капиталу и исчисленная на этот совокупный капитал; что совокупная прибавочная стоимость относится к совокупному капиталу точно так же, как прибыль — а потому и норма прибыли — относится к отдельному капиталу, поскольку прибыль рассматривается лишь как формально превращенная прибавочная стоимость. Здесь, следовательно, мы опять находимся на твердой почве, где, не вдаваясь в рассмотрение конкуренции многих капиталов, можем вывести общий закон непосредственно из уже исследованной общей природы капитала. Этот закон, являющийся важнейшим законом политической экономии, заключается в том, что *с прогрессом капиталистического производства норма прибыли имеет тенденцию к понижению.*

|XVI—1 000| Так как общая норма прибыли есть не что иное, как отношение совокупной величины прибавочной стоимости к совокупной величине капитала, примененного классом капиталистов, то здесь речь идет не о различных частях, на которые делится прибавочная стоимость, не о промышленной прибыли, проценте, ренте. Так как все эти различные формы при-

* См. настоящий том, стр. 267. *Ред.*

бавочной стоимости являются лишь составными частями совокупной прибавочной стоимости, то одна из этих частей может увеличиваться потому, что другая уменьшается. Здесь же речь идет об уменьшении нормы совокупной прибавочной стоимости. Даже земельная рента, как правильно заметил уже А. Смит, вместо того чтобы возрастать, уменьшается с развитием капиталистического производства не пропорционально определенному участку земли, продуктом которого она *кажется*, а пропорционально вложенному в земледелие *капиталу*; следовательно, как раз в той форме, в которой она выступает непосредственно как составная часть прибавочной стоимости [173]. Этот закон подтверждается всей современной агрономией. (См. Домбаля [174], Джонса [175] и др.)

Откуда, стало быть, эта тенденция к понижению общей нормы прибыли? Прежде чем ответить на этот вопрос, можно указать на то, что она вызвала у буржуазной политической экономии большой страх: и рикардианская и мальтузианская школы — это сплошной вопль о конце света, который якобы должен быть порожден этим процессом, так как капиталистическое производство есть производство прибыли, и, следовательно, с понижением этой прибыли оно лишается своего стимула, своей животворной души. Другие экономисты приводили в противовес этому утешительные, не менее характерные доводы. Однако наряду с теорией говорит практика, т. е. кризисы, проистекающие из-за чрезмерного изобилия капитала, или, что сводится к тому же, безрассудные авантюры, предпринимаемые капиталом вследствие понижения нормы прибыли. Отсюда кризисы, — см. Фуллартона [176], — признанные в качестве необходимого насильственного средства избавления от избытка капитала и восстановления здоровой нормы прибыли.

{Колебания нормы прибыли, не зависящие от органических изменений в составных частях капитала или от абсолютной величины капитала, возможны в результате того, что *стоимость* авансированного капитала, — будь то капитала, применяемого в форме основного капитала или существующего в качестве сырья, готового товара и т. д., — повышается или падает вследствие не зависимого от уже существующего капитала повышения или понижения рабочего времени, необходимого для его *воспроизводства*, так как стоимость каждого товара, — следовательно, и тех товаров, из которых состоит капитал, — обусловлена не только содержащимся в нем самом необходимым рабочим временем, но и необходимым — общественно необходимым — рабочим временем, требующимся для его *воспроизводства*; а это воспроизводство может происходить при затруд-

ненных или облегченных обстоятельствах, отличных от условий первоначального производства. Если при изменившихся обстоятельствах, для того чтобы воспроизвести тот же самый капитал, требуется в целом вдвое больше или, наоборот, вдвое меньше рабочего времени, чем его требовалось для производства этого капитала, то, предполагая стоимость денег перманентно неизменной, если прежде он стоил 100 талеров, теперь он стоил бы 200, или, если раньше он стоил 100, то теперь — лишь 50. Если бы это повышение или понижение стоимости в равной мере охватило все части капитала, то как капитал, так и прибыль были бы теперь выражены в два раза большем или вдвое меньшем количестве талеров. Норма [прибыли] осталась бы прежней: 5 относятся к 50, как 10 к 100 или 20 к 200. Предположим, однако, что повысилась [или понизилась] номинальная стоимость только основного капитала и сырья и что из [авансированного] капитала в 100 они составляли $^4/_5$, т. е. 80, переменный же капитал составлял $^1/_5$, т. е. 20. В этом случае прибавочная стоимость, а следовательно, и прибыль, была бы по-прежнему выражена [XVI—1 001] той же самой денежной суммой. Следовательно, норма прибыли повысилась или понизилась бы. В первом случае прибавочная стоимость равна 10 талерам, что составляет 10% на 100. Однако прежние 80 теперь стоят 160, т. е. совокупный капитал равен 180. $10 : 180 = {}^1/_{18} = {}^{100}/_{18}\% = 5^5/_9\%$ вместо прежних 10%. Во втором случае мы имеем 40 вместо 80, совокупный капитал равен 60, отношение $10 : 60 = {}^1/_6 = {}^{100}/_6\% = 16^2/_3\%$. Однако эти колебания отнюдь не могут иметь общего характера, если они не охватывают товары, входящие в потребление рабочего, если они, следовательно, не охватывают и переменного капитала, т. е. всего капитала. Но в этом случае норма прибыли остается неизменной, хотя масса прибыли номинально изменяется.}

Общая норма прибыли никогда не может повышаться или понижаться в результате того, что повышается или понижается совокупная стоимость авансированного капитала. Если повышается выраженная в деньгах стоимость авансированного капитала, то повышается также и номинальное денежное выражение прибавочной стоимости. Норма [прибыли] остается неизменной. Ditto * — при понижении [стоимости авансированного капитала].

Общая норма прибыли может понижаться только,

1) если понижается абсолютная величина прибавочной стоимости. Эта величина, напротив, имеет тенденцию возрастать

* — То же. *Ред.*

в ходе развития капиталистического производства, ибо ее возрастание идентично развитию производительной силы труда, которую развивает капиталистическое производство;

2) потому, что понижается отношение переменного капитала к постоянному капиталу. Норма прибыли, как мы видели *, всегда меньше, чем представляемая ею норма прибавочной стоимости. Она, однако, тем меньше, чем больше становится отношение постоянного капитала к переменному капиталу. Иными словами, та же самая норма прибавочной стоимости находит свое выражение в тем меньшей норме прибыли, чем больше отношение общей суммы авансированного капитала к его переменной части или чем большую часть совокупного капитала составляет постоянный капитал. Прибавочная стоимость, выраженная в качестве прибыли, равна $M/_{(c+v)}$, и эта величина тем меньше, чем больше c и чем больше она отличается от $M/_v$, от нормы прибавочной стоимости. Ибо $M/_{(c+v)}$ достигло бы своего максимума при $c = 0$, стало быть, при $M/_{(c+v)} = M/_v$.

Закон развития капиталистического производства, однако, состоит как раз в том (см. Шербюлье [177] и т. д.), что переменный капитал, т. е. затраченная на заработную плату, на живой труд часть капитала, непременно уменьшается, переменная составная часть капитала всегда уменьшается *по отношению* к постоянной составной части капитала, т. е. к той его части, которая состоит из основного капитала и затраченного на сырье и вспомогательные материалы оборотного капитала. Все развитие относительной прибавочной стоимости, т. е. производительной силы труда, т. е. капитала, заключается, как мы видели [178], в том, что необходимое рабочее время, а следовательно, и общая сумма обмененного на труд капитала, сокращается в результате того, что посредством разделения труда, применения машин и т. д., посредством кооперации и обусловленного этим увеличения массы стоимости и массы авансированного постоянного капитала производится больше прибавочного труда, в то время как авансированный на труд капитал уменьшается.

Итак, в результате того, что уменьшается отношение переменного капитала к совокупной массе капитала, падает норма прибыли, т. е. отношение прибавочной стоимости к совокупной массе капитала тем меньше, [XVI—1 002] чем меньше отношение переменного капитала к постоянному капиталу.

---

* См. настоящий том, стр. 242—256. *Ред.*

Если, например, в индийском производстве отношение капитала, авансированного в качестве заработной платы, к постоянному капиталу равно 5 : 1, а в Англии 1 : 5, то ясно, что норма прибыли в Индии должна быть гораздо выше, даже если действительно реализованная прибавочная стоимость там намного меньше. Возьмем [совокупный капитал в] 500. Если переменный капитал равен $^{500}/_5 = 100$, а прибавочная стоимость — 50, то норма прибавочной стоимости составляет 50%, а норма прибыли — только 10%. Если же переменная часть капитала равна 400, а норма прибавочной стоимости только 20%, то на 400 это составит 80, а норма прибыли на капитал в 500 составит 80 : 500, или 8 : 50, или 16 : 100, следовательно, 16%. (100 : : 16 = 500 : 80, или 50 : 8 = 250 : 40, или 25 : 4 = 125 : 20; 25 × 20 = 500; 4 × 125 = 500.) Таким образом, хотя труд в Европе подвергается вдвое большей эксплуатации по сравнению с Индией, норма прибыли в Индии относится к норме прибыли в Европе как 16 : 10 = 8 : 5 = 1 : $^5/_8$; следовательно, как 1 : 0,625. (5 : 8 = 0,625; 625 : 1 000 = 125 : 200 = 25 : : 40 = 5 : 8.) И именно потому, что в Индии на живой труд обменивается $^4/_5$ совокупного капитала, а в Европе только $^1/_5$. Если в этих странах, где высока норма прибыли, действительное богатство представляется незначительным, то это имеет место потому, что незначительной является производительная сила труда, которая как раз выражается в этой высокой норме прибыли. [Норма прибавочной стоимости в] 20% это — $^1/_6$ рабочего времени. Поэтому Индия могла бы прокормить только $^1/_6$ населения, не занятого непосредственно в производстве продукта, в то время как в Англии при [норме прибавочной стоимости в] 50% смогла бы прожить, не работая, $^1/_3$ населения, т. е. вдвое больше людей [179].

Тенденция общей нормы прибыли к понижению равнозначна, следовательно, развитию производительной силы капитала, т. е. увеличению того отношения, в котором овеществленный труд обменивается на живой труд.

Развитие производительной силы проявляется двояко: [во-первых,] в величине уже произведенных производительных сил, в стоимостном объеме и массе тех условий производства, при которых совершается новое производство, т. е. в абсолютной величине уже накопленного производительного капитала. Во-вторых, в относительной незначительности капитала, расходуемого на заработную плату, по сравнению с совокупным капиталом, т. е. в относительной незначительности живого труда, который требуется для воспроизводства и использования значительного капитала, для массового производства.

Все это предполагает в то же время концентрацию больших количеств капитала в немногих пунктах. Один и тот же капитал является крупным, если он, будучи объединен в одних руках, занимает 1 000 рабочих, и мелким, если он распылен среди 500 хозяев, у каждого из которых занято по два рабочих.

Если отношение переменной части капитала к постоянной или к совокупному капиталу велико и составляет, как, например, в приведенном выше примере, 5 : 1, то это свидетельствует о том, что не применены все средства развития производительности труда, одним словом, что *общественные силы* труда не развиты, что, следовательно, посредством большого количества труда производится мало, [XVI—1 003] в то время как в противоположном случае посредством небольшого (относительно) количества труда производится много.

Развитие основного капитала (само по себе влекущее за собой развитие вложенного в сырье и вспомогательные материалы оборотного капитала) *(см. Сисмонди* [180]*)* представляет собой особый симптом развития капиталистического производства [181]. Оно непосредственно включает в себя относительное уменьшение переменной части капитала, т. е сокращение количества живого труда. Оба момента идентичны. Больше всего это бросается в глаза в земледелии, где указанное уменьшение является не только относительным, но и абсолютным.

{Данное А. Смитом объяснение понижения общей нормы прибыли в результате конкуренции [182] — при условии, что друг другу противостоят только капиталисты и рабочие, т. е. что не принимается во внимание дальнейшее распределение прибавочной стоимости между различными классами, — сводится к тому, что прибыль падает не потому, что повышается заработная плата, но заработная плата может повыситься потому, что падает прибыль, стало быть, в итоге соответствующее падению прибыли повышение заработной платы — тот же способ объяснения, что и совершенно противоположное объяснение Рикардо [183], согласно которому прибыль понижается потому, что возрастает заработная плата и т. д., или объяснение Кэри [184], согласно которому прибыль понижается потому, что возрастают не только издержки производства (меновая стоимость), но и потребительная стоимость заработной платы. То, что прибыль временно понижается вследствие конкуренции между капиталами, т. е. вследствие их конкуренции в спросе на труд, это признают все экономисты (см. *Рикардо* [185]). Объяснение А. Смита — если бы он не говорил только о промышленной прибыли — возвело бы это положение во всеобщий закон,

который весьма противоречил бы законам заработной платы, развитым им же самим.}

Развитие производительной силы проявляется двояким образом: в увеличении прибавочного труда, т. е. в сокращении необходимого рабочего времени, и в уменьшении той составной части капитала, которая обменивается на живой труд, по отношению к совокупной массе капитала, т. е. по отношению к совокупной стоимости капитала, входящего в производство (см. «*Прибавочная стоимость*», «*Капитал*» и т. д. [186]). Или, иначе говоря, в большей эксплуатации применяемого живого труда (это следует из большей массы потребительных стоимостей, производимых живым трудом за данный промежуток времени; hinc * сокращение времени, необходимого для воспроизводства заработной платы, hinc удлинение рабочего времени, присваиваемого капиталистом без эквивалента) и в уменьшении относительной массы вообще применяемого живого рабочего времени, т. е. его массы по отношению к капиталу, который привел его в движение. Оба движения не только идут рука об руку, они взаимно обусловливают друг друга и представляют собой лишь различные формы и явления, в которых находит свое выражение один и тот же закон. Между тем, если рассматривать норму прибыли, они действуют в противоположном направлении. Прибыль есть прибавочная стоимость, взятая в отношении к совокупному капиталу, а норма прибыли есть отношение этой прибавочной стоимости к определенной величине капитала, исчисленное, например, в процентах. Но прибавочная стоимость — как совокупная масса — определяется, во-первых, ее нормой, а во-вторых, количеством труда, одновременно примененного при этой норме, или, что то же самое, величиной переменной части капитала. С одной стороны, возрастает норма прибавочной стоимости, с другой стороны, уменьшается (относительно) число, на которое умножается эта норма. В той мере, в какой развитие производительной силы уменьшает необходимую (оплаченную) часть примененного труда, в той же мере оно повышает прибавочную стоимость, так как оно повышает ее норму, или оно повышает прибавочную стоимость, выраженную в процентах. Однако в той мере, в какой оно уменьшает совокупную массу труда, примененного данным капиталом, оно уменьшает то число, на которое умножается норма прибавочной стоимости, т. е. уменьшает ее массу.

Прибавочная стоимость определяется как нормой, выражающей отношение прибавочного труда к необходимому, так и

* — отсюда. *Ред.*

массой (числом) * примененных рабочих дней. Последняя же — т. е. переменная часть капитала — с развитием производительных сил уменьшается по отношению к авансированному капиталу.

Если $C = 500$, $c = 100$, $v = 400$, $M = 60$, а $^{M}/_{v} = {}^{60}/_{400} = 15\%$, то норма прибыли равна $^{60}/_{500} = 12\%$. [XVI—1 004] Если, далее, $C = 500$, $c = 400$, $v = 100$, $M = 30$, а $^{M}/_{v} = {}^{30}/_{100} = 30\%$, то норма прибыли равна $^{30}/_{500} = 6\%$. Норма прибавочной стоимости удвоилась, норма прибыли вдвое уменьшилась. Норма прибавочной стоимости в точности выражает ту норму, по которой эксплуатируется труд, в то время как норма прибыли выражает то относительное количество живого труда, которое применяется капиталом при данной норме эксплуатации, или отношение затраченного на заработную плату капитала, переменного капитала, к общей сумме авансированного капитала.

Если $C = 500$, $c = 400$, $v = 100$, то для того чтобы норма прибыли составляла 12%, т. е. для того чтобы прибыль была равна 60, прибавочная стоимость должна быть равна 60, а $^{M}/_{v}$ должна составлять $^{60}/_{100} = 60\%$.

Для того чтобы норма прибыли оставалась той же самой, норма прибавочной стоимости (т. е. та норма, при которой эксплуатируется труд) должна возрасти в той же пропорции, в какой относительно уменьшается величина авансированного на труд капитала, т. е. величина переменного капитала, или в той же пропорции, в какой относительно возрастает величина постоянного капитала. Из одного-единственного обстоятельства уже убедительно следует, что это возможно лишь в определенных пределах, и, скорее, наоборот, тенденция прибыли к понижению, — или *относительное* уменьшение суммы прибавочной стоимости, происходящее одновременно с возрастанием нормы прибавочной стоимости, — должна преобладать, как это и подтверждается опытом. Та часть стоимости, которую вновь воспроизводит и производит капитал, равна живому рабочему времени, непосредственно поглощенному им в его продукте. Одна часть этого рабочего времени возмещает овеществленное в заработной плате рабочее время, другая представляет собой неоплаченный избыток над последним, прибавочное рабочее время. Однако та и другая вместе образуют совокупную массу произведенной стоимости, и лишь часть этого примененного труда составляет прибавочную стоимость. Если нормальный рабочий день равен 12 часам, то 2 рабочих, выполняющих простой

* В рукописи слово «(числом)» написано над словом «массой». *Ред.*

труд, ни при каких обстоятельствах не могут присоединить более 24 часов (а рабочие, выполняющие труд более высокого порядка, никак не более 24 часов, умноженных на величину, выражающую отношение их рабочего дня к простому рабочему дню), определенная часть которых возмещает их заработную плату. Прибавочная стоимость, которую они производят, при всех обстоятельствах может быть лишь соответственной частью этих 24 часов. Если вместо 24 рабочих данным количеством капитала (пропорционально данному количеству капитала) занято только 2 или же если при новом способе производства необходимы 2 рабочих (пропорционально данному количеству капитала) вместо 24 при старом, то, если прибавочный труд при старом способе производства был равен $^1/_{12}$ совокупного рабочего дня, или 1 часу [на каждого из 24 рабочих], никакое повышение производительной силы не может — как бы оно ни повышало также и норму прибавочного рабочего времени — обеспечить то, чтобы 2 рабочих доставили такую же массу прибавочной стоимости, как 24 рабочих при старом способе производства. Если рассматривать развитие производительной силы и относительно не слишком сильное понижение нормы прибыли, то в этом случае должна была бы значительно усилиться эксплуатация труда; и вызывать удивление должно не то, что норма прибыли понизилась, а то, что она не понизилась в более значительной степени. Это объясняется отчасти теми причинами, которые подлежат рассмотрению в разделе о конкуренции капиталов, отчасти вообще тем, что до сих пор огромное увеличение производительной силы в одних отраслях было парализовано или ограничено гораздо более медленным ее развитием в других отраслях; следовательно, общее отношение переменного капитала к постоянному — если рассматривать совокупный капитал общества — уменьшилось не в той пропорции, как это бросается в глаза в некоторых особенных сферах производства.

В общем, следовательно, понижение нормы средней прибыли выражает увеличение производительной силы труда или капитала и тем самым, с одной стороны, повышенную эксплуатацию примененного живого труда и [с другой стороны] *относительно уменьшившуюся массу живого труда*, примененного при повышенной норме эксплуатации и исчисленного в расчете на определенную величину капитала.

Из этого закона, однако, не следует само собой, что уменьшается *накопление* капитала или что уменьшается абсолютная *масса прибыли* (а следовательно, и *абсолютная* — не *относительная* — *масса* прибавочной стоимости, представленная в прибыли).

[XVI—1 005] Вернемся к приведенному выше примеру *. Если постоянный капитал составляет только $^1/_5$ всего авансированного капитала, то это выражает более низкую ступень развития производительной силы, ограниченный масштаб производства, мелкие раздробленные капиталы. Такой капитал в 500 при 15% прибавочной стоимости (переменный капитал равен 400) дает *сумму* прибыли в 60. Обратное отношение [между постоянным и переменным капиталом] выражает крупный масштаб производства, развитие производительной силы, кооперацию, разделение труда и значительное применение основного капитала. Предположим, следовательно, что размер такого капитала будет увеличен в 20 раз, тогда 500 × 20 составляют 10 000; 6% прибыли на 10 000 (или 30% прибавочной стоимости, если переменный капитал равен 2 000) составляют 600. Капитал в 10 000 при 6% прибыли накопляет поэтому быстрее, чем капитал в 500 при [норме прибыли в] 12%. Один капитал реализует [необходимое] рабочее время, равное 400; другой — 2 000, т. е. в 5 раз бо́льшую абсолютную массу [необходимого] рабочего времени, хотя пропорционально своей величине или данной сумме капитала, например 100, он применяет в четыре раза меньше [необходимого рабочего времени]. (См. пример Рикардо [187].)

Здесь, как и во всем изложении, мы совершенно не принимаем в расчет потребительную стоимость. Само собой разумеется, что при большей производительности капитала одна и та же стоимость на более производительной ступени производства представляет гораздо большую массу потребительных стоимостей, чем на менее производительной ступени, и поэтому доставляет материал в соответствии с гораздо более высокой степенью роста населения, а тем самым и рабочей силы [Arbeitskräfte]. (См. *Джонса* [188].)

Вместе с этим понижением нормы прибыли возрастает *минимум капитала*, — или необходимый уровень концентрации средств производства в руках капиталистов, — который вообще требуется для производительного применения труда, требуется как для эксплуатации труда, так и для того, чтобы на производство какого-либо продукта затрачивать только *общественно необходимое рабочее время*. И одновременно возрастает накопление, т. е. концентрация, в результате того, что крупный капитал при небольшой норме прибыли накопляет быстрее, чем небольшой капитал при высокой норме прибыли. Эта возрастаю-

* См. настоящий том, стр. 289. *Ред.*

щая концентрация, достигнув известного уровня, в свою очередь опять приводит к новому понижению нормы прибыли. Поэтому масса мелких раздробленных капиталов охотно устремляется на путь авантюр. Hinc * — кризис. Так называемое чрезмерное изобилие капитала относится всегда к чрезмерному изобилию лишь такого капитала, для которого понижение нормы прибыли не уравновешивается ее массой. (См. Фуллартона [189].)

Однако прибыль есть движущая сила капиталистического производства, и производится лишь то и лишь постольку, что и поскольку может быть произведено с прибылью. Отсюда страх английских экономистов перед понижением нормы прибыли.

Уже Рикардо заметил, что увеличение массы прибыли при убывающей норме прибыли не является абсолютным, но возможно, что сама масса прибыли может понизиться, несмотря на возрастание капитала. Странным образом он это *не сформулировал в общем виде,* а привел лишь пример [190]. Тем не менее дело обстоит очень просто.

[Капитал в] 500 при [норме прибыли в] 20% дает прибыль, равную 100.

[Капитал в] 5 000 при [норме прибыли в] 10% дает прибыль, равную 500; однако 5 000 при [норме прибыли в] 2% дали бы прибыль, равную лишь 100, — не больше, чем 500 при [норме прибыли в] 20%, а при [норме прибыли в] 1% дали бы прибыль, равную лишь 50, т. е. вдвое меньше, чем 500 при [норме прибыли в] 20%. *В общем,* до тех пор пока норма прибыли понижается медленнее, чем возрастает капитал, масса прибыли, а следовательно, и норма накопления увеличиваются, хотя относительно прибыль уменьшается.

Если бы прибыль уменьшалась в той же степени, в какой возрастает капитал, то, несмотря на возрастание капитала, масса прибыли, — а, стало быть, также и норма накопления, — оставалась бы той же самой, какой она была при меньшем капитале с большей нормой прибыли. Наконец, если бы норма прибыли понижалась в большей степени, чем возрастал капитал, то масса прибыли, а тем самым и норма накопления также уменьшились бы вместе с нормой прпбыли и оказались бы на более низком уровне, чем при меньшем капитале и соответствующей ему ступени менее развитого производства с большей нормой прибыли.

---

* — Отсюда. *Ред.*

[XVI—1 006] {Мы нигде не рассматриваем потребительную стоимость, разве только в той мере, в какой она определяет издержки производства рабочей силы или природу капитала, как, например, в случае основного капитала, так как мы рассматриваем капитал вообще, а не действительное движение капиталов, или конкуренцию. Однако мимоходом здесь можно сказать, что такое производство в крупном масштабе с повышенной нормой прибавочной стоимости и уменьшенной нормой прибыли предполагает огромные масштабы производства, а следовательно, потребления потребительных стоимостей и поэтому периодически всегда ведет к перепроизводству, которое периодически ликвидируется путем расширения рынков, к перепроизводству, которое возникает не потому, что отсутствовал спрос, а потому, что отсутствовал платежеспособный спрос. Ибо тот же самый процесс предполагает пролетариат в постоянно увеличивающемся масштабе, следовательно, ограничивая в значительной и прогрессирующей степени спрос, выходящий за пределы необходимых жизненных средств, он одновременно обусловливает постоянное расширение спроса. Мальтус справедливо отмечает, что *спрос со стороны* рабочего *никогда не может быть достаточным для капиталиста* [191]. Его прибыль заключается как раз в избытке предложения рабочего над его спросом. Каждый капиталист действительно понимает это в отношении своих собственных рабочих, но только не в отношении чужих, — тех, которые покупают его товары. Внешняя торговля, производство предметов роскоши, расточительство со стороны государства (рост государственных расходов и т. д.), массовое расходование основного капитала и т. д. тормозят этот процесс [перепроизводства]. (Поэтому Мальтус, Чалмерс и др. предлагали в качестве nostrum * синекуры, расточительность государства и непроизводительных классов [192].) Странным остается то, что те же самые экономисты, которые признают периодическое перепроизводство капитала (периодическое чрезмерное изобилие капитала признано всеми современными экономистами), отрицают периодическое перепроизводство товаров. Как будто самый простой анализ не должен был показать, что оба явления выражают *одну и ту же антиномию*, но только в различной форме.}

То, что одна лишь эта возможность [понижения нормы прибыли] тревожит Рикардо (Мальтуса и рикардианцев ditto **), свидетельствует как раз о глубоком понимании им условий

* — патентованного средства, панацеи. *Ред.*
** — также. *Ред.*

капиталистического производства[193]. Наиболее значительно у Рикардо как раз то, в чем его упрекали, а именно, что при рассмотрении капиталистического производства он, не думая о «людях», о распределении, а потому и потреблении, обращает внимание только на развитие производительных сил, каких бы жертв оно ни стоило. *Развитие производительных сил общественного труда есть историческая* задача и оправдание капитала. Именно этим он бессознательно создает материальные условия более высокого способа производства. Что̀ здесь Рикардо не по душе, так это то, что прибыль — стимул капиталистического производства и условие, а также двигатель накопления — ставится под угрозу самим законом развития производства. А количественное соотношение — здесь всё.

В действительности в основе этого лежит нечто более глубокое, что̀ Рикардо лишь смутно сознает. Здесь обнаруживается *чисто экономическим* образом, с точки зрения самого̀ капиталистического производства, его предел, его *относительность*, то, что оно — не *абсолютный*, а лишь исторический *способ производства*, соответствующий определенной ограниченной эпохе развития материальных условий производства.

Для того чтобы подвести этот важный вопрос к решающему выводу, необходимо предварительно исследовать:

1) Чем вызвано то, что с развитием основного капитала, машин и т. д. растет жажда чрезмерного труда, удлинения нормального рабочего дня, одним словом, жажда *абсолютного прибавочного труда*, растет как раз с развитием способа производства, при котором выполняется *относительный прибавочный труд?*

2) Каким образом *прибыль* в капиталистическом производстве — с точки зрения отдельного капитала и т. д. — выступает как *необходимое условие производства*, относящееся, следовательно, к абсолютным издержкам капиталистического производства?

{Если мы возьмем прибавочную стоимость, то ее норма тем больше, чем меньше переменный капитал, и тем меньше, чем больше по отношению к ней переменный капитал. [Норма прибавочной стоимости] $^{m}/_{v}$ возрастает или уменьшается в обратном отношении к тому, как возрастает или уменьшается v. Если бы v было равно 0, то норма прибавочной стоимости была бы максимальной, так как не нужно было бы совсем никаких затрат капитала на заработную плату, совсем не нужно было бы оплачивать труд, для того чтобы присваивать неоплаченный труд. И наоборот, выражение $^{m}/_{(c+v)}$, или норма прибыли, было бы максимальным, если бы c было равно 0, т. е. если бы

норма прибыли была равна норме [XVI—1 007] прибавочной стоимости, если бы совсем не требовалось затрачивать никакой постоянный капитал c, для того чтобы израсходовать капитал v на заработную плату и поэтому реализовать его в виде прибавочного труда. Выражение $^m/_{(c+v)}$ увеличивается или уменьшается, следовательно, противоположным образом по отношению к тому, как увеличивается или уменьшается c, стало быть, также [противоположным образом] возрастает или уменьшается по отношению к v.

Норма прибавочной стоимости тем больше, чем меньше отношение переменного капитала к прибавочной стоимости. Норма прибыли тем больше, чем больше отношение переменного капитала к совокупному капиталу, а это последнее отношение тем больше, чем меньше отношение постоянного капитала к совокупному капиталу, а стало быть, также и то отношение, в котором постоянный капитал образует меньшую часть совокупного капитала по сравнению с переменным капиталом. Однако переменный капитал, в свою очередь, составляет тем меньшее отношение к совокупному капиталу, чем больше отношение совокупного капитала, а потому и постоянного капитала к переменному капиталу.

Если $m = 50$, $v = 500$, $c = 100$, то $m' = {}^{50}/_{500} = {}^{5}/_{50} = {}^{1}/_{10} = 10\%$, а p' (норма прибыли) $= {}^{50}/_{600} = {}^{5}/_{60} = {}^{1}/_{12} = 8^1/_3\%$.

Итак, $^m/_v$ тем больше, чем меньше v, а $^m/_{(c+v)}$ тем больше, при условии, что m дано, чем больше v [по отношению к совокупному капиталу] и чем меньше c; однако $^m/_v$ возрастает, если возрастает c. Если бы теперь $^m/_v$ превратилось в $^{3m}/_v$, поскольку c возрастает втрое, то [норма прибыли] получилась бы равной $^{3m}/_{(3c+v)}$; если первоначально отношение v к C было равно $v : (v + c)$, то теперь оно было бы равно $v : (v + 3c)$.

[Первоначально мы имели:] $v = {}^{Cv}/_{(v+c)} = {}^{C}/_{(1+{}^c/_v)}$; [теперь мы имели бы:] $v = {}^{Cv}/_{(v+3c)} = {}^{C}/_{(1+{}^{3c}/_v)}$.

Если бы m по своей величине была больше, чем v, притом что c растет, т. е. v меньше, чем $c + v$, если бы, следовательно, норма прибавочной стоимости в результате большего применения постоянного капитала возрастала в той же самой степени, в какой уменьшается отношение переменного капитала к совокупному капиталу, то норма прибыли оставалась бы неизменной.

Первоначально мы имели $\frac{m}{c+v} = p'$. Теперь мы имеем $\frac{3m}{3c+v} = p'$.

Прежде всего спрашивается, насколько $\frac{m}{3c+v}$ меньше, чем $\frac{m}{c+v}$?

$$\frac{m}{c+v}-\frac{m}{3c+v}=\frac{m\cdot(3c+v)-m\,(c+v)}{(c+v)\,(3c+v)}=\frac{m\cdot(3c+v-c-v)}{(c+v)\,(3c+v)}=$$
$$=\frac{m\,(2c)}{(c+v)\,(3c+v)}$$

[XVI—1 008] Пусть прибавочная стоимость равна 120, переменный капитал — 600. В этом случае m', или норма прибавочной стоимости, равна $^{120}/_{600}$ = 20%. Если бы постоянный капитал был равен 200, то p' была бы равна $^{120}/_{800} = {}^{12}/_{80} = {}^{3}/_{20} =$ = 15%. Если бы теперь постоянный капитал увеличился втрое, с 200 до 600, а все остальное осталось бы неизменным, то m' по-прежнему была бы равна 20%, однако p' была бы теперь равна $^{120}/_{1\,200} = {}^{12}/_{120} = {}^{6}/_{60} = {}^{3}/_{30} = {}^{1}/_{10}$ = 10%. Норма прибыли упала бы с 15 до 10%, т. е. на $^{1}/_{3}$, а постоянный капитал утроился бы. Переменный капитал составлял раньше $^{000}/_{800} =$ $= {}^{6}/_{8} = {}^{3}/_{4}$ совокупного капитала, теперь он составляет $^{600}/_{1\,200}$, т. е. всего лишь $^{1}/_{2}$, или $^{2}/_{4}$, следовательно, [его отношение к совокупному капиталу также] уменьшилось на $^{1}/_{3}$.

Если бы, однако, в результате утроения постоянного капитала прибавочная стоимость увеличилась бы втрое, т. е. со 120 до 120 × 3 = 360, то m' была бы теперь равна $^{360}/_{600} =$ $= {}^{36}/_{60} = {}^{6}/_{10} = {}^{3}/_{5}$ = 60%, но p' была бы равна $^{360}/_{1\,200} =$ $= {}^{36}/_{120} = {}^{6}/_{20} = {}^{3}/_{10}$ = 30%.

Но так как переменный капитал по отношению к совокупному капиталу составлял раньше 600 : 800 = $^{0}/_{8}$, или $^{3}/_{4}$, а теперь — $^{600}/_{1\,200}$, или $^{1}/_{2}$, то это означает, что данное отношение уменьшилось в пропорции $^{1}/_{2} : {}^{3}/_{4} = {}^{2}/_{4} : {}^{3}/_{4}$ = 2 : 3, т. е. на $^{1}/_{3}$. Следовательно [для того чтобы норма прибыли осталась неизменной], прибавочная стоимость также должна была бы возрасти только на $^{1}/_{3}$, но не утроиться; $^{120}/_{3}$ = 40; 120 + $^{1}/_{3}$ от 120 = 120 + 40 = 160. [Норма прибавочной стоимости равна] $^{160}/_{000} = {}^{4}/_{15} = 26^{2}/_{3}$%[194]. [XVI—1 008] *

[XVI—1 009] m = 120; v = 600; c = 200; $m' = {}^{120}/_{600} =$ = 20%; $p' = {}^{120}/_{800}$ = 15%.

m = 120; v = 600; c = 600; $m' = {}^{120}/_{600}$ = 20%; $p' =$ $= {}^{120}/_{1\,200}$ = 10%. 15 : 10 = 3 : 2 = 1 : $^{2}/_{3}$. Следовательно, p' понизилась на $^{1}/_{3}$, c утроился, совокупный капитал возрос с 800 до 1 200, т. е. наполовину; наконец, первоначально отно-

* Вторая половина страницы 1 008 рукописи Маркса заполнена арифметическими подсчетами, относящимися к приведенным выше соотношениям. *Ред.*

шение $^v/_c$ составляло 600 : 200. Теперь c возрос в 3 раза, следовательно, v уменьшился в 3 раза по отношению к c. Наконец, первоначально отношение v к C составляло 600 : 800 = 6 : 8 = = 3 : 4, т. е. $v = {}^3/_4\ C$. Теперь это отношение составляет 600 : 1 200 = 6 : 12 = 2 : 4; $v = {}^1/_2$, или $^2/_4\ C$; следовательно, отношение $v : C$ упало на $^1/_4$.

Для того чтобы норма прибыли оставалась равной 15%, прибавочная стоимость должна возрасти со 120 до 180, т. е. на 60 (а 60 : 120 = 1 : 2), стало быть, наполовину. Далее, m' [возрастает] со $^{120}/_{600}$, или 20%, до $^{180}/_{600}$, или 30%, т. е. снова наполовину.

[Норма] прибавочной стоимости должна возрасти в той же пропорции. что и совокупный капитал, [который возрос] с 800 до 1 200, т. е. на 50%, стало быть, с 20 до 30%. Первоначально отношение v к совокупному капиталу составляло $^3/_4$, теперь оно равно $^2/_4$. Однако $^3/_4 \times 20 = {}^2/_4 \times 30$, равно, следовательно, 15%.}

{Разумеется, переменный капитал, а стало быть, и абсолютное количество рабочих могут постоянно возрастать абсолютно, хотя по отношению к совокупному капиталу и к основному капиталу эти величины постоянно убывают. Отсюда вздорный спор о том, уменьшают ли машины количество рабочих. При своем введении машины почти всегда уменьшают количество рабочих, но не в той сфере, где они сами будут введены, а путем подавления тех рабочих, которые заняты тем же видом труда на более ранней ступени развития производства. Например, машинные прядильщики вытесняют ручных прядильщиков, машинные ткачи — ручных ткачей и т. д. Однако в той отрасли промышленности, которая применяет машины, количество рабочих {хотя здесь в значительной мере имеет место вытеснение мужчин женщинами и подростками} может постоянно возрастать абсолютно, хотя относительно оно уменьшается.} [XVI—1 009]

[XVI—995] Прежде всего сопоставим факты.

$C = v + c$; m — прибавочная стоимость; m' — норма прибавочной стоимости; p' — норма прибыли; $m' = {}^m/_v$; $p' = = {}^m/_C$, или $^m/_{(v+c)}$.

а) Итак, $C = 800$; $c = 200$; $v = 600$; $m = 120$. В этом случае $c = {}^1/_4\ C$ ($^{800}/_4 = 200$) и $v = {}^3/_4\ C$ ($^3/_4 \times 800 = 600$); $m' = = {}^{120}/_{600} = 20\%$. Если постоянный капитал c увеличивается с 200 до 600, т. е. в три раза, то совокупный капитал C возрастает с 800 до 1 200, *т. е. на 50%*.

Так как $c = {}^1/_4\ C$, то в результате своего утроения он увеличится с $^1/_4$ до $^3/_4$, т. е. на $^2/_4$ [C]. Совокупный капитал теперь

равен $^3/_4\,C + {}^3/_4\,C = {}^6/_4\,C$. Следовательно, он увеличился на [$^2/_4\,C$]. Первоначально [v составлял] $^3/_4\,C$ (= 600). Следовательно, в результате своего утроения он увеличился бы с $^3/_4$ до $^9/_4$ [C], с 600 до 1 800, а совокупный капитал возрос бы до 2 000 ([$={}^{10}/_4$] C); следовательно, по сравнению с первоначальным капиталом, равным $^6/_4\,C$ = 1 200, он возрос бы до 1 200 + + 800 = 2 000. Стало быть, то, насколько [возрастет] совокупный капитал в результате определенного роста постоянного капитала c, зависит от первоначального отношения $c : C$, которое в то же время может быть выражено через определенное отношение $c : v$ [....] *. Чем больше, следовательно, отношение $c : v$ или отношение $c : C = c : (c + v)$, тем больше возрастает совокупная величина C посредством [роста c], тем больше падает норма прибыли и тем значительнее должен быть рост нормы прибавочной стоимости, для того чтобы норма прибыли осталась неизменной. [....] * рост совокупного капитала при данной норме прибавочной стоимости.

Далее, в том случае, если C увеличивается с 800 до 1 200, постоянный капитал c — с 200 до 600, т. е. если постоянный капитал утраивается, а совокупный капитал возрастает до [$^6/_4$, т. е.] на 50%, то норма прибавочной стоимости, или m', по-прежнему будет равна 20%, а m — 120. Но $p' = {}^{120}/_{1\,200} =$ = 10%. Прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости [остались без изменения, а норма прибыли] уменьшилась с 15 до 10, т. е. на $^1/_3$, или на 33 $^1/_3$%. Откуда такая разница: норма прибыли снижается на 33 $^1/_3$%, [в то время как совокупный капитал] возрастает на 50%? Это происходит потому, что нормы прибыли находятся в обратном отношении к величинам обоих сравниваемых капиталов. [....] * или 1 200. Рост капитала происходит в пропорции 800 : 1 200 = 2 : 3, следовательно, в пропорции 2 : (2 + 1), или на 50%. Напротив, падение нормы прибыли выражается уменьшением отношения со $^{120}/_{800}$ до $^{120}/_{1\,200}$; иными словами, $^{120}/_{800} : {}^{120}/_{1\,200} = 3 : 2$, стало быть, уменьшением на $^1/_3$, или на 33$^1/_3$%.

Следовательно, падение нормы прибыли при неизменяющемся переменном капитале находится в прямой зависимости от роста совокупного капитала. Ее падение выражается в обратной пропорции по сравнению с той, в которой возрастает капитал. *Если капитал возрастает в отношении 2 : 3, то норма прибыли падает в отношении 3 : 2.* Далее, возрастание совокупного капитала при неизменяющемся переменном капитале может проистекать только из роста постоянного капитала.

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

Однако то, в какой степени определенное возрастание постоянного капитала может вызвать возрастание совокупного капитала, зависит от первоначального отношения $c : C$. *Обратное отношение* частично объясняет, почему норма прибыли уменьшается не в той же самой пропорции, в которой возрастает капитал, даже если норма прибавочной стоимости остается неизменной. Если число 2 увеличивается до 4, то это означает увеличение на 100%. Если число 4 уменьшается до 2, то это означает уменьшение на 50%.

b) Если бы в приведенном выше случае II норма прибыли осталась неизменной, то прибыль, а следовательно, и прибавочная стоимость должны были бы увеличиться со 120 до 180, т. е. на 60, или на $^1/_2$ от 120, на половину своей первоначальной величины. Прибавочная стоимость, стало быть, должна была бы *возрасти* непосредственно в *той же самой пропорции*, что и совокупный капитал, — на 50%, следовательно, возрасти в большей пропорции, чем та, в которой уменьшается норма прибыли при неизменяющейся прибавочной стоимости.

Если бы постоянный капитал c увеличился до 1 200, а не до 600, то совокупный капитал возрос бы до 1 800, так как c увеличился бы на 1 000, т. е. на 125% [по отношению к первоначальной величине совокупного капитала. Для того чтобы норма прибыли] осталась неизменной, сумма прибавочной стоимости, равная сумме прибыли, должна была бы возрасти до 270. Однако 270 : 120 означает рост на 150, или на 125% по отношению к 120. (120 : 120 означает 100%, а 30 : 120 составляет $^1/_4$, или 25% (4 × 30 = 120). [.....] *)

c) Насколько увеличились бы m' и прибавочная стоимость в приведенном выше случае b?

Первоначально норма прибавочной стоимости составляла $^{120}/_{600}$ = 20%, или $^1/_5$ переменного капитала. Если [во втором случае] капитал возрастает до 1 200, или c утраивается, то [при неизменной норме прибыли норма прибавочной стоимости увеличится] до $^{180}/_{600}$, или до 30%. В третьем случае, когда совокупный капитал возрастает до 1 800, [прибавочная стоимость увеличится] по отношению к переменному капиталу до $^{270}/_{600}$ = $^9/_{20}$, т. е. до 45%. [Во втором случае норма] прибавочной стоимости возрастает с 20 до 30%, т. е. на 50%, — точно так же, как в этом случае возрастает совокупный капитал, — а абсолютная прибавочная стоимость, или [норма прибавочной стоимости, в третьем] случае увеличивается с 20 до 45%, т. е. на 25 пунктов. Но 25 : 20 составляет $1^1/_4$;

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

($20 + {}^1/_4$ от 20, или 5), следовательно, норма прибавочной стоимости увеличивается на 125%. {Этот [пример относится] только к увеличению приращения, а не к отношению величин как таковых друг к другу.} Итак, норма прибавочной стоимости должна была бы [возрастать] непосредственно [в той же самой пропорции, что и] совокупный капитал, или в той же самой пропорции, в какой должна была бы возрасти абсолютная прибавочная стоимость, с тем чтобы норма прибыли при возрастающем [совокупном капитале] оставалась неизменной.

В первом случае при совокупном капитале 800 переменный капитал составлял 600, т. е. $^3/_4$ *C*; постоянный капитал, равный 200, составлял $^1/_4$ *C*.

Во втором случае при совокупном капитале 1 200 переменный капитал составлял 600, т. е. $^2/_4$ *C*; постоянный капитал, равный 600, составлял $^2/_4$ *C*.

В третьем случае при совокупном капитале 1 800 переменный капитал составлял 600, т. е. $^1/_3$ *C*; постоянный капитал, равный 1 200, составлял $^2/_3$ *C*.

Если бы переменный капитал составлял 600 при совокупном капитале 3 600, т. е. был бы равен $^1/_6$ *C*, а постоянный капитал, равный 3 000, составлял бы $^5/_6$ *C*, то прибавочная стоимость, или прибыль, [при неизменной норме прибыли] должна была бы возрасти до 540. Норма прибавочной стоимости была бы равна $^{540}/_{600}$, $^9/_{10}$, или 90%, что по сравнению с 20% [означает увеличение] на 70 пунктов. Однако 70 по отношению к 20 составляет 350%. Прирост капитала составил бы 3 600 — 800 = 2 800, что также [составляет 350%]. В данном случае прибавочный труд был бы равен $^9/_{10}$ совокупного рабочего дня, следовательно, при десятичасовом рабочем дне он составлял бы 9 часов. [.....] * [XVI—996] [.....] * Хотя [в приведенном выше примере рост нормы прибавочной стоимости] полностью соответствовал росту совокупного капитала при неизменяющемся переменном капитале, [— при неизменной норме прибавочной стоимости] норма прибыли изменяется в том же самом стоимостном выражении, но в обратном отношении к повышению или понижению [стоимости совокупного] капитала. Если капитал возрастает с 2 до 4, то норма прибыли падает в соответствии с отношением 4 : 2. Капитал увеличивается на 100%, [норма прибыли уменьшается на 50%], а норма прибавочной стоимости, которая при неизменном переменном капитале представляет собой равнозначное отношение, возрастает не так, как [совокупный] капитал, или переменный капи-

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

тал [уменьшается не так, как растет] совокупный капитал. Нет решительно никакого рационального основания для того, чтобы повышение производительной силы труда в точности соответствовало определенному числовому отношению. [Обнаруживается лишь, что] относительная прибавочная стоимость возрастает и что ее возрастание происходит пропорционально уменьшению переменного капитала. [....] *, однако производительная сила [труда], а следовательно, и прибавочный труд увеличиваются не в той же самой пропорции, в какой уменьшается это отношение. [....] * Допустим, что один человек производит столько же потребительной стоимости, сколько 90 человек. Он никогда не произведет за день больше стоимости, чем средняя стоимость, равная 12 часам, а прибавочной стоимости не больше, чем *12 час.* минус x, где x выражает необходимое для его собственного производства рабочее время. Прибавочная стоимость, [....] * *посредством того рабочего времени, в течение которого он сам работает, а не посредством тех рабочих дней, которые являются для него перерывом в труде.* Если бы 90 человек ежедневно доставляли лишь по $^1/_2$ часа прибавочного времени, то [это составило бы 45] часов. Если бы одному человеку требовался лишь один час необходимого рабочего времени, то он ни в коем случае не доставил бы больше, чем 11 часов прибавочной стоимости. [....] * двойственный процесс. Он увеличивает прибавочное рабочее время рабочего дня, но также уменьшает число этих рабочих дней. [....] * капитал. Во-вторых, развитие производительной силы происходит неравномерно; некоторые отрасли промышленности могут даже стать менее производительными, [....] * но [развитие производительной силы] определяется общей производительностью капитала.

[Неравномерное развитие производительной силы может иметь место] прежде всего при неизменяющемся уровне производства, при отсутствии значительных переворотов в производительной силе по сравнению со своим уже существующим [уровнем]. Допустим, что имеется 2 капитала; в то время как у капитала, равного 1 000, [норма прибыли составляет] 10% и он производит стоимость в 1 100, [у капитала, равного,] например, 800, где $v = 600$, $c = 200$, а прибавочная стоимость $= 160$, норма прибыли равна 20%. Тогда капитал в 100 000 принес бы [...] * [Допустим, что у этого последнего капитала доля переменного капитала составляет] вместо $^3/_4$ только $^1/_6$ ($^3/_4 =$ $= {^{18}/_{24}}$, а $^1/_6 = {^4/_{24}}$), следовательно, он применяет относительно

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

меньше — на $^{14}/_{24}$, или $^{7}/_{12}$ — переменного капитала. [...] * все еще 5 000. Его переменный капитал и примененный им живой труд составил бы в общей сложности 16 666$^{4}/_{6}$, т. е. все еще почти в 28 раз больше, чем в первом случае. Однако норма прибыли, когда норма прибавочной стоимости [остается без изменения], определяется отношением переменного капитала к совокупному капиталу. При простых процентах [5% в год] 100 000 ф. ст. возрастут за 20 лет до 200 000, в то время как накопление [у капитала] в 800 при росте в 20% составит за 20 лет лишь 3 200 (160 × 20). В последующие 20 лет 200 000 при росте в 5% превратятся в 400 000. Другой же капитал [равный 3 200] при росте в 20% увеличится [через 20 лет] только до 12 800.

α) Как правило {об исключении, т. е. об *интенсификации труда* и поэтому о фактически происходящем *увеличении труда* посредством машин — см. в разделе о *прибавочной стоимости*[195]}, машины создают только *относительную прибавочную стоимость* — путем сокращения необходимого рабочего времени и, следовательно, путем удлинения прибавочного рабочего времени. Этот результат достигается посредством удешевления товаров, входящих непосредственно или косвенно в потребление рабочего.

Прибавочная стоимость создается двумя факторами. Во-первых, ежедневным прибавочным трудом отдельного рабочего. Этот труд определяет *норму прибавочной стоимости*, а стало быть, также и то отношение, [в котором] увеличивается переменный капитал в результате обмена на живой труд. Во-вторых, *числом* одновременно эксплуатируемых капиталом рабочих, или числом одновременных рабочих дней.

Если дана норма прибавочной стоимости, то величина прибавочной стоимости — сама прибавочная стоимость как самостоятельная величина — зависит от числа занятых рабочих. Если даны число занятых рабочих [и число одновременных] рабочих дней, то величина прибавочной стоимости зависит от ее нормы.

[Машины имеют] явную тенденцию воздействовать на оба фактора прибавочной стоимости в противоположном направлении. Они увеличивают норму [прибавочной стоимости] и

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

уменьшают число рабочих {во всяком случае *относительно*, по отношению к определенному количеству капитала, например, в процентах}, рабочий [день которых] эксплуатируется по увеличенной норме.

[Предположим, что 12 рабочих] доставляли ежедневно по часу прибавочного труда. В результате применения машин 6 рабочих должны доставлять ежедневно по 2 часа прибавочного [труда. В этом] случае 6 рабочих доставляют 12 часов прибавочного труда — ровно столько же, сколько прежде 12 рабочих. То время, в течение которого ежедневно [работают] 12 рабочих, [может, считая нормальным] рабочий день в 12 часов, рассматриваться как совокупный рабочий день продолжительностью в 144 часа, из которых [132 часа — необходимое рабочее] время, 12 часов — прибавочное рабочее время. Во втором случае совокупный рабочий день состоит из 72 часов, из которых 60 часов — необходимое рабочее время, [12 часов — прибавочное рабочее время]. Так как теперь совокупный рабочий день продолжительностью в 72 часа содержит в себе столько же прибавочного труда, как и рабочий день продолжительностью в 144 часа, то из этих 144 часов [72 часа, или 6 рабочих, являются бесполезными], излишними для производства 12 часов прибавочной стоимости. Поэтому они оказались вытесненными в результате применения машин.

[Процесс,] лежащий в основе всякого роста относительной прибавочной стоимости, представляет собой удлинение прибавочного рабочего времени путем [сокращения необходимого] рабочего времени; однако процесс, который раньше касался только рабочего дня отдельного рабочего, теперь прилагается [к совокупному рабочему дню], состоящему из суммы рабочих дней одновременно занятых рабочих. Сокращение [рабочего времени] принимает теперь [форму увольнения рабочих]. В первом случае сумма рабочих часов остается неизменной. Изменяется лишь ее *распределение* между необходимым и прибавочным трудом, между [....] *. Теперь, однако, изменяется не только *распределение*, но и *сумма* затраченного рабочего времени.

[Сокращение] совокупного рабочего дня продолжительностью, например, в 144 часа, который с момента применения машин уже не является необходимым, для того чтобы [доставлять] 12 часов прибавочного труда, устраняет *излишний, бесполезный* труд. С капиталистической точки зрения бесполезным, т. е. *непроизводительным*, является всякий труд, который

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

не требуется [для создания прибавочной стоимости], который, стало быть, необходим *всего лишь* для воспроизводства самого рабочего. В приведенном выше примере [необходимы] 72 [часа труда], т. е. 6 рабочих дней. Это означает, что 6 рабочих из 12 увольняются. В первом случае величина [совокупного рабочего дня (так же как и число] содержащихся в нем часов) остается неизменной. Меняется только их распределение. Во втором случае эта величина изменяется, изменяется сумма [затраченного рабочего времени и] ее распределение. В первом случае, следовательно, неизменной остается *стоимость* при *возрастающей прибавочной стоимости.* Во втором случае [изменяется величина] овеществленного в продукте рабочего времени, в то время как прибавочная стоимость увеличивается.

[....] * простой кооперации и разделения труда. Имеет место, как в случае применения машин, [....] * по отношению к продукту. [....] * [XVI—997] в условиях применения машин имеет место абсолютное уменьшение [числа рабочих] (по отношению к определенному капиталу). В некоторых отраслях производства, например в земледелии, также постоянно [происходит указанное] уменьшение; оно не сдерживается, как в других отраслях производства, тем обстоятельством, что при новой пропорции [необходимого и прибавочного труда] может быть успешно поглощен [труд не только] прежнего числа рабочих, но даже и абсолютно большего, хотя относительно гораздо меньшего [их числа].

То, как изменяется норма прибыли, — даже в таком случае, как вышеприведенный, когда норма прибавочной стоимости возрастает в той же самой или [большей пропорции], чем уменьшается число рабочих, т. е. когда ее снижение, вызванное одним фактором, компенсируется или более [чем компенсируется] ее увеличением, вызванным другим фактором, когда, следовательно, величина прибавочной стоимости остается неизменной или даже еще увеличивается, — зависит от той пропорции, в которой [....] *, [изменяется] в зависимости от изменения в составных частях совокупного капитала или от той пропорции, в которой происходит это изменение. [...] * Та прибавочная стоимость, которую приносит капитал, может *производиться лишь тем количеством рабочих, которое им эксплуатируется, лишь тем количеством рабочих, которое* [....] *. Общество — alias ** совокупный класс капиталистов — по-

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*
** — иначе говоря. *Ред.*

средством высвобождения уволенных им рабочих воздействует [....] *

Совершенно само собой разумеется *в качестве общего закона,* что с прогрессом в применении машин численность [рабочих не должна] оставаться [той же самой], напротив, она должна *понижаться;* это означает, что уменьшение количества [рабочих] (по отношению к определенной величине капитала) [....] *, — что *уменьшение количества* [рабочих] не может непрерывно уравновешиваться соответствующим *увеличением нормы прибавочной стоимости,* [той пропорции, в которой] эксплуатируется рабочий день отдельного рабочего.

Предположим, что 50 рабочих доставляют только по 2 часа прибавочного труда; тогда созданная ими прибавочная стоимость равна 100. Предположим, далее, что десять человек заменяются одним, тогда 5 рабочих занимают место 50. [Совокупная величина] их рабочего времени равна $5 \times 12 = 60$ часам; такова же и *совокупная стоимость их* продукта. Созданная ими прибавочная стоимость [....] * меньше 60, так как она равна 60 минус необходимое рабочее время. Стало быть, она еще значительно меньше 100. Итак, имеет место еще большее [уменьшение прибавочной стоимости], чем вызванное развитием производительной силы уменьшение абсолютной массы применяемого труда, [— уменьшение, не компенсированное] равнозначным увеличением *нормы прибавочной стоимости,* — это, стало быть, имеет место там, где, несмотря на рост нормы прибавочной стоимости, прибавочная стоимость уменьшается. [....] * *Уменьшение* массы прибавочной стоимости — или общего количества затраченного прибавочного труда — с необходимостью должно вызывать развитие машинного производства. Здесь [обнаруживается,] что капиталистическое производство вступает в противоречие с развитием производительных сил и отнюдь не является их абсолютной [....] * и конечной формой.

{Если бы все 50 рабочих или же, быть может, только 25 могли быть заняты в соответствии с новой нормой [прибавочной стоимости], то прибавочная стоимость, — а не только ее норма, — возросла бы по сравнению с предыдущим случаем. Отсюда — важность того масштаба, в котором применяются машины, и их тенденция занимать одновременно возможно большее число рабочих в сочетании с тенденцией оплачивать возможно меньшее число необходимых рабочих дней.}

β) Возьмем капитал, равный 600, из которых 400 затрачено на труд и 200 — на постоянный капитал: на орудия — 50,

---

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

а на сырой материал — 150. Пусть указанные 400 представляют 10 рабочих. Если бы были применены машины [стоимостью] — вместе с сырым материалом — в 520, а затраченный на труд капитал составлял бы уже только 50, то 10 рабочих были бы заменены двумя, или 5 — одним. Общая сумма авансированного капитала осталась бы той же, стало быть, не изменились бы и *издержки производства*. Двое рабочих производили бы каждые 12 часов труда [не больше] прибавочного рабочего времени 10 рабочих, так как заработная плата осталась бы той же. Тем не менее товары, которые теперь производились бы при изменившихся условиях производства, могли бы при некоторых предпосылках быть удешевлены, хотя и предполагается, что их [количество] не увеличивается, или что один и тот же капитал в условиях нового процесса производства производит не больше товаров, чем раньше, в условиях прежнего процесса производства. Так как сырой материал перерабатывается в том же количестве и по-прежнему равен 150, то расход на машины теперь повысился с 50 до 370. {А именно: 370 — на машины, 150 — на сырой материал, 80 — на труд; 370 + 150 + 80 = 600.}

Предположим теперь, что время оборота этих примененных машин равно 10 годам {время воспроизводства}. В доставляемые в течение года товары входила бы теперь стоимость, равная 37, т. е. $^{370}/_{10}$, для возмещения изнашивания машин. Сумма издержек производства товаров {прибыль и прибавочная стоимость здесь в расчет не идут, так как их нормы остаются теми же} была бы теперь равна 37 + 150 + 80 = 267. Издержки же производства товара при прежнем процессе были равны 600, причем мы предполагаем, что входящие в него орудия (оцениваемые в 50) должны ежегодно обновляться. Цена товаров понизилась бы в отношении 267 : 600. Удешевление товаров, коль скоро они входили бы в потребление рабочего, повлекло бы за собой уменьшение необходимого для его воспроизводства количества труда и тем самым — удлинение прибавочного рабочего времени. Но сначала, как и при всяком применении машин, капиталист II [применяющий машины], хотя и продавал бы дешевле, чем капиталист I, однако не в той пропорции, в какой понизились его издержки производства. В действительности это является антиципацией происходящего при посредстве машин снижения издержек производства труда. [Если бы] рабочие получали ту же самую заработную плату, что и прежде, то хотя они и могли бы купить больше товаров {из тех, которые они сами произвели}, однако не в той мере, в какой их труд стал производительнее. Если бы капиталист

оплачивал их своим собственным товаром, то это было бы то же самое, как если бы он давал им хотя и больше товаров по количеству, но меньше по выраженной в этом количестве меновой стоимости. Даже оставляя в стороне само это отношение и рассматривая ту эмпирическую форму, в которой, следовательно, капиталист начисляет проценты (скажем, 5%) на свой совокупный капитал, на непотребленную часть последнего, получается, что 5% на 300 (на непотребленную часть капитала за первый год) равны 15, а, например, 5% прибыли также составляют 15, всего — 30. Тогда цена товара составила бы 280 + 30 = 310, т. е. все еще примерно наполовину меньше, чем [стоимость совокупного авансированного капитала] в первом случае [196].

В действительности же было затрачено лишь 37 [т. е. примерно 50] талеров на основной капитал, 150 — на сырой материал и 80 — на труд, т. е. 80 [единиц, затраченных на живой труд, приходятся] на 200 [единиц, затраченных на овеществленный труд]. Совокупный авансированный капитал составляет 280, из которых 80 приходятся на заработную плату. Раньше же 200 затрачивались на постоянный капитал и 400 — на заработную плату, всего — 600. В первом случае отношение капитала, затраченного на труд, к совокупному капиталу составляло $^{400}/_{600}$. Во втором случае — $^{80}/_{280}$. В первом случае оно равно $^{2}/_{3}$, во втором — $^{2}/_{7}$. Следовательно, не $^{2}/_{3}$ в первом случае и $^{2}/_{15}$ во втором, как это казалось первоначально [197]; тогда различие между $^{30}/_{45}$ и $^{6}/_{45}$ означало бы, что [доля переменного капитала в авансированном капитале] в первом случае в 5 раз больше, чем во втором. [На самом же деле] изменение [этой доли] с $^{2}/_{3}$ до $^{2}/_{7}$, или с $^{14}/_{21}$ до $^{6}/_{21}$, означает, что указанное отношение в первом случае только в $2^{1}/_{3}$ раза больше, чем во втором.

Но если бы 10 рабочих были заменены одним, то затраченный на машины капитал возрос бы с 50 [не] до 370 [как в том случае, когда 10 рабочих были заменены двумя, а] приблизительно до 2 000, следовательно, совокупный капитал увеличится до 2 300; так что в товаре ежегодно для возмещения изнашивания теперь содержалось бы $^{2\,000}/_{10}$ = 200. Издержки производства были бы равны 250 + 150 + 80 = 480, а вместе с процентами и прибылью, которые равны 10% от 2 000, т. е. 200, это составит 680. Итак, в этом случае издержки производства были бы равны [....] *

[XVI—998] [Отсюда проистекают] два вывода.

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

[....] * [Вследствие] специфического времени оборота основного капитала — вследствие способа его обращения — в стоимость [....] * продукта входит гораздо меньшая соответственная его часть, чем действительно требуется для производства. Только его износ, та его часть, которая ежегодно утрачивается, входит [в стоимость продукта], потому что только эта часть действительно находится в обращении. Следовательно, если бы капитал оставался прежним и если бы изменение происходило только в отношении [основного] капитала к составной части капитала, затраченной [на труд], то имело бы место удешевление продукта, конечным результатом которого было бы [уменьшение издержек] производства труда, а потому — повышение нормы прибавочной стоимости, т. е. прибавочного рабочего времени.

[Если] капитал [остается] *прежним* и если не увеличивается также и прибавочное время (т. е. не происходит снижения первоначальной заработной платы), [то ...] *, [— в той же] мере, в какой уменьшается продолжительность времени оборота (времени воспроизводства) основного капитала.

[...] * соответственная часть старого капитала, которая превращается в основной капитал, но капитал должен был бы [...] * если бы возрос совокупный капитал, то степень этого роста, необходимая для того, чтобы число рабочих [...]* имело бы место там, где произведенный с помощью машины товар обошелся бы дороже, чем произведенный с помощью ручного труда [...] *

[...] * дан при предположении, что та масса товаров, которую производит меньшее число рабочих, не больше, [чем та масса товаров, которую] производило [большее] число рабочих, не применявших машины, или при предположении, что один и тот же капитал, применяя машины, [производит] не [больше товаров], чем он производил прежде, без применения машин.

[Если каждый из двух] рабочих [применяющих машины] производит больше, чем 10 рабочих, работавших без применения машин, то они, вероятно, создадут столько же, сколько прежде создавали 20 рабочих. [...] * постоянно определенное количество, но, вероятно, превышающее то, которое они вытесняют. В этом случае один [рабочий] заменял [...] *, вероятно, могли бы быть применены лишь в том случае, если будут применены оба указанных рабочих. Во всяком случае, тогда авансированная [на машины] часть капитала должна была бы

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

удвоиться. Это означает, что величина капитала не может [оставаться] неизменной.

Если, однако, медленный оборот [основного] капитала удешевляет продукт даже в том случае, если старый капитал не увеличивается, а следовательно, и не производится больше товаров, чем прежде, то тем более это имеет место в другом случае.

Это относится к *разделу об издержках производства* [198], точно так же как изложенное выше о *прибавочной стоимости* должно быть рассмотрено в разделе «Прибавочная стоимость» [199].

{Совокупная масса авансированного капитала входит в *процесс труда,* однако в *процесс образования стоимости* или в *стоимость продукта* входит лишь часть капитала, потребленная в течение определенного периода процесса труда. (См. *Мальтуса* [200].) Отсюда — меньшая стоимость, или бо́льшая дешевизна товаров, которые произведены, например, тем же самым капиталом в 500, если из этой суммы $^4/_5$ приходится на постоянный капитал, а $^1/_5$ — на переменный, чем в том случае, если бы это соотношение было обратным. (Даже если прибыль и процент исчисляются на весь капитал, то все же в стоимость товара входит лишь соответственная часть этого капитала, а не весь капитал, как это имеет место в том случае, когда весь капитал или бо́льшая его часть вложена в живой труд.) Однако прибыль исчисляется на весь капитал, а значит, и на его непотребленную часть. Хотя непотребленная часть капитала и не входит в стоимость продукта отдельного капитала, если он рассматривается сам по себе, она, в форме прибыли (процента), входит в средние издержки капиталистического производства, так как образует один из элементов средней прибыли и одну из статей расчета, согласно которому капиталисты распределяют между собой совокупную прибавочную стоимость капитала.}

{Норма прибыли зависит, или она есть не что иное, как отношение прибавочной стоимости (рассматриваемой как абсолютная величина) к величине авансированного капитала. Однако сама прибавочная стоимость — т. е. ее абсолютная величина — может понижаться, хотя норма прибавочной стоимости повышается и повышается значительно. Сумма прибавочной стоимости, т. е. ее абсолютная величина, должна даже уменьшаться, несмотря на любое повышение нормы прибавочной стоимости, как только *сумма* [...] * *стоимости* труда,

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

вытесняемого машинами, становится больше, чем *сумма стоимости* труда, занимающего его место, или как только *прибавочное время* вытесненных рабочих становится больше, чем *совокупное рабочее время* тех рабочих, которые их заменяют. Так, если 50 рабочих заменяются пятью и 2 часа (при нормальном рабочем дне в 12 часов) были прибавочным рабочим временем каждого из 50 рабочих, то их прибавочное рабочее время, или созданная ими *прибавочная стоимость,* равно 100 часам. Совокупное рабочее время, или созданная [5 рабочими] *стоимость* (т. е. необходимое + прибавочное рабочее время), равно 60 часам. Допустим, что указанные 5 рабочих доставляют вдвое больше прибавочного времени, или прибавочной стоимости, т. е. 4 часа в день каждый. Так что на 5 рабочих приходится 20 часов. Норма прибавочной стоимости возросла на 100%; сумма прибавочной стоимости, или сама прибавочная стоимость, равна лишь $4 \times 5 = 20$ часам. Эта прибавочная стоимость составляет только $^1/_5$ от 100, т. е. 20% прибавочной стоимости, созданной 50 рабочими. Но если бы теперь, при новой норме [прибавочной стоимости], было бы занято 15 рабочих, то сумма прибавочной стоимости увеличилась бы до 60; если было бы занято 20 рабочих — до 80, а если 25 рабочих, то — до 100. При новой норме [прибавочной стоимости] должна была бы быть занята половина прежнего количества рабочих, для того чтобы произвести столько же прибавочной стоимости, сколько ее производилось при старой норме. Однако если бы теперь было занято 50 рабочих, то они произвели бы вдвое больше, а именно, 200. Удвоилась бы не только норма прибавочной стоимости, но и сама прибавочная стоимость.} {Предположим, что указанные 5 рабочих производят прибавочную стоимость по прежней норме, по которой ее производили раньше 50 рабочих, следовательно, прибавочное время составляет только 10 часов; в этом случае, для того чтобы произвести прежнюю прибавочную стоимость, по-прежнему должно было бы быть применено 50 рабочих, хотя за то же самое время они произвели бы товара в 10 раз больше. Это имеет место в тех отраслях промышленности, где продукт не входит в потребление самих рабочих. Здесь прибыль возникает исключительно оттого, что *необходимое* рабочее время в течение некоторого среднего периода превышает то рабочее время, которое требуется капиталистам, вводящим новые машины; следовательно, последние продают товар *выше* его стоимости. Это, однако, отличается от простого мошенничества. Они продают товар *выше* той стоимости, в которую он обошелся им, *выше* той стоимости, в которую он обошелся обществу до всеобщего

применения машин. Они продают труд своих [рабочих ...] * *их* труд, покупают его пока что [...] * При [применении] рабочих в соответствии с новой нормой [прибавочной стоимости] также и [постоянный капитал] возрастает в более значительной степени, [чем прежде]. [...] * что сумма прибавочной стоимости не только [не] уменьшается, но увеличивается [...] * при данной норме [прибавочная стоимость] зависит от числа [занятых] рабочих; что в условиях применения машин [прибавочная стоимость] повышается также и в результате действия присущих машинному производству законов, посредством более производительного применения основного капитала, лучшего разделения труда и лучшей комбинации труда.} [XVI—998]

[XVI—1 009] *Продолжение последней страницы вложенного листа.*

{В последнем случае капиталист продает единицу товара дешевле, чем он может быть произведен при *сохраняющихся еще повсеместно издержках производства,* продает *ниже* его средней стоимости, дешевле, но дешевле не в той степени, в какой он сам производит этот товар ниже его средней стоимости. *Количество* товаров, произведенных за один час, один день {а с помощью новых средств производства он доставляет за то же самое время большее количество товаров}, он продает *выше* их стоимости, дороже содержащегося в них одного часа или одного дня рабочего времени. Если он производит 20 аршин [ткани] при тех же издержках производства, при которых другие производят [например] 5, и продает их на $^1/_5$ ниже средней цены [равной x], то он их продает на $^3/_5$ *выше* их стоимости. Если 20 аршин [ткани] стоят 10 x и капиталист продает их за $20 \times {}^4/_5\, x = {}^{80}/_5\, x = 16\, x$, то он продает их на 6[$x$] выше их стоимости, равной 10[x]. $^1/_5$ от 10 составляет 2 или $^3/_5$ от 10 равны 6; 20 [аршин ткани] стоят капиталисту 10[x], или 2 [аршина, т. е. $^1/_5$ от 10] стоят ему 1[x]. Каково же здесь отношение [капиталиста] к его рабочим? Если они получают ту же самую заработную плату, что и прежде, то за свою заработную плату они получают также и товар — в той мере, в какой в их [XVI—1 010] потребление входит товар, произведенный дешевле. И это имеет место в отношении всех рабочих, каждый из которых за соответственную часть своей заработной платы, расходуемую на этот специфический товар, может купить его в большем количестве.

---

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

Между тем капиталист произвел бы $^3/_5$, или 60%, добавочной прибыли. Он продает рабочим товар на $^1/_5$ дешевле, но содержащийся в нем труд он продает на $^3/_5$ дороже среднего труда, следовательно, — как труд, на $^3/_5$ превышающий средний труд. $^3/_5$ от 12 рабочих часов составляют $12 \times {}^3/_5 = {}^{36}/_5 = 7^1/_5$. Этот *прибавочный труд*, который рабочие доставляют капиталисту вследствие более высокой потенции их труда, капиталист кладет себе в карман.

Предположим, что необходимое рабочее время равно 10, тогда при прежних отношениях [между капиталистом и его рабочими] из продукта [12 часов труда] рабочие получали бы $^{10}/_{12}$, т. е. [продукт] 10 [рабочих часов]. При прежнем отношении один час труда создает $^1/_{12}$ продукта одного [рабочего] дня; следовательно, за 10 часов производится $^{10}/_{12}$ продукта, равных, к примеру, 8 талерам. При нынешнем отношении за один час труда рабочие создают $^{16}/_{12} = {}^4/_3 = 1^1/_3$ талера, за 3 часа — 4 талера, а за 6 часов — указанные 8 талеров [201]. Следовательно, они доставляют 6 часов прибавочного труда, тогда как прежде — только 2 часа.}

{А. Смит [202] верно замечает в отношении средней прибыли, — т. е. прибыли, определяемой исключительно величиной капитала, — что для нее безразлично, если, например, при всех прочих равных условиях производства, в качестве сырого материала будет использоваться серебро вместо железа или золото вместо серебра, вообще — какой-либо драгоценный сырой материал. Здесь авансированная в форме сырья часть капитала может возрасти в сто и более раз, а также, следовательно, и прибыль, — при той же самой норме средней прибыли, — хотя не происходит ни малейшего изменения в органическом соотношении между различными составными частями капитала.}

{Весьма наивен экономист-янки Уэйленд [203]. Так как относительная прибавочная стоимость создается только в тех отраслях промышленности, которые прямо или косвенно входят в сферу производства товаров, предназначенных для потребления рабочих, так что особенно в этих отраслях капитал вводит кооперацию, разделение труда и машины и в значительно меньшей мере в производстве предметов роскоши, то он заключает, что капиталисты работают ради блага бедных, а не богатых, и что, стало быть, капитал развивает свою производительность в интересах первых, а не вторых.}

Средняя прибавочная стоимость, — здесь не принимается во внимание абсолютная прибавочная стоимость, а рассматривается только относительная прибавочная стоимость, возни-

кающая из сокращения необходимого рабочего времени посредством развития производительных сил труда, — есть сумма прибавочных стоимостей, созданных во всех отдельных отраслях производства, рассматриваемая по отношению к *совокупному капиталу*, который расходуется на живой труд. Так как, далее, развитие производительной силы происходит весьма неравномерно в различных отраслях промышленности (которые производят жизненные средства, прямо или косвенно входящие в потребление рабочего) и не только неравномерно, но часто в противоположном направлении, ибо производительность труда точно так же [XVI—1 011] связана с природными условиями, которые могут уменьшать [суммарную] производительность, в то время как производительность труда возрастает {в целом исследование того, в какой мере природные условия воздействуют на производительность труда, независимо от развития общественной производительности, а часто и вопреки ему, относится к рассмотрению земельной ренты}, то выходит, что эта средняя прибавочная стоимость должна быть значительно ниже того уровня, которого можно было бы ожидать, судя по развитию производительной силы в отдельных (наиболее важных) отраслях промышленности. Это опять-таки одна из основных причин того, почему норма прибавочной стоимости, хотя и возрастает, но возрастает не в той пропорции, в какой уменьшается переменный капитал по отношению к совокупному капиталу. Это имело бы место в том случае (при условии, что это соотношение вообще верно; оно верно, как показано выше *, для нормы прибавочной стоимости, но не для [массы] прибавочной стоимости), если бы продукты тех отраслей промышленности, в которых переменный капитал в наибольшей степени понижается по сравнению с основным капиталом и т. д., в той же самой пропорции входили в потребление рабочего. Однако если мы возьмем, например, соотношение между промышленными продуктами и продуктами земледельческими, то здесь оно будет как раз обратным [204].

Рассмотрим какую-нибудь отдельную отрасль производства. Если в ней произошло повышение производительной силы, то вследствие указанного повышения, которое произошло в этой отдельной отрасли {за исключением *земледелия*, так как его продукт в виде семян служит для него самого сырьем, и в этом опять-таки состоит своеобразие земледелия}, отнюдь не наступает непосредственно повышение производительной силы в той отрасли промышленности, которая доставляет

* См. настоящий том, стр. 294—295, 309—311. *Ред.*

ей сырье и которая сначала остается совершенно незатронутой этим повышением производительной силы и может остаться незатронутой им и в дальнейшем. {В том случае, если *то же самое* сырье не становится дешевле, его все же не заменяет более дешевое сырье, подобно тому как хлопок не заменяет овечью шерсть.} Однако [возросшая] производительность проявляется в том, что для поглощения того же количества труда необходимо большее количество сырья. Следовательно, эта часть постоянного капитала сначала безусловно возрастает вместе с увеличением производительности труда. Если 5 рабочих производят столько же, сколько [прежде] 50, или больше, то 50 рабочих переработают [теперь] в 10 раз больше сырья, [чем 50 рабочих прежде]. Количество [перерабатываемого] сырья должно возрастать прежде всего в *той же* пропорции, в какой возрастает производительность труда. Или же предположим, что 5 рабочих производят [теперь] столько же, сколько [прежде] 50, и что 45 рабочих будут уволены, тогда для 5 [оставшихся рабочих] потребуется теперь в 10 раз больше [расходуемого на сырье] капитала, чем для 5 рабочих прежде, или столько же, сколько прежде для 50 рабочих. Эта часть капитала возросла по меньшей мере в 10 раз по сравнению с капиталом, затраченным на труд. {При использовании [сырья] в большем масштабе это увеличение может быть до некоторой степени ограничено, если, с одной стороны, благодаря более высокому качеству труда, относительно уменьшаются отходы и если, с другой стороны, эти отходы абсолютно, в большем количестве, в большей мере концентрируются и лучшим образом опять могут быть использованы в качестве сырья в новом, другом производстве; если, следовательно, в действительности одно и то же сырье служит дольше, чем его стоимость. Это также имеет место, хотя и в незначительной мере.} Напротив, этим отнюдь не сказано, что основной капитал — строения, машины (освещение и т. д., вообще вспомогательные материалы, помимо основного капитала) — увеличивается в той же пропорции, т. е. так, что на 5 рабочих пришлось бы теперь в 10 раз больше основного капитала, чем на 5 рабочих прежде. Наоборот. Хотя машина с увеличением ее размеров становится абсолютно дороже, однако относительно она дешевеет. В особенности это относится к двигательной силе, паровой машине и т. д., издержки производства которой уменьшаются (относительно) с [возрастанием количества] развиваемых ею лошадиных сил или других показателей мощности. Эта часть, т. е. *совокупный постоянный капитал*, следовательно, [относительно] не возрастает, хотя *абсолютно* возрастает значи-

тельно, однако отнюдь не в той пропорции, в какой возрастает производительная сила. Следовательно, и совокупный капитал относительно возрастает [XVI—1 012], но не в той пропорции, в какой возрастает производительная сила.

Если из капитала в 500 на наем рабочих приходится 300, на сырой материал — 150 и на орудия труда — 50, то при удвоении производительной силы в результате применения машин на сырой материал должно затрачиваться во всяком случае 300, а если этот вдвое больший продукт производят 30 рабочих, то на труд придется 30; однако отсюда не следует, что издержки на машины и т. д. для этих 30 рабочих увеличиваются с 50 до 500, т. е. в 10 раз; они возрастают, допустим, вдвое — до 100, так что совокупный капитал уменьшился бы с 500 до 430. В этом случае отношение переменного капитала к совокупному капиталу составило бы 30 : 430, т. е. [примерно] = $^{3}/_{45}$ = $^{1}/_{15}$ = 1 : 15. Прежде оно выражалось отношением 300 : 500 = $^{300}/_{500}$ = 3 : 5; $^{1}/_{15}$ = $^{3}/_{45}$, а $^{3}/_{5}$ = $^{27}/_{45}$. [Таким образом, отношение переменного капитала к совокупному капиталу возросло в 9 раз,] хотя совокупный капитал, требуемый для того, чтобы произвести определенную прибавочную стоимость, уменьшился. Предположим, что в первом случае прибавочная стоимость равна 2 часам из 12, что составляет $^{2}/_{12}$, а во втором — $^{4}/_{12}$, или $^{1}/_{3}$ [205].

В первом случае $^{1}/_{6}$ от 300 (если [заработная плата] одного рабочего = 1 талеру) дает [прибавочную стоимость] в 50. А на капитал в 500 — [норму прибыли] в 10%.

Во втором случае $^{1}/_{3}$ от 30 дает [прибавочную стоимость] в 10. Для производства этих 10 требуется капитал [примерно] в 450. Предположим, что по этой новой норме применяются 300 рабочих, тогда они производили бы [прибавочную стоимость в] 100. Совокупный капитал увеличился бы до 450 × 10 = 4 500, которые производили [прибавочную стоимость в] 100. При прежнем отношении [прибавочной стоимости к авансированному капиталу] нужна была 1 000, для того чтобы произвести 100.

Предположим, однако, что основной капитал понизился еще больше, быть может, не пропорционально возрастанию производительной силы. Если 30 рабочих производят столько же, сколько раньше 300, то им по-прежнему из 500 потребуется 150 на сырой материал, 30 — на труд (в то время как прежде — 300), однако, возможно, только 100 — на основной капитал. Совокупный капитал теперь равен 280, из которого переменный капитал составляет $^{3}/_{28}$, или [примерно] $^{1}/_{9}$, [XVI—1 013] тогда как раньше он был равен $^{3}/_{5}$ (300 из 500).

Если бы прибавочная стоимость увеличилась теперь в 5 раз, то 30 рабочих доставили бы прибавочную стоимость в 50 там, где 300 давали прибавочную стоимость в 10. Следовательно, если бы 300 [рабочих давали прибавочную стоимость в] 30, то 30 [рабочих при новой производительности] — 150.

Совокупный капитал в первом случае равен 500, во втором — 280, которые дали бы теперь [прибавочную стоимость в] 150, следовательно, больше, чем прежде [капитал в] 500.

Рост производительной силы позволяет производить больше товара за то же самое рабочее время. Он повышает, следовательно, не меновую стоимость произведенных таким образом товаров, а только их количество; он, напротив, уменьшает меновую стоимость единицы товара, в то время как стоимость массы произведенных за определенное время товаров остается *той же самой*.

Возросшая производительность означает, что один и тот же сырой материал при своем превращении в продукт поглощает меньше труда, или что одно и то же рабочее время требует больше сырого материала для своего поглощения и превращения в продукт.

Например, один фунт пряжи требует одинакового количества хлопка независимо от того, много или мало труда требуется для превращения хлопка в пряжу. Если производительность прядильщика повышается, то определенное количество хлопка, содержащееся в одном фунте пряжи, поглощает меньше труда. Фунт пряжи поэтому падает в стоимости, становится дешевле. Если за один час будет переработано в пряжу в 20 раз больше хлопка, чем прежде, например 20 фунтов вместо 1 фунта, то каждый фунт пряжи понизится до $^1/_{20}$ той составной части стоимости, которую к нему присоединяет прядильный труд, так же как до $^1/_{20}$ понизится стоимостная разница между фунтом хлопка и фунтом пряжи (не считая содержащейся помимо этого в пряже стоимости основного капитала). Хотя стоимость продукта, созданного в течение одного и того же времени, была бы теперь больше, чем раньше, но не потому, что создано больше новой стоимости, а только потому, что в пряжу превращено больше хлопка, стоимость которого, согласно предположению, осталась той же самой. Вновь созданная стоимость по своей величине была бы для 20 фунтов пряжи такой же, как раньше для одного. Для одного

фунта при новом способе производства она уменьшилась бы до $^1/_{20}$ прежней.

Если предположить, следовательно, что товары продаются по их стоимости, то повышение производительной силы создает (за упомянутым выше * исключением) прибавочную стоимость только в том случае, если удешевление товаров удешевляет издержки производства рабочей силы, поэтому сокращает необходимое рабочее время, а следовательно, удлиняет прибавочное рабочее время.

Продукт каждой отдельной сферы производства может поэтому создавать прибавочную стоимость лишь постольку и в той мере, в какой этот *специфический* продукт входит в среднем в потребление рабочих. Каждый такой продукт — так как развитое разделение труда внутри общества является основной предпосылкой развития [производства] товаров вообще и в еще большей степени капиталистического производства — образует, однако, лишь *соответственную* часть совокупного потребления рабочего. Увеличение производительной силы в каждой отдельной сфере создает, следовательно, прибавочную стоимость *отнюдь не пропорционально повышению производительной силы*, а лишь в той значительно меньшей пропорции, в какой продукт этой отдельной сферы образует *соответственную* часть совокупного потребления рабочего. Если бы продукт составлял $^1/_{10}$ совокупного потребления рабочего, то увеличение производительной силы вдвое позволило бы $^2/_{10}$ совокупного потребления рабочего произвести за то же самое время, за которое прежде производилась $^1/_{10}$. $^1/_{10}$ заработной платы уменьшилась бы до $^1/_{20}$, или на 50%, в то время как производительная сила повысилась бы на 100%. 50% от $^1/_{10}\ x = 5\%$ от x. Например, добавление 5% к 100 дает 105, а 50% от $^{100}/_{10}$, или 10, составляют 5, т. е. ту же сумму. Рост производительной силы на 100% удешевил бы в этом случае заработную плату на 5%. [XVI—1 014] Отсюда ясно, почему поразительный рост производительной силы в отдельных отраслях промышленности оказывается в абсолютной диспропорции к падению заработной платы или к возрастанию относительной прибавочной стоимости. Поэтому и капитал возрастает — в той мере, в какой это зависит от прибавочной стоимости, что̀ следует выяснить подробнее здесь же, — далеко не в той пропорции, в какой возрастает производительная сила труда.

---

* См. настоящий том, стр. 312—314. *Ред.*

Только если бы производительная сила в равной степени возрастала во всех отраслях промышленности, прямо или косвенно создающих продукты для потребления рабочего, то отношение, в котором возрастает прибавочная стоимость, могло бы соответствовать тому отношению, в котором увеличивается производительная сила. Этого, однако, нет и в помине. Производительная сила увеличивается в этих различных отраслях в весьма различной степени. Зачастую даже в этих различных сферах имеет место движение в противоположном направлении (это проистекает отчасти из анархии, свойственной конкуренции, и из специфики буржуазного производства, отчасти из того, что производительная сила труда связана и с природными условиями, которые часто становятся менее продуктивными, по мере того как производительность, поскольку она зависит от общественных условий, повышается), так что в одних сферах производительность труда повышается, в то время как в других — понижается. {Можно напомнить, например, просто о влиянии времен года, от которых большей частью зависит [производство] всех видов сырья для промышленности, об истреблении лесов, истощении каменноугольных копей, рудников и т. д.} Рост средней совокупной производительности труда безусловно является поэтому всегда гораздо меньшим, чем ее рост в некоторых особых сферах производства; и до настоящего времени в одной из главных отраслей того производства, продукты которого входят в потребление рабочего, т. е. в земледелии, он далек от того, чтобы идти в ногу с производительной силой в обрабатывающей промышленности. С другой стороны, развитие производительной силы во многих отраслях промышленности не оказывает ни прямого, ни косвенного влияния на производство рабочей силы, следовательно, на производство относительной прибавочной стоимости. И это несмотря на то, что развитие производительной силы выражается не только в том, что оно повышает норму прибавочной стоимости, но и в том, что оно уменьшает (относительно) число рабочих.

Поэтому рост прибавочной стоимости [во-первых] отнюдь не пропорционален росту производительной силы в отдельных отраслях производства, а во-вторых, всегда меньше роста производительной силы капитала во *всех* отраслях промышленности (следовательно, также и в тех, продукты которых не входят ни прямо, ни косвенно в производство рабочей силы). Поэтому накопление капитала растет не в той же пропорции, в какой увеличивается производительная сила в какой-либо отдельной отрасли, и даже не в той пропорции, в какой она

увеличивается во всех отраслях, а только в той средней пропорции, в которой она увеличивается во *всех* тех отраслях промышленности, продукты которых прямо или косвенно входят в совокупное потребление рабочих.

Стоимость товара определяется совокупным рабочим временем, *прошлым* и *живым*, которое входит в этот товар, которое в нем содержится, следовательно, не только тем рабочим временем, которое присоединяется в последнем процессе производства, из которого товар выходит как таковой, но и последним присоединенным трудом, содержащимся в основном и оборотном капитале, или в условиях производства, — т. е. рабочим временем, содержащимся в машинах и т. д., во вспомогательных материалах и сырье, поскольку их стоимость вновь выступает в товаре, что̀ полностью имеет место, если иметь в виду сырье и [XVI—1 015] вспомогательные материалы, в то время как стоимость основного капитала вновь выступает в продукте лишь частично — соответственно изнашиванию основного капитала.

Если бы стоимость какого-либо товара состояла на $^1/_4$ из постоянного капитала и на $^3/_4$ из заработной платы; если бы вследствие повышения производительной силы в этой отдельной отрасли масса примененного живого труда уменьшилась с $^3/_4$ до $^1/_4$ и тем самым примененное для производства товара число рабочих уменьшилось бы до $^1/_4$ с $^3/_4$, то при условии, что $^1/_4$ труда производительна точно в такой же мере (не больше), в какой прежде были $^3/_4$, стоимость нового основного и оборотного капитала, за исключением составляющего $^1/_4$ сырого материала, могла бы повыситься до $^2/_4$. Тогда стоимость товара осталась бы неизменной, хотя труд стал бы производительнее в отношении $^3/_4 : {}^1/_4 = 3 : 1$, т. е. его производительная сила утроилась бы. Так как, следовательно, стоимость сырого материала осталась бы той же самой, новый основной и оборотный капитал не смог бы увеличиться до $^2/_4$ прежней стоимости товара, с тем, чтобы товар стал дешевле, с тем, чтобы издержки его производства действительно снизились. Или же разница между новым и старым рабочим временем должна была бы стать больше, чем разница между стоимостью старого и нового постоянного капитала (за вычетом сырого материала). Прошлого труда в качестве условия труда не должно быть присоединено настолько же больше, насколько уменьшается живой труд. Если бы $^1/_4$ рабочих производила *больше*, чем

ранее $^3/_4$, так что производительность их труда возросла бы в еще большей степени, чем уменьшилось их число, или совокупное рабочее время, то новый постоянный капитал мог бы {здесь мы абстрагируемся от прибавочной стоимости и говорим лишь о прибавочной стоимости того товара, от которого непременно зависит прибавочная стоимость, потому что от уменьшения его стоимости зависит удешевление издержек производства рабочей силы} возрасти до $^2/_4$ и даже сверх $^2/_4$, только он должен был бы возрасти в той же пропорции, в какой возросла производительная сила нового труда.

Далее, однако, это соотношение [между постоянным и переменным капиталом] создается также тем, что 1) основной капитал лишь частично входит в стоимость товара; 2) вспомогательные материалы, такие, как потребленный уголь, отопление, освещение и т. д., благодаря труду в более крупном масштабе, относительно экономятся, хотя их совокупная стоимость возрастает, и поэтому в единицу товара входит уменьшившаяся составная часть их стоимости. При этом, однако, остается прежнее условие, т. е. что [прирост] составной части стоимости, представляющей собой изнашивание машин, а также вспомогательные материалы, и входящей в единицу товара, меньше, чем разница в производительности нового и старого труда. Это все же не исключает того, что для совокупной массы товара, например для определенного количества фунтов пряжи, производимого за определенный промежуток времени, например за один день, требуется такое же или даже большее количество нового постоянного капитала по отношению к капиталу, ранее расходовавшемуся в форме заработной платы. Только лишь на единицу товара требуется меньшее количество [постоянного капитала]. Итак, если предположить, что $^1/_4$ n рабочих за один день производит как раз столько, сколько ранее $^3/_4$ n рабочих, то закон остается абсолютным, так как по отношению к этой $^1/_4$ n рабочих масса произведенных товаров осталась бы той же самой, что и ранее по отношению к $^3/_4$ n рабочих. Следовательно, стоимость единицы товара могла бы упасть *только* в том случае, если бы новый постоянный капитал был меньше, чем ранее затраченный на заработную плату, а теперь отпавший капитал. Следовательно, можно сказать в абсолютном смысле, что в том отношении, в котором *меньшее количество труда заменяет большее количество труда,* — а это отношение [XVI—1 016] не обязательно должно быть тождественным, но может быть бо̀льшим и чаще является бо̀льшим, чем то отношение, в котором уменьшается число рабочих (относительное число рабочих), — входящий в товар постоян-

ный капитал {а на практике также процент и прибыль на *совокупный* постоянный капитал, который хотя и входит в процесс труда, но не входит в процесс образования стоимости} должен быть больше, чем то отношение, в котором возрастает новый постоянный капитал (сырой материал здесь не учитывается). Это — всего лишь точка зрения, отличная от одностороннего рассмотрения прибавочной стоимости. Должна быть включена в раздел «*Издержки производства*» *.

Это все же не препятствует тому, что (из-за того способа, каким воспроизводится основной капитал) совокупный капитал {а стало быть, также и часть его, не *потребленная* в процессе труда, но тем не менее входящая в этот процесс} абсолютно больше, чем прежний совокупный капитал.

Следовательно, дело обстоит так, что если 1 рабочий заменяет, например, 10, то приходящийся на него в форме машин и т. д. и вспомогательных материалов капитал, поскольку он входит в создаваемый рабочим продукт, меньше, чем прежний капитал, требовавшийся для 10 рабочих. Доля затраченного на труд капитала уменьшилась здесь в 10 раз, однако новый постоянный капитал увеличился бы, возможно, только в 8 раз. Следовательно, доля затраченного на труд капитала с этой точки зрения уменьшилась бы не пропорционально [росту] того капитала, который необходим для осуществления капитала, затраченного на труд. Иными словами, общая сумма капитала, входящая в производство одного рабочего, меньше, чем общая сумма капитала, которая входит в производство замененных им 10 рабочих. И хотя затраченная на заработную плату часть капитала уменьшилась в 10 раз по сравнению с прежней, она все же составляет бо́льшую, чем $^1/_{10}$, часть этого нового капитала, так как этот новый капитал, входящий в производство одного рабочего, сам стал *меньше*, чем старый, входивший в производство 10 рабочих.

С другой стороны, однако, совокупный капитал, требуемый в качестве условия производства для этого повышения производительности труда, а именно, включая ту его часть, которая не входит в продукт в качестве износа, а, напротив, потребляется лишь в течение ряда рабочих периодов, больше, может быть гораздо больше, чем прежний совокупный капитал, так что затраченная на труд часть совокупного капитала уменьшилась в еще большей пропорции, чем возросла производительность труда. Чем больше развивается основной капитал, т. е. производительность труда, тем больше эта непотребленная

* См. настоящий том, стр. 253—282. *Ред.*

часть капитала, тем меньше затраченная на труд часть капитала по отношению к совокупному капиталу. С этой точки зрения могло бы показаться {однако и совокупный капитал не может возрастать так, чтобы процент и прибыль на него повысили издержки производства товара в той же степени, в какой повысилась производительность труда}, будто величина капитала растет быстрее, чем производительность труда. Это означает лишь, что та часть ежегодно производимого капитала, которая превращается в основной капитал, постоянно увеличивается по сравнению с частью капитала, затрачиваемой на заработную плату; однако это никоим образом не означает, что совокупный капитал, который частично превращается в основной капитал, частично в заработную плату, растет так же быстро, как и производительность труда.

Таким образом, доля затраченного на труд капитала уменьшается, и это имеет место в еще большей степени, если одновременно *учитывается* возрастание той части капитала, которая состоит из сырого материала.

[XVI—1 017] Возьмем крайний случай (овцеводство в современном масштабе, там, где раньше преобладало мелкое земледелие). Но здесь сравниваются *две различные отрасли производства*. Масса труда, — или масса затраченного на заработную плату капитала, которая здесь упраздняется, — огромна. Поэтому в огромной степени может возрасти также и постоянный капитал. И весьма сомнительно, чтобы совокупный капитал, приходящийся здесь на одного пастуха, был больше, чем сумма капиталов, приходившаяся ранее на несколько сот пастухов.

Еще неизвестно, возникает ли вообще прибыль в тех отдельных отраслях производства, где в чрезвычайной степени возрастает совокупный капитал, из произведенной в этих отраслях прибавочной стоимости, а не наоборот — посредством расчетов капиталистов между собой, из общей прибавочной стоимости, которую производят все капиталы в совокупности.

Многие способы увеличения производительной силы, особенно при применении машин, совершенно не требуют какого-либо относительного увеличения затрат капитала; зачастую они требуют лишь относительно недорогих изменений в той части машины, которая сообщает двигательную силу и т. д. См. примеры [206]. Здесь увеличение производительной силы необычайно велико по сравнению с относительным, приходящимся на одного рабочего, а также и на единицу товара, вло-

жением капитала. Здесь, следовательно, — даже если бы часть капитала, которая затрачена на сырой материал, и возрастала еще быстрее, — нет заслуживающего внимания уменьшения нормы прибыли, по крайней мере постольку, поскольку оно могло быть вызвано ростом этой части капитала. С другой стороны, хотя относительно капитал возрастает здесь не так уж значительно, — здесь, как и вообще это имеет место в общем случае, действительно то, что большей частью масса абсолютно примененного капитала, поэтому концентрация капитала или тот масштаб, в котором совершается труд, должны возрастать в весьма значительной степени. Более мощные паровые машины (с бо̀льшим количеством лошадиных сил) абсолютно дороже, чем менее мощные. Однако их цена относительно уменьшается. Но для их применения требуются более значительные затраты капитала, бо̀льшая концентрация капитала в одних руках. Более крупное фабричное здание абсолютно дороже, но относительно дешевле, чем менее крупное. Если каждая соответственная часть совокупного капитала меньше по отношению к совокупному капиталу, который был применен сэкономленным трудом, то в большинстве случаев эта соответственная часть может быть применена только при таких соотношениях кратных величин, которые в исключительной степени повышают сумму применяемого совокупного капитала, в особенности — не потребляемую за один оборот часть совокупного капитала, ту часть, потребление которой длится в течение многолетнего периода оборотов. Производительная сила повышается в исключительной степени вообще лишь при такого рода работах в крупном масштабе, ибо только таким образом:

1) может быть правильно применен лежащий в основе простой кооперации и снова действующий при разделении труда и применении машин принцип соотношений кратных величин. (См. у *Баббеджа* [207] о том, как этот принцип увеличивает масштабы производства, т. е. концентрацию капитала.)

2) Вообще чем больше примененная в новом масштабе масса рабочих, тем относительно меньше доля основного капитала, входящая [в издержки производства] в качестве износа здания и т. д., тем шире действие принципа удешевления издержек производства путем совместного использования одних и тех же потребительных стоимостей, таких, как освещение, отопление, объединение двигательной силы и т. д., [XVI—1 018] тем более становится возможным применение абсолютно более дорогих, но относительно более дешевых орудий производства.

[Отметить] то обстоятельство, что некоторые отрасли производства — железные дороги, каналы и т. д., — в которых применяется огромный основной капитал, не представляют собой самостоятельных источников прибавочной стоимости, так как отношение эксплуатируемого труда к затраченному капиталу здесь слишком незначительно.

К предыдущей странице * необходимо заметить еще следующее.

Возможно, что если для 20 рабочих был необходим капитал в 500, а для 2 — уже только совокупный капитал в 400, то теперь должны быть применены 2 000 рабочих, следовательно, капитал в 400 000, для того чтобы таким образом производительно применить [все] соответственные части, равные 400. Выше уже было показано **, что даже при повысившейся норме прибавочной стоимости относительно уменьшившееся число эксплуатируемых рабочих может быть уравновешено только путем весьма значительного увеличения количества труда.

Это обнаруживается в конкуренции. Как только новое изобретение получает здесь всеобщее распространение, норма прибыли становится слишком незначительной для того, чтобы мелкий капитал мог функционировать дальше в данной отрасли производства. Вообще масса необходимых условий производства возрастает таким образом, что появляется некоторый минимум, причем значительный; это ведет в будущем к вытеснению всех более мелких капиталов из данной отрасли производства. Только на начальной стадии применения механических изобретений мелкие капиталы еще в состоянии использовать эти изобретения в каждой сфере производства.

Возрастание капитала включает в себя уменьшение нормы прибыли лишь в той мере, в какой вместе с таким возрастанием капитала наступают рассмотренные выше изменения в соотношении его органических составных частей. Однако несмотря

* См. настоящий том, стр. 322—323. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 305, 309—311. *Ред.*

на постоянные повседневные изменения в способе производства, капитал или же значительная его часть в течение некоторого — большего или меньшего — периода продолжает накопляться на основе определенного среднего соотношения этих составных частей, так что вместе с его ростом не наступает никакого органического изменения в его составных частях.

С другой стороны, уменьшение нормы прибыли посредством роста капитала может быть навязано — так как абсолютная масса прибыли [растет] — лишь до тех пор, пока норма прибыли уменьшается не в той же пропорции, в какой возрастает капитал [208]. Препятствия, которые противостоят этому, рассмотрены выше *.

Абсолютный избыток капитала.

Увеличение количества рабочих и т. д., несмотря на относительное уменьшение переменного капитала, или капитала, израсходованного на заработную плату, происходит, однако, не во всех [XVI—1 019] сферах производства, например оно не происходит в земледелии. Здесь уменьшение элемента живого труда является абсолютным.

Увеличение массы труда на новом базисе производства необходимо отчасти для того, чтобы компенсировать уменьшившуюся норму прибыли массой прибыли, отчасти для того, чтобы уменьшившуюся при возрастающей норме прибавочной стоимости, вследствие абсолютного уменьшения численности эксплуатируемых рабочих, массу прибавочной стоимости компенсировать увеличением количества рабочих на новом уровне производства. Наконец, затронутый выше принцип кратных величин.

Но могут сказать, что если в какой-либо сфере производства I уменьшается переменный капитал, то он увеличивается в других сферах, а именно — в тех, где производится потребленный в сфере производства I постоянный капитал. Между тем здесь выступает одно и то же отношение, например в про-

* См. настоящий том, стр. 282—316. *Ред.*

изводстве машин, в производстве сырья, вспомогательных материалов, таких, как уголь. Эта тенденция имеет всеобщий характер, хотя она лишь постепенно осуществляется в различных сферах производства. Противовес состоит в том, что увеличивается число самих сфер производства. Впрочем, это — лишь потребность буржуазной экономики, чтобы число живущих только трудом увеличивалось абсолютно, хотя относительно это число и уменьшается. Ибо в условиях буржуазной экономики рабочая сила становится излишней, коль скоро нет больше необходимости эксплуатировать ее ежедневно в течение 12—15 часов. Такое развитие производительной силы, которое уменьшило бы абсолютную численность рабочих, т. е. действительно дало бы возможность всей нации совершать свое совокупное производство за меньший промежуток времени, вызвало бы революцию, так как означало бы обесценение большинства населения. Здесь снова обнаруживается граница буржуазного производства, а также то, что оно отнюдь не является абсолютной формой развития производительной силы, напротив, в определенный момент оно вступает в коллизию с этим развитием. Частично эта коллизия постоянно проявляется в кризисах и т. д., которые происходят оттого, что попеременно то одна, то другая часть рабочего класса становится излишней в своей прежней сфере занятости. Граница буржуазного производства есть прибавочное время рабочих; абсолютное прибавочное время, выигрываемое обществом, буржуазное производство *не интересует*. Поэтому *развитие производительной силы* важно [для него] лишь постольку, поскольку оно увеличивает прибавочное рабочее время рабочего, но не поскольку оно вообще сокращает рабочее время для материального производства; таким образом, буржуазное производство движется в рамках противоположности.

Норма прибавочной стоимости — т. е. отношение прибавочного рабочего времени к необходимому рабочему времени для одного рабочего (поскольку, следовательно, прибавочная стоимость в различных сферах производства не модифицируется соотношением органических составных частей капитала, временем оборота и т. д.) — выравнивается во всех сферах производства сама по себе, и это есть *основа общей нормы прибыли*. (Модификации, которые затрагивают таким образом необходимые издержки производства, выравниваются конкуренцией капиталистов, различными факторами, которые они прини-

мают в расчет при распределении между собой общей прибавочной стоимости.)

[XVI—1 020] То, что норма прибавочной стоимости повышается, означает лишь, что издержки производства рабочей силы, следовательно, необходимое рабочее время, уменьшаются в пропорции, в которой *отдельный* ставший более дешевым продукт данной определенной сферы производства входит в общее потребление рабочего. Это удешевление рабочей силы, уменьшение необходимого рабочего времени, увеличение абсолютного рабочего времени происходит, следовательно, равномерно и равномерно влияет на все сферы капиталистического производства, — не только на те, где имело место развитие производительной силы, но также и на те, продукты которых совершенно не входят в потребление рабочего, где, следовательно, развитие производительной силы не может создавать относительную прибавочную стоимость. (Отсюда видно, что в условиях конкуренции, как только прекращается монополия нового открытия, цена продукта вследствие этого сводится к издержкам его производства.)

Если, следовательно, 20 рабочих, которые выполняют по 2 часа прибавочного труда, заменяются двумя, то верно то, как мы видели выше *, что эти 2 рабочих ни при каких обстоятельствах не могут выполнить столько прибавочного труда, сколько ранее 20. Однако во всех сферах производства прибавочный труд возрастает пропорционально удешевлению продукта 2 рабочих, и он возрастает в этих сферах без какого-либо изменения в соотношении органических составных частей примененных ими капиталов.

С другой стороны, такое же всеобщее воздействие оказывает вздорожание продукта сферы производства, входящей в воспроизводство рабочей силы, вздорожание, которое полностью или частично может ликвидировать данную прибавочную стоимость.

В первом случае, однако, выигрываемое прибавочное рабочее время следует оценивать не его количеством в той сфере производства, где произошло увеличение производительной силы, а общей суммой уменьшения необходимого рабочего времени во *всех* сферах капиталистического производства.

И чем более распространилось бы то соотношение, при котором во *всех* или в большинстве сфер производства, при одних и тех же отношениях совокупного капитала и переменного капитала, 2 рабочих заменяют 20, тем в большей мере

---

* См. настоящий том, стр. 289—290, 308—309. *Ред.*

это соотношение совокупного капиталистического производства приблизилось бы к соотношению в отдельных сферах производства. Это означает, что никакое уменьшение необходимого рабочего времени не могло бы создать прежнюю сумму прибавочной стоимости, когда вместо 2 рабочих работали 20.

И норма прибыли понизилась бы тогда при всех обстоятельствах, даже если бы капитал увеличился таким образом, что при новых условиях производства могло бы быть занято такое же и даже большее, чем прежде, число [рабочих].

Накопление капитала (рассматриваемое с материальной стороны) имеет двойственный характер. С одной стороны, оно заключается в *возрастающей массе* прошлого труда, или в имеющейся в наличии массе условий труда, в материальных предпосылках — в массе уже имеющихся налицо продуктов и определенном числе рабочих, — при которых имеет место новое производство или воспроизводство. А во-вторых, оно заключается в *концентрации*, в уменьшении числа капиталов, в росте капиталов, находящихся в руках отдельных капиталистов, короче говоря, в некотором новом распределении капиталов, общественного капитала. Вследствие этого возрастает власть капитала как таковая. Обособление персонифицированных в капиталисте общественных условий производства, [XVI—1 021] противостоящих действительным создателям этих условий производства, становится вследствие этого все более бросающимся в глаза. Капитал все более и более оказывается *общественной силой* (функционером которой является только капиталист и которая не находится решительно ни в каком отношении к тому, что̀ создает или может создать труд одного индивида), но *отчужденной, обособленной общественной силой*, которая противостоит обществу как вещь, а посредством этой вещи — как сила отдельных капиталистов. Тем самым, с другой стороны, все бо̀льшая масса [индивидов] лишается условий производства, противопоставляется им. Противоречие между *всеобщей общественной силой*, в которую превращается капитал, и *частной властью отдельных капиталистов* над этими общественными условиями производства становится все более вопиющим и предполагает уничтожение этого отношения, так как оно вместе с тем включает преобразование материальных

условий производства во всеобщие и поэтому коллективные общественные условия производства.

Развитие [этого противоречия] обусловлено развитием производительной силы вместе с капиталистическим производством, а также тем способом, каким это развитие производительной силы совершается.

Теперь возникает вопрос, как развитие производительных сил, поскольку оно находит свое выражение в изменении прибавочной стоимости и нормы прибыли, отражается на накоплении капитала и в какой степени последнее подвергается другим влияниям?

Рикардо говорит [209], что капитал может возрастать двояким образом: 1) в результате того, что в большей массе продуктов содержится больше труда, следовательно, вместе с массой потребительных стоимостей возрастает их меновая стоимость; 2) в результате того, что возрастает масса потребительных стоимостей, но не их меновая стоимость, следовательно, просто в результате увеличения производительности труда [210].

[XVII—1 022] *Процесс труда и процесс увеличения стоимости: потребительная стоимость и меновая стоимость* [211].

Вначале было показано [212], что различие между процессом труда и процессом увеличения стоимости имеет решающе важное значение потому, что на нем основано различие между постоянным и переменным капиталом, потому, что на нем основана вся теория капитала (прибавочной стоимости, прибыли и т. д.).

Но обнаруживаются еще и другие, весьма значительные отношения, касающиеся этого различия.

Прежде всего при рассмотрении основного капитала мы видим, что он полностью входит в процесс труда, но в процесс образования стоимости он входит лишь частично, по мере изнашивания, в качестве износа. Это обстоятельство является одним из крупных рычагов удешевления товаров посредством применения машин; следовательно, в определенной степени также средством увеличения относительной прибавочной стоимости. Но одновременно оно является причиной понижения нормы прибыли.

Однако, абстрагируясь от основного капитала, все производительные силы, которые *ничего* не стоят, которые, следовательно, проистекают из разделения труда, кооперации, машин (поскольку они ничего не стоят, если иметь в виду, например, двигательную силу воды, ветра и т. д., или вследствие преимуществ, проистекающих из социального устройства фабрики), а также природные силы, применение которых не тре-

бует никаких затрат — или, по крайней мере, в той степени, в какой их применение не требует никаких затрат, — входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости.

Здесь вновь обнаруживается и другое, — как *потребительная стоимость,* которая первоначально выступала у нас лишь как материальный субстрат экономических отношений, теперь сама оказывает решающее воздействие на экономическую категорию.

Первоначально мы видели это при рассмотрении денег, где природа субстрата, который служит им в качестве носителя, потребительная стоимость того товара, который функционирует в качестве денег, сама определяется посредством экономической функции.

Во-вторых, все отношение заработной платы к капиталу покоится на том, что рабочая сила как меновая стоимость определяются рабочим временем, требуемым для ее производства; но так как ее потребительная стоимость сама заключается в труде, то хотя ее меновая стоимость и оплачивается, все же в обмене с капиталом она отдает больше меновой стоимости, чем получает.

[XVII—1 023] *В-третьих,* основной капитал — следовательно, эта особая экономическая форма — зависит главным образом от потребительной стоимости. Он зависит от потребительной стоимости, т. е. от большей или меньшей долговечности машины и т. д., от того, как долго продолжается ее изнашивание, т. е. от того, в какой мере машина в определенный период оборота входит в цену товара, а представляемая ею составная часть капитала находится в обращении. От этого, стало быть, зависит время оборота совокупного капитала; этим в значительной мере вызываются также изменения в соотношении органических составных частей капитала.

В-четвертых, все различие между процессом труда и процессом увеличения стоимости, следовательно, также и процессом увеличения производительности труда, в то время как рабочее время остается прежним, все развитие производительных сил касается потребительной стоимости, но не меновой стоимости, однако изменяет и модифицирует сами экономические отношения и отношения меновой стоимости.

Уменьшение нормы прибыли.

Ни один капиталист не применяет добровольно новый способ производства, каким бы более производительным он ни был

или также в какой бы пропорции он ни повышал норму прибавочной стоимости, если только он уменьшает норму прибыли. Но каждый такой новый способ производства удешевляет товар. Поэтому первоначально капиталист продает этот товар *выше* его издержек производства, а также *выше* его стоимости. Он может это делать, потому что среднее рабочее время, *общественно* необходимое для производства этого товара, *больше,* чем рабочее время, требуемое при новом способе производства (сумма рабочего времени, содержащегося в постоянном и переменном капитале). Его способ производства *выше* среднего общественного уровня. Конкуренция делает этот способ производства всеобщим и подчиняет его общему закону. Тогда наступает понижение нормы прибыли; это — закон, который, следовательно, совершенно независим от воли капиталиста.

Постоянный капитал. Абсолютная масса капитала.

Для того чтобы выгодно применять машину, которая производит двигательную силу {следовательно, например, паровую машину, вместо применения двигательной силы руки и ноги}, которая приводит в движение собственно рабочие машины, т. е. применять ее так, чтобы [XVII—1 024] совокупный капитал, который требуется при новом способе производства, не удорожал товар, а удешевлял его, необходимо, чтобы эта машина-двигатель в свою очередь применялась для многих рабочих машин и поэтому для относительно [немногих] рабочих. И в той пропорции, в какой увеличивается эта масса рабочих машин, относительно уменьшаются издержки производства; поэтому требуется постоянный абсолютный рост капитала и *рост минимума капитала,* чтобы для производства товара применять не больше, *чем общественно необходимое рабочее время.* Отсюда — снова рост [постоянного капитала] (так как сюда входят сырье и вспомогательные материалы), уменьшение переменного капитала по отношению к массе авансированного капитала, но прежде всего — необходимость [определенной] абсолютной массы капитала.

Понижение нормы прибыли.

Результат исследования таков: во-первых, норма прибавочной стоимости увеличивается не пропорционально росту производительной силы или уменьшению (относительному) числа

занятых рабочих. Капитал растет не в той же пропорции, в какой растет производительная сила. Или норма прибавочной стоимости повышается не в той же пропорции, в какой уменьшается переменный капитал в сравнении с общей суммой капитала. Отсюда — относительное уменьшение величины прибавочной стоимости. Отсюда — *понижение нормы прибыли, ее постоянная тенденция к понижению.*

К этому пункту следует еще заметить, что закон, согласно которому стоимость товаров определяется рабочим временем, общественно необходимым для их производства, заставляет отдельного капиталиста, для того чтобы он мог продавать свой товар *выше* его общественной стоимости, сокращать необходимое исключительно для него рабочее время путем разделения труда, применения машин и т. д. также и в тех сферах производства, продукт которых ни прямо, ни косвенно не входит в потребление рабочего или в условия производства предметов его потребления, — следовательно, также и в тех отраслях производства, где никакое развитие производительной силы не может удешевить воспроизводство рабочей силы, т. е. сократить необходимое рабочее время и удлинить прибавочное рабочее время. Как только будет действительно получено доказательство того, что эти товары могут быть произведены дешевле, капиталисты, которые работают при старых условиях производства, должны продавать их *ниже* стоимости, так как то рабочее время, которое им требуется для создания этих товаров, теперь *больше,* чем рабочее время, общественно *необходимое* для их производства. Словом, — и это выступает как действие конкуренции — они также должны [XVII—1 025] перенять новый способ производства, при котором отношение переменного капитала к общей сумме авансированного капитала уменьшилось. Следовательно, здесь происходит уменьшение стоимости товаров и уменьшение массы эксплуатируемых рабочих без какого-либо увеличения относительной прибавочной стоимости. Это соотношение в указанных непроизводительных — не производящих относительной прибавочной стоимости — сферах производства оказывает, если рассматривать капитал всего общества, т. е. класса капиталистов, значительное влияние в том смысле, что совокупная прибавочная стоимость в ее отношении к авансированному капиталу уменьшается, следовательно, уменьшается и *норма прибыли.*

Возможно, что такого рода товары в результате их удешевления станут доступными для потребления рабочих, даже станут его необходимыми составными частями. Воздействие этих

товаров никогда не является непосредственным и всегда является лишь частичным. Они варьируют величину потребления, не повышая его стоимость. Прежде всего они варьируют величину [потребления] капиталистов — момент, который имеет место при любом развитии производительности, но для нашего рассмотрения безразличен. Они оказывают даже экономическое влияние, поскольку любое увеличение сфер обмена, любое увеличение ряда, в котором развертывается меновая стоимость какого-либо товара, в то же время выражает его характер как товара, а стало быть, также стимулирует способ производства, направленный исключительно на производство *товаров,* а не потребительных стоимостей как таковых.

С другой стороны, переменный капитал по отношению к совокупному капиталу уменьшается, и это сопутствует любому развитию производительной силы, но не в той же степени, в какой она развивается; происходит это хотя бы потому, что все более значительная часть капитала входит в стоимость товара, в процесс образования стоимости лишь в форме ежегодных платежей; и хотя бы потому еще, что в течение определенного периода постоянное увеличение капитала в производстве какого-либо товара происходит без сопутствующего изменения в соотношении органических составных частей, т. е. происходит на основе прежнего способа производства. Таким образом, понижение нормы прибыли происходит не в той же пропорции, в какой увеличивается капитал (и подавно — не в большей степени), хотя рост капитала — поскольку он покоится на развитии производительных сил — постоянно сопровождается тенденцией нормы прибыли к падению.

Итак, с одной стороны, мы говорим: капитал увеличивается не так быстро, как производительная сила. С другой стороны, мы говорим, что норма прибыли уменьшается не так быстро, как увеличивается капитал. С одной стороны, мы говорим: переменный капитал уменьшается по отношению к совокупному капиталу не так быстро, или совокупный капитал увеличивается по отношению к переменному капиталу не так быстро, как увеличивается производительность. С другой стороны, мы говорим: созданная переменным капиталом прибавочная стоимость растет не так быстро, как уменьшается переменный капитал, и уменьшается не так быстро, как увеличивается постоянный капитал (совокупный капитал).

[XVII—1 026] Абсолютная величина прибавочной стоимости, взятая в сравнении с авансированным капиталом, уменьшается, хотя норма прибавочной стоимости растет с уменьшением переменного капитала, или соответственной части совокупного

капитала, израсходованной на заработную плату. Но абсолютная величина прибавочной стоимости уменьшается медленнее, чем уменьшается переменный капитал. Поэтому норма прибыли уменьшается не так быстро, как увеличивается совокупный капитал. С другой стороны, совокупный капитал увеличивается не так быстро, как производительная сила и сопутствующее ей замещение переменного капитала постоянным капиталом. Однако означает ли это, что переменный капитал уменьшается быстрее, чем увеличивается совокупный капитал? Но это ошибочно, поскольку совокупный капитал входит в процесс образования стоимости. А более быстрый рост производительной силы по сравнению с ростом капитала означает лишь то, что рост нормы прибавочной стоимости не соответствует росту производительной силы.

Поскольку применение большего постоянного капитала действительно создает [бо́льшую] прибавочную стоимость, соответственная часть общей суммы капитала, приходящаяся на одного рабочего, должна быть меньше, чем общая сумма капитала, приходящаяся на всю численность замещенных им рабочих. Однако это сравнительное уменьшение соответственной части капитала по отношению к каждому отдельному рабочему, применяемому этим капиталом {уменьшение, абсолютно большее по отношению к этому отдельному рабочему и меньшее по отношению к тому их числу, которое капитал замещает}, происходит чаще всего — а при дальнейшем развитии происходит постоянно — только при одновременном абсолютном увеличении капитала, следовательно, суммы этих его соответственных частей. Если, например, капитал в 400 приходится на 1 рабочего вместо капитала в 500, приходившегося на 20 рабочих, то, возможно, что эти 400 могут быть применены этим способом только в том случае, если применяется капитал в 10 000 × 400. Следовательно, хотя условия труда отдельного рабочего — по сравнению не с прежним отдельным рабочим, а с прежними 20 рабочими — становятся дешевле, совокупная стоимость тех условий труда, которые должны применяться только одним рабочим, для того чтобы при этих новых условиях осуществлять более производительный процесс труда, повышается. Это означает, что растет мощь капитала по отношению к труду, или, что то же самое, уменьшается возможность для рабочих присвоить себе эти условия труда. Обособление прошлого труда в качестве чужой власти над живым трудом расширяет свои масштабы в громадной степени. Этого не заметил бравый Кэри [213]. Отдельное веретено дешевле, но фабрике, для того чтобы применять подобные механические веретена,

требуется чрезвычайно возросший капитал по сравнению с тем, который прежде был нужен ручному прядильщику.

В начале процесса развития во многих сферах производства, там, где орудие превращается в рабочую машину, — которая, однако, еще не развилась в систему машин, — требуемый капитал может даже уменьшиться; если, например, один рабочий замещает 10, то количество сырья остается тем же, стоимость же орудий машинного типа, напротив, меньше, чем заработная плата 10 рабочих в течение одного года. За такие же переходные факторы от ручного труда к машинному и ухватывается г-н Кэри, выставляя самого себя на посмешище. Но эти маленькие машины оказываются затем во власти капитала, который применяет к ним принцип кооперации, а также разделения труда, принцип [XVII—1 027] относительного сокращения издержек производства и в конечном счете подчиняет всю эту фабрику двигательной машине или природной силе.

---

*Повышение абсолютного прибавочного рабочего времени с помощью машин и основного капитала *. Накопление.*

Самым непосредственным способом, которым *рост производительной силы* увеличивает накопление капитала, является *уменьшение необходимого рабочего времени* и увеличение прибавочной стоимости, так как прибавочная стоимость из своей формы дохода превращается в форму капитала, — превращение, в котором вообще и заключается накопление.

Непосредственным следствием всякого увеличения производительной силы является *удешевление товаров,* в сфере производства которых имеет место повышение производительной силы. Эти товары, далее, могут входить или не входить в жизненные средства рабочего, а стало быть, в воспроизводство рабочей силы, и таким образом они во всяком случае увеличивают — также и там, где они не увеличивают величину прибавочной стоимости и величину прибыли *(величину* ее *стоимости),* — массу тех *потребительных стоимостей,* в которых выражается определенная величина стоимости, следовательно, определенная сумма денег {при неизменной стоимости той субстанции, в которой существуют деньги}, или массу тех потребительных стоимостей, в которых выражается определенное количество рабочего времени. Поэтому *относительно* бо̀льшая часть дохода — прибыли, прибавочной стоимости —

* Эта фраза в рукописи зачеркнута. *Ред.*

может превратиться обратно в капитал, хотя одновременно увеличивается объем потребления капиталиста, или масса тех потребительных стоимостей, которые он потребляет, а не превращает обратно в капитал. Тем более что увеличение производительных сил происходит также и в сферах производства предметов роскоши, а под производством предметов роскоши здесь следует понимать всякое такое производство, [продукты] которого ни непосредственно, ни косвенно не входят в воспроизводство рабочей силы. Следовательно, накопление капитала увеличивается вместе с ростом производительной силы не только вследствие того, что растет величина стоимости, которая выступает в форме прибыли, но и вследствие того, что бо́льшая и все увеличивающаяся часть дохода в результате всеобщего удешевления товаров может превратиться обратно в капитал.

Здесь мы абстрагируемся от следующего: поскольку увеличение производительной силы влечет за собой [увеличение потребления] сырья и орудий труда, *постоянного капитала* в производстве предметов роскоши в вышеупомянутом смысле, то один и тот же совокупный капитал вообще поглощает больше труда, может занять, реализовать больше труда. Это — другой источник накопления капитала, ибо здесь увеличивается если не относительная, то абсолютная прибавочная стоимость, потому что занято, эксплуатируется больше рабочих дней.

[XVII—1 028] *Уменьшение расходов на постоянный капитал.*

Сюда относится *попрание* всех правил обеспечения безопасности, удобства и здоровья рабочих, как это имеет место на угольных шахтах; отсюда проистекает также и бо́льшая часть указанных в *бюллетенях о сражениях* на собственно фабриках (см. полугодовые отчеты фабричных инспекторов) получивших увечья и погибших [солдат] промышленной армии [214]. То же относится к недостатку помещений и т. д.

Обесценение постоянного капитала в результате новых изобретений, вследствие чего он становится дешевле и лучшего качества, может быть воспроизведен более действенным образом, следовательно, содержащееся в нем рабочее время не является больше общественно необходимым, — а именно при первом внедрении в производство новой машины одно за другим следуют ее усовершенствования, — все это является главной причиной того, что вместе с введением машин имеют место *чрезмерный труд* и удлинение прибавочного рабочего времени, сверхурочное время (см. примеры у Баббеджа [215]). Время обращения, в течение которого воспроизводится стоимость машин и т. д. и других составных частей основного капитала, опре-

деляется практически не тем временем, в течение которого машина существует, а тем количеством рабочего времени, в течение которого машина служит в качестве средства производства, вообще говоря, — длительностью, продолжительностью процесса труда, в течение которого машина действует и используется. Если рабочие работают 18 часов вместо 12, то это составляет в неделю на 3 дня больше, или $1^1/_2$ рабочих недели за одну неделю; следовательно, за 52 недели это составит $52 + {}^{52}/_2 = 52 + 26 = 78$ недель, а за 5 лет — 390 недель, стало быть, около 7 лет. Если сверхурочное время не оплачивается, а нормальное прибавочное время равно 2 часам, то из приходящихся на 3 дня 36 часов оплачиваются 30. Помимо нормального прибавочного времени рабочие отдают, таким образом, на каждые две недели одну неделю даром; на каждые два года — один год даром. И тем самым *реализация стоимости* машины *ускоряется на 50%* и занимает $^2/_3$ того времени, которое было бы необходимо в противном случае [т. е. при 12-часовом рабочем дне] [216].

Там, где капиталисты обладают монопольным положением и не побуждаются конкуренцией заменять устаревшие машины и т. д. новыми, как, например, на железной дороге, там они поэтому не занимаются усовершенствованиями в течение максимально возможного времени. *«Lancet» от 1 марта 1862 г.* [стр. 233] констатирует, что масса возникающих вследствие путешествий по железной дороге заболеваний имеет своей причиной недостаток эластичности внутри вагонов и упругости рессор, поддерживающих вагоны.

«Изобретатель какого-либо запатентованного изобретения обычно получает вознаграждение за свое мастерство в форме авторского гонорара путем продажи права пользования патентом тому лицу, которое применяет это изобретение. Ежегодно патентуется значительное число искусных усовершенствований, подходящих исключительно для использования их железнодорожными компаниями, и система, проводимая по отношению к изобретателям, заключается в том, чтобы после одобрения предложенного проекта выжидать с его применением до тех пор, пока не истечет срок патента. В результате используется старый капитал, а авторский гонорар за патенты экономится; и хотя еще некоторые несчастные случаи могли бы быть предотвращены, однако предполагается, что публика привыкла к тому, что с ней обращаются таким образом, и единственная забота состоит лишь в том, чтобы не допустить сообщения об этом в газеты или по возможности смягчить их». [XVII — 1 028] [217]

[ГЛАВА 12]

[РАСПАДЕНИЕ ПРИБЫЛИ НА ПРОМЫШЛЕННУЮ ПРИБЫЛЬ И ПРОЦЕНТ. ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ. ДЕНЕЖНЫЙ КАПИТАЛ] [218]

[1) ОБРАЩЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ПРОЦЕНТА]

[XV—933] [219] Так как товары (деньги) ссужаются как *капитал,* то они могут ссужаться как *оборотный* или как *основной капитал.* Деньги могут ссужаться в обеих формах, например как основной капитал, если они выплачиваются обратно в форме аннуитета, так что с процентами всегда возвращается и часть капитала. Другие товары, такие, как дома, машины и т. д., в соответствии с природой их потребительной стоимости часто могут ссужаться только в качестве основного капитала. Но любой отданный в ссуду капитал, какова бы ни была его форма и как бы ни видоизменялась форма его *обратной выплаты* вследствие своеобразной природы той потребительной стоимости, в виде которой он существует, есть всегда только лишь особая форма денежного капитала. Ибо то, что здесь ссужается, есть определенная денежная сумма, в какой бы потребительной стоимости она ни существовала, и на эту же сумму начисляются проценты. Если то, что̀ ссужается, не деньги и не оборотный капитал, а основной капитал, то обратно он выплачивается таким же образом, как выплачивается основной капитал. Ссудодатель периодически получает обратно проценты и часть потребленной стоимости самог̀ основного капитала, эквивалент его периодического изнашивания. Непотребленная часть отданного в ссуду основного капитала в конечном счете возвращается in natura *.

Та форма, в какой обращается отданный в ссуду капитал, характеризуется следующим образом.

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

1) Деньги функционируют в качестве *средства платежа*, т. е. капитал отчуждается, или продается, но оплачивается только через определенный срок. Функция денег как средства платежа вытекает, как мы видели [220], из простого обмена товаров. Здесь нет, следовательно, ничего характерного для денежного капитала.

2) Через определенный период капитал возвращается ссудодателю либо по частям вместе с процентами, либо целиком вместе с процентами, либо в течение части периода выплачиваются только проценты, и лишь в конце ряда периодов капитал возвращается вместе с процентами последнего периода.

Мы видим, что эти способы *выплаты*, или *возвращения капитала ссудодателю*, представляют собой не что иное, как движение, которое вообще совершает капитал в своем кругообороте, как возвращение к своему исходному пункту. Если капитал выплачивается обратно, например, ежегодно по частям вместе с процентами, то это есть тот способ, каким возвращается основной капитал, каким он в своем обращении возвращается к своему исходному пункту. Если, наоборот, в конце года или какого-либо другого периода капитал возвращается целиком вместе с процентами, то это есть способ обратного притока оборотного капитала. Отданный в ссуду капитал возвращается дважды: в действительном процессе он возвращается к промышленному капиталисту, а затем возвращение происходит еще раз как его передача денежному капиталисту, как *выплата* капитала *обратно* его действительному собственнику, юридически являющемуся его исходным пунктом.

В действительном процессе обращения капитал выступает всегда как товар или деньги. Путем продажи и купли он переходит из одной этой формы в другую. Здесь всегда обмениваются эквиваленты. Для того чтобы товар превратился в деньги, капиталист должен продать товар; для того чтобы деньги превратились в товар, капиталист должен купить товар. В первом случае он отдает товар и получает за него деньги, во втором — отдает деньги и получает за них товар. Короче, процесс обращения сводится к метаморфозу товара и поэтому — к ряду обменов. Таким образом, если мы рассматриваем каждую фазу обращения как момент всего процесса, вообще рассматриваем капитал, поскольку он функционирует как товар или как деньги, то его движение должно представляться как продажа или купля. Дело обстоит иначе, если мы рассматриваем процесс в целом. Если мы исходим из денег, то какая-то сумма денег израсходована и возвращается через определенное время обратно, причем возвращаются и первоначальная сумма денег, и избыток

денег сверх первоначально израсходованной суммы. Обратно возвращается увеличившаяся сумма денег. Если мы исходим из товара, то он выступает как исходный пункт — до процесса производства, — в форме условий производства, которые сами являются товаром и сумма которых, т. е. сумма стоимости которых, в их совокупной цене представляет определенную сумму денег. Если мы рассматриваем товар, каким он появляется вновь, после того как он прошел через процесс производства, то форма его потребительной стоимости изменилась. Но это здесь ничего не меняет по существу. Товар представляет собой теперь товарную массу, цена которой выше, чем прежде, он представляет собой бо̀льшую денежную сумму, возмещение первоначальной стоимости плюс прибавочная стоимость. Он сохраняется и увеличивается после того, как совершил определенный цикл.

Но ведь деньги, поскольку они ссужаются как капитал, ссужаются именно в качестве такой сохраняющейся и увеличивающейся денежной суммы, которая через некоторое время возвращается с прибылью и постоянно снова и снова может проделывать тот же самый процесс. Они расходуются не как деньги и не как товар, следовательно, не обмениваются на товар и не продаются как товар за деньги. Они расходуются не как товар и не как деньги, *а как капитал*. Отношение [капитала] к самому себе, каким оно представляется, если рассматривать процесс в целом, придается здесь ему без опосредствующего промежуточного движения, просто как его характер, его определенность. И в этой определенности он продается. Но сама эта определенность есть лишь результат этого процесса и тех условий, в которых [XV—934] движется капиталистический процесс производства. Следовательно, бороться против этого результата, против всего лишь кристаллизации процесса, не касаясь при этом его корня, — а его корень есть наемный труд — не касаться процесса, желая отделаться от его результата болтовней, есть подлинно *прудоновская* мудрость [221].

{*Цена производства* какого-либо товара может измениться только вследствие двух причин: [*во-первых,*] *изменяется норма прибыли,* средняя норма прибыли. Это возможно только вследствие того, что изменяется средняя *норма* само̀й *прибавочной стоимости* или изменяется среднее *отношение* этой нормы к авансированному капиталу. Поскольку [изменение] нормы прибавочной стоимости покоится не на понижении заработной платы ниже ее минимума или повышении ее выше минимума и поскольку такого рода движения следует рассматривать лишь как колебания, то указанное изменение может иметь место либо

вследствие того, что стоимость рабочей силы понизилась, либо вследствие того, что она повысилась; первое имеет место, если жизненные средства воспроизводятся дешевле, второе, — если они воспроизводятся дороже. То и другое невозможно без изменения в производительности труда, производящего жизненные средства, следовательно, без изменения в *стоимости* тех товаров, которые входят в потребление рабочего. Или же изменяется *отношение* этой средней нормы прибавочной стоимости к постоянному капиталу общества. Так как изменение вызывается здесь не [изменением] нормы, то оно должно вызываться изменением в постоянном капитале. Его масса — рассматриваемая технологически — увеличивается или уменьшается по отношению к переменному капиталу, и таким образом сумма его стоимости увеличивается или уменьшается вместе с увеличением или уменьшением самой его массы. В этом случае, следовательно, происходит изменение в способе производства. Если для того чтобы приводить в движение больше постоянного капитала, требуется тот же самый труд, то этот труд стал производительнее. В противном случае — наоборот. Следовательно, произошло изменение в производительности труда, и должно произойти изменение в стоимости определенных товаров. Если, следовательно, *цена производства* какого-либо *товара* изменяется вследствие изменения общей нормы прибыли, то хотя его собственная стоимость может остаться неизменной, должно произойти изменение в стоимости других товаров.

Во-вторых, общая норма прибыли остается *неизменной.* Тогда цена производства товара может измениться только потому, что изменилась его собственная стоимость. Так как для того чтобы произвести этот самый товар, требуется меньше или больше труда, потому ли, что изменилась производительность того труда, который производит этот товар в его конечной форме (если приходится меньше труда, например, на фунт пряжи, то требуется меньше необходимого труда, меньше заработной платы, и вследствие этого уменьшаются издержки), или потому, что изменилась производительность того труда, который производит товары, входящие в данный товар как ингредиенты. Если в качестве цены производства рассматривать не твердо определенную сумму, а стоимость авансированного капитала, издержки плюс средняя прибыль, стало быть $K + AP$ [222], то ясно, что цена производства может оставаться неизменной, как бы ни изменялась стоимость товара. Как бы ни изменялась стоимость K, величина AP характеризуется той же самой нормой. Если $K = 100$, а прибыль $= 10\%$, то $K +$

$+ AP = 110 = K + {}^1/_{10}\,K$. Если стоимость K падает до 50, то цена производства $= 50 + AP = 55 = K + {}^1/_{10}\,K$.

Все изменения в цене производства товаров сводятся к изменению стоимости; но не все изменения в стоимости товаров должны выражаться в изменении цены производства, так как последняя определяется не только стоимостью отдельного товара, а стоимостью всех товаров; изменение в [стоимости] товара *A* может, следовательно, компенсироваться противоположным изменением в [стоимости] товара *B*, следовательно, общее отношение останется без изменения. Предположим, что капиталом в 100 я могу произвести 2 000 фунтов пряжи вместо прежних — всего лишь 1 000 фунтов. Если прибыль равна 10%, то 1 000 фунтов пряжи в первом случае сто̀ят 110 ф. ст.; во втором случае столько же стоят 2 000 фунтов. В первом случае фунт пряжи стоит $2^1/_5$ шилл., во втором случае фунт пряжи стоит только $1^1/_{10}$ шилл. В обоих случаях цена производства одна и та же. В самом деле, в первом случае цена производства фунта пряжи = 2 шилл. (издержки) + $^1/_5$ шилл., равные 10%, или $^1/_{10}$ издержек. Итак, цена производства = K (2 шилл.) + + 10% ($^1/_5$ шилл.). Во втором случае K = 1 шилл. + $^1/_{10}$ шилл., или 10%. Следовательно, цена производства также равна K + 10%. Здесь изменилась стоимость товара, но не цена производства. Правда, изменение стоимости выражается в изменении цены товара: $1^1/_{10}$ шилл. вместо $2^1/_5$, но в этих различных ценах содержится то же самое соотношение издержек и прибыли, следовательно, та же самая цена производства.}

В капитале, приносящем проценты, движение капитала только лишь сокращено; опосредствующий процесс опущен, и таким образом капитал, например в 1 000, фиксирован как вещь, которая an sich * есть 1 100 и за определенный период превращается в 1 100, так же как вино в погребе через определенное время улучшает свою потребительную стоимость. Капитал теперь есть вещь, но как вещь он — капитал. Поэтому он может, наряду со всеми другими товарами, продаваться как особый товар, или, вернее, деньги, товар могут теперь продаваться как *капитал*. Таково проявление капитала в его [XV—935] наиболее обособленной форме. Деньги теперь охвачены любовной страстью [223]. Как только они отданы в ссуду — или же находятся в процессе производства (поскольку именно они приносят промышленнику процент отдельно от прибыли),— независимо от того спят они или бодрствуют, днем и ночью на них нарастают проценты.

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

Тотчас же следует рассмотреть наивную полемику Лютера против этого врастания процента в капитал [224].

Общая норма прибыли у *Рикардо:*

«*Остаток стоимости,* или *избыток* ее, будет в каждой отрасли *пропорционален стоимости затраченного капитала*» (*Ricardo.* [On the Principles of Political Economy, and Taxation. 3rd edition. London, 1821, стр. 84] [Русский перевод, том I, стр. 83]).

В приносящем проценты денежном капитале реализуется благочестивое желание собирателя сокровищ. [XV—935] [225]

* * *

[XV—944] [226] По-видимому, совершенно правильным будет сказать, что:

разделение прибыли на процент и промышленную прибыль становится явным, поскольку существуют два класса — денежные и промышленные капиталисты. Существование указанных двух классов является выражением этого разделения; однако отмеченное расчленение должно иметь место — должно быть возможным, — для того чтобы проявиться в расслоении на эти два класса. Но как бы ни была низка прибыль, составляющая, например, 2%, в результате чего мелкие капиталисты были бы не в состоянии жить как денежные капиталисты, все же, однако, крупные капиталисты могли бы существовать в этом качестве, так как сумма, абсолютная величина процента, зависит не только от его нормы, но и от величины приносящего проценты капитала.

Высокий уровень процента для обычных земледельцев, например в Индии, отнюдь не указывает на чрезвычайную величину прибыли. *Во-первых,* прибыль, так же как процент и часть заработной платы, присваивается в форме процента (косвенно также и *собственность* на самый капитал, т. е. в данном случае на условия труда). *Во-вторых,* норма прибыли тем выше, чем ниже способ производства, т. е. чем более расходуется переменного капитала по отношению к совокупному капиталу, чем [XV—945] меньше количество дополнительно затраченного капитала [auxiliary capital] по отношению к капиталу, израсходованному на труд [227]. *В-третьих,* к этому, конечно же, присоединяется связанное с особыми обстоятельствами (физическими) отсутствие потребностей у индуса; отсюда низкая стоимость его рабочей силы.

Отношение, в котором, с одной стороны, рабочий еще выступает в качестве самостоятельного работника, следовательно,

не как наемный рабочий, а с другой стороны, предметные условия его труда или продукт уже обладают наряду с ним самостоятельным существованием, составляют общую собственность особого класса ростовщиков, — это отношение при всех способах производства, в той или иной мере покоящихся на обмене, с необходимостью развивается вместе с развитием денежного имущества (последнее само есть это развитие) в противоположность более ограниченным формам земледельческого и ремесленного имущества. Это отношение проявляется как отделение, обособление от экономического бытия работника тех условий труда, которые все более и более поступают из обращения и зависят от него. С другой стороны, работник в процессе [производства] еще не подчинен капиталу. Поэтому способ производства также существенно не изменяется. В рамках буржуазной экономики это отношение повторяется в отсталых отраслях промышленности или в таких отраслях, которые еще противятся переходу к современному способу производства. В них также имеет место самая гнусная эксплуатация труда, причем здесь отношение между трудом и капиталом не содержит в себе ни базиса развития новой производительной силы, ни зародыша новой исторической формы. В самом способе производства капитал выступает здесь еще вещественно подчиненным отдельному работнику или его семье, будь то в ремесленном производстве или в мелком земледелии. Здесь имеет место эксплуатация капиталом, но нет еще капиталистического способа производства. Процентная ставка очень высока, потому что 1) норма прибыли высока, ибо доля дополнительно затрачиваемого [по отношению к затратам на труд] капитала [auxiliary capital][228] мала; 2) процент включает в себя прибыль и 3) даже часть заработной платы; 4) он представляет собой не только прибавочную стоимость и плату за труд, но и присвоение самих условий труда. Часть процентов не может быть выплачена; сами условия труда (как это имеет место в Индии) закладываются. В условиях промышленного капитала является само собой разумеющимся, что та часть продукта, которая представляет [стоимость] условий труда, достается капиталисту. Указанная форма ростовщичества, при которой капитал не овладевает способом производства, следовательно, является капиталом только формально, предполагает в качестве господствующих добуржуазные способы производства; однако она воспроизводится вновь — в подчиненных сферах — в буржуазном обществе. Поскольку действие этого капитала имеет не политический — разложение сложившихся отношений, как это происходит в древности и т. д., — а исторический смысл, оно представляет собой отде-

ление условий труда от рабочего, с одной стороны; другими словами, что то же самое, оно представляет собой тем самым создание денежного имущества, которое позднее покупает себе условия производства в качестве товаров [229].

Другая историческая форма процента (там, где все еще существуют рабство, крепостничество и основанные на них имущество и доход) — это передача капитала в ссуду потребляющему богатству. Эта форма *представляется здесь исторически важной, так как она сама есть процесс возникновения* капитала, так как доход, рента, а зачастую и земля земельных собственников накопляются и капитализируются в руках ростовщиков. Это одна из тех форм, в которых деньги — совершающий обращение капитал — накопляются у класса, не зависящего от земельной собственности.

С развитием капиталистического производства развивается торговля, и вместе с тем у производителя появляется необходимость производить товары, отчасти покупать элементы их [производства], отчасти продавать продукт, платить в определенные сроки и т. д. Короче говоря, денежная форма товара становится существенной для производителя. Вместе с тем широкое распространение получает ростовщичество, которое теперь уже в большей мере выполняет функцию приносящего проценты капитала в современном смысле. Но деньги находятся отчасти еще в руках старомодного ростовщика, немногих торговцев деньгами, монополистов, которые таким образом господствуют над зарождающейся промышленностью. Отсюда борьба, например, в XVII веке [230].

Понятно, что там, где в городах получили развитие торговля и ремесло, там развивается и торговля деньгами. Здесь ростовщичество уже в большей мере подчинено *этой форме капитала* (торговому капиталу). Но вполне подчиненным оно становится лишь с развитием форм кредита, когда отпадает необходимость уплаты наличными деньгами, т. е. уплаты золотом, серебром. Но на этом базисе развивается новый класс паразитов.

Для развития ростовщичества нужны лишь некоторое развитие товарного производства и развитие необходимости расплачиваться деньгами. С одной стороны, в лице рабовладельца, феодального сеньора существует владелец прибавочного труда, у которого ростовщик отнимает этот прибавочный труд или который делится им с ростовщиком. Существует также класс купцов, наряду с которыми возникает и *развивается в ростовщика собиратель сокровищ,* с которым купцы делятся своей прибылью, представляющей собой в значительной мере прибыль

от отчуждения [231]. Наконец, по отношению к мелкому производству [ростовщичество есть] способ сведѐния его дохода просто к заработной плате и присвоения его условий труда.

[XV—946] До тех пор пока денежный капитал сохраняет свою старомодную структуру ростовщичества, процентная ставка принудительно понижается законом. Как только создается форма кредита, в которой весь скрытый денежный капитал общества предоставляется в распоряжение промышленного производства, как только денежный капитал становится товаром, подчиняется конкуренции, так принудительные методы его подчинения промышленному капиталу и сведѐния его к простой форме, к моменту последнего, устраняются.

Мы видели [232], что чем меньше развит характер продукта как товара, чем меньше меновая стоимость овладевает производством во всей его широте и глубине, тем больше *деньги* выступают как собственно богатство, как абстрактное богатство в противоположность той ограниченной форме, которой богатство обладает в потребительных стоимостях. На этом покоится *образование сокровищ*. Если оставить в стороне деньги как мировые деньги и как сокровище, то именно в форме *средства платежа* они выступают как абсолютная форма товара. И развитие денег как средства платежа есть как раз то, что главным образом порождает *процент* и развивает деньги в качестве денежного капитала [233]. Расточительное и развращающее богатство хочет денег в качестве денег, в качестве *всеобщей покупательной силы* (а также для уплаты долгов). Мелкому производителю деньги нужны прежде всего для того, чтобы *платить*. В обоих случаях деньги употребляются в качестве денег. С другой стороны, образование сокровищ впервые становится реальным, осуществляет свою мечту в *ростовщичестве*. От последнего требуют не капитал, но деньги в качестве денег, а посредством процента оно превращает это денежное сокровище для себя в капитал, в самовозрастающую стоимость, в средство, с помощью которого оно овладевает частью прибавочного труда и частью самих условий производства — даже если бы они номинально и продолжали противостоять ему. По видимости, *ростовщичество* пребывает в порах производства, как боги в системе Эпикура [234]. Эта форма приносящего проценты капитала предполагает, правда, что производство настолько развило товарное обращение, что последнее дошло до образования денег и развило деньги в их различных функциях. Но ростовщичество покоится на таких сложившихся отношениях, при которых та часть продукта, которая превращается в товар, составляет еще только относительно небольшую часть производства, пре-

вращение [товара] в деньги еще затруднено, а сами деньги, бытие товара как меновой стоимости, встречаются еще только в виде исключения. Самый этот вид денежного капитала, хотя он и предполагает товарное производство, не следует выводить непосредственно из отношения товара и денег. Чем больше товар развивается в качестве товара, тем больше деньги развиваются как всего лишь его форма; и тем больше цена, за которую продаются товары, определяется их стоимостью. Это достигается лишь посредством конкуренции как формы реализации капитала. То, что за отданные в ссуду деньги платят деньги, вытекает просто из потребности иметь их во что бы то ни стало, и воплощающий сокровище ростовщик эксплуатирует эту потребность. Поэтому то, что̀ он получает за деньги, не связано ни с их стоимостью, ни со стоимостями товаров, так как *общая мера возрастания стоимости* и тем самым *средняя норма прибыли* образуются лишь на основе самого̀ капиталистического производства *. Деньги — это условие, необходимое условие, и иметь их тем труднее, чем в большей мере товарная форма не является всеобщей формой продукта. Деньги — условие для производства, хотя еще весьма внешнее, а также условие для расточительности и удовлетворения потребности в разврате. Как такое условие, как деньги, они и продаются. *Купеческое имущество* постольку старше *приносящего проценты денежного капитала,* поскольку оно непосредственно проистекает из товарного обращения. Напротив, *денежный капитал* возникает из привилегии денег, вырастающей из обращения, и из их необходимости в качестве условия. В первом случае форма обращения — *Д—Т—Д* (или *Т—Д—Т*). Во втором случае результат *Д—Д'* означает, что с помощью денег может быть получено больше денег. Поскольку денежный капитал примыкает к *торговому капиталу,* его отношение к последнему такое же, как и отношение капитала, приносящего проценты, на базисе капиталистического производства, вообще к капиталу. Поскольку же денежный капитал эксплуатирует мелкую собственность или расточаемое богатство (которое уже само присваивает труд рабов или крепостных), то он просто исходит из денег как денег, как сокровища, из их функции средства платежа и т. д., а цена, за которую он отдается, определяется исключительно той ценой, которую может вырвать ростовщик. То, что «ничто не дается даром», что, следовательно, даром не ссужают, вытекает уже из того, что [XV—947] с развитием товара всякое отчуждение выступает как присвоение.

---

* Эта фраза в рукописи зачеркнута. *Ред.*

[2) ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ КАК ПЕРВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОРМА КАПИТАЛА. РОСТОВЩИЧЕСТВО]

Торговый капитал, или деньги, выступающие в виде купеческого имущества, есть первая форма капитала, т. е. стоимость, которая проистекает исключительно из обращения (обмена), сохраняется, воспроизводится и увеличивается в обращении; так что исключительной целью этого движения является меновая стоимость; [налицо] оба движения — покупать для продажи и продавать для купли, но преобладает *Д—Т—Д*. Деньги и их увеличение преобладают в качестве исключительной цели операции. Торговый капитал есть деньги в качестве опосредствующего движения производства; точно так же деньги здесь выступают как самоцель, но не застывая из-за этого в своем металлическом бытии. Здесь имеют место: живое превращение стоимости в обе формы — товара и денег; безразличие стоимости по отношению к определенным потребительным стоимостям, форму которых она принимает, и вместе с тем ее метаморфоз во все эти формы, которые, однако, выступают всего лишь как изменение ее вида. Если, таким образом, действие торговли, охватывающее *условия обращения,* купеческое имущество, с одной стороны, есть первая форма существования капитала, — а оно также и исторически выступает в качестве таковой, — то, с другой стороны, эта форма выступает как противоречащая понятию *стоимости*. Покупать дешево, для того чтобы дорого продавать, — таков закон торговли. Следовательно, — не *обмен эквивалентов*. В общем и целом понятие стоимости заключается в том, что все различные товары представляют собой *стоимость* и потому — *деньги,* равные — с точки зрения качества — выражения общественного труда. Но они не являются равными *величинами стоимости*. Вообще если продукты впервые обмениваются как товары, то следует заметить, что то *количественное соотношение,* в котором они непосредственно обмениваются, сначала является случайным. Они полагаются как товары в той мере, в какой они вообще обладают *способностью обмениваться,* т. е. представляют собой выражение *одного и того же*. Но это не значит, что они есть *эквиваленты* — в том смысле, что оба содержат равное количество рабочего времени. Продолжающийся обмен и вместе с ним воспроизводство все более и более устраняют эту случайность, но сначала не для производителя, с одной стороны, и не для потребителя — с другой, а для опосредствующего движения между обоими, для купца, который сравнивает денежные величины и прикарманивает разницу.

Посредством самого своего движения он устанавливает *эквивалентность*. Он сравнивает цены. Если все производство покоится на меновой стоимости продукта, то стоимость товаров регулируется как нечто не только *качественно*, но и *количественно* тождественное в них. Деньги в качестве торгового имущества, присущие самым различным формам общества и выступающие на самых различных ступенях развития общественных производительных сил, представляют собой всего лишь опосредствующее движение между крайними пунктами, над которыми они не господствуют, и между предпосылками, которых они не создают.

Так же как из простой формы товарного обращения *Т—Д—Т* проистекают деньги не только как мера стоимостей и средство обращения, но и как абсолютная форма товара и тем самым богатства, как сокровище и т. д., и их сохранение у себя и увеличение как денег выступает как самоцель, точно так же из простой формы купеческого имущества *Д—Т—Д'* деньги, сокровище проистекают как нечто увеличивающееся и сохраняющееся посредством отчуждения, как стоимость, которая увеличивается посредством простого отчуждения. *Ростовщический капитал* находится в том же самом отношении к *купеческому имуществу*, в котором *приносящий проценты денежный капитал* находится *к промышленному капиталу*. Так же как купеческое имущество, покоящееся на прибыли от отчуждения, само по себе не имеет внутренней меры, так не имеет ее и ростовщический капитал. Первое покоится на надувательстве, а последний — на насилии, простирающихся настолько далеко, насколько это для них возможно. То обстоятельство, что оба они развивают *денежное имущество*, на деле означает, что они в форме денег присваивают себе имущество общества, монополизируют денежное имущество общества.

Самостоятельное купеческое имущество в качестве господствующей формы капитала представляет собой обособление процесса обращения по отношению к его крайним пунктам, а этими крайними пунктами являются сами обменивающиеся производители. Эти крайние пункты остаются самостоятельными по отношению к этому процессу, и наоборот, этот процесс, остается самостоятельным по отношению к ним. Продукт становится здесь товаром посредством торговли, но не торговля [существует] потому, что продукт с самого начала производится как товар (или же это имеет место лишь в узких пределах). Здесь именно торговля превращает продукты в форму товаров; последние не являются произведенными товарами, движение которых есть торговля. Капитал как таковой выступает здесь,

следовательно, сначала в процессе обращения, потому что этот процесс вообще есть та форма, в которой прежде всего, как в своей стихии, движется меновая стоимость и которой она овладевает; ее *развитие* и есть *процесс обращения*. Результатом этого развития денег в капитал в процессе обращения является quand même * денежный капитал, ростовщический капитал.

[XV—947a] Короче говоря, вся история о том, почему капитал развивается как торговый и ростовщический капитал — как денежное имущество в этих обеих формах, — прежде чем появится его действительный образ, в котором он подчиняет себе производство, тот образ, в котором он составляет основную форму современного общества, сводится к тому, что продукт как меновая стоимость развивается прежде всего *в обращении*, что в нем он прежде всего становится *товаром* и *деньгами*. Он может образовываться в процессе обращения и должен образоваться в нем, прежде чем он начнет господствовать над его крайними пунктами — различными сферами производства, которые опосредствует процесс обращения. Денежное и товарное обращение, — следовательно, также денежный и товарный капитал, — могут *опосредствовать* сферы производства самой различной организации, которые по своей внутренней структуре направлены еще главным образом на производство потребительной стоимости. Это *обособление процесса обращения*, в котором сферы производства вступают во взаимные отношения при посредстве некоего третьего фактора, характеризуется двойственностью: как тем, что обращение еще не овладело производством, а относится к нему как к безразличной предпосылке, к *данной* предпосылке, так и тем, что процесс производства не включает в себя процесс обращения всего лишь в качестве своего момента. [Напротив,] в капиталистическом производстве имеет место и то и другое. Процесс производства всецело покоится на обращении, а обращение есть просто момент производства, просто реализация продукта, произведенного как товар. Форма капитала, которую капитал приобретает *непосредственно* из обращения, форма торгового капитала, выступает здесь просто как *форма* капитала в его движении воспроизводства; точно так же всякая форма, которую капитал принимает как денежный капитал, и возрастание стоимости денежного капитала как такового — просто посредством его отчуждения в качестве товара — выступают как всего лишь определенная форма, [определенная] посредством возрастания стоимости капитала в самом процессе производства.

* — всё-таки, несмотря ни на что, вопреки всему. *Ред.*

Потребляемое богатство. По своему существу оно более родственно производительному капиталу, чем торговому и ростовщическому капиталу, так как является прямым присвоением прибавочного труда (раба, крепостного и т. д.) в результате обладания условиями производства. Но работник здесь так или иначе сам еще принадлежит к объективным условиям производства. Господствующей является потребительная стоимость. Агенты не противостоят друг другу как покупатели и продавцы. Самостоятельная форма меновой стоимости как денег и как товара не обусловливает самого процесса. Раб (не крепостной) может быть куплен как товар. Но его эксплуатация не происходит в форме товарообмена между эксплуататором и эксплуатируемым. Рабство, крепостничество полагаются отношениями, независимыми от самого производства, — поскольку оно имеет целью меновую стоимость. Рабовладелец или феодальный сеньор владеет прибавочным трудом в форме простых потребительных стоимостей. Купец доставляет ему товары, небольшую часть которых он обменивает на массу этих продуктов. Ростовщичество присоединяется к этому процессу, для того чтобы антиципировать доходы и доставить лендлорду и т. д. средства для покупки этих товаров, вообще для того, чтобы авансировать ему форму богатства, ибо оно *всегда* распоряжается людьми и вещами. Сюда относится *необходимость платежей.*

Производительные классы.

Поскольку ростовщичество присоединяется к самому купеческому имуществу, последнее хочет иметь барыш. Следовательно, [купец] платит проценты, для того чтобы получить больше прибыли. Здесь процент становится уже умереннее, так как он должен предоставить возможность получения прибыли; однако при слаборазвитых отношениях он может привести лишь к повышению *цен,* куда добавлены процент и — соответственно — прибыль. Это повышение имеет естественные границы. Купец не может заставить покупать у него по цене выше определенного уровня. Таким образом, несмотря на высокие цены, воспроизводство осуществляется медленно, так как рынок ограничен. Таким образом, здесь ростовщик господствует над мелким зарождающимся торговым и промышленным промыслом. С другой стороны, торговля, имущество которой существует только в обращении, ведет к абсолютной зависимости этого имущества от обращения, [XV—947b] к развитию системы сроков платежа, к усилению зависимости от поступлений [денег], от чужих платежей и т. д. Но поскольку деньги являются *средством платежа,* они должны быть абсолютно,

во чтобы то ни стало, изысканы. Поэтому здесь господствует ростовщичество, которое их непременно ссужает, предписывая свои условия.

Мелкое производство бюргеров и крестьян.

Они нуждаются в деньгах либо в качестве *покупательного средства,* либо в качестве *средства платежа.*

В качестве *покупательного средства* они нуждаются в деньгах главным образом лишь в тех случаях, если при этих формах производства, когда работник еще должен быть собственником своих условий производства, должен владеть условиями производства, он лишается их случайно или вследствие чрезвычайных потрясений, или, по меньшей мере, они не возмещаются в обычном ходе *воспроизводства:* например, неурожай, падеж скота и т. д. [Зерно, скот и т. д.] относятся к условиям производства также в качестве жизненных средств и сырья. Простое вздорожание последних может сделать работника неспособным вновь купить их на выручку от продажи своего продукта или самому возместить их in natura *. *Примеры:* те войны, посредством которых римские патриции разоряли плебеев, принуждая их к несению военной службы, что препятствовало воспроизводству их условий труда и поэтому влекло за собой их *обнищание* (и это является здесь господствующей формой; обнищание означает здесь утрату условий воспроизводства), — эти же войны наполняли амбары и погреба патрициев захваченной в качестве добычи медью, т. е. деньгами той эпохи. Вместо того чтобы давать плебеям непосредственно товары — хлеб, лошадей и т. п., они ссужали им эту бесполезную для них самих медь и пользовались этой ситуацией для взимания непомерных ростовщических процентов. Карл Великий подобным же образом разорял крестьян, не оставляя им ничего другого, как только из должников становиться крепостными. Так, мы знаем, что в Африке, так же как и в румынских землях [235] и т. д., голод, например, заставлял [крестьян] продавать самих себя в рабство богачам. Все это относится к тем эпохальным моментам, когда деньги получают развитие в качестве ростовщического капитала. Если рассматривать отдельные случаи, то сохранение или утрата условий производства отдельными производителями зависят от тысячи случайностей, и каждый такой случай утраты — *обнищания* — представляет собой тот пункт, где может присосаться паразит-ростовщик. Достаточно лишь того, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, а у мелкого сапожника повысилась цена на кожу, и оба они будут

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

не в состоянии возобновить свое воспроизводство в прежнем масштабе. И вот здесь вмешивается ростовщик. Он овладевает их прибавочным трудом и т. д., отчуждая их условия производства, если еще не экономически, то юридически. Деньги нужны здесь исключительно в качестве покупательного средства, но не для потребления и не для получения «прибыли», а для того чтобы вновь овладеть утраченными условиями труда.

Средство платежа. Вот где настоящее большое и специфическое поприще ростовщичества. Здесь деньги выступают абсолютно, причем в обычной сфере процесса производства, в привычной сфере процесса обращения, в самом тесном кругу. Каждая денежная повинность, приуроченная к определенным срокам, — пòдать, налог — влечет за собой необходимость денежного платежа. И из самогò товарного производства, при сàмом незначительном разделении труда, из отношения между покупателем и продавцом развивается отношение между кредитором и должником, — отчасти, как я показал [236], из особой формы отчуждения, которая вытекает из особой природы потребительных стоимостей, отчасти из несовпадения различных времен производства и периодов производства в различных отраслях. Здесь абсолютно необходимо к определенному сроку иметь товар в форме денег. Потребительная стоимость как таковая, сами товары здесь — дрянь. Деньги же абсолютны, означают всё, и эта их всеохватывающая сила есть сила ростовщика.

[XV—948] Даже на основе современного капитала, например при денежных кризисах, когда процент равен 20%, а цена товара значительно ниже его издержек производства, даже в этих условиях господствует ростовщичество. И то же ростовщичество представляет собой главное средство усиления необходимости денег как средства платежа, так как оно все глубже и глубже втягивает производителя в долги и само лишает его обычных платежных средств вследствие несоответствия между его совокупной продукцией и теми процентами, которые он должен платить. Здесь ростовщичество возникает из денег как *средства платежа,* создает и расширяет эту форму денег, а следовательно, свое собственное поприще.

Покупательное средство [необходимо,] поскольку обычное воспроизводство вследствие нарушений не обеспечивает замену условий труда, стало быть, последние должны поступать из обращения. *Средство платежа* — форма денег, в которой они вообще выступают как абсолютная форма по отношению к конкретному богатству. В обеих формах деньги нужны не как капитал, а как деньги. В одном случае условия труда должны быть в виде исключения превращены в таковые сначала из

денег. В другом случае это — необходимость превращения в *деньги*. В обеих формах денежный капитал развивается на независимом от капиталистического производства базисе. В обеих формах он может привести к капиталистическому производству. Ростовщичество, так же как и торговля, в своей непосредственной форме *просто эксплуатирует данные производственные отношения*, не создает их, имеет к ним внешнее отношение. Ростовщичество прямо стремится сохранить их, для того чтобы иметь возможность постоянно все вновь и вновь эксплуатировать их; оно консервативно, приводит их лишь в более бедственное состояние. Чем менее условия производства входят в процесс и выходят из него как товар, тем более их воссоздание из *денег* выступает как особый акт. Чем меньше совокупное производство покоится на обращении — оплата только наличными, узкая сфера продажи товаров, небольшое накопление, мало находящихся в обращении денег, метаморфозы совершаются медленно и с перерывами, а отсюда слабое переплетение процесса производства одного [товара] с обращением другого, — тем сильнее власть денег как *средства платежа*. Тем больший, следовательно, простор ростовщичеству. Совершенно так же, как деньги в качестве сокровища тем важнее, чем меньше развита меновая стоимость, — так и деньги в качестве ростовщического капитала играют тем бо̀льшую роль, чем меньше деньги представляют собой одну из нормальных форм способа производства.

То, что *денежное имущество* развивается как особое имущество, означает по отношению к ростовщическому капиталу, что последний все свои притязания выдвигает в форме *денежных притязаний*. Денежное имущество развивается в какой-либо стране в тем большей мере, чем более основная часть производства ограничивается натуральными повинностями и т. д. и потребительной стоимостью.

А. Смит говорит относительно торгового капитала:

«Хотя жители города необходимое им продовольствие и все средства и материалы труда получают в конечном счете из деревни, но жители города, расположенного на морском побережье или у судоходной реки, могут получать все это также и из отдаленнейших уголков земли либо в обмен на продукты своей собственной промышленности, либо выполняя функцию посредника, который доставляет товары из одной отдаленной страны в другую и обменивает продукты одной из них на продукты другой. Таким путем тот или иной город может стать весьма богатым, в то время как не только окружающая его местность, но и все те страны, с которыми он торгует, остаются бедными. Каждая из этих стран, взятая в отдельности, может предоставить городу лишь незначительную часть того, что необходимо для его существования и для работы его промышленности, но все эти страны, взятые вместе, могут обеспечить город боль-

шим количеством средств существования и бóльшим разнообразием промышленной деятельности» ([*A. Smith.* Recherches sur la Nature et les Causes de la Richesse des Nations. Traduction par G. Garnier]. Tome II, liv. III. [Paris, 1802, стр. 452—453]) [Русский перевод, стр. 296].

Подобно тому как деньги сначала развиваются [в обмене] между общинами, так и торговля развивается сначала как внешняя торговля и посредническая торговля. В крупном масштабе торговля развивается сначала как *посредническая торговля.*

«Итальянские города раньше других возвысились в Европе благодаря торговле; во время крестовых походов — Генуя, Венеция, Пиза — отчасти посредством перевозки людей и всегда посредством перевозки продовольствия, которое надо было поставлять им. Эти республики были как бы интендантами этих армий» (там же, [стр. 454]) [Русский перевод, стр. 297].

[XV—949] «Жители торговых городов привозили из более богатых стран утонченные изделия и предметы роскоши за большую цену, доставляя тем самым новую пищу для тщеславия крупных земельных собственников, которые покупали их нарасхват, давая взамен бóльшие количества сырых продуктов своих земель. Таким образом, торговля значительной части Европы в эту эпоху представляла обмен сырых продуктов одной страны на мануфактурные продукты более передовой промышленной страны» (там же, стр. 454—455) [Русский перевод, стр. 297].

Мануфактуры по производству предметов роскоши возникли на почве внешней торговли и были основаны купцами (обрабатывались заграничные материалы) (там же, стр. 456—458) [Русский перевод, стр. 297—298].

А. Смит говорит и о другом виде мануфактуры,

«который естественно и сам собой возник благодаря постепенному усовершенствованию [грубых] и домашних промыслов». Обрабатывались местные материалы (там же, стр. 459) [Русский перевод, стр. 298].

Торговые народы древнего мира существовали так, как боги Эпикура в межмировых пространствах, или, лучше сказать, так, как евреи в порах польского общества [237].

Первые самостоятельно достигшие значительного развития торговые народы или города вели *посредническую торговлю,* основывались на варварском уровне производящих народов, среди которых они играли роль посредников.

На первоначальных ступенях буржуазного общества торговля господствует над промышленностью; в современном обществе — наоборот. Торговля, разумеется, оказывает в большей или меньшей мере обратное воздействие на те сообщества, между которыми она ведется; она все более и более подчиняет производство меновой стоимости; все более и более оттесняет на задний план непосредственную потребительную стоимость, делая потребление и существование более зависимыми от про-

дажи, чем от непосредственного потребления продукта; разлагает старые отношения, усиливает денежное обращение, охватывает не только избыток [продуктов] производства, но все более и более поглощает само производство. (На своей основе создает еще отдельные отрасли производства.) Однако разлагающее влияние [торговли] в весьма значительной степени зависит от природы тех производящих сообществ, среди которых она ведется. Например, она почти не поколебала древнеиндийские общины и вообще азиатские отношения. Обман при обмене есть базис торговли там, где она выступает самостоятельно.

Торговое имущество, так же как и ростовщичество, в качестве самостоятельной экономической формы и основы торговых народов и торговых городов существует и существовало среди народов, находящихся на самых различных ступенях экономического развития; и в само̀м торговом городе (древнеазиатском, итальянском — в средние века, греческом и т. д.) производство может продолжать существовать в цеховой форме и т. д.

«*Торговля* есть операция, посредством которой богатство или работа, будь то индивидов или обществ, могут быть обменены при посредстве группы людей, именуемых купцами, на эквивалент, способный удовлетворить любую потребность без всякого перерыва в производстве или какой-либо задержки в потреблении» (*J. Steuart.* [An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy]. Vol. I, Dublin, [1770], стр. 166). «Пока потребности и просты и немногочисленны, работник находит достаточно времени для выполнения всей своей работы; когда потребности становятся разностороннее, людям приходится работать более напряженно; *люди начинают ценить время;* поэтому вводится торговля с купцом в качестве посредника между работниками и потребителями» (там же, стр. 171).

«*Сосредоточение*»

(продуктов; *торговля* сначала *концентрирует* продукты, но в *обращении,* при этом сами работы остаются обособленными)

«*в немногих руках* означает введение торговли» [там же].

(Это сосредоточение [продуктов] в немногих руках происходит пока еще не в самом процессе производства.)

«Потребитель покупает не для перепродажи; купец покупает и продает только в расчете на барыши» (там же, стр. 174). «Самый простой вид торговли — это тот, который производится лишь путем *обмена необходимейших жизненных средств*» (обмен между фондом [продовольственных] излишков фермеров и «свободными руками»[238]) (там же, стр. 175—176). «Пока потребности взаимно удовлетворяются посредством простой мены, для введения денег нет ни малейшего повода. Это — простейшая из всех комбинаций. Когда потребности становятся разнообразнее, меновая торговля становится более затруднительной; вследствие этого вводятся *деньги.* Деньги — общая цена всех вещей, надлежащий эквивалент в руках тех, кто предъявляет спрос. Эта операция куплипродажи несколько сложнее первой операции» [там же, стр. 177].

Итак, 1) *мена;* 2) *продажа;* 3) *торговля.*

Здесь «должен появиться купец. То, что прежде называлось потребностями, представлено теперь потребителем, промышленность — мануфактуристом, деньги [XV—950 a] — купцом».

{Деньги, с одной стороны, есть первый метаморфоз товара, его бытие как меновой стоимости. А во-вторых, деньги есть начало второго метаморфоза, форма, в которой один товар превращается в другой товар. Оба эти пункта представляет купец; оба момента денег заключены в *Д—Т—Д*, но так, что они сами выступают как цель.}

«...Теперь эта операция купли-продажи есть торговля; она избавляет обе стороны от всех хлопот по доставке и приспособлению одной потребности к другой или потребности к деньгам... *купец поочередно представляет* потребителя, мануфактуриста и деньги. Для потребителя он представляет собой совокупность мануфактуристов, а для последних — совокупность потребителей, и обоим классам кредит купца заменяет применение денег» (там же, стр. 177—178).

«Предполагается, что купцы покупают и продают не по необходимости, а в расчете на прибыль» (там же, стр. 201). [XV—950 a] [239]

[3) ВЛИЯНИЕ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА НОРМУ ПРИБЫЛИ]

[XV—950 b] {[Увеличение] числа оборотов капитала может увеличить прибыль лишь постольку, поскольку оно увеличивает количество [циклов] воспроизводства, hinc * — прибавочный труд или объем воспроизводства (его масштаб) в один и тот же промежуток времени. Вложенный в дело капитал не может быть использован на расширение масштаба производства. Но с *торговым капиталом* дело обстоит иначе.

Если производительность промышленности увеличивается, то цена единицы товара понижается. В ней содержится меньше труда, меньше оплаченного и неоплаченного труда. Предположим, что произведено 300 аршин холста вместо 100. Эти 300 аршин холста (цена этой пряжи остается прежней и т. д.) являются продуктом труда 10 рабочих, так же как прежде 100 аршин холста были продуктом труда 10 рабочих. В этом последнем случае 10 аршин холста содержат труд одного рабочего. Если, например, рабочий день равен 12 рабочим часам, то 10 аршин холста содержат 12 рабочих часов, а один аршин — $^{12}/_{10} = {}^{6}/_{5} = 1^{1}/_{5}$ рабочего часа. В другом случае 30 аршин

* — отсюда. *Ред.*

содержат 12 рабочих часов, а один аршин — $^{12}/_{30}$ = $^{4}/_{10}$ = $^{2}/_{5}$ рабочего часа. В одном случае аршин холста содержит $^{6}/_{5}$ рабочего часа, в другом — $^{2}/_{5}$, следовательно, в три раза меньше. Предположим, что один рабочий час = 1 шиллингу. Тогда в первом случае аршин холста стоит $1^{1}/_{5}$ шилл., а во втором — $^{2}/_{5}$ шилл. В первом случае он стоит 1 шилл. $2^{2}/_{5}$ пенса, а во втором случае — $4^{4}/_{5}$ пенса. Предположим теперь, что содержащийся в аршине холста постоянный капитал (пряжа и т. д.) = = 1 шилл. Тогда в первом случае аршин холста стоит 2 шилл. $2^{2}/_{5}$ пенса, а во втором — 1 шилл. $4^{4}/_{5}$ пенса. Предположим, что заработная плата = $^{1}/_{2}$ присоединенной стоимости, тогда в первом случае аршин холста содержит $7^{1}/_{5}$ пенса, а во втором — $2^{2}/_{5}$ пенса [заработной платы]. Прибавочная стоимость равна тому же самому. Отношение между заработной платой и прибавочной стоимостью осталось тем же самым. Если рассматривать единицу товара, то содержащаяся в нем прибыль (и заработная плата) в одном случае в три раза меньше, чем в другом. Но если рассматривать совокупное количество [товара], то сумма заработной платы и прибыли осталась той же самой, потому что $10 \times 7^{1}/_{5} = 30 \times 2^{2}/_{5}$. Норма прибыли, напротив, понизилась бы, потому что капитал, израсходованный на пряжу и т. д., утроился бы. Она могла бы остаться той же самой лишь в том случае, если бы пряжа и т. д. понизилась в стоимости также втрое или если бы уменьшилась втрое заработная плата.

В первом случае 10 аршин холста стоят 10 × (2 шилл. $2^{2}/_{5}$ пенса) = 1 ф. ст. 2 шилл.

Во втором случае 30 аршин холста стоят 30 × (1 шилл. $4^{4}/_{5}$ пенса) = 2 ф. ст. 2 шилл. (но в первом случае эти 30 аршин стоили бы 3 ф. ст. 6 шилл.).

Предположим теперь, что пряжа и т. д. во втором случае также падает в цене втрое.

Тогда в первом случае 10 аршин холста стоят 1 ф. ст. 2 шилл., а один аршин — 2 шилл. $2^{2}/_{5}$ пенса.

Во втором случае 30 аршин холста стоят 1 ф. ст. 2 шилл., а один аршин — $8^{4}/_{5}$ пенса.

И в этом случае сумма прибыли (и заработной платы), приходящаяся на 30 аршин холста, так же велика, как раньше — на 10 аршин, несмотря на большое падение товарной цены аршина холста. Норма прибыли, приходящаяся на аршин холста, та же самая, так как в первом случае она составляет $7^{1}/_{5}$ пенса на авансированный капитал в 1 шилл. $7^{1}/_{5}$ пенса, а во втором случае [это отношение равно] $2^{2}/_{5} : 6^{2}/_{5}$. В обоих случаях [это отношение] составляет 3 : 8. Но если рассматривать массу прибыли, приходящуюся на один аршин холста, то она уменьши-

лась. В первом случае она была равна $7^1/_5$ пенса, а во втором — уже только $2^2/_5$ пенса [240].

[XV—950] Если 300 аршин холста есть плод труда 10 рабочих, тогда как раньше плодом их труда были 100 аршин холста, то в одном случае на одного рабочего приходится 30 аршин холста, а в другом — 10. В первом случае в одном аршине холста содержится $^1/_{10}$, во втором — $^1/_{30}$ рабочего дня.

Итак, предположим, что цена пряжи и т. д. остается прежней, например равной x; в таком случае цена аршина холста в первом случае равна $x + {}^1/_{10}\, M$*, а во втором: $x + {}^1/_{30}\, M$. В первом случае 100 аршин холста стоят $100 \times (x + {}^1/_{10}\, M) = 100\, x + 10\, M$, а 300 аршин во втором случае стоят $300 \times (x + {}^1/_{30}\, M) = 300\, x + 10\, M$. Стало быть, ясно, что если заработная плата остается той же самой, например равной $^1/_2$ рабочего дня, то *масса прибыли* в обоих случаях остается той же самой. В первом случае прибыль на 100 аршин холста составляет $^{100}/_{20}\, M = 5\, M$, а во втором случае прибыль на 300 аршин холста равна $^{300}/_{60} = {}^{100}/_{20} = 5\, M$. Сумма прибыли здесь одна и та же, так как $100 \times (^1/_{20})$ не больше, чем $300 \times (^1/_{60})$. Но, во-первых, *норма прибыли* понизилась, так как в первом случае расходы на один аршин холста составляют $x + {}^1/_{20}\, M$, а прибыль — $^1/_{20}\, M$; во втором случае [расходы на один аршин холста составляют] $x + {}^1/_{60}$ [M], а прибыль — $^1/_{60}$. Если бы [рабочий день] одного рабочего был равен 20 шилл., а x (пряжа и т. д.) = 1 шилл., то $x + {}^1/_{20}\, M$ = 1 шилл. + 1 шилл. = 2 шиллингам. И прибыль тоже равна $^1/_{20}\, M$ = 1 шиллингу. Следовательно, цена равна *3 шилл.*, $^1/_3$ которых составляет прибыль. В другом случае $x + {}^1/_{60}\, M$ = 1 шилл. + 4 пенса = 1 шилл. 4 пенсам. И прибыль равна $^1/_{60}\, M$ = 4 пенсам. Следовательно, здесь цена составляет 1 шилл. 8 пенсов, $^1/_5$ которых — прибыль. Оставляя в стороне это понижение нормы прибыли, приходящаяся на аршин холста *масса прибыли* была бы равна в первом случае $^1/_{20}\, M$, а во втором — $^1/_{60}$ [M], следовательно, в три раза меньше; однако при этом во втором случае прибыль приносится втрое большим количеством аршин холста, чем в первом.

Предположим второй случай, когда ткачество становится точно в такой же степени производительнее, в какой пряжа становится дешевле.

Тогда, следовательно, при старом способе производства 100 аршин холста производились бы 10 рабочими. Цена совокупного продукта была бы равна $100\, x + 10\, M$. Цена аршина хол-

---

* Буквой *М* в рукописи обозначен рабочий день одного рабочего. *Ред.*

ста была бы равна $x + {}^1/_{10}\ M$, из которых прибыль составляла бы ${}^1/_{20}\ M$.

Во втором случае пряжа и т. д. для 300 аршин холста стоила бы ${}^{300}/_3\ x = 100\ x$. Эти 300 аршин холста стоили бы $100\ x + 10\ M$. Цена аршина холста была бы равна $x/_3 + {}^1/_{30}\ M$. Прибыль равна ${}^1/_{60}\ M$. Если бы, следовательно, x опять был равен 1 шилл., а M — 20 шилл., то аршин холста стоил бы ${}^1/_3$ шилл. + ${}^{20}/_{30}$ шилл. = ${}^1/_3$ шилл. + ${}^2/_3$ шилл. = 1 шилл., в котором прибыль составила бы ${}^1/_{60}\ M = {}^{20}/_{60}$ шилл. = = ${}^1/_3$ шилл. Норма прибыли, следовательно, была бы равна ${}^1/_3$ целого, как при старом [способе] производства. Но *масса прибыли* на *один* аршин холста в первом случае равна ${}^1/_{20}\ M$, или 1 шилл., а во втором — только ${}^1/_{60}\ M = {}^1/_3$ шилл., следовательно, она втрое меньше. В общем количестве аршин холста прибыль была бы той же самой, так как 100×1 шилл., или 100 шилл. = $300 \times {}^1/_3$ шилл. = ${}^{300}/_3$ шилл. = 100 шилл.

Предположим третий случай, когда точно в той же самой степени, в какой становится производительнее ткачество, уменьшается не [цена] пряжи, а заработная плата.

При старом способе производства аршин холста стоил $x + {}^1/_{10}\ M$. Прибыль равна ${}^1/_{20}\ M$. При новом способе производства аршин холста стоил бы $x + {}^1/_{30}\ M$. Но прибыль составляла бы ${}^2/_{90}\ M$. [Приходящиеся на аршин холста] затраты равны $x + {}^1/_{90}$ [M]. Следовательно, если $x = 1$ шилл., а $M = 20$ шилл., то [XV—951] ${}^1/_{30}\ M = {}^{20}/_{30}$ шилл. = ${}^2/_3$ шилл., так же как и ${}^3/_{90}\ M = {}^1/_{30}\ M = {}^2/_3$ шилл. А ${}^1/_{90}\ M = {}^2/_9$ шилл. Следовательно, прибыль была бы равна ${}^4/_9$ шилл.

Цена товара равна $1^2/_3$ шилл. Содержащаяся в ней прибыль равна ${}^4/_9$ шилл. Цена товара равна ${}^{15}/_9$ шилл., из которых ${}^4/_9$ шилл., следовательно, более ${}^1/_4$ составляют прибыль.

Предположим четвертый случай: [цена] пряжи и заработная плата понижаются в равной мере.

Итак, предполагаются следующие 4 случая:

I случай. Цена пряжи и т. д. остается при обоих способах производства одинаковой и равна 1 шилл. на аршин холста. Стоимость одного рабочего [Mann], или одного рабочего дня, равна 20 шилл.

a) 10 рабочих производят 100 аршин холста, 1 рабочий — 10 аршин; аршин холста содержит, следовательно, ${}^1/_{10}\ M = {}^{20}/_{10}$ шилл. = 2 шилл. Значит, один аршин холста сто́ит: 1 шилл. (пряжа) + *2 шилл. (труд) = 3 шилл.;* 100 аршин холста стоят 300 шилл. = 15 ф. ст. Если норма прибавочной стоимости составляет половину труда, то прибыль, приходящаяся на аршин холста, равна 1 шилл. = ${}^1/_3$ [цены] продукта.

Иными словами, *норма прибыли*, исчисляемая по отношению к затратам, равна 1 шилл. : 2 = *50%*. [Прибыль,] приходящаяся на 100 аршин холста, равна 100 шилл. = 5 ф. ст. = = 5 *M*.

b) 10 *M* производят 300 аршин холста, а 1 *M* — 30 аршин; аршин холста, следовательно, равен $^1/_{30}$ *M* = $^{20}/_{30}$ шилл. = = $^2/_3$ шилл. *Аршин холста* сто́ит поэтому 1 шилл. (пряжа и т. д.) + $^2/_3$ шилл. (труд) = $1^2/_3$ *шилл.*, а 300 аршин холста стоят 300 × (1 + $^2/_3$) = *500 шилл.* = 25 ф. ст. Если норма прибавочной стоимости та же, что прежде, то на аршин холста приходится [прибавочная стоимость в] $^2/_6$ шилл. = $^1/_5$ [цены] продукта. Или, исчисляемая в отношении к затратам, она равна $^2/_6$, или $^1/_3$ шилл.: (1 + $^1/_3$) шилл., или $^4/_3$ шилл.; следовательно, 1 : 4. *Норма прибыли равна 25%*. 300 аршин холста сто́ят 300 × (1 + $^2/_3$ шилл.) = 500 шилл., [из которых прибыль] составляет $^{300}/_3$ шилл. = 5 ф. ст. = 5 *M*, как было выше.

В этом случае, I [b)], норма прибыли падает, *масса прибыли, приходящаяся на аршин холста, падает с 1 шилл. до $^1/_3$ шилл., с $^1/_{20}$ M до $^1/_{60}$ M*. Масса прибыли, приходящаяся на совокупный продукт, остается той же самой.

II случай. Цена пряжи и т. д. падает при втором способе производства в том же отношении, в каком [увеличивается] производительность в ткачестве, следовательно, втрое. При этом условии пряжа и т. д. для 300 аршин холста сто́ит столько же, сколько прежде для 100 аршин, следовательно, 100 шилл. Аршин холста сто́ит поэтому $^1/_3$ шилл. (пряжа и т. д.) + + $^2/_3$ шилл. (труд) = 1 шилл., а 300 аршин холста сто́ят 300 шилл. = 15 ф. ст., как в случае I а). Прибыль равна $^1/_3$ шилл. = $^1/_3$ [цены] продукта. Иными словами, *норма прибыли*, исчисляемая по отношению к затратам, равна $^1/_3$: $^2/_3$ = *50%*.

В этом случае норма прибыли остается той же самой, *масса прибыли, приходящаяся на аршин холста, по сравнению со случаем I а) падает с 1 шилл. до $^1/_3$ шилл.* Масса прибыли, приходящаяся на совокупный продукт, та же самая, так как $^{300}/_3$ = = 100 шилл. = 5 ф. ст. = 5 *M*.

III случай. Цена пряжи и т. д. остается той же самой, как в случае I, норма прибавочной стоимости увеличивается втрое вместе с увеличением втрое производительности труда.

Пряжа для 300 аршин холста сто́ит 300 шиллингов. Аршин холста сто́ит 1 шилл. (пряжа и т. д.) + $^2/_3$ шилл. (труд) = = $1^2/_3$ шилл., как в случае I b). Но из $^2/_3$ шилл., составляющих [присоединенный] труд, теперь только $^1/_3$, т. е. $^2/_9$ шилл., составляют заработную плату. Следовательно, прибыль равна $^4/_9$ [шилл.], что составляет [около] $^2/_5$, т. е. 40% затрат [241].

[XV—952] Издержки равны 1 шилл. (пряжа) + $^2/_9$ шилл. (заработная плата) = $^{11}/_9$ шилл., а прибыль равна $^4/_9$ шилл.; соотношение между ними равно 4 : 11; *норма прибыли равна* $36^4/_{11}$%. Следовательно, норма прибыли ниже, чем в случаях I a) и II, но выше, чем в случае I b).

300 аршин холста, как и в случае I b), сто́ят 300 × (1 + + $^2/_3$) = 500 шилл. = 25 ф. ст. *Масса прибыли, приходящаяся на аршин холста, составляет* $^4/_9$ *шилл.*, между тем как в случае I a) она была равна 1 шилл., в случае I b) — $^1/_3$ шилл., в случае II — $^1/_3$ шилл. Следовательно, по сравнению со случаем I a), где она была равна $^9/_9$, она понизилась более чем вдвое; по сравнению со случаем I b), где она составляла $^1/_3$, или $^3/_9$ шилл., она увеличилась на $^1/_9$ шилл., и то же самое произошло по сравнению со случаем II, где масса прибыли также составляла $^1/_3$, или $^3/_9$ шилл. Масса прибыли, приходящаяся на совокупный продукт, увеличивается со 100 шилл. до $133^1/_3$ шилл. Теперь вместо 5 *M* она равна $6^2/_3$ *M*.

IV случай. Цена пряжи при новом способе производства понижается — так же как и норма заработной платы — в той же мере, в какой увеличивается производительность труда.

По-прежнему 10 рабочих производят 300 аршин холста, а 1 рабочий — 30 аршин; на аршин холста затрачивается $^1/_{30}$ *M*.

Цена пряжи [требующейся для аршина холста] равна $^1/_3$ шилл. Поэтому цена пряжи и т. д. для 300 аршин холста равна $^{300}/_3$ шилл. = 100 шилл., как в случаях I [a] и II.

Цена [единицы] продукта равна $^1/_3$ шилл. (пряжа) + $^1/_{30}$ *M*, или равна $^1/_3$ шилл. (пряжа) + $^{20}/_{30}$ шилл. = $^1/_3$ + $^2/_3$ шилл. = = 1 шилл., как в случае II. Но из этого 1 шилл., или $^9/_9$ шилл., прибыль составляет $^4/_9$ шилл. А если мы исчислим затраты, то получим $^1/_3$ шилл. (пряжа) + $^2/_9$ шилл. (заработная плата), т. е. $^3/_9$ + $^2/_9$ = $^5/_9$. Прибыль, следовательно, относится [к затратам] как $^4/_9$: $^5/_9$, или 4 : 5, и *норма прибыли равна 80%*. Масса *прибыли, приходящаяся на аршин холста,* составляет $^4/_9$ шилл., как в случае III; следовательно, она выше, чем в случаях I b) и II, но *все еще более чем в два раза ниже, чем в случае I a)*. *Масса прибыли,* приходящаяся на совокупный продукт, равна 300 × $^4/_9$ = $133^1/_3$ = $6^2/_3$ *M*. Следовательно, она такая же, как в случае III.

Если теперь мы сравним между собой эти 4 случая, то увидим, что во *всех* тех случаях, когда производительность труда растет, *падает* не только стоимость *единицы* товара, а вместе с ней его цена, но и *масса прибыли, заключенная в единице товара,* причем норма прибыли может повышаться или понижаться. Один и тот же труд производит втрое большее количе-

ство продукта; поэтому на единицу продукта приходится на $^2/_3$ меньше труда, а так как масса прибыли может составлять лишь некоторую часть этой содержащейся в единице товара массы труда, то *масса прибыли*, приходящаяся на единицу товара, должна уменьшиться. Во *всех* случаях *масса прибыли*, приходящаяся на совокупный продукт, не падает *ниже* первоначальной массы прибыли, так как в *том же самом* отношении, в каком уменьшается масса прибыли, приходящаяся на единицу продукта, количество продукта увеличивается.

Масса прибыли остается *той же самой*, пока той же самой остается норма эксплуатации и пока применяется то же самое количество рабочих, независимо от того, на какое количество товаров распределяется указанная масса прибыли; количество товаров ничего не меняет ни в массе прибыли, ни в ее распределении между рабочим и капиталистом. Так, в случае I а) 100 аршин холста приносят по 1 шилл. прибыли с каждого аршина, что составляет 100 шилл., или 5 ф. ст. прибыли; так, в случаях I b) и II 300 аршин холста приносят по $^1/_3$ шилл. прибыли [с каждого аршина].

Мы должны сравнить случаи II и I а), когда *норма прибыли остается одинаковой*, так как в случае I а) на 2 шилл. затрат приходится 1 шилл. прибыли, а в случае II на $^2/_3$ шилл. затрат приходится $^1/_3$ шилл. [прибыли]. Это имеет место, если, во-первых, остается той же самой норма заработной платы, а во-вторых, если в том же самом отношении, в каком труд становится производительнее в одной определенной сфере, он становится производительнее в тех сферах, которые доставляют постоянный капитал — пряжу и т. д. В этом случае норма прибыли остается той же самой, потому что *относительная* стоимость содержащегося в единице товара сырья и т. д. и *оплаченного труда*, соотношение между ними, остается тем же самым, так же как и соотношение между оплаченным [XV—953] и неоплаченным трудом.

Падение *нормы прибыли* мы имеем в случае I b), где производительность ткачества утроилась, заработная плата осталась той же самой, а пряжа и т. д. сохраняет прежнюю цену. В этом случае норма прибыли падает с 50 до 25%, следовательно, наполовину. Она падает потому, что стоимость присоединенного труда падает по отношению к *стоимости*, не только к массе примененного постоянного капитала (как в случае II), а распределение этого присоединенного труда между капиталистом и рабочим остается тем же самым. В случае II, где *норма прибыли остается той же самой*, общая цена единицы товара падает в том же самом отношении, в каком [увеличивается] про-

изводительность труда. Раньше [в случае I a)] аршин холста стоил 3 шилл., в случае II он стóит 1 шилл., в случае I b), напротив, он стóит $1^2/_3$ шилл. Там, где *норма прибыли понижается,* там, следовательно, общая цена [единицы] товара падает не в том же отношении, в каком увеличивается производительность труда в процессе ткачества.

Мы имеем падение *нормы прибыли* также в случае III, где заработная плата уменьшается в том же самом отношении, в каком [увеличивается] производительность труда. Но [стоимость] сырья и т. д. здесь остается той же, что и до утроения производительности труда, как в случае I a). Стоимость совокупного труда по отношению к постоянному капиталу здесь падает, а вместе с ней падает и норма прибыли. *Но масса прибыли,* приходящаяся на *совокупный продукт,* здесь увеличивается, между тем как в трех предыдущих случаях — I a), I b) и II — она остается той же самой.

В самом деле, в случае I [a)] масса прибыли равна 100 [аршинам холста] $\times$ 1 шилл. = 100 шилл., в случае I b) масса прибыли равна 300 $\times$ $^1/_3$ шилл. = 100 шилл., и в случае II она [также] равна 300 аршинам $\times$ $^1/_3$ шилл. = 100 шилл. И хотя в случае I [a)] прибыль, приходящаяся на *100 аршин холста,* равна 100 шилл., т. е. по 1 шилл. на аршин, в случае I b) по $^1/_3$ шилл. на количество холста в 300 аршин, что составляет 100 шилл., в случае II [также] по $^1/_3$ шилл. на количество холста в 300 аршин, тем не менее аршин холста в случае I a) стóит 3 шилл., в случае I b) $1^2/_3$ шилл., а в случае II только 1 шилл. В случае I a), так же как и в случае II, прибыль составляет $^1/_3$ [цены] продукта.

В случае III масса прибыли увеличивается, так как 300 $\times$ $\times$ ($^4/_9$) больше, чем 100 $\times$ 1, или 300 $\times$ ($^1/_3$); последнее равно лишь 300 $\times$ $^3/_9$. Масса прибыли, приходящаяся на единицу продукта, уменьшилась (по сравнению со случаем I a)) с $^9/_9$ до $^4/_9$, т. е. более чем наполовину, но количество аршин холста утроилось. Следовательно, масса прибыли, приходящаяся на аршин холста, уменьшилась не в том же самом отношении, в каком увеличилось количество аршин холста. Отсюда увеличение массы прибыли, приходящейся на *совокупный продукт.*

Наконец, в случае IV цена, как и в случае II, падает втрое по сравнению со случаем I a) — с 3 шилл. до 1 шилл. Но норма прибыли и масса *прибыли, приходящаяся на совокупный продукт,* увеличиваются. Масса прибыли, приходящаяся на аршин холста, как и в случае III, равна $^4/_9$ шилл., но эта масса прибыли образует более высокую норму по отношению к постоянному капиталу, содержащемуся в аршине холста.

Сопоставим [все четыре случая] [242]:

	Количество аршин	Цена аршина холста (шилл.)	Совокупный продукт (шилл.)	Затраты [на аршин холста]
I a)	100	3	300	1 шилл. (пряжа) + 1 шилл. (заработная плата)
I b)	300	$1^2/_3$	500	1 шилл. (пряжа) + $^1/_3$ шилл. (заработная плата)
II	300	1	300	$^1/_3$ шилл. (пряжа) + $^1/_3$ шилл. (заработная плата)
III	300	$1^2/_3$	500	1 шилл. (пряжа) + $^2/_9$ шилл. (заработная плата)
IV	300	1	300	$^1/_3$ шилл. (пряжа) + $^2/_9$ шилл. (заработная плата)

	Труд, содержащийся в аршине холста	Норма прибавочной стоимости	Масса прибыли на аршин холста	Прибыль на совокупную массу продукта
I a)	$^1/_{10}$ M	100% = $^1/_{20}$ M	1 шилл. = $^1/_{20}$ M	100 шилл. = 5 M
I b)	$^1/_{30}$ M	100% = $^1/_{60}$ M	$^1/_3$ шилл. = $^1/_{60}$ M	$^{300}/_3$ шилл. = 5 M
II	$^1/_{30}$ M	100% = $^1/_{60}$ M	$^1/_3$ шилл. = $^1/_{60}$ M	$^{300}/_3$ шилл. = 5 M
III	$^1/_{30}$ = $^3/_{90}$ M	200% = $^2/_{90}$ M	$^4/_9$ шилл. = $^2/_{90}$ или $^1/_{45}$ M	300 × $^4/_9$ шилл. = $6^6/_9$ M
IV	$^1/_{30}$ = $^3/_{90}$ M	200% = $^2/_{90}$ M	$^4/_9$ шилл. = $^2/_{90}$ или $^1/_{45}$ M	300 × $^4/_9$ шилл. = $6^6/_9$ M

	Норма прибыли	Совокупные затраты (шилл.)	Строение капитала		Прибавочная стоимость	Масса прибыли
			постоянный капитал	переменный капитал		
I a)	50%	200	100	100	100	100
I b)	25%	400	300	100	100	100
II	50%	200	100	100	100	100
III	$36^4/_{11}$%	$366^2/_3$	300	$66^2/_3$	$133^1/_3$	$133^1/_3$
IV	80%	$166^2/_3$	100	$66^2/_3$	$133^1/_3$	$133^1/_3$

[XV — 953] [243]

[XV—956] Из приведенных данных следует: если увеличение *производительной силы труда* в равной мере влияет на все составные части товара, как это имеет место в случаях II и IV, то цена товара уменьшается *в том же самом отношении,* в каком увеличивается производительность труда. Следовательно, в том случае, когда производительность труда утраивается, цена аршина холста уменьшается втрое, с 3 шилл. до 1 шилл. Тогда *отношение* содержащегося в товаре непосредственного труда ко всему содержащемуся в нем реализованному труду также остается тем же самым. Если поэтому остаются теми же самыми стоимость заработной платы или отношение между оплаченным и неоплаченным трудом, распределение продукта непосредственного труда между капиталистом и рабочим, то остается тем же самым и *отношение между переменным и постоянным капиталом,* а потому и *норма прибыли.* Сравни случай II со случаем I a).

Если, напротив, заработная плата (стоимость рабочей силы) и, следовательно, необходимое рабочее время *уменьшаются* в том же самом отношении, в каком *увеличивается производительность труда* (промежуточные ступени, когда, например, [заработная плата] падает, но не так сильно, влекут за собой лишь изменения в степени), то *норма прибыли* повышается, как это имеет место в случае IV, и *масса прибыли,* приходящаяся на совокупный продукт, растет. (Норма прибыли равна отношению массы прибыли к авансированному капиталу.)

Таковы соотношения в случаях II и IV, где цена падает с 3 шилл. до 1 шилл., где в случае II норма прибыли, так же как и *совокупная масса прибыли,* остается той же самой, а в случае IV норма прибыли, так же как и *совокупная масса прибыли,* повышается.

Напротив, в обоих случаях I b) и III производительность труда в заключительном процессе утраивается, но стоимость сырья и т. д. остается неизменной. Здесь в случае I b), если заработная плата остается той же самой, *отношение* переменного капитала к постоянному уменьшается в той же самой степени, в какой увеличивается постоянный капитал. Поэтому имеет место падение нормы прибыли. Но если, как это имеет место в случае III, уменьшается стоимость труда, то хотя норма прибыли и падает, так как прибавочная стоимость исчисляется на больший совокупный капитал, но, во-первых, совокупный капитал увеличивается не так сильно, как в случае I b), где прежде всего постоянный капитал увеличивается со 100 до 300 и, кроме того, переменный капитал в 100 остается неизменным,

где, следовательно, совокупный капитал увеличивается на 200 (избыток постоянного капитала в случае I b) над постоянным капиталом в случае I a)), между тем как прибавочная стоимость остается той же самой, что и в случае I a), в то время как в случае III постоянный капитал, правда, увеличивается со 100 до 300, но переменный, наоборот, уменьшается со 100 до $66^2/_3$, следовательно, совокупный капитал увеличивается не на весь прирост постоянного капитала. И во-вторых, в случае III прибавочная стоимость увеличивается со 100 до $133^1/_3$, следовательно, по сравнению со случаем I a) она увеличивается на $33^1/_3\%$. Норма прибыли, следовательно, падает, но не в той же степени, как в случае I b), а *масса прибыли,* приходящаяся на совокупный продукт, увеличивается потому, что хотя норма прибыли в случае III и ниже, чем в случае I a), но совокупная прибавочная стоимость больше, или, другими словами, норма прибыли в случае III падает по сравнению со случаем I a) в меньшей степени, чем увеличивается авансированный в случае III совокупный капитал по сравнению с капиталом, авансированным в случае Ia).

Мы видим, следовательно, что при уменьшении *цены единицы товара* вследствие увеличивающейся производительности труда, а потому одновременного увеличения *количества* этих товаров с пониженной ценой, норма прибыли может остаться той же самой, может понизиться или повыситься. Совокупная масса прибыли остается *всегда*, по крайней мере, *той же самой,* если занято то же самое число рабочих (и заработная плата не повышается); она может повыситься, если к этим условиям присоединяется еще то, что заработная плата падает с увеличением производительности труда. Но *совокупная масса прибыли остается той же самой* только при том условии, что остается занятым то же самое число рабочих. Это — если не происходит изменений в стоимости постоянного капитала — возможно только в том случае, когда увеличивается авансированный капитал. Сравни, например, случай I b) со случаем I a). Если бы подлежащий затрате капитал в случае I b) оставался таким же, каким он был в случае I a), а именно 200, то масса прибыли не могла бы остаться той же самой. Теперь из этих 200 — $^3/_4$ должны были бы быть затрачены на постоянный капитал и $^1/_4$ на переменный капитал. Следовательно, 150 — на постоянный капитал и 50 — на переменный капитал. [Прибыль в] 100 представляла 5 *M*, поэтому [прибыль в] 50 представляет лишь $2^1/_2$ *M*. И в этом случае мы имели бы следующее.

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Продукт	Число аршин холста	Цена аршина	Норма прибыли	Масса прибыли
150 шилл.	50 шилл.	50 шилл.	250 шилл.	150	$1^2/_3$ шилл.	25%	50 шилл.

Авансированный капитал был бы тем же самым. Количество аршин холста увеличилось бы со 100 до 150, следовательно, на 50%. Напротив, масса прибыли уменьшилась бы со 100 до 50, следовательно, на 50 шилл. Эксплуатация труда, стало быть, норма прибавочной стоимости, осталась бы той же самой. Не только масса прибыли, но и *норма прибыли* может остаться прежней, если, как это имеет место в случае II, одновременно и *в той же самой степени* увеличивается производительность [труда] в тех отраслях производства, которые производят постоянный капитал, и в тех, которые его потребляют. Возрасти норма прибыли может только в том случае, когда *помимо этого условия* присоединяется еще и то, что заработная плата уменьшается. [XV—956] [244]

[XV—954] Судя по этому, норма прибыли, по-видимому, не может *падать*, кроме как в следующих случаях:

1) если *относительная стоимость рабочей силы* повышается (при неизменяющейся стоимости постоянного капитала). Это — утверждение Рикардо, но без той ограничивающей оговорки, без которой оно абсолютно неверно [245];

2) либо если увеличивается *относительная стоимость постоянного капитала по отношению к переменному*. И последнее, по-видимому, ограничивается тем, что производительная сила труда не увеличивается в *равной мере* и *одновременно* во всех отраслях производства, участвующих в создании товара.

Предположим, что производительность [труда] в прядении и ткачестве утраивается. Если одновременно утраивается производительность в производстве самого хлопка, то отношение постоянного и переменного капитала *постольку* остается тем же самым, поскольку в рассмотрение входит и сырье. Если 100 ф. ст. распоряжаются 5 рабочими, которые прежде перерабатывали хлопка на 300 ф. ст., а теперь — втрое больше, то теперь это в три раза увеличенное количество — $3x$ хлопка — сто̀ит только 300 ф. ст., т. е. столько, сколько прежде — x хлопка, так как *стоимость хлопка* понизилась в три раза. Даже в этом случае *понижение прибыли* доказывало бы не то, что производство хлопка становится менее производительным,

а лишь то, что оно становится производительнее не *в той же самой степени,* в какой становится производительнее обработка хлопка. Следовательно, это означает лишь *относительное* уменьшение производительности производства хлопка, несмотря на абсолютное ее увеличение. Однако Рикардо полагает, будто земледелие должно стать абсолютно менее производительным. Понижение прибыли доказывало бы только, что в условиях *буржуазного* производства промышленнсстъ и земледелие развиваются не в *одинаковой* степени. Если они развиваются неравномерно, то одного этого достаточно, чтобы объяснить уменьшение нормы прибыли.

Но предпосылка, что в той же самой степени, *в той же пропорции, в какой увеличивается производительность* труда, уменьшается стоимость постоянного капитала, несмотря на увеличение его массы, сводится к предпосылке, что стоимость постоянного капитала *состоит только из нынешнего труда и что никакой прошлый труд не входит в воспроизводство.* Стоимость прошлого труда во всяком случае уменьшается, как только его продукт может быть воспроизведен дешевле. Если при утроении производительности прядения рабочий приводит в движение 1 800 веретен вместо 600, то предполагается, что теперь при помощи того же самого труда могут быть воспроизведены 1 800 веретен, тогда как прежде — 600. Дальнейшее рассмотрение этого вопроса мы откладываем и переходим к тому пункту, ради которого мы вообще снова предприняли здесь данное исследование. }

Мы видели, что во всех тех случаях, когда растет производительность труда, когда, следовательно, то же самое количество труда представлено в большем количестве товаров, а потому цена единицы товара падает, — *масса прибыли, приходящаяся на единицу товара, уменьшается,* безразлично, остается ли норма прибыли той же самой, повышается ли она или понижается, даже если увеличивается масса прибыли, приходящаяся на совокупный продукт.

{Заметим мимоходом: оказалось, что исследование всегда неправильно, если *цену единицы товара* рассматривают *саму по себе,* или просто измеряют труд по отношению к количеству произведенного им товара. Все зависит от того, как велика общая сумма авансированного капитала. Даже если мы анализируем цену единицы товара, как, например, в вышеприведенном случае, когда цена аршина холста падает с 3 шилл. до $1^2/_3$ шилл., если мы знаем, что 1 шилл. это — пряжа и т. д., $^1/_3$ шилл. — заработная плата и $^1/_3$ шилл. — прибыль, то мы еще не знаем, осталась ли совокупная масса прибыли той же

самой или нет. В случае I b), например, если авансированный капитал составляет по-прежнему только 200, то масса прибыли уменьшается; если он равен 400, то масса прибыли остается той же самой. Даже в случае III, если при указанной цене в $1^2/_3$ шилл. за аршин холста *капитал* остается *тем же самым*, между тем как норма заработной платы уменьшается, то величина прибыли на весь продукт не увеличивается.

Таким образом, получается следующее соотношение [246].

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная стоимость	Продукт	Число аршин холста	Цена аршина холста	Норма прибыли	Масса прибыли
$163^7/_{11}$	$36^4/_{11}$	$72^8/_{11}$	$272^8/_{11}$	$163^7/_{11}$	$1^2/_3$	$36^4/_{11}$	$72^8/_{11}$
200							

Тогда, как прежде, она была равна 100 [247].}

[4) ТОРГОВАЯ ПРИБЫЛЬ. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ТОРГОВОГО И ДЕНЕЖНОГО КАПИТАЛА]

[XV—955] Явление, вытекающее из природы капиталистического производства, согласно которому при растущей производительной силе труда уменьшается цена единицы товара, увеличивается количество товаров, *уменьшается, при всех обстоятельствах, масса прибыли, приходящаяся на единицу товара*, остается той же самой, возрастает или падает норма прибыли, а *масса прибыли, приходящаяся на совокупное количество товаров, остается той же самой* или *увеличивается* {даже если она *уменьшается* в рассмотренных случаях, когда капитал должен был бы расти, но остается *тем же самым*, она остается той же самой или фактически растет, потому что капиталист, который применяет усовершенствованный способ производства, до тех пор продает товар *ниже* прежней рыночной цены, alias * выше *своей* индивидуальной цены производства, пока конкуренция не выровняет цены; период их выравнивания протекает одновременно с другим необходимым моментом — с ростом авансированного капитала}, это явление на поверхности представляет собой лишь следующее: уменьшение массы прибыли, приходящейся на единицу товара, падение его цены, неизменность или рост массы прибыли, приходящейся на увеличившееся

* — иначе говоря. *Ред.*

общее количество товаров. Это понимается так, что капиталист по доброй воле набавляет меньше прибыли на единицу товара, но вознаграждает себя увеличением количества товаров, которые он продает. Этот взгляд основывается на представлении о «прибыли от отчуждения» [248], которое, в свою очередь, абстрагировано из представления *купеческого капитала, торгового капитала.* Если бы купец 100 аршин холста, которые сто̀ят ему по 3 шилл. за аршин (случай I a)), что составляет 300 шилл. в год, продавал с надбавкой в 10%, то он получал бы 30 шилл. прибыли и продавал бы аршин холста за 3 шилл. $3^3/_5$ пенса ($3^3/_5$ пенса, или $^{18}/_5$ пенса, или $^{36}/_{10}$ пенса = $^3/_{10}$ шилл., так как 3 шилл. = 3 × 12 пенсов = 36 пенсов, следовательно, $^3/_{10}$ шилл. = $^{36}/_{10}$ пенса). Если, напротив, он продает 300 аршин холста, когда аршин сто̀ит ему 1 шилл. (случай II), то он также должен получить 30 шилл. прибыли, для того чтобы получить 10% на капитал в 300 шиллингов. Но в то время как первый купец набавляет $^3/_{10}$ шилл. на аршин холста, второму нужно набавлять всего лишь $^1/_{10}$ шилл.; в то время как первый купец набавляет $3^3/_5$ пенса, второй — только $1^1/_5$ пенса. Следовательно, он продает аршин холста за 1 шилл. $1^1/_5$ пенса, между тем как первый купец продает его за 3 шилл. $3^3/_5$ пенса, и при этом он получает ту же самую прибыль, что и первый. Если бы он продавал аршин холста за 1 шилл. $1^1/_2$ пенса, то он получил бы гораздо большую прибыль, чем первый купец, хотя он набавляет на аршин холста гораздо меньше и продает его более чем наполовину дешевле.

Если мы рассмотрим теперь купеческий капитал в целом, например, в данном случае всю часть торгового капитала, помещенную в продажу холста, то ясно, что отнюдь не от купца зависит, должен ли он продать 100 или 300 аршин холста или авансировать 300 шилл. на 100 или на 300 аршин холста, составляют ли *его* издержки производства на аршин холста 1 шилл. или 3 шиллинга. Не от него зависит, следовательно, также и то, получает ли он 10% прибыли, набавляя по $3^3/_5$ пенса на каждый аршин холста при меньшем количестве холста или по $1^1/_5$ пенса при большем его количестве. Сама норма надбавки — опять-таки, если рассматривать [купеческий капитал] в целом — также не зависит от купца; она определяется общим законом средней прибыли, согласно которому *капитал равной величины* приносит одну и ту же прибыль, например в 10%, в какую бы особую сферу он ни был вложен и какое бы количество труда ни приводил в движение. Это относится к капиталу, который постоянно находится *в процессе обращения,* точно так же как и к основному капиталу, который не находится нигде

(in natura *), кроме сферы *непосредственного процесса производства. Цена производства* промышленного капитала выступает как *издержки производства* для торгового капитала. Но так как промышленный капитал покупает, возмещает на рынке свои элементы, — отчасти элементы своего постоянного капитала, отчасти элементы своего переменного капитала (последнее в той мере, в какой стоимость рабочей силы определяется ценой средств потребления рабочих) — и так как эти элементы переходят из рук купца в руки [XV—955] [249] [XV—957] промышленника, то ясно, что не только цена производства одного товара переходит в издержки производства другого, но и *промышленная цена производства + коммерческая надбавка к этой цене* одного товара выступают как элемент издержек производства другого товара.

Промышленная цена производства одного товара постоянно входит в *издержки производства* другого, даже если промышленники обмениваются прямо, без посредничества купцов. Например, [капиталист] ткач оплачивает цену производства пряжи. Эта цена производства, следовательно, образует его затраты, входит в его постоянный капитал, является для него авансированием, элементом издержек производства. Следовательно, с точки зрения отдельного капиталиста сама прибавочная стоимость, и не только в форме процента, входит в его авансы, в издержки производства его товара. Но это имеет место и со всеми элементами его постоянного капитала и с заработной платой (с переменным капиталом), поскольку стоимость рабочей силы определяется ценой производства средств потребления рабочего.

Прибыль — а стало быть, и разность между ценой производства и издержками производства — выступает для отдельного капиталиста в качестве *избытка над издержками производства* только по отношению к его собственному товару. По отношению ко всем другим товарам, *входящим* в цену производства его собственного товара, *издержки производства,* т. е. издержки его производства, *выступают для него* определенными ценой производства, и прибыль поэтому выступает для него как *элемент,* входящий *в цену производства, а не как* вытекающий *из нее результат.*

Правильно, если цена производства рассматривается совершенно независимо от посредничества купеческого капитала. Как же купеческий капитал соотносится с ценой производства? Следует ли рассматривать надбавку, которую делает купече-

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

ский капитал, просто как *номинальное повышение цены сверх стоимости* или как-то иначе? Если в среднем имеет место первое — так как коммерческая цена товаров входит как элемент в их воспроизводство, — то все товары продаются *выше* своей стоимости, ибо в цене производства учтены: 1) совокупность авансированного капитала, 2) совокупность прибавочной стоимости, распределенной между различными капиталами pro rata * их величине. Но авансированный капитал, во-первых, состоит из *труда, овеществленного* в средствах труда и т. д., во-вторых, он замещается равным количеством живого труда (заработная плата), и, в-третьих, совокупная прибавочная стоимость охватывает всю совокупность прибавочного труда. Если, следовательно, присоединяется еще один элемент, который повышает цену производства, то цена совокупного товара превышает его стоимость, а цена единицы товара превышает его цену производства, т. е. как раз превышает его цену, определяемую стоимостью совокупного товара. Но именно так, как кажется, обстоит дело с торговым капиталом.

В капитале, включенном в процесс обращения, нужно различать следующее.

Во-первых: с функциями купеческого капитала смешиваются, или практически более или менее соединяются, функции, *принадлежащие самому процессу производства,* хотя они и осуществляются не на фабрике производителя.

Первая из этих функций — это *транспортная индустрия* (перевозка товаров). Потребительная стоимость товара, правда, готова, но с этой потребительной стоимостью все же происходит изменение. *Изменяется ее бытие по отношению к местоположению, ее пространственное бытие.* Этот процесс относится к самому процессу производства. До тех пор пока с ним не произошла эта перемена места, товар не находится на рынке, стало быть, он еще не находится в обращении. Все, что связано с этим процессом, относится к процессу производства.

Во-вторых: прежде чем товар действительно существует как товар, его потребительная стоимость сначала должна быть разделена, разъединена на те количества, которые соответствуют ей как потребительной стоимости. Например, квартер пшеницы существует как квартер лишь после того, как этот квартер взвешен и отделен от совокупной массы пшеницы и т. д. Это измерение, взвешивание, *реальное* сведèние товара к тем единицам измерения, которые соответствуют ему как потребительной стоимости и которые сначала существуют лишь идеально,

* — пропорционально. *Ред.*

относится к созданию товара, к его *процессу производства.* Это есть процесс, через который товар должен пройти, прежде чем он весь или частично будет налицо как товар, и это есть операция, которую должна совершить [XV—958] сама потребительная стоимость, прежде чем она будет готова как *потребительная стоимость товара.* Так как капиталистическое производство производит товары в крупном масштабе, между тем как индивидуальное потребление осуществляется в мелком масштабе, то указанная операция составляет весьма значительную часть розничной торговли. Так как упаковщик, кладовщик, весовщик и т. д. на фабрике точно в той же мере принадлежат к производительным рабочим, как и прядильщик, красильщик и т. д., а затраченный таким образом капитал является в той же мере производительным капиталом, как и капитал, непосредственно вложенный в прядение и т. д., — то подобное применение капитала, даже если оно имеет место в сфере его обращения и повторяется, целиком относится к *процессу производства* товара.

В-третьих: как же обстоит дело с основным и оборотным капиталом, который необходим для хранения товаров, доставки их на склады, предохранения их от порчи, когда они находятся на рынке, следовательно, уже оставили собственно процесс производства и вступили в сферу обращения?

Ответ здесь будет наиболее убедительным, если мы сначала рассмотрим те товары, которые только раз в год выбрасываются на рынок, потому что только раз в год они могут воспроизводиться, как, например, зерно, хлопок и т. д. Если бы у импортеров хлопка в Ливерпуле не было складов, доков и т. д., то манчестерский фабрикант и т. д. должен был бы сам доставлять на склады ту массу хлопка, которая ему нужна в течение года, и расходовать капитал (основной капитал) на товарные склады, строения, с одной стороны, и с другой стороны, расходовать переменный капитал, для того чтобы покупать наемный труд для выполнения операций, необходимых для сохранения хлопка. Совершенно то же самое имеет место с зерном и мельником, мукой и булочником и т. д. Все это — *условия производства,* а операции и расходы и т. д., связанные с хранением и предохранением от порчи, относятся здесь к самим условиям производства. Различие заключается как раз лишь в том, что та часть требуемого для производства хлопчатобумажной пряжи или хлеба капитала, которой надлежит осуществлять эти определенные функции, находится и действует в руках импортера хлопка, торговца зерном и т. д., вместо того чтобы находиться в руках фабриканта хлопчатобумажной пряжи, мельника и

булочника. Но занятые в этих функциях капиталы являются непосредственно производительными капиталами, включены в процесс производства, хотя и находятся в сфере обращения. Они представляют собой находящиеся во вне (т. е. вне непосредственно фабрики) части производительного капитала. Это относится ко всем капиталам, вложенным в *складское дело*, поскольку товары, которые хранятся и предохраняются от порчи, образуют элементы дальнейшего процесса производства. Их хранением на складе и предохранением от порчи приходилось бы заниматься непосредственному производителю, если бы вследствие разделения труда эти функции не были переданы капиталистам, находящимся вне [фабрики].

Теперь мы переходим к товарам другого рода, входящим непосредственно в индивидуальное потребление. Прежде всего ясно, что, поскольку они образуют средства потребления рабочих — фактически переменный капитал, сбросивший свою денежную форму, — то предохранение этих товаров от порчи и хранение их на складах *принадлежат к непосредственным условиям процесса производства*. Они совершенно так же входят в переменный капитал, как первый род товаров — в постоянный капитал. К ним, следовательно, относится то же, что и к товарам первого рода. Что же касается *хранения* тех товаров, которые не входят ни в постоянный капитал, ни в переменный капитал, то спрашивается, можно ли о нем сказать, что капитал и труд, которых оно требует, входят в *непосредственный процесс производства* товаров? Конечно, нет. Но они все-таки делают это окольным путем. Они входят в *непосредственные издержки потребления*. Хранение на складе товаров первого рода входит в издержки *промышленного потребления*, стало быть, в издержки непосредственного производства; хранение товаров второго рода входит в издержки *индивидуального потребления*, стало быть, в *издержки потребления*. Если бы все такие товары, вместо того чтобы их покупать по мере надобности, должны были бы быть куплены, например, сразу в том количестве, в котором они произведены, например, за год, [XV—959] то частные потребители должны были бы расходовать капитал на приобретение помещений для хранения товаров и на наемный труд по сохранению этих товаров в состоянии, пригодном для потребления. Издержки потребления вообще — например, на то, что кто-то должен чистить мою мебель, убирать мой дом, варить мне мясо, чистить мою обувь — не входят в процесс производства товара и поэтому в его цену производства. Они возникают лишь после того, как товар перестал быть товаром и сделался просто потребительной стоимостью. Но поскольку

издержки потребления антиципируются, потребитель получает товар в готовой для потребления форме, в той форме, в которой не требуется это частное добавление к цене производства. Например, если пряжа производится на фабрике, а холст ткут домашним способом, то ткачество относится к издержкам потребления пряжи. Если холст ткут промышленным способом, то процесс ткачества относится к издержкам производства. И так же обстоит дело в вышеприведенном случае. Если мне варят мясо дома, то его приготовление относится к издержкам его потребления. Если я получаю отварное мясо в лавке, то его приготовление относится к издержкам его производства, входит в его процесс производства, но зато оно выходит из процесса производства в более развитой форме и входит в более готовой форме в процесс потребления.

Поскольку это так, то, следовательно, *хранение на складах* товаров также и другого рода, не входящих в качестве элементов ни в постоянный капитал, ни в переменный капитал, включается в *непосредственный процесс производства*. И затраченный на это капитал является непосредственно *производительным капиталом*. Вообще производительный капитал может иметь два значения: 1) капитал, входящий непосредственно в процесс производства; 2) капитал, который входит в процесс воспроизводства (включающий в себя обращение).

Относительно этой третьей категории, т. е. капитала, вложенного в дело *хранения* товаров (включающее их хранение на складе и предохранение от порчи), нужно заметить следующее: эти акты лишь постольку производительны, поскольку их требуют средние условия производства. Если же, напротив, имеет место переполнение рынков и т. д., невозможность продажи и поэтому задержка товаров в резервуарах обращения, если, следовательно, это происходит вследствие *приостановки* процесса обращения, то для индивидуального производителя это относится к faux frais de production *, увеличивает для него *издержки производства,* т. е. сокращает разность между ценой производства и издержками производства. Окончательная рыночная цена вследствие этого не увеличивается, а, наоборот, большей частью находится в обратном отношении к faux frais, совершенно так же как транспортные издержки, когда они вытекают из подобных задержек процесса обращения, например, если товар, отправленный из Манчестера в Китай, находит там рынки переполненными и направляется оттуда в Австра-

* — побочным издержкам, не участвующим непосредственно в процессе производства, но при данных условиях являющимся необходимыми. *Ред.*

лию, где его постигает та же участь, и, наконец, его сбывают с рук в Южной Америке.

Впрочем, для всех этих вложений капитала в перевозку товаров, в разделение их в соответствии с мерой и весом и в хранение их на складах общим является то, что указанные вложения применяются в процессах, которые *непосредственно изменяют и подвергают воздействию* потребительную стоимость *товара*, придают ей другую форму, будь то путем перемещения, либо путем реального деления потребительной стоимости на части соответственно ее естественным мерам, либо путем сохранения этой потребительной стоимости. Именно прямое отношение этих процессов к потребительной стоимости товара как потребительной стоимости делает эти процессы *производительными процессами*, а примененный в них капитал — *производительным капиталом, применяемым в специфических сферах непосредственного производства*, в соответствии с общим разделением труда.

Необходимо было раскрыть эти черты обращающегося капитала, иными словами, выделить их в обращающемся капитале. Это — процессы производства, которые продолжаются внутри сферы обращения, простираются за пределы непосредственного процесса производства. Это тем более необходимо, что капитал, функционирующий лишь в обращении, особенно купеческий капитал, отчасти объединяет также эти функции со своими собственными, а потому не выступает в своей чистой форме. Однако *после* такого выделения он предстает в своей чистой форме.

[XV—960] Но прежде чем мы перейдем к этому особому виду капитала, необходимо еще заметить следующее.

Во-первых: капитал, занимающийся транспортировкой, подготовкой к розничной продаже (разделением на части) (измерением) и хранением товаров на складах и принадлежащий по видимости процессу обращения, фактически отличается от другого производительного капитала только тем, что образует особые сферы, совершенно так же как капиталы в земледелии, добывающей, обрабатывающей промышленности (с их подразделениями) различаются лишь как *особые сферы*, в которых создаются различные потребительные стоимости. Стало быть, вследствие этого не возникает никаких новых различий формы *капитала вообще*, независимых от учета тех особенностей его процесса производства, которые проистекают из природы создаваемой им потребительной стоимости.

Во-вторых: так же как и во всех других сферах капитала, прибыль здесь отчасти создается непосредственно эксплуати-

руемым в этих сферах наемным трудом, отчасти, — если органическое строение капитала не является здесь средним строением, например, если капитал содержит меньше переменного, больше основного капитала, — представляет собой pro rata * величине капитала долю прибавочной стоимости, произведенной в других сферах производства.

Мы переходим теперь к тем особым формам капитала, которые втиснуты в пределы процесса обращения и не имеют абсолютно никакого отношения к потребительной стоимости товара и к различным степеням ее завершенности. Эти особые формы капитала различаются не только как особые сферы применения капитала, но образуют род капитала, отличный от производительного капитала как такового.

Так как они заняты только функциями процесса обращения как таковыми, их специфические функции должны объясняться формой метаморфоза товара, следовательно, движениями формы, свойственными обращению как таковому.

В обращении капитал находится только как *товар* или как *деньги*, как товарный или денежный капитал. Движение товара (а потому и товарного капитала) есть *Т — Д — Т*, продажа ради купли, а поскольку этот процесс постоянно повторяется, то это движение есть продажа ради купли и купля ради продажи. Именно последнее превращает метаморфоз товаров в метаморфоз товарного *капитала*, так как здесь обнаруживается, что в этом процессе имеет место не только смена формы товара и денег, но и сохранение и умножение стоимости. Такова, следовательно, функция *купеческого капитала*. Совокупное движение метаморфоза товаров представляется как движение товарного капитала, и купеческий капитал как купеческий капитал не имеет никакой иной функции помимо этой смены формы и ее движения.

Второе — это деньги, поскольку они имеют функции помимо функции быть просто средством обращения (единственная форма, в которой они функционируют в *купеческом капитале* (товарном капитале) как таковом, а именно, как всего лишь преходящая форма товара). Как я показал в первой части [250], эти своеобразные, вытекающие из метаморфоза товара, по видимости самостоятельные движения денег сводятся: 1) к *образованию сокро-*

---

* — соответствующую. *Ред.*

вищ; 2) к функции денег как *средства платежа;* 3) к функции *денег как мировых денег,* в которой они совершают двойное движение, с одной стороны, движение между национальными сферами обращения, [с другой стороны,] движение от источника их производства на мировой рынок и распределение этого притока между национальными сферами обращения.

С точки зрения обмена товаров *образование сокровищ,* рассматриваемое просто как денежная форма, есть, как мы видели [251], отвердение или обособление товара в его первом метаморфозе. Но здесь, в качестве бытия капитала, *деньги,* оседающие как сокровище, есть капитал (или во всяком случае соответственная его часть), производительный капитал, завершивший свой процесс производства, превратившийся из денег в товар, а из товара — в *большее количество* денег. Те различные определения, которые деньги имеют в качестве сокровища, теперь выступают как определения *денежного капитала. Первая* форма сокровища, или функция [XV—961] сокровища, состояла в том, чтобы служить *резервным фондом монеты.* Теперь деньги в этом своем качестве, там, где им приходится функционировать в качестве содержащегося наготове средства обращения, т. е. в качестве покупательного средства, есть часть *обращающегося капитала,* который промышленный капиталист (или торговый капиталист, что по отношению к денежному капиталу *одно и то же*) всегда должен иметь в запасе как *денежный капитал,* для того чтобы покрывать текущие расходы, следовательно, выплачивать заработную плату, покрывать собственные личные расходы (то, что он тратит как доход) и покупать прочие ингредиенты производства, которые должны быть оплачены наличными деньгами.

Вторая функция денег как сокровища состояла в том, чтобы служить резервным фондом для *платежей,* фондом, из которого поступают деньги как средство платежа. Следовательно, к этому мы перейдем тотчас же, как только приступим к рассмотрению денег в качестве средства платежа.

Третья функция денег как сокровища состояла в том, чтобы быть резервным фондом мировых денег, фондом покупательных и платежных средств на внешнем рынке и, кроме того, представлять специально ту форму, в которой из источников производства денег и т. д. в обмен на товары предлагается для мирового рынка новая масса денег.

Поскольку сокровище должно служить либо в качестве резервного фонда *средств платежа* на внутреннем рынке, либо в качестве *средства платежа и покупательного средства* на внешнем рынке, то эта его форма, т. е. функционирование в каче-

стве *средства платежа* или *мировых денег*, абсолютно ничего не меняет, по отношению к капиталу, в том, что деньги есть та часть *обращающегося капитала*, которая постоянно нужна промышленнику в форме *денег*, совершенно так же как при резервном фонде монеты.

Наконец, сокровище, поскольку оно не функционировало в качестве резервного фонда монеты, средств платежа и мировых денег, было *сокровищем как таковым*, затвердевшим в своем *первом метаморфозе*, обособившимся и законсервированным товаром. Однако для капитала — это *лежащий без дела капитал*, часть его, лежащая без дела в форме денег, часть, которую он не может использовать непосредственно в собственном предприятии. Для капиталиста, который не разделяет иллюзий собирателя сокровищ и для которого деньги имеют стоимость не в качестве абсолютной формы товара, а только в качестве абсолютной формы капитала, в качестве самовозрастающей и функционирующей стоимости, капитал в форме лежащего без дела капитала есть *непроизводительный* капитал, капитал, который может быть отдан в ссуду, который, по крайней мере, должен быть превращен в *капитал, приносящий проценты*, если капиталист не может сам использовать его как капитал, приносящий прибыль. Для него, следовательно, это — деньги, которые находятся на рынке в качестве *денежного капитала*. Это может быть вновь накопленный капитал, т. е. превращенная в капитал прибыль. Но часть этого лежащего без дела капитала может поступить также из ренты или иных источников дохода непроизводительных работников (и даже производительных), которые хотят часть своего дохода, имеющегося в наличии в форме денег, продать как *капитал*, т. е. отдать в ссуду.

Что же касается *сокровища* как такового, безразлично, выполняет ли оно какую-либо функцию или нет, то оно само делает необходимой только одну операцию, операцию его *хранения*. Издержки его хранения сводятся к издержкам на здания, сейфы, стало быть, к какому-то количеству основного капитала, к издержкам на учет сокровища; если же оно велико, то, возможно, еще к издержкам на наемный труд некоторого числа непроизводительных работников для «защиты» сокровища, но не от моли и ржи, а от воров [252].

Если особые капиталы должны выполнять исключительно лишь операции, вытекающие из обращения капитала, то этими операциями могут быть только те, которые вытекают из функций обращения как такового, из функций, *обособившихся* от совокупного процесса капиталистического производства, свойственных процессу обращения и отличающих этот процесс.

Следовательно, в качестве капитала, выполняющего особую операцию, капитала, занятого исключительно этой операцией, *товарный капитал, купеческий капитал, торговец товарами* как таковой заняты не чем иным, как только куплей и продажей товаров, — операцией, которая стóит рабочего времени, у них же отнимает все рабочее время как самого капиталиста, так и его наемных рабочих, приказчиков и т. д. Движение, которое представляет собой постоянный метаморфоз товара, выступает здесь как исключительная *операция* торговца товарами, выполняемая в результате его *опосредствующей деятельности* или, вернее, в результате специфической деятельности того капитала, при помощи которого он функционирует.

[XV—962] Точно так же функция специфического капитала, выступающего в качестве *денежного капитала,* короче, *торговля деньгами,* может получить свое содержание только из специфических функций денег — а потому капитала как денег, в его способе существования как денег — в отличие от тех функций, которые деньги выполняют в качестве элемента купеческого капитала (где они всегда действуют как покупательное средство).

Итак, этими функциями являются, во-первых, *образование сокровищ* как таковое, которое состоит просто в том, чтобы *сохранять* выпавшие из обращения деньги (выпавшие из обращения в форме денег капитал и прибыль или доход вообще). Уже при рассмотрении денег мы видели [253], что в то время как на добуржуазных ступенях производства денежное сокровище раздроблено, в условиях капиталистического производства оно централизуется в более крупных резервуарах. Это — первая функция торговца деньгáми или торговли деньгами.

Промышленный капиталист (как и торговый) постоянно *должен* иметь наготове *определенную часть* своего обращающегося капитала в форме денежного капитала, т. е. сокровища (по форме), как резервный фонд монеты и средств платежа, безразлично — внутри страны или за границей. И эта часть находится в определенном отношении к масштабу, в котором он производит, например, к заработной плате, которую ему приходится еженедельно выплачивать и т. д., и к величине текущих операций, совершаемых на наличные деньги, например, у купца. Но хотя *эта часть определена* (конечно, она изменяется в различные моменты воспроизводства), тем не менее она постоянно вновь и вновь *расходуется,* т. е. теряет как покупательное средство и средство платежа (в данном случае как средство оплаты балансовой разницы) свою форму сокровища, постоянно опорожняя резервуар сокровища и вновь наполняя его путем продажи товара или оплаты проданного товара. Следовательно,

части сокровища постоянно меняются; с одной стороны, оно расходуется как покупательное средство и средство платежа, с другой стороны, оно постоянно восстанавливается в результате постоянного обратного превращения товара в деньги. Оно находится в постоянном движении и отнюдь не является находящимся в покое сокровищем собирателя сокровищ. Следовательно, вторая функция торговли деньгами состоит в том, чтобы постоянно принимать поступающие от промышленников и торговцев деньги, принимать их как сокровище и постоянно вновь и вновь отдавать их как покупательное или платежное средство. Эта операция делает необходимым ведение книг, постоянный подсчет и учет. Это движение сокровища (денежного капитала) — его постоянное образование и расходование — и его уравнивание опосредованы выполняемой им операцией, операцией торговца деньгами, занимающегося исключительно этим делом. Поскольку деньги специально функционируют как средство платежа — функция, в которой, как показано выше [254], следует учитывать взаимные обязательства и оплачивать деньгами только балансовую разницу, — торговец деньгами должен осуществлять эту функцию денег как средства платежа, производить уравнивание, либо выплачивая деньги в качестве балансовой разницы, либо принимая их в качестве таковой. Это уравнивание и посредническая операция денег как средства платежа развиваются особенно при капиталистическом производстве, когда все производство покоится на меновой стоимости, на обращении, и поэтому постоянно необходимо производить расчеты между производителями (и купцами).

Поскольку оплата, или покупка, на внешнем рынке делает необходимыми специальные операции, создает специальные формы пересылки балансовой разницы или денег в качестве покупательного средства (вексельный курс и т. д.), то эти операции в свою очередь создают особую функцию торговли деньгами.

Точно так же поступление денег из источников их производства в обмен на товары может приобрести самостоятельность как обособленная операция и функция. (Торговля слитками и т. д.) Это опять-таки особая функция торговли деньгами.

Наконец, деньги, лежащие без дела, иными словами, деньги, брошенные на рынок в качестве денежного капитала, отдаются в ссуду, берутся в долг другими, и это — в различных формах (заем, дисконт и т. д.) — выступает снова как особая функция торговли деньгами, которая вместе с тем для ссужаемого денежного капитала является тем же самым, чем купец для товаров, т. е. посредником, с помощью которого уравниваются и централизуются предложение и спрос на денежный капитал.

В заключение может быть добавлено еще следующее: деньги как мировые деньги сбрасывают с себя свой национальный [XV—963] характер денег данной страны и сводятся к своему золотому и серебряному содержанию, между тем как золото и серебро, оба как товары, циркулирующие в качестве мировых денег, должны быть сведены к их стоимостному отношению, которое постоянно меняется. Это опять-таки опосредствует торговец деньгами и делает это уравнивание денег данной страны с мировыми деньгами своим специфическим занятием. (*Вексельный курс;* к нему присоединяется существующее в каждый данный момент состояние платежного баланса — подробность, которая сюда не относится.) С другой стороны, эта операция сводится также к простому взаимному обмену денег различных стран, так же как и различных, принадлежащих к особым сферам обращения видов денег одной и той же страны. (Простые менялы.) Все эти функции вместе взятые образуют предприятие — *торговлю деньгами,* которая, совершенно так же как торговля товарами, в свою очередь, распадается на различные отрасли.

Так же как операции *торговца товарами (купца)* представляют собой не что иное, как ставшие самостоятельными движения, функции, которые должен проделать *товар,* а потому и капитал в своей форме *товарного капитала,* в совокупном процессе своего обращения или в движениях своего совокупного метаморфоза, так и операции *торговца деньгами* (операции *специфически* денежного капитала) представляют собой не что иное, как движения, проистекающие из функций денег как таковых в отличие от денег как средства обращения (как они функционируют в качестве торгового капитала) и поэтому присущие также капиталу в форме денег, капиталу в качестве *денежного капитала.*

Поэтому при более точном анализе фактически оказывается — {оказывается также, что продажа денег как капитала, выпуск денег в обращение как капитала лишь открывают процесс производства, который исходит из денег; что это изображение капитала в форме денег как капитала, открывающего весь процесс, здесь выступает как особая функция; что тот, кто дает деньги в ссуду, бросает их как капитал в производство или обращение лишь опосредованно, через промышленного капиталиста или торговца; что эта промежуточная операция, перемена владельца денег, прежде чем они откроют процесс, ничего не меняет в самом существе дела}, — что так называемый *торговый капитал,* т. е. товарный капитал как *специфический* капитал, а с другой стороны, *денежный капитал* как капитал,

вложенный в специфическое предприятие, в *торговлю деньгами*, и запертый там, представляют собой не что иное, как *ставшие самостоятельными* способы существования форм денежного капитала и товарного капитала, форм, которые принимает *производительный* капитал, проходя через совокупный процесс воспроизводства, форм, которые он принимает в *своей* сфере обращения, в интервале между своим выходом из собственно процесса производства и возвращением в него.

Нет ничего более ошибочного, чем рассматривать *торговый капитал* и *денежный капитал* (в данном случае в смысле торговли деньгами) как особые подразделения *производительного капитала*, скажем, как капитал, вложенный в горное дело, рыболовство, земледелие, обрабатывающую промышленность и т. д. Наоборот, *каждый* производительный капитал есть *торговый капитал*, поскольку он проделывает совокупное движение своего процесса производства, *Т — Д — Т* или *Д — Т — Д*, и в этой форме рассматривается изолированно. Это действительно его форма как *обращающегося капитала*, если рассматривать последний как единство противоположных фаз метаморфоза. Точно так же всякий *производительный капитал* в какой-то фазе есть *денежный капитал*, либо в виде *Д — Д′*, либо в том случае, когда функции, которые он выполняет в форме денег, следовательно, его денежные функции рассматриваются изолированно. Также и вследствие вмешательства *торгового капитала* как *капитала* особого *рода*, вложенного в особую сферу и находящегося под управлением особой группы капиталистов, а также вследствие вмешательства *денежного капитала* как капитала особого рода, капитала торговцев деньгами, производительный капитал отнюдь не перестает, с одной стороны, выполнять функции торгового капитала и в какой-то фазе выступать как торговый капитал, точно так же как, с другой стороны, он не перестает быть денежным капиталом и выполнять функции денежного капитала.

[XV—964] Итак, имеет место *удвоение* (по крайней мере, по видимости). С одной стороны, *торговый капитал* (товарный капитал) и *денежный капитал* представляют собой *всеобщие определенности формы* производительного капитала и особые движения, через которые он проходит как *торговый капитал* (торговля товарами) и *денежный капитал* (торговля деньгами), представляют собой особые функции, которые производительный капитал выполняет в своем процессе воспроизводства в указанных обеих формах. С другой стороны, *особые капиталы* (следовательно, также особые группы капиталистов) заняты исключительно либо в форме *торгового капитала*, либо в форме

денежного капитала. Как особые формы производительного капитала вообще они становятся также сферами особых капиталов, *особыми сферами* использования капитала.

[5) ОБОРОТ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА. ТОРГОВАЯ ПРИБЫЛЬ И ОБЩАЯ НОРМА ПРИБЫЛИ]

Известно, что, строго говоря, банкиру наряду с капиталом его клиентов нет надобности обладать *собственным капиталом*; и не менее известным является тот факт, что, например, торговые агенты ведут дело только как управляющие капиталами своих клиентов (промышленников) и не нуждаются, кроме этого, ни в каком особом капитале. Вообще *собственный* капитал торговцев и банкиров есть только базис, на котором возводится огромная надстройка и который не находится ни в каком отношении (чем он больше, тем в меньшей мере) к чужим капиталам, которые они вводят в оборот и с которыми ведут свое дело.

Предположим, что купец обладает капиталом в 1 000 ф. ст. и оборачивает его 40 раз в год, тогда в течение года он расходует денежный капитал в 40 000 ф. ст. и покупает товарный капитал на 40 000 ф. ст., так что в целом через его руки проходит капитал в 80 000 ф. ст. Этот *оборот купеческого капитала* (поскольку он имеет отношение к 1 000 ф. ст., которые образуют специфический капитал купца) *очень отличается от оборота производительного капитала*. Фактически он представляет не что иное, как закон денежного обращения, согласно которому сумма цен, которую реализуют деньги, зависит от скорости их оборотов, от *количества* оборотов денег за какой-либо данный период. Вообще то, что относится к деньгам — деньгам как средству обращения, как покупательному средству и средству платежа, а именно так они функционируют в торговом капитале, — относится здесь к ним как к функции *капитала*. Правда, купец при каждом обороте получает прибыль, и это делает денежную сумму, с которой он начинает, капиталом. {Для отдельного купца, который может урвать для себя больше или меньше из общего предприятия и получить добавочную прибыль, потому что его собрат получает меньшую прибыль, чем средняя, справедливо следующее: если даны норма прибыли и цены товаров, то масса его прибыли зависит от числа оборотов в год или от массы сделок, которые он совершает. Если даны норма прибыли и число оборотов, то масса прибыли зависит от цен товаров. Если даны цены и число оборотов, то масса прибыли зависит от нормы прибыли.} Но и эта прибыль определяется иначе,

чем у производительного капитала. Оборот производительного капитала отнюдь не выражает числа оборотов, совершаемых деньгами как средством обращения. Скорее, наоборот, число оборотов денег есть в данном случае выражение того, как часто возобновляется процесс воспроизводства, как часто деньги превращаются в капитал. Они здесь оборачиваются так часто потому, что они так часто функционируют как капитал. В торговом же капитале они действуют как капитал так часто потому, что они так часто оборачиваются. Отсюда следует, что для производительного капитала число оборотов важно потому, что оно выражает число периодов, в течение которых повторяется *созидание* прибавочной стоимости, а потому — прибыли. Оборот здесь входит определяющим образом в *норму прибыли*, так как он выражает время обращения, в течение которого капитал эксплуатирует определенное количество труда, присваивает неоплаченный труд. Сам оборот не имеет никакого отношения к созданию прибыли, но выражает 1) периоды ее реализации; 2) то, в какой степени рабочее время ограничивается временем обращения. С торговым капиталом дело обстоит двояким образом: *во-первых*, прибыль получается только посредством оборота, который представляет собой не что иное, как оборот денег, число *оборотов одной и той же* денежной суммы, т. е. *повторение актов продажи и купли*. Даже простое *Т — Д — Т′* в процессе обращения производительного капитала имеет другой смысл. Здесь *Т* есть результат процесса производства, товар, являющийся результатом процесса производства; *Т′*, наоборот, это товары, которые в качестве элементов товара входят в процесс его производства, представляют условия его производства. Напротив, в процессе *Т — Д — Т′* торгового капитала *Т* отличается от *Т′* только *ценой*, а не как товар, [XV—965] и даже если *Т′* есть другая потребительная стоимость, она не находится в другом отношении к *Т*, чем в том случае, когда это одинаковые потребительные стоимости.

А *во-вторых*, хотя *прибыль* здесь, в отличие от производительного капитала, получается посредством самого оборота, а не только реализуется в нем, однако, с другой стороны, здесь *число оборотов не входит определяющим образом в норму прибыли*, а, наоборот, *норма прибыли* (средняя) определяет прибыль, приходящуюся на каждый отдельный оборот. Если общая норма прибыли равна, например, 10%, то такова же норма прибыли на купеческий капитал. При таких обстоятельствах, для того чтобы купеческий капитал, равный, например, 1 000 ф. ст., за один год реализовал прибыль в 10%, он должен, если он оборачивается десять раз в год, при каждом обороте

набавлять лишь 1% прибыли на массу товаров в 100 ф. ст., следовательно, 10 [ф. ст.] на 1 000. Стало быть, например, на товар ценой в 1 ф. ст. — только $^1/_{100}$ ф. ст. = $^{20}/_{100}$ шилл. = = $^2/_{10}$ шилл. = $^1/_5$ шилл. = $2^2/_5$ пенса. Если бы он оборачивался 20 раз [в год], то при каждом обороте он должен был бы набавлять только $^1/_2$%, так как 20 × $^1/_2$% = 10%; $^1/_2$% на 100 = $^{10}/_2$, или 5 на 1 000 ф. ст. Следовательно, например, на товар ценой в 1 ф. ст. — только $^1/_{200}$ ф. ст. = $^{20}/_{200}$ шилл. = = $^2/_{20}$ шилл. = $^1/_{10}$ шилл. = $1^1/_5$ пенса. Среднее число оборотов в различных сферах торговли товарами здесь предполагается данным. Таким образом, все выступает совершенно наглядно в купеческом капитале.

Возьмем, например, оборот капитала, занятого в производстве ситца. Продукт, 10 000 аршин ситца, равен, например, 1 000 ф. ст. Фабрикант продает эти 10 000 аршин ткани купцу, торговцу тканями, который платит ему 1 000 ф. ст. (Мы не принимаем во внимание кредит, так как он еще не рассмотрен нами.) 10 000 аршин ситца находятся теперь в руках купца и представляют в его руках *товарный капитал*, купеческий капитал. В руках фабриканта они представляли собой капитал + прибыль. Пусть этот купец будет купцом I. Далее, на 1 000 ф. ст. фабрикант покупает пряжу на 700 ф. ст., уголь и т. д. на 100 ф. ст., еще на 100 ф. ст. он покупает труд и 100 ф. ст. расходует как доход. Если эту последнюю сделку анализировать дальше, то рабочие постепенно, по мере того как они получают 100 ф. ст., покупают товары у лавочника совершенно так же, как фабрикант на 100 ф. ст. покупает у лавочника средства потребления. *Торговец пряжей*, купец II, вместо пряжи — своего товарного капитала — имеет теперь 700 ф. ст.; так же и торговец углем, купец III, вместо своего угля имеет 100 ф. ст., и наконец, лавочник, купец IV, вместо своих товаров имеет 200 ф. ст. Прежде всего ясно, что ситец как *товар* по-прежнему находится на рынке, хотя он перешел из рук фабриканта в руки купца. Это — капитал фабриканта, который еще не проделал своего первого метаморфоза, еще не превратился снова из товара в деньги. Для фабриканта это превращение произошло. Вместо своего ситца он имеет 1 000 ф.ст. *Но для самого ситца* указанное превращение еще не произошло. Он еще не превратился в деньги, еще не перешел в качестве потребительной стоимости ни в промышленное, ни в индивидуальное потребление. Купец I представляет теперь на рынке тот же самый товарный капитал, который первоначально представлял фабрикант. Для последнего процесс метаморфоза *сокращен купцом I, но только для того, чтобы продолжаться*

дальше в руках последнего. Если бы фабрикант должен был ждать, пока его ситец действительно перестанет быть товаром, будет превращен в деньги, проделает свой первый метаморфоз, будет продан действительному покупателю — промышленному или индивидуальному потребителю, — то процесс его воспроизводства был бы прерван. Или же, для того чтобы не прерывать его, он должен был бы сократить свои операции, расходовать меньшую часть своего капитала на пряжу и т. д., на наемный труд и т. д., короче, на элементы процесса производства, и сохранять у себя бо̀льшую его часть в виде денег как резервный фонд, для того чтобы иметь возможность — в то время как одна часть находится на рынке в качестве товара — вновь превращать другую часть в производительный капитал, и в то время как последняя поступала бы на рынок как товар, первая возвращалась бы. Такое деление капитала необходимо также и при наличии *торговли.* Но без нее сохраняемая в резерве в форме денег часть обращающегося капитала постоянно должна была бы быть больше по отношению к части, находящейся в процессе производства, и поэтому масштаб воспроизводства должен был бы сократиться. Вместо этого фабрикант может теперь держать более значительную часть своего капитала в собственно процессе производства, а менее значительную — как денежный резерв. Но при этом *некоторая часть* капитала общества — прежде всего в форме купеческого капитала — постоянно находится в процессе обращения и никогда не входит непосредственно в процесс воспроизводства. Она постоянно применяется только для того, *чтобы покупать товары.* Кажется, что таким образом произошла лишь смена тех лиц, в чьих руках находится эта часть капитала.

[XV—966] Если бы купец вместо того чтобы покупать на 1 000 ф. ст. ситец, сам производительно применил эти 1 000 ф. ст., то производительный капитал увеличился бы. Правда, тогда фабрикант должен был бы более значительную часть капитала сохранять как денежный резерв и то же самое должен был бы делать превратившийся теперь в фабриканта купец I. В одном случае увеличивается производительная часть капитала фабриканта, но зато и весь капитал купца отвлекается от производства. В другом случае оба они должны увеличить свой денежный резерв, но при этом значительная часть купеческого капитала вкладывается в производство. Таким образом, кажется, что, как ни верти, получается одно и то же: то, что выигрывается с одной стороны, теряется с другой. Но дело все-таки обстоит не так *(если только купеческий капитал не переступает пределы необходимых пропорций).* А именно, дело обстоит не так

потому, что воспроизводство купеческого капитала и воспроизводство производительного капитала — это *два различных процесса,* хотя первый процесс есть лишь момент процесса воспроизводства совокупного капитала. Фабрикант ситца в лучшем случае, т. е. если он работает на заказ и получает свои деньги сразу же, как только товар готов, может, например, оборачивать свой капитал лишь 4 раза в год, потому что за 3 месяца он может произвести и воспроизвести не больше чем 10 000 аршин ситца. Повторение его процесса воспроизводства определяется не только собственно актом обращения *Т — Д — Т*, обращения, через которое должен пройти его товар, начиная с того момента, когда он выходит из процесса [производства] как готовый товар, для того чтобы снова войти в него в форме элементов производства товара. *Указанное повторение, далее, определяется продолжительностью самого процесса производства.* Если бы капитал фабриканта ситца был равен 900 и $^1/_3$ этой суммы он должен был бы всегда иметь в качестве денежного резерва, то в процессе производства постоянно находились бы только 600 ф. ст. и он мог бы произвести за один оборот только 6 000 аршин ситца, следовательно, 24 000 аршин ситца, если бы его капитал оборачивался 4 раза, между тем как в другом случае [255] он производит 40 000 аршин. Отнюдь не от свойства его денег как денег зависит, когда и сколько денег он вновь превращает в капитал, но это обратное превращение денег в производительный капитал и повторение этого обратного превращения зависят от специфической природы его производительного капитала, от той потребительной стоимости товара, которую он производит, и от особого труда и условий труда, производящего эту потребительную стоимость. Если я теперь буду рассматривать 1 000 ф. ст. купца I по отношению к этому отдельному фабриканту, то *воспроизводство* его капитала действительно полностью зависит от воспроизводства этого производительного капитала. Он покупает сегодня эти 10 000 аршин ситца и продает их, скажем, за неделю. Употребленные таким образом деньги он не может снова превратить в аршины ситца до тех пор, пока не наступит второй период оборота капитала фабриканта, т. е. в конце первых шести месяцев, когда фабрикант опять выбрасывает на рынок 10 000 аршин ситца и т. д. Но после того как проданы 10 000 аршин ситца фабриканта I, купеческий капитал может снова купить на вырученные деньги 10 000 аршин ситца у фабрикантов II, III, IV. Предположим, купцу нужен месяц для продажи [12 000 аршин ситца], тогда он мог бы каждый месяц покупать 12 000 аршин ситца, следовательно, 12 × 12 000 = 144 000 аршин в год; и на свой капитал

в 1 000 ф. ст. он мог бы таким образом покупать и продавать товары 36 фабрикантов, каждый из которых производил бы 4 000 аршин ситца в год и совокупный капитал которых, капитал, вложенный в их предприятия, был бы равен 32 400 ф. ст. (900 ф. ст. у каждого) [256]. Разумеется, мы здесь предполагаем, что купец продает быстрее, чем продавал бы фабрикант. Если бы дело обстояло не так, то купеческий капитал абсолютно не представлял бы собой ничего иного, кроме как лежащий без дела капитал фабриканта. И это было бы то же самое, как если бы у последнего постоянно находилось 1 000 ф. ст. в процессе производства и 1 000 ф. ст. как резерв или как покупательное средство в процессе обращения. Однако эта более быстрая продажа, т. е. более быстрое нахождение [купцом] покупателя, происходит вследствие *принципа разделения труда,* так как у купца только одно дело: находить покупателей и продавцов. Следовательно, *первый момент* состоит в том, что при посредстве купца не только товар фабриканта, его ситец, раньше превращается в деньги, но и сам этот *ситец* быстрее проделывает свой первый метаморфоз, быстрее продается.

При таком предположении *обороты купеческого капитала* отнюдь не представляют собой оборотов, или повторения процесса воспроизводства, — превращения товара в деньги — фабриканта I, отдельного капитала в особой сфере, но они представляют собой обороты, быть может, 36 или какого-нибудь другого числа функционирующих в этой особой сфере капиталов.

[XV—967] Или же если купец торгует разнообразными товарами, то после продажи 10 000 аршин ситца он может купить на 1 000 ф. ст. шелка и т. д., так что оборот его капитала может представлять не только обороты многих капиталов в одной сфере производства, но и обороты некоторого количества капиталов в различных сферах производства.

Его денежный капитал выполняет, таким образом, по отношению к производительным капиталам, находящимся на рынке в качестве товарных капиталов, ту же самую функцию, какую *деньги посредством числа своих оборотов за какой-либо данный период* выполняют *по отношению к товарам,* цены которых они поочередно реализуют. Оборот его [денежного капитала] есть не что иное, как только оборот денег в качестве покупательного средства, т. е. средства обращения, так как они на деле изображают просто *Т — Д — Т — Д* и т. д. Превратив товар (фабриканта) в деньги и, стало быть, свои деньги в товар, купец снова превращает эти деньги в товар и т. д. Эти обороты

его *денежного капитала* как покупательного средства, как посредника товарного обращения зависят (для отдельного купца) от совокупного процесса воспроизводства или, по крайней мере, от большей части последнего, но не от процесса воспроизводства отдельного капитала. Поскольку купец в результате совокупного процесса постоянно находит на рынке товары — это является для него предпосылкой, — его *оборот* состоит *просто* в повторении покупок, в повторении, которое опосредствуется повторением продаж. Его оборот представляет собой просто повторение обращения денег. Отличие его оборота от простого денежного обращения следующее: *одна и та же монета* повторяет покупки. Например, *А* покупает на 10 ф. ст. у *В*, который на те же самые 10 ф. ст. покупает у *С*, а этот — у *D* и т. д. Здесь покупатель всегда другое лицо, хотя 10 ф. ст. постоянно остаются теми же самыми. Деньги переходят из одних рук в другие. Но тот купец, который покупает на 1 000 ф. ст. ситец у фабриканта, снова продает тот же самый ситец третьему лицу, и та же самая сумма денег возвращается обратно в его руки. Было бы чистой случайностью, если бы эта сумма денег состояла из тех же самых монет. Вместе с тем это есть *Д — Т — Д*, форма капитала. Но как часто купец может возобновлять ту же самую операцию, зависит от того, как часто возвращается в его руки та же самая сумма денег, его капитал в качестве денежного капитала. Если мы будем исходить от купца как товаровладельца, — а он сделался товаровладельцем в результате покупки 10 000 аршин ситца, — то он продает товар, и на те деньги, в которые последний превратился, он покупает новый товар. *Т — Д — Т*. *Те же самые* деньги дважды меняют место: попадают в руки купца как продавца и уходят из его рук как покупателя. Таково движение метаморфоза товара вообще, движение, представляемое купцом, поскольку он сначала продает (товар) и на цену этого товара покупает; сначала превращает товар в деньги, потом деньги в товар. Здесь деньги — просто средство обращения, хотя для купца они представляют капитал. И все же это не есть собственное движение купеческого капитала, хотя оно и образует момент его собственного движения, поскольку включает в себя двукратное движение одной и той же монеты. Однако купеческий капитал, будучи отделен от производительного капитала, поскольку последний сам обращается, выступает всегда сначала как покупатель, как деньги, которые должны превратиться в товар. Он никогда не выступает сначала как товар, так как товар в первых руках выступает как продукт и как таковой никогда не выступает в руках собственно купца.

Действительное движение купеческого капитала следующее:

$$\begin{matrix} 1) & & 2)\ 3) & & 4)\ 5) & & 6)\ 7) & & 8)\ 9) \\ Д & — & Т & — & Д & — & Т & — & Д \end{matrix} \text{ и т. д.}$$

Деньги обмениваются на товар, тот же самый товар обменивается на деньги, те же самые деньги обмениваются на товар, тот же самый товар обменивается на деньги и т. д. Отличие от метаморфоза товара, в котором деньги функционируют только как средство обращения, следующее: там только одна и та же монета дважды переходит из рук в руки и находится в одних и тех же руках с двояким определением (во-первых, как реализованная цена товара, во-вторых, как покупательное средство), между тем как оба крайних пункта, два различных товара, только один раз меняют место, а затем выпадают из обращения. Здесь же *один и тот же идентичный товар* дважды переходит из рук в руки. Он продается дважды, сначала производителем купцу, а затем купцом потребителю, промышленному или индивидуальному. Там двукратное перемещение *одной и той же монеты* есть опосредование действительного товарообмена, реального обмена веществ. Здесь, наоборот, двукратное перемещение *одного и того же товара* есть средство для того, чтобы не та же самая, а увеличенная сумма денег возвратилась в те же самые руки. Только лишь в результате этого двукратного перемещения одного и того же товара — последний есть средство получить деньги обратно — деньги здесь постоянно возвращаются, так что их движение выступает как движение капитала, хотя они постоянно функционируют в процессе как средство обращения.

[XV—968] Продажа товара — одна и та же фаза его метаморфоза — здесь проделывается дважды.

Это имеет место, если мы рассматриваем первый оборот $Д — Т(1,\ 2) — Д$. Напротив, иначе обстоит дело при воспроизводстве, при непрерывном повторении этого процесса, а движение купеческого капитала и есть это постоянное повторение.

$$Д - \ddot{Т} - \dot{Д} \qquad \dot{Д} - \ddot{Т} - \ddot{Д} \qquad \text{и т. д.}$$

В первом обороте лишь один и тот же товар дважды меняет место, и *та же самая* денежная сумма возвращается обратно. (Это возвращение той же самой денежной суммы — следовательно, той же самой суммы стоимости (*капитала,* потому что каждая сумма стоимости при своем возвращении выступает как сохраняющаяся и увеличивающаяся и как относящаяся к себе самой стоимость) — весьма отлично от двукратного

функционального перемещения одной и той же монеты. Последнее она совершает в своем определении денег, а именно, как средство обращения. Конечно, это возвращение может быть также чисто формальным, например, если капиталист выдает заработную плату деньгами и рабочий на те же самые деньги покупает у капиталиста товары. Это имеет место только в том случае, когда те же самые лица взаимно противостоят друг другу как продавец и покупатель, поэтому одни и те же деньги могут служить обоим как покупательное средство.) Но возвратившаяся таким образом денежная сумма — она есть капитал по отношению к авансированным деньгам, которыми начался процесс, но она есть также реализованная цена проданного товара, а потому первый метаморфоз этого товара, — *те же самые идентичные монеты* теперь снова покупают товар, который снова продается и т. д. Здесь, следовательно, к двукратному перемещению товара присоединяется еще двукратное перемещение одних и тех же денег, или их перемещение как средства обращения. *Возвращение денег как капитала* вызывается двукратным перемещением товара, или его дважды — или много раз — повторяющейся продажей. Но повторение этого процесса, а потому покупка товара опосредствуется *двукратным перемещением* возвращающихся денег, или функционированием последних в качестве средства обращения. Скорость *оборота* купеческого капитала зависит, следовательно, от двух моментов: 1) от той скорости, с какой оборачивается его денежный капитал в качестве средства обращения, или, что то же самое, с какой он возобновляет покупки. Покупка здесь постоянно возобновляется на возвратившиеся деньги. Его скорость поэтому та же самая, что и скорость, с какой деньги дважды меняют место, переходят от покупателя товара к купцу, от купца к продавцу какого-либо другого товара. Скорость оборота купеческого капитала и скорость обращения денег здесь, следовательно, тождественны. Это возобновление, конечно, зависит от того, что на рынок постоянно поступают новые товары, следовательно, постоянно осуществляется воспроизводство. Если возобновляющийся таким образом купеческий капитал велик, то воспроизводство товара должно быть не только постоянным и быстрым, но и массовым; 2) но скорость оборота купеческого капитала зависит и от той скорости, с какой один и тот же товар дважды переходит из рук в руки, следовательно, от скорости обращения *одного и того же* товара. Он должен быстро перейти из рук производителя в руки купца. Но это также уже включено в момент 1). Однако то существенное, что здесь присоединяется, состоит в том, что товар должен быстро переходить из рук

купца в руки окончательного покупателя. Купец должен быстро продавать. Но он продает либо промышленному потребителю {здесь мы оставляем в стороне разделение труда между самими купцами, вследствие чего оптовый торговец продает розничному и т. д.}, либо индивидуальному потребителю. Если он продает первому, то эта скорость перепродажи зависит непосредственно от скорости воспроизводства. Если он продает индивидуальному потребителю, то потребление *фактически* образует *момент процесса воспроизводства*. Это есть движение *Т — Д — Т′* в первом смысле, когда товар при посредстве денег превращается в средство потребления. Чем больше все производство покоится на обращении, чем в большей мере, следовательно, каждый производитель владеет своим продуктом только в виде товара или денег, а его потребление, стало быть, покоится на продаже (поскольку это товар) и на купле (поскольку это деньги), тем больше скорость потребления, выпадения товара из обращения, обусловливается характером самого процесса производства.

Скорость оборота купеческого капитала зависит, следовательно, от двух моментов: от той скорости, с какой одни и те же деньги совершают свое перемещение, обращаются; стало быть, от скорости обращения денег как средства обращения (выражается в этом); далее, от той скорости, с какой *один и тот же товар* совершает свое двойное перемещение, совершает специфическое обращение, свойственное ему как *товарному капиталу* (не как простому товару). Оба момента зависят от скорости совокупного процесса воспроизводства. Но оборот купеческого капитала не тождествен обороту или числу [циклов] воспроизводства какого-либо *равновеликого производительного капитала*. Он представляет собой, скорее, сумму оборотов некоторого количества таких капиталов, будь то в той же самой сфере или в различных сферах производства. [XV—969] Чем быстрее оборачивается купеческий капитал, тем меньше он сам по отношению к массе производительного капитала. Чем медленнее он оборачивается, тем больше та часть совокупного денежного капитала, которая фигурирует как купеческий капитал. Поэтому при таких способах производства или на таких ступенях производства, где обращение неразвито, так как вообще не развит характер производства как производства меновой стоимости и, далее, его капиталистический характер, масса купеческого капитала (хотя абсолютно и небольшая) относительно велика по сравнению с массой товаров, вообще выбрасываемых в обращение. Поэтому бо̀льшая часть собственно денежного капитала находится в руках купцов, имущество

которых в отличие от других представляет собой, таким образом, *денежное имущество*. (Сюда относится также собственно *торговля деньгами*. Но об этом позже.)

Из расчетов следует далее:

Поскольку *купеческий капитал* выступает как *товарный капитал*, он есть отнюдь не что иное, как сам производительный капитал, который находится в сфере обращения sub specie * товарного капитала. Правда, он выступает здесь в руках другого товаровладельца, но то, что это фактически всего лишь фаза самого̀ производительного капитала, обнаруживается тотчас же, если товарный капитал остается непроданным в руках купца и потому к нему не возвращается его денежный капитал, если, следовательно, он не может снова купить товар. Таким образом, наступает та же самая заминка в воспроизводстве, как если бы капитал — в форме товарного капитала — находился в первой стадии процесса своего обращения, оставался в руках производителя непроданным. Нет необходимости в том, чтобы купеческий капитал проделывал только рассмотренный выше оборот. Но купец проделывает оба движения *одновременно*. Его капитал делится при этом на две части. Одна часть представляет собой товарный капитал, другая — денежный капитал. Он покупает у одного и тем самым превращает свой капитал в товар. Он продает другому и тем самым превращает другую часть своего капитала в деньги. С одной стороны, его капитал притекает к нему обратно как денежный капитал, между тем как, с другой стороны, одновременно его денежный капитал превращается в товарный капитал, или притекает к нему обратно как товарный капитал. Чем больше та часть [капитала], которая существует в одной форме, тем меньше та его часть, которая существует в другой форме. Но это деление должно выровняться. Например, купеческий капитал равен 300 ф. ст. Сначала он оставляет в резерве 100 ф. ст. и покупает товар на 200 ф. ст. Пока эти 200 ф. ст. существуют в форме товара, он не может на них покупать. Он покупает теперь на 100 ф. ст. Но вот 200 ф. ст. превращаются из товара в деньги, а 100 ф. ст. из денег в товар. Однако здесь важно то, что купец одновременно на одну часть своего капитала покупает, а на другую продает. Предположим, что он покупает с обязательством уплатить через 3 недели и продает также с уплатой через 3 недели. Таким образом, по истечении 3 недель он должен уплатить 200 ф. ст. и получить 100 ф. ст. Следовательно, он должен уплатить балансовую разницу в 100 ф. ст.,

* — под видом. *Ред.*

между тем как одновременно он имеет 100 ф. ст. в виде товара. Вместо 300 ф. ст. ему в этом случае, для того чтобы осуществить сделку, нужно было бы иметь только 100 ф. ст. Но если бы он продал товар [на сумму в 100 ф. ст.] в течение 3 недель, то он выплатил бы балансовую разницу из вырученных денег, следовательно, ему бы вовсе не пришлось расходовать деньги.

Итак:

Куплено x аршин за 200 ф. ст. с обязательством уплатить через 3 недели.	*Продано* x квартеров с уплатой через 3 недели.
Надлежит уплатить 200 ф. ст.	Надлежит получить 100 ф. ст.

Таким образом, купец платит 200 ф. ст. за x аршин резервными 100 ф. ст., а также теми 100 ф. ст., которые он должен получить, но для всей сделки ему требуются только 100 ф. ст. Иными словами, для того чтобы купить 200 аршин за 200 ф.ст. и продать 100 квартеров за 100 ф. ст., ему необходимо только 100 ф. ст.

Если с этим применением денег в качестве средства платежа совпадает обращение денег в качестве средства обращения:

Куплено x аршин за 200 ф. ст. с уплатой через 3 недели; они проданы до окончания 3-х недель.	
Должен 200 ф. ст. Имеет 200 ф. ст.	Надлежит получить 100 ф. ст.

Таким образом, купец платит 100 ф. ст. за [часть] x аршин той суммой денег, которую он выручил от их продажи. Это означает, что покупка x аршин за 200 ф. ст. не требует от него денежных затрат. Он купил без денег, а продает за деньги. Поэтому вместо того чтобы выложить дополнительно 100 ф. ст., он оставляет их в своем распоряжении.

Если еще учесть деньги как средство платежа и основанную на них кредитную систему, то количество денежного капитала, образующее *торговый капитал,* еще более уменьшается по отношению к величине сделок, выполняемых этим торговым капиталом. Если я покупаю товар на 1 000 ф. ст. с уплатой через 3 месяца и если я продал товар до истечения этих 3 месяцев, то на *эту* сделку мне не нужно [XV—970] авансировать ни гроша.

И в этом случае совершенно ясно, что *денежный капитал*, выступающий здесь как *торговый капитал*, есть не что иное, как сам производительный капитал в форме *денежного капитала*, есть его возвращение к себе в форме денег. (То, что фабрикант, продающий на 1 000 ф. ст. товаров с уплатой через 3 месяца, может дисконтировать вексель купца, нисколько не меняет дела и не имеет никакого отношения к купеческому капиталу как таковому.) Если бы рыночные цены товаров в этот промежуток времени понизились, например, на $^1/_{10}$, то купец получил бы обратно только 900 ф. ст. и ему нужно было бы добавить 100 ф. ст., для того чтобы расплатиться [с фабрикантом]. Эти 100 ф. ст. были бы, следовательно, просто резервом для компенсации возможной разницы в цене. Однако для фабриканта дело обстояло бы точно так же. Если бы он сам продал по понизившимся рыночным ценам, то к нему возвратились бы 900 ф. ст. вместо 1 000, и он не смог бы вновь начать операцию в том же самом масштабе без резервного капитала в 100 ф. ст.

Рассмотрим теперь другую фазу вышеуказанного процесса.

Фабрикант получил 1 000 ф. ст. от купца, которому он продал свой ситец. На эти 1 000 ф. ст. он покупает пряжу у торговца пряжей, купца II. Этим его капитал (капитал фабриканта) завершил свой процесс обращения и снова находится в сфере производства. 1 000 ф. ст. в руках торговца пряжей представляют, с одной стороны, *возвращение* его денежного капитала, обратное превращение его денег в деньги. Но по отношению к самой *пряже*, стало быть, к производительному капиталу, они представляют фактически его первый метаморфоз, превращение в деньги (хотя именно для фабриканта пряжи это уже совершилось в результате продажи его пряжи купцу II). Совершенно так же как фазы производства различных капиталов в различных сферах переплетаются между собой, ибо то, что выходит из одной сферы как продукт (готовый товар), входит в другую как условие производства, и они могут даже так входить взаимно одна в другую, как железо входит в производство угля, а уголь в производство железа, — таким образом переплетаются также и сферы обращения. Так, *обратное превращение* денежного капитала фабриканта ситца в производительный капитал представляет собой здесь обратное превращение пряжи в деньги, *возвращение денежного капитала* фабриканта пряжи. Вместе с тем это представляет собой возвращение денежного капитала торговца пряжей. Деньги, которыми фабрикант ситца платит торговцу пряжей, это не деньги купца I, так как послед-

ний получил за них товар на сумму в 1 000 ф. ст. Это его собственный капитал в форме денег. В руках торговца пряжей эти 1 000 ф. ст. выступают теперь как *торговый капитал,* но насколько они являются торговым капиталом как чем-то отличным от этих денег, являющихся сброшенной денежной формой ситца и денежной формой пряжи? Если, например, торговец пряжей купил ее в кредит, а продал прежде, чем должен уплатить, то в 1 000 ф. ст. нет ни гроша *торгового капитала* как чего-то отличного от той денежной формы, которую сам производительный капитал принимает в процессе своего обращения. Следовательно, *торговый капитал* — поскольку он не есть просто форма производительного капитала, выступающая как особый вид капитала, потому что производительный капитал в своих формах товарного капитала и денежного капитала находится на рынке в руках купцов — есть не что иное, как та часть денежного капитала, которая принадлежит самому купцу. Эта часть денежного капитала представляет собой не что иное, как — в очень уменьшенном масштабе (если бы это было не так, то торговый капитал не был бы нужен совсем), в очень сокращенном масштабе — ту часть производительного капитала, которая должна была бы постоянно находиться в руках фабриканта в качестве резерва покупательных средств, в качестве денег; фактически она представляет собой некоторую долю той части производительного капитала, которая постоянно должна была бы обращаться как денежный капитал. (Она обращается и тогда, когда находится в резерве как средство обращения, как покупательное средство. Но она действительно обращалась бы. Например, у фабриканта вместо 1 000 ф. ст. деньгами имеется на 1 000 ф. ст. товар. Им он не может начать свой процесс воспроизводства. Ему нужно было бы, кроме того, 1 000 ф. ст. деньгами, для того чтобы купить средства производства и т. д.) Эта *очень уменьшенная* часть находится теперь в руках особой группы капиталистов и постоянно пребывает в обращении, постоянно функционирует в процессе обращения. (То, что купец расширяет рынок, а потому и разделение труда и т. д., все это сводится к тому, что он быстрее находит покупателей, так как само нахождение большего числа [XV—971] покупателей означает лишь нахождение покупателей для большего количества товаров.) Эта часть капитала значительно уменьшена потому, что она служит для оборота не одного капитала, а многих капиталов. *Помимо той части производительного капитала, которая должна постоянно существовать как деньги для текущих расходов, другая часть должна постоянно обращаться на рынке как покупательное средство для всего класса*

капиталистов, для процесса воспроизводства совокупного капитала — для непрерывности этого процесса, — никогда не превращаясь в производительный капитал. Эта часть образует торговый капитал. Она тем меньше, относительно, чем быстрее осуществляется совокупный процесс воспроизводства, а потому и обращение денег, и чем более развиты деньги в качестве средства платежа, а потому и *кредитная система.*

При рассмотрении совокупного процесса воспроизводства мы видели [257], что капитал обменивается отчасти на капитал, отчасти капитал обменивается на доход и капитал, наконец, капитал обменивается на доход. В торговом капитале это представляется так, что он, поскольку он обменивается с промышленными потребителями (оставляя здесь в стороне движения из рук одного покупателя в руки другого, от оптового торговца к розничному и т. д.), есть просто *перемещение капитала,* а поскольку он обменивается с *индивидуальными потребителями, он есть обмен на доход.*

Торговый капитал есть не что иное, как капитал, который функционирует в сфере обращения. Процесс обращения есть фаза совокупного процесса воспроизводства. Но в процессе обращения стоимость не производится, следовательно, не производится и прибавочная стоимость. Происходят лишь изменения формы *одной и той же величины стоимости.* На деле происходит лишь метаморфоз товара, который не имеет никакого отношения к созданию стоимости или изменению стоимости как таковым. Если при продаже товара реализуется прибавочная стоимость, то только потому, что последняя уже существует в товаре; поэтому при втором акте, при обратном обмене денежного капитала на товар, не реализуется никакой прибавочной стоимости (но здесь лишь [подготовляется производство прибавочной стоимости] [258] посредством обмена денег на труд). Наоборот, поскольку этот метаморфоз сто̀ит времени обращения — времени, в течение которого капитал не производит, следовательно, не производит и прибавочной стоимости, — он представляет собой ограничение созидания стоимости, а прибавочная стоимость в качестве нормы прибыли выражается как раз в обратном отношении к продолжительности времени обращения. *Торговый капитал* не создает поэтому ни стоимости, ни прибавочной стоимости. То есть не создает их непосредственно. В той мере, в какой он содействует сокращению времени обращения и вообще опосредствует тот метаморфоз, без которого капитал не может вновь начать свой процесс производства, он выполняет необходимую для капиталистического производства функцию и может косвенно *помочь увеличить создаваемую производитель-*

ным капиталом прибавочную стоимость, или, по меньшей мере, представить ее как более высокую норму прибыли, или осуществить то и другое одновременно. Поскольку торговый капитал помогает расширить рынок и опосредствует разделение труда между капиталами, — следовательно, дает также возможность отдельному капиталу работать в большем масштабе, — его функционирование способствует повышению производительности производительного капитала и процессу накопления, обратному превращению прибыли в производительный капитал. Поскольку он сокращает время обращения, он повышает отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу, следовательно, норму прибыли. Поскольку, наконец, меньшую часть капитала (денежного капитала) он закрепляет в сфере обращения товаров, в процессе обращения капитала (в той мере, в какой этот процесс обращения исключает обмен между капиталом и рабочей силой), он увеличивает вложенную непосредственно в производство часть капитала. Но, как сказано, поскольку он влияет на величину стоимости как таковую и на отношение прибавочной стоимости к авансированной стоимости, он делает это только косвенно, посредством своего воздействия на производительный капитал. Сам он внутри сферы обращения, единственной сферы, где он функционирует, не создает стоимости или прибавочной стоимости, кроме той, которая притекает из сферы непосредственного производства в сферу обращения. Следовательно, *прибыль,* приносимая *торговым капиталом,* есть просто часть прибавочной стоимости, которую создает совокупный производительный капитал, ее соответственная часть, которая достается торговому капиталу. То, на что он обменивается, будь это капитал или деньги, представляющие собой доход, прибыль (процент), ренту, заработную плату, это готовые величины стоимости, которые в этом обмене остаются теми же, что и были. Однако не только прибыль торгового капитала проистекает не из его собственного источника, а [XV—972] есть лишь перемещение прибавочной стоимости, которую произвел, выжал производительный капитал, но и сам он сохраняется *как капитал* только в результате постоянного возобновления процесса производства. Последнее обстоятельство содержится, однако, уже в том, что *торговый капитал* фактически есть не что иное, как *производительный капитал* в его же сфере обращения, наряду с которым он только потому выступает как *различимый* и *отличный* от него торговый капитал, что та часть производительного капитала, которая в качестве обращающегося денежного капитала постоянно должна была бы находиться в руках промышленного капиталиста, теперь, в весьма умень-

шенном масштабе, находится в руках *особой группы капиталистов,* которая функционирует вне собственно процесса производства.

Хотя *торговый капитал* и не функционирует в собственно процессе производства, но он функционирует в процессе воспроизводства товара, особый отдел которого образует процесс обращения. Подобно тому как промышленный капиталист является агентом капиталистического производства, или персонификацией производительного капитала, точно так же купец является агентом капиталистического обращения, фактической персонификацией обращающегося капитала. Но всякий капитал, занятый в процессе производства или процессе воспроизводства, выполняющий какую-либо необходимую функцию капитала, получает pro rata * своей величине часть прибавочной стоимости, произведенной совокупным капиталом за определенный период, следовательно, например, за год. Стало быть, и *торговый капитал* также получает ее, хотя он не имеет никакого отношения к непосредственному производству этой прибавочной стоимости, а, стало быть, также и к непосредственной эксплуатации рабочего. (Поскольку розничный торговец и т. д. эксплуатирует рабочего, он эксплуатирует его как продавец покупателя. Этот грабеж, надувательство, которых мы здесь вообще не касаемся, не являются формой, присущей капиталистическому производству как таковому.) Подобно тому как производительный капитал в 1 000, хотя он, быть может, применяет только $^1/_3$ того количества рабочих, которое применяет другой капитал в 1 000, и, возможно, оборачивается только один раз, тогда как другой капитал оборачивается 4 раза в год, следовательно, имеет более продолжительное время обращения и применяет меньше переменного капитала, приносит такую же среднюю прибыль, точно так же обстоит дело и с *торговым капиталом.* Здесь дело заключается лишь в величине авансированного капитала и в функционировании этого капитала каким бы то ни было способом в течение определенного периода, скажем, одного года. Но так как специфическая производительность капитала как капитала состоит в том, чтобы производить прибыль, и так как торговый капитал производит ту же самую среднюю прибыль, что и промышленный капитал (процент + торговая прибыль = процент + промышленная прибыль), то *торговый капитал выступает* не как *особый вид капитала* наряду с производительным капиталом, а как *особый вид производительного капитала,* лишь как одна из *особых* сфер,

* — пропорционально. *Ред.*

в которой последний размещается и функционирует. Поэтому в качестве сосуществующих видов производительного капитала мы находим капитал в добывающей промышленности, сельскохозяйственном производстве, обрабатывающей промышленности, транспортной индустрии, торговой индустрии. Кажется, будто торговый капитал отличается от других сфер производительного капитала только вещественно, то ли особым родом создаваемой им потребительной стоимости (как горнодобывающая промышленность и сельскохозяйственное производство), то ли особым способом дальнейшего изменения потребительной стоимости (как обрабатывающая промышленность и транспортная индустрия). Но торговый капитал представляет собой не особую сферу производительного капитала, а сферу капитала, отделенную от сфер производительного капитала. Торговый капитал имеет отношение не к потребительной стоимости как таковой, а только к обмену этих потребительных стоимостей, точно так же как он не имеет отношения к меновой стоимости, а только к изменениям ее формы. Напротив, торговый капитал располагается в одной сфере с *денежным капиталом*. Торговля товарами и торговля деньгами — это части совокупного капитала, принадлежащие двум особым сферам или функциям процесса обращения. Так как такие крупные экономисты, как Смит, Рикардо и другие, правильно рассматривают основную форму капитала, производительный капитал, а обращающийся капитал фактически лишь в той мере, в какой он сам есть фаза процесса воспроизводства капитала, то они оказываются в затруднительном положении с *торговым капиталом* как особым видом капитала. Выведенные непосредственно из рассмотрения производительного капитала положения относительно прибыли и т. д. не подходят непосредственно к торговому капиталу. Поэтому фактически они совершенно оставляют его в стороне и лишь en passant * упоминают о нем как о разновидности производительного капитала. Там, где они специально говорят о нем, как, например, Рикардо при рассмотрении *внешней торговли*, они пытаются доказать, [XV—973] что он не создает стоимости, а следовательно, и прибавочной стоимости. Но то, что относится к внешней торговле, относится и к внутренней. Простой акт обмена товаров, купля и продажа, предполагает товары как потребительные стоимости, которые имеют определенную цену, и не создает ни того ни другого [259].

---

* — мимоходом. *Ред.*

С другой стороны, так как *торговый капитал* есть исторически первый свободный способ существования капитала и как таковой выступает по отношению к цеховому и феодальному, мелкому бюргерскому и крестьянскому производству, то монетарная и меркантилистская системы считали его основной формой капитала, из которой они выводили свои представления о прибавочной стоимости и прибыли. Прибыль от отчуждения [260]. Купец действительно извлекает свою прибыль из обращения и получает ее в акте обращения. Но он извлекает только то, что уже существует в нем; он просто присваивает часть прибавочной стоимости, которая уже заключена в товаре, и таким образом делит ее с собратьями-капиталистами. Так как для купца прибавочная стоимость возникает из обращения, то кажется, что она и сама по себе возникает из обращения.

Если бы торговый капитал приносил более высокую среднюю норму прибыли, чем промышленный капитал, то часть промышленного капитала превратилась бы в торговый. Если бы он приносил более низкую среднюю норму прибыли, то имел бы место обратный процесс: часть торгового капитала превратилась бы в промышленный капитал. Никакой другой капитал не обладает большей легкостью менять свое определение, сферу своего функционирования.

Вопрос теперь состоит в следующем: ка̀к торговый капитал присваивает причитающуюся ему норму прибавочной стоимости или прибыли? Очевидное явление заключается в том, что он добавляет среднюю норму прибыли к цене товара. Мы видели [261], что цена производства единицы товара или — для всего капитала — каждой *отдельной* сферы производства отлична от стоимости товара; может быть равна ей, может быть больше или меньше. Но сумма цен производства товаров равна сумме их стоимостей. Если, следовательно, та средняя цена, по которой каждый промышленный капиталист продает свой товар купцу, равна цене производства его товара, то сумма цен товаров, которую платит торговый капитал, равна сумме стоимостей. А если взять торговый капитал в целом, то стоимость товаров составляла бы *издержки производства* или *покупную цену*. А так как прибыль торгового капитала равна разности между покупной ценой и продажной ценой, то он продавал бы все товары *выше* их стоимости. Для каждого отдельного товара его *цена производства* была бы издержками производства торгового капитала, который продавал бы этот товар выше его цены производства. Для всех товаров вместе взятых это было бы тождественно тому, что он продавал бы их *выше их стоимости*. Его прибыль —

если взять торговый капитал в целом — возникала бы вследствие того, что он покупает товары по их стоимости, а продает выше их стоимости. Посредством этой операции часть прибавочной стоимости (часть прибыли) или часть товара, в котором она представлена, прилипала бы к его рукам. Если я покупаю, например, аршин [ситца] за 2 шилл., а продаю его за 2 шилл. $2^2/_5$ пенса, то это то же самое, как если бы я продавал только $^{10}/_{11}$ аршина за 2 шилл. и присваивал себе либо $^1/_{11}$ аршина, либо его цену, равную $^2/_{10}$ шилл. Однако я достигаю этого только тем, что покупатель платит за аршин ситца столько, сколько стоят $1 + {}^1/_{10}$ аршина. Это — *окольный путь* участия в прибавочной стоимости. *Или же* та цена производства, по которой продает промышленный капитал, не равна действительной цене производства товара, а равна его цене производства минус та часть прибыли, которая приходится на долю купца. В этом случае цена производства товара равна его издержкам производства + промышленная прибыль (включая процент) + торговая прибыль. Так же как промышленный капитал в обращении только реализует прибыль, которая в качестве прибавочной стоимости уже находится в товарах {хотя для отдельного капитала та доля прибыли, которую он реализует, отличается от той доли прибавочной стоимости, которую создает этот специфический капитал}, так торговый капитал реализовал бы здесь прибыль только потому, что вся прибавочная стоимость *еще не* реализована в реализованной промышленным капиталом цене товара. Продажная цена торгового капитала выше покупной цены не [потому, что она] * выше стоимости совокупной массы товаров, а потому, что в его покупной цене реализована *стоимость* — [а именно, в] * прибавочной стоимости — часть, причитающаяся купцу. [XV—973] [262]

* * *

[XVII—1 029] [263] Итак, *торговый капитал* участвует в сведении прибавочной стоимости к средней прибыли (хотя он не участвует в производстве *этой прибавочной стоимости),* и поэтому *средняя норма прибыли* уже заключает в себе вычет из прибавочной стоимости, приходящийся на долю торгового капитала, следовательно, торговую скидку с прибыли производительного капитала.

---

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

Например, *капитал в добывающей*		*Прибавочная стоимость*
промышленности	200	30
земледельческий капитал	300	45
капитал в обрабатывающей промышленности	200	25
торговый капитал	100	
	800	100

Если торговый капитал участвует здесь в распределении прибавочной стоимости, то норма прибыли равна $12^1/_2\%$; если не участвует, то она равна $14^2/_7\%$. Торговый капитал в 100 ф. ст. должен обернуться 8 раз, для того чтобы купить и продать товар на сумму в 800 (ибо стоимость товара равна 700 (издержки производства) + 100 (прибыль) = 800). А поэтому для того чтобы он также приносил $14^2/_7\%$, при каждом обороте надо набавлять восьмую часть от $14^2/_7$, или $1 + {}^3/_4 + {}^1/_{28} = (1 + {}^{11}/_{14})\%$. Из капитала в 800 подлежали бы вычету $14^2/_7$. Оставалось бы, следовательно, $785^5/_7$. И та действительная прибыль, которую принес капитал в 700, была бы равна $85^5/_7 = 12^{12}/_{49}\%$, т. е. меньше, чем получалось бы при участии [торгового капитала] в распределении [прибавочной стоимости], потому что [если] в действительности торговый капитал принес бы прибыль, равную $14^2/_7\%$, то другой капитал, наоборот, должен был бы довольствоваться той долей, которая остается после того, как $^1/_8$ капитала приносит $14^2/_7\%$. Однако в действительности, если для оборота капитала в $781^1/_2$ ф. ст. (при [норме прибыли в] $12^1/_2\%$) необходим торговый капитал в 100, то для оборота капитала в 800 был бы необходим более значительный торговый капитал, т. е. необходим был бы капитал в $102^{574}/_{1563}$. Большее количество промышленного капитала должно было бы превратиться в торговый капитал. Вследствие этого уменьшилась бы масса прибавочной стоимости, а поэтому уменьшилась бы и норма прибыли, но норма торговой прибыли всегда оставалась бы несколько более высокой, чем норма промышленной прибыли.

Если фабрикант ситца в той 1 000 ф. ст., за которую он продает 12 000 аршин ситца, реализовал всю цену производства этих 12 000 аршин, то ему сначала как будто совсем нет дела до того, что купец набавляет к цене, например, 10%. Но прежде всего, коль скоро фабрикант покупает пряжу, машину, уголь и т. д., он должен будет в свою очередь купить и надбавку. [Во-вторых,] если ситец входит в потребление рабочего, то его заработная плата повышается. В обоих случаях падает норма

прибыли фабриканта ситца. Если его продукт входит в постоянный капитал какого-либо другого капитала, то для выравнивания нормы прибыли это то же самое, как если бы он входил в его собственный капитал. Далее, с номинальным повышением нормы прибыли повышается — без возмещения — норма процента. Если продукт входит в потребление нерабочего, то уменьшается способность фабриканта к накоплению и т. д.

[XVII—1 030] Однако весь этот способ понимания неверен.

Во-первых, он противоречит тому историческому факту, что торговый капитал не только не исключается из участия в регулировании средней прибыли, но, более того, как первая свободная форма капитала первым входит в процесс образования средней прибыли. Первоначально торговая прибыль определяет прибыль производительного капитала. И лишь после того как внедрилось капиталистическое производство, а производитель сам стал купцом, торговая прибыль сводится к соответственной части прибавочной стоимости, приходящейся на торговый капитал в зависимости от той соответственной части, которую он составляет по отношению ко всему капиталу.

Во-вторых, этот способ понимания вообще противоречит понятию общей нормы прибыли, для которого совершенно безразлична *особая функция* капитала, участвующего в распределении общей массы прибавочной стоимости, как безразлична и та степень, в какой он содействует ее производству.

Следовательно, выясняется, что даже торговый капитал, как только он выступает просто как элемент капиталистического производства, подчиняется последнему, не противоречит закону, согласно которому сумма средних цен товаров, т. е. сумма их цен производства равна сумме их стоимостей, а сумма *прибылей* (включая процент и ренту) равна сумме прибавочной стоимости или неоплаченного прибавочного труда. Только торговый капитал участвует в дележе прибыли с производительным капиталом, тогда как последний прямо выколачивает ее из рабочего в форме прибавочной стоимости.

Величина торговой прибыли, которая вычитается из прибыли, т. е. величина разности между покупной ценой купца (продажной ценой производителя) и продажной ценой купца (покупной ценой потребителя), стало быть, кажущаяся «надбавка» купца к цене единицы товара определяется — так как общая норма прибыли дана — средним числом оборотов, циклов торгового капитала, что в свою очередь выражается в той пропорции, в которой торговый капитал находится к совокупному капиталу. Для того чтобы, например, [торговый капитал в] 100 реализовал прибыль в 20%, купец должен на каждую

товарную сумму ценой в 100 ф. ст. накинуть 5%, если его капитал оборачивается 4 раза; 4%, если он оборачивается 5 раз; 2%, если он оборачивается 10 раз. Разность между покупной ценой и продажной ценой купца тем меньше, чем больше доля непосредственно участвующей в производстве части капитала.

[6) ИЗДЕРЖКИ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА. НАЕМНЫЙ ТРУД В ТОРГОВЛЕ. ТОРГОВЛЯ ДЕНЬГАМИ]

Теперь остается выяснить еще такой вопрос: так как купец помимо своего капитала сам может применять труд {в той мере, в какой затрачивается собственный труд купца, он составляет часть заработной платы, как и у промышленного капиталиста}, то производит ли он посредством этого труда прибавочную стоимость? Возникает ли та часть прибыли, которую он получает, непосредственно в результате функционирования его собственного капитала? Каково отношение купца к *своим* наемным рабочим (приказчикам и т. д.)?

Совершенно так же как производительный капиталист получает прибыль вследствие того, что он продает содержащийся в товаре труд, который он не оплатил, так и *торговый капитал* получает прибыль вследствие того, что оплачивает производительному капиталу не *весь неоплаченный труд*, содержащийся в товаре (в товаре как продукте капитала, как соответственной части совокупного капитала), а только часть его, однако продает [весь] этот содержащийся в товаре *неоплаченный труд* [264]. Так же как для промышленного капитала та часть стоимости, которую он не затратил в производстве, не авансировал, выступает как избыток, надбавка к издержкам, так и для торгового капитала покупная цена товара и надбавка к цене, разность между продажной и покупной ценой, выступают как акция, независимая от цены производства и стоимости самого товара, хотя *степень* этой разности соразмерна и ограничена законами конкуренции.

Следовательно, если мы возьмем конечную цену, торговую цену, — в отличие от фабричной цены, — то только в ней полностью выражена цена производства товара.

Если мы оставим в стороне промежуточные сделки в среде самого купечества, сделки, не представляющие здесь никакого интереса, то купец продает 1) промышленным потребителям, т. е. производительным капиталистам; здесь торговая прибыль входит в производство как издержки; 2) индивидуальным потребителям, и поскольку он сам принадлежит к ним, то это надо рассматривать как прямое присвоение им части своей прибыли

sub specie * потребительной стоимости, а [XVII—1 031] то, что он таким образом проедает сам, есть вычет из того количества товара, в котором реализуется совокупная прибавочная стоимость; таким образом, то, что продается купцом промышленному капиталисту — на прибыль и процент, — в обеих категориях выступает как прямой вычет из прибавочной стоимости; продажа рабочему есть продажа на переменный капитал. Наконец, имеет место продажа получателю земельной ренты.

Для производительного капиталиста купец уменьшает *число покупателей*. Для потребителей купец уменьшает *число продавцов*. По отношению к промышленникам он концентрирует в немногих лицах потребителей; по отношению к потребителям он концентрирует в немногих лицах производителей. Следовательно, купец обеспечивает значительное сокращение этого процесса обмена или потери времени на труд и т. д., обусловленной только лишь обращением. Функция чисто купеческого капитала, отделенная от упоминавшегося выше ** продолжения производительных операций в процессе обращения, таких, как перевозка и т. д., сводится только лишь к купле и продаже. При развитом капиталистическом производстве и развитом разделении труда мы также находим торговый капитал, функционирующий в определенной сфере, в чистом виде, не переплетенный с другими операциями. Например, отправка и транспортировка касаются его лишь в той мере, в какой они как статьи издержек товара — составные части его цены — входят в его покупную цену. То же относится к платежам за хранение на складе, которые опять-таки достаются другому капиталу, вложенному в портовые сооружения и т. д. Наконец, розничная торговля касается не его, а другого разряда купцов.

Просто купля и продажа требуют от купца издержек, помимо того капитала, который должен быть непосредственно авансирован, который, следовательно, имеет форму денежного капитала или товарного капитала; а именно, речь идет о той части капитала, которая ему действительно принадлежит. Во-первых, сама купля и продажа; то время, которого стóит *этот* вид труда (функция); переписка, учет, бухгалтерия, дорожные издержки, издержки на переписку и т. д. А при более значительном капитале — конторщики, ученики, которые работают на купца; наконец, его контора. То, что он затрачивает на это дерьмо в виде своего собственного труда, может быть вычтено из прибыли, как и при любом другом виде капитала. Вызываемые всем этим

* — под видом. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 373—385. *Ред.*

расходы составляют вторую часть капитала, которая непосредственно не вкладывается в товары. Это — издержки, которые вызываются куплей и продажей, помимо той части капитала, которая прямо привлечена к выполнению этой функции. И на эту часть капитала купец накидывает ту же самую прибыль, что и на другую, т. е. цена товара должна не только возместить ему эти издержки, но и принести прибыль на них. Все это, следовательно, входит как элемент в ту *надбавку*, которую купец делает к цене товара, или в избыток продажной цены над покупной ценой. Этот избыток, стало быть, погашает некоторую *часть издержек*, которые вырастают из самой операции купли и продажи и для купца в какой-то мере входят в покупную цену товара, хотя он не должен выплачивать их продавцу, а должен авансировать их сам.

Эти издержки обращения, или издержки чисто купеческого капитала, распадаются на незначительную часть, которая происходит из потребления самих *товаров*, — следовательно, например, дорожные издержки, почтовые расходы, [затраты на] бумагу, чернила, контору и т. д., — и на более значительную часть, которая состоит в *оплате чужого труда*, формально являющегося *наемным трудом*, так как он прямо обменивается на капитал и обменивается на него только в процессе его воспроизводства. Оба вида издержек обращения встречаются отчасти у самого̀ производительного капитала (его торговые или канцелярские расходы), *так как обращение и есть его собственный процесс*. Напротив, у купеческого капитала издержки обращения становятся самостоятельными. Там контора существует наряду с фабрикой, рудником, фермой и т. д. Здесь — со своими расходами — она существует как таковая.

Эти затраты сделаны не в самом процессе производства товара, т. е. не в процессе труда, необходимом для того, чтобы произвести его *потребительную стоимость*, а в обращении или для обращения товаров; они необходимы для того, чтобы *реализовать* товары как *стоимость*; они необходимы для процесса воспроизводства товара. Товар есть единство меновой стоимости и потребительной стоимости; но он есть потребительная стоимость, [XVII—1 032] меновая стоимость которой существует идеально, лишь как цена, и еще только должна быть реализована. Поскольку эта реализация требует издержек, они входят в издержки воспроизводства товара, хотя и не в его непосредственные издержки производства. Эти издержки воспроизводства имеют место и без капиталистического производства, коль скоро производство является вообще товарным производством. Процесс обращения есть не только реализация

прибавочной стоимости, но он является таковым лишь в той мере, в какой он вместе с тем и прежде всего есть реализация *стоимости*.

Так как купеческий капитал есть абсолютно не что иное, как *ставшая самостоятельной форма* функционирующего в процессе обращения производительного капитала, то все касающиеся его вопросы должны решаться таким образом, чтобы проблема была поставлена сначала в той форме, в которой явления, свойственные торговому капиталу, выступали пока еще не самостоятельно, а как непосредственно связанные, находящиеся в непосредственной связи с производительным капиталом. В качестве *конторы*, в отличие от *фабрики*, производительный капитал функционирует постоянно в процессе обращения. Следовательно, контору, издержки на нее и отношение этих издержек к стоимости и прибавочной стоимости товаров следует рассматривать прежде всего там, где контора выступает как повернутая к обращению сторона самого̀ производительного капитала.

Конторские издержки прежде всего сводятся к плате за помещение, которая в свою очередь сама состоит из земельной ренты, процентов на вложенный в дом капитал, наконец, из ежегодных отчислений на возмещение этого капитала.

Рента есть всего лишь часть прибавочной стоимости; частью прибавочной стоимости является и процент. Капиталист сам не присваивает их; он уплачивает их другому капиталисту. Это нисколько не меняет дела. Они выступают для него как издержки. Но тем не менее они представляют собой вычеты из той прибавочной стоимости, которую создает рабочий. Эта часть издержек обращения сводится, следовательно, к тому, что производительный капитал должен уплачивать часть прибавочной стоимости в форме платы за наем помещения другому капиталисту и земельному собственнику.

Из платы за наем помещения для конторы только часть является реальным авансированием: подлежащее ежегодному возмещению изнашивание дома.

Далее идут конторские издержки, которые сводятся к бумаге, чернилам, перьям, почтовым маркам и жалованью конторщикам, коммивояжерам и т. д. Основной капитал, необходимый этим молодцам помимо исходного материала — бумаги и т. д., — сводится к изнашиванию помещения (к этой части платы за наем помещения) и к скудной меблировке, необходимой им, для того чтобы создать контору. Таковы те издержки, которые — в большем или меньшем размере, в зависимости от специфической природы своего дела — должен покрывать, оплачивать наличными производительный капиталист; издержки, образую

щие действительное авансирование капитала и не являющиеся скрытой прибавочной стоимостью, которая для одного, для того, кто должен ее оплачивать, выступает как издержки, а для другого, для того, кто ее получает, — как процент или рента, т. е. в форме прибавочной стоимости.

Эту часть авансированного капитала капиталист точно так же принимает в расчет при исчислении нормы прибыли, как и ту часть, которая авансирована на сырье, машины и т. д. Это — стоимости, которые уничтожаются и должны быть уничтожены не для того, чтобы произвести сам товар, т. е. потребительную стоимость товара, а для того, чтобы способствовать его обращению как товара; без них нельзя было бы воспроизвести товар, так как до своего воспроизводства он должен быть превращен в деньги, должен реализовать свою стоимость. Эти стоимости относятся к *faux frais* * производства, т. е. к издержкам воспроизводства, которые не являются издержками производства потребительной стоимости товара, а вытекают из его экономической формы как товара. Эти издержки всегда относительно очень незначительны по сравнению с действительными затратами на производство, и они тем незначительнее, чем бо̀льшими они кажутся, потому что они бросаются в глаза только там, где приводится в движение большой капитал, по отношению к которому они — вследствие своей концентрации — заметны, однако относительно они меньше, чем при небольшом капитале. Но мы здесь не касаемся количества. Мы имеем дело с качественной определенностью.

Во всяком случае эти затраты имеют ту особенность, отличающую их от собственно издержек производства, что в то время как норма прибыли (здесь она равна норме прибавочной стоимости, так как мы оставляем в стороне выравнивание) зависит в лучшем случае от издержек производства, здесь, наоборот, издержки пропорциональны массе прибыли. Если предприятие небольшое, если, следовательно, масса прибыли мала, то конторские издержки минимальны, так как производитель чуть ли не сам может обслуживать контору. Если предприятие велико, если, следовательно, велика масса прибыли, то конторские издержки растут и побуждают к какому-то разделению труда. *В какой мере эти издержки связаны с прибылью, обнаруживается, например, в том*, что при их возрастании часть заработной платы уплачивается из процентного отчисления от прибыли. Поскольку заработная плата принимает эту форму, указанная часть конторских издержек сводится к вычету из при-

* — *побочным издержкам. Ред.*

были капиталиста, вычету, который тем не менее оставляет ему среднюю норму, так как он *производит при более благоприятных условиях, чем средние условия производства.*

Этот момент, стало быть, также следует исключить из рассмотрения.

Во всяком случае эти конторские издержки — поскольку они не состоят из труда самого капиталиста и должны быть оплачены, требуют авансирования — входят в это авансирование. Они входят в цену товара, и [XVII—1 033] для того чтобы товары могли воспроизводиться, часть их стоимости должна быть превращена в — следовательно, часть самого товара должна быть обменена на — контору, перья, чернила, бумагу, заработную плату конторщиков и т. д. Так как эти затраты ничего не добавляют к потребительной стоимости товара, ибо они представляют собой затраты, которые не входят в непосредственный процесс производства, то капиталист стремится по возможности ограничить их. Они принадлежат, поскольку реализуется *та часть стоимости* товара, которая сводится к заработной плате, к условиям производства самого труда, производящего *товар* (если бы даже не было никакого капиталиста), следовательно, к условиям воспроизводства заработной платы, к условиям труда. Поэтому часть годичного труда страны занята воспроизводством этих условий. Поэтому рабочий должен воспроизводить их как *капитал*, если и не как прибыль. Поскольку они требуются, для того чтобы воспроизводить *часть стоимости* тех товаров, которые представляют прибавочную стоимость, они не касаются рабочего как такового. При всех обстоятельствах, в качестве затрат, которые постоянно должны воспроизводиться, они постольку уменьшают *норму прибыли* и *массу прибыли*, поскольку эта часть капитала не может быть израсходована на сырье, заработную плату и т. д.

Единственный вопрос, который при этом возникает, состоит в следующем: конторщики и другие сотрудники конторы формально являются наемными рабочими; они непосредственно продают капиталу свою рабочую силу; производит ли в таком случае производительный капиталист прибыль, выколачивает ли он непосредственно прибавочную стоимость из этого разряда наемных рабочих или нет? Входит ли их труд в стоимость товара и каким образом? Здесь, и это надо подчеркнуть, речь идет не о надсмотрщиках, управляющих, которые участвуют в акте производства как его руководители, а о чисто торговых рабочих, которые имеют дело только с реализацией стоимости товара и с такими видами труда, которые проистекают из процесса обращения товара.

Конторщики сходны с наемными рабочими прежде всего в следующем: если, например, среди них вводится разделение труда, тогда то же самое их количество выполняет больше труда. Но свою заработную плату они получают каждый в отдельности. Она не находится ни в каком отношении к производительности их труда. Напротив, общественный характер их труда выступает по отношению к ним как производительная сила капитала и как форма, принадлежащая самому капиталу.

Далее, чем интенсивнее или продолжительнее их рабочий день, тем меньшее их количество требуется капиталисту, тем выше его *норма прибыли*, которая приходится на данную соответственную часть капитала, например, на 100, тем меньше эта статья издержек и pro rata* тем больше уменьшается авансированный капитал по отношению к прибавочной стоимости. Тем больше *масса прибыли*, так как бо̀льшая часть капитала может быть непосредственно израсходована производительно.

Каково отношение рабочего к непосредственному *производству*, таково отношение конторщика к непосредственному *воспроизводству* чужого богатства. Его труд, как и труд рабочего, есть только средство для воспроизводства капитала как господствующей над ним силы, и вместе с тем, подобно тому как рабочий создает прибавочную стоимость, так конторщик занят тем, что помогает реализовать ее, но не для себя, а для капитала.

Но между этими торговыми рабочими и находящимися в процессе производства наемными рабочими остается всегда следующее различие: чем больше труда капиталист выколачивает из наемных рабочих, тем больше его прибавочная стоимость. Чем больше они доставляют неоплаченного труда, тем больше они производят подлежащей продаже, но неоплаченной стоимости. И чем больше то количество рабочих, которое применяется на данной ступени производства, тем больше масса прибавочной стоимости. Вообще прибавочная стоимость может быть создана только трудом, реализация которого зависит от его количества, абстрагируясь от того, оплачен он или не оплачен. Для торговых наемных рабочих, наоборот: стоимость, которую они добавляют к товару, никогда не больше того, чего они сами сто̀ят. Эта стоимость зависит не от их труда, а от стоимости их рабочей силы. Капиталист может выколачивать из них прибавочную стоимость лишь в той мере, в какой он оплачивает их рабочую силу ниже ее стоимости, однако в статьях издержек учитывает ее по ее стоимости. Здесь, где мы постоянно предполагаем, что

* — соответственно. *Ред.*

стоимости оплачиваются, этот случай не подходит. Чем меньше капиталист платит торговому рабочему, т. е. чем больше он его заставляет работать за ту же самую цену, тем *меньше* его издержки. Это означает, что тем меньших издержек стòит ему реализация прибавочной стоимости. Однако сама прибавочная стоимость этим не затрагивается (только косвенно, поскольку бòльшая часть капитала может быть авансирована на производительные затраты). Поэтому увеличение количества этих рабочих как таковых и производится только в том случае, когда нужно реализовать больше стоимости и прибавочной стоимости, следовательно, когда требуется больше этого рода труда. Это увеличение всегда есть следствие и никогда не является причиной увеличения прибавочной стоимости.

Кроме того, этот торговый рабочий имеет еще и то общее с собственно наемным рабочим, что то, чтò ему выплачивается, есть стоимость, издержки воспроизводства его особой рабочей силы, которая дороже, чем рабочая сила [собственно] наемного рабочего (впрочем, это в значительной степени зависит от конкуренции; к тому же [рабочая сила торгового рабочего] становится все дешевле с прогрессом цивилизации). С развитием капиталистического производства — и, следовательно, цивилизации — эта рабочая сила падает в цене, издержки ее воспроизводства становятся дешевле, 1) так как происходит разделение труда, и поэтому [XVII—1 034] должна производиться более односторонняя способность, часть издержек производства которой ничего не стоит капиталисту, но которая — так же как это имеет место с мастерством рабочего — развивается посредством самой функции, и развивается тем быстрее, чем одностороннее она становится в процессе разделения труда; 2) так как подготовка, знания и т. д., чтение, письмо, счет и вообще торговые знания, знание языков и т. д. с прогрессом науки воспроизводятся все быстрее и легче, в более широком масштабе и дешевле, воспроизводятся тем в большей степени, чем более господствующим становится капиталистический способ производства и чем более поэтому *наука и методы обучения направляются по пути их практического использования*; 3) [так как] всеобщее распространение народного образования позволяет набирать этот разряд рабочих из тех классов, которые прежде были лишены его, привыкли к худшим условиям жизни. Стало быть, с развитием капиталистического производства рабочая сила этих людей, их заработная плата, обесценивается, между тем как их способность к труду увеличивается, отчасти в результате лучшей подготовки, большего мастерства вследствие увеличившегося разделения труда и наследования традиции. Точно так же

совершенствуются и вспомогательные средства этого труда, а именно, все нужные в торговом деле книги учета и т. д., бухгалтерское искусство и т. д.

Однако то рабочее время, в течение которого эти люди должны работать, не находится ни в какой связи с рабочим временем, требующимся для воспроизводства их рабочей силы. Весь тот труд, который они выполняют сверх этого, есть неоплаченное рабочее время, которое капитал присваивает себе без эквивалента. В противном случае, т. е. если бы в обмен на оплачиваемую им стоимость этой рабочей силы он получал бы только эквивалент, его издержки очень увеличились бы, а его норма прибыли очень уменьшилась бы. Но каково бы ни было отношение неоплаченного рабочего времени, которое эта категория рабочих отдает капиталу, к оплаченному рабочему времени, этот неоплаченный труд никогда не увеличивает стоимости товара и поэтому не присоединяет к нему никакой прибавочной стоимости. Он лишь уменьшает затраты на реализацию стоимости, следовательно, уменьшает отношение авансированного капитала к прибавочной стоимости, повышает поэтому норму прибыли в той же самой пропорции, в какой он не оплачивается и в какой в издержки производства не входит за него никакого эквивалента. Он никогда не присоединяет к стоимости товара больше, чем свою собственную стоимость, следовательно, никогда не прибавляет больше, чем он сто̀ит, на сколько бы издержки на него ни были меньше того рабочего времени, в течение которого он действует. Если бы капиталист мог свести этот труд к нулю, то норма прибыли и масса прибыли были бы значительно выше. Если бы, наоборот, к нулю был сведен (собственно) наемный труд, то отпали бы прибыль и сам капитал с прибавочной стоимостью.

Повернутая к обращению сторона капитала представляется, следовательно, двоякой: [как товарный капитал, который постоянно должен продавать, и] как денежный капитал, который всегда должен покупать. У торгового капитала это приобретает самостоятельность в качестве капитала, постоянно находящегося в обращении, попеременно принимающего форму товара и денег, а также постоянно существующего — хотя в различной пропорции в различное время — одновременно в обеих формах.

Однако производительный капитал не только принимает в процессе обращения попеременно форму товара и денег, и его функция выступает таким образом как функция продажи и купли; он не только должен в целях непрерывности процесса производства постоянно представлять собой определенное количество обращающегося капитала, состоящего из денег. Купля

и продажа требуют труда, и этот труд вызывает издержки, издержки обращения. Последние представлены в [существующей] наряду с собственно фабрикой конторе и в издержках на нее, которые сводятся отчасти к потреблению товаров, для того чтобы выполнить работу, [вызванную] обращением, отчасти к заработной плате рабочим, которые заняты только теми функциями, которые вытекают из процесса обращения товара; отчасти реализацией его стоимости, отчасти обратным превращением реализованной стоимости в условия производства, или, касаясь чисто формальной стороны, заняты продажей и куплей. Товары продаются для реализации их стоимости, покупаются (производительным капиталом) для воспроизводства, для начала или возобновления промышленного потребления. Эта часть авансированного капитала не существует, например, у фермера; она едва заметна у мелкого промышленника, получает заметную форму в крупной промышленности, но самостоятельно она выступает — как и все определенности, принадлежащие производительному капиталу как капиталу, находящемуся в обращении, — в *торговом капитале*. Кроме той части торгового капитала, которая функционирует как товар или деньги, другая часть авансируется в виде *конторских издержек* и заработной платы конторских служащих, функционирующих как в конторе, так и за ее стенами. *Контора есть единственная фабрика торгового капитала*. Примененная таким образом часть капитала выступает у крупного купца много большей, чем у промышленника, так как помимо собственных торговых контор, которые связаны с каждой подлинной фабрикой, *та часть производительного капитала, которая должна была бы быть применена таким образом всем классом производительных капиталистов, концентрируется в руках отдельных купцов, которые берут на себя как продолжение функции обращения, так и вырастающие из этого продолжения дальнейшие издержки обращения*. К этой части торгового капитала относится то же, что и к другой. Каждый отдельный торговый капитал функционирует вместо определенной массы производительного капитала, а весь израсходованный таким образом торговый капитал замещает тот капитал, который должен был бы применяться в этой форме всем [XVII—1 035] производительным классом, и замещает его уменьшенным количеством, так как в результате разделения и концентрации труда уменьшается сумма этих издержек обращения. Именно в результате этого торговый капитал увеличивает применяемый в самом производстве капитал и таким образом косвенно увеличивает производительную силу и массу производительного капитала.

Поскольку эти издержки входят в функцию торгового капитала, они как таковые, конечно, не образуют никакой части его прибыли. Как мы видим это непосредственно у производительного капитала, они входят в цену товара в качестве авансированного капитала, издержек производства. Поскольку эти издержки реализации цены (продажа) или превращения стоимости в товар (купля), поскольку эти издержки обращения входят в разность между торговой, продажной, ценой и покупной ценой, — эта часть разности не образует никакой прибыли и не является частью прибавочной стоимости, а есть всего лишь воспроизводство авансированного капитала. Если, следовательно, мы говорим о торговой прибыли, то она есть часть этих затрат, т. е. та часть, которая должна быть вычтена из продажной цены или, вернее, из разности между продажной и покупной ценой.

Однако существует значительное различие между отношением торгового капитала к его торговым наемным рабочим и такого же рода отношением между производительным капиталом и его торговыми служащими и т. д.

Прежде всего само собой разумеется, что подобно тому как функционирование торгового капитала (точно так же как и торговой части производительного капитала) вообще не создает никакой прибавочной стоимости, так и применяемые им рабочие не создают никакой прибавочной стоимости. Издержки обращения постоянно увеличивают затраты капитала и постоянно уменьшают норму прибыли. Те товары, которые потребляются в обращении, изымаются из промышленного потребления так же, как и из индивидуального потребления, а выполняемый здесь труд является всегда вычетом из производительного труда.

Отношение *торгового капитала* к прибавочной стоимости иное, чем отношение *производительного капитала*. Первый присваивает себе часть прибавочной стоимости последнего, *переводит часть ее себе. Второй производит прибавочную стоимость путем непосредственной эксплуатации труда*, непосредственного присвоения чужого труда. Для производительного капитала издержки обращения *выступают* как издержки; для торгового капитала — как источник *его прибыли*, которая — предполагая общую норму прибыли — пропорциональна их величине. Поэтому вложение капитала в эти издержки обращения для торгового капитала есть производительное вложение. Следовательно, и торговый труд, который он покупает, является для него непосредственно производительным трудом. Только посредством своей функции реализации стоимостей торговый

капитал функционирует в процессе воспроизводства как капитал. Масса получаемой им прибыли зависит от той массы капитала, которую он может применить в этом процессе, а чем больше неоплаченный труд конторщиков, тем больший капитал он может применить (тем больший капитал он может применить в процессе купли и продажи). Но саму функцию, благодаря которой его капитал является воспроизводящим капиталом (а не просто капиталом, приносящим проценты), торговый капитал зачастую заставляет выполнять своих рабочих, которых он, однако, оплачивает как рабочую силу. *Неоплаченный* труд этих конторских служащих, хотя и не создает прибавочной стоимости, как и вообще не создает ее торговый капитал, однако создает *для последнего присвоение прибавочной стоимости*, — что для отдельного капитала совершенно одно и то же, — стало быть, является для него источником прибыли. В противном случае торговое дело никогда не могло бы вестись в крупном масштабе, капиталистически [265]. Отношение купца к его «служащим и т. д.», следовательно, более сходно с отношением производительного капитала к производительному наемному рабочему по сравнению с его отношением к служащим торговых контор при фабриках и т. д., хотя эксплуатация самих торговых рабочих в обоих случаях одна и та же.

Занятый в *денежной торговле* капитал есть особый вид торгового капитала наряду с капиталом, занятым в *товарной торговле;* один представляет собой развитие *товарного капитала*, другой — *развитие денежного капитала*, или один — развитие капитала как товара, другой — развитие капитала как денег. Оба представляют собой всего лишь *обособившиеся формы* и *способы существования производительного капитала*, находящегося в процессе обращения. Подобно тому как торговый капитал в качестве первой свободной формы капитала *существует* до производительного капитала, так денежная торговля и занятый в ней капитал (сюда относится также *денежный капитал*, капитал, приносящий проценты) предполагает только *купеческий капитал*, [XVII—1 036] стало быть, точно так же существует как форма капитала, *предшествующая* производительному капиталу.

Подобно тому как торговый капитал — в пределах капиталистического процесса воспроизводства — есть не что иное, как, с одной стороны, производительный капитал *вообще* в своем обращении *Т—Д—Т* (которое, однако, одновременно принимает некоторую специфическую форму, так как товар здесь есть капитал, *Д—Т′ Т″—Д*), в своей функции купли и продажи, или в движении совокупного метаморфоза, который он совер-

шает в своей сфере обращения, а с другой стороны, отделившаяся от производительного капитала, *обособившаяся* часть последнего, для которой сфера обращения есть свойственная ей сфера производства, — совершенно так же обстоит дело с капиталом, занятым в денежной торговле.

Обращающийся капитал (а обращается всякий капитал, также и основной капитал, поскольку его изнашивание входит в товар как составная часть стоимости) оседает в качестве денег при завершении цикла или выступает как его исходный пункт. Для той суммы стоимости, которой еще только предстоит превратиться в капитал, деньги в качестве исходного пункта выступают обособленно. Это имеет место лишь в случае *нового вложения капитала.* Но для капитала, уже находящегося в процессе обращения, а потому для капитала, находящегося в непрерывном цикле воспроизводства, *как конечный, так и исходный пункты* выступают *лишь как переходные пункты.* Поскольку капитал в период между пребыванием в сфере производства и своим возвращением в эту сферу должен проделать [метаморфоз] *Т—Д—Т′*, деньги фактически есть результат только одной фазы метаморфоза, для того чтобы [затем] быть исходным пунктом противоположной, дополняющей первую фазу. Однако капитал совершает акты *Т—Д* и *Д—Т* одновременно. Иными словами, дело обстоит не так, что один капитал находится только в стадии *Д—Т*, в то время как другой находится только в стадии *Т—Д*, но вследствие непрерывности процесса производства один и тот же капитал *в одно и то же время* постоянно покупает и постоянно продает. *В одно и то же время* капитал постоянно находится в обеих стадиях. В то время как одна его часть превращается в деньги, для того чтобы затем снова превратиться в товар, другая его часть в то же самое время превращается в товар, для того чтобы затем снова превратиться в деньги. От формы самого обмена товаров зависит, функционируют ли здесь деньги как средство обращения или как средство платежа, так что в последнем случае уплачивается балансовая разница, в первом же случае стоимость постоянно существует в двояком виде: на одном полюсе — как товар, на другом — как деньги. В обоих случаях, однако, капиталист постоянно должен выплачивать деньги (и *многим лицам;* производительный капиталист — многим купцам, купец — многим капиталистам и т. д.), для того чтобы постоянно получать денежные платежи. Эта всего лишь *техническая операция,* операция выплаты денег и приема денег, сама по себе составляет труд, который, поскольку деньги функционируют как средство платежа, делает необходимыми, после подведения баланса, акты вырав-

нивания. Этот труд есть одна из *издержек обращения.* Некоторая определенная часть капитала должна постоянно быть налицо как сокровище (как резерв монеты, т. е. резерв покупательных средств, и как платежный фонд, резерв для платежей), и некоторая часть капитала постоянно возвращается в указанной форме. Это делает необходимым, помимо выплаты и приема денег, *сохранение* указанного сокровища, что опять-таки является особой операцией. Следовательно, в действительности постоянное превращение сокровища в средства обращения и платежа и его образование вновь в виде денег, полученных при продаже или в виде платежа, которому наступил срок, — это постоянное движение постоянно существующей в качестве денег части капитала, движение, отделенное от самой функции, — это *техническое* движение порождает особый труд и издержки, *издержки обращения.* Разделение труда приводит к тому, что указанные технические операции, вытекающие из функций капитала, приходятся на долю определенных лиц, которые выполняют эти операции для всего класса капиталистов, и все это концентрируется в их руках. Здесь, так же как и у купеческого капитала, разделение труда имеет двоякий смысл. Указанные технические операции становятся особыми операциями, особым делом, а так как они становятся особым делом, выполняются для всего класса, то они концентрируются, ведутся в крупном масштабе, и внутри них имеет место разделение труда как путем расчленения на различные, независимые друг от друга отрасли, так и путем развития предприятий внутри этих отраслей. Некоторая часть находящегося в этом движении производительного капитала отделяется от него и занята только лишь в этих операциях — прежде всего сохранением денег, выплатой их, приемом, выравниванием балансов и т. д., — в операциях, отделенных от тех актов, которые делают необходимыми сами эти технические операции. Таков производительный капитал, обособившийся [XVII—1 037] в торговле деньгами.

Если, далее, мы рассмотрим процесс воспроизводства какого-либо отдельного капитала, то реализованная прибавочная стоимость возвращается в форме денег. Прибыль отчасти расходуется как доход, отчасти она должна быть вновь превращена в капитал. Процесс воспроизводства — это не только простой процесс воспроизводства, но и процесс накопления, воспроизводства в увеличившемся масштабе. Последнее проявляется отчасти как *накопление денег.* Может ли отдельный капиталист тотчас же вновь превратить в капитал свою существующую в форме денег прибыль, т. е. применить ее в своем процессе

воспроизводства, это зависит 1) от состояния рынка, которое, возможно, не допускает немедленного расширения определенного предприятия; 2) но также и от органического строения его производительного капитала, так как не всякая сумма [денег] тотчас же может быть превращена в производительный капитал, но это отчасти зависит от технологических условий (у меня может быть достаточно денег, для того чтобы расширить фабрику, и недостаточно для того, чтобы к имеющейся фабрике прибавить еще новую), отчасти от того, что указанная сумма должна быть достаточно велика, для того чтобы в соответствующих пропорциях разделить [ее между] переменным и постоянным капиталом. Пока это невозможно, деньги — праздно лежащее сокровище, а теперь — праздно лежащий капитал. Его сохранение есть дело торговца деньгами. Это — операция последнего, вытекающая из того момента капиталистического процесса накопления, который представляет собой прежде всего *накопление денег* (по крайней мере, частично). До тех пор пока капиталист не может вложить деньги в свое собственное предприятие, он стремится использовать это праздно лежащее сокровище как капитал, *приносящий проценты*, отдать его в ссуду. Эту операцию торговец деньгами выполняет для всего класса; *ссужать и брать деньги под проценты* — так же как выплачивать и получать их — становится особой функцией капитала, занятого в торговле деньгами, функцией, которая вытекает из самого процесса воспроизводства капитала. То, что прежде выступало как *концентрация* сокровищ, теперь выступает вместе с тем как концентрация *денег*, которые могут даваться в ссуду в качестве капитала.

В таком же положении находится капиталист, скопивший значительную сумму, но желающий тратить ее не как деньги, а как капитал, т. е. жить на проценты.

В таком же положении находятся и все *производительные капиталисты* в отношении даже той части прибыли, которую они расходуют как доход, но не сразу, а постепенно. Этот фонд потребления (собственно *монетный резерв*) может в промежутке отдаваться в ссуду как капитал и при всех обстоятельствах должен в определенных размерах накопляться в виде денег. Так же обстоит дело и с *получателем земельной ренты*, который, кроме того, часть своего дохода хочет использовать в качестве капитала, приносящего проценты. То же относится и ко всем непроизводительным работникам, доход которых отчасти капитализируется, отчасти постепенно проедается, но получается он более значительными частями в определенные сроки.

Все это в качестве капитала, который может быть отдан в ссуду, концентрируется у торговца деньгами, который помимо этого сам ссужает деньги и должен иметь наготове определенный фонд, для того чтобы всегда быть в состоянии заплатить. Функция его особого капитала есть лишь обособившаяся форма тех процессов, которые вытекают из процесса воспроизводства капитала (превращения прибыли в капитал), отчасти из формы обращения, из того, что вновь появляющийся капитал выступает в форме денег. Торговец деньгами ссужает и берет деньги под проценты для целого класса, вернее, выполняет ссудные операции целого класса.

Операции менял и вексельные операции возникли из функции денег как мировых денег, из различия национальных монет. Наконец, *торговля слитками* [опосредствует функции денег как мировых денег:] [266] *отчасти — выравнивание международных платежей*, отсюда миграция денежного капитала (здесь он — капитал, потому что [деньги выступают здесь в] форме капитала); отчасти — доставка нового *золота и серебра* с мест их производства. Последнее фактически выполняется внешней торговлей. Но *техническую* сторону дела, доставку слитков берет на себя торговец деньгами. Образование сокровищ — ростовщический капитал — обмен международной монеты, торговля слитками (английские золотых дел мастера) [267] образуют основу самостоятельного развития торговли деньгами. Торговля деньгами особенно связана с [XVII—1 038] торговлей товарами, так как до развития капиталистического производства только лишь купеческий капитал постоянно покупает и продает в массовом масштабе, ссужает и берет деньги под проценты, платит и принимает платежи, короче, постоянно владеет имуществом главным образом в форме денег.

Только с развитием *кредитного дела* денежный капитал и торговля деньгами получают форму, вытекающую из самого капиталистического способа производства.

Прибыль от *торговли деньгами* не представляет таких же трудностей для понимания, как прибыль торгового капитала. В последнем случае трудность вытекает из того, что эта прибыль получается вследствие надбавки к цене товара и товар продается дороже, чем покупается, а это, по-видимому, противоречит определению цены производства — а в конечном счете и стоимости товара — рабочим временем. В первом же случае, напротив, товар непосредственно целиком остается вне игры, и неизмеримо бо̀льшая часть прибыли торговца деньгами состоит из процентов, под которые он ссужает капитал, в то время как берет он этот капитал даром, или из избытка тех процентов, под кото-

рые он ссужает капитал, над теми процентами, под которые он берет его. Источником его прибыли, следовательно, выступает непосредственно часть самой прибавочной стоимости, и его прибыль есть лишь доля этой прибавочной стоимости.

Подробнее на этом можно остановиться только в разделе о капитале как *кредите* [268], что не входит здесь в нашу задачу. [XVII—1 038] [269]

[7) ЦЕНА ПРОИЗВОДСТВА КАК РЕГУЛЯТОР РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КАПИТАЛА И ТРУДА. ИЗМЕНЕНИЕ СТОИМОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ИНГРЕДИЕНТОВ ТОВАРА В ПРОЦЕССЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА]

[XVIII—1 075] *Торговый капитал.*

О распределении капитала между различными сферами приложения.

«Капитал направляется в различные сферы приложения в зависимости от *нормы прибыли*. Этот общий принцип модифицируется вследствие 1) трудностей, связанных с изменением условий вложения капитала; 2) риска, сопровождающего различные капиталовложения. Риск убытков определяется страховыми обществами, но вместе с тем ими определяется и риск удачи. Если бы мы приняли во внимание большие убытки, которые несут все торговцы, число банкротств, так же как и случаи необычайной удачи, то обнаружилось бы, что средняя норма прибыли в торговле не отличается от средней нормы прибыли на капитал, вложенный в другие отрасли производства» (*S. Ph. Newman.* Elements of Political Economy. Andover and New York, 1835, стр. 83—85).

«При существующем экономическом устройстве общества тот акт, который совершает купец, находящийся между производителем и потребителем, авансирующий первому капитал, получая в обмен за него продукты, а затем передающий эти продукты последнему, получая обратно капитал, этот акт есть сделка, облегчающая экономические процессы в обществе и присоединяющая стоимость к продукту, по отношению к которому совершен этот акт» (там же, стр. 174).

«В результате посредничества купца производитель и потребитель экономят время и деньги. Эта услуга с необходимостью требует авансирования капитала и труда, *так как она присоединяет стоимость к продуктам, ибо те же самые продукты имеют бо́льшую стоимость в руках потребителя, чем в руках производителя*».

{Это *в корне ошибочно.* Потребительная стоимость товара в руках потребителя больше, чем в руках производителя, потому что только здесь она вообще реализуется. Ведь потребительная стоимость товара реализуется только попадая в сферу потребления. В руках производителя она существует лишь в скрытой форме. Но один и тот же товар не оплачивают дважды: сначала его меновую стоимость, а затем его потребительную стоимость. Оплачивая его меновую стоимость, я присваиваю его потреби-

тельную стоимость. При переходе товара от производителя к потребителю его *меновая стоимость* не увеличивается.}

«[*Торговля*] *должна рассматриваться в буквальном смысле слова как акт производства*» (там же, стр. 175). (Это неверно.)

«Скажем: торговля полезна, но не будем говорить: торговля производительна» (*F. Vidal.* De la Répartition des Richesses. Paris, 1846, стр. 198).

Очень хорошее сочинение о торговом капитале: *Corbet (Thomas).* An Inquiry into the Causes and Modes of the Wealth of Individuals; or the Principles of Trade and Speculation explained. London, 1841.

Корбет не претендует здесь на то, чтобы изложить общие принципы политической экономии. Он рассматривает торговый капитал как нечто специфическое и описывает специфический способ его функционирования. Связь торгового капитала с *общими принципами* скорее слегка намечена, чем развита. Между тем Корбет и не ставит себе этой задачи. Он предоставляет решать ее экономисту, рассматривающему общие принципы. Мы коснемся здесь некоторых основных положений Корбета.

«Всякая торговля заключается в *обмене разнородных* вещей, и выгода возникает вследствие этой *разнородности*. Обмен фунта хлеба на фунт хлеба... не принес бы ни малейшей выгоды... Отсюда выгодный контраст между торговлей и *игрой, которая представляет собой лишь обмен денег на деньги*» (указ. соч., стр. 5).

При *Т—Д—Т′* выгода вытекает из различия между *Т* и *Т′*, т. е. между обменявшимися потребительными стоимостями. Только посредством этого обмена товары *реализуются* как потребительные стоимости, переходя из рук, в которых они являются всего лишь носителями меновой стоимости, в руки, в которых они действительно являются потребительными стоимостями. Меновая стоимость выступает просто как форма для опосредствования этого процесса, в котором не предполагается никакого ее изменения. Наоборот, все движение [XVIII—1 076] капитала *Д—Т—Д′* предполагает качественное тождество крайних членов *Д* и *Д′*. Если бы не предполагалось никакого *количественного* изменения в крайних членах, операция была бы тавтологической, нелепой и бесполезной. Действительно, предположим, что купец приобрел товаров на 100 ф. ст. и что состояние рынка вынуждает его вновь продать их за 100 ф. ст. Это равносильно тому, что он удержал бы в своих руках первоначальные 100 ф. ст., поскольку речь идет о нем или о его 100 ф. ст. Если бы он вынужден был продать эти товары за меньшую сумму, что может

случиться, операция предполагает положительный убыток, что никогда не может быть ее задачей или целью. Такова всеобщая формула капитала, будь то промышленного или торгового капитала, все равно, является ли торговля товарной или денежной торговлей. Это — всегда купля, для того чтобы продавать; следовательно, если мы оставим в стороне изменение в *количестве Д'* по сравнению с *Д*, то это есть обмен денег на деньги, меновой стоимости на меновую стоимость. Здесь нет *различия* в *видах* обмениваемых товаров. Следовательно, здесь нет выгоды, вытекающей из этого различия. Таким образом, согласно *Корбету*, всякое движение капитала было бы *игрой*, и различие между игрой в точном смысле слова и другими видами капиталистической игры сводилось бы к следующему: в одном случае {но это также относится и ко всем операциям денежного капитала в собственном смысле слова} обмен денег на деньги скрыт посредствующими движениями, в другом случае не скрыт. Игрок прямо отдает деньги (и это является у него общим с капиталистом, дающим капитал в ссуду, с банкиром и т. д.), для того чтобы получить больше денег или потерять отданные деньги. Производительный капиталист, промышленный или торговый, сначала обменивает свои деньги на товар, для того чтобы потом обменять товар на деньги. В одном случае обмен денег на деньги есть обмен явный, прямой, *sans phrase* *. В других случаях он скрыт посредствующими движениями, но всегда появляется как результат сложных движений. Стало быть, если Корбет называет игру игрой, потому что она есть обмен денег на деньги, то всякое движение капитала сводится к *игре*. Поэтому, например, *Пинто* рассматривает торговлю как «игру». Но так как эта игра скоро окончилась бы, если бы выигрывала только одна сторона, то для того чтобы эта операция продолжалась, должно иметь место чередование: проигрывать или выигрывать должна то одна, то другая сторона. Здесь выражено лишь то противоречие, что прибыль от отчуждения включает в себя убыток одной из сторон и поэтому не может быть непрерывным, всеобщим производственным отношением. Пинто говорит:

«Торговля есть игра, и, конечно, играя с тем, у кого ничего нет, нельзя выиграть. Поэтому если бы кто-нибудь в течение долгого времени всегда и у всех выигрывал, ему пришлось бы добровольно возвратить бо̀льшую часть барыша, чтобы начать игру снова. Эта всепоглощающая торговля разрушала бы саму себя» ([*J. Pinto.*] Traité de la Circulation et du Crédit. Amsterdam, 1771, стр. 231).

* — *без околичностей. Ред.*

И наш друг Мак-Куллох фактически оказывается не в состоянии каким бы то ни было образом отделить принцип спекуляции, т. е. игры, от принципа торговли и капиталистического движения — купли ради продажи. Он говорит:

«Всякая сделка, при которой какой-либо индивид покупает продукт с целью снова продать его, фактически есть спекуляция» (*J. R. MacCulloch.* A Dictionary, Practical, Theoretical, and Historical, of Commerce and Commercial Navigation. London, 1847, стр. 1 009).

Примечание, которое следует сделать при рассмотрении разделения труда.

Корбет устанавливает очень важный новый принцип *разделения труда* внутри одной и той же сферы производства. Однако этот принцип разделения труда не может быть развит здесь, где речь идет о его общей природе, потому что он уже предполагает реальное движение капитала. Этот принцип есть выравнивание цен товаров в течение более продолжительного ряда лет по их ценам производства. В собственно промышленности уже специфическое обращение основного капитала закрепляет производителя не только за особой сферой производства, но и за данным подразделением этой сферы. В торговле (оптовой) то же самое подчинение специальному виду торговли и особому подразделению этого вида создается простирающимся на многие годы циклом выравнивания товарных цен, [XVIII—1 077] т. е. рыночных цен. Вообще Корбет очень хорошо показывает, как средняя цена, которая на первый взгляд выступает в качестве абстракции,

1) выступает как принцип, регулирующий разделение труда,

2) как вновь образуются особые виды торговли — сферы приложения капитала, — которые основываются только на средних [ценах].

«Третьим принципом торговли является: всегда торговать *одним и тем же товаром* или несколькими определенными товарами» (цит. соч., стр. 12). «Это отчасти основывается и поддерживается *необходимостью выравнивания колебаний торговли*» (там же). «Отсюда, когда торговля сделала наибольшие успехи и дошла чуть ли не до совершенства, появление такого *разделения профессий,* как купец, торгующий с Россией, купец, торгующий с Америкой, с Голландией, купец, торгующий лесом, фруктами и т. д.» (там же, стр. 14).

«Согласно общему правилу, *прибыль всегда одинакова,* какова бы ни была цена; она держится на одной отметке, как плавающее тело при колебаниях волны. Поэтому когда цены повышаются, торговец повышает цены, когда цены понижаются, торговец понижает цены; т. е. когда цены повышаются или понижаются для него, он повышает или понижает их для своих покупателей» (там же, стр. 20).

В этой *поверхностной* и *превратной* форме выступает для торговца тот факт, что прибыль не вытекает из надбавки к цене, но что она образует составную часть *стоимости* товара. Для него же это выступает в противоположной форме, что «прибыль» всегда есть надбавка к действительной стоимости или цене продукта.

Выравнивание прибылей (вместе с тем, что уже было отмечено относительно среднего уровня) хорошо изложено в следующих положениях.

«Всякая необходимая торговля должна приносить или приносит прибыль, а если торговля перестает делать это, она перестает быть необходимой» (там же, стр. 22). «Одно предприятие не более прибыльно, чем другое» (там же, стр. 24). «*Одно предприятие не более рисковано, чем другое*» (там же).

Например, судостроение; в отношении торговли вообще

«фрахт должен компенсировать или оплатить весь риск, и поскольку дело касается индивида, риск компенсируется или сводится к нулю путем *страхования, — способ, посредством которого убыток распределяется между всеми*»

{было бы одинаково глупо говорить, что этот убыток *перестает* существовать, потому что *он* распределяется *между всеми*, как и говорить, что уменьшение прибылей, вытекающее из уменьшения отношения переменного капитала к постоянному, или из более продолжительного оборота основного капитала, или более позднего возвращения некоторых видов оборотного капитала, или из каких-либо обстоятельств, регулирующих выравнивание прибылей между различными сферами производства, — а опасность, риск убытков, больший или меньший в различных сферах, вполне входит в число этих регулирующих обстоятельств, — прекращает уменьшение общей прибыли на капитал, вызываемое указанными обстоятельствами};

«или *торговля должна оплачивать убытки каждого отдельного члена* хорошим вознаграждением тех, кто берет на себя издержки и риск по *уравниванию коммерческих отношений*, т. е. страховщиков» (там же). «Можно предположить, что все *суда*, принадлежащие Великобритании, погибают (терпя крушение или в результате изнашивания) *в течение 17 лет*» (там же, [стр. 26]). «Страхование от огня кажется очень рискованным предприятием, если сравнить малый размер получаемой премии с большими суммами, которые должно платить страховое общество... Однако в результате *крупных масштабов* этого дела и вследствие тех *средних данных*, которые определяются этими масштабами, оно превращается в предприятие вполне обычного характера, приносящее всегда хорошую прибыль или процент на капитал, и не больше; действующее

удивительно точно и действительно однообразно, если принять во внимание те крайности, в которые оно впадало» (там же, стр. 27). «Когда мы говорим, что какое-либо предприятие не более прибыльно, чем другое, то это надо понимать как оценку состояния дела вообще и с учетом того факта, что **каждое** *индивидуальное дело в какое-то время более или менее прибыльно*, или приносит больше или меньше дохода, чем в другое время. Действительно, происходит ли *изменение прибыли, так же как и цены*, в известной степени постоянно или в постоянных операциях всех предприятий, это уже другой вопрос. Это вытекает уже из приспособления предложения к спросу» (там же, стр. 33). «*Колебания компенсируют друг друга*» (там же, стр. 35). «Колебания, отливы и приливы происходят постоянно или постоянно имеют место в большей или [XVIII—1 078] меньшей степени в любом и каждом деле» (там же, стр. 36).

Относительно *конкуренции*.

«К конкуренции имеют отношение следующие общие принципы: *минимальная цена какого-либо товара регулирует рыночную цену этого товара*. Во-вторых, конкуренцию регулирует *не большинство, а меньшинство лиц*. В-третьих, *капиталисты*, т. е. *самые крупные или влиятельные капиталисты, устанавливают цены*. В этом смысле в Англии существует только одна компания по производству зеркального стекла любых размеров, т. е. Британская компания по производству зеркального стекла в Ревенхэде (графство Ланкашир), все другие компании оказались не в состоянии конкурировать с ней; и крупные ниточные фабрики в Шрусбери заставляют все другие ниточные фабрики в королевстве поступать так же, как они, подобно тому как все чугунолитейные заводы в Шотландии регулируются крупной компанией Каррона и постоянно плетутся в хвосте за ней» (там же, стр. 42—44). «*Сдача в аренду* — например, земель и домов — есть условная продажа, или продажа *пользования вещью на ограниченное время*» (там же, стр. 81).

Предприятия, основанные на средних величинах.

«Основной принцип, на котором построено всякое страхование, будь то морское страхование, страхование жизни или страхование от огня, есть принцип средних величин, распределение общего убытка среди всех застрахованных, или неопределенность отдельных событий и определенность общих событий или их совокупности. Например, продолжительность жизни какого-либо лица весьма неопределенна, но средняя продолжительность человеческой жизни является весьма определенной или хорошо установленной. Так, стало быть, при страховании на море или от огня уничтожение какой-либо индивидуальной или частной собственности есть величина неопределенная, но средний размер или средняя сумма стоимости уничтоженной собственности или собственности, которая будет уничтожена в течение данного времени, есть величина довольно хорошо установленная или определенная. Поэтому отсюда следует, что чем меньше риск (т. е. каждый индивидуальный риск) в общей сумме и чем больше количество застрахованных, тем более дело сводится к точным средним величинам и тем лучше оно ведется» (там же, стр. 100—101).

«*Предпринимательство всегда заходит слишком далеко*» (там же, стр. 115 и след.). «Как бы ни была велика потребность общества в какой-либо вещи или спрос на нее, количество предлагаемой пищи, доставляемых припасов всегда превышает спрос. Подобно мальтузианскому прин-

ципу размножения, талант в обществе всегда находится в слишком большом количестве, в излишке, в чрезмерном изобилии. (Например, в журналистике.)... Еще яснее это обнаруживается в городах. Город всегда *чрезмерно застроен*, так как в нем всегда больше домов, чем требуется, особенно на окраинах или в предместьях, где они никогда не бывают доходными, но как будто выстроены для общественного блага, или для величия, или славы местности — и лишь с отдаленной надеждой на прибыль в далеком будущем» (там же, стр. 116—117).

При *обращении* и *воспроизводстве* капитала важным является следующее обстоятельство: между затратой капитала и его возвращением, даже если он возвращается, проходит некоторое *время*. В зависимости от своей величины этот интервал оказывает двоякое воздействие. *Во-первых, на потребительную стоимость*. Время абсолютно разрушает потребительную стоимость, т. е. всякая вещь в течение определенного периода портится и в конце концов разрушается, становится негодной и лишается тех качеств, которые составляют ее потребительную стоимость; некоторые вещи портятся раньше, другие — позднее. Некоторые вещи должны быть проданы очень быстро, для того чтобы не испортиться или не сделаться совершенно непригодными; другие вещи могут сохраняться более длительное время. Все они более или менее разрушаются, если только по истечении определенного времени не входят в потребление, или, что то же самое, если они продолжают существовать в качестве товаров, подлежащих продаже, вместо того чтобы быть использованными в качестве потребительных стоимостей. Это, следовательно, есть *первый риск*, которому подвергается товар, фактически — капитал, превращенный из денег в форму товаров, предназначенных для индивидуального или промышленного потребления. Кроме того, *сохранение* [XVIII—1 079] товаров, поскольку они являются потребительными стоимостями, или предметами потребления, требует затраты на них капитала и труда, в некоторых случаях большей, в других — меньшей. В *торговую цену* товаров могут входить только *средние* издержки, необходимость которых вызывается сохранением данного товара в течение того времени, когда он находится на рынке. Эти средние для данного товара издержки определяются средним временем, в течение которого он находится в указанном *интервале* между производством и потреблением, или средним временем его *пребывания* на рынке в качестве товара. Для различных товаров эти издержки сохранения, очевидно, определяются не только тем *средним временем*, в течение которого они находятся на рынке, но — сообразно природе различных товаров — также средним периодом их сохранности, или стоимостью предотвращения их порчи

в течение того же самого времени. Если дано среднее время, то стоимость сохранения различных товаров зависит от их специфических качеств как потребительных стоимостей. Если даны издержки, обусловленные различной природой товаров, то стоимость их сохранения зависит исключительно от различия в *среднем* времени их оборота, или различия в среднем времени, в течение которого они загромождают рынок, находятся на рынке в качестве *товаров* (товаров, подлежащих продаже, что является лишь тавтологией). Это, стало быть, составляет *одну из статей издержек обращения*. Но очевидно, что эта статья, вместо того чтобы увеличивать стоимость общей массы продукта, ни в коем случае не может быть ничем иным, как только *вычетом* из нее. Предположим, что то среднее время, в течение которого все товары находятся на рынке, является одним и тем же; предположим затем, что их порча и стоимость противодействия ей также одни и те же; что, следовательно, *неизбежная порча* в течение одинакового времени обращения и, более того, стоимость предотвращения чрезмерной порчи — одни и те же для всех видов продукта; тогда ясно, что эта неизбежная порча, с одной стороны, и издержки по сведению ее к минимуму представляют собой вычет из меновой стоимости товара (в конечном счете — из его *прибавочной стоимости*), во-первых, потому, что за данный промежуток времени какой-то процент от общего производства товаров просто утрачивается, во-вторых, потому, что возникают определенные *faux frais de production* *, и возникают не в ходе создания прибавочной стоимости, а в процессе ее реализации. Отнюдь не поможет утверждение, что потребитель должен это оплатить. Но из какого источника он должен оплатить это? Его источник для оплаты — это *его продукт* или его доля в продукте другого лица. В таком случае ясно, что его продукт уменьшился и что его издержки производства увеличились. Вследствие уменьшившегося фонда производства и увеличившихся издержек производства он совершенно не в состоянии компенсировать подобный же убыток, возникший у какого-либо другого производителя. Ясно, следовательно, что поскольку указанная статья [издержек] входит в цену, она не изменяет соотношения цен товаров, коль скоро для последних *относительный уровень этих издержек обращения* одинаков, и что поскольку она изменяет соотношение цен и даже прибылей, это может составлять лишь *компенсацию за больший убыток*, который терпят отдельные отрасли предпринимательской деятельности, и этот особый убыток, присущий природе

* — *побочные издержки производства. Ред.*

этой деятельности, посредством выравнивания прибылей распределяется на всю сферу применения капитала.

[XVIII—1 080] *Второе воздействие времени* (оставляя в стороне общее воздействие возвращения [капитала], дающего производителю возможность приступить к воспроизводству) в пределах процесса обращения касается не *потребительной стоимости* (и не меновой стоимости косвенно, поскольку она *существует* только в потребительной стоимости), а *меновой стоимости* непосредственно, без всякого отношения к изменениям самого предмета, или потребительной стоимости товара, которым он может подвергнуться на промежуточной стадии между производством и потреблением, или в течение того времени, когда он находится на рынке. Мы не будем здесь говорить об изменениях в рыночной цене товаров, так как здесь мы все время рассуждаем на основе того предположения, что товары продаются по цене, соответствующей их действительным стоимостям.

Но действительная стоимость товаров изменяется в течение данного промежутка времени, и чем больше это время, тем больше диапазон возможностей для таких изменений стоимости. Мы не принимаем во внимание торговый капитал. Хотя он купил товар ниже его стоимости, стоимость этого товара может упасть прежде, чем он продаст его, и в этом случае разность между покупной и продажной ценой либо может уменьшиться, совершенно исчезнуть, либо продажная цена может упасть даже ниже покупной цены в соответствии с промежуточным изменением в стоимости товара.

Но, как сказано, здесь нет необходимости специально рассматривать торговый капитал.

Процесс обращения капитала делится на две части, два этапа, или две фазы: во-первых, превращение товара в деньги, а во-вторых, обратное превращение денег в товары, т. е. в те товары, которые составляют ингредиенты, входящие в производство или в формирование первого товара, производительные ингредиенты, как сокращенно мы будем их впредь называть. Теперь мы займемся исследованием того, насколько какое-либо *отклонение или изменение в стоимости*, имевшее место в той или другой из этих двух фаз, может влиять на цену и прибыль. Начнем с последней фазы, обратного превращения денег в производительные ингредиенты.

Допустим, что производимый товар — хлопчатобумажная пряжа. Эта пряжа была продана, превращена в деньги; содержащаяся в ее цене прибавочная стоимость была реализована, и теперь [ее стоимость] должна быть превращена в ее производительные ингредиенты.

Она должна быть превращена в хлопок и вспомогательные материалы, такие, как уголь, мыло, сало и т. д. Кроме того, она должна быть превращена в труд путем новой выплаты заработной платы из реализованных фондов. Стоимость хлопка, подобно стоимости всех других видов сырья, независимо от воли человека или от авансированного капитала, зависит от погоды. Одно и то же количество труда может производить весьма различные количества хлопка в соответствии с тем, благоприятствует ли погода, поскольку речь идет о старых хлопковых участках, или в соответствии с плодородием почвы, поскольку были вспаханы новые участки для производства хлопка. Следовательно, *одно и то же количество* хлопка, скажем, центнер или фунт, может представлять собой весьма различные стоимости. Предположим теперь, что стоимость хлопка повысилась вследствие ли плохой погоды или потому, что добавочный спрос на хлопок был удовлетворен производством на менее плодородных почвах. В этом случае, для того чтобы возместить ту часть своего капитала, которая должна возместить хлопок, прядильщик должен израсходовать больше денег из реализованной суммы. [XVIII—1 081] Это увеличение стоимости хлопка может поглотить или даже превысить всю прибыль, полученную от первого оборота его капитала. Затем может возрасти цена труда, вследствие увеличения стоимости предметов первой необходимости. Он снова должен будет выплатить более значительную часть своей выручки, для того чтобы возместить ту часть своего капитала, которая превращается в заработную плату. Если оба эти обстоятельства имеют место одновременно, то возможно, что даже если он употребит всю денежную выручку — капитал и прибыль, — он будет не в состоянии {не прибегая к ссуде, которая здесь не подлежит рассмотрению} возобновить свои производственные операции в том же самом масштабе. Во всяком случае он не будет в состоянии сделать это с *той же суммой капитала*, которую он авансировал первоначально. Его операция может быть убыточной, если мы будем рассматривать не один, а два последовательных оборота его капитала. Предположим, что в течение первого оборота он авансировал 100 ф. ст. и к нему возвратилось 120. Предположим, что во втором обороте расход на меньшее количество постоянного капитала увеличился, переменный капитал также увеличился в стоимости, но количественно уменьшился (уменьшилось количество применяемого труда), так что его прибыль составила только 5%. Во время второго оборота он получил [около] 5%, или $5^{15}/_{21}$ прибыли. Однако он авансировал 120 ф. ст., т. е. не только капитал, но и прибыль, полученную от первого оборота. Таким образом,

он потерял $14^{6}/_{21}$ ф. ст. [270], так как эта часть его прибыли, реализованной во время первого оборота, пропала. В обоих случаях он реализовал прибавочную стоимость, но часть прибавочной стоимости, реализованной в первом обороте, была потеряна во втором. Во втором обороте, если рассматривать его в отдельности, капиталист потерял потому, что у него было 100 ф. ст. капитала и 20 ф. ст. прибыли, а теперь у него — капитал в 120 и только $5^{15}/_{21}$ прибыли. Очевидно, что его средняя прибыль должна определяться *выравниванием этих колебаний во время различных оборотов.* Следовательно, для того чтобы получать *среднюю норму прибыли*, он должен придерживаться одного и того же дела.

Может иметь место также и *изменение в стоимости* ингредиентов его основного капитала. Если бы увеличилась стоимость угля или железа, то, возможно, нельзя было бы возместить изнашивание [основного капитала] за ту же самую цену, по которой он первоначально входил в процесс производства. Издержки его возмещения могут быть больше, чем первоначальная стоимость издержек. Кроме того, — оставляя в стороне эту часть основного капитала, подлежащее возмещению изнашивание предыдущего года — стоимость всех машин, орудий и т. д. может уменьшиться вследствие падения стоимости их воспроизводства или вследствие уменьшения их *новой* стоимости. В самом деле, если возмещение изнашивания сто́ит дороже, то непотребленная часть машин также увеличится в стоимости; если стоимость всех машин понизится, то понизятся и издержки по возмещению их изнашивания.

Мы переходим теперь к *Т—Д*, к фазе, в течение которой продукт обращается в ожидании своего превращения в деньги. Мы не говорим о каком-либо понижении или повышении рыночных цен, происходящих вследствие изменений в относительной величине спроса и предложения, так как мы предполагаем, что цены равны стоимостям. Если в предыдущем примере цена x фунтов пряжи равна 120 ф. ст. (включая издержки производства, равные 100 ф. ст., из которых, скажем, 80 ф. ст. затрачены на сырье, т. е. *хлопок*, плюс 20 ф. ст. прибавочной стоимости) и если стоимость хлопка вследствие необычайно высокого урожая внезапно понизится до 60%, тогда хлопок, переработанный в пряжу и обращающийся на рынке, понизился бы в цене так же, как хлопок в необработанном виде. Следовательно, цена x фунтов пряжи уменьшилась бы со 120 ф. ст. до 88 ф. ст. (содержащийся в них хлопок упал в цене с 80 ф. ст. до 48). Прядильщик потерпел бы прямой убыток в 32 ф. ст., хотя он и реализовал бы прибыль в 20 ф. ст., или [более чем] в [XVIII—

1 082] 20%, которая в действительности может быть прибавочной стоимостью в 50% и более. Но для него это было бы то же самое, как если бы он купил x фунтов хлопка за 80 ф. ст., с тем чтобы продать его за 48. Если бы не было прибавочной стоимости, в проданной им пряже, его выручка была бы равна только 48 + + 20 = 68 ф. ст. Следовательно, на 20 ф. ст. меньше, чем теперь, с учетом реализованной прибавочной стоимости. В самом деле, если бы цена хлопка оставалась на этом же низком уровне, фабрикант в новом цикле воспроизводства мог бы израсходовать лишь 48 ф. ст. на хлопок, 20 ф. ст. на другие затраты и продолжать производство в том же масштабе. И он мог бы производить с теми же 20 ф. ст. прибыли, что и прежде. (По отношению к авансированному капиталу норма прибыли даже повысилась бы.) Но в случае восстановления — полного или приблизительного — прежней цены хлопка, он не обладал бы достаточным капиталом для воспроизводства в прежнем масштабе. Если бы ему необходимо было платить долги (например, проценты на взятые в ссуду 100 ф. ст. или по старым векселям поставщикам хлопка, угля и т. д.), он мог бы стать банкротом. И во всяком случае, *денежная стоимость его капитала* обесценилась бы, хотя никакого обесценения *стоимости денег* не было бы. При всех условиях 88 ф. ст. представляли бы меньший капитал, чем раньше 100 (вместе с прибылью 120). Конечно, результат был бы обратный, если бы цена хлопка и т. д. повысилась, а не понизилась.

Такое изменение стоимости непосредственно обесценивает капитал (производительный), если оно происходит в течение первой фазы *Т—Д;* оно нарушает воспроизводство и уменьшает прибыль, если оно происходит в течение второй фазы *Д—Т*.

Но так как капитал всегда находится одновременно в обеих фазах (на вновь авансируемый капитал, или добавочный капитал, конечно, воздействуют лишь изменения в стоимости, действующие в фазе *Д—Т*), то изменение стоимости воздействует в противоположном направлении на часть капитала, обращающуюся как капитал (в фазе *Т—Д*), и на часть капитала, превращенную обратно из формы денег в форму производительных ингредиентов. Например, если понижается стоимость хлопка, то обесцениваются пряжа и хлопчатобумажные ткани на рынке, однако капитал прядильщика и т. д., вновь превращенный в хлопок, даст более высокую прибыль, чем прежде, и может позволить ему увеличить масштаб его производства. (Конечно, он потерпит убыток, если у него имелись большие запасы хлопка-сырца, сделанные еще до того, как произошло изменение стоимости. Этот хлопок-сырец обесценится так же,

как и хлопок, уже переработанный в пряжу, только еще значительно быстрее.) С другой стороны, если стоимость хлопка увеличивается, то цена (а следовательно, и прибыль, так как издержки остаются прежними) находящейся в обращении пряжи и т. д., короче, цена всех тех товаров, в которые вошел хлопок, повысится, и тем самым возвратившийся капитал намного превысит авансированный капитал (то же самое произойдет с производительным капиталом, уже вложенным в запасы хлопка), в то время как капитал, который *должен быть* превращен в хлопок (*Д—Т*), будет приносить более низкую прибыль, и это может сделать необходимым либо сокращение производства (если только одновременно не понизилась заработная плата), либо применение добавочного капитала, чтобы произвести то же самое количество продукта и поглотить такое же, как и прежде, количество прибавочного труда. Только если рынки переполнены (будь то пряжей, товарами [тканями] и т. д.) либо большие запасы хлопка прежнего урожая еще загромождают товарные склады торговца или заполняют склады фабриканта, падение цены хлопка (или какого-либо другого производительного ингредиента) может в какой-то мере причинить ущерб производительному капиталисту. Но увеличение стоимости хлопка и т. д. всегда будет очень сильно мешать воспроизводству, в то же время только при переполненных рынках оно может принести производительному капиталисту прибыль.

Во всяком случае, этот риск, вытекающий из изменения стоимости производительных ингредиентов товаров и поэтому воздействующий на товары в интервале между производством и продажей, или между их денежной формой и их обратным превращением в производительные элементы, не может [XVIII—1 083] войти в *издержки обращения*, т. е. в такие издержки обращения, которые компенсируются в цене продукта. Прежде всего ясно, что *средний* риск от такого рода изменений стоимости, присущих всем сферам производства, не может давать права на компенсацию какой-либо отдельной сфере производства. Во-вторых, для товаров, особенно подверженных таким внезапным колебаниям стоимости (например, всех тех, куда входят годовые продукты земли, в отличие от тех, куда входят в особенности продукты рудников), если они подвергаются риску чрезвычайных убытков, имеются шансы и на чрезвычайную прибыль. И таким образом все это уравновешивается.

В условиях современного хлопкового кризиса, возникшего в результате американской Гражданской войны [271], обнаруживалось и то и другое. С одной стороны, величайшая нищета

в фабричных округах и остановка фабрик в самом широком масштабе. С другой стороны, так как рынки с 1860 г. наводнены товарами, — повышение цен на находящиеся на рынке пряжу и ткани, а потому и повышение прибылей фабрикантов, которым принадлежат эти товары, особенно же тех фабрикантов, у которых имелись запасы хлопка и которые спекулируют ими в Ливерпуле.

Теперь возвратимся к Корбету.

«Время производит *различие цен*. Но принципы торговли предполагают постоянную продажу одной рукой, в то время как другая покупает; следовательно, такое лицо *не будет иметь на руках никакого запаса, на который бы могло действовать или влиять время*. Этого буквально никогда не бывало, даже у бакалейного торговца и тем более у торговца мануфактурой. Действие повышения или понижения цены в данном случае относится в особенности *к фабриканту*, у которого часто проходит значительное время между покупкой сырья и тем моментом, когда он в состоянии это сырье вынести на рынок в обработанном и отделанном виде... В этот период изменение цены должно коснуться всех, пропорционально величине принадлежащих каждому капиталов, когда они выходят из дела, в соответствии с различием между ценой в этот период и той ценой, которая была, когда эти капиталы входили в дело» (цит. соч., стр. 121). «Что касается прибыли лавочника либо стоимости труда, выплачиваемой фабрикантом за обработку сырья, то если в каком-то случае какое-либо лицо может возместить свой капитал по цене, меньшей на сумму, равную указанной прибыли либо стоимости этого труда, то ему ничто не угрожает, какое бы другое различие ни существовало между ценой товара при покупке и его ценой при продаже. Например, если он производит товаров на 100 ф. ст., продает их за 85 ф. ст. и возмещает свой капитал или сырье за 80 ф. ст. или если он продает товары только за 80 ф. ст. и возмещает свой капитал или сырье за 75 ф. ст., то и в том и в другом случае он выходит из сделки с чистым барышом, прибылью или доходом в 5% на капитал; и он никогда не окажется в лучшем положении вследствие увеличения цены, так как если в этом случае он должен больше получить, то он должен будет также и больше уплатить, когда вернется на рынок. Таким образом, видно, *что прибыль на капитал не имеет ничего общего с повышением или падением цены, она совершенно от них отлична*» (там же).

(Однако при всех условиях его капитал обесценился. Впрочем, здесь верно только то, что он получает постоянно прибыль в 5 ф. ст., но неверно, что он постоянно получал бы прибыль в 5%, ибо 5 на 100 составляют 5%; 5 на 80 — $6^1/_4$% и 5 на 75 — $6^2/_3$%. Если стоимость капитала падает вследствие изменения стоимости, то *норма прибыли* повышается при условии, что сумма прибыли остается той же самой; если стоимость капитала повышается указанным образом, то *норма прибыли* падает при условии, что сумма прибыли остается той же. Так чисто формально обстоит дело у купца, который всегда набавляет, например, 5%, какой бы ни была цена товара. Это оказывается неверным по отношению к производительному капиталисту.

Для него *норма прибыли* в одном случае должна повышаться, а в другом — падать, поскольку он продает тот же самый прибавочный труд, что и прежде.

Из предыдущего *ясно*, что необходимо делать различие между *одним оборотом капитала* и рядом оборотов, или неоднократным числом оборотов, которые совершает капитал в *экономическом цикле воспроизводства.* Если мы рассматриваем один отдельный оборот, то прибыль равна отношению прибавочной [стоимости] к авансированному капиталу. А если капиталист продает свой товар ниже издержек производства, то это означает чистый убыток. Фактически мы имеем здесь лишь различие между покупной ценой (или, что то же самое для производительного капиталиста, издержками производства) и продажной ценой (или ценой производства): различие между стоимостью первоначально авансированного капитала и той стоимостью, по которой продается превращенный в товар капитал. Однако дело обстоит иначе, если мы рассматриваем не только один производительный [XVIII—1 084] оборот, а процесс непрерывного воспроизводства в течение экономического цикла, охватывающего несколько лет. Здесь важна также — и не только для реализованной прибыли, но и для стоимости первоначального капитала, которая должна быть возмещена, — взаимная связь, или отношение между различными отдельными оборотами; одним словом, различие между первоначальной стоимостью капитала в начале оборота и *возмещающей* его *стоимостью* во втором обороте и т. д. Например, если капитал равен 100, прибыль к концу первого оборота составляет 10, а *возмещенная стоимость* в начале второго оборота равна 110, то прибыль равна 0, и воспроизводство началось бы при менее благоприятных обстоятельствах, так как было бы поглощено лишь то же самое количество прибавочного труда, хотя авансированный капитал увеличился бы. Издержки производства возросли бы, а норма прибыли уменьшилась. Эти колебания выравниваются в полном цикле (даже если капитал в конце концов обесценится, то ущерб покроется прибылью), который состоит из ряда оборотов.)

«Однако падение цен весьма неблагоприятно воздействует на торговлю, ибо хотя капиталист, рассматриваемый в конечном счете как *торговец,* в действительности не терпит убытка вследствие падения цен, но кажется, что он терпит убыток, тогда как некапиталист *разоряется* вовсе. Таким образом, если какое-либо лицо без капитала купило, предположим, на 100 ф. ст. товаров и должно было выдать на эту сумму вексель и если оно вынуждено продать эти товары за 80 ф. ст., т. е. не может продать их за бóльшую сумму, то у него не хватит 20 ф. ст., и таким образом оно окажется не в состоянии уплатить по предъявленному векселю и

вынуждено будет прекратить дело. Обычно первый вексель лица, находящегося в таком положении, оплачивается посредством продажи ниже себестоимости, возможно, что и второй — также; но очевидно, что такой способ скоро окажет свое действие и доведет дело до кризиса. Эту фатальность постоянно испытывает некапиталист, и его положение очень похоже на положение игроков на бирже при срочных сделках, с тем отличием, что у него не хватает капитала, необходимого для того, чтобы уплатить разницу, когда настанет день сведения счетов, если эта разница не в его пользу» (там же, стр. 122).

«Если мы допустим, что на стоимость произведенных товаров влияет *изменение в стоимости сырья* — на стоимость некоторых товаров, особенно шерстяных, оно влияет весьма значительно — и что, следовательно, некое лицо может выиграть или проиграть вследствие того, что ему принадлежат запасы таких товаров... ибо существо спекуляции все же заключено в *сырье,* хотя и кажется, что это не так, и лучше всего можно достигнуть цели путем спекуляции одними только более грубыми и простыми сортами товаров, которые не подвергаются влиянию моды и требуют наименьших издержек производства» (там же, стр. 128 и след.).

«*Накопление запасов,* или *приостановка обмена...* перепроизводство» (там же, стр. 104).

«Бушель зерна или ярд сукна не обладают, собственно говоря, *увеличивающейся стоимостью;* она постоянна и неизменна по своей природе, и на нее может воздействовать лишь изменение стоимости других вещей, которое может быть благоприятным или неблагоприятным, смотря по обстоятельствам» (там же, стр. 204).

«...*Срочные сделки* с ценными бумагами... клеймят, называя их *игрой,* потому что, *по-видимому, один теряет как раз то, что другой выигрывает...* И это, конечно, есть игра» (там же, стр. 207—208).

«Что касается последнего» (нравственной стороны этой игры на бирже), «то мы действительно не можем видеть в ней ничего отличного от того, что имеет место при *всякой спекуляции, которая,* поскольку речь идет о различии в цене в разное время, о будущем и о случайности, *может подходить также под название игры;* и действительно, существуют сделки на товары, которые предусматривают условия поставки в будущем или же — вместо этого — уплату разницы» (там же, стр. 209). [XVIII—1 084][272]

[ОТДЕЛ IV]

[РАЗНОЕ][273]

[1) ФРАГМЕНТЫ ИЗ ТЕТРАДИ XVIII]

[XVIII—1 066] [274] К вопросу о сложных процентах [275] необходимо добавить еще следующее.

Представление о капитале как о самовоспроизводящемся существе, как о стоимости, вечно сохраняющейся и возрастающей в силу прирожденного ей свойства, привело д-ра Прайса к фантастическим идеям, которые далеко оставляют за собой фантазии алхимиков, но в которые серьезно верил Питт, сделавший их в своих законах о фонде погашения [государственного долга] [276] устоями своей финансовой премудрости.

«Деньги, приносящие сложные проценты, сначала растут медленно. Но в дальнейшем темп роста непрерывно ускоряется, и через некоторое время он достигает такой быстроты, что превосходит всякое воображение. Один пенс, отданный в рост в год рождения Христа из 5% под сложные проценты, к настоящему времени превратился бы в сумму бо̀льшую, чем представляли бы собой 150 миллионов земных шаров, состоящих из чистого золота. Но если отдать его в рост под простые проценты, то за то же самое время он превратился бы не более чем в 7 шилл. $4^1/_2$ пенса. До сих пор наше правительство *предпочитало* поправлять свои денежные дела *скорее вторым* способом, нежели первым» (*Richard Price*. An Appeal to the Public, on the Subject of the National Debt. 2nd edition. London, 1772, стр. 18—19).

(Соль его выдумки в следующем: пусть правительство занимает деньги под простые проценты и помещает одолженные деньги под сложные проценты.)

В своих «Observations on Reversionary Payments», 2nd edition, London, 1772, он взлетает еще выше:

«Один шиллинг, отданный в рост в год рождения Христа из 6% под сложные проценты, превратился бы в сумму бо̀льшую, чем могла бы вмес-

тить солнечная система, превращенная в шар, диаметр которого равнялся бы диаметру орбиты Сатурна» (указ. соч., стр. XIII, примечание). «Государство всегда в состоянии найти выход из затруднительного положения, ибо, располагая *самыми малыми* сбережениями, оно может уплатить *самые крупные* долги в такой короткий срок, какой могут потребовать его интересы» (там же, стр. XIV).

Какие прекрасные принципы вытекали отсюда для доверчивого Питта!

Прайс был попросту ослеплен огромными цифрами, вытекающими из геометрической прогрессии. Так как он рассматривал капитал совершенно безотносительно к условиям воспроизводства труда, как автоматически действующую вещь, *просто* как *число, увеличивающее само себя* (совершенно так же как Мальтус рассматривал [рост] человечества в своей геометрической прогрессии [277]), то он мог полагать, что открыл закон роста капитала в следующей формуле: $S = C\,(1 + i)^n$, где S — подлежащая исчислению сумма капитала вместе с процентами на него, C — авансированный капитал, i — ставка процента (соответственная часть от 100), а n — ряд лет, на протяжении которых протекает процесс. Питт в 1792 г. в речи, в которой он предлагал увеличить сумму, ассигнованную на фонд погашения [государственного долга], принимает совершенно всерьез мистификацию д-ра Прайса.

«В 1786 г.» (см. Лодерделя [278]) «палата общин постановила собрать путем обложения населения 1 миллион ф. ст. для государственных нужд» (*Лодердель*. Указ. соч., стр. 175).

По Прайсу, в которого уверовал Питт, конечно, не могло быть ничего лучшего, как обложить налогом народ, для того чтобы «накопить» полученную таким способом сумму и тем самым избавиться от государственного долга при посредстве таинства сложных процентов. Налоги для «фонда погашения» [«sinking fund» oder Amortissementsfonds].

«За этой резолюцией [палаты общин] вскоре последовал внесенный Питтом закон (принятый на 26 году царствования Георга III, глава 31), который предписывал накоплять по $^1/_4$ миллиона ф. ст., до тех пор пока образовавшийся таким образом фонд не будет давать вместе с освободившимися пожизненными рентами 4 миллиона ф. ст. в год».

Питт в своей речи в 1792 г., в которой он предлагал увеличить сумму, поступающую в фонд погашения [долгов], среди причин торгового превосходства [Англии] называет машины, кредит и т. д., но как

«наиболее широко действующую и постоянную причину — *накопление*. Этот принцип вполне развит и достаточно разъяснен в сочинении Смита, этого гения и т. д... Это накопление капиталов было бы осущест-

влено, если бы откладывали хоть часть годичной прибыли, для того чтобы увеличить основную сумму, которая при условии такого же ее употребления и в следующем году давала бы постоянную прибыль».

Питт считал прайсовские проценты на проценты, т. е. исчисление Прайсом сложных процентов тождественным с теорией накопления А. Смита. Это важно.

[XVIII—1 067] Впрочем, Чайлд, праотец лондонских банкиров, был врагом «монополии» ростовщиков, совершенно в том же самом смысле, в каком «Мозес и сын» в своих бюллетенях объявляет себя противником «монопольных цен» мелких портных.

Уже у *Джозаи Чайлда*, отца лондонских банкиров, в его написанных в 1669 г. «Traités sur le commerce et sur les avantages qui résultent de la réduction de l'interest de l'argent», traduits de l'anglois, Amsterdam et Berlin, 1754, мы находим, что

«100 ф. ст. из 10% произвели бы через 70 лет с процентами на проценты 102 400 ф. ст.» (стр. 115).

Первое представление о накоплении есть представление о накоплении запасов, совершенно так же как первое представление о капитале есть представление о нем как о торговом капитале. Второе представление [о накоплении] есть представление о сложных процентах, подобно тому как капитал, приносящий проценты, или отдача денег в ссуду под проценты есть вторая историческая форма капитала. Политическая экономия оказывается в затруднительном положении в тех случаях, когда допотопные выражения свойственных капиталистическому производству отношений она снова применяет как выражения этих отношений, как это, например, имеет место при применении сложных процентов для выражения накопления капитала.

То, как воззрение д-ра Прайса бессознательно проскальзывает у современных и относительно критически мыслящих экономистов, показывает, например, следующее место из «*Economist*»:

«Если в Англии бывали случаи, когда земля со всеми ее правами и привилегиями не покупалась и не продавалась снова и снова» (и *поэтому*, как он очень мудро заключает, «не стала простым представителем уплаченных за нее денег») «в чем мы сомневаемся, — но мы не сомневаемся в том... что каждые 6 пенсов ренты являются *представителем капитала*, сбереженного лендлордом и вновь вложенного в землю в тех случаях, когда она не продавалась... *Капитал вместе со сложными процентами на каждую часть сбереженного капитала является настолько всепоглощающим*, что *во всем мире богатство, из которого извлекается доход*, уже давно *стало процентом на капитал*. Хотя земля в одних местах более ценна, чем в других, всякая рента является *теперь* уплатой процентов на капитал, ранее вложенный в землю» («*Economist*», 19 июля 1851 года).

На основе того же мифического представления «Economist» мог бы сказать, что весь тот труд, который может осуществиться за мириады веков, будет представлять собой лишь проценты, приходящиеся на капитал, накопленный за указанное время. Я цитирую это место только из-за мифического представления о накоплении как о сложных процентах. Впрочем, кстати и мимоходом, «*Economist*» здесь же замечает, что общество как таковое,

«как корпорация... предъявляет требования на землю (как общую собственность) и никогда не отказывается от этих требований» (там же).

Тот, кто расходует капитал на покупку земли,

«в действительности лишается своих прав [на собственность] и передает обществу некоторые из тех преимуществ, которые принадлежат *только и исключительно личной* собственности» (там же).

В заключение еще следующая галиматья «романтического» [279] Мюллера:

«Описанное д-ром Прайсом чудовищное нарастание сложных процентов, или самоускоряющихся сил людей, предполагает — если только оно должно порождать эти неизмеримые действия — безраздельный или нерушимый единообразный порядок, существующий в течение нескольких столетий. Как только капитал раздробляется, расчленяется на многие отдельные, продолжающие расти побеги, общий процесс накопления сил начинается снова. Природа предоставила на долю каждого *отдельного рабочего* период нарастания сил, продолжающийся в среднем 20—25 лет. По прошествии этого времени рабочий оставляет свою жизненную стезю и должен передать капитал, полученный посредством сложных процентов с труда, новому рабочему, в большинстве случаев распределить его между несколькими рабочими или детьми. Эти последние, прежде чем извлекать свои собственные сложные проценты с доставшегося им капитала, должны научиться вдыхать в него жизнь и применять его. Далее, огромная масса капитала, приобретаемого гражданским обществом даже в самых подвижных общественных организмах, постепенно, в течение долгих лет накопляется и не употребляется непосредственно для расширения труда, а, напротив, едва составится значительная сумма, как она под именем *ссуды* передается какому-либо другому индивиду, рабочему, банку, государству, после чего ссудополучатель, приведя капитал в действительное движение, получает с него *сложные проценты* и [XVIII—1 068] легко может взять на себя обязательство уплачивать ссудодателю простые проценты. Наконец, неимоверно быстрому возрастанию сил людей и их продукта, только и возможному, если действует закон производства или бережливости, противостоит закон потребления, алчности, расточительности» (*А. Müller*. Die Elemente der Staatskunst. Theil III. Berlin, 1809, стр. 147—149).

Невозможно нагородить больше нелепейшего и самоочевидного вздора в столь немногих строках. В первую очередь

следует упомянуть только одно — не говоря уже о забавном смешении рабочего с капиталистом, стоимости рабочей силы с процентом на капитал и т. д., — а именно, что получение сложных процентов объясняется тем, что капитал «ссужается», «*после чего*» он и приносит «сложные проценты». Необыкновенная пошлость этого «глубокомыслия» или, вернее, этой «нелепости» [обнаруживается], например, [в следующем рассуждении]:

«При определении *це́ны* вещей не спрашивают о *времени;* при определении же процента в расчет берут главным образом время» (там же, стр. 138).

Мюллер говорит здесь о *времени обращения*. Так как при рассмотрении *процента* определяющим он *считает* время обращения и *не видит* этого при рассмотрении цены товара, то глубокомыслие состоит в том, чтобы держаться *видимости* и на этой основе доводить рассуждение до́ конца. Этот же самый молодчик говорит нам:

«Городское производство связано с оборотом, охватывающим несколько дней; сельское, напротив, с оборотом, охватывающим годы» (там же, стр. 178).

Под «городским производством» он понимает промышленность в противоположность земледелию. Земледелие, которое ведется некапиталистически — а он о таком именно и говорит, — конечно же, связано с годовым оборотом. Крупная промышленность (вследствие применения основного капитала), напротив, связана с оборотом в 12—15 лет, а в некоторых отраслях транспортной индустрии (железные дороги и т. д.) — в 20 лет. Метод нашего Мюллера характерен для романтики в любой профессии. Содержанием ее являются вульгарнейшие ходячие предрассудки, тривиальности, питающиеся поверхностными представлениями. А затем это ложное и банальное содержание должно быть «возвышено» и *опоэтизировано* мистифицирующей манерой выражения. [XVIII—1 068] [280]

* * *

[XVIII—1 140] {*Процент. «Economist»* замечает о проценте:

«Если определенная сумма драгоценного металла понижается в стоимости, то это не служит основанием брать меньшее количество денег за пользование этой суммой, ибо если капитал имеет меньшую стоимость для ссудополучателя, то в той же мере ему менее трудно платить процент. В Калифорнии берут 3% в месяц, 36% в год, вследствие неурегулированности общего положения. В *Индостане,* где деньги ссужаются *индий-*

ским князьям на *непроизводительные расходы,* ссудодатели с целью компенсации в среднем потерь своего капитала взимают весьма высокие проценты, 30%, *не находящиеся ни в каком соотношении с прибылью,* которую можно было бы извлечь путем промышленных операций» («*Economist*» от 22 января 1853 г., № 491, стр. 89).

Но точно так же ни в каком «соотношении с прибылью», получаемой райотами и т. д., не находятся те проценты, которые берет ростовщик за предоставленные им семена и т. д. или за выданный напрокат ткацкий станок и т. д. Иными словами, указанные проценты не находятся ни в каком соотношении с прибылью, которую получают этот индус, обрабатывающий землю, и ткачи. Точно так же и тот процент, который английские рабочие платят в ломбард (в среднем за год 100%, см. Такета *), не находится ни в каком соотношении с нормой их заработной платы и тем более с «реализуемой ими прибылью». Напротив, тот процент, который получают эти ростовщики, не только включает в себя всю прибыль (всю прибавочную стоимость), но частично представляет собой *вычет из заработной платы,* которая становится даже ниже индийского уровня, — уровня, который сам по себе низок отчасти из-за отсутствия потребностей у индусов, отчасти вследствие плодородной почвы, являющейся источником низких цен на рис и т. д. Впрочем, это положение рабочего воспроизводится, например, в Англии, где «домашняя промышленность» как простая форма еще не подчинена реально (но лишь формально) капиталистическому способу производства и т. д. Это против осла Кэри, который, например, уплачиваемый индийским райотом процент сравнивает с тем, который уплачивается по векселям господствующим классом в Англии, для того чтобы доказать, насколько заработная плата в Англии выше, чем в Индии [281]. Вернемся, однако, к журналу «Economist», который к вышеприведенному месту делает следующее добавление:

Ссудодатель «взимает здесь такой процент, высота которого достаточна для возмещения кредитованной суммы в короткий срок или, по крайней мере, для того, чтобы уравновесить его убытки в отдельных случаях явно непомерным барышом в других случаях» (там же).

Относительно *нормы процента* «Economist» пишет:

«*Норма процента* зависит: 1) от нормы прибыли, 2) от пропорции, согласно которой *вся полученная прибыль* делится между ссудодателем и ссудополучателем» (там же).

---

* См. настоящий том, стр. 445. *Ред.*

«Economist», так же как и все английские экономисты, считает, конечно, что прибыль равна всей прибавочной стоимости за вычетом ренты, что процент есть всего лишь часть прибыли.

«Изобилием или недостатком драгоценных металлов, высоким или низким общим уровнем цен определяется только большее или меньшее количество денег, которое требуется для осуществления обмена между ссудополучателями и ссудодателями, равно как и для осуществления всех других видов обмена... Различие состоит лишь в том, что требуется бо̀льшая сумма денег для того, чтобы представить и передать даваемый в ссуду капитал... Отношение между суммой, уплачиваемой за пользование капиталом, и величиной этого капитала выражает норму процента, измеренную в деньгах» (там же, стр. 89—90).

[XVIII—1 141] Относительно истории с ломбардом:

«Процент, взимаемый в ломбардах, становится таким чрезмерным вследствие постоянных колебаний в течение месяца, а также вследствие залогов одного предмета с целью выкупить другой, получив при этом небольшую разницу деньгами. В Лондоне имеется 240 зарегистрированных ломбардов, а в провинции — приблизительно 1 450. Вложенный ими в дело капитал исчисляется примерно в 1 миллион; он оборачивается, по крайней мере, три раза в год, принося в среднем каждый раз $33^1/_2\%$ прибыли; таким образом, низшие классы Англии ежегодно уплачивают 1 миллион за краткосрочные ссуды в 1 миллион, не считая потери вещей, не выкупленных в срок» (*J. D. Tuckett.* A History of the Past and Present State of the Labouring Population. Vol. I. London, 1846, стр. 114).}

Суд по делам казначейства. Хомер против Тонтона 21 декабря 1859 г. (*«Reynolds's Newspaper»* от 25 декабря 1859 г., № 489, стр. 11 и 1). (Вязальщицы чулок.)

«Это было судебное дело по обвинению в клевете, возбужденное Хомером (торговцем трикотажем и бакалейными товарами; его жена имеет лавку во владениях графа Шилтона, близ Хинкли, в Лестершире) против Тонтона, издателя *«Midland Express»*, за двойную диффамацию, которая была приписана истцу в связи с притеснениями и жестокостью по отношению к рабочим при их использовании, а также в связи с *оплатой их труда товарами*».

{А именно, этот тип вместо выплаты своим рабочим заработной платы выдавал им их заработок товарами из лавки своей жены.}

«У него было занято от 200 до 300 рабочих. После всех вычетов их заработок составлял в среднем от 3 шилл. 6 пенсов до 4 шилл. в неделю. Расходы на *вязальную машину* составляли 2 ф. ст., а хозяин взимал с каждого рабочего 2 ф. ст. 10 шилл. в год за использование машины (1 шилл. в неделю; из 52 недель — 50 рабочих недель)».

{Таким образом, в год на 40 шилл. он получал 50 шилл., или 125%. Это показывает г-ну Кэри, каков процент (рента) там, где прибыль в действительно индустриальных странах,

как Англия, выступает в такой исключительной форме, в которой она вообще включает в себя процент, и именно как процент или ренту, получаемую капиталистом от рабочего за предоставленную ему машину. Здесь теряет смысл также болтовня о труде по надзору. Некоторые из этих вязальщиц прежде были владельцами тех машин, усовершенствование которых привело, однако, к их обесценению.

«Рабочий теперь, заметив это, не позволял себе покупать их. До определенных перемен в конструкции вязальной машины квалифицированный и трудолюбивый человек мог зарабатывать от 9 до 10 шилл. в неделю» (там же, стр. 1).

Что касается пользы от *усовершенствования* машин для самих рабочих, то следовавшие в XVIII веке одно за другим усовершенствования мюль-машины «Дженни» сделали невозможной для независимых ткачей (особенно в сельскохозяйственных районах) замену их обесцененных машин новыми, попадавшими в руки капиталистов. (Не говоря уже о том, что эти машины, как только научились приводить их в движение механической силой, привели к фабричной системе.)

«Несколько лет тому назад, — говорит Баббедж в главе XXIX своей книги «On the Economy of Machinery and Manufactures», изданной в Лондоне в 1832 году, — было сделано множество столь значительных усовершенствований в производстве тюля, что одна машина в хорошем состоянии, стоившая первоначально 1 200 ф. ст., через несколько лет была продана за 60 ф. ст. В тот момент, когда эта отрасль промышленности была охвачена спекуляцией, усовершенствования производились с такой быстротой, что машины оставались в незавершенном состоянии в руках их конструкторов, ибо их опережали другие благодаря более счастливым изобретениям, предназначенным для достижения той же цели» (стр. 281).}

«Рабочий с женой и 4 детьми имел возможность заработать от 6 шилл. до 6 шилл. 6 пенсов в неделю, но после *обычных* вычетов за пользование машиной, помещением, за чистку и т. п. он получал не более 2 шилл., предназначенных для поддержания жизни его самого и его семьи. Иной, обладающий весьма умелыми руками, занятый данным производством 20 лет, может заработать самое большее 12 шилл. в неделю, но при этом он должен работать ежедневно 15 часов... Один рабочий, взятый на испытательный срок, рассказывал, что вся его одежда, за исключением пальто, была взята напрокат». «Таким образом, делать деньги, — говорит далее «*Reynolds's Newspaper*», — значит перегонять пот и силу несметного числа умирающих с голоду [XVIII—1 142] и опустившихся людей, жизнь которых есть мрачная епитимья непрерывного и неоплаченного тяжелого труда» (стр. 1).

Журналист, который разоблачил этого надсмотрщика, был оштрафован на 5 ф. ст. за диффамацию. {Там, где капиталистическое производство существует лишь формально, капиталист всего лишь *«посредник»*, выколачивающий непомерную

арендную плату, так же как это имеет место всюду, где промышленность ведется таким же образом, как ирландское или индийское сельское хозяйство. Возьмите следующую заметку из «*Times*» от 13 марта 1862 г., озаглавленную «*Швеи умирают с голоду*».

«11 марта делегация нанесла визит сэру Дж. Льюису в Военном министерстве. Ассоциация, первоначально основанная мисс Бэрли и обладающая в настоящее время мощной поддержкой, предлагает заключить договоры на пошив военной одежды на тех же условиях, которые правительство в настоящее время предоставляет подрядчикам, и тем не менее обеспечить умирающим с голоду швеям 30-процентную надбавку к их нынешней заработной плате. Этот результат достигается именно путем устранения «посредника», *прибыль которого* отныне должна поступать в пользу того человеческого материала, из которого он эту прибыль до сих пор выколачивал. При всех преимуществах, которые может гарантировать общество, обычная швея не может заработать более 1 шилл. за 10 часов непрерывной работы по пошиву солдатских рубашек (а именно, за 2 рубашки в день), а при шитье из сукна — не более 1 шилл. 6 пенсов в день при 12-часовом труде. При нынешних договорных отношениях заработная плата швеи колеблется от 5 до 8 пенсов за 10-часовой труд».

{За 7 дней недели это составит 35—56 пенсов, т. е. 2 шилл. 11 пенсов — 4 шилл. 8 пенсов еженедельно.}}

{«Я не отрицаю, что в грабеже рабочего есть нечто тяжелое; однако грабеж составляет *первую, самую надежную основу прибылей,* и в нем нет ничего, что заставляло бы краснеть деловую порядочность. Самый уважаемый хозяин может идти этой дорогой: все, что он получает от рабочего, так это — настоящую войну; таковы две потенции этого грабежа» («Sir Richard Arkwright, ou Naissance de l'Industrie Cotonnière dans la Grande — Bretagne (1760 à 1792)» par M. Saint-Germain — Leduc. Paris, 1841, стр. 144).

Какой бы ни была средняя норма прибыли, если хозяин эксплуатирует своих рабочих, например, путем чрезмерного труда в экстраординарном стиле, то это есть чистая прибыль. Всякая прибыль от отчуждения [282] неопределенна. При данных средних коммерческих условиях надувательство рабочего всегда остается «*первой, самой надежной основой прибылей*».}

{Действительная прибыль капиталиста [283] в значительной своей части представляет собой прибыль от отчуждения, и для «индивидуального труда» капиталиста открывается особенно широкий простор на том поприще, где дело идет не о созидании прибавочной стоимости, а о распределении совокупной прибыли всего класса капиталистов между его индивидуальными членами на путях торговли. Здесь это нас не касается. Известные виды прибыли — например, прибыль, основанная на спекуляции — получаются исключительно на этом поприще.

Их рассмотрение здесь, следовательно, совершенно исключается. Скотскую глупость вульгарной политической экономии показывает то, что она — особенно для того чтобы представить прибыль как «заработную плату» — смешивает прибыль от отчуждения с прибылью, проистекающей из созидания прибавочной стоимости. См., например, достойного Рошера [284]. Поэтому для такого рода ослов совершенно естественно также и то, что они смешивают в одну кучу калькуляционные исчисления и основания для компенсации капиталов в различных сферах производства — при распределении совокупной прибыли всего класса капиталистов — с основаниями для эксплуатации рабочих капиталистами, так сказать, с причинами происхождения прибыли как таковой.}

[XVIII—1 143] {*Различные соотношения между постоянным и переменным капиталом:*

«Цена хлопчатобумажной ткани на острове Ява. Хлопок, не очищенный от семян, продается пи́кулями (равными примерно 133 фунтам). Около $^1/_4$ или $^1/_5$ этого веса... составляет хлопок; и туземцы с помощью грубых валко̀в очищают от семян за один рабочий день $1^1/_4$ фунта. При таком положении первоначальная стоимость хлопка увеличивается в 4—5 раз; и цены на хлопок на различных стадиях его обработки составляли (в расчете на 1 пикуль):

неочищенный хлопок — 2—3 доллара;
хлопок, очищенный от семян, — 10—11;
хлопковая нить — 24;
хлопковая нить, окрашенная в голубой цвет, — 35;
хорошая простая хлопчатобумажная ткань — 50 долларов.

Таким образом... расходы на прядение на острове Ява увеличивают стоимость сырого материала на 117%... в Англии расходы на превращение хлопка в тонкую нить составляют около 33% [его стоимости]» (*Ch. Babbage.* On the Economy of Machinery and Manufactures. London, 1832, стр. 165—166).

«В 1792 г. ручной труд выполнялся преимущественно взрослыми без привлечения детей; общее число рабочих или работников всех видов могло увеличиться в 1792 г. до четвертой части всего населения, которое было равно тогда примерно 15 миллионам. Механические мощности в этот период приблизительно в *три раза* превышали *стоимость ручного труда*. Следовательно, если ручной труд был равен труду 3 750 000 человек, то механический труд, втрое превосходящий это число, был равен труду 11 250 000 человек, и все это давало для совокупного продукта стоимость труда 15 000 000 человек. Из этого следует, что *население и совокупная масса накопленных производительных сил соответствовали друг другу*. Однако внедрение усовершенствованных паровых машин и механических прядильных и других машин вызвало неисчислимые изменения в производительных силах Великобритании. *Ручной труд увеличился путем* почти непрерывного *привлечения женщин и детей к повседневному труду на фабриках*. Следовательно, теперь ручной труд может исчисляться третью всего населения, которое в 1817 г. возросло до 18 миллионов и таким образом за 25 лет увеличилось на 3 миллиона. Но с момента внедрения в производство усовершенствованных машин

Аркрайта и Уатта произошло такое реальное увеличение производительных сил [для производства] богатства, которое равно труду 200 миллионов деятельных, сильных, хорошо обученных рабочих; иными словами, это увеличение средств для производства богатства сегодня равнозначно *десятикратному увеличению населения* Британских островов или *тридцатикратному увеличению ручного труда*.

За период с 1792 по 1817 г. произошли следующие изменения:

увеличение населения — с 15 000 000 до 18 000 000;

увеличение ручного труда — с $^1/_4$ до $^1/_3$, что по отношению к 18 000 000 составляет *6 миллионов* человек.

Вновь созданные производственные мощности равнозначны труду *200 миллионов* человек.

Количество *механического труда* в 1792 г. в 3 раза превосходило количество ручного труда и соответствовало труду *11 250 000* человек.

Общее увеличение производительных сил в 1817 г. соответствовало труду 217 250 000 человек, или по отношению к населению в 1817 г. оно выражалось пропорцией 12,6 : 1 [285].

Из приведенных данных следует, что Англия за указанный 25-летний период достигла такого уровня индустриального развития и производительных сил, который позволил ей увеличить ее богатство — путем ежегодного возрастания — в 12 раз, что было невозможно прежде, когда имели место либо военные расходы, либо невыгодная внешняя торговля, а также осуществить совершенствование и улучшение населения» (*H. G. Macnab*. Examen Impartial des Nouvelles Vues de M. Robert Owen. Paris, 1821, стр. 128—130).}

[XVIII—1 144] {*Экономия на прерывании времени труда в сфере производства.*

«*Беление*... естественная операция, ускоренная применением хлора в сочетании с известью» (*Ch. Babbage*. On the Economy of Machinery and Manufactures. London, 1832, стр. 40).}

{*Экономия в затратах и добавочный капитал.*

«Иногда необходимо ремонтировать машину и налаживать ее; эта работа легче выполняется рабочим, который привык изготовлять такие машины, чем рабочим, который лишь управлял ее движением. Так как теперь равномерность и продолжительность работы машин почти полностью зависят от той заботливости, с которой, применяя ее, тотчас же стали устранять даже небольшую внезапно возникающую тряску, мельчайшие несовершенства, которые можно обнаружить в той или иной ее части, то очевидно, что даже посредством перевода рабочего на надлежащее место происходит значительное сокращение расходов на ремонт машины и ее использование. Однако это средство было бы слишком дорогим для одного станка по производству тюля; поэтому непосредственным следствием оказывается то, что применение такого рабочего может иметь место только для определенного множества таких станков, так что все время рабочего может быть поглощено тем, чтобы содержать их в порядке, производить случайный ремонт, в котором они могут нуждаться. В соответствии с самим принципом экономии в широком смысле приходят к необходимости удвоения и утроения числа машин, для того чтобы в течение всего времени непрерывно применять 2 или 3 рабочих в этом виде труда» (*Babbage*. Traité sur l'Economie des Machines et des Manufactures. Paris, 1833, гл. XXII, стр. 280).} [XVIII—1 144] [286]

* * *

[XVIII—1 156] *Преобладание торгового сословия* [287]. В той части Лондона, которая называется Тауэром Гамлета, получили весьма широкое распространение мастерские по изготовлению мебели. В них существует разделение труда в том смысле, что все производство разделено на множество независимых друг от друга, самостоятельных отраслей. Одно предприятие производит только стулья, другое — столы, третье — шкафы и т. д. Однако на самих этих мелких предприятиях работа в большей или меньшей мере производится ремесленным способом, выполняется мастером с несколькими подмастерьями. Тем не менее производство является слишком массовым для того, чтобы приходилось работать непосредственно на частного заказчика. Покупателями товаров этих мастерских являются владельцы мебельных магазинов. В субботу мастер отправляется к ним и продает свой продукт, при этом [...] * ведется такой же торг относительно цены, как в ломбарде относительно ссуды, выдаваемой под тот или иной предмет одежды и т. д. Эти мастера нуждаются в еженедельной продаже, с тем чтобы быть в состоянии вновь [купить] сырье для следующей недели. При этих обстоятельствах мастера являются собственно лишь посредниками между купцом и своими собственными рабочими. Купец есть подлинный капиталист, который кладет себе в карман бо́льшую часть прибавочной стоимости. Подобным образом происходит переход предприятия, прежде работавшего ремесленным способом или в качестве вспомогательного производства [у собственно] промышленного предприятия, в мануфактуру. Поэтому в Лионе, Ноттингеме и т. д. купец называется *фабрикантом,* хотя [фактически] рабочих эксплуатируют указанные посредники. Этот переход к мануфактуре или даже крупной промышленности осуществлялся сообразно тому уровню технического развития, [которым] обладало мелкое самостоятельное производство. Там, где оно уже базировалось на машинах для ремесленного труда — или на машинах, использование которых осуществлялось в рамках [ремесленного] производства, — там совершался его переход в крупную промышленность.

Например:

«На западе Соединенных Штатов большинство поселенцев, после того как они оплатили свои земли, не обладали никакой собственностью, кроме топора, лопаты, лошаденки, охотничьего ружья, коровы, нескольких

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

предметов мебели и [одежды] и одной или двух смен белья. Земля была покрыта лесами и в таком [XVIII—1 157] состоянии была непригодна для возделывания. Переселенцы шли к находившемуся по соседству купцу, брали в кредит под будущий урожай часть капитала в форме сахара, чая, кофе, муки, зерна, картофеля, семян, сала, продовольствия, зимней одежды и т. д. Этим взятым в ссуду капиталом каждый поселенец начинал работать, и когда урожай был собран, купец оплачивался зерном и другими продуктами, а поселенец в результате этой помощи кредитом становился владельцем избытка [продукта], которого частично хватало для поддержания жизни его семьи в следующем году; но все это было бы невозможным, если бы купец отказал ему в кредите... Значительная часть плантаторов в хлопководческих штатах делала крупные запасы одежды и жизненных средств для своих рабов, а также запасы всех видов предметов своего собственного потребления посредством кредита у находившегося по соседству купца, кредита, выданного под урожай будущего года... Что же касается самих сельских купцов, которые снабжали поселенцев и плантаторов, то мало кто из них (если вообще кто-то) имел собственный капитал, достаточный для того чтобы вести дело в том масштабе, в каком они это делают. Сами они вынуждены были приобретать бо̀льшую часть своих запасов в кредит у оптовых торговцев в крупных городах, расположенных в глубине страны и на атлантическом побережье; последние же, в свою очередь, в большей или меньшей степени пользовались кредитом у европейских промышленников... Нередко случалось, что поселенец отдаленного региона Миссури обрабатывал свою землю и выращивал свой урожай с помощью кредита, который мог быть им получен через три или четыре посредствующих звена от производителей скобяных изделий в Бирмингеме или галантерейных товаров в Манчестере» (*Condy Raguet*. A Treatise on Currency and Banking. 2nd ed. Philadelphia, 1840, стр. 50—52). [XVIII—1 157] [288]

[2) ФРАГМЕНТЫ ИЗ ТЕТРАДИ XXI]

[XXI—1 331] [289] {*Применение крупного производства, кооперации и машин в промышленности [и земледелии]*.

«В земледелии невозможно такое большое разделение труда, как в промышленности, ибо в последней все необходимые операции могут выполняться одновременно различными индивидами, в земледелии же они должны следовать одна за другой в соответствии со сменой времен года» (*J. Ramsay*. An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, стр. 332, примечание). «При системе глубокой обработки земли вручную можно получить больше продукта — и, следовательно, содержать на продукт земли более многочисленное население какой-либо отдельной страны, — чем при какой-либо другой системе земледелия» (там же, стр. 339). «Хотя валовой продукт при мелком земледелии больше, однако труд здесь менее производителен, имеет место *расточение труда*. Если валовой продукт земли больше, то, с другой стороны, имеют место недостатки во всем другом» (там же, стр. 337).

«В 1390 г. одна ферма, располагавшая 57 акрами земли, собирала урожай по 6 бушелей пшеницы с акра {теперь в Англии получают в среднем 32 бушеля}, другая — по 5 бушелей овса. В то время численность населения не превышала 2 353 202 человек» (*Иден* [290]) [*Carey*. Principles of Political Economy. Part tho first. Philadelphia, 1837, стр. 61]. «Мы

знаем очень хорошо, что *убрать* зерно так же важно, как и *вырастить* его, и что если бы *было невозможно получить необходимую помощь во время жатвы,* многое из того, что было выращено, погибло бы. Так, в южных штатах плантатор был вынужден ограничить размеры обрабатываемой земли способностью имеющихся у него рабочих убрать урожай. В 1389 г. (согласно *Идену*) уборкой урожая зерна с 200 акров в течение одного дня было занято 250 жнецов и укладчиков скирд и 200 человек — в течение следующего. В том же году для покоса и скирдования 13 акров пшеницы и одного акра овса было занято в течение одного дня 212 человек *(Иден).* В то время 12 бушелей зерна с одного акра земли считалось средним урожаем; так что если 212 человек было занято уборкой 168 бушелей зерна, то теперь эта работа легко выполняется шестью работниками» (*Carey.* Principles of Political Economy. Part the first. Philadelphia, 1837, стр. 58).

«Как только заступ заменил палку, появилась возможность копать на глубину в 4 дюйма с меньшим трудом, чем при помощи палки на глубину в 2 дюйма» (*Carey.* The Past, the Present, and the Future. Philadelphia, 1848, стр. 11). «Во всех случаях мы замечаем, что пионеры охотно захватывают *свободные от леса сухие земли на склонах холмов,* предпочитая их плодородным и покрытым лесом землям речных долин. Всюду мы видим, как они, поскольку население постепенно растет, спускаются, также постепенно, со склонов холмов и гор к плодородным землям у их подножия; и как всюду [XXI—1 332] с ростом их численности они переходят на более низкие земли и там вынуждены смешивать верхний слой глины или песка с нижним слоем мергеля или извести и таким образом из различных веществ *создавать для себя...* почву, способную приносить больший доход, чем тот, из-за которого они вначале были вынуждены затрачивать свой труд. Всюду с ростом могущества людей мы видим, как увеличивается их власть над землей. Всюду, где вводятся в обработку новые земли и где люди в состоянии получить больший доход, мы наблюдаем более быстрый рост населения, вызывающий растущую тенденцию к *объединению усилий,* в результате чего *силы отдельного работника утраиваются* и т. д.» (там же, стр. 48—49).

«В 1760 г. население Англии и Уэльса составляло 6 479 000 человек. Общее количество произведенного зерна оценивалось в 15 349 000 квартеров, а вывоз зерна превышал его ввоз на 400 000 квартеров. Общее количество земли равнялось приблизительно 37 000 000 акров. Количество земли, находящейся в обработке теперь, по меньшей мере в 2 раза больше, чем в начале правления Георга III. Вместе с *этим расширением посевной площади* происходило соответствующее *проникновение в глубь почвы,* и нижний слой в значительной степени смешивался с верхним. В Норфолке и Линкольне *подпочвенный мергель* смешивался с *песком,* а во всем королевстве *известь* в количестве, которое невозможно определить, смешивалась с *глиной,* что могло произойти только в результате обработки земель, богатых железом и углем, земель, которые всегда полностью вовлекались в оборот одними из последних. О результате можно судить по тому факту, что одна и та же земля, которая в прежний период помимо зерна давала еще около 40 тонн соломы, теперь дает то же самое количество зерна и более 500 тонн соломы, сена и брюквы для корма скота, необходимого для удовлетворения спроса мясного рынка... который в 3 раза превышает прежний. Вес корма, получаемого с акра земли, значительно более чем вдвое превышает прежний; но так как количество акров удвоилось, то мы имеем в 5 раз больше кормов для скота, в то время как население возросло только на 150%» (там же, стр. 52). «В XIV в. доход земледельцев составлял в среднем менее 1 квартера с акра, а если вычесть

отсюда 2 бушеля на семена, то в качестве продукта труда остается 6 бушелей. Население стало теперь в $6^1/_2$ раза больше, но численность лиц, живущих земледельческим трудом, возросла менее чем в 3 раза, между тем как количество обрабатываемой земли увеличилось, вероятно, в 10 раз; и средний сбор с одного акра, включая урожай трав в переводе на говядину и баранину и учитывая урожай картофеля и различных других видов растительной пищи, был по меньшей мере в 6 раз больше» (там же, стр. 54).}

Совершенно верно, что «объединением усилий», как говорит Кэри (цит. соч., стр. 48—49), «*силы отдельного работника утраиваются*» и более чем утраиваются. Но *стоимость* отдельной рабочей силы вследствие такого развития общественной силы труда не *увеличивается*, а, наоборот, *уменьшается*, абсолютно уменьшается. И рабочий по-прежнему продает капиталу свою *индивидуальную рабочую силу*, которая срослась с ним как с личностью, но отнюдь не свой труд как фактор этой *общественной силы* комбинированного труда. Указанная комбинация труда, как мы видели [291], есть чуждая отдельным рабочим форма, есть *форма капитала*, вследствие чего и *производительные силы* этой комбинации представляют собой производительные силы капитала, а не труда. Поскольку речь идет о *стоимости рабочей силы*, которая определяет *цену труда* (следовательно, не об особых обстоятельствах, определяющих повышение или падение указанной цены *выше* или *ниже* этой стоимости, что всегда представляет собой колебания), то эта стоимость, так же как и *стоимость* всякого другого товара, должна с необходимостью понижаться в результате развития производительных сил труда. *Повышаться* она может лишь в той мере, в какой развитие капиталистического способа производства требует [более высокого уровня] образования рабочей силы, более сложный труд которой делает необходимым более высокое *индивидуальное* развитие этой рабочей силы, так что масса стоимости (труд), требуемая для ее создания, возрастает. Это не касается значительной массы рабочих, на которую капиталистический способ производства оказывает скорее обратное воздействие.

[XXI—1 333] *К вышеизложенному замечанию относительно цены труда и стоимости рабочей силы [the labouring power]:* {Так же как не растет *стоимость* паровой машины вследствие того, что увеличивается ее мощность, так же не растет и стоимость *рабочей силы [labouring power]*.}

«Верно, что причины, повышающие *размер заработной платы рабочего*, часто увеличивают и *прибыль капиталиста*. Если в результате *возросшего усердия* один человек выполняет работу двух, то обычно повышаются и размер заработной платы, и норма прибыли. Но *норма прибыли* повысится не вследствие *повышения заработной платы*, а вследствие того,

что *добавочное предложение труда понижает его цену* или сокращает тот период, в течение которого прежде необходимо было платить эту цену» (*N. W. Senior.* Three Lectures on the Rate of Wages. London, 1830, стр. 15)*.

Производительный рабочий [292]. Насколько с точки зрения капиталистического производства *непроизводителен* тот рабочий, который хотя и производит пригодные для продажи товары, но всего лишь в размере стоимости его собственной рабочей силы, — который, следовательно, не создает прибавочной стоимости для капитала — это видно уже из тех мест у Рикардо, где говорится, что самое существование такого рода людей является обузой [293]. Таковы теория и практика капитала.

«Как теория капитала, так и *практика прекращения труда в тот момент,* когда он в дополнение к жизненным средствам рабочего мог бы произвести еще и *прибыль* для капиталиста, противоречат, по-видимому, тому естественному закону, который регулирует производство» (*Th. Hodgskin.* Popular Political Economy. London, 1827, стр. 238) [Русский перевод, стр. 196].

«Он» (рабочий) «хочет работать *a* [часов] за заработную плату *b*, но не 2*a* [часов] за заработную плату 2*b*. Ибо если вы дадите ему 2*b* за 1*a*, то не явится ли следствием то, что он удовольствуется меньшим и поэтому не будет работать даже *a* [часов]?» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption» etc. London, 1821, стр. 97).

«Капитал есть по преимуществу власть демократическая, филантропическая и эгалитарная» (*Fr. Bastiat.* Gratuité du Crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850, стр. 29).

Цена труда, так же как и *цена земли,* — [иррациональное или] мнимое выражение, такое, как $\frac{0}{0}$ или $\sqrt{-2}$.

Каким образом *деньги,* которые обмениваются на труд, расходуются их владельцем как капитал, но выплачиваются рабочим просто как деньги, — это сказано очень хорошо, хотя и невольно:

«Сколько личной пользы приносят деньги купцам, ремесленникам, земледельцам и прочим, *которые оказывают поддержку другим и обогащаются* сами, предоставляя бедным работу и оплачивая ее деньгами. Сколько личной пользы приносят они всем этим беднякам, которые *живут только тем, что работают за эти деньги*» («Usurie arraigned and condemned». London, 1625, стр. 3).

Все-таки сначала следовало бы привести пример из современного сельского хозяйства для иллюстрации прибавочной стоимости, так как ниже приведены данные столетней давности. *Ячмень* (2-й год севооборота, занимающего более 4 лет);

* Это верно для *нормы прибавочной стоимости.* Что касается нормы прибыли, то она может повышаться без уменьшения цены труда.

1-й год — кормовая свекла, 2-й год — ячмень, 3-й год — клевер, 4-й год — пшеница. Это составляет в расчете на один акр:

Постоянный капитал:	*Шилл.*
семена (3 бушеля)	9
изнашивание	1
дополнительные расходы	1
изгороди	1
	12 шилл.

Переменный капитал:

Заработная плата за пахоту, боронование, перепахивание, рытье канав, за покос и жатву, перевоз и складывание в стога и скирды, молотьбу, доставку на рынок — 1 ф. ст.

Прибавочная стоимость:

Рента	—	12 шилл. 6 п.
Десятина	—	3 шилл.
Налоги	—	1 шилл. 2 п.
Прибыль	—	2 ф. ст. 8 шилл.
		3 ф. ст. 4 шилл. 8 п.

Продукт:

4 квартера по 24 шилл.	—	4 ф. ст. 16 шилл.
Солома	—	15 шилл.
Корма для овец	—	2 шилл. 6 п.
		5 ф. ст. 13 шилл. 6 п.

Следовательно, совокупный авансированный капитал равен *1 ф. ст. 12 шилл.* (*[J. Arbuthnot.]* An Inquiry into the Connection between the Present Price of Provisions, and the Size of Farms. [XXI—1 334] By a Farmer. London, 1773, стр. 104—105).

Позднее сослаться на эту работу при рассмотрении земельной ренты — в качестве примера того, как прибыль в земледелии уменьшилась, а рента возросла.

Простая кооперация

«обеспечит большее увеличение продукта в результате их (бывших земледельцев) *объединенного труда на одной ферме,* чем если бы *каждый должен был работать для себя* на малом участке земли» (цит. соч., стр. 128).

«Здесь» (когда один фермер концентрирует на 300 акрах то же самое число работников, какое каждый из 3 фермеров применяет на 100 акрах) «сказывается также *преимущество в соотношении* работников, которое нелегко понять людям, не знакомым с делом на практике; в самом деле, кто станет оспаривать, что 1 относится к 4, так же как 3 относится к 12, однако на практике это положение неверно: так, во время жатвы и при многих других спешных работах, требующих *указанного соотношения,*

дело идет лучше и быстрее, если *соединить значительное число рабочих рук вместе;* например, во время жатвы 2 возчика, 2 укладчика, 2 подавальщика, 2 загребальщика и остальные на скирдах или на гумне *сделают вдвое больше,* чем *то же самое количество рабочих рук, разделенных на различные группы по различным фермам»* (цит. соч., стр. 7—8).

«Предположим, что имеется стадо в 100 овец, а это много для такой фермы (в 100 акров); для этого стада овец не будут держать пастуха, хотя оно требует такой же заботы и ухода, как и стадо, которое имеет втрое больше овец и с которым легко справится один работник» (там же, стр. 9—10).

Природная производительность земли.

Там, где развито капиталистическое производство, различия в природной производительности — почва, климат и все, что с этим связано, — влекут за собой различия в относительной производительности применяемого капитала, так как природная производительность труда, совершенно так же как и его общественная производительность, выступает как *производительность капитала,* а потому и степени этой производительности выступают как степени производительности капитала. Но, напротив, *не эта природная производительность* способствует развитию капитала или вызывает его развитие по отношению к самой себе. Это позволяет нам глубоко понять природу *прибавочной стоимости* (т. е. прибавочного труда), а тем самым сразу обнаружить фантазию физиократов (отчасти Смита) и направленные на апологию земельной собственности воззрения Мальтуса, будто *прибавочная стоимость* есть какой-то дар природы. Предположим, что в какой-нибудь стране имеется очень много дичи. Если охотник довольствуется тем, что отстреляет или выловит столько дичи, сколько ему попадется, то он не производит избытка дичи. И если вообще человек довольствуется тем, что присваивает себе из стихийно возникших продуктов богатой природы столько, сколько ему нужно для удовлетворения необходимых потребностей, то он не производит капитала. Плодородие земли может позволить ему работать мало и применять свой труд на площади в $^{1}/_{40}$ акра. Он производит в этом случае не больше избытка, чем если бы он работал целый день, для того чтобы обработать 40 акров бесплодной земли. Производство нигде не начинается с капитала. Капитал начинается там, где уже при других способах производства — какими бы они ни были — развилось промышленное население, а это зависит от массы природных потребностей и, следовательно, от природного побуждения к труду. Последнее находится в обратном отношении к природной производительности земли, находится в зависимости от необходимости *действия,* от тех препятствий, которые необходимо преодолеть. Конечно,

если почва и климат слишком бесплодны, то результат будет таким же, как и в том случае, когда они слишком плодородны.

«И я не могу представить себе большего несчастья для народа, чем быть заброшенным на клочок земли, где *производство жизненных средств, пищи* было бы в значительной степени *стихийным*»

{т. е. не было бы результатом труда, побуждения к развитию человеческой [XXI—1 335] деятельности},

«а климат требовал или допускал мало забот об одежде или защите от непогоды... Возможна и противоположная крайность. Почва, не способная производить при посредстве труда, совершенно так же плоха, как и почва, изобильно производящая без всякого труда» ([*N. Forster.*] An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions. London, 1767, стр. 10).

Машины.

«Если бы рабочие, труд которых сберегался бы такого рода усовершенствованиями» (машины и всякого рода усовершенствования и изобретения, *уменьшающие количество труда*), «оставались абсолютно неиспользованными... то эти усовершенствования были бы действительным злом, ибо отсутствие работы — одно из худших зол. С другой стороны, польза от этих изобретений очевидна, значительна и всегда *имеет тенденцию уменьшить,* если не совершенно устранить *своим воздействием,* то зло, *которое они причинили вначале.* Продукты продавались на рынке по более дешевой цене; вследствие этого расширялось производство и применялось больше рабочих. Рабочие производят в значительно большем количестве и с меньшими издержками. Следствием является большее изобилие продовольствия и более низкая его цена» (там же, стр. 21, примечание).

Цена труда. Там, где выражение *цена* prima facie *, *первоначально* является *иррациональным,* следовательно, выражает не просто некое несоответствие с выраженной в деньгах *величиной стоимости* какой-либо вещи, но и несоответствие с самим понятием стоимости, там мы всегда непременно должны найти два момента:

либо *цена* выражает чисто случайное отношение, т. е. уравнение, отношение обмена между двумя вещами, которые сами по себе несоизмеримы; такого рода *цены,* какими бы характерными они ни были для какого-либо состояния общества, распространяются на бесконечно малое с политико-экономической точки зрения количество вещей; единственная, связанная с ними проблема состоит в том, чтобы установить, откуда берутся *покупатели,* способные уплатить такого рода цены за вещи, не имеющие стоимости;

* — на первый взгляд. *Ред.*

либо *цена* есть *форма проявления* некоего скрытого за нею отношения стоимости, которое, однако, в этой форме не может быть познано *непосредственно*. Тогда вопрос о *средней цене* [труда] ведет к действительной проблеме. Только эта вторая, иррациональная форма цены представляет собой действительную проблему политической экономии. *Цена труда* и *цена земли* (или природных сил вообще) — это два исключительных иррациональных выражения этого рода. *Цена земли* иррациональна, поскольку адекватная цена есть денежное выражение стоимости, а стоимости не может быть там, где нет овеществленного в вещи труда. Поэтому исследование тайны этой цены есть одна из главных проблем политической экономии.

Точно так же иррационально и выражение *цена труда*. И это выражение, как и выражение цена земли, в данном случае выражает действительное отношение. Цена есть денежное выражение стоимости. Стоимость какой-либо определенной суммы денег определяется посредством содержащегося в последней количества труда. Поэтому определенное количество труда имеет своим результатом стоимость определенной суммы денег, однако эта сумма денег не является *ценой* труда, который содержится в деньгах, но деньги имеют стоимость лишь как выражение этого количества [труда], поскольку в результате этого они выступают как выражение той же самой энергии, которая измеряет все другие товары. *Цена труда* также этого не означает. Она означает ту сумму денег, на которую покупается определенное количество труда, в противоположность той сумме денег, в которой то же самое количество труда представляется. Следовательно, цена труда выражает не *стоимость денег*, в которых представляется труд, а некую отличающуюся от них сумму денег. Это, следовательно, есть *prima facie* * иррациональное выражение, противоречащее понятию стоимости и поэтому самой *цене*, которая есть лишь денежное выражение стоимости, соответствующее или не соответствующее величине этой стоимости. Но если задать следующий вопрос: что представляет собой средняя, или естественная, цена труда, то ответ будет таким: *стоимость рабочей силы. Цена труда* есть, следовательно, всего лишь *цена* рабочей силы, которая уплачивается за большее количество труда, чем его содержится в ней.

[XXI—1 336] *Процесс производства капитала.*

Мы видели [294]: этот процесс производства есть не только процесс производства *товаров*, но и процесс производства *при-*

* — *на первый взгляд. Ред.*

бавочной стоимости, поглощения прибавочного труда и поэтому — процесс производства капитала. Первый формальный акт обмена между деньгами и трудом — или между капиталом и трудом — лишь в *возможности* является присвоением чужого живого труда посредством труда овеществленного. Действительный процесс присвоения совершается только в действительном процессе производства, для которого уже пройденным, лежащим позади него этапом является указанная первая формальная сделка, где капиталист и рабочий противостоят друг другу *просто* как *товаровладельцы,* относятся друг к другу как покупатель и продавец, из-за чего все вульгарные экономисты, например, Бастиа [295], и не идут дальше этой первой формальной сделки, — как раз для того чтобы мошеннически отделаться от данного специфического отношения. В обмене между деньгами и непроизводительным трудом это различие обнаруживается с полной ясностью. Здесь деньги и труд обмениваются друг на друга *только* в качестве товаров. Этот обмен, стало быть, не образует капитала, а представляет собой *расходование дохода* [296].

Земельная рента.

Мальтус говорит:

«Справедливая *прибыль* на примененный *капитал,* включая, конечно, и *оплату труда,* всегда будет *достаточным стимулом к возделыванию земли»* (*Th. R. Malthus.* An Inquiry into the Nature and Progress of Rent etc. London, 1815, стр. 3, примечание) [Русский перевод, стр. 2].

Нет ничего более верного. Но так обстоит дело и с работником, который владеет собственными орудиями труда. Достаточным стимулом, для того чтобы прясть или ткать, является для него лишь справедливая заработная плата, но часто — и весьма несправедливая заработная плата, как это мы видим у всех ремесленников, которым приходится конкурировать с мануфактурой или фабрикой. Для того же самого работника, земледельца или мелкого арендатора, *достаточным стимулом к возделыванию земли* является получение им такой платы за труд, которая в благоприятном случае дает некоторый избыток над средней заработной платой, т. е. способность присвоить себе часть своего собственного прибавочного труда, не говоря о тех случаях (Ирландия и т. д.), когда он, несмотря на свой незначительный инвентарь, который *не* является *капиталом,* решается возделывать землю за минимум (физический), стоящий ниже средней заработной платы. Вообще, следовательно, если единственной причиной несуществования ренты было бы то, что земля, которая оплачивает лишь прибыль (цену производства),

составляет «достаточный стимул» для ее возделывания, то точно так же причиной несуществования прибыли было бы то, что *издержки производства* (в отличие от цены производства) составляют для работника достаточный стимул, для того чтобы работать. Так же как последний в результате этого не получает в свое распоряжение капитал, так первый [т. е. капиталист] не получает в свое распоряжение землю. Если землю будет обрабатывать фермер-капиталист, то цена его продукта должна давать некоторый избыток над *ценой производства,* добавочную прибыль. Если, напротив, землю будут обрабатывать мелкие арендаторы и земледельцы, то достаточно будет того, что цена дает избыток над *издержками производства;* следовательно, некоторая часть прибавочной стоимости, вместо того чтобы превращаться в прибыль, превращается в ренту. Это не составляет здесь *избытка* над прибылью, а *та же самая прибавочная стоимость,* которая в ином случае называется прибылью, здесь называется рентой, или некоторая часть прибыли, вместо того чтобы достаться владельцу незначительного инвентаря, идет собственнику земли. Все заблуждение физиократов {только еще усиленное, так как у них прибыль положена равной заработной плате, поэтому прибавочный труд и прибавочный продукт выражаются только *в ренте*} полностью выражено в следующих положениях священника Мальтуса:

«Мы, однако, хотим знать, почему потребление и предложение (сырья) таковы, что *цена так сильно превышает издержки производства,* и главная причина этого, очевидно, *плодородие* земли, производящей жизненные средства. Уменьшите это изобилие, уменьшите плодородие почвы, и тогда уменьшится указанное превышение; уменьшите плодородие еще больше, и превышение исчезнет. Причину *высокой цены* жизненных средств, *превышающей* издержки производства, надо искать скорее в их изобилии, чем в их недостатке» (цит. соч., стр. 13) [Русский перевод, стр. 8]. «Если бы, например, почва земли была такова, что, как бы хорошо ни было руководство трудом человека, он не мог бы производить на ней больше того, что было бы всего лишь достаточным для содержания тех, чей труд и внимание были необходимы для получения ее продуктов, то хотя в этом случае пища и сырье были бы, очевидно, более скудными, чем в настоящее время, и земля могла бы быть, так же как и теперь, *монополизирована* частными собственниками, однако совершенно ясно, что ни *ренты,* ни какого бы то ни было *значительного прибавочного продукта земли в форме высокой прибыли* существовать бы не могло» (там же, стр. 9) [Русский перевод, стр. 6].

Во-первых, если бы труд человека на земле производил лишь столько, сколько необходимо, для того чтобы существовать (включая его семью, пока она не работоспособна), то земля не могла бы быть *монополизирована* частными собственниками, потому что могло бы существовать как раз лишь столько соб-

ственников, сколько земледельцев. «Монополизация» означала бы здесь присвоение посредством труда, следовательно, то, что под этим понимает Локк [297]. Сфера этой «монополизации» простиралась бы как раз до того же предела, что и индивидуальный труд каждого. Следовательно, уже это — нелепая гипотеза. К чему, однако, сводится все это? Если бы для воспроизводства собственной рабочей силы человека требовался весь его труд, то не было бы никакого *прибавочного труда* и, следовательно, никакого *прибавочного продукта*, [XXI—1 337] в котором он реализуется. И тем самым не было бы также ни прибыли, ни ренты, так как и та и другая — всего лишь формы присвоения прибавочного труда и поэтому — всего лишь категории прибавочной стоимости. Физиократы, которые, как говорит сам Мальтус, полагают, что то, что называется прибылью, есть не что иное, как заработная плата капиталистов, что она

«пропорциональна потребностям и необходимым жизненным средствам собственников капитала» (цит. соч., стр. 16) [Русский перевод, стр. 10],

т. е. воспроизводит всего лишь необходимые для воспроизводства их рабочей силы жизненные средства, поэтому вправе толковать ренту как единственный прибавочный продукт, т. е. как единственную форму прибавочной стоимости, прибавочного труда, так как при этом условии она одна представляла бы собой избыток труда над тем трудом, который необходим для существования рабочих. Постольку, следовательно, рента, как и прибыль, короче говоря, прибавочная стоимость и прибавочный продукт покоятся на *плодородии* земли, т. е. на природной производительности труда, для того чтобы производить большее количество, чем абсолютно необходимые жизненные средства рабочих, на природной производительности, покоящейся во всяком случае на свойствах ее — земли и т. д. — неорганической природы. Но какое отношение имеет это *плодородие* земли к тому, что «цена так сильно превышает издержки производства»? В той степени, в какой растут природная производительность труда и природное плодородие почвы, данное количество труда выражается в большем количестве продукта. Одно и то же количество труда выражается в *той же самой стоимости*, а стало быть, также и *совокупный продукт* выражается в той же самой *совокупной цене*. Но *цена единицы продукта падает*. Вместо того чтобы выражаться в высокой цене квартера пшеницы, это плодородие выражается в низкой его цене. Во всяком случае — и здесь допускают путаницу физиократы — это плодородие выражается в низкой стоимости рабочей силы, относительной непродолжительности *необходимого*

рабочего времени. Если бы, следовательно, работали то же самое рабочее время, выполняли то же самое количество труда, то *прибавочный труд* (и прибавочный продукт) увеличился бы в той же самой мере, в какой уменьшилась бы необходимая часть рабочего дня, а поэтому — и *стоимость* необходимого продукта. Этот *прибавочный продукт* имел бы поэтому более высокую стоимость, но не потому что *повысилась цена* единицы продукта, а потому, что она понизилась; *совокупная же цена совокупного количества* [товаров] осталась бы той же самой или также уменьшилась, если бы уже не работали то же самое количество часов. Если необходимый труд был равен 6, а рабочий день — 12 и если вследствие большего плодородия необходимый труд стал равным 3, а прибавочный труд — 7, то стоимость совокупного продукта понизилась бы на $^1/_6$, цена товара уменьшилась бы в два раза, а *стоимость прибавочного продукта* повысилась бы на $^1/_6$. Это увеличение *прибавочной стоимости* или *прибавочного продукта* покоится лишь на *большем присвоении чужого труда,* которое как раз возможно только потому, что *стоимость* товара *понизилась*. То, что повышается *стоимость прибавочного продукта,* а не только его количество, вводит в заблуждение физиократов, которые не видят, что если бы совокупное рабочее время уменьшилось пропорционально [росту] производительности труда, то *стоимость прибавочного продукта* понизилась бы. Например, если бы в вышеприведенном случае стали работать 6 часов вместо 12, то рабочий за 3 часа получил бы столько же, сколько прежде за 6, так же как и тот, кто присваивает 3 часа прибавочного труда. Но *стоимость* совокупного продукта, а вместе с ним и *прибавочного продукта,* упала бы вдвое. То, что количество труда — например, 12 часов в день — остается тем же самым, как бы ни изменялась производительность труда, кажется физиократам «установлением природы», так же как и Мальтусу — «даром природы человеку» (там же, стр. 8—9), а именно — даром природы «природному превосходству людей». Во всяком случае от этих благодетельных установлений природы зависят «высокие прибыли» г-на Мальтуса, но не избыток ренты над прибылью или «*избыток цены над издержками производства*» [там же, стр. 9]. Если сельскохозяйственный труд производительнее какого-либо другого труда, то это может проявиться только в том, что здесь необходимо меньше живого труда, для того чтобы продукты прежнего труда (постоянный капитал) использовать для воспроизводства, превратить их в новые продукты. Следовательно, *стоимость,* которую какой-либо определенный капитал произвел бы в сельском хозяйстве, была бы меньше той стоимости,

которую тот же самый капитал произвел бы где-либо еще. Вместо некоторого избытка цены совокупного продукта над издержками производства в других сферах, здесь — минус. {Уже у *Андерсона* [298] обнаруживается, что закон *дифференциальной ренты* может быть найден без ясного понимания природы *стоимости*. Для этого, действительно, не нужно ничего, кроме понимания, что средняя рыночная цена, или то, что можно назвать *рыночной стоимостью,* — не зная, чем определяется эта рыночная стоимость и как она относится к определению стоимости товаров, — *одна и та же* для сырья, произведенного трудом различной — благодаря различным преимуществам тех сортов земель, на которых производят *один и тот же* вид сырья, — производительности. Мальтус там, где он присваивает полученное от Андерсона (не говоря уже о том, что он искажает присваиваемое посредством его смешения с положениями физиократов и А. Смита), развивает или, вернее, запутывает дело на основе своей неверной теории, согласно которой *стоимость* товаров (следовательно, их цена как денежное выражение стоимости) определяется *количеством труда,* которым они могут распоряжаться. Его изложение является самым путаным, какое только можно себе представить. Он говорит:

[XXI—1 338] «Но *накопление капитала, превосходящее средства его применения на земле, обладающей наибольшим природным плодородием и наиболее выгодно расположенной,* непременно должно *понизить* прибыль, тогда как *тенденция населения* к *росту, превосходящему средства существования,* должна, спустя некоторое время, *понизить заработную плату*» (*Th. R. Malthus.* An Inquiry into the Nature and Progress of Rent etc. London, 1815, стр. 17) [Русский перевод, стр. 11].

Если *заработная плата* понижается вследствие указанной «тенденции населения», то, следовательно, *растет прибыль (прибавочная стоимость *)*. А в результате этого вздорожание сырья (*прибыль* изменилась бы в свою очередь вследствие вздорожания постоянного капитала) вместо падения прибыли (и прибавочной стоимости) — в первую очередь у неземледельческого капитала — вызвало бы *рост последней. Норма* прибавочной стоимости возросла бы даже в том случае, если то количество хлеба и т. д., которым мог распоряжаться рабочий, уменьшилось вследствие его вздорожания. Указанное повышение прибыли, поскольку оно обусловлено падением заработной платы, имело бы место также и для того капитала, который

* В рукописи слова *«прибавочная стоимость»* написаны над словом *«прибыль». Ред.*

вложен в обработку наихудшей земли и не приносит никакой ренты. Правда, эта прибыль выразилась бы здесь в меньшем количестве сырья. На лучших землях часть прибыли выделилась бы как *добавочная прибыль* и поэтому приняла бы форму ренты. Это было бы не падением нормы прибыли, а ее *повышением* на лучших землях, где образовалась бы *рента*. Если вместе с подорожанием сырья падает *норма* прибавочной стоимости — а мы можем здесь сказать, что и *норма прибыли*, так как Мальтус, так же как и Рикардо и т. д., *смешивает то и другое*, следовательно, обе они для *него* идентичны, — то это может происходить только потому, что на худших землях требуется большее *количество необходимого рабочего времени* и поэтому остается меньшее *количество прибавочного труда* (при неизменной продолжительности рабочего дня). А так как *цена хлеба* и т. д. повысилась бы повсеместно, рабочему всюду пришлось бы работать более продолжительное необходимое время, для того чтобы получать *ту же самую* заработную плату. Прибавочный труд и, следовательно, прибавочная стоимость поэтому уменьшились бы во всех отраслях производства, а стало быть, уменьшилась бы также и прибыль. Для арендатора лучших земель это уменьшение прибыли было бы номинальным, если бы у него оставался весь продукт, так как меньшая часть его продукта теперь имела бы бо̀льшую стоимость, чем прежде, а стоимость его совокупного продукта повысилась бы. Но если предположить вместе с Мальтусом, что *заработная плата* понижается, так как *требуется больше труда*, для того чтобы ее произвести, то каким образом вследствие этого должна понизиться *норма прибыли?* И вот он продолжает:

«*Издержки производства* будут *таким образом уменьшены*, но *стоимость продукта* — т. е. то *количество труда* и других продуктов труда, помимо хлеба, которыми хлеб может распоряжаться, — *будет* не уменьшаться, а *увеличиваться*. Возрастающее количество людей будет нуждаться в жизненных средствах и будет готово предложить свои услуги в любой отрасли, где они могли бы быть использованы. *Меновая стоимость продовольствия* будет, *следовательно, превышать издержки производства*, включая в эти издержки *полную* прибыль на примененный в земледелии капитал в *соответствии с действительной нормой прибыли*, существующей в настоящее время. И этот избыток есть *рента*» (там же, стр. 17—18) [Русский перевод, стр. 11].

Следовательно, *издержки производства* уменьшаются, а *стоимость продукта* увеличивается. Но почему уменьшаются *издержки производства?* Под *издержками производства*, помимо *стоимости* примененного капитала, о котором *Мальтус не упоминает*, как о чем-то, не имеющем отношения к его изложению, он понимает заработную плату плюс прибыль. Эта сумма умень-

шается. Почему? Потому что уменьшается заработная плата и понижается прибыль. А почему *уменьшается* заработная плата? Потому что хлеб стал дороже. А почему хлеб стал дороже? Потому что *повысились издержки производства* на худших землях. Если бы рабочий по-прежнему получал столько же хлеба и т. д., сколько прежде, то его заработная плата — т. е. ее стоимость — должна была бы *повыситься,* так как рабочий бо̀льшую часть дня должен был бы *работать* на себя самого, для того чтобы воспроизвести то же самое количество жизненных средств. Если же *стоимость* его заработной платы падает, то это происходит потому, что уменьшается количество получаемого им хлеба — вследствие *тенденции населения* [к росту]. Если хлеб подорожал на $^1/_3$ и рабочий получает на $^1/_3$ меньше хлеба, то он по-прежнему работает в течение *того же самого* прибавочного рабочего времени для своего работодателя. Правда, то же самое рабочее время выразилось бы в *меньшем количестве* хлеба, но из этого меньшего количества работодатель получил бы такую же *часть стоимости,* как и прежде. (Кроме того, при этом методе исследования не следует упускать из виду то, почему обрабатывались худшие земли, ибо рост населения вызвал бы не производство большего количества хлеба, а лишь то, что население было бы посажено на более тощую диету.) *Норма прибыли,* следовательно, осталась бы той же самой, а стало быть, и *издержки производства* работодателя. Но по отношению к *хлебу издержки производства* увеличились бы, ибо то же самое количество труда, распределяясь так же как и прежде, выразилось бы *в меньшем количестве хлеба,* следовательно, стоимость или цена единицы количества хлеба повысилась бы. Но эта *увеличившаяся стоимость* хлеба не выражала бы никакого *избытка стоимости* над *издержками производства* на самой худшей земле, так как стоимость прибыли и заработной платы была бы равна стоимости хлеба, следовательно, *издержки производства* [XXI—1 339] были бы равны стоимости продукта. И с этим Мальтус согласен, так как худшая земля *не* приносит *ренты,* следовательно, *стоимость ее продукта* равна *издержкам производства,* оплачивает всего лишь заработную плату и прибыль. Итак, если заработная плата понизилась, норма прибыли, по меньшей мере, осталась той же самой. Она даже *повысилась* бы, если бы понизилась *стоимость* труда, т. е. если бы понижение заработной платы относилось не только к уменьшившемуся количеству потребительных стоимостей. Меньшее количество хлеба распоряжалось бы теперь тем же самым количеством труда, что и прежде; следовательно, *то же самое* количество хлеба распоряжалось бы *бо̀льшим количеством*

труда, чем прежде. Но это не создало бы *избытка стоимости* продукта *над* издержками производства. Это совершенно не затронуло бы тождества между *стоимостью продукта* и *издержками производства,* а имело бы своим результатом только то, что отношение между заработной платой и прибылью осталось бы тем же самым. Точно так же мало изменилось бы что-нибудь вследствие того, что *цена* хлеба по сравнению с другими продуктами повысилась бы и поэтому меньшее количество хлеба распоряжалось бы бо̀льшим количеством других продуктов.

Откуда, стало быть, берется *рента* на лучших землях? Откуда берется избыток стоимости продукта над издержками производства? Он возникает просто оттого, что продукт лучших земель продается дороже его *издержек производства;* он продается по *издержкам производства* худшей земли. Здесь, следовательно, прибыль повысилась бы вдвойне: во-первых, потому что уменьшилась бы заработная плата, и, во-вторых, потому что продукт продавался бы выше своей стоимости. Однако в действительности здесь создавался бы *избыток стоимости,* потому что *увеличились бы издержки производства* на самых худших землях и вследствие этого поднялась бы *цена хлеба* на всех землях, между тем как действительные издержки производства на лучших землях остались *теми же самыми. Стоимость* возросла бы по отношению к *их* издержкам производства, так как она определялась бы не по их издержкам производства, а по издержкам производства на самой худшей земле. Таким образом, так как их *номинальная стоимость* возросла, *их* издержки производства уменьшились (уменьшились потому, что увеличились бы *издержки производства* хлеба, производимого на плохой земле), но их номинальная стоимость возросла не *потому,* что уменьшились издержки производства, а наоборот. Например, с лучших земель продают за 3 ф. ст. квартер хлеба, который сто̀ит им 1 ф. ст., но это происходит только потому, что тот же самый квартер хлеба на плохих землях сто̀ит 3 ф. ст. Так как номинальная стоимость их хлеба повысилась до 3 ф. ст., то относительно уменьшаются, оставаясь неизменными, их издержки в *1 ф. ст.,* но их номинальная стоимость повышается не потому, что уменьшились *издержки производства.* Это извращенное толкование г-на Мальтуса направлено на то, чтобы сохранить в силе его первое положение о том, что рента, выражаясь физиократически, есть дар природы, а хлеб становится дороже, потому что он имеется в изобилии; что *производительность* земледелия есть причина *высоких цен* на его продукты. Поэтому, согласно Мальтусу, *стоимость*

продукта должна возрастать, так как его *издержки производства* уменьшаются. Это не имеет абсолютно никакого отношения к тому, что то же самое количество хлеба «распоряжается *бо̀льшим количеством труда* и других продуктов помимо хлеба». Ибо, согласно предположению Мальтуса, заработная плата уменьшается также на самой худшей земле, да и как она могла бы не уменьшиться, если заработная плата *одна и та же* для всех видов земли? И хлеб с самой худшей земли тем более распоряжается бо̀льшим количеством других продуктов помимо хлеба, поскольку их *стоимость* осталась той же самой и не подорожала одновременно с хлебом. Однако эти обстоятельства не создают никакой *ренты* на плохой земле. Они, следовательно, вообще не имеют никакого отношения к образованию ренты. По Мальтусу, впрочем, *норма прибыли* не упала бы, а рента на лучших землях лишь воспрепятствовала бы ее повышению. *Норма прибыли* не может упасть не потому, что то же самое количество хлеба распоряжается бо̀льшим количеством прибавочного труда, а потому, что оно распоряжается меньшим его количеством, так как рабочий должен работать *на самого себя бо̀льшую часть* совокупного рабочего дня, чем прежде, для того чтобы воспроизвести то же самое количество хлеба или его стоимость. Следовательно, здесь в этой мальтусовской нелепости, согласно которой издержки производства понижаются, а стоимость продукта повышается, обнаруживается, что он не понял теорию дифференциальной ренты. Правда, в другом месте, для того чтобы показать, что рента не является монополией, он говорит следующее:

> «Итак, отсюда следует, что возросшая по отношению ко *всему* его *количеству* часть сырья была продана по естественной или необходимой цене, т. е. по цене, *необходимой* для того, чтобы получить ныне существующее количество продукта, хотя значительно *бо̀льшая часть* была продана *по цене,* гораздо *более высокой, чем та, которая необходима для его производства;* это происходит оттого, что *эта часть* производится с *меньшими издержками,* между тем как ее меновая стоимость остается неуменьшенной» (цит. соч., стр. 36) [Русский перевод, стр. 22—23].

Наоборот, это происходит оттого, что *эта часть* производится с *меньшими издержками,* так как ее номинальная стоимость *поднялась* выше своего первоначального уровня. И непонятно, как *все количество* должно быть продано по своей *необходимой цене,* если *значительно бо̀льшая часть* его продается выше своей необходимой цены. Напротив, все продается по цене, необходимой для производства его *наименьшей части,* следовательно, с разностью между его реальной и номинальной стоимостью.}

[XXI—1 340] {Как у Мальтуса, так и у других авторов мы находим, что *рента* — это всего лишь *известная форма*, которая предполагает избыток.

«Подразумевается, что *наиболее общий избыток*... включает в себя как *прибыль* фермера, так и *ренту* собственника земли» (там же, стр. 16) [Русский перевод, стр. 10]. «*Этот избыток продукта* (при известных обстоятельствах)... обнаруживается главным образом в чрезвычайно *высокой прибыли* и чрезвычайно высокой заработной плате и *проявляется* — но мало — в *форме ренты*» (там же, стр. 17) [Русский перевод, стр. 10]. «Невозможно, чтобы *рента* постоянно оставалась *частью прибыли на капитал* или *частью заработной платы*... невозможно и *существенное отделение* (ренты) от прибыли. Если бы общая прибыль на капитал составляла 20% и отдельные участки земли давали бы 30% прибыли на вложенный капитал, то очевидно, что 10% из 30 были бы *рентой*, кто бы ее ни получал» (там же, стр. 18—19) [Русский перевод, стр. 11]. «Нация, достигнув сколько-нибудь значительной степени богатства и т. д. ... [вызывает] *отделение ренты как чего-то фиксированного на землях определенного качества и т. д.*» (там же, стр. 20) [Русский перевод, стр. 12].} {«Рента... начинает *свое отделение от прибыли*, как только понижаются прибыль и заработная плата» (там же, стр. 20—21) [Русский перевод, стр. 13].}

Заработная плата. Ее средний уровень и движение.

«*Не существует ничего, что было бы столь же абсолютно неизбежным в развитии общества, как падение заработной платы*, т. е. *такое ее падение*, которое, в сочетании с *привычками* трудящихся классов, будет регулировать рост населения в соответствии с *жизненными средствами*» (там же, стр. 19) [Русский перевод, стр. 12].

Господин *Мальтус* в «Observations on the Effects of the Corn Laws etc.». 3rd ed. London, 1815, утверждает в противовес А. Смиту (а следовательно, и своему собственному неверному предположению, высказанному в работе «An Essay on the Principle of Population»):

«Очевидно... что *заработная плата в целом* никогда не может повышаться и понижаться пропорционально изменениям в цене хлеба» (стр. 6).

Этот же парень в своем сочинении «The Grounds of an Opinion on the Policy of Restricting the Importation of Foreign Corn», London, 1815, говорит:

«Эта заработная плата будет в конце концов определяться обычной денежной ценой хлеба и т. д.» (стр. 26).

И тот же взгляд проводится в его работе «An Inquiry into the Nature and Progress of Rent etc.» London, 1815, для того чтобы показать необходимость отделения *ренты* от прибыли и заработной платы. Так, стало быть, почему же наш молодчик в «Observations on the Effects of the Corn Laws etc.» опровергает этот переданный ему А. Смитом и им самим проводимый в иных

случаях, но совсем иначе, чем у А. Смита, — односторонне ограниченным образом — взгляд? Ответ имеется у *Джемса Дикона Юма* в работе «Thoughts on the Corn-Laws etc.» London, 1815:

«Г-н Мальтус приложил много усилий, для того чтобы опровергнуть утверждение А. Смита о том, «что *цена труда зависит от цены хлеба...*»; в этом положении заключена самая суть вопроса, но способ, каким при этом пользуется Мальтус, заставляет подозревать последнего в том, что он старается высказать мысли и доводы, которыми другие могут поддержать *чрезмерные претензии земельных собственников,* не делая этой *гнусности непосредственно*» (стр. 59).

(Всюду Мальтус — подлая собака, сикофант.)

{*Г-н Айерленд,* секретарь Британского кооперативного общества, в его третью годовщину, в конце мая 1863 г., заявляет:

«Имеющиеся в изобилии в отчетах правительства и других достоверных источниках свидетельства доказали, что рабочий отдавал за пользование землей, машинами, за *надзор* и *свободу труда,* за распределение и защиту 8 часов труда из каждых 12; землевладельцу и капиталисту — 6 часов, розничному торговцу — 1 час и правительству — 1 час, оставляя самому себе только 4 часа».} «*Цена необходимых жизненных средств — это* в действительности *издержки по производству труда*» (*Th. R. Malthus.* An Inquiry into the Nature and Progress of Rent etc. London, 1815, стр. 48, примечание) [Русский перевод, стр. 30].

Мальтус соглашается с тем, что заработная плата (поденная плата) с развитием *сдельной работы* понизилась. Это имело место (в частности также и в *деревне*) с конца XVIII в. в связи с вздорожанием хлеба и обесценением бумажных денег, стало быть, в связи с двумя обстоятельствами, которые в одинаковой мере влияли на то, чтобы понизить заработную плату. [XXI—1 341] Одна из почти непостижимых грубых ошибок Рикардо, жившего как раз в то время, состоит в том, что он считал *рабочий день* фиксированным и поэтому не видел, что *норма прибавочной стоимости* может повышаться или, по меньшей мере, оставаться той же самой, несмотря на вздорожание необходимых жизненных средств и независимо от понижения *стоимости рабочей силы.*

«Хлеб и труд редко идут совершенно вровень. Но существует очевидная граница, за пределами которой они не могут быть разделены. Что касается тех *необычайных усилий,* которые трудящиеся классы предпринимали в периоды дороговизны, усилий, *вызвавших падение заработной платы, отмечаемое в свидетельских показаниях* {перед парламентскими комитетами}, то они, конечно, делают честь отдельным лицам и определенно *способствуют росту капитала.* Но ни один гуманный человек не пожелает, чтобы они остались *постоянными и неослабевающими.* Они заслуживают всяческой похвалы как временный выход, но если бы они стали постоянными, то получились бы результаты, аналогичные тем, какие имеют

место, когда *население страны располагает продовольствием в крайне скудных размерах*... Признаюсь, я с неудовольствием смотрю на *широкое распространение практики сдельной работы*. Тяжелый труд по 12—14 часов в день в течение более или менее продолжительного периода — это действительно *слишком много для человеческого существа*» (там же, стр. 48—49).

Согласно Идену [299], жизненные средства средней по величине рабочей семьи можно было бы разделить приблизительно на 5 частей: $^2/_5$ — мука или хлеб, $^2/_5$ — плата за помещение, топливо, мыло, свечи, чай, сахар, одежду, $^1/_5$ — мясо, молоко, масло, сыр и картофель (см. *Th. R. Malthus*. Observations on the Effects of the Corn Laws etc. 3rd ed., London, 1815, стр. 5—6). {Следовательно, даже по этому расчету $^3/_5$ жизненных средств непосредственно являются продуктами сельского хозяйства.}

«Когда А. Смит говорит о «хлебе», он имеет в виду «пищу», потому что *стоимость всех* сельскохозяйственных продуктов... имеет естественную тенденцию выравниваться, так как фермер будет всегда стараться выращивать то, что лучше оплачивается и т. д.» (*J. D. Hume*. Thoughts on the Corn-Laws etc. London, 1815, стр. 59) [300]. «Что касается платы за помещение, топливо, мыло, свечи, чай, сахар и одежду... то бо́льшая часть *цены* почти всех этих предметов настолько же состоит из *налогов*, насколько из *труда*» (там же, стр. 60). «Хлеб и мука составляют гораздо бо́льшую долю, чем $^2/_5$ жизненных средств *неквалифицированного рабочего*» (там же).

«Пытались доказать, *что на труд не влияет цена жизненных средств*, что, наоборот, труд всегда дешевле, если хлеб дороже. В подтверждение этого блестящего открытия, которое, несомненно, дало бы автору право на кафедру в университете в Лапуте [301], можно привести пример только из *периода детства хлопчатобумажной мануфактуры, где заработная плата была намного выше оплаты неквалифицированного труда* и где *по этой причине* и вследствие *усовершенствований в машинах* она всегда имела *тенденцию к понижению*. Реальный доход ткача в настоящее время намного меньше, чем был раньше; его *преимущества по сравнению с неквалифицированным рабочим*, некогда очень значительные, теперь *почти совершенно исчезли*. В самом деле, либо вследствие роста цены неквалифицированного труда, либо вследствие свободы передвижения, вызванной изменением законов о месте жительства и об *ученичестве, разница между заработной платой квалифицированного и неквалифицированного труда теперь гораздо меньше, чем в течение любого из прежних периодов*» («Remarks on the Commercial Policy of Great Britain, principally as it relates to the Corn Trade». London, 1815, стр. 48).

[XXI—1 342] (*Локк, Огилви* и *Спенс* очень важны для истории взглядов на земельную собственность в XVIII веке.[302])

Единственно верное в теории народонаселения состоит в том, что развитие капитала ставит массу населения в условия, при которых его воспроизводство, так же как у животных и растений, не имеет других границ, кроме *противодействующих ему факторов*. Обнищавший человек воспроизводится быстрее, чем работник в его естественных условиях, так как условия его воспроизводства бесконечно малы. Нищета *размножается бы-*

стро, совершенно так же как в животном мире: чем мельче класс, тем более массовым является его воспроизводство.

Капитал. Также и у А. Смита *капитал* выступает как *лицо.*

«*Капитал обрабатывает землю, капитал применяет труд*» (*A. Smith.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. In three volumes. With notes, and an additional volume, by D. Buchanan. Edinburgh, 1814, vol. III, b. V, ch. II, стр. 309) [Русский перевод, стр. 605].

Производительный и непроизводительный труд. Бьюкенен [303]. (2) (3)

Повышение заработной платы посредством удешевления товаров.

«Не... точно было бы сказать, что рента, прибыль или *заработная плата возросли,* так как они покупают *больше более дешевых* товаров» (там же, том I, стр. 417, примечание *Бьюкенена*).

Сокращение рабочего времени посредством машин. Боксхорн говорит о ленточном ткацком станке в Лейдене («Institutiones Politicae», Amsterdam, 1663):

«В этом городе около 20 лет тому назад был изобретен *ткацкий станок,* на котором *один* работник мог производить ткани в большем количестве и легче, чем *несколько* человек могли бы без станка произвести *за такое же время.* Но это вызвало жалобы и недовольство ткачей, и магистрат, в конце концов, запретил применение станка» (*I. Beckmann.* Beyträge zur Geschichte der Erfindungen. Erster Band, Leipzig, 1786, стр. 127).

Труд и капитал.

«Ошибочно полагать, что богатый человек содержит своих слуг, торговцев, арендаторов и рабочих; верно то, что они содержат его» (*W. Paley.* The Principles of Moral and Political Philosophy. London, 1785, Vol. I, стр. 144).

Обычная и средняя цена хлеба и труда.

«Существует различие между тем, что может быть названо *обычной ценой* хлеба и его *средней ценой*... Предположим, что обычная цена хлеба в течение 4 лет из 5 составляет около 2 ф. ст. за квартер, а в течение пятого года — 6 ф. ст. Тогда *средняя цена* за 5 лет будет равна 2 ф. ст. 16 шилл., но *обычная* цена по-прежнему составляет около 2 ф. ст., и именно *этой* ценой, а *не ценой неурожайного года* и даже не — включающей эту последнюю — средней ценой *обычно регулируется заработная плата*» (*Th. R. Malthus.* The Grounds of an Opinion on the Policy of Restricting the Importation of Foreign Corn. London, 1815, стр. 26).

Кооперация.

«Разве *соединение* мастерства, усердия и соперничества *многих в одном и том же труде* не является средством его развития? И разве в противном случае было бы возможно то, что Англия довела свою шерстяную

промышленность до столь высокого совершенства?» (*G. Berkeley*. The Querist etc. London, 1750, стр. 56, § 521).

«Разве шерстяная промышленность Англии не *разделена* на различные *части* или *отрасли,* приспособленные к *отдельным районам,* где производятся *исключительно* или *главным образом* шерстяные ткани этих отраслей: тонкие сукна — в Сомерсетшире, грубые — в Йоркшире, двойной ширины — в Эксетере, шелк — в Садбери, креп — в Нориджe, полушерстяная ткань — в Кендале, одеяла — в Уитни и т. д.?» (там же, § 520).

Машины и средняя заработная плата.

«Заработная плата уменьшается в той же самой пропорции, в какой возрастают производительные силы. Машины, конечно, *удешевляют необходимые жизненные средства, но они удешевляют также и рабочих»* («A Prize Essay [XXI—1 343] on the comparative merits of Competition and Cooperation». London, 1834, стр. 27).

С того момента, когда машина вступает в конкуренцию с человеческим трудом, сама оплата этого труда начинает регулироваться меньшими издержками производства машины.

«Его преподобие г-н Тёрнер был в *1827 г.* ректором в Уилмслоу, в Чешире, в фабричном округе. Вопросы *комитета по делам эмиграции* и ответы г-на Тёрнера показывают, каким образом поддерживалась конкуренция человеческого труда против машин. *Вопрос:* «Не привело ли применение механического ткацкого станка к вытеснению ручного станка?» *Ответ:* «Несомненно да; ручной ткацкий станок был бы вытеснен в еще большей степени, чем это наблюдается в действительности, если бы ручные ткачи не имели возможности соглашаться на понижение заработной платы». *Вопрос:* «Но, соглашаясь на это, ткач нанимается за плату, недостаточную для его существования...»? *Ответ:* «...Фактически конкуренция между ручным и механическим ткацким станком поддерживается налогом в пользу бедных». Итак... унизительный пауперизм или эмиграция — вот благодеяния, которыми трудящиеся обязаны введению машин; из уважаемых и до некоторой степени независимых мастеровых их низводят до положения раболепствующих босяков, живущих на унизительные подачки — вот что они называют *«временным неудобством»»* (там же, стр. 29).

«Таким образом, этот защитник машин» (так же как и Юр [304]), «соглашаясь с тем, что *прекращение усовершенствований было бы благодетельным для рабочего...* допускает, что уродливость общества делает вредным усовершенствование. Позор защитникам системы, которая заставляет нас жаловаться на прогресс человеческой изобретательности» (там же, стр. 30).

«Они (машины) дают рабочему возможность купить больше на его доход... *если этот доход постоянный;* но если машины лишают его работы, то, следовательно, они лишают его дохода, и те рабочие, которые не находят работы, конкурируют с работающими» (там же, стр. 27).

«Помимо того что машины уменьшают заработную плату рабочего, они также заставляют его *работать дольше* даже за эту уменьшившуюся заработную плату. Прежде он затрачивал на свою работу 9 часов из 24; у него было также *больше местных праздников»* (там же, стр. 30).

Автор цитирует *Мальтуса:*

«Рабочие видят, как одно за другим следуют изобретения машин, которые, по-видимому, рассчитаны на то, чтобы заметно уменьшить количество человеческого труда. Однако, хотя эти изобретения кажутся средством, обеспечивающим изобилие, досуг и счастье всем, рабочие видят, что труд большей части общества *не уменьшается,* а условия их жизни если и не ухудшаются, то и не улучшаются сколько-нибудь решительным образом» ([*Th. R. Malthus.*] An Essay on the Principle of Population. The 5th edition. In three volumes. London, 1817, vol. II, стр. 272—273).

Накопленный труд.

«Бессмысленна фраза, будто *капитал есть накопленный труд.* Говорят о *накопленном знании, накопленном мастерстве,* и это можно понять, но тогда мы видим, что эти накопленное знание и накопленное мастерство, поскольку речь идет о создании богатства, *не могут быть отделены от рабочих рук*» ([*Th. Hodgskin.*] The Natural and Artificial Right of Property Contrasted. London, 1832, стр. 153, примечание).

Сочинение «An Essay on the Political Economy of Nations etc.». London, 1821, содержит несколько очень хороших, оригинальных мыслей.

Во-первых, о происхождении капитала, — в той мере, в какой этот последний совпадает с *образованием запасов:*

«Бо̀льшая часть произведений природы *периодична* и нуждается в *сохранении* для *постепенного потребления в течение периода между урожаями.* Это — *первый источник капитала*» (стр. 3).

«*Прибыль на капитал* различна, *и в это понятие* обычно включается как *процент,* так и *заработная плата предпринимателя*» (там же, стр. 8).

[XXI—1 344] «Чем бы капитал ни был в промежуточные моменты, в конце концов *продукт* обменивается на... *труд*» (там же, стр. 13).

(Это относится только к переменному капиталу.)

Различие между простым сохранением постоянного капитала и воспроизводством переменного капитала.

«Единственно *воспроизводящим потреблением* в собственном смысле слова является в конечном счете только такое, которое *совершает труд в обмен на товар, — производство нового товара* вместо *израсходованного. Производство в целом,* по-видимому, заключается в прохождении через все промежуточные акты обмена и процессы, а также в поступлении товара в распоряжение труда, земледельческого или промышленного, который *возмещает новую стоимость,* то ли создавая ее целиком, то ли совершенствуя уже существующую» (там же, стр. 13—14).

«*Продукты* становятся *капиталом* только в том случае, если они поступают для *воспроизводящего потребления* (окончательно, а не в промежуточных актах, как, например, индиго, впитываемое тканью) — как это происходит с пищей, одеждой или жильем — к труду, который *возмещает* стоимость» (там же, стр. 67).

Капитал в связи с воспроизводством.

«*Капитал* может быть определен как *та часть периодически производимого продукта,* которая применяется, для того чтобы обеспечить *последующее воспроизводство*» (там же, стр. 24).

Различие между производительным и торговым капиталом.

«В земледелии и в промышленности *капитал обменивается непосредственно на услуги труда. В торговле часто капитал обменивается на капитал*; это просто спекуляция, рассчитанная на предложение и различные источники спроса» (там же, стр. 43).

Абсолютный прибавочный труд. Относительная прибавочная стоимость.

«Труд, т. е. *экономическое время общества,* есть величина данная, скажем, 10 часов в день на каждого из миллиона людей, или десять миллионов часов» (там же, стр. 47).

«*Капитал имеет свой предел роста.* Предел этот в каждый данный период может быть достигнут *посредством использования фактически применяемого экономического времени,* хотя *производительные силы* общества еще способны к совершенствованию. Общество может развиваться, *увеличивая количество труда* или *делая труд более эффективным,* другими словами, *увеличивая население,* разделение труда, количество машин, научные знания» (там же, стр. 49). «Если *капитал не может получить больше, чем эквивалент или стоимость, производимую трудовой деятельностью*» (если, следовательно, дано *экономическое время,* или *рабочий день*), «если это — его предел, который в данный момент, при существующем состоянии общества, не может быть преодолен, то чем больше доля заработной платы, тем меньше прибыль. Таков общий принцип, но он не имеет места в отдельных случаях, потому что эта возросшая заработная плата обычно есть *следствие особого спроса,* который всегда ведет к увеличению стоимости по отношению к другим товарам и их прибыли» (там же).

{Прибыль — и даже норма прибавочной стоимости — может в какой-либо отдельной отрасли подняться выше *общего уровня,* хотя одновременно в этой *отрасли* поднимается выше общего уровня и заработная плата. Но если бы капиталист повысил заработную плату настолько, насколько выше среднего уровня поднялся спрос на товар, то (оставляя в стороне другие обстоятельства, определяющие прибыль) его прибыль не *возросла* бы. Вообще это повышение или понижение прибыли и заработной платы в отдельной отрасли относительно *общего уровня* не касается общего соотношения.}

[XXI—1 345] «Помимо *времени* нужно принять во внимание его *эффективность,* которая является результатом разделения труда, *интенсивности его напряжения,* применения машин» (там же, стр. 54).

«В хлопчатобумажной промышленности... имеет место *разделение труда,* но — *соединение капитала*» (там же, стр. 51).

Стоимость рабочей силы. Средняя заработная плата. Сдельная работа. Поденная работа.

Если мы рассматриваем совокупный капитал по отношению к *стоимости рабочей силы* как величину данную или, выражаясь популярно, рассматриваем как данную *среднюю оплату труда,* то эта *данность* — ее предел — есть предпосылка, из которой исходит *каждый отдельный капиталист* при превращении денег в капитал. Он застает определенную *среднюю заработную плату* в каждой отрасли промышленности. Она может быть высокой или низкой; но в той мере, в какой капиталист не получает в виде выручки избытка сверх этой *стоимости рабочей силы,* его деньги *не* превращаются в капитал.

Сохранять этот *средний уровень* — одна из задач *профсоюзов,* между тем как отдельный капиталист выступает против сохранения указанного *среднего уровня,* для того чтобы *понизить* по сравнению с ним заработную плату отдельного рабочего. Все это следует привести здесь, чтобы показать важность, в том числе и практическую важность, этого среднего уровня заработной платы. Для всего этого важна работа Т. Дж. Даннинга, секретаря Лондонского объединенного союза переплетчиков, «Trades'Unions and Strikes: their Philosophy and Intention», London, 1860:

«Термин *единообразная норма* (заработной платы) может означать лишь то, что применимо к обычным рабочим и что фактически представляет собой *минимальную* норму по отношению к рабочим и «*единообразную норму*» по отношению к хозяевам» (стр. 17).

Сдельная работа, поденная работа, минимум [заработной платы].

«Там, где в какой-либо отрасли труд оплачивается «*сдельно*», *столько-то за такую-то работу* — так, например, за набор шрифта в Лондоне большей частью платят *определенную сумму* за 1 000 букв, — там нет единообразной нормы, *получаемой* рабочими. Вообще говоря, там есть *единообразная норма* или нечто ей подобное — единообразная норма *цены различных работ;* но так как рабочие с различной быстротой действия и квалификацией выполняют больший или меньший объем работы по той же сдельной цене, то размер их *заработной платы* может весьма существенно различаться» (там же). «Однако при *поденной работе, вообще говоря, имеет место единообразная норма*... признанная как нанимателем, так и нанимаемым в качестве *уровня заработной платы* для обычных рабочих в данной отрасли... некоторые рабочие будут стоить больше, другие меньше этой суммы... Нанимателю нравится извлекать прибыль, производимую теми рабочими, которые сто́ят больше, но в то же время он опасается, что если он увеличит заработную плату этих рабочих, то от него, по всей вероятности, потребуют, чтобы он увеличил ее и другим рабочим, а, с другой стороны, рабочие могли бы быть против того, чтобы рабочий, который не сто́ит обычной нормы, получал меньше, опасаясь, что и заработок других будет сведен к этому уровню» (там же, стр. 17—18).

Но так как предприниматели всегда, когда только это возможно, увольняют худших рабочих, то в целом

«они благодаря этой единообразной норме имеют только лучших рабочих» (там же, стр. 18). [XXI—1 345]

[3) ФРАГМЕНТЫ ИЗ ТЕТРАДИ XXII]

[XXII—1 346] [305] (Профсоюзы никогда не разрешают своим членам работать за оплату ниже этой *средней нормы.*)

«Предполагается, что все рабочие данной отрасли имеют достаточную квалификацию, для того чтобы зарабатывать и получать *обычную норму заработной платы* (в специфической отрасли)... Действительно, взятые в целом все они имеют достаточную квалификацию; исключения слишком малочисленны, для того чтобы принимать их в расчет» (там же, стр. 20).

Если бы в той же отрасли производства, где выплачивается поденная заработная плата, один рабочий производил за день гораздо больше, чем другой, то

«предприниматель, как правило, сам жадно стремился бы извлечь выгоду из этой сноровки рабочего, что, вообще говоря, имеет своим результатом сведение сноровки рабочего к *нормальному количеству труда*».

Если бы рабочий особенно выделялся,

«ему бы не платили больше, а если бы платили, то ни в коем случае не соответственно выполненному им прибавочному труду. Вот истинная причина обвинений рабочих в том, что они не желают выполнять больше *определенного количества труда*... Ожидать, чтобы они делали больше, значит желать в сущности *сокращения заработной платы*, что, как было показано выше, является причиной всяческого недовольства *единообразной нормой заработной платы*» (там же, стр. 20—21).

Поденная работа и сдельная работа.

«Лондонские наборщики, как правило, получают сдельную заработную плату, повременная заработная плата является у них исключением. Наоборот, у провинциальных наборщиков повременная заработная плата составляет правило, а сдельная — исключение. Корабельные плотники в лондонском порту получают сдельную, или поштучную плату, тогда как во всех других английских портах — повременную. Действительно, *главное возражение* против *сдельной работы* сводится в различных отраслях к недовольству тем, что если, как может оказаться, рабочие при ней хорошо зарабатывают, *предприниматель стремится понизить цену труда*, а также тем, что эта система часто используется *в качестве средства снижения заработной платы*» (там же, стр. 22).

Даннинг очень хорошо говорит *о риске* предпринимателей (тетрадь, стр. 17 и след.) [306].

Заработная плата.

«Так как *социальное положение* рабочих всецело зависит от получаемой ими заработной платы, то большинство из них осознало, что их священной обязанностью является использование этих средств» (профессиональных союзов) «для *защиты* их заработной платы» (там же, стр. 7). [XXII—1 346] [307]

* * *

[XXII—1 351] {*Экономия на постоянном капитале с целью повышения нормы прибыли. (Угольные шахты.)*

«При конкуренции, существующей в каждом округе между собственниками или владельцами угольных шахт [coal owners and coal proprietors] из-за поставок угля на различные рынки, не делается *никаких иных затрат,* кроме тех, которые достаточны для преодоления самых очевидных физических трудностей; а при конкуренции, господствующей между рабочими-шахтерами, которых обычно насчитывается значительно больше, чем требуется для работы, они охотно подвергают себя серьезным опасностям и самым вредным влияниям за плату, лишь немного превышающую заработок соседнего земледельческого населения; кроме того, этот род занятий позволяет с выгодой использовать также и их детей. Указанной двойной конкуренции вполне достаточно... для того чтобы работы в большинстве шахт велись при самых несовершенных способах осушения и вентиляции, зачастую в плохо сконструированных шахтных стволах, с плохими креплениями, неподготовленными механиками, с плохо сконструированными и отстроенными штольнями» {забои, в которых рубят уголь} «и откатными путями; все это влечет за собой гибель, увечья, потерю здоровья; статистические данные об этом представили бы ужасающую картину» («First Report on Children's Employment Commissioners in Mines and Collieries». 21. April 1841, стр. 102).}

[XXII—1 352] {*Детский труд. Чрезмерный труд.* Если труд детей на фабриках препятствует развитию у них мускулов, то на угольных шахтах — наоборот. У рабочих, особенно у детей и подростков,

«чрезмерный труд влечет за собой чрезмерное развитие мускулов, задержку роста, уродливую походку, головные боли, боли в спине и т. д.» (там же, стр. 134).

Слишком большие мускульные усилия в детстве (у шахтеров) вызывают противоестественное развитие мускулов.

«Такое диспропорциональное мускульное развитие отнюдь не является признаком здорового и крепкого организма, напротив, оно есть доказательство того, что общая система истощена чрезмерным питанием этих отдельных ее частей; а то, что система ослаблена, а не усилена таким чрез-

мерным расходованием пищи на мускулы, видно из собранных теперь данных, которые, несомненно, доказывают, что в подобных случаях вообще прекращается рост организма, что он особенно подвержен заболеваниям и преждевременно слабеет и гибнет... Применение детского труда на угольных шахтах *удлиняет период детства, укорачивает период зрелости* и *преждевременно приводит к старости, одряхлению и смерти*» (там же). «Работа взрослых шахтеров заключается почти исключительно в «добывании» угля из его природного месторождения; для этого существуют различные способы, соответствующие природе пластов и их расположению. Работа детей и подростков состоит главным образом либо в открывании и закрывании дверок, через которые должны пройти угольные вагонетки и которые должны быть немедленно закрыты, для того чтобы не нарушалась вентиляция, либо в откатке угля из штолен или из забоев, в которых его вырубают, по подземным откаточным дорогам к основанию ствола шахты; причем расстояние варьируется от абсолютной близости до нескольких миль в больших угольных районах на севере Англии, где *глубина* разработки требует, чтобы *одна и та же дорогостоящая шахта* служила для выемки угля, залегающего на большом пространстве» (там же, стр. 107). «Каким бы удивительным ни казался этот факт, именно на те шахты, где работа никогда не может быть выполнена без причинения большого и непоправимого вреда детскому здоровью, детей берут в *самом раннем возрасте хотя бы для того, чтобы пользоваться ими как живыми и движущимися подсвечниками*» (ср. *Диодора*[308]) «или отгонять крыс от еды; и именно на таких худшего рода шахтах используют также и *девочек*» (там же).

Страшный шум, который был поднят против промышленников, вызвал с их стороны контробвинения, и они были удовлетворены тем, что комиссия по расследованию *детского труда* доказала, что последний во многих других отраслях эксплуатировался капиталом так же, и даже еще более отвратительно, чем на угольных шахтах.}

{Какова вообще доля *неквалифицированного труда* по отношению к рабочему классу, можно *приблизительно* представить себе из следующей оценки *Самюэла Ленга* в его работе «National Distress; its Causes and Remedies». London, 1844. Он исчисляет *все население, занятое неквалифицированным трудом*, в 11 300 000 человек {включая сюда прислугу}. *Средний класс* (в том числе представители низших профессий, а также литераторы, коммерсанты и т. д., лавочники и всякого рода розничные торговцы, арендаторы, ремесленники и *аристократия собственно рабочего класса*) составляет 4 650 000 человек. На аристократическую часть населения (капиталисты, аристократия и представители высших профессий) приходится 1 000 000 человек, а на *пауперов, преступников, проституток, бродячее население* — 1 500 000. Однако сам автор говорит, что этот подсчет неточен, так как на долю последних приходится от 2 миллионов до 2 250 000, или $^1/_7$—$^1/_8$ часть всего населения (стр. 51—52)[309].} [XXII—1 352][310]

* * *

[XXII—1 400] {*Капиталистическая обработка земли:*

«Если земля приведена в лучшее состояние, то нужно *меньше зерна*, для того чтобы засеять один акр, и меньше *сил* (лошадей и т. д.), для того чтобы справиться с этим» («An Essay on the Causes of the Present High Price of Provisions, as connected with Luxury, Currency, Taxes and National Debts». London, 1773, стр. 13).

(*Автор: Диксон;* он же автор книги: «The Husbandry of the Ancients». [Edinburgh, 1788.])

Рента. В цитированной выше работе в свою очередь цитируется «An Inquiry into the late Mercantile Distresses, in Scotland and England etc.» London, 1772, автор которой (помимо всего прочего, он добивается увеличения количества *денег в обращении*, против чего протестует автор «An Essay...»; см. стр. 245 в *толстой тетради* [311]) жалуется на сильное повышение ренты. Он говорит, что земельный собственник придерживается того мнения,

«что *повышение ренты* было первым шагом к усовершенствованиям в земледелии» («An Inquiry etc.», стр. 36), «что рента была сильно увеличена вообще во всей стране (в Шотландии), а в некоторых ее частях — до такой степени, что было едва возможно удовлетворять *абсолютно необходимые потребности* арендаторов» (там же, стр. 38). Вследствие этого многие арендаторы должны были переселиться в Америку (там же, стр. 51 — 52).

В работе «An Essay...» (1773) повышение хлебных цен в Англии объясняется отчасти тем, что с увеличением спроса на мясо бо̀льшая часть земель была превращена в луга и что в Англии

«пахотная земля постоянно обрабатывается, а другие земли, будь то луга или горные пастбища, постоянно оставляют под травами» (стр. 15).

По шотландскому способу, предусматривающему постоянное чередование занятых под травами и обрабатываемых под хлеб земель, производилось больше хлеба и больше мяса. По английскому же способу — *меньше хлеба* и немного больше мяса, но мяса хорошо откормленного скота. Следовательно, нерациональная обработка земли в Англии есть, по его мнению, причина (оставляя в стороне неурожайные годы) повышения цен на хлеб и т. д.

«Достоверная истина состоит в том, что *большое количество наших лучших земель*, прежде находившихся под пахотой, теперь занято под травами» (там же, стр. 9). «Общее количество продовольствия уменьшилось, и поэтому его цена должна повыситься» (там же, стр. 17). В каче-

стве *одного из* средств понижения цен на продовольствие предлагается *«свободный ввоз»* хлеба (там же, стр. 73 и след.).

Но бедственному положению мануфактур помочь нечем, кроме

«снижения цен на материалы и труд, а это может быть осуществлено лишь путем снижения *цен на продовольствие. Арендатор земли* в ином положении, чем владелец мануфактуры. Так как *рента* для всех ферм, недавно взятых в аренду, соответствует современной *высокой цене* их продуктов, то, если эта цена будет снижена, *арендаторы* этих ферм, несомненно, должны будут разориться» (там же, стр. 81). «Что же должно быть сделано для защиты фермеров? Следует ли оставлять фермера на милость собственника его земли?» (там же, стр. 82). «Есть люди (земельные собственники), у которых не больше сочувствия к своим арендаторам, чем к мусульманам Бенгалии или карибам, живущим на острове Сент-Винсент. Погрязшие в распутстве или одолеваемые скупостью, они поручают управление делами своей страны лицам, вся заслуга которых состоит в том, что они являются экспертами в торговых сделках, и которые оцениваются тем выше, чем более они привыкли к низкому искусству обмана и хитростям» (там же, стр. 83).

Следовательно, при новом понижении цен путем «свободного ввоза» или «регулирования денежного обращения» (стр. 84 и след.) нет необходимости в том,

«чтобы *нарушать их арендные договоры*... Если *рента* будет понижена соответственно *цене* товаров, то они (земельные собственники) попрежнему будут в состоянии жить так же хорошо, как и в настоящее время» (там же, стр. 84)

(и именно вследствие понизившихся цен на товары).

[XXII—1 401] Еще одна причина [повышения цен на продовольствие] состоит, по его мнению, в выпуске слишком большого количества бумажных денег. Он сторонник «currency principle» [312]. В качестве следующей причины повышения *цен на продовольствие* он считает *налоги*.

«*Налоги* повышают цену всех товаров» (там же, стр. 89 и след.).

И повышение цены на продовольствие он связывает с повышением *государственного долга*. Только один налог не имеет

«столь дурных последствий — *налог на держателей акций*» (стр. 89).

Помимо налогов [цену товаров повышают]

«*расходы на сборщиков налогов*» (стр. 92).

И он предлагает

«экономить ежегодно один или два миллиона по статье расходов на должностные оклады и пенсии» (стр. 93).

Ввести денежную оценку десятинного сбора, как это давно уже делается в Шотландии (стр. 103). Осуществить раздел общинных земель (стр. 104).

«Вести строительство дорог в стране за государственный счет» (стр. 105).

Посредством дорог фермеру не только открываются рынки, но он

«получает доступ к иностранным удобрениям для улучшения своих земель... Преимущества местоположения используются всеми» (там же, стр. 106).

Что является причиной возрастания ренты?
Не *неурожайные годы,* так как

«если цена продовольствия повысилась вследствие плохого урожая, то стоимость земли остается прежней и фермер не в состоянии платить более высокую ренту... соответственно этому повышению цены; количество продукта, которое он отправляет на рынок, уменьшилось» (там же, стр. 6).

Улучшения земли также не могут быть причиной повышения ренты.

«Рента не только возросла почти в той же самой степени в тех местах, где *не было никаких улучшений,* но возможно даже, что они (улучшения) *предотвратили такое значительное повышение цен на продовольствие;* какое произошло бы в противном случае» (стр. 7).

«Если *цена повышается* вследствие *других* причин (а не вследствие неурожайных лет), то продукт земли становится более ценным и в соответствии с этим фермер в состоянии платить более высокую ренту. Если, следовательно, повышение ренты соответствует цене продовольствия, то это верное доказательство правильности мнения фермеров о том, что повышение цены не происходит вследствие плохого урожая» (стр. 6).

Но рента повысилась, особенно в Южной Шотландии,

«почти в той же самой мере, что и цена зерна и крупного рогатого скота» (стр. 6—7).}

{*Charles Smith.* A Short Essay on the Corn Trade, and the Corn Laws. London, 1758. (Трактаты о хлебе следует процитировать позднее.) *Тенденция* указанной работы видна из следующего:

«Хотя общее мнение состоит в том, что нынешняя дороговизна хлеба происходит, главным образом, вследствие *скупости* фермеров и несправедливости посредников, купцов, мельников, булочников и торговцев хлебом, однако есть основание полагать, что она главным образом, если не исключительно, происходит вследствие *действительного его недостатка,*

вызванного неурожаем в последние 4—5 лет; в 1756 году — во всем королевстве, в 1752—1755 годах — в западной и северо-западной его частях» (указ. соч., 1767 г., стр. 5).

Автор развивает законы спроса и предложения в противовес народным предрассудкам.} (Это — первый из изданных вместе в *1767 г. трех трактатов о торговле хлебом и о хлебных законах.*)

{*Edmund Burke* (the late). Thoughts and Details on Scarcity, originally presented to the Right Hon. W. Pitt, in the month of November, 1795. London, 1800.

«Трудящееся население бедно только *потому, что* оно *многочисленно.* Многочисленность по своей природе предполагает бедность» (стр. 2).

«Глубокий» мыслитель полагает, что если x разделить на 100, то на каждого придется больше, чем если этот же x разделить на 1 000. Что за глубина мысли, которая представляет собой особенно резкий контраст со следующими его положениями.

Прибавочная стоимость. Постоянный и переменный капитал.

«Те, кто работают... фактически кормят и пенсионеров, называемых богатыми, и самих себя» (там же, стр. 2, 3).

«Из всех орудий его (фермера) деятельности *труд рабочих* (которых древние называли *говорящим орудием*) есть то, на что фермер больше всего может полагаться в деле возмещения своего капитала. Два других вида орудия: *полуговорящее,* по древней классификации, т. е. рабочий скот, и *немые орудия,* [XXII—1 402] т. е. телега, плуг, лопата и т. п... без определенного количества первых *совершенно ничего* не значат» (стр. 10).

Остроумная поэма Спенса: «E. Burke's Address to the Swinish Multitude» (написана вольными стихами в 1795 г.) [313].

Стоимость труда. Применение многих рабочих.

«Бесспорно, существует большая разница в стоимости труда различных рабочих, в зависимости от их силы, ловкости и старательности. Но я совершенно уверен на основании моих тщательных наблюдений, *что любые пять рабочих в целом* доставят такое количество труда, которое равно количеству труда любых других пяти рабочих, находящихся в указанном мною возрасте; это означает, что среди такого рода 5 рабочих один окажется обладающим всеми качествами хорошего работника, другой — плохим работником, остальные три — средними, приближающимися то к первому, то ко второму. Таким образом, даже в такой небольшой группе, как эти пять, вы найдете полный комплект всего того, что вообще *могут* дать 5 рабочих» (там же, стр. 16).

Концентрация капитала.

«*Монополия власти* в любом случае и в любой степени есть зло; но *монополия капитала* есть нечто противоположное» (стр. 25).

(Как будто «монополия капитала» не есть «монополия власти»!)} [XXII—1 402] [314]

[4) ФРАГМЕНТЫ ИЗ ТЕТРАДИ XXIII]

[XXIII—1 408] {*Стоимость и единичная цена.* Предположим, что *количество труда,* затраченное на акр земли (под пшеницей) представляется *денежной суммой,* равной 7 ф. ст.

«Его, фермера, издержки *всегда будут примерно одинаковыми,* но его урожай может изменяться, поэтому его пшеница должна была бы продаваться по цене, соответствующей его урожаю» ([*John Arbuthnot.*] An Inquiry into the Connection between the Present Price of Provisions, and the Size of Farms etc. By a Farmer. London, 1773, стр. 107).

Пример хорош, потому что с некоторой вероятностью предполагается, что *труд* остается совершенно тем же самым. Далее:

«Если урожай фермера составил 5 квартеров с акра, то он может продать каждый квартер по 28 шилл., что даст в сумме 7 ф. ст.; если он получил $4^1/_2$ квартера с акра, то он может продать каждый квартер примерно по 31 шилл., что тоже даст в сумме 7 ф. ст.; [точно так же, для того чтобы выручать 7 ф. ст., он должен] при урожае в

4 квартера	продавать квартер по	35 шилл.
$3^1/_2$ »	»	40 »
3 »	»	46 шилл. 8 пенсов
$2^1/_2$ »	»	56 шилл.
2 »	»	70 шилл.» (там же,

стр. 108).} [315]

Этот фермер [Джон Арбатнот] в своем «An Inquiry into the Connection etc.» представляет доктрину фритредерства в ее двояком значении. С одной стороны, свободный *ввоз* и *вывоз.* С другой стороны, *полная свобода на рынках:* всякое ограничение продажи товара есть препятствие торговле и необходимо должно повысить цену товара (там же, стр. 110). Вместе с тем это абсолютно *свободное движение капитала,* сообразно его собственным имманентным законам, представляется как *полнейшая беспощадность* по отношению к трудящемуся населению, которое фигурирует лишь под рубрикой «faux frais» * капитала. До тех пор пока *капиталистическое производство* еще не произвело для себя всех условий своего свободного развития — а главнейшее из них есть образование класса абсолютно зависимых от капитала наемных рабочих, — капитал *регулирует* и вмешивается во всё, пока не сделает указанные условия адекватными себе. Те мероприятия, посредством которых капитал защищается против внешней конкуренции, представляются как средства обеспечения трудового населения

* — «побочные издержки». *Ред.*

работой. Насильственные средства внутри страны представляются отчасти как средства достижения национальной цели — производить как можно «большее *количество*», отчасти как средства, используемые с той целью, чтобы труд не пропадал даром и «чтобы иностранцы не продавали дешевле нас» (там же, стр. 3).

Этот *фермер* раскрывает (как это видно из вышеприведенной цитаты) [с одной стороны] *развитие производительной силы* посредством капиталистической обработки земли. С другой стороны, *экономию на постоянном капитале*. Мелкий фермер *не располагает требуемым количеством лошадей*, кроме того, ему необходимо *относительно* больше *наличных денег* и *больше рабочих* (там же, стр. 5, 6 и след.).

«Существуют работы... почти на любом виде почвы, которые в *различные времена* требуют *различного количества лошадей;* например, иногда нужно запрячь 6 лошадей в один плуг, для того чтобы вспахать участок земли под пар; в этом случае у фермера, имеющего 300 акров земли, будут работать 2 плуга, тогда как мелкий фермер не в состоянии иметь и одного и должен ждать до тех пор, пока, [XXIII—1 409] быть может, будет уже слишком поздно, для того чтобы собрать урожай; или, по крайней мере, он потеряет все преимущества теплой погоды, которая благоприятствует вспашке под пар. С другой стороны, существует много работ при вспашке под пар и во время сева, для выполнения которых достаточно плугов, запряженных тремя лошадьми; в этом случае на ферме в 300 акров земли будут работать четыре плуга, каждый из которых запряжен тремя лошадьми, тогда как мелкий фермер может иметь лишь один плуг... Поэтому фермер, владеющий 300 акрами земли, с соответственным капиталом и количеством лошадей, в состоянии выполнить *за то же самое время* относительно больший объем работы, причем *выполнить его в самый критический момент*» {см. об этом также у Либиха [316]}, «что имеет еще бо́льшие последствия. Так, его земля, конечно, лучше обрабатывается, вспашка под пар, сев, внесение удобрений, короче, каждая работа у него выполнена лучше, *так как она может быть выполнена быстро;* и поскольку его земля в лучшем состоянии, то нельзя отрицать, что его продукция должна быть больше» (стр. 6—7).

«У крупного фермера имеются *значительные преимущества* также в отношении его *повозок и фургонов*... Он хорошо обеспечен также *боронами, катками* и многими другими орудиями труда» (стр. 8—9).

Далее:

«*Содержание домашнего скота:* быков или овец или тех и других. Могут спросить... разве нельзя содержать такое же количество скота на трех малых фермах? Нельзя, и причин, почему это невозможно, много: *закупка скота* и *добывание искусственного корма для него* требуют не только капитала, но и решительности человека, ведущего большое дело... Это — одно из значительных преимуществ фермера, который одновременно откармливает скот на убой... и может при помощи искусственного пастбища поставлять скот на рынок дешевле, чем если бы он пас его на естественных пастбищах и заготовлял сено» (стр. 9, 10).

Мелкому фермеру необходимо относительно столько же или больше рабочих, чем крупному. Если [работают] его собственные дети, то

«их *содержание стóит не так мало, как содержание наемных работников»* [стр. 11].

Если работает сам фермер, то

«он проигрывает от этого. *Он должен быть занят общим наблюдением за всем*: ему следует посматривать за своим молотильщиком... за своими косарями, жнецами и т. д.; он должен постоянно обходить свои владения; он должен смотреть, чтобы не было никаких упущений, а они будут неизбежны, если он прикован к какому-нибудь одному месту» [стр. 12].

Что касается *самих фермеров*, то

«три человека заняты надзором за 300 акров, но это могло бы быть по крайней мере так же хорошо выполнено одним человеком на лошади» (там же).

«Этот учет преимуществ труда на крупных фермах по сравнению с трудом на небольших фермах касается лишь обычных занятий фермера, а не различных больших работ по удобрению почвы мергелем, осушению земли и т. д... что бывает редко, если вообще когда-нибудь бывает, на малых фермах вследствие *отсутствия достаточного капитала* для такого рода дел» (стр. 13).

Рента. Некоторые хвалят

«старый метод исчисления прибыли фермера *тремя рентами. В младенческий период земледелия* это был добросовестный и справедливый раздел собственности. В менее просвещенных странах этот метод применяется еще и теперь. В большей части Франции, Германии и в некоторых из наших американских колоний *один доставляет землю и капитал, другой — знание и труд*. Но на хорошо возделываемой и плодородной почве *рента* имеет теперь наименьшее значение. Проценты на свои деньги, или свой доход, человек должен исчислять на ту *сумму, которую он может вложить в виде капитала и годовой затраты своего труда*» (стр. 34).

[XXIII—1 410] {*Пауперизм*.

«Бедные всегда получают от общества помощь и всегда должны, по крайней мере, сообразовываться с ней, если они живут по средствам» («An Inquiry into the Management of the Poor etc.». London, 1767, стр. 84).

Поэтому эта общественная помощь — причина пауперизма. Не правда ли?}

{*Nathaniel Forster*, Rev. An Enquiry into the Causes of the Present High Price of Provisions. In two parts. London, 1767.

Причины повышения *цены продовольствия*.

1) «*Богатство страны*, или *большое количество денег*, накопленных в ней и обращающихся во всех ее частях» (стр. 1), 2) *роскошь* и 3) *налоги*.

Неблагоприятным для развития страны является слишком большое природное плодородие (там же; см. *Добавочную тетрадь B* [317], стр. 8).

Защита машинного производства (там же, стр. 8 и 9).

Антагонизм классов.

«*Земельные собственники* и *промышленники* вечно враждуют между собой и завидуют выгодам друг друга» (указ. соч., стр. 22, примечание).

«Вследствие неустойчивого положения большинства мануфактур и многих видов производства и вследствие постоянных колебаний в заработной плате *хозяева* и *их рабочие, к сожалению, находятся в постоянной войне между собой*» (там же, стр. 61).

Леность, роскошь, пороки рабочих. Форстер цитирует:

«Хотят, чтобы несчастные были безукоризненными» (*C. Helvétius.* De l'esprit. [In: Oeuvres complètes de Mr. Helvétius.] Tome II. Londres, 1777, стр. 49) [Русский перевод, стр. 402].

«Откуда вообще бедные учатся этим порокам: лености и роскоши, которые всегда непростительны для них? Всецело от лиц, стоящих выше их. *Роскошь еще никогда не шла снизу вверх*» (*Форстер.* Указ. соч., стр. 62—63).

Защита спекуляции хлебом и т. д. ([Добавочная тетрадь *B*,] стр. 9; [*Форстер.* Указ. соч., стр. 89—90]).

Форстер выступает в защиту более мелких фермеров, против «крупных *фермеров-купцов*» (там же, стр. 111, примечание) [318].

«*Земельные собственники*... в последнее время, конечно, не имели оснований для жалоб. *Стоимость земли* и *ее продукта* поднялась до нынешнего высокого уровня *исключительно в результате нашей торговли и промышленности*. Это не только фактически верно, но... это и не могло быть иначе. *Продукт земли не имеет никакой стоимости*, если на него нет спроса. А этот спрос, напротив, может исходить только от промышленности, т. е. от *торговли и мануфактур*» (там же, стр. 213).}

Исчезновение йоменов [319].

«В то время» (в период революции 1688 г.) «в стране жил, помимо дворян и фермеров, род людей, называемых *йоменами*, которые работали в *своих собственных хозяйствах*, представлявших собой главным образом фермы, приносившие от 40 до 80 ф. ст. дохода в год... Эти люди были отважными [XXIII—1 411] и добропорядочными. Вследствие *притока богатств* и изменения нравов *они к 1750 г. были почти полностью уничтожены*, и теперь их лишь едва помнят» («A Letter to Sir T. C. Bunbury, Brt. etc. On the Poor Rates, and the High Price of Provisions etc. By a Suffolk Gentleman». Ipswich, 1795, стр. 4).

{«*Причины недостаточного предложения зернового хлеба: во-первых ...увеличение населения... Другой и главной причиной является то... что бо́льшая,* чем прежде, *доля общего количества продукта расходуется* на содержание лошадей и другого скота, и это *отражается* на количестве *зернового хлеба, предназначенного для содержания людей* и т. д.» (*Governor Pownall.* Considerations on the Scarcity and High Prices of Bread Corn and Bread etc. Cambridge, 1795, стр. 8).}

Укрупнение ферм.

«Во многих приходах Хартфордшира» (которые он перечисляет) «вместо 24 ферм (имевших от 50 до 150 акров) теперь существуют только 3» (*Thomas Wright* (of Mark Lane). A short address to the Public on the Monopoly of large farms. London, 1779, стр. 2—3).

«Стало обычной практикой *дворян-землевладельцев* во всех частях королевства объединять отдельные имения, образовывать *капитальные фермы;* или же практикой многих землевладельцев стало отдавать имения, близко находящиеся одно от другого, в аренду одному человеку, в результате чего арендаторы так обогащаются, а их число настолько уменьшается, что им становится легко создавать союзы»(«Two Letters on the Flour Trade, and the Dearness of Corn etc. By a Person in Business». London, 1767, стр. 19—20).

Обесценение труда вследствие падения стоимости денег. (*Обесценение денег,* а также искусственное повышение стоимости денег оказывают такое же воздействие.)

«Торговцы и промышленники всегда могут повысить цены на все, чем бы они ни промышляли, в большей мере, чем уменьшается *стоимость денег;* но *рабочий,* не имея для своего существования ничего, кроме своего ежедневного труда, всегда вынужден *отставать с повышением цены своего труда,* так как он не в состоянии ждать, пока его труд приобретет *соответственную стоимость,* и вследствие этого ему приходится испытывать чрезвычайную нужду» ([*S. Jenyns.*] Thoughts on the Causes and Consequences of the Present High Price of Provisions. London, 1767, стр. 18).

{*Население* как причина *повышения хлебных цен.*

«В течение части периода от 1771 до 1789 г. торговля, мануфактуры и население увеличивались весьма быстро» (*Edgar Corrie* (Merchant in Liverpool). Considerations on the Corn Laws etc. London, 1791, стр. 33).}

[XXIII—1 412] {*Рента.* Следующее сочинение важно для истории теории ренты. Хотя *Андерсон* открыл теорию дифференциальной ренты, он был далек от того, чтобы объяснять ею рост цены хлеба и [вообще] продовольствия. Здесь, в ниженазванном сочинении, впервые дается такое объяснение в отличие от всех предыдущих сочинений. Во всяком случае автор обычно рассматривает *ренту* как одну из *статей* издержек производства и, в частности, объясняет подорожание *мяса* отчасти огораживанием общинной земли, вследствие чего большое число арендаторов уже не *откармливало,* как прежде, свой скот, *не* выплачивая за это ренты. То обстоятельство, что *рента* рассматривается непосредственно не как *следствие,* а как *причина* удорожания *скота* и т. д., соответствует не только теории ренты *Смита,* но и теории ренты *Рикардо* и т. д., так как смитовская теория {см. об этом также у Рамсея [320]} относительно *цен* на

все прочие [кроме хлеба] *продукты земледелия,* определяемых *хлебными ценами,* вообще никем не оспаривалась и даже не разбиралась. Указанное сочинение называется «A Political Enquiry into the Consequences of Enclosing Waste Lands, and the Causes of the Present High Price of Butchers Meat». London, 1785.

«Не *изобилие* или *недостаток* делают ту или иную вещь [дешевле или] дороже на какое-то продолжительное время, ибо *цена зависит от необходимых издержек на ее производство»* (стр. 65). «В действительности мы имеем какое-то основание жаловаться не на *недостаток* вещи, а лишь на *дороговизну,* или *высокую цену* этой вещи» (стр. 71). «В нашей стране *скот* теперь имеется в *изобилии...* и все-таки *цена* мяса почти вдвое дороже, чем она была 30 лет тому назад; следовательно, именно *издержки производства* определяют цену этого товара» (стр. 72).

«*В конечном счете изобилие* или *недостаток* средств существования не определяют цену товара, хотя они и могут иметь тенденцию к тому, чтобы вызывать ее временное повышение или понижение до определенного уровня. *Издержки производства* есть то, что *постоянно* определяет *среднюю цену* всех видов товаров... Например, возможное изобилие голландского полотна или тонкого индийского муслина никогда не могло бы понизить цену этих товаров на сколько-нибудь продолжительное время до уровня цены грубого полотна, так как производство этих превосходных товаров бесконечно дороже производства товаров грубых сортов» (стр. 20). «Золото может покупаться слишком дорого, *точно так же как и хлеб или сено* или какой-либо другой из полезных продуктов природы» (там же). «Допуская, далее, что *издержки производства* определяют *постоянную среднюю* цену всех видов товара, я вполне могу прийти к тому заключению, что хотя путем лучшей обработки земель в нашей стране мы могли бы произвести вдвое больше хлеба и сена, чем мы производим теперь, все же если определенное количество произведенных таким образом хлеба и сена *вследствие увеличения земельной ренты* и *чрезмерных затрат на обработку земли* стало бы стоить нации или фермеру, который их произвел, вдвое дороже, чем эти товары стоят теперь, то ни нация, ни фермер не улучшили бы своего положения посредством этого изобилия. С другой стороны, бедные страдали бы от нищеты вдвое сильнее, чем страдают теперь, если только их заработная плата не увеличилась бы вдвое; если же их заработная плата увеличилась бы вдвое, то в результате это *положило бы конец всей промышленности,* которая в настоящее время работает для снабжения внешних рынков» (стр. 20—21). «Хотя высшее мастерство и трудолюбие жителей страны, где *почва по природе скудна,* может иногда взять верх над жителями другой страны, где почва по природе более плодородна, однако разве это доказывает, что на *всякой скудной или бесплодной почве,* которая имеется в данной или в других странах, *труд* может *получать такое же вознаграждение,* какое он получает от земель [XXIII—1 413] *по природе своей весьма плодородных?..* Существует множество степеней плодородия или неплодородия» (стр. 23—24).

«Я бывал в странах, где лишь боронование во время сева является единственной формой обработки земли, требуемой для того, чтобы вырастить самый большой урожай. Что же касается удобрений, то если бы их там применили хотя бы в весьма незначительной мере, хлеб так разросся бы, что сгнил, прежде чем созреть. С другой стороны, существуют степени скудости; например, некоторые земли, по природе своей скудные, хорошо вознаграждают за обработку; а есть такие земли, которые после больших затрат труда дают скудный урожай; его стоимость меньше издержек на

его выращивание; существует такой сорт скудной земли, и ее в нашем королевстве миллионы акров, который для нации гораздо выгоднее вовсе не возделывать, чем обрабатывать самым лучшим практическим методом, какой только можно было бы изыскать» (стр. 24).

«Нужно различать *«болотистые земли»*, которые требуют осушения, как, например, Собачий остров, и многие другие земли на берегах больших рек; каждый фермер знает, что если эти земли надлежащим образом осушить, они станут самой производительной луговой землей в королевстве» (стр. 26). «Невозделанные земли в Англии теперь... состоят *главным образом* либо из *жесткой глины* с небольшим слоем взрыхленной земли (или же совсем без него), на которой можно прибыльно культивировать растительность, либо из *одного песчаника*, на котором не может расти никакая зелень, кроме вереска, либо из *известковой почвы*, на которой произрастает лишь тонкий ковер дерна, покрывающий бесплодную скалу» (там же, стр. 27).

Рента, поскольку она входит в издержки производства.

«Какова причина теперешней высокой цены на мясо? Отчего происходит *дороговизна* ненагульного скота и какова причина этой дороговизны? — Существует различие между издержками по выращиванию скота на общинной земле и издержками по его выращиванию *на земле, за которую должна быть уплачена рента*» (стр. 81).}

Экспроприация коттеров * (см. уже цитированное «A Political Enquiry etc.»).

«*Фермеры* запрещают коттерам содержать какие бы то ни было живые существа, кроме них самих, *под тем предлогом*, что, если бы у них были скот и птица, они стали бы воровать корм у фермеров. Фермеры говорят также: если хочешь, чтобы коттер был трудолюбив, держи его в бедности. В действительности дело сводится к тому, что фермеры, по-видимому, узурпируют *все права на общинные земли*» (там же, стр. 75). «Хотя фермеры, их жены и дочери в значительной мере отказались от старой системы производства» {яиц, кур, масла и молока}, «однако я не нахожу, что коттер или его жена... вообще к ней неспособны; но *огораживание общинных земель* в соединении *с тиранией фермеров* во многих местах *лишило их средств, необходимых для проявления своего природного трудолюбия*» (стр. 76).

{О потреблении хлеба английским народом (1759 г.), а также ячменя, ржи, овса в 1759 г. см. *Добавочную тетрадь B*, стр. 16:

«В период с *1752 по 1765 г.* годовое потребление овса лошадьми только в одном Лондоне превысило 52 000 квартеров» (*Ch. Smith*. Three Tracts on the Corn-Trade and Corn-Laws. The second edition. London, 1767, стр. 140, примечание).}

{*Потребление хлеба отдельным рабочим:* 1 квартер в год, т. е. 1 квартер муки, равный 512 фунтам, или равный 1 квартеру

* — батраков, получавших от земельного собственника или фермера-арендатора, на которого они работали, небольшой деревенский домик (коттедж) и клочок земли возле него. *Ред.*

и 1 бушелю зерна, по-видимому, есть средняя норма потребления здорового рабочего. Это составляет в день 1 фунт 6 унций пшеничной муки (см. там же, стр. 187).}

[XXIII—1 414] {*Изменение положения в Англии;* ее превращение из страны, вывозящей хлеб, в страну, ввозящую хлеб. *Комиссия Совета* (1790 г.) объясняет это изменение *увеличившимся населением,* увеличившимся богатством и, следовательно, увеличившимся спросом. Это изменение констатируется следующим образом:

«Королевство, производившее в прежние времена обычно больше хлеба, чем было нужно для потребления его жителей, в последние годы оказалось в вынужденной зависимости от производства хлеба в других странах для частичного снабжения своего населения» (стр. 8). {«Representation of the Lords of the Committee of Council, appointed for the consideration of all matters relating to Trade and Foreign Plantations, upon the Present State of the Laws for regulating the Importation and Exportation of Corn etc.» A new edit. 1800 (8. März 1790, made to the king).}

До 1765 г. осуществлялся экспорт, с 1771 г. — импорт хлеба.

{*Сдельная работа.* (Свободный и рабский труд.) Там, где

«*весь труд* должен был выполняться рабами, *способ сдельного труда был неизвестен,* и фермер или собственник поместья должны были... содержать круглый год столько рабов, сколько их было необходимо во время жатвы» (*W. Mitford.* Considerations on the opinion stated by the Lords of the Committee of Council etc. London, 1791, стр. 59).}

{*Законы о поселении.*

«К числу препятствий, мешающих земледелию, можно вполне отнести *нынешний закон о поселении,* который запрещает переселение трудящихся в те районы страны, где в них нуждаются, и заставляет их пребывать в невольном бездействии. Дело идет об *освобождении бедных от их теперешнего прикрепления к земле»* (там же, стр. 53).}

{*Различие в плодородии.*

Arthur Young. The Question of Scarcity plainly stated etc. London, 1800. (А. Юнг — секретарь министерства земледелия.) По его собственным подсчетам, а также по подсчетам министерства земледелия и т. д., в Англии средний продукт с одного акра равен 23 бушелям, т. е. примерно 3 квартерам (стр. 9). В Англии насчитывается 40 графств; *в среднем на один акр приходится на самых худших землях (Хантингдоншир)* 15 бушелей и на самых лучших землях *(Линкольншир* и *Ратлендшир)* 28 бушелей.

Из этого следует, что в 8 графствах самые низкие *средние* урожаи составляли 15, 18 и 20 бушелей, напротив, в 21 графстве средние урожаи колебались от 23 и, как максимум, до 28 бушелей.}

{*Пребывание капитала в сфере производства.*

«Поле, засеянное теперь — в 1814 г. — *овсом* или *бобами* и принесшее *урожай*, в будущем, 1815 г., будет лежать под паром, будет вспахано и взборонована, по крайней мере, 5 или 6 раз, для того чтобы размельчить землю и подготовить ее к принятию *семян пшеницы в сентябре или октябре 1815 г.*; осенью оно будет засеяно пшеницей, которая будет сжата в *сентябре 1816 г.*; следовательно, на урожай ложится оплата [XXIII—1 415] *двухлетней ренты*, налогов и всевозможных повинностей» («A Defence of the Land-owners and Farmers of Great Britain». London, 1814, стр. 4—5). «*Самая низкая рента с земли* составляет от *30 до 40 шилл. на акр*» (там же, стр. 4).}

{*Сдельная работа* и т. д. В том же самом памфлете говорится:

«*Наибольшая часть* земледельческих работ выполняется рабочими, *нанятыми поденно* или *сдельно*. Их заработная плата, или доход, выражается лишь в 12 шилл. в неделю; и хотя при *сдельной работе*, строго говоря, предполагается, что рабочий при увеличившемся стимуле к труду получит на 1 или, может быть, на 2 шилл. в неделю больше, чем он мог бы заработать при еженедельной заработной плате, однако при исчислении его *общего дохода* потерю времени в течение года вследствие плохой погоды или болезни можно считать *эквивалентной этой прибавке*. Вообще обнаружилось также, что заработная плата этих рабочих находится в некотором *отношении к необходимым издержкам существования*; так, чтобы *человек, имеющий двух детей*... был в состоянии содержать свою семью без помощи прихода» (там же, стр. 34). «*Уменьшение* цены труда с бо́льшим правом может быть отнесено к *ежегодно* нанимаемой прислуге... *Их насущные потребности* обычно ограничиваются ими самими» (стр. 35).}

{*Рента и вспашка под пар.*

«Если до высоких цен на хлеб, преобладавших в последние годы, *пахотная* земля, как правило, приносила лишь небольшую ренту, главным образом вследствие общепризнанной необходимости частой вспашки под пар, то теперь следует опять уменьшить размер ренты, чтобы можно было вернуться к той же системе вспашки под пар» (*J. D. Hume*. Thoughts on the Corn-Laws, as connected with Agriculture, Commerce, and Finance. London, 1815, стр. 72).}

{*Постоянный и переменный капитал.* Исчисление доходов и расходов на 100 акров земли. (*Добавочная тетрадь B* [321], стр. 21—22.)}

Бёрк в цитированном выше памфлете считает выражение «*работающие бедняки*» омерзительным политическим лицемерием; этот тип — крупный торговец лицемерием, причем гнусным лицемерием по отношению к лендлордам и т. д. Выражение «работающие бедняки» встречается в статутах и, далее, почти у всех писателей XVII и XVIII веков (в том числе, у *А. Смита*. См., например, место о последствиях *разделения труда* [322]), у Идена и т. д. — отчасти в противоположность *праздным бедня-*

кам (пауперам), отчасти — *самостоятельному крестьянину* или *ремесленнику* [323].

{*Рента.*

Годы с 1740 по 1750 в наших анналах — это период *наибольшей дешевизны* хлеба, а также наибольшего его вывоза («Remarks on the Commercial Policy of Great Britain, principally as it relates to the Corn Trade». London, 1815, стр. 33). Из доклада лордов (стр. 143) видно, что издержки обработки 100 акров в 1790 г. составляли 411 ф. ст. 15 шилл. $11^3/_4$ пенса, а в 1813 г. — 771 ф. ст. 16 шилл. $4^1/_2$ пенса, но первая сумма находится почти в том же самом отношении ко второй, в каком 6 шилл., цена пшеницы в первом году, находятся к 11 шилл., к цене {бушеля} пшеницы во втором году (там же, стр. 42).

[XXIII—1 416] *Возрастание ренты.* В большинстве поместий рента возросла с 2 до 5, а во многих — еще больше (там же, стр. 43).

Возрастание ренты с уменьшением нормы ренты. Добавочный капитал производит дороже (там же, стр. 44—45) (*Добавочная тетрадь B*, стр. 30).

Стоимость труда и *цена жизненных средств* *.

«Пытались доказать, что на труд не влияет цена жизненных средств, что, наоборот, труд всегда дешевле, если хлеб дороже. В подтверждение этого блестящего открытия, которое, несомненно, дало бы автору право на кафедру в университете в Лапуте, можно привести пример только из периода детства хлопчатобумажной мануфактуры, где *заработная плата была намного выше оплаты неквалифицированного труда* и где по этой причине и вследствие усовершенствований в машинах она всегда имела тенденцию к понижению. Реальный доход ткача в настоящее время намного меньше, чем был раньше; его преимущества по сравнению с неквалифицированным рабочим, некогда очень значительные, теперь почти совершенно исчезли. В самом деле, либо вследствие роста цены неквалифицированного труда, либо вследствие свободы передвижения, вызванной изменением законов о месте жительства и об ученичестве, разница между заработной платой квалифицированного и неквалифицированного труда теперь гораздо меньше, чем в течение любого из прежних периодов» (там же, стр. 48).

С 1770 г. ввоз драгоценных металлов в Европу удвоился. Вскоре после этого началось большое повышение цен на хлеб (там же, стр. 76). «С 1700 по 1770 год ввоз серебра оставался почти без изменения. В то время (по данным Гумбольдта) ввоз серебра в Европу составлял 6 миллионов ливров (4 — в Европу, 2 — затем пересылались в Азию). С того времени ввоз серебра увеличивается» (там же, стр. 76—77).

Величина обращения.

«Фабрикант, который должен заплатить 500 рабочим в субботу вечером, не может сделать это, если их заработная плата составляет 500 ф. ст., с помощью тех же денег, которыми он это делал, когда заработная плата составляла только 300 ф. ст. *Обращение страны всегда регулируется сто-*

* См. настоящий том, стр. 469—481. *Ред.*

имостью тех товаров, которые должны быть обменены. Не большее количество торговых судов, которые совершают плавание между Ньюкаслом и Лондоном, вызвало увеличение торговли между этими двумя городами, а, наоборот, большее количество товаров явилось причиной использования большего количества торговых судов» (там же, стр. 86).

Причина высокой цены хлеба.

«Таким образом, было показано, что высокая цена хлеба вызвана отчасти *понижением стоимости серебра,* отчасти *изменением стоимости денег в обращении* и отчасти *спекуляцией*» (там же, стр. 88).}

Очистка имений.

«В каждой стране состояние нравов в весьма значительной мере зависит *от природы того эквивалента, который дается за прибавочный продукт земли.* Там, где этот эквивалент состоит из фабричных изделий, богатство и промышленность будут процветать, но там, где нет фабричных изделий, для того чтобы дать их земельному собственнику в обмен на его прибавочный продукт, последний, как правило, будет потреблен праздными вассалами. Таким... было состояние нравов при *феодальной системе,* когда земельный собственник распределял свой прибавочный продукт [XXIII—1 417] среди свиты зависимых от него людей и *получал свой эквивалент в виде их военной службы у него.* В Европе феодальная система пришла в упадок с развитием торговли и промышленности. В горных районах Шотландии это изменение еще не вполне завершилось, хотя *прежнее состояние собственности ежедневно разрушается* вместе с развитием современных нравов. *Земельный собственник, не обращая внимания на наследственных арендаторов,* теперь отдает землю тому, кто предлагает за нее *высшую цену,* тому, кто — если он *улучшает землю* — немедленно вводит *новую систему ее возделывания. Земля,* прежде *усеянная* мелкими арендаторами или земледельцами, была *населена в соответствии с количеством получаемого с нее продукта*; при *этой новой системе более совершенной обработки земли* и *увеличенной ренты* стараются получить возможно больше продукта при возможно меньших издержках; и так как ставшие в связи с этим *бесполезными рабочие удаляются, то население уменьшается, но не до той численности, которую земля будет содержать, а до той, которую она будет применять.* Лишенные права распоряжаться землей, арендаторы {изгнанные из дома — см. стр. 145} либо ищут средства существования в фабричных городах, либо, если у них есть средства для переезда, эмигрируют в Америку» (*David Buchanan.* Observations on the subjects treated of in Dr. Smith's Inquiry etc. Edinburgh, 1814, стр. 143—144).}

Персонификация капитала.

«Капитал *обрабатывает* землю, капитал *применяет* труд» (*A. Smith.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Ed. David Buchanan. Vol. III, book V, ch. II. Edinburgh, 1814, стр. 309) [Русский перевод, стр. 605].

{*Сокращение труда посредством машин. Борьба рабочих против этого. И. Бекман*[324]. *Добавочная тетрадь С,* стр. 4—5. *Ленточные ткацкие станки.*

Выигрыш в пшенице благодаря лучшему помолу (там же, стр. 5).

Борьба в Англии против лесопильных машин (там же, стр. 5).

Немецкие изобретения (там же).}

{*Против Мальтуса* (см. *Энсора. Добавочная тетрадь С*, стр. 6—7).

Очистка имений.

«Они лишали семьи права распоряжаться землей, на которой они выкорчевывали пни, когда эта земля была лесным участком; они обходились с деревнями и их населением, как растревоженные дикими зверями, охваченные чувством мести индейцы обращаются с тиграми..: Они обменивали людей на овечью шерсть или на тушу барана и даже еще дешевле... Когда монголы вторглись в северные провинции Китая, на совете монголов было предложено уничтожить жителей и превратить их землю в пастбище. Многие земельные собственники горной Шотландии осуществили этот проект в собственной стране по отношению к своим собственным соотечественникам» (*George Ensor*. An Inquiry concerning the Population of Nations etc. London, 1818, стр. 215—216).}

{*Обмен овеществленного труда на живой.*

«Так как каждый человек должен потреблять, прежде чем производить, бедняк-рабочий находится в *зависимости от богача* и не может ни жить, ни работать, если не получит от него съестных припасов и других товаров в обмен на те, которые он обещает произвести своим трудом» (*Simonde de Sismondi*. De la Richesse Commerciale etc. Genève, 1803, t. I, стр. 36). «Для того чтобы заставить его (богача) согласиться на это (т. е. на эту сделку), необходимо было условиться, что каждый раз, когда *прошлый труд будет обмениваться на* [XXIII—1 418] *будущий труд*, богач получит более высокую стоимость, чем рабочий» (там же, стр. 37).}

О различии в возмещении капитала. (*Сисмонди*. Цит. соч. [стр. 130—131, 228—229, 232]. *Добавочная тетрадь С*, стр. 8.) То же *о торговом капитале* (там же). [XXIII—1 418] [325]

* * *

[XXIII—1 420] {«A Discourse of the Necessity of Encouraging Mechanick Industry etc.» London, 1690.

Детский труд.

По сравнению с Германией англичане применяют *труд детей* более позднего возраста [указ. соч., стр. 13]. (*Добавочная тетрадь С*, стр. 24.) (Ср., напротив, фальсификатора истории Маколея [326].)

Непроизводительный труд (таковым является чисто умственный труд).

«*Необходимое зло*». Хвалит Гамбург за то, что в этом городе именно так трактуют умственный труд [указ. соч., стр. 14].}

{*Товары золото и серебро.* Это элементарное знание, необходимое для того, чтобы вообще понять деньги, так как последние есть *товар,* который в процессе обмена товаров развивается в *деньги,* приобретает эту функцию, и лишь в той мере, в какой другие *товары* обмениваются на него как на *товар,* они могут выражать в нем свою *стоимость.*

«Сами по себе золото и серебро (которым мы можем дать общее название *слитка*) следует рассматривать всего лишь как *товары* значительно лучшего качества; и *в качестве таковых* они могут *увеличиваться* и *уменьшаться в цене* и, можно сказать, имеют *бóльшую* или *меньшую стоимость* в различных местах, в зависимости от их изобилия или недостатка. Стоимость слитка тогда может считаться большей, когда на слиток меньшего веса можно купить большее количество [земледельческих] или промышленных продуктов страны» ([*S. Clement.*] A Discourse of the General Notions of Money, Trade, and Exchanges, as they stand in Relation each to other. By a merchant. London, 1695, стр. 7).

«Серебро и золото как чеканенные, так и нечеканенные, хотя и употребляются в качестве меры всех других вещей, все же представляют собой не в меньшей степени *товары,* чем вино, масло, табак, одежда или ткани» ([*J. Child.*] A Discourse concerning Trade, and that in particular of the East-Indies etc. London, 1689, стр. 2). «Капитал и богатство королевства не ограничиваются только деньгами; равным образом, золото и серебро нельзя исключить из числа [XXIII—1 421] [327] *товаров*» ([*Th. Papillon.*] The East-India-Trade a Most Profitable Trade to the Kingdom. London, 1677, стр. 4).}

«Слабые умы может тревожить *вывоз звонкой монеты...* но... золото и серебро — такие же *товары,* как хлеб, вино и мáсло, и они должны обращаться как *все другие виды собственности* и вместе с ними; и их количество, как и всех других *благ* или *товаров,* будет увеличиваться или уменьшаться в соответствии со спросом на рынке; с этим значительным их преимуществом связано то, что совершенно невозможно, чтобы мы *когда-либо* — до тех пор пока существует торговля, т. е. товары и собственность, для того чтобы покупать их, — могли испытывать нужду в звонкой монете» («An Essay upon Publick Credit, in a Letter to a Friend. Occasioned by the Fall of Stocks». London, 1748, стр. 16).

[XXIII—1 422] {«A Discourse shewing the Great Advantages that New Buildings, and the Enlarging of Towns and Cities do bring to a Nation». London, 1678.

Так же как повышение ренты и т. д. позднее объяснялось самыми безумными причинами, так в то время [в XVII в.] ими объяснялось падение *стоимости земли.* Среди прочего «вина» за это ложилась на большое количество новостроек в Лондоне. Опровержением этого служит данное сочинение. Во-первых, автор указывает на действительные причины [падения стоимости земли], при этом констатируется также *зависимость стоимости* земли и ренты от *цены сельскохозяйственных продуктов.*

«За один год от *чумы* умерло 200 000 человек, и это *вызвало падение земельной ренты*; хлеб, мясо и шерсть, которые были нужны, для того

чтобы кормить и одевать эти 200 000 человек, теперь не нуждавшихся ни в чем, упали на рынке в цене, а *цена земли* должна была *измениться в соответствии с ценой ее продуктов*» (указ. соч., стр. 1).

Причина «*падения ренты в стране*» состоит в том,

«что *продукт страны больше, чем потребление* этого продукта, т. е. что в стране больше хлеба, шерсти и других товаров, чем население может потребить; это вызывает изобилие, а изобилие делает вещи дешевыми. Теперь *стоимость земли* должна падать в соответствии со *стоимостью товаров,* которые производятся на ней; это вызывается тем, что *улучшения* [*земли*] *в стране являются более значительными, чем рост населения.* Улучшения земли многообразны: *это — осушение болот, сев отборными семенами,* использование парков, огораживание лесов... а соответствующего увеличения населения нет. Его нет, во-первых, вследствие сильной эпидемии чумы... а во-вторых, вследствие переселения людей в новые колонии и для возделывания [земель в] Ирландию» (там же, стр. 14).

А *во-вторых,* автор книги рассматривает *дифференциальную ренту* с *домов* и это *растущее увеличение стоимости* домов как производство богатства.

«При всех других применениях этих рабочих... таких, как производство ткани и разных других товаров, *рынок* иногда *переполняется товарами,* вследствие чего цены на них так сильно падают... что убыток от тех товаров, которые были произведены раньше, больше, чем выигрыш от применения рабочих в производстве новой партии товаров; так что в таком случае *утрачивается прибыль от труда бедных,* и это во многом равнозначно тому, что им давали бы *даром* пищу. Однако этого никогда не бывает при постройке новых домов, так как *постройка новых домов увеличивает ренту со старых;* то, что это верно, обнаруживается в том, что на окраинах и в пригородах любых городов дома имеют меньшую стоимость, чем в центре» (там же, стр. 3). «Теперь, когда города так процветают, что это служит побуждением к строительству, в результате прибавления новых зданий те дома, которые раньше были на окраинах и в пригородах, теперь *оказываются ближе к центру*; поэтому *рента* с *этих* домов растет в соответствии с их приближением к [XXIII—1 423] центру города» (там же, стр. 3—4).

Автор показывает это на примере Лондона. То, чем для земли служит рост относительного плодородия, тем для домов служит их местоположение. Здесь подчеркивается особенность созидания стоимости, отличающая дифференциальную ренту, а именно, то, что добавочное производство, вместо того чтобы понижать стоимость старых земель и их продуктов, *повышает* ее.}

{*Сочинения Джозаи Такера.*

Остроумная шутка, направленная против меркантилистского торгового баланса [328] (Добавочная тетрадь *C*, стр. 27).

Выступает против возможности всеобщего *перепроизводства* (там же).

Население — это богатство. Больше людей означает больше труда, а труд есть «богатство страны» (там же).

Выступает против *теории Юма,* согласно которой более богатая страна должна производить *дороже* вследствие наплыва денег и т. д.[329] (там же, стр. 28).}

{*Стоимость земли.* Ее повышение — *цель* всякой торговли.

«От всякой торговли, внутренней или внешней, которая не имеет своим результатом *увеличение стоимости земли,* следует совершенно отказаться» (*[J. Child.]* A Discourse concerning Trade, and that in particular of the East-Indies etc. London, 1689, стр. 1).}

Взгляд меркантилистской системы на прибавочную стоимость:

«Торговля, ограничивающаяся пределами собственной страны, приносит мало выгод королевству, не больше, чем купля и продажа земли; у одного ее больше, у другого меньше, *переменились владельцы,* а земля все та же самая. Наибольший интерес и значение для королевства имеет внешняя торговля» ([*Th. Papillon.*] The East-India-Trade a Most Profitable Trade to the Kingdom etc. London, 1677, стр. 1).

В противоположность *монетарной системе:*

«Если золото и серебро должны быть ограничены нашими пределами, т. е. окружающими нас морями, они... становятся бесплодными и *не увеличивают капитал* королевства» (там же, стр. 4—5).

Счетные деньги:

«Это правда, что *мерой капитала или богатства* обычно считаются деньги, но это скорее в *воображении,* чем в *действительности.* Говорят, что у человека имеется стоимость в 10 000 ф. ст., когда, возможно, у него нет и 100 фунтов наличными деньгами; но его имущество, если он фермер, состоит из его земли, хлеба или крупного рогатого скота и сельскохозяйственных орудий, а если он купец, — из товаров и т. д.» (там же, стр. 4).

Увеличенная скорость оборота денег при оживленной торговле.

«Большая ошибка, хотя и широко распространенная, думать, что *изобилие* или *недостаток денег* есть причина хорошего или плохого состояния торговли. Правда, если торговля идет оживленно и хорошо, больше видно денег и они *переходят из рук в руки в десять раз быстрее, чем тогда,* когда торговля замирает и прекращается вовсе; так что сто фунтов стерлингов при оживленной торговле представляются большей суммой, чем тысяча фунтов в период застоя в торговле. Не столько *деньги влияют на торговлю,* сколько *торговля находит деньги, которые в противном случае лежали бы под спудом»* (там же, стр. 5).

[XXIII—1 424] {«Reasons for a limited Exportation of Wool». London, 1677.

В защиту земельных собственников и арендаторов, приписывающих свои беды *дешевизне* шерсти, вывоз которой был запрещен с той целью, чтобы доставлять фабрикам дешевое сырье. Вся брошюра направлена против «снижения цены на шерсть» (указ. соч., стр. 16).

Это — одно из первых сочинений, раскрывающих антагонизм между *земельными собственниками* и *промышленниками*. (Обычно этому периоду в целом более свойствен антагонизм между *земельными* и *денежными* собственниками.)

Выше он говорит, что вывоз шерсти всегда приостанавливался только ради временных целей.

В 1647 г. вывоз шерсти был запрещен

«под тем предлогом, что шерсти было недостаточно, для того чтобы удовлетворять наши собственные нужды, что́ (если это верно) могло иметь место вследствие крупного сокращения поголовья овец во время войн. Однако, есть, по-видимому, другая причина этого запрета. Правительству того времени помогало в гражданских войнах *большое количество рабочих шерстяной промышленности* (которым гораздо больше нравилось разбойничать и грабить за полкроны в день, чем выполнять нудную работу за 6 пенсов в день), поэтому я утверждаю, что правительство запретило вывоз шерсти, *для того чтобы поощрить и вознаградить рабочих и ослабить мелкопоместное дворянство*» (там же, стр. 8).

Большие запасы шерсти находятся на руках, отсюда падение цены, разорение фермеров, скотоводов и земельных собственников, которые вынуждены сами вести хозяйство ферм.

«В результате ферма должна быть продана, поскольку шерсть обесценена».

Однако рента настолько уменьшилась, а количество продаваемых земель оказалось так велико, что не стало покупателей (стр. 16). Виной всему этому «*дешевизна шерсти*». С другой стороны,

«низкая цена на шерсть заставила заняться земледелием столь большое количество людей, что, как правило, хлеб стал стоить настолько мало, что его цена едва позволяет фермеру уплатить ренту» (там же, стр. 18).}

Пауперы — греховный результат воздействия промышленности.

«Там, где имеется *больше фабрик*, там всегда — или большей частью — *больше бедных*. Причина этого ясна. Это правда, конечно, что когда впервые открывается фабрика, она дает работу многим беднякам, но *последние не перестают быть таковыми*, а *дальнейшее распространение фабричного производства делает бедняками многих других*» (там же, стр. 19). «Хозяева выплачивают рабочим такую низкую заработную плату, что ее

едва хватает, для того чтобы не умереть с голоду, пока они в состоянии работать» (там же, стр. 4).

«Теперь предположим, что цена шерсти понизилась до 3 пенсов за фунт ... *Цена* всей земли в Англии должна понизиться таким же образом, так как там нет *ни одного акра земли, на которой не производится* шерсть (на пахотных землях, по крайней мере, от жатвы до сева, а на других — дольше, если они лежат под паром). Следовательно, уменьшатся и *налоги*, которыми *вообще* облагается *земля* и которые всегда *пропорциональны ренте*, так как старинный способ обложения налогом, т. е. взимание $^1/_{10}$ или $^1/_{15}$ части урожая в последнее время перестал применяться, к большой выгоде ростовщика, но в ущерб дворянину, занятому сельским хозяйством» (там же, стр. 5).

Отсюда видно, что шерсть тогда еще была главным продуктом земли и что налоги еще в значительной степени ложились на земельных собственников, которые позднее сумели избавиться от них посредством косвенных налогов.

А теперь о самом значительном месте в этой книге.

Вследствие того что избыточная шерсть не находит сбыта,

«одно лицо (фермер) не может уплатить ренту, другое лицо (собственник земли) не может уплатить налоги. И не является ли это главнейшей, если не единственной, причиной падения ренты, разорения ферм и бедности всей страны... Наибольшая заинтересованность и забота [XXIII—1 425] нации теперь должны проявляться в сохранении титулованного и мелкопоместного дворянства, а также всех тех, кому принадлежит земля страны, по крайней мере, в гораздо большей степени, чем немногих *ремесленников*, занятых обработкой избытка нашей шерсти, или купцов, которые получают выгоду от вывоза изделий наших фабрик. Это очевидно, 1) потому что они (землевладельцы) являются хозяевами и собственниками того, что составляет *основу всего богатства нации*; *вся прибыль порождается землей, которая принадлежит им» (физиократы)*; «2) потому что *на их плечи ложатся все налоги и общественные заботы, которые, действительно, в конечном счете ложатся на плечи тех, кто покупает и не продает, так как все продавцы повышают цену своих товаров* или ухудшают их качество в соответствии со своими налогами» [там же, стр. 4—5].

(*Локк, Вандерлинт, физиократы.* Вот только Локку безразлично, какие налоги имеются в виду, так как в конечном счете все налоги ложатся на тех, кто покупает, даже если они платят их *непосредственно*, вместо того чтобы платить косвенно. А то, ка̀к это может быть, чтобы люди *покупали* не *продавая*, следовательно, обладали *деньгами*, превращенной формой товара, не выбрасывая *товар* на рынок, это, конечно, не объясняется. Эта теория, следовательно, представляет прежде всего земельных собственников.)

«3) Потому что землевладельцы содержат большие семьи, что̀ весьма способствует *потреблению* наших фабричных изделий, много людей зависит от них, возможно, столько же, сколько зависит от ткацкого производства» [там же, стр. 5].

(Эти люди необходимы как «fruges *consumere* nati» *, как потребители, для того чтобы стимулировать развитие промышленности. *Физиократы*. Позднее *Мальтус и его единомышленники*.)

«4) Потому что землевладельцы должны *неизбежно* выполнять все административные и общественные обязанности (какими бы обременительными они ни были)» (автор, стало быть, кладет конец *бюрократии*), «*и только они препятствуют возникновению той смуты, которая последовала бы за введением равенства*» (там же).}

{*Осуждение торговцев шерстью и комиссионеров по продаже шерсти как обузы для общества*. К истории образования различных форм торгового капитала (*Добавочная тетрадь Е*, [стр. 153—156]: «The Case of our English Wool etc.», 1685, а также «Reasons of the Decay of the Clothing — Trade». London, 1691.)}

{*Sir R. Temple*. An Essay upon Taxes etc. London, 1693. На стр. 3—4 этого сочинения автор сжато излагает *докапиталистическую систему налогов* (ее принципы). Он выступает в защиту земельных собственников и простого народа против ростовщиков, торговцев и *свободных землевладельцев*.

«*Общий акциз* на товары, производимые внутри страны, — говорит он, — есть в действительности то же самое, что *земельный налог*... так как оба они — *налог на те же самые товары*, которые являются *продуктом земли*» (указ. соч., стр. 10—11).

(Та же идея, что и у Локка, относительно производителя шерсти и т. д.[330]) А именно, что налоги на товары не повышают *цены* последних для потребителей, а понижают их для производителей, если «нуждаемость» «продавцов» больше, чем «нуждаемость» «покупателей», что и происходит в Англии с товарами, производимыми внутри страны. (То же у Кенэ [331].) Такова будто бы «основная причина теперешнего падения ренты и цены товаров» (там же, стр. 12). (Все это в Добавочной тетради *Е*, [стр. 156—158].) (*Против акциза* см. стр. 12.) Очень хорошо, с политической точки зрения, он выступает против акциза (см. там же, стр. 14).} (Отмечен [стр. 16 и след.] совершенно тот же самый антагонизм в отношении *Голландии*, что и у Кенэ.)

{*Борьба земельных собственников и денежных магнатов*. См. сочинение: [*John Asgill*.] Remarks on the Proceedings of the Commissioners etc. London, 1696 (издано анонимно). (*Добавочная тетрадь Е*, [стр. 158—160].) Земельный банк против *Английского банка*. Антагонизм: если *процент* падает (чего

* — «рожденные для *вкушения* плодов» (Гораций. «Послания»). *Ред.*

не хочет собственник денег), то повышается *стоимость земли*. Люди, владеющие деньгами, хотят такого процента и т. д., который давал бы им возможность в несколько лет присвоить себе землю,

«так что при такой норме [процента] торговцы за несколько лет завладеют собственностью старинного мелкопоместного дворянства и займут его *место и положение*» (там же, стр. 3—4).}

{*Жестокость капитала.*

«Среди людей торговли царит здесь, в *Англии*, такой дух жестокости, какого не встретишь ни в каком другом общественном слое и ни в какой другой стране мира» («An Essay on Credit and the Bankrupt Act etc.». London, 1707, стр. 2).

(Это использовать при рассмотрении вопроса о должниках и кредиторах.)}

[XXIII—1 426] {Поскольку продукты обмениваются как *товары*, они per se * — деньги. При переходе к *метаморфозу товара* процитировать [332] следующее:

«Ход торговли изменился таким образом, что вместо обмена товаров на товары, или вместо их *поставки* и *получения*, их *продают* и *платят* за них; все сделки в мире теперь основываются на факте существования *денежной цены*, и хотя в любое время может происходить *обмен товаров на товары*, однако *даже эти товары обеими сторонами оцениваются в деньгах*» (стр. 8).}

{О *ничтожности политики* там, где дело касается *меновой стоимости*. «An Essay on Loans etc.». London, 1710 [333].}

{*Nicholas Barbon*. A Discourse concerning Coining the New Money lighter. In Answer to Mr. Locke's Considerations etc. London, 1696.

Из предисловия к сочинению Барбона, как и из работы «Decus et Tutamen etc.» [London, 1696] (одного из приверженцев Локка), следует, что д-р Барбон, владелец банка, был *лично заинтересован* в «повышении стоимости монеты» [334].

Потребительная стоимость — основа стоимости.

«Стоимость всех вещей порождается их *полезностью;* вещи, не обладающие полезностью, не имеют стоимости» (*Барбон*, стр. 2).

Полезность может возникать из физических потребностей или из потребностей духовных, что означает здесь *«желания»*.

«Существуют два вида общей полезности... Либо вещи полезны для удовлетворения *физических потребностей тела*, либо — *потребностей*

* — сами по себе. *Ред.*

духа (такие вещи, которые удовлетворяют *желание*)... Желание предполагает потребность, — это *аппетит духа*, и он присущ ему столь же естественно, как голод — телу» (там же). «Наибольшее количество вещей... имеет свою стоимость потому, что удовлетворяет потребности духа» (там же, стр. 3).

«Желание и потребность растут вместе с богатством. А из этого проистекает то, что только полностью удовлетворенный человек является богатым человеком, потому что он не имеет никаких потребностей» (там же, стр. 3). «Если какие-либо вещи и могли бы иметь *присущую им самим по себе внутреннюю* стоимость, то ими были бы скот и хлеб» (там же), а именно, «вещи, которые удовлетворяют потребности тела и поддерживают жизнь» (там же). «*Редкость* и *недостаток* являются главными основами стоимости тех вещей, которые употребляются для украшения, а не какие-либо их прекрасные качества сами по себе» (стр. 5). [Стоимость] зависит только *от мнения* (стр. 4). (*Шторх* *.)

Потребительная стоимость и меновая стоимость.

«Ничто не вносит большей путаницы в этот спор, чем недостаточное различение между *стоимостью* и *свойством*. Стоимость есть лишь цена вещей, которая никогда не может быть определенной... *Ничто не может иметь внутренней стоимости*. Но вещи имеют *внутреннее свойство*, которое везде остается неизменным, например, способность магнита притягивать железо и т. д. Но эти вещи, хотя они могут иметь много свойств, могут иметь небольшую стоимость или цену либо совсем их не иметь, смотря по тому, находятся ли они в данном месте в изобилии или их недостаточно» (там же, стр. 6).

Меновая стоимость безразлична по отношению к потребительной стоимости вещей.

«Между вещами, имеющими равные стоимости, не существует никакой разницы или различия; это означает, что один товар так же хорош, как и другой, если равны их стоимости. Определенное количество железа или свинца на сто фунтов стерлингов имеет такую же стоимость, как и определенное количество серебра или золота на сто фунтов стерлингов» (там же, стр. 7). [XXIII—1 427] «Золото и серебро — такие же *товары*, как свинец или железо» (там же).

«В промышленности и торговле *нет различия* между *товарами*, если *их стоимости равны*» (стр. 11).

«*Ничто само по себе не имеет цены, или стоимости*; цена, или стоимость, каждой вещи *является результатом* потребности в ней или ее полезности; изобилие или недостаток потребности в вещах придает им бо́льшую или меньшую стоимость» (стр. 10).

«Но если стоимость всех вещей является результатом их полезности, если изобилие или недостаток делают вещи дороже или дешевле, если серебро есть товар, употребляемый для различных нужд, и если оно имеется в одних местах в большем изобилии, чем в других, то из этого с необходимостью вытекает, что *серебро не может иметь определенной, или внутренней стоимости*; а если серебро имеет неопределенную стоимость, то оно никогда не может быть орудием торговли и сделок, так как то, *что́*

* См. настоящий том, стр. 508—510, 519. *Ред.*

неопределенно в своей собственной стоимости, никогда не может быть определенной мерой другой стоимости» (стр. 8).

Счетные деньги (там же, стр. 17, 18, 27). Это — *деноминация* и т. д. (там же, стр. 30, 31).

Средство обращения.

«Люди больше обращают внимание на *название и чеканку* монеты, чем на *количество* серебра в ней» (там же, стр. 29).

«Часто переходя из рук в руки, монета снашивается и становится легче» (там же).

Полемика Барбона против *торгового баланса* (там же, стр. 35—40, 42, 44—45, 51—52). (*Добавочная тетрадь E*, [стр. 183—187].)

«*Один вид товаров так же хорош, как и другой, если равны их стоимости*» (там же, стр. 53).

Счетоводство. Голландия (там же, стр. 54).

Мировые деньги, слиток, товар (там же, стр. 54—55). *Уравнивание торгового баланса* не есть причина пересылки золота (там же, стр. 57). Испанцы (там же). Относительная *стоимость* золотого слитка в различных странах — причина его пересылки (там же, стр. 59—60).}

{«Decus et Tutamen: or, our New Money etc.». London, 1696. *Вспомогательная монета. Медная монета* (указ. соч., стр. 6—7). Впрочем, он берет у Барбона то положение, что слиток пересылается за границу не для платежей, а как покупательное средство (см. там же, стр. 51).}

{«Очевидно, что *огораживания* [общинных земель] были в большей мере причиной увеличения числа бедных в соседних приходах» («Some Thoughts concerning the Maintenance of the Poor etc.». London, 1700, стр. 10).}

{*Земля как базис богатства.*

Земля платила (в течение 11 лет войны, с 1689 г.) 10 шилл. в год на каждый фунт стерлингов основного капитала и процентов, причем под словом земля понимаются *сельское хозяйство, промышленное производство* и *торговля*, так как все они существуют благодаря ей и являются лишь *продуктом* и *использованием* земли, представляющей собой *основной капитал;* земля порождает и содержит их всех ([*I. Drake.*] An Essay concerning the Necessity of Equal Taxes etc. London, 1702, стр. 2).

Об обязательности контрактов, заключенных вследствие *нужды* (необходимости). Это относится также к контракту между капиталистом и наемным рабочим (там же, стр. 16). (Послед-

нее высказывание находится в *Добавочной тетради F*, стр. 4.) *Процент в 1699 г.* составлял больше, чем все издержки в *1688 г.* (стр. 9).}

{*«Биржевая спекуляция — нарушение общественного порядка»* (стр. 2)[335].

(*Анатомия фондовой биржи* при Георге I.)

Биржевые спекулянты — *«подлинные воры* и *карманники»* (там же, стр. 8). «Шайка мошенников и плутов» (там же, стр. 6).

Первоисточником *биржевой спекуляции* является *Джозая Чайлд* (стр. 13). О его спекуляциях на бирже см. там же, стр. 13—15.

[XXIII—1 428] *Стоимость.*

«Вещь стоит ровно столько, сколько она принесет»[336], или, согласно «старому правилу», которое цитирует *Николас Барбон* [цит. соч., стр. 2], «*Valet quantum vender potest*» *.}

{*Сэр Мэтью Декер*[337]: *один единый налог*, а именно, на *дома*, в соответствии с той рентой, которую они платят. См. эту работу в *Добавочной тетради F*, стр. 6. В *1774 г.* работа вышла уже *пятым изданием*. Автор был членом парламента. См. также сочинение *г-на Хорсли*, 1744 г.[338] (*Добавочная тетрадь F*, стр. 6; см. там же [стр. 6—9] сочинение: «An Essay on the Inequality of our Present Taxes, particularly the Land Tax etc.». London, 1746.) В последней работе говорится:

«недавний налог *(акцизы) явился причиной голодной смерти наших бедняков»* (стр 25).

Заявляет, что акциз ложится на плечи бедняков (стр. 37).

«Фабричные рабочие, которые *работают за* свой насущный хлеб... *являются главными потребителями товаров, подлежащих как таможенному, так и акцизному обложению»* (стр. 37—38).

Говорит о том, что из общего числа английских семей 600 000 семей не должны были платить ничего. Другие 900 000 семей должны были платить *2 шилл. на фунт годового дохода*, следовательно, *подоходный налог*, модифицированный соответственно числу детей и доходу (стр. 38—39).}

{«Some Thoughts on the Interest of Money in General, and particularly in the Publick Funds etc.», London, 1738. Это весьма значительная работа.

* — *«Вещь стоит столько, сколько может». Ред.*

Рента.

«*Рента за землю* и *цена тех вещей,* которые производит земля, всегда повышаются и понижаются одновременно и необходимо должны повышаться и понижаться одновременно» (указ. соч., стр. 3).

{Он думает, ссылаясь на *Локка,* что это связано с *удешевлением денег* (вследствие *изобилия серебра*) и поэтому — с *удорожанием продовольствия,* между тем как та же самая причина, которая удешевляет деньги (их изобилие), понижает также процент (там же, стр. 12).}

«*Уменьшение процента с денег* есть одна из *причин* или, вернее сказать, *мер увеличения цены жизненных средств*» (стр. 6—7).

{*Локк* — главный авторитет автора этой работы.}

Падение прибыли (процента) и *повышение ренты* здесь впервые рассматриваются как взаимосвязанные факты, хотя в то же время это явление объясняется весьма странно, в соответствии с основными положениями Локка. Возьмем следующее положение:

«*Увеличение ренты,* или *годовой стоимости* (земли)... должно происходить вследствие *роста цены продукта земли* и *обычных жизненных средств;* но это не означает, что *падение процента* есть непосредственная причина *роста ренты,* или *цены жизненных средств;* однако это означает, что между ними имеется такая связь, что они *сопутствуют друг другу;* так что *причина,* какова бы она ни была, вызывающая одно, необходимо влечет за собой также и другое» (там же, стр. 36).

Он констатирует падение ренты в течение нескольких лет, но не считает его всеобщим (там же, стр. 57—58) ([Добавочная тетрадь *F*,] стр. 16).

Стоимость. Это *самое полное изложение,* со времен Петти и Франклина, правильной теории стоимости. (*Добавочная тетрадь F,* стр. 12 и след.); (на стр. *14* он несколькими словами разделывается с толками о спросе и предложении; то же на стр. 15). О том, что̀ падает в цене: золото или серебро либо товар (там же, стр. 15) [339].

Падение ренты. (Догадки о дифференциальной ренте.) «Падение ренты на отдельных фермах», отчасти поэтому на многих из них

«прежде она была выше арендной платы, а теперь опять понизилась; на других же фермах земли были плодородными и такими, которые не могут быть улучшены, и в то время как *скудные и неплодородные земли* благодаря удобрениям и лучшей обработке *стали производить больше продукта,* более плодородные земли оставались в том же состоянии; но *такое улучшение одних земель должно было понизить стоимость и ренту других,* ибо стоимость и цена земель и получаемого со всех них [XXIII—

1 429] вместе взятых продовольствия будут не больше, чем прежде, если только количество ртов, которые потребляют это продовольствие, или количество денег, предназначенных для его купли, не возросли пропорционально увеличению количества продукта» (там же, стр. 58—59). «Люди действительно *жили бы лучше* и более обеспеченно при таком увеличившемся количестве продукта, но *стоимость* и *цена* теперешнего большего количества продукта были бы не больше, чем стоимость и цена прежнего меньшего количества продукта; и рента... рассматриваемая в совокупности, также не была бы больше» (там же).

Цена необходимых жизненных средств и цена труда.

«*Увеличилось ли бы бремя, лежащее на бедных, вследствие увеличения цен на продовольствие,* это *еще очень большой вопрос*» (там же, стр. 72). «Что касается труда в сельском хозяйстве или на фабриках, то наблюдения показывают, что он всегда всего дороже, когда продовольствие всего дешевле, потому что многие из людей с низким уровнем жизни, работающие только ради своего насущного хлеба, если они могут получить его в результате *трех дней труда в неделю,* будут праздновать остальные три дня или *установят свою собственную цену на свой труд*. Если бы более высокая цена продовольствия заставила их работать больше на один день в неделю или на один час в день или, вернее, гулять на один день или на один час меньше, чем теперь, что не очень сильно повредило бы им, то плата за этот день или час с лихвой возместила бы им то, что они теряют вследствие повышения цен на те вещи, которые представляют собой их обычные жизненные средства; и те, кто применяет их, вполне были бы в состоянии дать ход их трудолюбию, а также увеличить их заработную плату, потому что их *прибыль* увеличилась бы в *гораздо большей степени*» (там же, стр. 73).

Автор исследует возрастание товарных цен вследствие дороговизны труда.

«Я знаю, как часто предметом жалоб является то, что *труд в Англии дорог* и что продукты, выращенные или произведенные в этой стране, дороги на внешнем или внутреннем рынке, но я думаю, что дороговизна их происходит скорее вследствие существования *множества маклеров,* являющихся *посредниками между первым производителем и последним потребителем,* и вследствие *большой прибыли,* которую получают эти посредники. *Самое незначительное уменьшение прибылей промышленника,* т. е. хозяина, посредника, лавочника или купца, вызвало бы *громадное повышение заработной платы неквалифицированного и высококвалифицированного рабочего*. Поэтому я считаю, что истинная причина того, что купцы некоторых чужих стран продают дешевле наших, состоит в том, что наши товары *проходят слишком долгий путь,* пока поступят к потребителю, а *различные агенты,* через руки которых они проходят, *пожирают большую долю тех прибылей, которые должны бы принадлежать первому производителю и промышленнику* (но ни посредник, ни торговец не довольствуются у нас такой небольшой прибылью, как в других странах), а *не в том, что у нас товары, выходя из первых рук,* дороже, чем в других странах» (там же, стр. 73—74).

Вся тяжесть налогов должна быть возложена на землю. Автор цитирует при этом одного современного автора и Локка

(см. *Добавочную тетрадь F*, стр. 18). Акциз повышает цены и т. д. для потребителей, но при этом часто понижает их для производителей (см. там же, стр. 19).}

«*Труд есть будущее богатство*» ([*Charles Townshend.*] National Thoughts, etc. with an Appendix, shewing the Damages arising from a Bounty on Corn. By a Land-Owner. London, 1767, стр. 26).

Премии за вывоз хлеба и т. д. и против *пошлины на ввоз* (вышецитированная «National Thoughts...»; *Добавочная тетрадь F*, стр. 19) [340].

[XXIII—1 430] {«Reasons for the late Increase of the Poor-Rates; or, a comparative View of the Price of Labour and Provisions etc.». London, 1777.

Изменение в относительном положении классов.

«[Сельскохозяйственный] рабочий придавлен почти до земли» (указ. соч., стр. 5; *Добавочная тетрадь F*, стр. 21).

Рента. Собственник земли при повышающейся цене продовольствия выигрывает вдвойне: увеличилась *сумма ренты*, «*возросла рента*» [там же, стр. 8] и вследствие этого повысилась стоимость земли; во-вторых, земельный собственник выигрывает вследствие *падения процента* (там же).

Причины, которые *помогают фермеру* повышать цену продовольствия (там же).

«Земельный собственник и арендатор... действуют рука об руку, угнетая рабочего; при этом они исходят из ошибочного представления, будто они могли бы увеличить его заработную плату лишь за счет соответственного уменьшения своих доходов» (там же, стр. 11).

Подсчет жизненных средств рабочего теперь и 40 лет тому назад (*Добавочная тетрадь F*, стр. 22) показывает еще и то, что заработная плата повышалась далеко не в той же пропорции, в какой росла цена жизненных средств.

«Ущерб, который *причиняют рабочему, оборачивается прибылью, которую получает землевладелец*» (там же, стр. 19) {см. также стр. 23 [Добавочной тетради *F*], стр. 20—22 цитируемой работы}.

О нелепости утверждения о расточительности бедных (*Добавочная тетрадь F*, стр. 23). (*Пшеничный хлеб*, чай.)

Взгляды собственников и капиталистов.

«Основная ошибка заключена в самой мысли о том, что богатые люди часто содержат бедных. Они склонны смотреть на последних, как на налог, накладные расходы на их собственность, тогда как в действительности *их собственность не имеет стоимости без бедных*» (цит. соч., стр. 23).

Законы о регулировании заработной платы. Елизавета. Яков I.

Пауперизм, фермеры, промышленники. Весьма важное место (там же, [Добавочная тетрадь *F*,] стр. 23—24; [цит. соч., стр. 26—28]).

Стоимость земли.

«*Сама земля*... должна рассматриваться как нечто, *не имеющее стоимости* [помимо] рабочего, а та стоимость, которую она получает благодаря *рабочему,* должна иметь возможность повышаться и понижаться пропорционально *его* силе и трудолюбию» (цит. соч., стр. 29).

Как обращались с рабочей беднотой прежде и как обращаются с ней теперь (там же, [Добавочная тетрадь *F*,] стр. 24—25; [цит. соч., стр. 30—35]). (Она *экспроприировалась фермером и земельным собственником.*)

Капиталист и рабочий.

«Абсурдно утверждение фермера, будто *он* содержит бедных. *На самом деле бедные содержатся в нищете*» (цит. соч., стр. 31).

О нелепых объяснениях нищеты и о моральных средствах избавления от нее (там же, [Добавочная тетрадь *F*,] стр. 25).

Прежняя и нынешняя заработная плата (там же, [Добавочная тетрадь *F*,] стр. 25—26; [цит. соч., стр. 36—42]).

Превосходное сочинение!}

{*H. Storch.* Cours d'économie politique... t. I. [St.-Pétersbourg, 1815].

Земля — машина (указ. соч., т. I, стр. 168) (машины различной мощности).

«*Плодородие* земли выражается то в *изобилии* продуктов, то в их *разнообразии*» (там же, стр. 169) [Русский перевод, стр. 66].

Недостатки разделения труда. При разделении труда рабочий есть всего лишь *придаток* (там же, стр. 204) [Русский перевод, стр. 78].

Разъединение рабочих в земледелии (там же, стр. 209) [Русский перевод, стр. 80].

Транспорт. Езда на санях в России (там же, стр. 226—227) [Русский перевод, стр. 86].

[XXIII—1 431] *Предприниматель и рабочий.*

«На мелких предприятиях... *предприниматель* зачастую является своим *собственным* рабочим» (там же, стр. 242) [Русский перевод, стр. 92].

Источники дохода одновременно являются *мотивами производства* (там же, стр. 259) [Русский перевод, стр. 118] (*Добавочная тетрадь G,* стр. 8).

Рента как всеобщее выражение для прибавочной стоимости («доход, *независимый* от труда») (там же, стр. 260) [Русский перевод, стр. 119].

«*Долговечные богатства фонда потребления* могут служить в качестве *капитала*» (там же, стр. 273) [Русский перевод, стр. 123].

Основной капитал остается в руках «*промышленного работника*» и не «*изменяет своей формы*», между тем как *оборотный капитал* «*превращается чаще всего в новые продукты*» (там же, стр. 295) [Русский перевод, стр. 131].

У *рыбака* нет никакого *оборотного капитала*, но его *основной* капитал довольно значителен (стр. 296) [Русский перевод, стр. 132].

Сосредоточение издержек при совместном труде (там же, стр. 305—306) [Русский перевод, стр. 135]. Однако, говорит Шторх, необходима *концентрация* (там же).

Доход (там же, стр. 331) [Русский перевод, стр. 162].

Прибыль на капитал у Смита, который смешивает ренту на капитал с прибылью предпринимателя.

«Смит... *смешивает* прибыль предпринимателя с рентой на капитал *в одном доходе*, который называется *прибылью на капитал*» (там же, стр. 334, примечание).

Заработная плата за надзор.

«Когда дело касается того, чтобы отделить ее (*заработную плату предпринимателя*) от этой *прибыли*, то ее исчисляют не иначе, как посредством той заработной платы, которую предприниматель должен был бы платить *рабочему*, если бы он нанял его для выполнения этой работы» (там же, т. II, стр. 1) [Русский перевод, стр. 179].

Основной капитал и оборотный капитал (*Добавочная тетрадь G*, стр. 55—56; цит. соч., т. II, стр. 36—37) [Русский перевод, стр. 193]. *Различие во времени оборота* (Добавочная тетрадь *G*, стр. 56—57).

«*Рабочий... ссужает* свой труд» (там же, т. II, стр. 36),

но, замечает лукавый Шторх, он ничем не «рискует», кроме

«потери... своей заработной платы... Рабочий не отдает [производству] ничего *материального*» (там же, т. II, стр. 36—37) [Русский перевод, стр. 193].

У Шторха здесь обнаруживается двойная путаница: 1) когда *необходимая цена* сводится просто к «доходам», вместо того чтобы сводиться к постоянному капиталу плюс доход; 2) когда *необходимая цена* товаров определяется ценами заработной

платы и т. д., а последние *в свою очередь* опять определяются *ценами товаров*. Относительно первого пункта:

1) «*Оборотный капитал*» {почему также и не основной?}, «затраченный на материалы, сырье и осуществленный труд, сам состоит из *товаров, необходимая цена* которых *образована из тех же самых элементов;* так что, если рассматривать совокупность товаров в стране, то включать эту часть оборотного капитала в число элементов необходимой цены было бы равнозначно тому, что определенная сумма *учитывается дважды*» (там же, т. II, стр. 140).

2) «Верно, что *заработная плата* рабочего, так же как и та часть прибыли предпринимателя, которая представляет собой *заработную плату,* если их рассматривать как часть жизненных средств, *также состоят из товаров,* купленных по текущей цене и заключающих в себе *заработную плату, доход на капитал, земельную ренту и прибыль предпринимателей*... Это наблюдение служит лишь доказательством того, что *невозможно разложить необходимую цену на ее простейшие элементы*» (там же, т. II, стр. 140—141, примечание) [341].

Юнг — исчисление валового продукта с акра земли (*Добавочная тетрадь G*, стр. 59). *Рента* (средняя) (там же, стр. 60; цит. соч., т. II, стр. 223).

Деньги (как средство займа и как средство платежа).

«Если, следовательно, те же самые монеты могут служить средством различных ссуд, в три раза... в тридцать раз превышающих их стоимость, то они могут столько же раз служить также и средством платежа» (там же, т. III, стр. 161).

Адам Смит. Разделение труда ([Шторх. Цит. соч.,] т. VI, примечание II) (*Добавочная тетрадь G,* стр. 114).

[XXIII—1 433] [342] *Товарообмен и разделение труда в обществе.*

«Для того чтобы породить обмен, недостаточно иметь вещи, которые могут обмениваться, необходимы... *разнообразные* вещи» (*Шторх.* Цит. соч., т. I, стр. 75) [Русский перевод, стр. 29—30]. «Разделение труда... скорее *причина,* чем *следствие* обмена, по крайней мере, в начале обмена» (там же, стр. 82, примечание).

Цена товаров. Цена есть только лишь денежное выражение стоимости. То, что меновая стоимость одного товара выражает себя в потребительной стоимости какого-либо другого товара, не делает последний *ценой* первого. Здесь категория, взятая из денежного обращения, протаскивается контрабандой в простой товарообмен. Так, например, *Шторх* пишет:

«Если, к примеру, 4 фунта чая обмениваются на аршин сукна, то ясно, что количество сукна составляет *цену* чая, точно так же как количество чая составляет *цену* сукна» (там же, стр. 87) [Русский перевод, стр. 35]. «*Соотносительные количества* составляют *цену* товаров» (там же).}
[XXIII — 1 433] [343]

* * *

[XXIII—1 435] {[*J. Cunningham.*]' An Essay on Trade and Commerce: containing Observations on Taxes, as they are supposed to affect the price of labour in our manufactories etc. London, 1770. (Самое существенное из этого сочинения уже изложено его автором в «Considerations on Taxes etc.». London, 1765.)

Этот молодчик яростно выступает против фабричных рабочих, которых-де следует возвратить к тому же *«счастливому состоянию»*, в котором уже находились тогда *сельскохозяйственные рабочие*. Его сочинение очень важно. Из него отчасти видно, что *незадолго до введения крупной промышленности* дисциплина на фабриках была еще недостаточной; что предложение труда еще отнюдь не соответствовало спросу; что рабочий еще был далек от того, чтобы все свое время считать временем, принадлежащим капиталу. (Тогда среди рабочих, естественно, еще было немало грубости, но не больше, чем среди их естественных начальников.) Для того чтобы устранить эти недостатки, автор рекомендует: *высокие налоги* на жизненные средства, которые точно так же, как и неурожай, заставляют рабочих работать, *всеобщую натурализацию*, для того чтобы увеличить конкуренцию среди рабочих, а также подделку монеты *(увеличение количества денег)* и т. д. За исключением машин, все остальное, чего требовал этот молодчик, действительно вскоре появилось: высокая цена продовольствия, громадное налоговое обложение, обесценение обращающихся денег — обстоятельства, которые вели к понижению уровня заработной платы и в 1815 г. счастливым образом поставили рядом с «паупером», представлявшим «предприимчивое английское крестьянство», фабричную голытьбу. Прежде всего важны следующие места, отчасти для характеристики того *рабочего времени*, в течение которого фабричные рабочие действительно работали в то время, отчасти для характеристики стремления *капитала* принудить их работать изо всех сил (а также привить им *трудолюбие, привычку постоянно трудиться*):

Во-первых, все рабочее время рабочих принадлежит «коммерческому сословию», под маркой которого здесь следует понимать совокупный промышленный капитал.

«*Потеря одного часа труда в день* наносит громадный ущерб коммерческому сословию» («An Essay on Trade», стр. 47).

Принуждение к труду:

«*Любой метод*... который будет *принуждать к труду* и усердию, будет иметь *тот же самый результат, что и увеличение численности*

рабочих, и превратит то, что в противном случае было бы бременем для государства, в его богатство и силу» (там же, стр. 18).

(К этому методу относится *высокая цена продовольствия,* чему способствуют налоги на жизненные средства и т. д.)

«*Налоги имеют тенденцию понижать цену труда*» (там же, стр. 14).

Цена труда и количество труда. (Продолжительность рабочего дня.)

«*Работать меньше и не дешевле* было следствием низкой цены продовольствия» (там же).

«Рабочие не будут работать, пока владеют средствами, позволяющими им быть праздными; но как только эти средства исчерпаны, *нужда* снова побуждает их трудиться. *По этой причине* ни одно государство, в котором жизненные средства могут быть получены в результате небольшого труда, никогда еще не играло сколько-нибудь значительной роли в торговле» (там же, стр. 26).

Следовательно, необходимо

«найти какой-либо способ создания *всеобщего усердия,* для того чтобы люди принуждались к *умеренному труду в течение 6 дней в неделю,* с тем, чтобы со временем такой труд *сделался привычным,* как это имеет место у *голландцев;* ибо достижение этого было бы равнозначно увеличению фабричного населения приблизительно на одну треть и росту годового производства товаров на много миллионов... Таковы важные для коммерческого сословия последствия умеренности, усердия и *постоянного труда*» (там же, стр. 28—29). «Когда вследствие высокой цены жизненных средств люди вынуждены *работать 6 дней в неделю,* они остаются трезвыми, а труд таких рабочих выполняется всегда наилучшим образом» и т. д. (там же, стр. 30). «Сэр Уильям Темпл говорит, что преобладание привычки имеет такую силу, что переход от постоянного труда к постоянному покою так же труден и неприятен, как переход от постоянного покоя к постоянному труду» (там же, стр. 30—31).

[XXIII — 1 436] «Если празднование каждого седьмого дня недели считается божественным установлением, то этим *предполагается, что остальные дни недели принадлежат труду и насильственное принуждение* к последнему, несомненно, нельзя называть жестокостью» (там же, стр. 41).

«Если наши бедняки хотят... жить в *роскоши* и *работать только четыре дня в неделю,* то, конечно, их труд будет дорог» (там же, стр. 44).

«Я надеюсь, что сказал достаточно, для того чтобы доказать, что *умеренный труд в течение 6 дней в неделю не есть рабство*» (там же, стр. 55).

Возражение *Послтуэйту* (автору «Universal Dictionary of Trade and Commerce»). *Послтуэйт* в своем сочинении «Great-Britain's Commercial Interest explained and improved». 2 nd edition. London, 1759, писал:

«Высокие налоги должны увеличить цену жизненных средств, высокая цена жизненных средств должна поднять цену труда, а высокая

цена труда должна увеличить стоимость товаров; так что государство, в котором труд всего дешевле, всегда будет в состоянии продать товары дешевле других государств и захватить их рынки».

На это возражает наш грязный малый в своем первом сочинении, заглавие которого раскрывает все его содержание: «Соображения о налогах, поскольку предполагается, что они влияют на цену труда на наших фабриках, а также некоторые размышления об общем поведении и настроении фабричного населения в нашем королевстве, доказывающие взятыми из практики аргументами, что ничто, кроме нужды, не принудит к труду» {поэтому *заработную плату нужно всегда держать на таком уровне,* чтобы ежедневно, сегодня, как и вчера, имела место нужда, чтобы она заставляла работать и чтобы рабочий никогда не выходил из этой «нужды»} «и что ни одно государство, в котором цена жизненных средств низка, никогда не играло и не могло играть значительной роли в торговле» (Лондон, 1765). Послтуэйт ответил этому парню в одном из поздних изданий своего «Всеобщего словаря» [344]. (Ниже мы цитируем то место, где автор яростно выступает против Послтуэйта.)

«Наши *сельскохозяйственные рабочие* поступают так [работают 6 дней в неделю], и по всем признакам — это счастливейшие из всех наших работающих бедняков».

(Этот молодчик ниже сам признает в своей работе, что эти «счастливые» люди уже дошли до физического минимума и что они не могли бы выдержать даже малейшего увеличения налогов на жизненные средства без увеличения заработной платы.)

«*Но голландцы поступают так на фабриках* и, по-видимому, производят впечатление очень счастливого народа. Так же работают *французы,* если не вклиниваются *праздники*» («An Essay on Trade and Commerce». London, 1770, стр. 55).

Рабочий класс должен обладать *чувством зависимости* от *своих начальников.*

«Но наше фабричное население вбило себе в голову мысль, будто им как англичанам по праву рождения принадлежит *привилегия пользоваться большей свободой и независимостью, чем* [*фабричному населению*] *в любой другой европейской стране.* Поскольку эта идея оказывает влияние на мужество наших солдат, она, возможно, приносит некоторую пользу; но *чем меньше заражена ею фабричная беднота, тем лучше для них самих* и для государства. *Рабочим никогда не следовало бы считать себя независимыми от своих начальников»* (там же, стр. 56). «Для такого коммерческого сословия, как наше, чрезвычайно опасно потакать черни, быть может, семь восьмых которой имеют лишь небольшую собственность или совсем не имеют ее» (стр. 57).

«*Количество труда*, а не *цена его* [345] определяется *ценой продовольствия и других предметов необходимости;* понизьте в значительной степени цену предметов необходимости и тем самым вы, конечно, соответственно уменьшите количество труда» (там же, стр. 48). «То, что человечество, вообще говоря, от природы склонно к покою и лени, [XXIII — 1 437] в этом нас убеждает роковой опыт, почерпнутый из поведения нашего фабричного люда» (черни), «которая работает в среднем не более 4 дней в неделю, за исключением случаев вздорожания продовольствия» (стр. 15).

«*Хозяева-фабриканты* знают, что существуют различные пути повышения и понижения *цены труда, не затрагивающие ее номинальной стоимости*» (стр. 61).

«Полного избавления от этого недуга не последует до тех пор, пока *наша фабричная беднота* не согласится *работать в течение 6 дней в неделю за ту же самую сумму, которую* она *зарабатывает* теперь *за четыре дня*» (стр. 69). «Это необходимо, для того чтобы уравнять нас с Францией» (стр. 69—70).

Рабочий день — величина неопределенная; он может быть длинным или коротким (стр. 73).

«В нашем королевстве... фабричный рабочий, который проработал *4 дня, имеет такой избыток денег,* на который он может прожить остальные дни недели в праздности. Предположим теперь, что цена пшеницы возросла бы до *7 шилл.* за бушель (с 5 шилл.), тогда единственное зло, на которое приходится жаловаться фабричному рабочему, состоит в том, что ему пришлось бы работать в неделю на полтора или на два дня больше и быть экономным и трезвым, подобно голландскому фабричному рабочему или английскому земледельцу» (там же, стр. 97).

Если работные дома должны иметь назначение, то они должны стать *домами ужаса:*

«Если *проект работного дома* должен отвечать какой-то благой цели в отношении... искоренения лени, разврата и излишеств, поощрения духа предприимчивости, *понижения цены труда на наших фабриках* ... то такой дом должен будет стать *домом ужаса,* а не *приютом для бедных*» (стр. 242—243).

Такой «работный дом» он называет «*идеальным работным домом*» и предлагает, чтобы

«он» (бедняк) «работал там по 14 часов в сутки, включая сюда и его собственное время на еду, так что остается *12 часов чистого труда*» (стр. 260).

Если, как мы видим, он, с одной стороны (см. того же *Послтуэйта* [346]), доказывает, что 6 дней труда в неделю — не «*рабство*» для фабричных рабочих и сообщает, как нечто необыкновенное, что в Голландии бедные работают на фабриках 6 дней; если он, с другой стороны, предлагает в своем «*доме ужаса*», в своем «*идеальном работном доме*» работать 12 часов; если это сопоставить с тем, что (в 1833 г.?) Юр и его хозяева как против ужасного посягательства боролись против

ограничения труда детей, женщин и подростков на фабриках 12 рабочими часами [347], а также с тем, что французские рабочие рассматривали ограничение рабочего времени 12 часами как *единственное достижение* Февральской революции [1848 г.] (см. «Report of the Inspectors of Factories [for the half year ending 31st Oct. 1855», стр. 80] [348]), то вынужденное капиталистическим способом производства удлинение рабочего времени (рабочего дня) становится очевидным.

«Наблюдается очень большое потребление предметов роскоши рабочей беднотой королевства, в особенности *фабричным населением;* при этом оно *потребляет и свое время,* а это — *самый пагубный из всех видов его потребления»* (там же, стр. 153).

Если рабочие больше работают, они не должны зарабатывать больше, так как нужда должна постоянно оставаться побуждением их к труду; рабочие должны оставаться *бедными,* но создавать *богатство* «коммерческого сословия», т. е., иными словами, для своей буржуазии.

«Умеренная жизнь и *постоянный труд* представляют для *бедных* прямой путь к [XXIII — 1 438] *рациональному счастью,* а также к *богатству* и могуществу государства» (там же, стр. 54).

Что̀ он разумеет под «рациональным *счастьем» бедных* [349], видно из того, что земледельческих *«рабочих»* он изображал как *«счастливейших»* *. В другом месте своего сочинения он сам рассказывает:

«Земледельцы... однако, в состоянии жить прилично именно тогда, когда продовольствие *наиболее дешево...* Их рабочая сила всегда напряжена; они *не могли бы ни жить хуже, чем живут, ни работать с еще бо̀льшим напряжением.* Но это далеко не так в отношении фабричного рабочего» (там же, стр. 96).

Таково, следовательно, «рациональное счастье» бедных.

Против него направлено указанное место из работы *Послтуэйта* [350] (которое следует привести в разделе о нормальном рабочем дне; см. *Добавочную тетрадь G,* стр. 50—52).} [XXIII—1 438] [351]

* * *

[XXIII—1 441] *Сдельная работа. R. Cantillon.* Essai sur la Nature du Commerce en Général. (*Амстердамское издание*

---

* См. настоящий том, стр. 513. *Ред.*

1756 года составляет III том работы «Discours Politiques». Amsterdam, 1754—1757.)

«Хозяева-мастера приблизительно знают, *сколько продукта могут ежедневно изготовить подмастерья в данном виде ремесла,* и поэтому зачастую оплачивают их пропорционально произведенному продукту; при этом собственный интерес подмастерьев, *независимо от надзора,* побуждает их трудиться возможно дольше» (указ. соч., стр. 185).

«Труд ремесленников-подмастерьев учитывается поденно или поштучно» (там же, стр. 202).

Протестантизм также был средством увеличения прибавочного труда.

«Государства, ставшие протестантскими... выиграли вследствие отмены большого числа праздничных дней, в которые не работают в римско-католических странах и которые сокращают труд жителей *почти на одну восьмую часть года*» (там же, стр. 231).

{*Ch. Ganilh.* La Théorie de l'Economie Politique etc. Paris, 1815, 2 vls.

Производительный труд.

«Эта *продажная стоимость* — отличительная черта» (!) «*производительного* труда» (указ. соч., т. I, стр. 266).

Развитие промышленности и численность применяемых рабочих.

«Развитие промышленности не только не требует большего количества рабочих рук, но уменьшает его» (там же, т. I, стр. 308). «Не легко даже сказать, когда увеличение продуктов промышленности требует увеличения искусного населения» (там же, т. I, стр. 307).

Рента.

«Земельная рента, как всякий другой *продукт*» (!) ... «всецело зависит от примененного капитала» (там же, т. II, стр. 77).

«Не имеет значения, принадлежит ли капитал, произведший ренту, собственнику земли или фермеру» (там же, т. II, стр. 80).

«*Продажная цена* обрабатываемых земель» {а необрабатываемых земель?} «не может быть ни ниже, ни выше суммы капиталов, вложенных в ее обработку» (там же, т. I, стр. 54).

Стоимость. Не существует *внутренних стоимостей.* Стоимость зависит от потребности в продуктах.

«Следовательно, безразлично, сколько они стоили, мало или много» (там же, т. II, стр. 335, 334—337) (*Добавочная тетрадь G,* стр. 126).}

{*F. V. Forbonnais.* Principes Economiques (1767) (Edit. Daire et Molinari in: «Mélanges d'Economie Politique». Tome I. Paris, 1847).

Доход.

«Доход есть плод собственности, которую сделали способной приносить *ежегодно* новые стоимости в торговлю или обращение» (указ. соч., стр. 174).

Основной капитал.

«Осушение и распашка новой земли требуют труда, который земля может оплатить только через несколько лет» (там же, стр. 179).

«*Уровень прибыли*... есть *необходимое условие*» (там же, стр. 185).

На стр. 184—185 Форбонне хорошо говорит о высоких и низких ценах.

[XXIII—1 442] *Превращение земли в рыбные пруды.*

«Некогда мода на рыбу была чем-то вроде страсти, которая разоряла народ так же, как и дворянство. Тогда много земель было превращено в пруды. Изменение вкуса превратило эти пруды в выгоны и пастбища» там же, стр. 187, примечание 2).

Низкие цены (против экономистов) (*Добавочная тетрадь G*, стр. 129; цит. соч., стр. 187), то же относительно *уменьшения числа людей*, занятых обработкой земли, и *перехода* этих *«избыточных людей»* к другим профессиям (см. там же, стр. 130—131; цит. соч., стр. 187—188).

В качестве возражения жалкому Ганилю и его единомышленникам, которые считают продажную цену признаком производительного труда и значительного потребления предметов роскоши и т. д., хороши следующие положения Форбонне:

Вздорожание относительно бесполезных вещей пагубно,

«когда *значительный избыток* у некоторых граждан приобретается *уничтожением избытка* у остальных граждан; ибо тогда происходит *насильственное перемещение собственности*, образующее *порочную роскошь*» (цит. соч., стр. 187). «Чем больше будет налогов, тем большей будет представляться роскошь, так как будет много больше людей, пользующихся большим избытком *вследствие насильственного перемещения к ним собственности других*» (цит. соч., стр. 206).}

{[*Germain Garnier*.] Abrégé Elémentaire des Principes de l'Economie Politique. Paris, 1796.

Этот парень, переводчик Смита, физиократ, прошедший через [школу] Адама, является прежде всего плагиатором у Кантильона. Достаточно привести следующую фразу:

«Средняя и обычная *стоимость* всякого товара, увеличение количества которого находится во власти людей... *есть сумма* величин [*стоимости*] *земли и труда, используемых в целях производства продукта* и его продажи» (указ. соч., стр. 61—62).

Рента собственников земли в отличие от заработной платы и прибыли

«получается собственниками даром и *только в силу фикции закона,* который признает и поддерживает *право собственности отдельных индивидов»* (там же, стр. 28).

А. Смит.

«Он, — говорит Гарнье, — задался целью объяснить увеличение богатства народов только двумя причинами, которыми являются 1) совершенствование способностей к труду; 2) накопление капиталов» (там же, стр. VI, предисловие).

Авансирование капитала.

«Потребитель редко нанимает рабочего непосредственно. И столь же редко рабочий, пока он работает, лично обладает *продуктами питания* и средствами для приобретения *материалов и орудий.* Впрочем, *это авансирование,* кем бы оно ни производилось, есть *услуга, которая отлична от труда* и стóит *особого вознаграждения»* (там же, стр. 34).

Следовательно, так как при капиталистическом производстве условия труда *отделены* от труда, уничтожение этого отделения есть *услуга,* которая должна оплачиваться особо — *рабочими.* (То, что *прибыль* создается последними, Гарнье допускает на стр. 35.) Возможность этой услуги возникает, следовательно, только из действительности указанного разделения. Согласно господину Гарнье, если бы все продавцы и [они же] покупатели товаров продавали только свои собственные продукты, то они должны были бы посредством надбавки к цене взаимно платить друг другу «вознаграждение» за то, что они во время труда сами авансировали себе необходимые для труда *жизненные средства.*

[XXIII—1 443] *Теория потребления этого молодчика и его полемика против смитовского различения производительного и непроизводительного труда.* (*Добавочная тетрадь G,* стр. 134, 136, 138, 139.) Впрочем, попадаются разумные положения, такие, как оба нижеследующие, которые он, однако, ошибочно применяет:

«Народ живет самым необходимым со дня на день» (цит. соч., стр. 193). «Он может обогатиться, лишь увеличивая *одновременно* как меру своего потребления, так и меру своего производства» (там же, стр. 194).

Товар равнозначен богатству в сфере обращения.

«Богатства, рассматриваемые *в сфере, которую они должны пройти,* прежде чем попасть в руки потребителя, обычно называются *товарами»* (там же, стр. 54—55).

Физиократическая теория (*Добавочная тетрадь G*, стр. 135): жизненные средства (хлеб и т. д.) придают труду *стоимость*, а не труд придает стоимость *жизненным средствам*.}

{*E. B. Condillac*. Le Commerce et le Gouvernement (1776). In: Mélanges d'Economie Politique. Tome I. Commentaires et notes explicatives, par E. Daire et G. Molinari. Paris, 1847.

Стоимость покоится на «полезности» «вещей», т. е. на наших «потребностях» в них, т. е. на нашем «*мнении*» об их полезности и т. д., т. е. на нашем «суждении» об их полезных качествах (указ. соч., стр. 251, 252). Это «мнение» включает в себя также и то «мнение», которое мы имеем о большей или меньшей их редкости или изобилии и, следовательно, об уровне их стоимости (стр. 253 и след.).

«Их стоимость состоит... главным образом в том *суждении*, которое мы выносим относительно их полезности и т. д.» (стр. 255).

(Господин Шторх [352] в «этой философии» почерпнул свои знания о природе стоимости.)

Стоимость не есть нечто абсолютное, внутреннее (ср. с *Барбоном* *).

«*Стоимость считают абсолютным качеством*, которое *внутренне присуще вещам*, независимо от наших *суждений* о них, и это неопределенное понятие есть источник наивных рассуждений... Вещи имеют больше или меньше стоимости только потому, что мы *считаем* их более или менее полезными, или — если они обладают *одинаковой полезностью* — потому, что мы *считаем* их более редкими или имеющимися в большем изобилии» (там же).

Прибавочная стоимость. Обмен равных стоимостей.

«Если... обменивают... продукт определенной стоимости на другой продукт равной стоимости, то очевидно, что как бы ни увеличивали количество меновых сделок, *сумма стоимостей*, или богатств, по-прежнему останется *той же самой*» (там же, стр. 266—267).

«Неверно, что при обмене равная стоимость отдается за равную стоимость. Наоборот, каждый из контрагентов всегда отдает меньшую стоимость взамен большей» (там же, стр. 267). «В самом деле, если бы люди всегда обменивались равными стоимостями, то ни один из контрагентов *не получил бы никакой выгоды*. В действительности же оба они получают или, по крайней мере, должны получать выгоду. Каким образом? Дело в том, что вещи имеют стоимость только по отношению к нашим потребностям; то, что представляет собой плюс для одного, является минусом для другого, и наоборот» (там же). «Предполагается, что мы не продаем вещи, необходимые для нашего собственного потребления, а продаем наш избыток... Мы стремимся отдать бесполезную для нас вещь с тем, чтобы приобрести необходимую; мы хотим отдать меньше, а получить больше» (там же).

* См. настоящий том, стр. 501—503. *Ред.*

«Идеи относительно стоимости вещей» совершенно запутываются введением благородных металлов в качестве денежной массы:

«Когда прежде хотели выразить цену вещей мерой, которая, как, например, унция золота или серебра, всегда была одной и той же, то не сомневались в том, что вещи имеют абсолютную стоимость; однако на этот счет у людей было лишь смутное представление» (там же, стр. 288).

«Совершенно естественно прийти к заключению, что при *обмене отдают стоимость за равную ей стоимость*, если при этом считают, что *обменивают вещи, которые равны по стоимости одному и тому же количеству денег*... Но необходимо принять во внимание и другую сторону дела: не *избыток* [XXIII — 1 444] ли обменивают оба контрагента на необходимую для каждого из них вещь?» (там же, стр. 291).

Движения денег в капиталистическом производстве.

«Если они (деньги) *находятся в движении, не вызывая обмена*, то нет обращения. Например, деньги, поступающие от налогов, прошли через многие руки, прежде чем попасть в казну монарха. Но это не есть обращение, это *только их передвижение*... Нужно, чтобы благодаря обращению деньги *превращались в известном смысле во все вещи*, способные поддержать жизнь и т. д.» (там же, стр. 295).}

{«Considerations concerning taking off the Bounty on Corn exported. In some letters to a friend. To which is added, a Postscript shewing, that the Price of Corn is no rule to judge of the Value of Land; which will be increased in proportion to the Cheapness of its several Products». London, 1753. Эти письма первоначально появились в «Evening Post».

Их автор — *абсолютный фритредер;* он также, чего не скажешь о сэре М. Декере [353], выступает за отмену Навигационных актов [354]. Но он хочет вместе с этими актами уничтожить также все преграды на пути капиталистического производства.

«*Повысить цену* на хлеб внутри страны, каким бы способом это ни было достигнуто, означает то же самое, что обложить налогом его потребление, а сделать это, уменьшая его цену за границей, значит применить этот налог ради выгоды иностранцев» (указ. соч., стр. 4).

«Интересы торговли требуют, чтобы хлеб и все другие виды продовольствия были так дешевы, как только возможно; ибо все, что делает их дороже, должно *также* делать *дороже труд* и уменьшить продажу наших фабричных товаров» (там же, стр. 3).

Понижение заработной платы. Количество рабочего времени в первой половине XVIII столетия в Англии. Устранение ограничений, цеховых законов, законов об ученичестве, монополии и т. д. Свободное движение капитала как средство снижения заработной платы по отношению к цене продовольствия.

Но сам «*торговец не одобряет* того, что вследствие отмены поощрительной премии и, следовательно, удешевления хлеба усердие простого

народа уменьшится... что торговцы в наших фабричных городах встречают наибольшие трудности в своем деле при *каждом экстраординарном спросе* за границей на наши фабричные изделия, что *рабочие соразмеряют стоимость своего труда со спросом на фабричные товары*».

(Вот где была зарыта собака! Население, уменьшившееся в первые десятилетия XVIII в., затем росло, хотя и слабо, примерно до 1760 г.; и хотя в сельских местностях оно уже было избыточным, но в городах в результате законов о поселении, цеховых законов, законов об ученичестве и т. д. ряды городских рабочих пополнялись не в той же самой мере. Падение цен на хлеб имело место с 1700 примерно до 1760 г. И буржуа не хотел, чтобы рабочий «соразмерял стоимость своего труда со спросом на фабричные товары»; он не хотел закона спроса и предложения, поскольку этот закон был направлен против него самого; напротив, рабочий должен был ограничить стоимость своего труда как *стоимость рабочей силы* определенным количеством жизненных средств. Однако еще и теперь почти всякая подобная попытка вызывает *стачку* рабочих, и удается она только при самых чрезвычайных обстоятельствах.) И если цена трех дней труда может содержать семью рабочего в течение недели, он не будет работать шесть дней (вернее, будет работать шесть дней только за увеличенную заработную плату. *Прошло* [XXIII—1 445] определенное время, пока *капитал de facto* * добился права на все время, имевшееся в распоряжении рабочего).

«Но если бы жизненные средства можно было приобрести дешевле, то дело обстояло бы еще хуже... Это верно по отношению ко всему труду в *Англии*, где почти для каждого вида производства действует *монополия* и *предпринимателям не разрешается нанимать тех рабочих*, которых они считают пригодными и способными работать на них, поэтому они должны *довольствоваться только теми рабочими, которых определил закон*... Во всех странах, *где нет ограничений труда*, цена продовольствия должна воздействовать на цену труда. Последняя всегда будет уменьшаться, если жизненные средства становятся дешевле» (там же).

Среди «затруднений» и «препятствий», чинимых труду, он называет *закон об ученичестве*.

«Во многих отраслях производства рабочий, не прошедший через ученичество, по закону не имеет права работать; далее, он не может *объединяться* с другими рабочими; затем, он не может работать *без учета ограничений корпорации*... Каждый рабочий, если бы его не ограничивал закон, *переходил бы от одного вида труда к другому, как того требовало бы различное состояние дел*... Наши *теперешние ограничения* часто дают

* — *фактически, на деле. Ред.*

возможность рабочим требовать более высокой заработной платы, чем заслуживает их работа, и таким образом препятствуют продаже наших фабричных товаров» (там же, стр. 4).

Основной закон капиталистического производства — в противоположность цеховому производству — состоит в свободном перемещении труда и капитала из одной сферы применения в другую. Труд противостоит капиталу как *труд вообще,* особое содержание которого для него точно так же случайно и несущественно, как и особая потребительная стоимость того товара, который он производит. Ибо для капитала дело заключается в *производстве прибавочной стоимости,* присвоении *чужого прибавочного труда* в какой бы то ни было форме, — последняя, конечно, определяется требованиями рынка. С другой стороны, в *капитале* труду противостоит *стоимость* как таковая, овеществленный труд как таковой, *деньги* — в самостоятельной форме, их отношение к живому труду есть их свойство как *капитала,* но не капитала, сросшегося со своей потребительной стоимостью или с особым искусством капиталиста. (Это относится к главе IV [355].)

Все это из *первого* письма. В *письме* II отвечает представитель *земельных собственников,* который прямо (а это еще в 1814—1815 гг. делали лишь немногие) высказывает то, в чем заключается суть дела для земельных собственников.

Рента и цена продовольствия (см. *Добавочную тетрадь Н,* стр. 2—3; [цит. соч., стр. 5—6]).

В *третьем письме наш автор возражает.*

Понижение стоимости рабочей силы.

«*В каком бы отношении ни уменьшились издержки рабочего* {или, как он это иначе называет, «*цена продовольствия*» — цит. соч., стр. 3}, *в том же самом отношении уменьшится его заработная плата,* если *в то же самое время будут отменены ограничения на труд*» (там же, стр. 7).

Рента. В дальнейшем он пытается доказать — и это интересно, — что *рента* не зависит от уровня *хлебных цен* (*Добавочная тетрадь Н,* стр. 3—4; [цит. соч., стр. 8—9]).}

{В 1765 г. — беспорядки в Лондоне, в 1765 и 1766 гг. — в деревне вследствие [роста] цен на продовольствие (см. предисловие автора «Опыта о налогах» и «Three Letters etc.» London, 1766, [стр. 3, 31]; *Добавочная тетрадь Н,* стр. 4).}

{«Letters to men of reason, and the friends of the poor, on the hardships of the excise laws relating to malt and beer etc.». London, 1774. Это наиболее неистовое сочинение, направленное против земельных собственников. Поэтому оно очень важно. (*Добавочная тетрадь Н,* стр. 5—9.)}

[XXIII—1 446] {«Considerations on the Present State of the Poor in Great Britain». London, 1775 (1-е издание вышло в 1773 г.).

В 1680 г. в Англии налог в пользу бедных составлял 665 392 ф. ст., в 1773 г. он возрос в 4—5 раз и стал равен 3 миллионам (указ. соч., предисловие, стр. V).

Против отдачи бедных в аренду (*Добавочная тетрадь H*, стр. 10; [указ. соч., стр. 9]).}

{*Béardé de l'Abbaye*. [Recherches sur les moyens de supprimer les Impôts.] Amsterdam, 1770. Против физиократов (Добавочная тетрадь *H*, стр. 11; [указ. соч., стр. 40—43]).}

{*Против закона ренты и закона населения. M. Fletcher*. [Reflexions on the Causes which influence the Price of Corn. London,] 1827 (*Добавочная тетрадь H*, стр. 12; [указ. соч., стр. 9—10, 18]).}

{*M. Fletcher*. An Essay on Political Economy. London, 1828. Надувательство с помощью земельного налога со времен Георга II (*Добавочная тетрадь H*, стр. 12—13; [указ. соч., стр. 25]).}

{*Рента*. «Observations upon the Importation of Foreign Corn etc.». London, 1828, [стр. 84]. Местоположение земли важнее, чем природное плодородие.}

{«Essays on Political Economy etc.». London, 1830 (Добавочная тетрадь *H*, стр. 13—14).

О том, как капитал и рента росли во время антиякобинской войны [356]; но основной причиной этого роста были *лишения рабочего класса* и *возросшее рабочее время*, — отчасти женщин и детей, отчасти других рабочих. Это место *важно;* его следует использовать в главе о так называемом первоначальном накоплении [357] (*Добавочная тетрадь H*, стр. 14; [указ. соч., стр. 247—248]).}

{[*E. G. Wakefield*.] England and America etc. In two volumes. London, 1833.

Соединение труда (указ. соч., том I, стр. 16) (*Добавочная тетрадь H*, стр. 15).

На булавочной фабрике

«каждая булавка представляет собой продукт *объединенного труда* многих лиц» (указ. соч., стр. 19).

Следовательно, первое — это «соединение сил» (стр. 20).

Разделение сельского хозяйства на различные независимые друг от друга отрасли (стр. 27) (*Добавочная тетрадь H*, стр. 16).

Концентрация капитала (или сосредоточение большой массы капитала) *в немногих руках* есть условие капиталистического

производства. Там, где капитал равномерно распределен между производителями, там он не функционирует как капитал; это препятствует «существованию *класса наемных рабочих*» и *труду в крупном масштабе* и т. д. [цит. соч., стр. 17—18]. Как же соединяется разрозненный капитал, ибо это соединение есть предпосылка капиталистического производства? Уэйкфилд называет эту концентрацию {которая в действительности совпадает с первоначальным накоплением}

«*предпосылкой накопления капитала* и его использования... в крупном масштабе и в фиксированной форме».

Как же люди это сделали?

«*Они разделились на собственников капитала* и *собственников труда*»,

и, horribile dictu *,

«это *разделение* было... *результатом добровольного согласия* или сговора» (там же, стр. 18) (Добавочная тетрадь *H*, стр. 15—16).

Уэйкфилд говорит о различии между Англией и Америкой: в Соединенных Штатах менее $^1/_{10}$ населения — наемные рабочие, в Англии — *бо̀льшая часть народа* состоит из наемных рабочих, из класса, «*единственная собственность* которого есть труд» (там же, стр. 42—44) (Добавочная тетрадь *H*, стр. 16).

Скажет ли какой-нибудь осел, что это происходит потому, что бо̀льшая часть английского народа ленится и лишь несколько капиталистов работают, или что это соотношение проистекает из различия в прилежании и бережливости между американскими и английскими производителями?

Увеличение численности капиталистов вместе с накоплением капитала, но не в том же отношении.

«Численность фабрикантов... увеличилась, хотя в меньшей пропорции, чем промышленный капитал» (там же, стр. 87).

[XXIII—1 447] В Америке быстрее можно было превратиться из рабочего в капиталиста и наоборот (теперь и там дело обстоит уже иначе) (там же, стр. 130—131) (*Добавочная тетрадь H*, стр. 18, внизу).

Разделение [продукта] между рабочими и капиталистом; пропорциональная заработная плата.

Уэйкфилд говорит:

«*Простое разделение продукта* между капиталистами и рабочими имеет, конечно, весьма небольшое значение по сравнению с *тем коли-*

* — странным образом. *Ред.*

чеством продукта, которое должно быть разделено... Весь вопрос заключается в том, *сколько продукта обе стороны делят между собой?»* (там же, т. I, стр. 123).

1) Здесь мы видим, во-первых, что *заработная плата и прибыль* рассматриваются как части продукта. Это противоречит отношению наемного труда, но тем не менее в действительности продукт рабочего всегда есть тот фонд, из которого он оплачивается. Деньги, которые он получает на этой неделе, это часть реализованной *стоимости* товара, который он произвел позавчера, или неделю, или месяц тому назад и т. д.

2) Деньги, которые выплачиваются в виде заработной платы, или *переменный капитал,* по своему вещественному составу, по своей потребительной стоимости состоят из средств потребления (главным образом; некоторую часть их рабочий может и должен расходовать на так называемый непроизводительный труд), из *овеществленного* труда, который по отношению к живому труду всегда выступает как *прошлый* труд. Но именно поэтому этот *прошлый труд* может быть нынешним или будущим трудом. Например, рабочий получает в субботу свою недельную заработную плату. Хлеб, молоко, мясо, овощи и т. д., на которые он расходует свою заработную плату, в том окончательном виде, в каком они входят в индивидуальное потребление, производятся только в течение следующей недели. Поэтому его заработная плата есть не что иное, как *чек* на *продукты нынешнего* и даже *будущего труда,* чек, который рабочие получают на свои нынешние или будущие продукты. Поэтому было бы смешно думать, что капиталист все это *накопляет* и держит для рабочих про *запас.* Но исключительное владение продуктами, в которых овеществлен прошлый труд, будь то в качестве средств труда или в качестве жизненных средств, делает капиталиста способным обменивать свои деньги на живой труд, а, во-вторых, — поскольку он выплачивает их в виде заработной платы, — превращать их в чеки на продукты нынешнего и будущего труда. Но то существенное, что следует здесь фиксировать, состоит в том, что *деньги,* следовательно, *самостоятельное выражение* прошлого труда, *стоимость* капиталист обменивает на живой труд. Ка̀к затем реализуется заработная плата, это другой вопрос, который следует рассмотреть при исследовании *обычных запасов* и обращающегося капитала.

3) Господин Уэйкфилд упускает из виду, *что то количество продукта, которое должно быть разделено,* имеет некоторое отношение к тому способу, каким это количество произведено, и что разделение продукта имеет некоторое отношение к методу

разделения. Это должно было быть совершенно ясно господину Уэйкфилду, у которого вся соль состоит в том, что только при определенном методе разделения продукта возникают капитал, наемный труд, капиталистическое производство и зависящее от них количество продуктов.

Процесс накопления.

«*Труд создает капитал, прежде чем капитал применяет труд*» (там же, т. II, стр. 110).

Накопление капитала не идентично росту переменного капитала (см. продолжение на стр. 1 448)[358]. [XXIII—1 447]

[XXIII — 1 448] «Отсюда не следует, что так как труд применяется капиталом, то капитал всегда находит сферу для применения труда» (там же, т. II, стр. 103, примечание). «Капитал часто возрастает, не обеспечивая какого-либо применения труда» (там же, т. II, стр. 99). «Не верно, что весь капитал применяет труд» (там же). «Хотя не существует иного применения труда помимо капитала, однако многие миллионы капитала накоплены не для применения *отечественного* труда, но для того, чтобы использовать его в *интересах капитала*, а не для того, чтобы он лежал бесполезно, и не для того, чтобы он был растрачен в дальних и разорительных спекуляциях» (там же, т. II, стр. 97). [XXIII — 1 448]

[XXIII—1 448] *Быстрая смена поколений рабочих.*

«Занятые чрезмерным трудом на фабриках дети умирают удивительно быстро; но места тех, кто погибает, немедленно занимаются, и *частая смена лиц* не изменяет общей картины» (там же, т. I, стр. 55).

Отдача бедных в аренду. См. выше, стр. 1 446 * — «Considerations etc.» (*Добавочная тетрадь H*, стр. 10); ср. *Robert Blakey*[359] (1602). The History of Political Literature». London, 1855; см. здесь у *Уэйкфилда* о г-же *Хибнер* и т. д. (*Добавочная тетрадь H*, стр. 17; [цит. соч., т. I, стр. 67]).

Крупные прибыли во время антиякобинской войны.

«Норма процента — довольно верный критерий нормы прибыли. В течение последней войны норма процента была очень высока» (там же, т, I, стр. 91).

Но была ли война обстоятельством, сопутствующим этому накоплению капитала? В точности то, что было «вновь открыто» в 1830 г.:

«Крестьянин Южной Англии... — не свободный человек и не раб, он — *паупер*» (там же, т. I, стр. 47).

---

* См. настоящий том, стр. 523—524. *Ред.*

О плохой оплате работников науки (Добавочная тетрадь *H*, стр. 17; [цит. соч., т. I, стр. 96]).

Всеобщее избирательное право, рабочий класс и билль о реформе [избирательной системы] 1830 г. (*Добавочная тетрадь H*, стр. 19; [цит. соч., стр. 184—185]).

Заработная плата. Джемс Милль (цитируется Уэйкфилдом). Статья «Воспитание» в приложении к Британской энциклопедии (1832 г.):

«Хорошая пища есть необходимая часть хорошего воспитания... Для большой части народа любое воспитание бессильно без нее» (против *Румфорда*) [цит. соч., т. I, стр. 206].

Рента. Местоположение [земли] является почти единственным решающим фактором в колониях (см. там же, стр. 217—218) (Добавочная тетрадь *H*, стр. 20).

«*Рента*... возникает вследствие конкуренции *в использовании земли*» (там же, стр. 218).

О том, какую выгоду приносят собственнику земли усовершенствования, которые уменьшают издержки производства (см. там же, стр. 224; Добавочная тетрадь *H*, стр. 20). Обстоятельства, которые определяют конкуренцию в использовании земли в Англии (там же, стр. 227—228; *Добавочная тетрадь H*, стр. 20—21).

Минимум заработной платы.

«В какой другой стране, кроме Северной Америки и некоторых новых колоний, плата за свободный труд, применяемый в земледелии, сколько-нибудь значительно превышает самые необходимые средства существования рабочего?» (там же, стр. 246). «Несомненно, рабочие лошади в Англии, составляя ценную собственность, получают лучшее питание, чем английские крестьяне» (там же).}

{*Простой труд* (цитируется Уэйкфилдом).

«Большой класс, который ничего не может дать в обмен на пищу, кроме простого труда, составляет бо́льшую часть народа» (*Джемс Милль*, статья «Колония», в приложении к Британской энциклопедии, 1831 г.).

Соединение земледелия с домашней промышленностью и т. д. в Соединенных Штатах (указ. соч., стр. 21—22; *Добавочная тетрадь H*, стр. 25).} [XXIII—1 448] [360]

* * *

[XXIII—1 452] Анонимный автор [361] *цитирует следующее меркантилистское воззрение Мана или Ли:*

«Великобритания могла бы надеяться разбогатеть без торгового баланса в свою пользу не больше, чем могла бы разбогатеть семья, глава которой не имел бы другого занятия, кроме выигрывания денег у своих жены и детей» («The Essential Principles etc.», стр. 114).

В приложении [стр. 7] *он цитирует упомянутое выше место из Андерсона*[362] о долгосрочной аренде и т. д. *О йоменах.*

{[*G. Whatley.*] Principles of Trade etc. London, 1774.

Положение о том, что заработная плата не определяется ценой продовольствия, в данном случае высказано защитником земельных собственников, т. е. правительственной премии за вывоз хлеба (*Добавочная тетрадь H,* стр. 44—45; [указ. соч., стр. 18, 39]).}

Чрезмерный труд и *вымирание молодых женщин* («Times», July 2, 1863; *Добавочная тетрадь H,* стр. 168[363]).

{*R. Torrens.* An Essay on the External Corn Trade etc. London, 1815.

Работа направлена против Мальтуса (*Добавочная тетрадь G,* стр. 9).

Расширение сферы производства хлеба (*продовольствия*).

«При прочих равных условиях, в той мере, в какой *расширяется земельная площадь,* доставляющая продовольствие, будет уменьшаться *неравенство* в производительности для разных времен года, или ее *неравномерность*» (указ. соч., стр. 2, 24).

(*Стоимость рабочей силы.* Хорошее резюме (*Добавочная тетрадь G,* стр. 10; [цит. соч., стр. 62—65]). В тот период {как отчасти и в XVIII веке} этот «естественный закон» [цены труда] был использован фритредерами в интересах промышленников против земельных собственников и государственных налогов (хлебных законов). С другой стороны, защитники земельных собственников, сборщиков налогов и т. д. высказываются за независимые от *цены жизненных средств* текущие цены и за вызываемый вздорожанием жизненных средств [рост] *прибавочного труда* и *понижение уровня заработной платы* (а потому — за прямое *подчинение* рабочего класса капиталистам). Среди *молодчиков,* которые в XVIII веке являлись защитниками этого учения {во многом утратившего свое значение, как только *все рабочее время,* находившееся *в распоряжении* рабочего класса, было подчинено капиталу}, находились, кроме *Синклера* и других сборщиков налогов и представителей комиссий погашения государственных долгов, автор (весьма систематически разработанного) «*Опыта о налогах*»[364] (1765 и 1770 гг.); *сэр У. Темпл* (подражатель голландцам) {так же как и физиократам, наполовину не по своей вине}; [Уотли,] автор

«Principles of Trade» (1774), выступавший сторонником выплаты правительственной премии за вывоз хлеба; *Артур Юнг* — автор работ «A six Weeks' Tour — into Wales etc.» (1769) и «The Expediency of allowing the free exportation of corn» (1770) (Пиндар высоких цен на жизненные средства, так же как и автор «Опыта о налогах»); сюда относятся и все другие его сочинения, такие, как «Political Arithmetic» [1774]; [Дж. Арбатнот, автор работы] «An Inquiry into the Connection between the Present Price of Provisions, and the Size of Farms». London, 1773, и другие. (То, что это практическое убеждение, видно из *полемики Вандерлинта* в 1737 г. или около того.)

Противники: Вандерлинт; против *правительственных премий за вывоз хлеба* см. письма в «Evening Post», 1753; [см. также] «Letters to men of reason» (1774), «Essential principles» (1797) [Дж. Грея] и т. д. *Послтуэйт.*

В XIX веке сторонниками правительственных премий за вывоз хлеба выступали Мальтус, У. Спэнс, Лодердель, *Парнел,* короче, весь балаган защитников хлебных законов; против них выступали Бьюкенен, *Уэст, Рикардо,* автор работы «Remarks on the Commercial Policy of Great Britain etc.». London, 1815, *Торренс, Джемс Дикон Юм* и многие другие, часть которых еще должна быть упомянута при разборе скандала по поводу хлебных законов. Следует заметить, что те же самые *фритредеры* начиная с 30-х годов утверждали, обращаясь к рабочим, что [отмена хлебных законов] не коснется *естественного закона* [цены труда], при этом они приводили частично те же самые доводы, которые защитники земельных собственников приводили против *фритредеров.* В течение первых трех четвертей XVIII века, когда хлебные цены постоянно падали, этот вопрос для буржуазии *практически* был безразличен, — т. е. до тех пор, пока ей вместе с введением крупной промышленности не удалось принудить городских рабочих к *полному труду* за цену, соответствующую стоимости труда, — а против интересов земельных собственников эти законы были направлены только в годы вздорожания жизненных средств.)

[XXIII — 1 453] Впрочем, господин *Торренс* признает, что это [действие естественного закона цены труда] имело место в период антиякобинской войны [365], когда Англия обладала 1) монополией на машины, 2) монополией на мировом рынке, 3) когда рабочие еще специальными мерами ограждались от обесценения денег. Но как только все это прекратилось, делу стала вредить *конкуренция на мировом рынке.* Кроме того, *заработную плату* отчасти уже понизили до такого низкого уровня ее естественной цены, что дальнейшее ее снижение

стало *опасным;* к тому же как раз тогда уже начинались возмущения рабочих и их борьба *против удлинения рабочего дня.* (Сюда следовало бы отнести еще и то обстоятельство, что поскольку сырье входит в постоянный капитал, то вследствие вздорожания сырья *норма прибыли* понижается независимо от заработной платы, а при конкуренции на мировом рынке и ликвидации монополии номинальное повышение стоимости труда должно было серьезно затронуть норму прибыли.)

Там, где цена продовольствия повышается без соответствующего повышения заработной платы и т. д., там имеют место болезнь и вымирание рабочих, пока цена на труд не повысится «до уровня денежной цены хлеба» (*Торренс.* Цит. соч., стр. 78—79; *Добавочная тетрадь G,* стр. 12—13).

Исключение из принципа [естественной цены труда]: 1) если «цена на хлеб *растет настолько последовательно*», что это приводит к «*замене хлеба картофелем*», к «*понижению нормы жизненных средств*» (т. е. к *понижению* стоимости труда) (*Добавочная тетрадь G,* стр. 14; [цит. соч., стр. 90]); 2) если при внезапном повышении цены на хлеб *временно* [не происходит повышения заработной платы], как это имеет место при [обычных] вздорожаниях хлеба (там же, стр. 14—15; [цит. соч., стр. 90—91]); 3) если повышение цены хлеба компенсируется удешевлением фабричных товаров или прочих жизненных средств вследствие уменьшения налогов (там же, стр. 15; [цит. соч., стр. 91—92]).

«В прямом противоречии со всякой здравой теорией и с опытом находятся те лица, которые хотели бы сделать продовольствие дорогим, утверждая, что цена хлеба не влияет на заработную плату и не может, следовательно, увеличить цену промышленных изделий, или дать иностранцам какие-либо преимущества перед отечественными фабрикантами» (цит. соч., стр. 227).

Торренс полагает — и это было до А. Смита и после него вплоть до Рикардо господствующим воззрением, — что повышение заработной платы повышает *цены товаров.* В XVIII веке эта точка зрения была господствующей в полемике против высоких цен на продовольствие и, следовательно, высокой номинальной цены заработной платы. Но она ничего не меняет в существе дела: у Уэста, Рикардо и т. д. [заработная плата повышается] вследствие *понижения нормы прибыли* (непосредственно), у Торренса и его предшественников — вследствие *увеличения количества товаров, продаваемых дешевле на мировом рынке,* поэтому окольным путем — вследствие *понижения прибыли.*

Торренс цитирует показания *Лодерделя* перед *палатой лордов.* (Все это *следует процитировать* при рассмотрении *цены труда.*)

Дело сводится к следующему: в годы дороговизны рабочие работают *сверхурочно,* вследствие чего увеличивается *количество предлагаемого труда;* следовательно, если *спрос* остается тем же самым, то *цена труда* понижается, между тем как рабочее время удлиняется. Это место важно, а именно, что *предложение труда* может повышаться без того, чтобы *росло число рабочих.* (К вопросу о *цене труда.*) (*Добавочная тетрадь G,* стр. 33—34; [цит. соч., стр. 227—230].)

В противоположность [Лодерделю] *Торренс* утверждает следующее:

«По отношению к труду, как и по отношению к чему бы то ни было еще, *рыночная* [*цена*] будет иногда *отличаться* от *естественной цены*» (цит. соч., стр. 229).

Далее *Лодердель* утверждает:

«В 1790 г., когда квартер пшеницы стоил 2 ф. ст. 16 шилл., *соткать* один эль [366] муслина стоило 15 пенсов, а в *1812 г.,* когда квартер пшеницы стоил 6 ф. ст., ту же самую работу выполняли за 6 пенсов... В 1812 г. продовольствие было дорогим, а заработная плата низкой» (цит. соч., стр. 230).

На это уже автор работы «Remarks on the Commercial Policy of Great Britain etc.» (London, 1815) замечает, что это [понижение заработной платы], конечно же, относилось к такой фабричной работе, которая стояла много выше неквалифицированного труда. К тому же она *нивелировалась.* Наоборот, *показания* [Лодерделя] перед *палатой лордов и палатой общин* доказывают, что (абстрагируясь от системы законов о бедных, посредством которой в Англии часть заработной платы выдается в качестве милостыни) в среднем номинальная *цена труда* значительно возросла, хотя только в совершенно исключительных случаях она возросла в том же самом отношении, в каком возросла цена продовольствия. См. *рассуждения Торренса* (*Добавочная тетрадь G,* стр. 34—36; [цит. соч., стр. 229—236]). (В целом в сельском хозяйстве заработная плата *удвоилась,* а цены на жизненные средства *утроились*) (в период с 1790 по 1813 г.) (т. е. цена хлеба, цена же мяса повысилась еще больше).

[XXIII—1 454] Торренс цитирует сэра *Генри Парнела,* его памфлет [367] о *торговле хлебом* (1815 г.). Этот молодчик, *председатель комиссии палаты общин* по *хлебным законам,* выступал против фабрикантов, утверждавших, что дороговизна

хлеба повысит заработную плату и тем самым цены фабричных изделий (*Добавочная тетрадь G*, стр. 37; [цит. соч., стр. 238]). Парнел, — говорит Торренс, —

«придерживается его *соображений относительно рыночной нормы заработной платы*» (цит. соч., стр. 239).

Количество ввозимого хлеба (*Добавочная тетрадь G*, стр. 39; [цит. соч., стр. 290—291]).

«Если [368] требуется *большее количество труда*, для того чтобы произвести жизненные средства, то *большее количество труда*, или его продукта, должно оставаться у рабочего в виде его заработной платы. Но так как большее количество его труда, или (что одно и то же) продукта его труда, становится необходимым для существования промышленного рабочего и потребляется им, пока он работает, то меньшее количество продукта труда остается у предпринимателя и какое-то определенное количество промышленного капитала доставит на рынок {как будто предназначенные для рабочих товары также не поступают на рынок} меньшее количество промышленных товаров, чем прежде» (цит. соч., стр. 235—236).

Каждое уменьшение денежной цены хлеба уменьшает денежную цену труда (цит. соч., стр. 76). Увеличение денежной цены хлеба увеличивает заработную плату (там же).

Если бы *пошлина на хлеб внезапно* была отменена, то

«земледельческие [369] рабочие, работавшие ранее на земле, которая вследствие этого перестает обрабатываться, потеряли бы всякую пользу от квалификации и сноровки, которые могли быть ими приобретены в их обычных занятиях; и, лишенные своего морального капитала, они вынуждены были бы искать работу там, где их производительные силы непременно были бы уменьшены» (там же, стр. 179—180).

Это, однако, относится ко всем рабочим, которые вследствие усовершенствований отстраняются от своих обычных занятий.

Искусственное повышение ренты путем искусственного повышения цены продовольствия чревато местью народа (*Добавочная тетрадь G*, стр. 18—19; [цит. соч., стр. 199]).

Парламентская сессия 1813—1814 гг. «Report and Evidence from the Select Committee (of the House of Commons) on Petitions respecting the Corn Laws» и «Reports from the Lords' Committee, on the state of the Growth, Commerce, and Consumption of Grain, and all Laws relating thereto». *Сессия 1814—1815 гг.* [370]}

{*Дж. Ньюнхем (адвокат)* [371].

По закону 1804 г. — 63 шилл., тогда как по закону 1815 г. — 80 шилл. были ценой, ниже которой запрещалась продажа хлеба, а там, где он мог быть ввезен, устанавливалась пошлина

в 2 шилл. 6 пенсов (Добавочная тетрадь *E*, стр. 118; [указ. соч., стр. 2]).

Заработная плата.

Повышение цены хлеба ведет к *повышению заработной платы* там, где она ограничена *самыми необходимыми жизненными средствами;* в противоположном случае оно лишает нас небольшого избытка, принуждает

«спуститься с нашего привычного места к общему уровню» (Добавочная тетрадь *E*, стр. 118; [назв. соч., стр. 5—6]).

Жалкий Мальтус списал у *Андерсона* положение относительно *избытка,* который входил в заработную плату помимо хлеба. В действительности еще некоторые виды такого избытка приводятся в работе *Идена* для 1795 и последующих лет. У сельскохозяйственного рабочего он *совершенно исчез* к 1815 г. Фактически этот избыток был сведен к прежней английской тюремной пище, т. е. к *хлебу* и *воде* (Добавочная тетрадь *E*, стр. 118, внизу, стр. 119, начало; [цит. соч., стр. 6]).

(О той *степени*, в какой повышалась [цена] *хлеба* и т. д. и *заработная плата* в период с 1773 по 1812 г., см. Добавочную тетрадь *E*, стр. 119; [цит. соч., стр. 7].)

[XXIII—1 455] О том, как заработная плата сельскохозяйственных рабочих непосредственно измерялась мировыми судьями, болванами из работных домов и т. д. посредством цены продовольствия. Еженедельно галлон зерна (8 фунтов 11 унций) и 3 пенса на одежду (тоже еженедельно) на семью, состоявшую из отца, матери и 3 детей. *Показание г-на Беннета*[372] («Lords' Report», стр. 97; Добавочная тетрадь *E*, стр. 119—120; [цит. соч., стр. 20]).

О, эти мерзкие типы! *Сэр Ф. Иден* в I томе своей работы, стр. 577, рассказывает, что *помещики Беркшира* (в качестве мировых судей эти парни определяли заработную плату сельскохозяйственным рабочим, о чем в связи с более ранними законами см. выше — другую работу[373] о «бедных»)

«установили следующую норму заработной платы в Спинемлендс в 1795 г.: доход рабочего должен быть равен 3 шилл., если галлон, или *полпека,* зерна весом в 8 фунтов 11 унций стóит 1 шилл., и соответственно повышаться, пока хлеб не будет стоить 1 шилл. 5 пенсов; если цена хлеба поднимется *выше указанной суммы,* то доход должен соответственно уменьшаться, пока цена хлеба не дойдет до 2 шилл., и тогда потребление рабочего должно стать на $^{1}/_{5}$ меньше, чем раньше» (*Ньюнхем.* Цит. соч., стр. 20, примечание).

Плохая земля, которая обрабатывалась в то время. Рента (Добавочная тетрадь *E*, стр. 120—121; [цит. соч., стр. 51, 17]). Член палаты общин открыто говорит,

«что это есть мера, назначение которой состоит главным образом в том, чтобы повысить ренту» (Добавочная тетрадь *E*, стр. 121; [цит. соч., стр. 17]).

Об удельном весе плохой земли можно судить по *показаниям,* из которых вытекает, что ее было не очень много (Добавочная тетрадь *E,* стр. 121—123; [цит. соч., стр. 52—53]).

См. таблицу относительно *ввоза хлеба* (там же, стр. 123—124; [цит. соч., стр. 58—59]). Судя по ней, непонятно, как мог А. Смит выдумывать небылицы о бескорыстии собственников земли [374].

Несмотря на *повышение ренты, собственники земли* не давали ни фартинга на антиякобинскую войну, напротив, они еще выиграли на ней (Добавочная тетрадь *E*, стр. 23) [375].}

{*Charles H. Parry*. M. D. The Question of the Necessity of the existing Corn Laws, considered etc. London, 1816.

Работа направлена против взгляда *Рикардо* и *Мальтуса* на дифференциальную ренту (Добавочная тетрадь *E,* стр. 17). На практике рента зачастую не уменьшается, даже если падает цена продукта (указ. соч., стр. 11).

В каких случаях *рента «мешает» обработке земли* (Добавочная тетрадь *E*, стр. 18; [указ. соч., стр. 13—14]).

Показания перед *палатой общин и палатой лордов* (Добавочная тетрадь *E*, стр. 19; [указ. соч., стр. 40]).

Согласно показаниям самого *А. Юнга, более бедные фермеры* (*недостаточно* хорошо *обрабатывающие землю* вследствие недостатка капитала)

«*не дают упасть цене хлеба только ради прибыли более крупных капиталистов, своих конкурентов*» (указ. соч., стр. 51).

Парри, чистый фритредер-буржуа, указывает, что фермеры часть своих убытков возмещали всецело за счет рабочих и, прибавляя к доходу последних пособие по бедности, препятствовали изменению

«обычного соотношения между заработной платой и продовольствием» (там же, стр. 69—70).

Жизненный уровень. Парри жалуется на то, что английские «рабочие» не хотят есть хлеб с «примесями муки» низших сортов, и говорит:

«В Шотландии, *где воспитание поставлено лучше,* этот предрассудок отсутствует» (там же, стр. 69).

Заработная плата. По Идену, период 1792—1796 гг. по уровню дороговизны почти соответствует 1812 и следующим

годам. Но рабочим в 1812 и следующих годах было еще хуже (Добавочная тетрадь *E*, стр. 20—21; [цит. соч., стр. 73—78]). *Хлеб* составляет приблизительно половину их расходов, у Идена же не *вполне:* в среднем более $^2/_5$. Но в семьях с большим количеством детей — намного больше. В 1795 и 1796 гг. еще фигурируют предметы потребления, которые исчезают в 1815 г. Грубость фермеров (см. Добавочная тетрадь *E*, стр. 21 и 22; [цит. соч., стр. 77 и 80—81]). На стр. 22 Добавочной тетради *E* [цит. соч., стр. 78—81] также имеется доказательство того, что несмотря на значительное повышение *номинальной заработной платы,* реальная заработная плата *рабочего* чрезвычайно понизилась. Ср. у Идена (Добавочная тетрадь *E*, стр. 26; [цит. соч., стр. 213]).

Свиньи — земельные собственники посредством ренты освобождались от всех налогов и еще выигрывали при этом. (Об этом и о таких молодчиках различного рода см. Добавочную тетрадь *E*, стр. 23—24; [цит. соч., стр. 100—104].)

[XXIII—1 456] *Рента и прибыль фермера.*

«Если бы... было установлено, что фермер необходимо должен *получать прибыль,* потому что он *обязуется платить ренту,* то ничто не могло бы быть более тягостным и т. д.» (цит. соч., стр. 158).

Лошади в Великобритании и Ирландии. Насчитывается 1 800 000 голов; стоят они 16 200 000 ф. ст.; пожирают человека (цит. соч., стр. 176; Добавочная тетрадь *E*, стр. 25).}

{*John Locke.* Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, and Raising the Value of Money (1691). In: The works of John Locke. In four volumes. The eighth edition. Volume II. London, 1777.

В стране *ощущается недостаток поденных рабочих* {сельскохозяйственных}, им приходится угождать, ибо иначе они не будут работать на вас и т. д. (указ. соч., стр. 17). Если рабочий получает меньшую заработную плату, он должен также меньше платить за *хлеб, масло, сыр, мясо* (там же, стр. 48).

Естественная ценность (потребительная стоимость) какой-либо вещи состоит в ее способности удовлетворять потребности или доставлять удобства для жизни человека (там же, стр. 28).

От естественной ценности отличается «*рыночная стоимость*».

«*Рыночная стоимость* каких-либо определенных количеств двух или более товаров... одинакова, если они обмениваются друг на друга» (там же). «*Стоимость,* или *цена,* всех *товаров,* один из которых представляет собой деньги, действительно функционирующие в торговле, *заключается в пропорции;* вы изменяете ее, изменяя все остальные пропорции, *увеличивая цену одного* [товара] или *уменьшая цену другого*» (там же, стр. 30).}

{*Pietro Verri*. Meditazioni sulla Economia Politica etc. (впервые опубликовано в 1771 г.); в изданных Кустоди сочинениях итальянских экономистов «Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna». Tomo XV. Milano, 1804.

«*Деньги — универсальный товар*» (указ. соч., стр. 16) [Русский перевод, стр. 7].

(Против *физиократов*.) (*Толстая тетрадь* [376], стр. 95, внизу; [цит. соч., стр. 20, 22].)

Звучит так же, как у сторонников монетарной системы и у меркантилистов:

«Увеличивать, насколько возможно, число продавцов каждого товара, уменьшать, насколько возможно, число покупателей — таков основной вопрос, к которому сводятся все меры политической экономии» (там же, стр. 52—53) [Русский перевод, стр. 45].

Смотри, как он выходит из затруднения и как своеобразно соединяет это с увеличением годового воспроизводства! (Толстая тетрадь, стр. 96, внизу; [цит. соч., стр. 53—56].)

«Задача политической экономии состоит в том, чтобы увеличивать, насколько возможно, годовой продукт» (автор понимает под этим чистый продукт, прибавочную стоимость) «при возможно меньшем количестве труда, или в том, чтобы производить данный объем продукта при минимуме труда; при данном количестве труда производить максимум продукта; увеличивать, насколько возможно, труд и извлекать из него максимальный эффект в производстве» (там же, стр. 190) [Русский перевод, стр. 199—200].

Фердинандо Паолетти [«Estratto de pensieri sopra l'agricoltura»; Parte moderna, т. XX в издании Кустоди]. Сторонник физиократов (Толстая тетрадь, стр. 98).

Antonio Genovesi. Lezioni di Economia Civile (1765). Parte moderna, tomo VIII (в издании Кустоди).

«Кажется, что человеческие силы являются чрезвычайно многогранными, гибкими, потому что они, подобно мышцам, способны развиться полностью, лишь получая большую нагрузку» (указ. соч., стр. 10—11).

«Коммерсант почти ни во что не ценит уже полученную прибыль, он всегда стремится к новой» (там же, стр. 139).}

[XXIII—1 457] {*Baudeau* (Nicolas). Première Introduction à la Philosophie Economique etc. (1771). In: «Physiocrates». Edit. M. Eugene Daire. Paris, 1846.

«Название *богатство* предполагает, следовательно, две вещи: во-первых, *обычные качества*, которые делают предметы, пригодные для нашего потребления, полезными или приятными и которые делают их *благами;* во-вторых, возможность *обменивать* их, благодаря чему блага могут

доставить вам другие блага, чтò и делает их *богатством*» (указ. соч., стр. 661).

«Благодаря непрерывности, общности, совершенству искусства обучения люди *рано присваивают* результат размышлений, опыта и достижений многих поколений и многих столетий; и это присвоение развивает способности и т. д.» (там же, стр. 665).}

Процесс накопления.

«Простой труд производится простым умножением числа людей» (*Francis Wayland.* The Elements of Political Economy. Boston, 1843, стр. 298).

Естественный рост населения есть один из результатов воспроизводства; он, во-первых, сам есть накопление (людей) и, во-вторых, предпосылка процесса накопления (в известных пределах). Он ничего не стоит капиталисту, так же как и мастерство, накопляемое рабочим классом лишь посредством практики и передаваемое как результат (как преимущества труда) своим заместителям. (См. *Годскина* [377].) Наконец, накопление и воспроизводство *науки*, которая более или менее непосредственно определяет материальный процесс производства. Из всех видов овеществленного труда *наука* есть тот его вид, где *воспроизводство*, т. е. рабочее время, необходимое для того, чтобы «присвоить» этот овеществленный труд, находится в *наименьшем отношении* к первоначально требуемому в производстве рабочему времени.

Процесс накопления и спрос на труд.

Из совокупного прибавочного продукта некоторая часть его снова превращается в капитал, а из этой части некоторая доля превращается в переменный капитал, т. е. расходуется на заработную плату. Предполагая это, нужно заметить следующее относительно нелепой экономической доктрины о физической зависимости заработной платы от величины имеющегося в наличии капитала (оставляя при этом в стороне также внешнюю торговлю и помещение капитала за границей под проценты).

1) Если говорят, что масса применяемого труда зависит от массы имеющегося в наличии капитала, то это правильно лишь постольку — будучи выражено абсолютно, — поскольку это есть *абсолютная тавтология*, которая только потому *не* выступает как тавтология, что при *капиталистическом способе производства*, а потому и в *капиталистической идеологии* моменты труда выступают в качестве *самостоятельных, чуждых* и *независимых* друг от друга. Это означает только то, что увеличение количества работающих людей зависит от *производительности их труда* (или, по крайней мере, находит в ней свой предел), той производительности труда, которая, с одной стороны,

выражается в развитии их собственных производительных способностей и в степени энергичности, знания и целесообразности, с какими эти способности используются и *использовались*. А во-вторых, она выражается в большем или меньшем базисе *созданных производительных сил*, с помощью которых она работает, а также в том *объеме годового воспроизводства*, которого должно хватить на следующий год в качестве сырья, жизненных средств и самого производства. *Почва. Земля.*

[XXIII—1 458] 2) *Совокупный прибавочный продукт* (рассматриваемый с точки зрения его *стоимости*) состоит из вновь *присоединенного труда*. Следовательно, также и *та часть* последнего, которая превращается в *добавочный капитал*, или образует источник накопления. Но хотя весь этот добавочный капитал возникает из *прибавочного труда*, нет ничего более неверного, чем представление, будто в реальном превращении *прибавочного продукта* в капитал он целиком обменивается на добавочный новый труд. Он с самого начала существует в формах, в которых он образует элементы постоянного капитала, и только некоторая его часть, относительно гораздо менее значительная, превращается в *переменный капитал*.

3) Чем более развито капиталистическое производство, тем *меньше та часть прибавочного продукта*, которая вновь превращается в переменный капитал, и тем больше та часть населения, которая постоянно делается избыточной посредством процесса производства, и тем больше то *количество труда*, которое выжимается из *рабочих* без увеличения их *численности*. Предложение труда, следует заметить, зависит (см. соответствующее место у Лодерделя *) не только от *численности рабочих*, но и от *продолжительности рабочего дня*. Сюда, далее, присоединяется еще и то, что крупная промышленность, постоянно порождая искусственное сокращение населения, с другой стороны, создает для рабочего класса такую ситуацию, при которой он воспроизводится в массовом масштабе как множество бедствующих людей.

4) Затем еще та часть [прибавочного продукта], которая *непосредственно* (или превращенная [в другие продукты] посредством внешней торговли) *входит в потребление высших классов*.

Воспринятое от А. Смита в качестве догмы положение о растущем спросе на труд (а так как, по его мнению, здесь увеличивается заработная плата, то *спрос* на труд *растет ускоренно*) по отношению к накоплению производительного капитала есть

---

* См. настоящий том, стр. 531. *Ред.*

химера; впрочем, это положение было правильным для мануфактуры, на анализе которой покоится его воззрение. Все это вызвало также комическое противоречие у Уэйкфилда. В Соединенных Штатах и в новых колониях, основанных старыми буржуазными странами, до определенного периода имел место ускоренный рост заработной платы (спроса на труд) вместе с ростом богатства, так как здесь $^{99}/_{100}$ всех занятых в земледелии, которые со своей стороны доставляют, возможно, $^{4}/_{5}$ всей продукции, это самостоятельно работающие крестьяне, следовательно, не производящие *капиталистическим способом*, между тем как в городах производят капиталистически и все колонии также применяют капиталистический способ производства старых стран, не страдая их болезнями. Это признает сам Уэйкфилд. С другой стороны, однако, он хочет насильственно ввести *капиталистический способ производства* в колониях и положить конец даровому плодородию земли — существенной особенности колоний.

{*Le Trosne*. De l'Intérêt Social etc. In: «Physiocrates». Edit. M. Eugene Daire. Partie II. Paris, 1846.

«Они *(деньги)* не имеют другого движения, кроме того, которое сообщено им продуктами» (указ. соч., стр. 885).

«*Стоимость* есть то *отношение*, в котором одна вещь *обменивается* на другую, определенное количество одного продукта — на определенное количество другого продукта» (там же, стр. 889).

«Все продукты одного и того же рода образуют, в сущности, одну массу, цена которой определяется в целом и независимо от частных обстоятельств» (там же, стр. 893).

(*Say*. Traité d'Economie Politique. Troisième édition. Tome II. Paris, 1817, стр. 438.)

«Продукты оплачиваются только продуктами» (*Ле Трон*. Цит. соч., стр. 899). («Продукты покупаются только на продукты» (*Сэй*. Указ. соч., стр. 441).) «*Обмен* по своей природе есть договор равенства, по которому *стоимость* отдается *за равную стоимость*. Он не есть, следовательно, *средство обогащения*, так как здесь дают ровно столько, сколько получают» (*Ле Трон*. Цит. соч., стр. 903—904).

[XXIII — 1 459] «*Продажа* сводится... к обмену... Она производится так же: *стоимость за равную стоимость*, и *не есть средство обогащения*» (там же, стр. 909).

«Не... *контрагенты* определяют стоимость; последняя определена *раньше*, чем они вступили в сделку» (там же, стр. 906). «Торговля, в которой принимают участие *деньги, не завершена*... актом *продажи*... ибо только *покупатель* достиг своей цели... но для *продавца* не все закончено: *деньги*, которые он получил, не есть предмет, который можно потреблять. Следовательно, для того чтобы потребить их, он должен в свою очередь сделаться покупателем» (там же, стр. 908). «Отсюда следует, что всякая *покупка* со стороны того, кто в данный момент покупает, предполагает *предшествующую ей продажу* и *что всякая продажа* предполагает покупку, которая должна последовать за ней... что каждый ежедневно отдает деньги, которые он получил, и пускает их в обращение; что при

всякой остановке, которую делают деньги, они указывают на *удовлетворение потребности* со стороны того, кто их отдает, а также на *выполненное обязательство* и на дальнейшее намерение расплатиться или удовлетворить потребность со стороны того, кто их получает» (там же, стр. 908—909).

«Обмен непосредственно достигает цели, а последняя есть потребление; у обмена только *два члена,* и он оканчивается одной только сделкой. Но сделка, в которой принимают участие деньги, не завершена, так как необходимо, чтобы продавец сделался покупателем сам или через посредство того, кому он передает свои деньги. Следовательно, для того чтобы закончиться потреблением, которое есть дальнейшая цель, нужны, *по крайней мере, четыре точки* и *три контрагента, один* из которых *принимает участие в сделке два раза»* (там же, стр. 909).

«Они (деньги) — не простой *знак,* потому что они сами — богатство; они — не *представители* стоимости, они — *сами стоимость»* (там же, стр. 910). «Деньги в руках того, кто их получил, это *залог,* или вексель, по которому он получит, когда захочет и что захочет» (там же).

Накопление сверх ежегодного воспроизводства.

{Но и весь основной капитал, который не потребляется, есть результат воспроизводства, без которого он обесценился бы и потерял свою потребительную стоимость.}

«В форме произведений труда, существующих более или менее продолжительное время, нация обладает значительным фондом богатств, *независимых от ее ежегодного воспроизводства;* этот фонд составляет *капитал, накопленный* за долгое время и первоначально оплаченный продукцией, непрерывно *возобновляющийся и возрастающий»* (там же, стр. 928—929).}

{*Mercier de la Rivière.* L'Ordre Naturel et Essentiel des Sociétés Politiques (1767). In: «Physiocrates». Edit. M. Eugene Daire. Partie II. Paris, 1846.

«Деньги не меняют на деньги» (указ. соч., стр. 486).

«Стоимость, существующая в деньгах, есть, в сущности, не что иное, как стоимость, существующая в продуктах, которая **изменила только свою форму»** (там же).

«Абсолютно необходимо, чтобы продавцы и покупатели посредством своих покупок отдавали друг другу деньги, которые они получили посредством своих продаж» (там же, стр. 540). «Каждый продавец посредством покупок, которые он производит, в свою очередь должен доставить другим деньги, для того чтобы те могли купить товары, которые он хочет им продать» (там же, стр. 541).

[XXIII — 1 460] «На деньги покупают товар и на товар покупают деньги; таким образом, продавать или покупать означает всегда... обменивать какую-нибудь стоимость на какую-нибудь другую стоимость, совершенно безразлично, будет ли одна из этих двух стоимостей деньгами или обе они — обычные товары» (там же, стр. 543).

«Никакой продавец не может постоянно удорожать свои товары, не подвергаясь необходимости столь же постоянно платить дороже за товары других продавцов; по той же самой причине никакой потребитель обычно не может платить дешевле за все то, что он покупает, не подвергая

себя необходимости соответственно уменьшать цену тех вещей, которые он продает» (там же, стр. 555).

«Не является ли каждый потребитель попеременно покупателем и продавцом на равные суммы?» (там же, стр. 559).

«Если деньги в наших руках представляют вещи, которые мы можем пожелать *купить*, то они представляют в то же время вещи, которые мы *продали* за эти деньги» (там же, стр. 586).

Процесс увеличения стоимости.

«Этот способ приписывать одной вещи стоимость многих других вещей» {например, полотну — стоимость предметов, потребленных ткачом}, «*наслаивать*, так сказать, на одну стоимость несколько стоимостей, ведет к тому, что стоимость соответственно разбухает» (там же, стр. 599). «Термин *сложение* очень хорошо выражает тот способ, каким формируется *цена продуктов труда:* эта цена есть лишь *сумма* многих потребленных и *сложенных* вместе стоимостей; но *складывать* не означает *умножать*» (там же).

(На самом деле *складывать* означает *умножать:* $2 + 2 = 4$ и $2 \times 2 = 4$.)}

{«The Advantages of the East-India Trade to England». London, 1720.} [XXIII—1 460] [378]

* * *

[XXIII—1 464] *Исчисление процентов.*

Простые проценты. 100 : 5 = 860 : 43 (процент). Сто (100) так относится к i (процент, равный, например, 5%), как основная сумма относится к величине процента. Если i — процент от 100, p — основная сумма, то $100 : i = p : x$; $x = {}^{ip}/_{100}$.

Сложные проценты. Для упрощения принимается, что ставка процента равна 5%; $^{105}/_{100}$, или $^{21}/_{20}$. Число лет равно n. Основная сумма равна a. Итоговая сумма равна S. Тогда формула сложных процентов: $S = a\,(^{21}/_{20})^n$. Решая логарифмически, получаем: $\log S = \log a + \log\,(^{21}/_{20})^n = \log a + n\log\,(^{21}/_{20}) = \log a + n\,(\log 21 - \log 20)$.

Пусть $a = 1\,000$; $n = 100$ годам, процент = 5%, $S = x$? $S = 1\,000 \cdot \left(\frac{21}{20}\right)^{100}$; $\log S = \log 1\,000 + 100\,(\log 21 - \log 20)$.

$$\begin{array}{r} \log 21 = 1{,}3\,222\,193 \\ -\ \log 20 = 1{,}3\,010\,300 \\ \hline \log {}^{21}/_{20} = 0{,}0\,211\,893 \\ \times\ 100 \\ \hline 100 \cdot \log {}^{21}/_{20} = 2{,}11\,893 \\ +\ \log 1000 = 3{,}00\,000 \\ \hline 5{,}11\,893 \end{array}$$

Следовательно, $\log S = 5{,}11\,893$, чему соответствует натуральное число *131 501 ф. ст.*

По исчислению Л. Эйлера (где, правда, вместо 7 десятичных знаков берется 15), основная сумма в 1 ф. ст., помещенная на 500 лет под сложные проценты (5%), дает 39 323 200 000 ф. ст.; в среднем на каждый из этих 500 лет приходится 78 646 400 ф. ст.

[XXIII—1 465] Если ежегодно к основной сумме добавляется не только процент, но постоянно еще и новая сумма b, то первоначальная основная сумма a каждый год возрастала бы следующим образом:

После *1-го года:* $^{21}/_{20}\,a + b$;
после *2-х лет:* $(^{21}/_{20})^2 a + (^{21}/_{20})\,b + b$;
после *3-х лет:* $(^{21}/_{20})^3 a + (^{21}/_{20})^2 b + (^{21}/_{20})\,b + b$;
после *4-х лет:* $(^{21}/_{20})^4 a + (^{21}/_{20})^3 b + (^{21}/_{20})^2 b + (^{21}/_{20}) b + b$;
после *n лет:* $(^{21}/_{20})^n a + (^{21}/_{20})^{n-1} b + (^{21}/_{20})^{n-2} b + \ldots + (^{21}/_{20})\,b + b$.

Если мы теперь ту часть этой формулы, в которой фигурирует b, запишем в обратном порядке, то она образует восходящую геометрическую прогрессию, а именно:

$$b + (^{21}/_{20})b + (^{21}/_{20})^2 b + (^{21}/_{20})^3 b + \ldots + (^{21}/_{20})^{n-1} b.$$

Знаменателем этого ряда является $(^{21}/_{20})$. Далее, формула для геометрической прогрессии:

$$\frac{\text{а (первый член)}\cdot(b^n - 1)}{b - 1},$$

предполагая, что a — первый член, b^{n-1} — последний член, так что $b^n = b^{n-1}\cdot b$, и b — знаменатель. Отсюда в нашем случае: b — первый член, $(^{21}/_{20})$ — знаменатель. Следовательно, сумма всей нашей геометрической прогрессии равна:

$$\frac{b\left(\left(\frac{21}{20}\right)^n - 1\right)}{\left(\frac{21}{20}\right) - 1} = \frac{b\left(\left(\frac{21}{20}\right)^n - 1\right)}{\frac{1}{20}} = 20\cdot(^{21}/_{20})^n b - 20b.$$

Все выражение поэтому равно:

$(^{21}/_{20})^n a + 20\,(^{21}/_{20})^n b - 20b = (^{21}/_{20})^n\cdot(a + 20b) - 20b.$

Для того чтобы исчислить это последнее выражение при помощи логарифмов, мы рассмотрим сначала его первую часть, т. е. $(^{21}/_{20})^n\cdot(a + 20b)$ отдельно, из которой затем вычтем $20b$. Предположим, что $a = 1\,000$ ф. ст., 5% — величина сложного [XXIII—1 466] процента, b (ежегодно добавляемая сумма) = $= 100$, n (число лет) $= 25$.

В этом случае формула $(^{21}/_{20})^n \cdot (a + 20b) - 20b$ превращается в $(^{21}/_{20})^{25} \cdot (1\,000 + 2\,000) - 2\,000$.

$$\log(^{21}/_{20}) = 0{,}021\,189\,299$$
$$25 \times \log(^{21}/_{20}) = 0{,}5\,297\,324\,750$$
$$\log(1\,000 + 2\,000) = 3{,}4\,771\,213\,135$$

Сумма равна 4,0 068 537 885, что является логарифмом числа 10 159,1; вычитая из него $20b = 2\,000$, получаем 8 159 ф. ст. 2 шилл.

Если основная сумма в 1 000 ф. ст. постоянно росла и через 25 лет превратилась в 8 159,1 ф. ст., то спрашивается, через сколько лет она составит 1 000 000 ф. ст.?

В этом случае мы имеем уравнение:

$(^{21}/_{20})^n \cdot (a + 20b) - 20b = 1\,000\,000$, т. е.

$3\,000 \cdot (^{21}/_{20})^n - 2\,000 = 1\,000\,000$.

$$\left(\frac{21}{20}\right)^n = \frac{1\,002\,000}{3\,000} = 334.$$

$n \log(^{21}/_{20}) = \log 334$.

$\log 334 = 2{,}5\,237\,465$, а $\log(^{21}/_{20}) = 0{,}0\,211\,893$;

$n = 2{,}5\,237\,465 : 0{,}0\,211\,893 = 119$ лет, 1 месяц и 7 дней.

[XXIII—1 467] Полученная выше формула

$(^{21}/_{20})^n \cdot (a + 20b) - 20b$, или

$(^{21}/_{20})^n a + 20 \cdot (^{21}/_{20})^n \cdot b - 20b$

превращается в

$(^{21}/_{20})^n a - 20\,(^{21}/_{20})^n b + 20b$, или в

$(^{21}/_{20})^n\,(a - 20b) + 20b$, если сумма b, вместо того чтобы ежегодно добавляться к основной сумме, вычитается из нее.

Если n, вместо того чтобы выражать целое число лет, выражает величину меньшую, чем год, то оно становится дробным, однако исчисление, как и раньше, производится с помощью логарифмов.

Если, например, величина основной суммы была востребована к концу первого дня, то $n = {}^1/_{365}$; если 2 дня спустя, то $n = {}^2/_{365}$ и т. д.

Предположим, что $a = 100\,000$ ф. ст., процент составляет 5%. Следует исчислить [прирост] основной суммы за 8 дней, исходя из сложных процентов.

Тогда $S = a\cdot(^{21}/_{20})^{8/365} = 100\,000\cdot(^{21}/_{20})^{8/365}$.
$\log S = \log 100\,000 + {}^{8}/_{365} \log (^{21}/_{20})$, но
$\log (^{21}/_{20}) = 0{,}0\,211\,893$;
${}^{8}/_{365}\cdot 0{,}0\,211\,893 = 0{,}0\,004\,644$;
$\log 100\,000 \qquad = 5{,}0\,000\,000$;

вместе это составляет 5,0 004 644, что соответствует натуральному числу 100 107. Если из этого числа мы вычтем первоначальную основную сумму в 100 000, мы получим величину процента за 8 дней, равную 107 ф. ст.

Теория исчисления процента своими первыми успехами обязана *великому Лейбницу*, который опубликовал ее главные элементы в лейпцигских «Acta Eruditorum» за 1683 год.

Если a — первый член, b — знаменатель прогрессии, $(n-1)$ — показатель степени последнего члена, то сумма прогрессии равна $\frac{a\,(b^n-1)}{b-1}$; если $b=\frac{b}{c}$, так что $\frac{b}{c}<1$, т. е. $c>b$, то сумма прогрессии S [приблизительно] равна $\frac{a}{1-\frac{b}{c}}=\frac{ac}{c-b}$.

[XXIII—1 468] К рассматриваемому вопросу относится также исчисление стоимости нынешней суммы денег, подлежащей выплате лишь через определенное число лет. Ибо так же как имеющиеся в наличии 20 ф. ст. через год составят 21 ф. ст., соответственно сумма в 21 ф. ст., которая не может быть получена до конца года, в действительности стоит лишь 20 ф. ст. Поэтому если мы обозначим буквой a ту сумму, которая должна быть выплачена в конце года, то нынешняя стоимость этой суммы равна $(^{20}/_{21})a$; стало быть, для того чтобы найти нынешнюю стоимость основной суммы a, которая должна быть выплачена через год, мы должны умножить ее на $(^{20}/_{21})$; для того чтобы найти ее стоимость за два года до выплаты, мы умножаем ее на $(^{20}/_{21})^2$; и вообще *ее стоимость за n лет до срока выплаты выражается формулой* $(^{20}/_{21})^n\cdot a$.

Предположим, что некто должен получать в течение пяти лет подряд годовую ренту в 100 ф. ст. и что он хочет уступить ее за наличные деньги, если процент составляет 5%. Требуется определить, сколько он должен получить.

За 100 ф. ст.	*через год*	он получает	95,239
	через 2 года	»	90,704
	через 3 года	»	86,385
	через 4 года	»	82,272
	через 5 лет	»	78,355
	Всего за пять лет		432,955,

которые он получает наличными вместо [ренты в] 500 ф. ст.

Если годовая рента равна a, то через n лет, начиная с данного момента, она будет в действительности стоить

$a + (^{20}/_{21})\, a + (^{20}/_{21})^2 a + (^{20}/_{21})^3 a + (^{20}/_{21})^4 a + \ldots + (^{20}/_{21})^n a$; знаменатель $= (^{20}/_{21})$.

Это — геометрическая прогрессия. Все сводится к нахождению ее суммы.

$$\frac{\left(\frac{20}{21}\right)^{n+1} \cdot a - a}{\left(\frac{20}{21}\right) - 1} = \frac{\left(\frac{20}{21}\right)^{n+1} \cdot a - a}{-\frac{1}{21}} = -21 \cdot \quad \left(\frac{20}{21}\right)^{n+1} a + 21a =$$

$$= 21a - 21 \cdot \left(\frac{20}{21}\right)^{n+1} a.$$

Последнюю часть необходимо вычислить с помощью логарифмов, а затем вычесть из $21a$.

[XXIII—1 469] Если проценты *приносит* только *основная сумма*, они называются *простыми процентами*.

Если проценты, как только они подлежат выплате, добавляются к основной сумме, а затем все это вместе приносит проценты, последние называются *сложными процентами*.

Простые проценты: p — отданная в ссуду основная сумма, r — годовой процент на 1 ф. ст., n — число лет, i — процент на отданную в ссуду сумму {следовательно, r — норма процента}, m — *сумма* (основная сумма и проценты на нее за какое-либо время вместе взятые).

rp — *годовой* процент на p ф. ст.;

nrp — процент на p ф. ст. за n лет;

$i = nrp$; $m = p + nrp = p\,(1 + nr)$.

Двух этих уравнений: 1) $i = nrp$ и 2) $m = p\,(1 + nr)$ достаточно, для того чтобы решить любой вопрос, связанный с простыми процентами.

Если q — норма процента [рассчитанная на 100 ф. ст.], то, так как r — норма процента на 1 ф. ст., $q = 100r$ или $r = \frac{q}{100}$, тогда: 1) $i = n\left(\frac{q}{100}\right)p$ и 2) $m = p\left(1 + \frac{nq}{100}\right) = \left(\frac{(100 + nq)}{100}\right)p$.

Требуется определить простые проценты и общую сумму, в которую превратится через 4 года при годовой норме процента в 5% основная сумма, равная 125 ф. ст. 6 шилл. 8 пенсам.

$p = 125^1/_3$; $r = ^5/_{100} = ^1/_{20} = 0{,}05$; $n = 4$; $i = 4 \cdot (^1/_{20}) \cdot 125^1/_3 = {}^1/_5 \cdot 125^1/_3 = 25^1/_{15} =$ 25 ф. ст. 1 шилл. 4 пенса; $m =$ 150 ф. ст. 8 шилл.

Дисконт [учет векселей] при простых процентах: p — нынешняя стоимость; [определим] дисконт данной суммы m, подлежащей выплате через n лет при норме r. Через n лет при норме r нынешняя стоимость p становится равной m.

$m = (1 + nr) \cdot p$; $p = \frac{m}{(1+nr)}$. Такова нынешняя стоимость p.

Дисконт $d = m - \frac{m}{(1+nr)}$, так как дисконт равен той сумме денег, которая должна быть получена через n лет, минус нынешняя стоимость p; так как $p + d$, или $d + \left(\frac{m}{(1+nr)}\right) = m$, то

$$[\text{XXIII} - 1\,470]\quad d = m - \frac{m}{1+nr} = \frac{m + mnr - m}{1+nr} = \frac{nrm}{1+nr}.$$

Если q — норма процента, то

$$p = \frac{m}{1+nr} = \frac{m}{1+\left(\frac{nq}{100}\right)} = \frac{100m}{100+nq};$$

$$d = \frac{nrm}{1+nr} = \frac{n\left(\frac{q}{100}\right)m}{1+\frac{nq}{100}} = \frac{\frac{nqm}{100}}{\frac{100+nq}{100}} = \frac{nqm}{100+nq}.$$

Так как i (процент) от m за время n при норме r равен nrm, или $n \cdot \left(\frac{q}{100}\right) \cdot m$, а $d = \frac{nqm}{(100+nq)}$, то очевидно, что процент при одних и тех же обстоятельствах всегда больше, чем дисконт.

Сложные проценты. $M = (1 + r)^n \cdot P$. Если I — процент, то $I = M - P = (1 + r)^n \cdot P - P = P\,((1 + r)^n - 1)$. Если $R = 1 + r$, т. е. равно 1 ф. ст. вместе с его годовым процентом, то

$M = P \cdot R^n$, а так как $I = M - P = PR^n - P$, то $I = (R^n - 1) \cdot P$;

$$P = \frac{M}{R^n}; \quad n = \frac{\log M - \log P}{\log R}.$$

Если сложные проценты определены, то нынешняя стоимость исчисляется по формуле:

$P = \frac{M}{R^n}$, а дисконт $D = M - P = M - \frac{M}{R^n} = \frac{M(R^n - 1)}{R^n}$.

[XXIII—1 471] Если P — нынешняя стоимость годовой ренты $[A]$, которая должна выплачиваться в течение n лет по сложным процентам ($R = 1 + r$; 1 ф. ст. плюс годовой процент на него), то через n лет величина P станет равной $P \cdot R^n$ $\left(\text{раньше она выражалась формулой } a \cdot \left(\frac{21}{20}\right)^n\right)$.

$P \cdot R^n$ (или M) $= \frac{A(R^n - 1)}{(R - 1)}$, т. е. $P = \frac{A(R^n - 1)}{R^n(R - 1)}$; если $P = \frac{\frac{A(R^n-1)}{R^n}}{R-1} = \frac{A\left(1 - \frac{1}{R^n}\right)}{R-1}$ и мы предположим, что n бесконечно велико ($= \infty$), то $\frac{1}{R^n} = \frac{1}{\infty} = 0$ и, следовательно, $P = \frac{A\left(1 - \frac{1}{R^n}\right)}{R-1} = \frac{A(1-0)}{R-1} = \frac{A}{R-1}$.

Следовательно, $P = \frac{A}{(R-1)}$, т. е. годовая рента, деленная на 1 ф. ст. вместе с процентом на него минус 1, равна нынешней стоимости, или ценности, годовой ренты A, которая может продолжать выплачиваться *вечно*. Предположим, что $R = \frac{21}{20}$, т. е. равно $1 + \frac{1}{20}$, или 5%, тогда, если годовая рента была равна 800 ф. ст., стоимость вечной ренты составляла бы $P = \frac{800}{\left(\frac{21}{20} - 1\right)} = \frac{800}{\left(\frac{1}{20}\right)} = 20 \cdot 800 = 16\,000$ ф. ст. Если норма процента равна 3%, то [XXIII—1 472] $P = \frac{800}{\left(\frac{103}{100} - 1\right)} = \frac{800}{\left(\frac{3}{100}\right)} = \frac{80\,000}{3} = 26\,666^2/_3$. Если норма процента была равна $2\frac{1}{2}$%,

то $R = \frac{102\frac{1}{2}}{100}$, а так как $2\frac{1}{2} = \frac{5}{2}$, то мы будем иметь $P = \frac{800}{\left(\frac{41}{40} - 1\right)} = \frac{800}{\left(\frac{1}{40}\right)} = 32\,000$, что соответствует стоимости P, равной 16 000 при 5%.

Такова формула, которой регулировалась продажа или купля имений, находящихся в полной собственности [Freehold Estates]; при этом очевидно, что сумма выплачиваемых денег должна была быть *больше* или *меньше* в соответствии с тем, *ниже* или *выше* норма процента с денег (ср. «Алгебру» Хайнда, стр. 264—265). [XXIII—1 472] [379]

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Нижеследующий текст рукописи 1861—1863 годов представляет собой непосредственное продолжение отдела о «Процессе производства капитала», опубликованного в 47 томе настоящего издания. На стр. 1 291*a* XX тетради рукописи, в конце 4-й главы, посвященной «Относительной и абсолютной прибавочной стоимости», имеется следующая запись: «Прежде чем идти дальше, приведем еще некоторые цитаты и рассуждения, относящиеся ко всему изложенному выше отделу I» (настоящее издание, т. 47, стр. 612). Далее на стр. 1 291*a* — 1 294*a* XX тетради и на стр. 1 300 — 1 301 XXI тетради рукописи следует текст, по своему содержанию относящийся к «Теориям прибавочной стоимости» (по поводу этого текста Маркс сделал записи на обложках XX и XXI тетрадей: «*Интермеццо*. Юм и Масси. *Процент*», «Юм и Масси (процент)»). Поэтому указанный текст опубликован в 26 томе настоящего издания (ч. I, стр. 355, 368—371, 378—382) в качестве приложения к основному тексту. В конце раздела о Юме и Масси на стр. 1 301-й имеется разделительная черта, и далее начинается раздел о «Формальном и реальном подчинении труда капиталу», помеченный Марксом цифрой «5». Это соответствует 5-му пункту плана I отдела («Процесс производства капитала»), составленного Марксом в январе 1863 г. в XVIII тетради рукописи (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 424). Первая часть этого пункта («Сочетание абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Соотношения (пропорция) между наемным трудом и прибавочной стоимостью») составляет содержание 4-й главы I отдела (см. настоящее издание, т. 47), вторая же часть («Формальное и реальное подчинение труда капиталу. Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд») составляет содержание 5-й и 6-й глав I отдела, публикуемых в настоящем томе.

На внутренней стороне обложки XXI тетради рукописи, в которой содержится текст 5-й и 6-й глав, сформулированы аналогичные заголовки: «Формальное и реальное подчинение труда капиталу. Переходные формы», «Производительность капитала, производительный и непроизводительный труд». — *3*.

2 В оригинале: «Arbeitsvermögen». В рукописи 1861—1863 гг. Маркс несколько раз употребляет также и термин «Arbeitskraft» в том же значении (см. настоящее издание, т. 23, стр. 178). В настоящем томе термин «Arbeitsvermögen» переводится термином «рабочая сила», а там, где Маркс употребляет термин «Arbeitskraft», этот термин приводится в квадратных скобках вслед за русским термином «рабочая сила». — *3*.

3 Имеется в виду 6-й пункт плана I отдела («Процесс производства капитала»), составленного Марксом в январе 1863 г. в XVIII тетради рукописи: «6) Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал. Первоначальное накопление. Теория колонизации Уэйкфилда» (настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 424). — *5*.

4 В «Главе шестой» («Результаты непосредственного процесса производства») — по первоначальному замыслу Маркса завершающей главе I книги «Капитала», — Маркс противопоставляет жизненные средства как *«субъективные условия труда»* средствам производства как *«объективным условиям труда»* (см. настоящее издание, т. 49, стр. 81). См. также примечание 5. — *5*.

5 В процессе работы над рукописью «Главы шестой» («Результаты непосредственного процесса производства») Маркс перенес в текст этой главы некоторые страницы из XXI тетради рукописи 1861—1863 гг., наклеив их на соответствующие страницы «Главы шестой». Реставрация текста, который был написан на обороте наклеенных страниц, осуществленная в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, позволила почти полностью восстановить текст XXI тетради. Оказалось, что содержание этих оборотных страниц частично или полностью было воспроизведено Марксом в соответствующих местах рукописи «Главы шестой», в разделах: «Дополнение о формальном подчинении труда капиталу», «Валовой и чистый продукт», «Реальное подчинение труда капиталу», «Мистификация капитала» (см. настоящее издание, т. 49, стр. 80—89, 104—107, 89—93, 107—114).

Стр. 1 303 рукописи 1861—1863 гг. была наклеена Марксом на стр. 475 рукописи «Главы шестой» (см. настоящее издание, т. 49, стр. 83—85). — *6*.

6 Стр. 1 305 и верхняя часть стр. 1 306 рукописи 1861—1863 гг. были наклеены Марксом на стр. 477 «Главы шестой» (см. настоящее издание, т. 49, стр. 87—89). При переносе стр. 1 305 из одной рукописи в другую Маркс отрезал верхнюю часть этой страницы, в результате чего первые 10—14 строк текста страниц 1 304—1 305 до нас не дошли. Можно лишь предполагать, что тексту верхней части стр. 1 305 соответствует последний абзац стр. 476 «Главы шестой» (см. настоящее издание, т. 49, стр. 86—87). — *8*.

7 В рукописи «Главы шестой» после слова «сознание» Марксом в скобках добавлено: «(или, вернее, *иллюзия*)» (настоящее издание, т. 49, стр. 86). — *9*.

8 См. настоящее издание, т. 47, стр. 594—612. — *9*.

9 *Йомены* — независимые (свободные) английские крестьяне, исчезнувшие приблизительно к середине XVIII в. в результате процесса первоначального накопления капитала, в частности, в результате так называемого огораживания общинных земель, насильственной узурпации этих земель лендлордами. Место йоменов заняли мелкие фермеры-арендаторы. Йомены были искусными лучниками и до широкого распространения огнестрельного оружия обычно составляли основную силу английских войск; славились своей стойкостью и бесстрашием в бою. Маркс писал, что в период английской буржуазной революции XVII в. они служили главной силой Оливера Кромвеля — вождя буржуазии и обуржуазившегося дворянства. В художественной и научной литературе Англии отмечалось личное мужество йоменов, их военное искусство, их роль как действительной опоры и защитников независимости английской нации. Выражение «гордые йомены Англии» («proud yeomanry of England») представляет собой, по-видимому, парафраз выражений Шекспира: «добрые йомены», «боевые джентльмены Англии», «боевые смелые йомены» («good yeomen», «fight gentlemen of England», «fight boldly yeomen»). См. Шекспир. «Король Генрих V» (акт III, сцена 1) и «Король Ричард III» (акт V, сцена 3). См. также настоящее издание, т. 2, стр. 485; т. 16, стр. 151. — *12.*

10 Ср. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 41. — *12.*

11 Имеется в виду J. E. Cairnes. «The Slave power: its character, career, and probable desings». London, 1862. — *12.*

12 Верхняя часть стр. 1 308 рукописи 1861—1863 гг. вклеена в середину стр. 487 «Главы шестой» (см. настоящее издание, т. 49, стр. 105), при этом Маркс, для того чтобы избежать повторения, зачеркнул два первых слова, которыми начинается стр. 1 308. — *16.*

13 См. настоящее издание, т. 23, стр. 344. — *19.*

14 В I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 772) Маркс цитирует соответствующее место из II тома работы Сисмонди «Nouveaux principes d'économie politique». Paris, 1827, p. 434). — *20.*

15 Заключенный в фигурные скобки абзац отчеркнут Марксом на полях, а его содержание охарактеризовано записью: «Антагонистическая форма общественного труда». — *20.*

16 Маркс имеет в виду одну из своих «Добавочных тетрадей» («Beihefte») к рукописи 1861—1863 гг., в которых он весной 1863 г. — как явствует из его письма Энгельсу от 29 мая 1863 г. — «делал выписки по истории литературы, относящейся к обработанной уже ... части политической экономии» (настоящее издание, т. 30, стр. 287). До нас дошло восемь «Добавочных тетрадей», обозначенных буквами *A, B, C, D, E, F, G, H*.

В Добавочной тетради *C*, на стр. 23, 29—31 Маркс сделал выписки из работы Кенэ «Dialogues sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans» (1766 г.), опубликованной в 1846 г. в первой части сборника «Physiocrates» (издание Э. Дэра). В нижней части стр. 29 содержится выписка из указанной работы Кенэ, прокомментированная Марксом в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 331). — *21.*

17 См. настоящее издание, т. 47, стр. 584—612. — *22.*

18 См. настоящее изд., т. 47, стр. 351—583, особенно стр. 401—525. — *24.*

19 Маркс имеет в виду работу «К критике политической экономии» (1859 г.). См. настоящее издание, т. 13, стр. 51—55. — *25.*

20 Понятие «естественной цены труда» у А. Смита Маркс рассмотрел в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 71—72; ч. II, стр. 348). — *26.*

21 Анализ взглядов Д. Рикардо на «стоимость труда» Маркс дал в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 441—446, 461). — *27.*

22 О забастовках лондонских строительных рабочих в 1860 и последующие годы см. также настоящее издание, т. 47, стр. 222—223, 611; т. 23, стр. 556—558. — *28.*

23 См. настоящее издание, т. 47, стр. 258—284, 498—500. — *28.*

24 Маркс имеет в виду III отдел своей рукописи 1861—1863 гг., озаглавленный «Капитал и прибыль» (см. настоящий том, глава 12). — *29.*

25 В рукописи 1857—1858 гг. и в III томе «Капитала» Маркс отмечал антиисторический подход Кэри, который сравнивал уровень процента на ранних стадиях развития капитализма с уровнем процентной ставки в условиях развитого капитализма (см. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 365; т. 25, ч. II, стр. 144); см. примеч. 281. — *31.*

26 Имеется в виду раздел о первоначальном накоплении капитала, фигурирующий у Маркса в пункте 6 наброска плана I отдела «Капитала» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 424). Впоследствии, в I томе «Капитала», рассматриваемый вопрос нашел отражение в параграфе «Генезис промышленного капиталиста» главы о «Так называемом первоначальном накоплении» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 759—770). — *31.*

27 См. настоящее издание, т. 47, стр. 518; т. 23, стр. 484—485. — *32.*

28 Это добавление сделано Марксом сразу же после того, как он написал заголовок следующего раздела (в настоящем томе глава 6). — *32.*

29 Текст настоящей главы частично опубликован в качестве приложения в первой части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 396—423). Название главы Маркс пометил латинской буквой *h*. — *34.*

30 См. настоящее изд., т. 47, а также гл. 5 наст. тома. — *34.*

31 См. настоящее издание, т. 13, стр. 35—36, 136—137; см. также т. 26, ч. III, стр. 471—490, 504—523. — *34.*

32 Выражение «капитал применяет труд» представляет собой перефразировку положения Рикардо: «капитал, или средства для применения

труда». В другом месте Рикардо говорит о капитале как о «фондах», которые «доставляют занятие» рабочему классу, «применяют его». В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс дал анализ этих положений Рикардо (см. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 465—466; ч. III, стр. 114—115). — *35*.

33 Страницу 1 318 рукописи 1861—1863 гг. (за исключением последних 9 строк) Маркс вырезал из XXI тетради и наклеил на стр. 490 рукописи «Главы шестой» в качестве продолжения текста этой страницы (см. настоящее издание, т. 49, стр. 110—111). — *36*.

34 См. настоящее издание, т. 23, стр. 398. — *37*.

35 Нижеследующий текст (стр. 1 318—1 320) Маркс предполагал частично использовать в разделе «Капитал и прибыль», как это явствует из пометки «Прибыль», трижды сделанной на полях этих страниц. — *38*.

36 В рукописи 1857—1858 гг. Маркс характеризует автора этой статьи как «филистера» (см. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 303).

«*The Westminster Review*» («Вестминстерское обозрение») — английский буржуазный журнал либерального направления, издавался в Лондоне с 1824 по 1914 г., выходил четыре раза в год. — *40*.

37 См. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 224—256; т. 47, гл. 1. — *46*.

38 См. настоящее издание, т. 47, глава 4. — *47*.

39 Имеется в виду *Сосисар* — персонаж романа Поля де Кока «Поклонник луны»; тип пройдохи и пьяницы. Ср. настоящее изд., т. 8, стр. 291. — *52*.

40 Формулы договорных отношений по римскому праву: «даю, чтобы ты сделал», «делаю, чтобы ты сделал», «делаю, чтобы ты дал», «даю, чтобы ты дал» (ср. настоящее издание, т. 23, стр. 550—551; т. 46, ч. I, стр. 455; т. 49, стр. 102). — *53*.

41 См. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 190, 196—197. — *54*.

42 В нумерации страниц рукописи здесь у Маркса описка: вместо «1 327» проставлено «1 328». — *55*.

43 См. главу 12 настоящего тома. — *57*.

44 Термином «*средняя цена*» (der Durchschnittspreis) Маркс в рукописи 1861—1863 гг. обозначал *цену производства*. Ср. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 71; ч. II, стр. 95—96. — *58*.

45 См. настоящее издание, т. 47, стр. 506 — 509. — *60*.

46 См. настоящий том, глава 12. — *62*.

47 Ср. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 27. — *62*.

48 Дальнейший текст XXI тетради (стр. 1 331—1 345), отделенный в рукописи от текста настоящей главы чертой, помещен в отделе «Разное». См. настоящий том, стр. 451—476. — *62*.

49 Раздел об «Обратном превращении прибавочной стоимости в капитал», составляющий содержание настоящей главы, находится на страницах 1 353—1 371 тетради XXII. На обложке этой тетради стоит дата *«май 1863»*, и записан очередной пункт плана I отдела («Процесс производства капитала»): *«4. α) Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал. β) Так называемое первоначальное накопление. γ) Современная система колонизации»*. Формулировка этого пункта почти полностью совпадает с пунктом 6-м плана I отдела, составленного Марксом в январе 1863 г. и изложенного на стр. 1 140 тетради XVIII (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 424). — *63*.

50 Текст, содержащийся на стр. 1 346—1 352 тетради XXII, за исключением очерка об У. Петти, опубликованного в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 356—363), помещен в отдел «Разное» (см. настоящий том, стр. 476—478). — *63*.

51 О мистификации капиталистических производственных отношений, вытекающей из рассмотрения вульгарной политической экономией капитала в форме капитала, приносящего проценты, см. настоящее изд., т. 26, ч. III, стр. 482—483, 514, 518—520, 546—547. — *70*.

52 «Капитал... состоит из богатства, сбереженного из дохода и употребляемого с целью получения прибыли» (R. Jones. «Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations». Hertford, 1852, p. 16). Ср. настоящее изд., т. 23, стр. 612; т. 26, ч. III, стр. 435; т. 49, стр. 210. — *71*.

53 См. настоящее издание, т. 47, стр. 526—583. — *72*.

54 См. настоящее издание, т. 47, стр. 53—111, 190—199. — *74*.

55 См. настоящее издание, т. 47, стр. 53—111. — *76*.

56 Соответствующие высказывания Андерсона и Кэри о повышающейся производительности земледелия Маркс приводит в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 154—155, 655). — *76*.

57 См. настоящее издание, т. 47, стр. 534. — *76*.

58 По-видимому, Маркс имеет в виду те места из работ Кенэ, где он выступает как сторонник крупного капиталистического земледелия (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 36—38). См. также примечание 59. — *81*.

59 О «богатствах для эксплуатации» («richesses d'exploitation») земли Кенэ говорит, в частности, в работе «Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume agricole» (In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Première partie. Paris, 1846, p. 96) (русский перевод, стр. 435). — *83*.

60 Два последних, заключенных Марксом в скобки, абзаца снабжены пометкой на полях: «рента». — *86*.

61 Нижеследующий текст (стр. 87—91 настоящего тома) Маркс переписал из рукописи 1857—1858 гг. (см. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 438—442), сделав при этом ряд изменений и дополнений. — *86*.

62 См. настоящий том, стр. 96—99. — *91*.

63 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 375—377, 396—397, 402; т. 47, стр. 527—528. — *92*.

64 См. настоящее издание, т. 47, стр. 529, 548—550. — *94*.

65 Далее, на страницах 1 371—1 394 тетради XXII находится раздел «Воспроизводство» (см. главу 9 настоящего тома). — *95*.

66 Ниже, на стр. 96—99 настоящего тома, содержится текст, перенесенный Марксом с изменениями и дополнениями из рукописи 1857—1858 гг. (см. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 450—453). — *96*.

67 Далее, на стр. 1 397—1 400 рукописи содержится текст, опубликованный в виде приложений к «Теориям прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 363—367 и 386—387). Текст, содержащийся на стр. 1 400—1 402 рукописи и не относящийся к проблематике данной главы, помещен в отдел «Разное» (см. настоящий том, стр. 479—482). — *99*.

68 Имеется в виду работа Джона Арбатнота «An Inquiry into the Connection between the Present Price of Provisions, and the Size of Farms», вышедшая анонимно в Лондоне в 1773 г. — *99*.

69 Маркс имеет в виду свою Добавочную тетрадь *В*, в которой на страницах 31—34 содержатся выписки из работы Р. Прайса «Observations on Reversionary Payments», 6. ed. London, 1803. — *100*.

70 См. настоящее издание, т. 23, стр. 755. — *101*.

71 См. настоящее издание, т. 23, стр. 756—757. — *101*.

72 W. Cobbett. «A History of the protestant «reformation», in England and Ireland». London, 1824. См. настоящее издание, т. 23, стр. 732—733. — *101*.

73 F. W. Newman. «Lectures on Political Economy». London, 1851. См. настоящее издание, т. 23, стр. 735. — *102*.

74 См. примечание 9. — *102*.

75 *Коттеры* — батраки, получавшие от земельного собственника или фермера-арендатора, на которого они работали, небольшой деревенский домик (коттедж) и клочок земли возле него. — *102*.

76 См. настоящее издание, т. 23, стр. 734. — *102*.

77 Th. B. Macaulay. «The History of England from the accession of James the Second». Vol. I. 10th ed. London, 1854. См. настоящее издание, т. 23, стр. 728. — *102*.

78 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 140—143, 150—154. — *102*.

79 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 257. — *102*.

80 Маркс цитирует Прайса ниже, на стр. 1 407 тетради XXIII (см. настоящий том, стр. 107—108). — *106*.

81 См. настоящее издание, т. 23, стр. 731. — *107*.

82 Текст, содержащийся ниже, на стр. 1 408—1 438 тетради XXIII, за исключением отрывков, опубликованных в приложениях к I части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 372—376, 383—385), включен в отдел «Разное» (см. настоящий том, стр. 483—515). — *108*.

83 Имеется в виду Дж. Канингем — автор работы «An Essay on Trade and Commerce» (London, 1770). Подробные выписки из нее приведены Марксом на стр. 1 435—1 440 рукописи (см. настоящий том, стр. 511—515, 108—114). — *108*.

84 На работы Дж. Вандерлинта и Н. Форстера, которых Маркс характеризует как «защитников рабочих», он неоднократно ссылается в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 283—284). — *110*.

85 См. настоящее издание, т. 23, стр. 766. — *111*.

86 *Законы об оседлости* (laws of settlement) — существовали в Англии с 1662 г.; согласно им сельскохозяйственные рабочие фактически лишались права переезда с одного места на другое. Этими законами, которые были составной частью законов о бедных, предусматривалось возвращение сельскохозяйственных рабочих по решению суда к месту их рождения и постоянного жительства. Ограничивая свободу передвижения рабочих, законодательство тем самым создавало условия, позволявшие предпринимателям понижать до крайнего минимума их заработную плату. — *112*.

87 Приведенная ниже цитата содержится в работе «The Expediency of allowing the free exportation of corn». London, 1770, p. 18. — *112*.

88 В I томе «Капитала» рассматривается полемика между Послтуэйтом и автором работы «Essay on Trade and Commerce» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 283—286). — *114*.

89 На стр. 20—32, 40—52 Добавочной тетради *G* (см. примечание 16) Маркс сделал выписки из работы «An Essay on Trade and Commerce». London, 1770. — *114*.

90 Текст, содержащийся на стр. 1 441—1 460 тетради XXIII, за исключением отрывка, опубликованного в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 388—392), включен в отдел «Разное» (см. настоящий том, стр. 515—541). — *114*.

91 На обложке тетради XXII раздел о «Так называемом первоначальном накоплении» фигурирует под пунктом «β» (см. примеч. 49). — *115*.

92 Текст под пунктом «4» Маркс перенес, с некоторыми изменениями, из рукописи 1857—1858 гг. (см. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 477). — *117*.

93 См. настоящее издание, т. 4, стр. 168. — *117*.

94 Ниже, на стр. 1 464—1 472 тетради XXIII содержатся расчеты, озаглавленные Марксом «Исчисление процентов» и включенные в отдел «Разное» (см. настоящий том, стр. 541—548). — *117*.

95 Тема «Процесс обращения капитала» представлена в рукописи 1861—1863 гг. лишь несколькими разделами, содержащимися в XV, XVII, XVIII и XXII тетрадях. Но и эти разделы первоначально предназначались Марксом для I и III отделов. Так, раздел «Воспроизводство» (стр. 1 371—1 394 в XXII тетради) писался в рамках темы о «Процессе производства капитала» (см., например, указание Маркса в самом начале раздела — стр. 124—125 настоящего тома). Эпизод «Возвратные движения денег в капиталистическом воспроизводстве» (стр. 1 038—1 074 в XVII и XVIII тетрадях) Маркс предполагал включить в отдел «Капитал и прибыль» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 425).

Публикация указанного материала в отделе о «Процессе обращения капитала» вызвана его фактическим содержанием. — *118*.

96 Включенные в настоящую главу отрывки из XV тетради рукописи (стр. 901—902, 907—910) находятся среди текста, посвященного критике вульгарной политической экономии и поэтому опубликованного в 26-м томе настоящего издания, ч. III, стр. 471—568. — *118*.

97 В нумерации страниц рукописи здесь у Маркса описка: вместо «909» проставлено «910». — *123*.

98 См. настоящее издание, т. 13, стр. 71—81. — *124*.

99 На предыдущих страницах тетради XXII (стр. 1 353—1 371) содержится раздел об «Обратном превращении денег в капитал» (см. главу 7 настоящего тома). — *124*.

100 Здесь и далее имеется в виду отдел, посвященный исследованию «Процесса обращения капитала». См. примечание 95. — *124*.

101 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 64. — *128*.

102 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 461—470. — *130*.

103 См. настоящее издание, т. 47, стр. 228—232. — *131*.

104 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 436—442, 447. — *135*.

105 См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 334. — *135*.

106 Весь этот заключенный в фигурные скобки отрывок отчеркнут Марксом на полях, а его содержание охарактеризовано следующим образом: «*Изменение труда и продукта в воспроизводстве. Реальный метаморфоз капитала в воспроизводстве*». — *135*.

107 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 74—81. — *139*.

108 Весь этот заключенный в скобки отрывок отчеркнут на полях, а его содержание охарактеризовано следующим образом: *«Воспроизводство постоянного и переменного капитала. Обмен. Накопление. Обращение»*. — *139*.

109 См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 104—118, 224—234; ч. II, стр. 523—527; ч. III, стр. 254—258. — *143*.

110 В двух предыдущих фразах Маркс под классом I имел в виду производство постоянного капитала, а под классом II — производство жизненных средств. Начиная с этой фразы и далее, он под классом I имеет в виду производство жизненных средств, а под классом II — производство постоянного капитала. — *143*.

111 См. настоящее издание, т. 23, стр. 608. — *150*.

112 Ниже, на стр. 152—158 настоящего тома, содержится текст, перенесенный Марксом с некоторыми изменениями и дополнениями из рукописи 1857—1858 гг. (см. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 442—449). См. также примечания 61, 66, 92. — *152*.

113 См. настоящее издание, т. 23, стр. 629—630; т. 26, ч. III, стр. 323. — *155*.

114 См. главу 8 настоящего тома. — *158*.

115 Таблица процесса воспроизводства и комментарий к ней содержатся также в письме Маркса Энгельсу от 6 июля 1863 г. (см. настоящее издание, т. 30, стр. 297—301). — *160*.

116 Последняя треть 1 393-й страницы осталась незаполненной. — *166*.

117 Ниже, на стр. 1 395—1 397 и 1 402—1 406 тетради XXII, содержится раздел о «Так называемом первоначальном накоплении», публикуемый в главе 8 настоящего тома. — *165*.

118 Публикуемый в настоящей главе «Эпизод» содержится в тетрадях XVII (стр. 1 038—1 065*а*) и XVIII (стр. 1 068—1 074) рукописи 1861—1863 гг. На оборотной стороне обложки тетради XVII этот эпизод озаглавлен следующим образом: «Возвратные движения денег в капиталистическом обращении. (Процесс воспроизводства)». Однако в составленном Марксом в январе 1863 г. наброске плана третьего отдела (будущего III тома) «Капитала», куда первоначально предназначался данный эпизод (см. настоящий том, примечание 95), он имеет несколько другой заголовок: «Возвратные движения денег в совокупном процессе капиталистического производства» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 425). Заголовок же настоящей главы соответствует тому, который содержится в самой рукописи.

В тетради XVII этому «Эпизоду» непосредственно предшествует (на стр. 1 029—1 038) раздел о «Торговом капитале» (см. главу 12 настоящего тома). — *167*.

119 Буквой *P* (в оригинале — *A* — Arbeit, Arbeitsvermögen, Arbeitskraft) Маркс обозначает рабочую силу, т. е. тот специфический товар, который рабочий продает капиталисту. — *167*.

120 См. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 486—490. — *168.*

121 См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 314—329. — *169.*

122 Строго говоря, при ежегодной норме накопления в 5% капитал розничного торговца будет равен 100, 105, $110^{1}/_{4}$, $115^{61}/_{80}$ и т. д. — *176.*

123 См. примечание 122. — *178.*

124 Первоначально Маркс сомневался в правильности проведенного им расчета денежного обращения между капиталистом, его наемными рабочими и розничным торговцем. В самом начале своего примечания Маркс писал: «Данный расчет ошибочен, так как он всегда принимает во внимание ту часть денег лавочника, которой он оперирует в качестве капитала, но не учитывает те деньги, которые лавочник расходует для своего потребления в качестве дохода. В этом случае дело обстояло бы следующим образом». Далее следует текст самого примечания, фактически повторяющий предыдущие расчеты. Убедившись в их правильности, Маркс зачеркнул процитированное здесь начало примечания. — *185.*

125 См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 83—132, 219—243; ч. II, стр. 534—544 и др. — *188.*

126 См. настоящее издание, т. 13, стр. 108—119. — *192.*

127 Если бы прибыль производителя жизненных средств составляла $^{1}/_{4}$ прибыли совокупного капитала, то она была бы равна 450 000. На самом же деле она несколько больше — 466 $666^{4}/_{6}$. — *200.*

128 В предыдущих расчетах Маркс исходил из того, что «отношение переменного капитала к постоянному в этой сфере производства равно 1 : 5» (настоящий том, стр. 200—201), а не 1 : 6, как он предполагает теперь. — *201.*

129 См. примечание 119. — *205.*

130 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 402—403. — *208.*

131 См. настоящее издание, т. 15, стр. 561—564, 566—567; т. 26, ч. II, стр. 360; т. 30, стр. 246, 526. — *211.*

132 См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 73—132. — *217.*

133 См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 70—73. — *217.*

134 «Currency principle» («Принцип денежного обращения», или «Денежная школа») — одна из разновидностей школы, выступавшей в Англии в 40-е годы XIX века с защитой количественной теории денег. См. настоящее издание, т. 25, ч. II, глава XXXIV. — *218.*

135 Под «сферой *A*», или «классом *A*», Маркс здесь и далее имеет в виду I класс общественного производства — производство жизненных средств. — *223.*

136 Далее следует расчет, который Маркс не закончил, перечеркнув его тремя вертикальными штрихами: «И таков весь тот капитал, который необходим для этой цели лавочнику в течение года. 10% на 510 составляют 51 ф. ст. в год и $10^1/_5$ ф. ст. в $^1/_5$ года. Следовательно, за 510 ф. ст. лавочник получает товар стоимостью в $520^1/_5$ ф. ст. А за 1 020 лавочник получает товар на 1 $040^2/_5$. Каждую $^1/_5$ года он покупает у оптового торговца на сумму в $520^1/_5$ ф. ст. Для 20 лавочников, которые покупают у одного оптового торговца, это составляет $20 \times 520^1/_5 =$ $= 10\,404$ ф. ст., а для 100 лавочников за $^1/_5$ года — 52 020. За $^5/_5$, или за один год, это составляет [260 100 ф. ст.]». — *225*.

137 На страницах 1 066—1 068, открывающих тетрадь XVIII, содержится текст, посвященный проблеме исчисления процентов. В настоящем томе этот текст помещен в отделе «Разное» (см. стр. 439—443).

Продолжение «эпизода» о «возвратных движениях денег в капиталистическом воспроизводстве», озаглавленное Марксом как «*Продолжение тетради XVII* (стр. 1 065*a*)», находится на стр. 1 068—1 074 XVIII тетради. — *226*.

138 Указанное предположение Рикардо выдвигает, в частности, в главах XIII и XXVIII своей книги «On the Principles of Political Economy, and Taxation». В настоящем разделе рукописи Маркс также исходит из того, что «производство золота осуществляется внутри страны» (настоящий том, стр. 192). Считая эту «гипотезу» правильной (см. ее обоснование во II томе «Капитала» — настоящее издание, т. 24, стр. 534), Маркс в работе «К критике политической экономии» отмечал крайнюю непоследовательность Рикардо в этом вопросе (см. настоящее издание, т. 13, стр. 151—152). — *233*.

139 В рукописи 1861—1863 гг. Маркс употребляет термин «цена издержек» («Kostenpreis», «Kostpreis», «cost price») в трояком значении: в значении «цены производства», как в данном месте рукописи; далее, в значении «имманентных издержек производства» товара, совпадающих с его стоимостью (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 72); наконец, в значении издержек производства; в последнем случае данный термин переводится словами «издержки производства». — *233*.

140 Ниже, на стр. 1 075—1 084 тетради XVIII содержится раздел о торговом капитале, включенный в главу 12 настоящего тома. — *241*.

141 Тетрадь XVI рукописи 1861—1863 гг., содержащая бо́льшую часть текста настоящей главы, датирована Марксом «*декабрем*» 1862 г.

На внутренней стороне обложки этой тетради (стр. 973 *c*) находится открывающий настоящую главу и соответствующий ее содержанию набросок плана, озаглавленный Марксом «*Глава третья. Капитал и прибыль*». Этот же заголовок, свидетельствующий о том, что в данном месте рукописи находится начало раздела о «Капитале и прибыли», повторяется также и на первой странице тетради XVI (стр. 973). Под «главой третьей» Маркс имел здесь в виду *всю* третью часть своего исследования о «Капитале вообще», для обозначения которой он употреблял также название «Третий отдел» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 257, 425; ч. II, стр. 182), а впоследствии — «Третья книга» (см. письмо Маркса Энгельсу от 31 июля 1865 г. — настоящее издание, т. 31, стр. 111). — *242*.

142 Маркс имеет в виду раздел о «Процессе обращения капитала», который он — так же как и разделы «Процесс производства капитала» и «Капитал и прибыль» — первоначально называл «главой», потом «отделом», наконец, «книгой».

Определение *года* как естественной меры времени обращения капитала впервые дано Марксом в рукописи 1857—1858 гг. (см. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 141—142). — *243*.

143 Маркс имеет в виду следующее положение Мальтуса: «Прибыль, действительно, подразумевает некоторую пропорцию; и норма прибыли всегда справедливо выражалась в процентах по отношению к стоимости авансированного капитала» (Malthus. «Definitions in Political Economy». London, 1827, p. 30). — *244*.

144 Высказывание Аристотеля о ростовщичестве Маркс цитирует в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 175). — *245*.

145 См. настоящее издание, т. 23, стр. 579. — *245*.

146 Malthus. «Principles of Political Economy». 2nd ed., London, 1836, p. 268. См. также настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 65; ч. III, стр. 29—30. — *245*.

147 См. настоящее издание, т. 47, стр. 199—257. — *245*.

148 В рукописи 1857—1858 гг. Маркс впервые рассмотрел «фантастические идеи д-ра Прайса», в которые «серьезно верил» премьер-министр Англии Уильям Питт (см. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 356—357). — *246*.

149 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 555—565. — *246*.

150 Характеристику взглядов Тюрго на приносимую капиталом прибыль см. в «Теориях прибавочной стоимости» (настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 30—31; ч. III, стр. 501). — *246*.

151 Рассмотрению теории колонизации Уэйкфилда Маркс впоследствии посвятил специальную главу в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 774—784). — *247*.

152 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 21—24, 68—76, 83—85, 181, 236, 342. — *247*.

153 См. настоящее изд., т. 47, стр. 291, 343, 355, 500—501, 550. — *248*.

154 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 65—81. — *249*.

155 В рукописи 1861—1863 гг. Маркс привел Сениора «в качестве примера непонимания экономистами прибавочного труда и прибавочной стоимости» (настоящее издание, т. 47, стр. 199; см. также стр. 214—219, 576). — *249*.

156 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 464—468. — *250*.

157 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 21—24. — *250*.

158 Настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 180—186. — *251.*

159 Настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 184—189. — *251.*

160 В составленном Марксом в январе 1863 г. наброске плана третьего отдела, озаглавленного «Капитал и прибыль» (этот отдел Маркс и имеет здесь в виду, когда говорит о «данной главе»), содержится ряд пунктов, посвященных критике буржуазных теорий (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 425). — *251.*

161 Взгляды Шербюлье на прибыль и норму прибыли Маркс рассмотрел в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 381—392).

Слова «смотри тетрадь», возможно, означают ссылку на недошедшую до нас тетрадь, в которой Маркс в период между 1844 и 1847 гг. сделал выписки из работы Шербюлье «Richesse ou Pauvreté» (Paris, 1841). — *253.*

162 См. настоящее издание, т. 47, стр. 3—16. — *253.*

163 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 140, 233, 520—521; ч. III, стр. 76—81, 184—189, 464—468. — *257.*

164 См. примечание 163, а также настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 220. — *257.*

165 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 403; т. 47, стр. 380. — *259.*

166 См. настоящее издание, т. 47, стр. 375—376. — *265.*

167 См. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 300—302; т. 26, ч. II, стр. 510—511. — *268.*

168 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 245, 484, 519—520. — *268.*

169 См. примечание 146. — *278.*

170 См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 65—66. — *281.*

171 Текст стр. 999 является непосредственным продолжением текста стр. 994. Лист же, состоящий из стр. 995—998 (их формат вдвое больше, чем формат остальных страниц тетради XVI, и сохранились они в очень поврежденном виде) был вложен Марксом в данную тетрадь позднее, после чего все страницы тетради были им пронумерованы. Для того чтобы не нарушать связности изложения, текст указанных четырех страниц помещен в 7-м разделе главы 11, непосредственно перед тем текстом, который Маркс пометил как «*продолжение последней страницы вложенного листа*» (см. наст. том, стр. 297—311). — *281.*

172 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 4, 21—24, 68—76, 341—346. — *282.*

173 В «Теориях прибавочной стоимости» в связи с критикой теории земельной ренты Родбертуса Маркс пишет: «Норму земельной ренты следует... исчислять на капитал... Г-н Родбертус ведет счет на акры и моргены, при котором внутренняя связь пропадает, он берет *внешнюю видимость* вещи... Рента, которую дает акр, — это сумма ренты, абсолютная

масса ренты. *Она может повышаться, когда норма ренты остается неизменной или даже падает»* (настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 69). Маркс цитирует Р. Джонса, который приводит следующее высказывание Смита из 3-й главы II книги его «Богатства народов»: «По мере развития улучшений в земледелии рента, увеличиваясь по отношению к обрабатываемой площади, уменьшается по отношению к продукту земли» (там же, ч. III, стр. 426). — *283.*

174 См. настоящее изд., т. 26, ч. II, стр. 15—16; т. 25, ч. II, стр. 319. — *283.*

175 В рукописи вместо Джонса Маркс — по-видимому, ошибочно — указывает фамилию английского агрохимика Джемса Джонстона, которого он цитирует в III томе «Капитала», но по другому поводу (см. настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 166, 222—225). Теорию земельной ренты Р. Джонса Маркс подробно рассматривает в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 414—429). В III томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 319) он ссылается на Домбаля и Джонса в связи с вопросом о прогрессе капиталистического земледелия и вытекающем отсюда росте органического строения капитала. — *283.*

176 Взгляды Фуллартона на проблему кризисов Маркс рассматривает в рукописи 1857—1858 гг. и в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 265, 363; т. 26, ч. II, стр. 554). — *283.*

177 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 395—396. — *285.*

178 См. настоящее издание, т. 47, стр. 258—382. — *285.*

179 Затраты живого труда в Индии ($v + m$) составляют $400 + 80 = 480$. Доля прибавочного рабочего времени в совокупном рабочем времени равна $^{80}/_{480} = {}^{1}/_{6}$; такова, следовательно, возможная доля непроизводительного населения.

Затраты живого труда в Англии равны $100 + 50 = 150$. Доля прибавочного рабочего времени и соответственно возможная доля непроизводительного населения составляют $^{50}/_{150} = {}^{1}/_{3}$, т. е. вдвое больше, чем в Индии. — *286.*

180 См. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 150—151. — *287.*

181 Ср. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 215 и след. — *287.*

182 См. настоящее изд., т. 26, ч. II, стр. 245—249, 484, 519—520. — *287.*

183 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 461—522. — *287.*

184 См. настоящее изд., т. 46, ч. I, стр. 337; ч. II, стр. 143, 268. — *287.*

185 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 478. — *287.*

186 Маркс имеет в виду разделы об «Относительной прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 47, глава 3) и о «Капитале и прибыли» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 425—426). — *288.*

187 Маркс здесь имеет в виду рассуждения Рикардо, содержащиеся на стр. 124—126 его «Principles» (London, 1821) и подробно проанализированные в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 602—606). — *291.*

188 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 433. — *291.*

189 См. примечание 176. — *292.*

190 См. примечание 187. — *292.*

191 Соответствующие высказывания Мальтуса приведены в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее изд., т. 26, ч. III, стр. 53). — *293.*

192 См. настоящее изд., т. 26, ч. III, стр. 33—46; ч. I, стр. 295. — *293.*

193 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 46—57. — *294.*

194 В своем неоконченном расчете Маркс рассматривает два фактора, влияющие на величину нормы прибыли, — норму прибавочной стоимости и отношение переменного капитала к совокупному капиталу — и формулирует те условия, при которых норма прибыли осталась бы неизменной. Так как $p' = m' \times \frac{v}{c+v}$, то очевидно, что для этого увеличение нормы прибавочной стоимости должно сопровождаться соответствующим уменьшением доли переменного капитала в совокупном капитале. В расчете, который приводит здесь Маркс, прибавочная стоимость возросла на $^1/_3$, со 120 до 160, переменный капитал остался равным 600, норма прибавочной стоимости возросла на $^1/_3$, с 20 до $26^2/_3$%. При этих данных постоянный капитал должен возрасти на $^2/_3$ и составлять 1 000 вместо 600. Тогда отношение переменного капитала к совокупному капиталу будет равно $^{600}/_{1\,600} = {}^3/_8$, и норма прибыли по-прежнему будет равна $^{160}/_{1\,600} = 10$ %. В расчете, который следует ниже, Маркс решает ту же самую задачу, предполагая, что норма прибыли остается равной 15%. — *296.*

195 См. настоящее издание, т. 47, стр. 370—376, 394—401. — *302.*

196 Маркс здесь и далее исходит в своих расчетах из того, что возмещение годового изнашивания машин составляет не 37, а 50 талеров. Кроме того, непотребленная часть авансированного капитала в конце первого года составляет 370—50=320 или 370—37=333, а не 300 талеров, как здесь принимает Маркс. — *307.*

197 Маркс имеет в виду тот случай, когда в стоимость совокупного авансированного капитала целиком включалась стоимость машин (370 талеров). Тогда отношение переменного капитала к авансированному капиталу равно $^{80}/_{600} = {}^2/_{15}$. — *307.*

198 Имеется в виду пункт 6 настоящей главы. — *309.*

199 См. настоящее издание, т. 47, главы 2 и 3. — *309.*

200 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 29—32. — *309.*

201 При помощи новых средств производства рабочие создают за один час труда не $^8/_{10}$ талера, как прежде, а на $^3/_5$ больше этой величины, т. е. $^8/_{10} + ^3/_5 \times ^8/_{10} = 1^7/_{25}$ талера; за 6 часов труда рабочие доставляют, следовательно, $7^{17}/_{25}$ талера, что несколько отличается от приводимой в рукописи величины, равной 8 талерам. — *312*.

202 Соответствующие высказывания Смита приведены в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее изд., т. 26, ч. I, стр. 64—68). — *312*.

203 См. настоящее издание, т. 47, стр. 323—324. — *312*.

204 Маркс указывает на то, что в потреблении рабочего доля продуктов земледелия, — где органическое строение капитала ниже, чем в промышленности, — выше, чем продуктов промышленности. — *313*.

205 Далее следуют побочные расчеты, занимающие примерно четверть 1 012-й страницы. — *315*.

206 См. настоящее изд., т. 47, стр. 364—382, в частности стр. 375. — *322*.

207 См. настоящее издание, т. 47, стр. 321—322. — *323*.

208 Уменьшение нормы прибыли при возрастании ее массы возможно лишь в том случае, если норма прибыли уменьшается в меньшей степени, чем возрастает авансированный капитал. — *325*.

209 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 596. — *329*.

210 Вторая половина страницы 1 021-й рукописи (последней страницы тетради XVI) осталась незаполненной. На оборотной стороне этой страницы (стр. 1 021а) содержится краткий набросок указателя содержания некоторых страниц данной тетради:

«*Рикардо и школа* стр. 977.
Уэйкфилд стр. 975.
Тенденция нормы прибыли к падению.
Средняя прибыль. 982
Конкуренция. 976
Капиталистическое производство. 979». — *329*.

211 Начало тетради XVII (стр. 1 022—1 028) является непосредственным продолжением текста тетради XVI, т. е. относится по своему содержанию к материалу настоящей главы. Это касается и небольшого раздела о процессе труда и процессе увеличения стоимости (см. стр. 1 022—1 023), который в данном контексте связан с анализом тенденции нормы прибыли к понижению. — *329*.

212 См. настоящее издание, т. 47, стр. 53—111. — *329*.

213 См. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 73—77. — *334*.

214 Ср. настоящее издание, т. 47, стр. 186. — *336*.

215 См. настоящее издание, т. 47, стр. 246, 368—370. — *336*.

216 В рукописи последние две фразы сформулированы следующим образом: «Помимо нормального прибавочного времени рабочие отдают,

таким образом, из двух недель одну неделю даром; из двух лет — один год даром. И тем самым *реализация стоимости* машины ускоряется *вдвое* и занимает половину того времени, которое было бы необходимо в противном случае». Этот расчет, противоречащий исходным данным Маркса (18-часовой рабочий день вместо 12-часового), исправлен в соответствии с текстом III тома «Капитала» (см. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 89—90). — *337*.

217 Далее, начиная со страницы 1 029, следует текст, являющийся продолжением текста тетради XV (в конце последней, 973-й страницы этой тетради имеется запись Маркса: «Продолжение в тетради XVII»; в свою очередь, в начале 1 029-й страницы тетради XVII записано: «*Продолжение тетради XV*») и по своей проблематике относящийся к разделу о торговом и ссудном капитале (см. настоящий том, глава 12). — *337*.

218 Текст настоящей главы находится в тетрадях XV (стр. 933—935, 944—973), XVII (стр. 1 029—1 038) и XVIII (стр. 1 075—1 084) рукописи 1861—1863 гг. Ее заголовок дан в соответствии с 8-м пунктом наброска плана третьего отдела «Капитал и прибыль», сделанного Марксом в январе 1863 г. на 1 139-й странице XVIII тетради рукописи (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 425). — *338*.

219 Текст предыдущих страниц XV тетради, на обложке которой стоит дата «*октябрь 1862 г.*», включен в третью часть «Теорий прибавочной стоимости» (страницы 862—901, 902—907, 910—932 рукописи — см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 268—327, 471—550), а также в главу 9 настоящего тома (страницы 901—902 и 907—910 рукописи — см. настоящий том, стр. 118—124). — *338*.

220 См. настоящее изд., т. 13, стр. 119—130, особенно стр. 123. — *339*.

221 Ср. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 61—62. — *340*.

222 В формуле цены производства буквенные обозначения *K* и *AP* выражают: *K* — Kosten — издержки и *AP* — average Profit — среднюю прибыль. — *341*.

223 Ср. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 212; т. 47, стр. 121; т. 23, стр. 206. — *342*.

224 Полемику Лютера, направленную против процента, Маркс рассмотрел на страницах 937—943 своей рукописи (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 555—565). — *343*.

225 Нижеследующий текст (страницы 935—944 тетради XV) находится в третьей части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 550—566). — *343*.

226 Нижеследующий текст, содержащийся на страницах 944—950а тетради XV (стр. 343—357 настоящего тома), частично взят Марксом с некоторыми изменениями из его рукописи 1857—1858 гг. (см. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 365—375). — *343*.

227 Термин «auxiliary capital» («дополнительный капитал», «вспомогательный капитал») употреблял Р. Джонс, понимая под ним, как пишет

Маркс, «ту часть постоянного капитала, которая не состоит из сырья» (настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 453). — *343*.

228 См. примечание 227. — *344*.

229 Выше — на 939-й странице рукописи — Маркс в этой же связи пишет следующее: «При всех докапиталистических способах производства ростовщик действует революционно только в *политическом* отношении, подрывая и разрушая те формы собственности, на прочной основе которых — т. е. на их постоянном воспроизводстве в том же виде — покоится политическая структура общества» (настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 559). — *345*.

230 На стр. 941 рукописи отмечается: «*Англия*. XVII столетие. Полемика уже не против ростовщичества самого по себе, а только против величины процента» (настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 561; см. также стр. 491, 567—568). — *345*.

231 В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс поясняет, что *прибыль от отчуждения* («profit upon alienation» или «profit upon exproрriation») «возникает... из того, что товары продаются *выше* их стоимости» (настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 10). — *346*.

232 См. настоящее издание, т. 13, стр. 109—110. — *346*.

233 Далее в рукописи следует зачеркнутый Марксом конец этой фразы: «прежде чем деньги выступят в других своих функциях, прежде чем [разовьется] капиталистическое производство и поэтому прежде чем сам капитал выступит в качестве господствующего над всем производственного отношения, прежде чем разовьется его основная форма, в которой он образует базис современного общества». — *346*.

234 Ср. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 372; т. 25, ч. I, стр. 363; ч. II, стр. 148. — *346*.

235 В рукописи слово «землях» (Ländern) написано над зачеркнутым словом «провинциях» (Provinzen). Об эксплуатации крестьян в «румынских провинциях» см. настоящее издание, т. 23, стр. 248—249; ср. также т. 25, ч. II, стр. 148. — *352*.

236 См. настоящее издание, т. 13, стр. 119—130. — *353*.

237 См. примечание 234. — *355*.

238 О принадлежащем Джемсу Стюарту термине «free hands» («свободные руки») см. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 457; ч. II, стр. 295; т. 47, стр. 214, 328; т. 26, ч. I, стр. 19; ч. II, стр. 614; т. 25, ч. II, стр. 348. — *356*.

239 Нижеследующий текст, содержащийся на страницах 950 a — 950 b тетради XV, опубликован в III части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 567—568). — *357*.

240 Далее следует начатая, но не законченная фраза, завершающая страницу 950 b рукописи: «Если бы заработная плата понизилась до $^1/_3$,

стало быть, [если бы присоединенная стоимость понизилась] с $^2/_5$ шилл.» — *359.*

241 В рукописи числа $^2/_5$, или 40%, ошибочно указаны как отношение величины прибыли к цене продукта, а не как приблизительное отношение к затратам на его производство. На самом деле указанное отношение составляет $^4/_{15}$, или $26^2/_3$%. — *361.*

242 В нижеследующей таблице те показатели, которые приводятся Марксом дважды, воспроизведены только один раз. — *365.*

243 После таблицы, в конце 953-й страницы рукописи имеется пометка Маркса: «(Продолжение на стр. 956)». — *365.*

244 В конце 956-й и в начале 954-й страницы рукописи имеются указания Маркса на то, что 954-я страница является непосредственным продолжением страницы 956-й. — *368.*

245 См. настоящее изд., т. 26, ч. II, стр. 461—470, 478—486, 512—522. — *368.*

246 Маркс исходит здесь из тех соотношений между постоянным и переменным капиталом, между переменным капиталом и прибавочной стоимостью и т. д., которые имеют место в случае III. — *370.*

247 Если здесь речь идет о массе прибыли, то в случае III она была равна $133^1/_3$. — *370.*

248 См. примечание 231. — *371.*

249 В конце 955-й и в начале 957-й страницы рукописи имеются указания Маркса на то, что страница 957 является непосредственным продолжением страницы 955. — *372.*

250 См. настоящее издание, т. 13, стр. 105—134. — *378.*

251 См. настоящее издание, т. 13, стр. 110. — *379.*

252 Библия. Евангелие от Матфея, глава 6, стих 19: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут». — *380.*

253 См. настоящее издание, т. 13, стр. 119. — *381.*

254 См. настоящее издание, т. 13, стр. 126—127. — *382.*

255 Маркс имеет в виду тот случай, когда капитал фабриканта ситца составляет 1 000 ф. ст. и оборачивается 4 раза в год. — *389.*

256 В рукописи в качестве годового производства каждого из фабрикантов ситца указано 40 000 аршин. Это предполагает, что их капитал оборачивается несколько раз в год, тогда как все остальные данные этого числового примера соответствуют тому, что указанный капитал оборачивается всего один раз в год и производит 4 000 аршин ситца.

Если же предположить, что капитал фабриканта ситца (900 ф. ст.) оборачивается 4 раза в год, то за год он произведет 36 000 аршин.

Тогда каждый купец мог бы покупать и продавать товары четырех фабрикантов. — *390.*

257 См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 219—300, 305—346. — *399.*

258 Ср. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 306—307. — *399.*

259 Ср. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 356—357; т. 44, стр. 107—108. — *402.*

260 См. примечание 231. — *403.*

261 Маркс имеет в виду «Теории прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 19—22, 27, 63—69, 188—254; ч. III, стр. 78—80). — *403.*

262 Здесь заканчивается текст тетради XV рукописи 1861—1863 гг. Далее следует пометка Маркса: «Продолжение в тетради XVII». На общей обложке тетрадей XVII и XVIII (стр. 1 066 b) записано: «*Начиная с 1 029-й страницы продолжение тетради XV...* Торговый капитал. Капитал, занятый торговлей деньгами». — *404.*

263 О тексте, содержащемся в начале тетради XVII, на страницах 1 022—1 028 рукописи, смотри примечание 211. — *404.*

264 Ср. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 321—322. — *407.*

265 В рукописи эта фраза зачеркнута Марксом. — *418.*

266 Ср. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 349. — *422.*

267 В III томе «Капитала» отмечается: «В Англии еще на протяжении большей части XVII столетия функции банкиров выполнялись золотых дел мастерами» (настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 349). — *422.*

268 О «капитале как кредите» в качестве раздела своего экономического труда Маркс говорит в рукописи 1857—1858 гг. (см. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 213, 226). См. также его письмо к Энгельсу от 2 апреля 1858 г. — *423.*

269 Далее, на страницах 1 038—1 065а тетради XVII и на страницах 1 068—1 074 тетради XVIII рукописи 1861—1863 гг. содержится «эпизод» о возвратных движениях денег в капиталистическом воспроизводстве (см. главу 10 настоящего тома). — *423.*

270 Если бы норма прибыли во втором цикле также составляла 20%, то она была бы равна 24, а не 20 ф. ст., как предполагает Маркс. Это означает, что капиталист потерял бы не $14^6/_{21}$, а $18^6/_{21}$ ф. ст. — *433.*

271 Американская Гражданская война (1861—1865 гг.) привела, в частности, к блокаде экспорта американского хлопка в Англию, что и вызвало кризис в английской текстильной промышленности. Многие фабрики были закрыты, рабочие уволены. Цены на хлопок возросли, и это привело к разнузданной спекуляции на ливерпульском хлопковом рынке. См. настоящее издание, т. 25, ч. I, стр. 141—149. — *435.*

272 Далее, на стр. 1 084—1 157 тетради XVIII находится текст, отделенный в рукописи от текста настоящей главы горизонтальной чертой и относящийся — за исключением нескольких отрывков, помещенных в отделе «Разное» (см. настоящий том, стр. 439—451) — к «Теориям прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 327—330, 337—468). — *438*.

273 Настоящий отдел включает разнообразные по тематике фрагменты рукописи 1861—1863 гг., содержащиеся в тетрадях XVIII, XXI—XXIII и не вошедшие в состав первых трех отделов — о «Процессе производства капитала», «Процессе обращения капитала» и о «Капитале и прибыли». Заголовок настоящего отдела — «Разное» («Vermischtes») — соответствует заголовку заключительного отдела наброска плана третьей главы «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 520—521). — *439*.

274 На стр. 1 066 начинается текст тетради XVIII, написанной Марксом в январе 1863 г. — *439*.

275 Вопрос о сложных процентах затрагивается Марксом в рукописях 1857—1858 и 1861—1863 гг., а также в III томе «Капитала». См. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 356—357; т. 26, ч. III, стр. 247, 309—325; т. 25, ч. I, стр. 434—436, 438. См. также настоящий том, стр. 541—548. — *439*.

276 См. настоящее издание, т. 12, стр. 462—463. — *439*.

277 См. [Thomas Robert Malthus.] «An Essay on the Principle of Population». London, 1798, p. 25—26. — *440*.

278 Маркс цитирует работу: Lauderdale. «Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique». Traduit de l'anglais par Lagentie de Lavaïsse. Paris, 1808, p. 173—182. В своей книге Лодердель приводит выдержки из упоминаемой Марксом речи У. Питта, произнесенной последним 17 февраля 1792 г. — *440*.

279 А. Мюллер был представителем так называемой романтической школы, выражавшей интересы феодальной аристократии. — *442*.

280 Далее, на страницах 1 068—1 074 и 1 075—1 084 тетради XVIII содержится текст, включенный соответственно в гл. 10 и 12 наст. тома (см. стр. 226—241, 423—438). На стр. 1 084—1 140 тетради XVIII находится текст, относящийся к «Теориям прибавочной стоимости» (см. настоящее изд., т. 26, ч. III, стр. 327—330, 337—447; ч. I, стр. 424—426). — *443*.

281 H. C. Carey. «Essay on the Rate of Wages». Philadelphia, 1835, p. 112 f.; см. также настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 365; настоящий том, стр. 31. — *444*.

282 См. примечание 231. — *447*.

283 Нижеследующий абзац напечатан также в приложении к третьей части «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 523). — *447*.

284 W. Roscher. «Die Grundlagen der Nationalökonomie». Stuttgart und Augsburg, 1858, S. 384 ff. — *448*.

285 Согласно исходным данным, эта пропорция равна 12,07 : 1. — *449*.

286 Далее, на страницах 1 144—1 156 тетради XVIII содержится раздел, посвященный Ричарду Джонсу и опубликованный в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 447—468). — *449*.

287 Этот фрагмент отделен от предыдущего и последующего текста тетради XVIII горизонтальной чертой. — *450*.

288 В конце 1 157-й страницы, которой заканчивается тетрадь XVIII рукописи 1861—1863 гг., находится небольшой отрывок о Р. Джонсе (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 434). — *451*.

289 Текст, находящийся на стр. 1 301—1 331 тетради XXI, составляет содержание 5-й и 6-й глав настоящего тома. См. также примечания 1 и 48. — *451*.

290 Здесь и далее Кэри ссылается на работу Ф. Идена «The State of the Poor: or, an History of the Labouring Classes in England, from the Conquest to the Present Period». 3 vols. London, 1797. — *451*.

291 См. настоящее издание, т. 47, стр. 291, 294, 311—312. — *453*.

292 Этот и следующий абзац опубликованы в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 415—416). — *454*.

293 Ricardo. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». 3rd ed. London, 1821, p. 415—417 (русский перевод, стр. 284—285). См. настоящее издание, т. 44, стр. 134. — *454*.

294 См. настоящее издание, т. 47, стр. 98—111. — *458*.

295 См. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 277—278; т. 47, стр. 123—124, 162. — *459*.

296 Этот абзац опубликован в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 416). — *459*.

297 См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 368—371. — *461*.

298 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 26, 91, 119—122, 154—159, 173, 255—258, 261, 264, 351, 657. — *463*.

299 F. M. Eden. «The State of the Poor: or, an History of the Labouring Classes in England, from the Conquest to the Present Period». 3 vols. London, 1797, vol. I. — *470*.

300 Ср. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 443—444. — *470*.

301 Имеется в виду третья часть «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта — «Путешествие в Лапуту и т. д.», в которой дается сатирическое изображение псевдонауки. — *470*.

302 Маркс имеет в виду работы: John Locke. «Some considerations of the consequences of the lowering of interest, and raising the value of money» (1691). In: The works of John Locke. Vol. 2. London, 1740; William Ogilvie. «An essay on the right of property in land, with respect to its foundation in the law of nature; its present establishment by the municipal laws of Europe». London, 1781; Th. Spence. «The end of opression, or a quartern loaf for two-pence... being a dialogue between an old mechanic and a young one, Concerning the establishment of the rights of men». London, 1795. — *470.*

303 Маркс приводит высказывание Бьюкенена о производительном труде в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 284). — *471.*

304 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 442—443. — *472.*

305 Нижеследующий текст, содержащийся на стр. 1 346, с которой начинается тетрадь XXII рукописи 1861—1863 гг., является непосредственным продолжением текста, находящегося на последних страницах тетради XXI. — *476.*

306 Маркс имеет в виду свою Добавочную тетрадь *A* (см. примечание 16), в которой на стр. 17 начинаются выписки из цитируемой здесь работы Даннинга «Trades' Unions and Strikes: their Philosophy and Intention» (London, 1860). — *476.*

307 Далее, на стр. 1 346—1 351 тетради XXII содержится очерк о Петти, опубликованный в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 356—363). — *477.*

308 Маркс имеет здесь в виду высказывание Диодора о воспитании детей в Древнем Египте (см. настоящее издание, т. 47, стр. 282 и т. 23, стр. 521). — *478.*

309 Дальнейший анализ расчета С. Ленга содержится в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 209). — *478.*

310 Далее, на стр. 1 353—1 371 тетради XXII находится текст, составивший содержание главы 7 настоящего тома; на стр. 1 371—1 394 — раздел «Воспроизводство» (см. гл. 9); на стр. 1 395—1 397 — раздел о «Так называемом первоначальном накоплении» (см. гл. 8); наконец, текст страниц 1 397—1 400 опубликован в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 363—367 и 386—387). — *478.*

311 Маркс имеет в виду тетрадь VII, первые 64 страницы которой содержат окончание рукописи 1857—1858 гг., а остальная часть заполнена выписками из работ различных авторов, сделанными в 1859—1863 гг. На 245-й странице этой тетради имеется ссылка на страницы 39 и 45 работы «An Inquiry...». — *479.*

312 См. примечание 134. — *480.*

313 В Добавочной тетради *B* (см. примечание 16) имеется следующее замечание Маркса: «То, каким лицемером сам этот молодчик [Бёрк] был по

отношению к высшим классам, хорошо пародируется в поэме Спенса» (стр. 29). См. также настоящий том, стр. 491, и настоящее издание, т. 23, стр. 334 и 770. — *482*.

314 На стр. 1 402—1 407 (конец XXII и начало XXIII тетради) содержится раздел о «Так называемом первоначальном накоплении» (см. гл. 8 настоящего тома). — *482*.

315 Дальнейший анализ этого примера Арбатнота содержится в «Главе шестой» — «Результаты непосредственного процесса производства» (см. настоящее издание, т. 49, стр. 14—15). — *483*.

316 Соответствующее высказывание из работы Либиха «Ueber Theorie und Praxis in der Landwirtschaft» (Braunschweig, 1856) Маркс привел в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 339). — *484*.

317 На 8-й странице Добавочной тетради *B* (см. примечание 16) начинаются выписки из цитируемой Марксом работы Форстера; в частности, Маркс выписал здесь высказывание Форстера, находящееся на 10-й странице его работы, о неблагоприятном влиянии на развитие страны слишком большого природного плодородия (см. настоящий том, стр. 456—457 и настоящее издание, т. 23, стр. 522). — *486*.

318 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 736. — *486*.

319 См. примечание 9. — *486*.

320 George Ramsay. «An Essay on the Distribution of Wealth». Edinburgh, 1836, p. 278—279. См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 371; т. 25, ч. II, стр. 328. — *487*.

321 На стр. 21—22 Добавочной тетради *B* находятся выписки из «Address to the two Houses of Parliament on the Importance of the Corn Laws to the National Revenue». London, 1815, p. 8—11, 32. — *491*.

322 Соответствующее высказывание А. Смита Маркс приводит в тетради V рукописи 1861—1863 гг. (см. настоящее издание, т. 47, стр. 341). — *491*.

323 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 770. — *492*.

324 На стр. 4—5 Добавочной тетради *C* находятся выписки из I и II томов пятитомной работы: J. Beckmann. «Beyträge zur Geschichte der Erfindungen». Leipzig, 1780—1805. Маркс сделал выписки со стр. 123—127 I тома и со стр. 57—58, 101, 261—275 II тома. — *493*.

325 Далее, на стр. 1 418—1 420 тетради XXIII содержится анализ взглядов Норса, относящийся к «Теориям прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 372—376). — *494*.

326 Соответствующее высказывание Маколея о применении детского труда в Англии в XVII в. Маркс привел дважды — в тетрадях III и XIX рукописи 1861—1863 гг. (см. настоящее издание, т. 47, стр. 238, 492). — *494*.

327 Бо̀льшая часть 1 421-й страницы тетради XXIII осталась незаполненной. — *495*.

328 Josiah Tucker. «A brief Essay on the Advantages and Disadvantages which respectively attend France and Great Britain, with regard to Trade». 3rd ed. London, 1753, Introduction, p. VI. — *496.*

329 Josiah Tucker. «Four Tracts on political and commercial Subjects». 3rd ed. Gloucester, 1776, p. 35—37. — *497.*

330 John Locke. «Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, and Raising the Value of Money» (1691). In: The Works of John Locke. In 4 vols. Vol. II. 8th ed. London, 1777, p. 20—21, 34—35, 39, 48. — *500.*

331 F. Quesnay. «Dialogues sur le Commerce et sur les Travaux des Artisans» (1766). In: Physiokrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Première partie. Paris, 1846, p. 145—146, 163. — *500.*

332 Маркс цитирует здесь анонимную работу Даниеля Дефо «An Essay upon Publick Credit» (London, 1710). Эту цитату Маркс впоследствии привел в I томе «Капитала» (см. настоящее изд., т. 23, стр. 151). — *501.*

333 Анонимным автором этой работы является Даниель Дефо. — *501.*

334 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 140. — *501.*

335 Маркс цитирует здесь анонимную работу Д. Дефо «The Anatomy of Exchange Alley; or, a System of Stock Jobbing». London, 1719. — *504.*

336 Перефразированные слова из поэмы С. Батлера «Гудибрас», часть II, песнь 1. — *504.*

337 [Mathew Decker.] «Serious Considerations on the several High Duties which the Nation in General (as well as its Trade in Particular) labours under: with a Proposal for preventing the Running of Goods, discharging the Trader from any Search and raising all the Publick Supplies, by One Single Tax» (1743). By a Well-Wisher to the Good People of Great-Britain. 5th ed. London, 1774. — *504.*

338 W. Horsley. «Serious Considerations on High Duties Examined: Addressed to Sir Mathew Decker». London, 1744. — *504.*

339 На стр. 12—15 Добавочной тетради *F* сделаны выписки со страниц 4—54 цитируемой здесь работы «Some Thoughts etc.». — *505.*

340 На стр. 19 Добавочной тетради *F* сделаны выписки со страниц 1—36 работы «National Thoughts etc.». — *507.*

341 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 604. — *510.*

342 В нумерации страниц Марксом допущена ошибка: вслед за стр. 1 431 следует стр. 1 433, являющаяся непосредственным продолжением предыдущей. — *510.*

343 Текст, содержащийся далее на стр. 1 433—1 434 тетради XXIII, опубликован в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 383—385). — *510.*

344 См. настоящее издание, т. 23, стр. 284. — *513.*

345 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 555. — *514.*

346 См. примечание 344. — *514.*

347 См. настоящее издание, т. 47, стр. 564. — *515.*

348 См. настоящее издание, т. 47, стр. 236—237; т. 23, стр. 286. — *515.*

349 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 629. — *515.*

350 См. примечание 344. — *515.*

351 Далее, на стр. 1 438—1 440 тетради XXIII содержится раздел о «Первоначальном накоплении», включенный в главу 8 настоящего тома. — *515.*

352 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 170, где Маркс в этой же связи упоминает В. Рошера. — *519.*

353 [M. Decker.] «Serious Considerations on the several High Duties...» (1743). By a Well-Wisher to the Good People of Great-Britain. 5th edition. London, 1774, p. 21—22. См. также настоящий том, стр. 504. — *520.*

354 *Навигационные акты* — покровительственные законы, принятые английским парламентом в 1651—1673 гг. и направленные на поддержку английского судоходства; ими запрещалось перевозить английские товары на иностранных судах; Навигационные акты были отменены в 1849—1854 гг. — *520.*

355 Вероятно, Маркс имеет здесь в виду 4-й пункт составленного им в январе 1863 г. наброска плана I части «Капитала», посвященный относительной прибавочной стоимости. См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 424; ср. также т. 23, стр. 330. — *522.*

356 *Антиякобинская война* — речь идет о войнах, которые Англия вела с 1793 по 1815 г. против Франции. Во время этих войн английское правительство установило в стране жестокий режим террора против трудящихся масс. В частности, в указанный период был подавлен ряд народных волнений и приняты законы, запрещавшие рабочие союзы. Ср. настоящее издание, т. 16, стр. 145—146. — *523.*

357 Впоследствии Маркс привел это место в I томе «Капитала», в отделе об «Абсолютной и относительной прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 538). — *523.*

358 Маркс имеет в виду абзац, содержащийся в нижней части 1 448-й страницы рукописи и отделенный от остального текста этой страницы горизонтальной чертой. В соответствии с указанием Маркса этот абзац публикуется как непосредственное продолжение текста 1 447-й страницы рукописи. — *526.*

359 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 733. — *526.*

360 Текст, содержащийся на страницах 1 449—1 451 тетради XXIII, опубликован в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 388—392). — *527.*

361 Имеется в виду Джон Грей, автор работы «The Essential Principles of the Wealth of Nations, illustrated, in opposition to some False Doctrines of Dr. Adam Smith, and others». London, 1797. — *527.*

362 См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 388. — *528.*

363 На 168-й странице Добавочной тетради *H* находится выписка из газеты «Times» от 26 февраля 1864 г. («Голодная смерть» — письмо редактору газеты; см. настоящее издание, т. 23, стр. 483). Выписка же из «Times» от 2 июля 1863 г. находится на последней, лишь частично сохранившейся странице Добавочной тетради *H*. — *528.*

364 Вероятно, имеется в виду работа «An Essay on Trade and Commerce... By the author of Considerations on Taxes». London, 1770, авторство которой приписывается Дж. Канингему. См. также настоящий том, стр. 511—515, 522. — *528.*

365 См. примечание 356. — *529.*

366 1 эль равен 45 дюймам, или 1,14 м. — *531.*

367 Вероятно, имеется в виду работа: Henry Parnell. «The substance of the speeches of Sir H. Parnell ... in the House of Commons, with additional observations on the corn laws». London, 1814. — *531.*

368 На полях у этого абзаца имеется пометка Маркса: «*Цена труда и прибавочная стоимость*». — *532.*

369 На полях у этого абзаца имеется пометка: «*Обесценение труда*». — *532.*

370 Характеристика двух названных Синих книг (официальных публикаций английского парламента) дана в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 567). — *532.*

371 G. L. Newnham (barrister at law). «A Review of the Evidence before the Committees of the two Houses of Parliament on the Cornlaws». London, 1815. — *532.*

372 См. настоящее издание, т. 23, стр. 616. — *533.*

373 Ср. настоящее издание, т. 47, стр. 44. — *533.*

374 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 410. — *534.*

375 Ch. H. Parry. «The Question of the Necessity of the existing Cornlaws, considered». London, 1816, p. 100—101. Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 616. — *534.*

376 См. примечание 311. — *536.*

377 Маркс, вероятно, имеет в виду высказывания Годскина о накоплении искусства рабочего (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 288, 327 и др.). — *537.*

378 Нижняя часть 1 460-й страницы тетради XXIII осталась незаполненной (возможно, Маркс предполагал впоследствии поместить здесь выписки из работы «The Advantages of the East-India Trade to England».

Далее, на стр. 1 461—1 463 рукописи содержится текст, посвященный «так называемому первоначальному накоплению» (см. настоящий том, гл. 8). — *541.*

379 Вторая половина 1 472-й (последней) страницы тетради XXIII осталась незаполненной. — *548.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В

Г

Д

Е

И

К

Л

М

Ю

Я

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Addington, St. An Enquiry into the reasons for and against inclosing open-fields. London, 1772 (*Аддингтон, Ст.* Исследование доводов за и против огораживания открытых земель. Лондон, 1772). — 100—101.

The Advantages of the East-India trade to England. London, 1720 (Выгоды ост-индской торговли для Англии. Лондон, 1720). — 541.

Anderson, J. A Calm investigation of the circumstances that have led to the present scarcity of grain in Britain. London, 1801 (*Андерсон, Дж.* Беспристрастное исследование обстоятельств, приведших к нынешней дороговизне хлеба в Британии. Лондон, 1801). — 76, 463.

Anderson, J. Essays relating to agriculture and rural affairs. Volumes I—III. Edinburgh and London, 1775—1796 (*Андерсон, Дж.* Очерки о земледелии и сельскохозяйственных делах. Тома I—III. Эдинбург и Лондон, 1775—1796). — 463.

Anderson, J. An Inquiry into the causes that have hitherto retarded the advancement of agriculture in Europe. Edinburgh, 1779 (*Андерсон, Дж.* Исследование о причинах, которые до сих пор задерживали прогресс земледелия в Европе. Эдинбург, 1779). — 463.

[*Anderson, J.*] An Inquiry into the nature of the corn laws; with a view to the new corn-bill proposed for Scotland. Edinburgh, 1777 ([*Anderson, Дж.*] Исследование о природе хлебных законов; по поводу нового хлебного билля, предложенного для Шотландии. Эдинбург, 1777). — 463.

Anderson, J. Recreations in agriculture, natural-history, arts, and miscellaneous literature. Volumes I—VI. London, 1799—1802 (*Андерсон, Дж.* Общедоступные чтения по сельскому хозяйству, естественной истории, искусствам и ремеслам, а также по разнообразным другим вопросам. Тома

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной книги пользовался Маркс, в данном указателе приводится ее первое издание.

В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов книг, вышедших анонимно.

Звездочкой отмечены работы, переведенные на русский язык.

I—VI. Лондон, 1799—1802). — 463.

[Arbuthnot, J.] An Inquiry into the connection between the present price of provisions, and the size of farms. With remarks on population as affected thereby. By a farmer. London, 1773 (*[Арбатнот, Дж.]* Исследование связи между нынешними ценами на продовольствие и размерами ферм. С замечаниями о влиянии всего этого на народонаселение. Сочинение фермера. Лондон, 1773). — 99, 103—105, 454—456, 483—485, 529.

**Aristoteles*. De republica libri VIII. In: *Aristotelis* opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus X. Oxonii, 1837 (*Аристотель*. Политика (восемь книг). В книге: *Аристотель*. Сочинения. Издание И. Беккера. Том X. Оксфорд, 1837). — 245.

[Asgill, J.] Remarks on the proceedings of the commissioners for putting in execution the Act past last sessions, for establishing a land bank. London, 1696 (*[Асгил, Дж.]* Замечания о заседаниях членов комиссии по приведению в исполнение закона, принятого на последних сессиях, об учреждении земельного банка. Лондон, 1696). — 500—501.

Babbage, Ch. On the economy of machinery and manufactures. London, 1832 (*Баббедж, Ч.* Об экономике машин и промышленности. Лондон, 1832). — 323, 446, 448, 449.

Babbage, Ch. Traité sur l'économie des machines et des manufactures. Traduit de l'anglais sur la troisième édition, par Ed. Biot. Paris, 1833 (*Баббедж, Ч.* Трактат об экономике машин и промышленности. Перевод с третьего английского издания, выполненный Эд. Био. Париж, 1833). Первое английское издание вышло в Лондоне в 1832 году. — 336, 449.

**Bacon, F.* The Essays or counsels civil and moral (*Бэкон, Ф.* Опыты и наставления нравственные и политические). Последнее прижизненное издание вышло в Лондоне в 1625 году. — 106.

Bacon, F. The Reign of Henry VII. In: *Milton, J.* Britain under Trojan, Roman, Saxon rule. — *More, Th.* England under Richard III. — *Bacon, F.*, Lord Verulam. The Reign of Henry VII.— Verbatim reprint from Kennet's England, ed. 1719. London, 1870 (*Бэкон, Ф.* Царствование Генриха VII. В книге: *Мильтон, Дж.* Британия в период владычества троянцев, римлян и саксов. — *Мор, Т.* Англия при Ричарде III. — *Бэкон, Ф.*, барон Веруламский. Царствование Генриха VII. — Перепечатано дословно из книги Кеннета «Англия», изданной в 1719 году. Лондон, 1870). — 106—107.

Barbon, N. A Discourse concerning coining the new money lighter. In Answer to Mr. Locke's considerations about raising the value of money. London, 1696 (*Барбон, Н.* Трактат о чеканке новой монеты более легкого веса. В ответ на соображения г-на Локка о повышении стоимости денег. Лондон, 1696). — 501—504.

Bastiat, Fr. Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850 (*Бастиа, Фр.* Безвозмездность кредита. Дискуссия между г-ном Фр. Бастиа и г-ном Прудоном. Париж, 1850). — 340, 454.

Bastiat, F. Harmonies économiques. 2-me édition, augmentée des manuscrits laissés par l'auteur. Paris, 1851 (*Бастиа, Ф.* Экономические гармонии. Издание второе, пополненное из оставленных автором рукописей. Париж, 1851). Первое издание вышло в Париже в 1850 году. — 54, 459.

Baudeau, N. Explication du Tableau économique (1767). In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Deuxième partie. Paris, 1846 (*Бодо, Н.* Объяснение экономи-

ческой таблицы (1767). В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть вторая. Париж, 1846). — 135.

Baudeau, N. Première introduction à la philosophie économique, ou analyse des états policés (1771). In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Paris, 1846 (*Бодо, Н.* Первое введение в экономическую философию или анализ цивилизованных государств (1771). В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Париж, 1846). — 536—537.

Béardé de l'Abbaye. Recherches sur les moyens de supprimer les impôts. Amsterdam, 1770 (*Беарде де л'Аббеи.* Исследования о способах упразднения налогов. Амстердам, 1770). — 523.

Beckmann, J. Beyträge zur Geschichte der Erfindungen. Bände I—V. Leipzig, 1780—1805 (*Бекман, И.* К истории изобретений. Тома I—V. Лейпциг, 1780—1805). — 471, 493—494.

Berkeley, G. The Querist, containing several queries, proposed to the consideration of the public. London, 1750 (*Беркли, Дж.* Вопрошатель. Вопросы, предлагаемые на рассмотрение публики. Лондон, 1750). Первое издание вышло в Дублине в 1735—1737 годах. — 471—472.

Blake, W. Observations on the effects produced by the expenditure of government during the restriction of cash payments. London, 1823 (*Блейк, У.* Замечания о последствиях, вызванных расходами правительства во время прекращения обмена банкнот на золото. Лондон, 1823). — 268.

Blakey, R. The History of political literature from the earliest times. Volume II. London, 1855 (*Блейки, Р.* История политической литературы с древнейших времен. Том II. Лондон, 1855). — 526.

Boxhorn, M. Z. Institutiones politicae. In: *Boxhorn, M. Z.* Varii tractatus politici. Amstelodami, 1663 (*Боксхорн, М. З.* Политические организации. В книге: *Боксхорн, М. З.* Различные политические трактаты. Амстердам, 1663). — 471.

Buchanan, D. Observations on the subjects treated of in Dr. Smith's Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Edinburgh, 1814 (*Бьюкенен, Д.* Замечания о предметах, трактуемых в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» д-ра Смита. Эдинбург, 1814). — 471, 493.

Burke, E. Thoughts and details on scarcity, originally presented to the Right Hon. William Pitt, in the month of November, 1795. London, 1800 (*Бёрк, Э.* Мысли и факты о нужде, первоначально представленные достопочтенному Уильяму Питту в ноябре 1795 года. Лондон, 1800). — 482, 491.

Cairnes, J. E. The Slave power: its character, career, and probable desings. London, 1862 (*Кернс, Дж. Э.* Рабовладение: его характер, путь и вероятные перспективы. Лондон, 1862). — 12.

[Cantillon, R.] Essai sur la nature du commerce en général. Traduit de l'anglois. In: Discours politiques. Tome III. Amsterdam, 1756 (*[Кантильон, Р.]* Опыт о природе торговли вообще. Перевод с английского. В книге: Политические трактаты. Том III. Амстердам, 1756). — 515—516.

Carey, H. Ch. Essay on the rate of wages: with an examination of the causes of the differences in the condition of the labouring population throughout the world. Philadelphia, 1835 (*Кэри, Г. Ч.* Опыт об уровне заработной платы с анализом причин различия в положении трудящегося населения во всем мире. Филадельфия, 1835). — 31, 444.

Carey, H. Ch. The Past, the present, and the future. Philadelphia, 1848 (*Кэри, Г. Ч.* Прошлое, настоя-

щее и будущее. Филадельфия, 1848). — 76, 452—453.

Carey, H. Ch. Principles of political economy. Part the first: of the laws of the production and distribution of wealth. Philadelphia, 1837 (*Кэри, Г. Ч.* Начала политической экономии. Часть первая: о законах производства и распределения богатства. Филадельфия, 1837). — 334 — 335, 451—452.

Carey, H. Ch. The Slave trade, domestic and foreign: why it exists, and how it may be extinguished. Philadelphia, 1853 (*Кэри, Г. Ч.* Внутренняя и внешняя торговля рабами: почему она существует и как ее можно устранить. Филадельфия, 1853). — 334—335.

The case of our english wool, and the manufacture there of truly stated. London, 1685 (Положение с нашей английской шерстью и ее производство, правдиво изложенные. Лондон, 1685). — 500.

Chalmers, Th. On Political economy in connexion with the moral state and moral prospects of society. Second edition. Glasgow, Edinburgh, Dublin and London, 1832 (*Чалмерс, Т.* О политической экономии в ее связи с нравственным состоянием и нравственными перспективами общества. Издание второе. Глазго, Эдинбург, Дублин и Лондон, 1832). — 155, 293.

Cherbuliez, A. Richesse ou pauvreté. Paris, 1841 (*Шербюлье, А.* Богатство или бедность. Париж, 1841). Первое издание вышло в Париже и Женеве в 1840 году под названием «Riche ou pauvre» — «Богатый или бедный». — 40, 253, 285.

[Child, J.] A Discourse concerning trade, and that in particular of the East-Indies. London, 1689 (*[Чайлд, Дж.]* Трактат о торговле и в особенности об ост-индской торговле. Лондон, 1689). — 495, 497.

Child, J. Traités sur le commerce et sur les avantages qui résultent de la réduction de l'interest de l'argent. Avec un petit traité contre l'usure, par Thomas Culpeper. Traduits de l'anglois. Amsterdam et Berlin, 1754 (*Чайлд, Дж.* Трактаты о торговле и о выгодах, проистекающих из снижения процента с денег. С маленьким трактатом против ростовщичества, написанным Томасом Калпепером. Перевод с английского. Амстердам и Берлин, 1754). Первое издание книги Чайлда вышло в Лондоне в 1668 г. в виде небольшой брошюры. В 1669—1670 гг. Чайлдом были написаны к ней 10 дополнительных глав, после чего книга неоднократно переиздавалась. — 441.

[Clement, S.] A Discourse of the general notions of money, trade, and exchanges, as they stand in relation each to other. By a merchant. London, 1695 (*[Клемент, С.]* Трактат по новоду общих представлений о деньгах, торговле и валютном курсе в их отношении друг к другу. Сочинение купца. Лондон, 1695). — 495.

Cobbett, W. A History of the protestant «reformation», in England and Ireland; showing how that event has impoverished and degraded the main body of the people in those countries. In a series of letters, addressed to all sensible and just englishmen. London, 1824 (*Коббет, У.* История протестантской «Реформации» в Англии и Ирландии, показывающая, как это событие привело к обнищанию и деградации основной массы населения в этих странах. Письма, адресованные ко всем разумным и справедливым англичанам. Лондон, 1824). — 101.

**Condillac, E. B.* Le commerce et le gouvernement (1776). In: Mélanges d'économie politique. Tome I. Commentaires et notes explicatives, par E. Daire et G. Molinari. Paris, 1847 (*Кондильяк, Э. Б.* Торговля и правительство (1776). В книге: Альманах политической

экономии. Том I. Комментарии и пояснительные примечания Э. Дэра и Г. Молинари. Париж, 1847). — 519—520.

Considerations concerning taking off the bounty on corn exported. In some letters to a friend. To which is added, a postscript shewing, that the price of corn is no rule to judge of the value of land; which will be increased in proportion to the cheapness of its several products. London, 1753 (Размышления относительно отмены экспортных премий на зерно. Письма к другу. С постскриптумом, показывающим, что цена зерна не регулирует стоимость земли; последняя возрастает пропорционально удешевлению ее различных продуктов. Лондон, 1753). — 520—522, 529.

Considerations on the present state of the poor in Great Britain. London, 1775 (Размышления о нынешнем положении бедных в Великобритании. Лондон, 1775). Первое издание вышло в Лондоне в 1773 году. — 523, 526.

Corbet, Th. An Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals; or the Principles of trade and speculation explained. London, 1841 (*Корбет, Т.* Исследование о причинах богатства отдельных лиц и способах его приобретения; или Объяснение принципов торговли и спекуляции. Лондон, 1841). — 424—429, 436—438.

[Corrie, E.] Considerations on the corn laws. London, 1791 (*[Корри, Э.]* Размышления о хлебных законах. Лондон, 1791). — 487.

[Cunningham, J.] Considerations on taxes, as they are supposed to affect the price of labour in our manufactories. In a letter to a friend. London, 1765 (*[Канингем, Дж.]* Размышления о налогах, поскольку предполагается, что они влияют на цену труда на наших фабриках. Письмо к другу. Лондон, 1765). — 511, 513, 522, 528, 529.

[Cunningham, J.] An Essay on trade and commerce: containing observations on taxes, as they are supposed to affect the price of labour in our manufactories. By the author of Considerations on taxes. London, 1770 (*[Канингем, Дж.]* Опыт о ремесле и торговле, содержащий замечания о налогах, поскольку предполагается, что они влияют на цену труда на наших фабриках. Сочинение автора «Размышлений о налогах». Лондон, 1770). — 108—114, 511—515, 522, 528, 529.

[Decker, M.] Serious considerations on the several high duties... By a well-wisher to the good people of Great-Britain. 5th ed. London, 1774 (*[Декер, М.]* Серьезные размышления о некоторых высоких налогах... Сочинение человека, желающего добра хорошему народу Великобритании. Издание пятое. Лондон, 1774). Первое издание вышло в Лондоне в 1743 году. — 504, 520.

Decus et tutamen: or, our new money, as now coined, in full weight and fineness, proved to be for the honour, safety et advantage of England. London, 1696 (Краса и оплот: или наши новые деньги нынешней чеканки, полного веса и высокой пробы — залог чести, безопасности и выгоды Англии. Лондон, 1696). — 501, 503.

A Defence of the land-owners and farmers of Great Britain. London, 1814 (Защита земельных собственников и фермеров Великобритании. Лондон, 1814). — 491.

[Defoe, D.] The Anatomy of exchange alley; or, a system of stock jobbing. London, 1719 (*[Дефо, Д.]* Анатомия обмена; или система спекулятивных биржевых сделок, Лондон, 1719). — 504.

[Defoe, D.] An Essay on loans. London, 1710 (*[Дефо, Д.]* Опыт о займах. Лондон, 1710). — 501.

[Defoe, D.] An Essay upon publick credit. The third edition. London, 1710 (*[Дефо, Д.]* Опыт об обще-

ственном кредите. Издание третье. Лондон, 1710). — 501.

[Dickson, A.] An Essay on the causes of the present high price of provisions, as connected with luxury, currency, taxes and national debts. London, 1773 (*[Диксон, А.]* Опыт о причинах нынешних высоких цен на продовольствие, связанных с роскошью, денежным обращением, налогами и государственными долгами. Лондон, 1773). — 479—481.

Dickson, A. The Husbandry of the Ancients. 2 vols. Edinburgh, 1788 (*Диксон, А.* Сельское хозяйство древних народов. В двух томах. Эдинбург, 1788). — 479.

**Diodorus Siculus.* Historische Bibliothek, übersetzt von J. F. Wurm. Bändchen I—XIX. Stuttgart, 1828—1840. Erstes Buch (*Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека. Перевод Ю. Ф. Вурма. Выпуски I—XIX. Штутгарт, 1828—1840. Книга первая). —478.

A Discourse of the necessity of encouraging mechanick industry. London, 1690 (Трактат о необходимости поощрения механического производства. Лондон, 1690). — 494.

A Discourse shewing the great advantages that new buildings, and the enlarging of towns and cities do bring to a nation. London, 1678 (Трактат, показывающий большие преимущества, которые всегда приносят нации новые постройки, а также расширение больших и малых городов. Лондон, 1678). — 495—496.

Dombasle, M. Annales agricoles de Roville, ou Mélanges d'agriculture, d'économie rurale et de législation agricole. Paris, 1824—1837 (*Домбаль, М.* Ровильский сельскохозяйственный ежегодник, или Различные материалы о сельском хозяйстве, о его экономике и об относящемся к нему законодательстве. Париж, 1824—1837). — 283.

[Drake, J.] An Essay concerning the necessity of equal taxes. London, 1702 (*[Дрейк, Дж.]* Опыт относительно необходимости равных налогов. Лондон, 1702). — 503—504.

Dunning, T. J. Trades' Unions and Strikes: their philosophy and intention. London, 1860 (*Даннинг, Т. Дж.* Тред-юнионы и стачки: их философия и назначение. Лондон, 1860). — 32, 475—477.

Eden, F. M. The State of the Poor: or, an History of the labouring classes in England, from the Conquest to the present period. In three volumes. London, 1797 (*Иден, Ф. М.* Положение бедных, или История трудящихся классов Англии со времени завоевания по настоящий период. В трех томах. Лондон, 1797). — 155, 451—452, 470, 533—535.

Edmonds, T. R. Practical, moral and political economy. London, 1828 (*Эдмондс, Т. Р.* Практическая, моральная и политическая экономия. Лондон, 1828). — 14.

Ensor, G. An Inquiry concerning the population of nations: containing a refutation of Mr. Malthus's Essay on population. London, 1818 (*Энсор, Дж.* Исследование народонаселения различных стран, содержащее опровержение «Опыта о народонаселении» г-на Мальтуса. Лондон, 1818). — 494.

An Essay on credit and the bankrupt act. London, 1707 (Опыт о кредите и законе о банкротстве. Лондон, 1707). — 501.

An Essay on the inequality of our present taxes, particularly the land tax. London, 1746 (Опыт о неравенстве наших нынешних налогов, особенно земельного налога. Лондон, 1746). — 504.

An Essay on the political economy of nations: or, a View of the intercourse of countries, as influencing their wealth. London, 1821 (Опыт политической экономии народов, или Связь между странами как фактор, влияющий на их богатство. Лондон, 1821). — 473—474.

An Essay upon publick credit, in a letter to a friend. Occasioned by the fall of stocks. London, 1748 (Опыт о государственном кредите, в письме к другу. В связи с падением курса ценных бумаг. Лондон, 1748). — 495.

Essays on political economy: in which are illustrated the principal causes of the present national distress. London, 1830 (Опыты политической экономии, в которых показываются главные причины современного национального бедствия. Лондон, 1830). — 523.

Fletcher, M. An Essay on political economy; shewing in what way fluctuations in the price of corn may be prevented. Part I. London, 1828 (*Флетчер, М.* Опыт политической экономии, показывающий, каким путем могут быть предотвращены колебания цен на зерно. Часть I. Лондон, 1828). — 523.

Fletcher, M. Reflexions on the causes which influence the price of corn. London, 1827 (*Флетчер, М.* Размышления о причинах, влияющих на цену зерна. Лондон, 1827). — 523.

Forbonnais, F. V. Principes économiques. In: Mélanges d'économie politique. Tome I. Commentaires et notes, par E. Daire et G. Molinari. Paris, 1847 (*Форбонне, Ф. В.* Экономические принципы. В книге: Альманах политической экономии. Том I. Комментарии и примечания Э. Дэра и Г. Молинари. Париж, 1847). — 516—517.

[Forster, N.] An Enquiry into the causes of the present high price of provisions. In two parts. London, 1767 (*[Форстер, Н.]* Исследование причин нынешних высоких цен на продовольствие. В двух частях. Лондон, 1767). — 110, 457, 485—486.

Fullarton, J. On the regulation of currencies; being an examination of the principles, on which it is proposed to restrict, within certain fixed limits, the future issues on credit of the Bank of England, and of the other banking establishments throughout the country. London, 1844 (*Фуллартон, Дж.* О регулировании средств обращения; анализ принципов, на основе которых предлагается в будущем ограничить в строго установленных пределах эмиссионную деятельность Английского банка и других банковских учреждений страны. Лондон, 1844). — 283, 292.

Ganilh, Ch. La théorie de l'économie politique. Tomes I—II. Paris, 1815 (*Ганиль, Ш.* Теория политической экономии. Тома I—II. Париж, 1815). — 516.

[Garnier, G.] Abrégé élémentaire des principes de l'économie politique. Paris, 1796 (*[Гарнье, Ж.]* Краткое изложение начал политической экономии. Париж, 1796). — 517—519.

Genovesi, A. Lezioni di economia civile (1765). In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo VIII. Milano, 1803 (*Дженовези, А.* Лекции по гражданской экономике (1765). В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Том VIII. Милан, 1803). — 536.

[Gray, J.] The Essential principles of the wealth of nations, illustrated, in opposition to some false doctrines of Dr. Adam Smith, and others. London, 1797 (*[Грей, Дж.]* Разъяснение основных начал богатства народов в противоположность некоторым ошибочным учениям д-ра Адама Смита и других. Лондон, 1797). — 527—529.

**Helvétius, C.* De l'esprit. In: Oeuvres complètes de Mr. Helvétius. Tome II. Londres, 1777 (*Гельвеций, К.* Об уме. В книге: Полное собрание сочинений Гельвеция. Том II. Лондон, 1777). — 486.

Hind, J. The Elements of Algebra. Sixth edition, revised. Cambridge, 1855 (*Хайнд, Дж.* Основы алгебры. Издание шестое, исправ-

ленное. Кембридж, 1855). Первое издание вышло в Кембридже в 1829 году. — 548.

*[*Hodgskin, Th.*] Labour defended against the claims of capital; or, the Unproductiveness of capital proved. With reference to the present combinations amongst journeymen. By a labourer. London, 1825 ([*Годскин, Т.*] Защита труда от притязаний капитала, или Доказательство непроизводительности капитала. С замечаниями о нынешних объединениях среди наемных рабочих. Сочинение рабочего. Лондон, 1825). — 537.

[*Hodgskin, Th.*] The Natural and artificial right of property contrasted. London, 1832 ([*Годскин, Т.*] Естественное и искусственное право собственности в их противопоставлении друг другу. Лондон, 1832). — 473.

**Hodgskin, Th.* Popular political economy. Four lectures delivered at the London Mechanics' Institution. London, 1827 (*Годскин, Т.* Народная политическая экономия. Четыре лекции, прочитанные в Лондонской рабочей школе. Лондон, 1827). — 454, 537.

Horsley, W. Serious considerations on high duties examined: addressed to Sir Mathew Decker. London, 1744 (*Хорсли, У.* Серьезные размышления о высоких пошлинах, адресованные сэру Мэтью Декеру. Лондон, 1744). — 504.

Hume, J. D. Thoughts on the corn-laws, as connected with agriculture, commerce, and finance. London, 1815 (*Юм, Дж. Д.* Мысли о хлебных законах и о том, как эти законы связаны с земледелием, торговлей и финансами. Лондон, 1815). — 469, 470, 491.

An Inquiry into the late mercantile distresses, in Scotland and England. London, 1772 (Исследование недавнего бедственного положения в торговле Шотландии и Англии. Лондон, 1772). — 479.

An Inquiry into the management of the poor. London, 1767 (Исследование о регулировании положения бедных. Лондон, 1767). — 485.

An Inquiry into those principles, respecting the nature of demand and the necessity of consumption, lately advocated by Mr. Malthus, from which it is concluded, that taxation and the maintenance of unproductive consumers can be conducive to the progress of wealth. London, 1821 (Исследование недавно защищавшихся г-ном Мальтусом принципов, которые касаются природы спроса и необходимости потребления и из которых делается вывод, что налоги и содержание непроизводительных потребителей могут способствовать росту богатства. Лондон, 1821). — 454.

[*Jenyns, S.*] Thoughts on the causes and consequences of the present high price of provisions. London, 1767 ([*Дженинс, С.*] Мысли о причинах и последствиях существующих высоких цен на продовольствие. Лондон, 1767). — 487.

**Jones, R.* An Essay on the distribution of wealth, and on the sources of taxation. Part I: Rent. London, 1831 (*Джонс, Р.* Опыт о распределении богатства и об источниках налогов. Часть I: Рента. Лондон, 1831). — 283.

**Jones, R.* An Introductory lecture on political economy, delivered at King's College, London, 27th February, 1833. To which is added a Syllabus of a course of lectures on the wages of labor. London, 1833 (*Джонс, Р.* Вводная лекция по политической экономии, прочитанная в Королевском колледжо в Лондоне 27 февраля 1833 года. С приложением Проспекта курса лекций о заработной плате. Лондон, 1833). — 291.

**Jones, R.* Text-book of lectures on the political economy of nations, delivered at the East India College, Haileybury. Hertford, 1852 (*Джонс, Р.* Лекции по политической экономии народов, прочи-

танные в Ост-индском колледже в Хейлибери. Хартфорд, 1852).— 71, 135, 250, 257.

Kent, N. Hints to gentlemen of landed property. Second edition. London, 1793 (*Кент, Н.* Краткие советы господам — земельным собственникам. Второе издание. Лондон, 1793). Первое издание вышло в Лондоне в 1775 году. — 107—108.

Laing, S. National distress; its causes and remedies. London, 1844 (*Ленг, С.* Национальное бедствие; его причины и средства к его устранению. Лондон, 1844). — 17, 478.

**Lauderdale, J.* Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique, et sur les moyens et les causes qui concourent à son accroissement. Traduit de l'anglais par E. Lagentie de Lavaïsse. Paris, 1808 (*Лодердель, Дж.* Исследование о природе и происхождении национального богатства и о способах и причинах его увеличения. Перевод с английского Э. Лажанти де Лаваиса. Париж, 1808). Английское издание вышло в Эдинбурге в 1804 году. — 440—441.

Le Trosne, G. F. De l'intérêt social par rapport à la valeur, à la circulation, à l'industrie et au commerce intérieur et extérieur. In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Partie II. Paris, 1846 (*Ле Трон, Г. Ф.* Об общественной выгоде в том, что касается стоимости, обращения, промышленности, внутренней и внешней торговли. В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть II. Париж, 1846). — 539—540.

A Letter to sir T. C. Bunbury, Brt. On the poor rates, and the high price of provisions. By a Suffolk gentleman. Ipswich, 1795 (Письмо сэру Т. С. Банбери, баронету. О налогах в пользу бедных и высоких ценах на продовольствие. Сочинение джентльмена из Суффолка. Ипсуич, 1795). — 486.

Letters to men of reason, and the friends of the poor, on the hardships of the excise laws relating to malt and beer. London, 1774 (Письма рассудительным людям и друзьям бедных о неудобствах акцизных законов, касающихся солода и пива. Лондон, 1774). — 522, 529.

**Liebig, J.* Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie. 7. Auflage. Braunschweig, 1862 (*Либих, Ю.* Химия в приложении к земледелию и физиологии. Издание седьмое. Брауншвейг, 1862). — 484.

**Liebig, J.* Ueber Theorie und Praxis in der Landwirthschaft. Braunschweig, 1856 (*Либих, Ю.* О теории и практике в сельском хозяйстве. Брауншвейг, 1856). — 484.

Locke, J. Some considerations of the consequences of the lowering of interest, and raising the value of money (1691). In: The Works of John Locke. Folio edition, 1740. Vol. II (*Локк, Дж.* Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег государством (1691). В книге: Сочинения Джона Локка. Издание ин-фолио 1740 года, том II). — 461, 470.

Idem. In: The Works of John Locke. In four volumes. Vol. II. The eighth edition. London, 1777 (*То же.* В книге: Сочинения Джона Локка. В четырех томах. Том II. Издание восьмое. Лондон, 1777). — 500, 535.

**Locke, J.* Two treatises of government (1690). In: The Works of John Locke, in four volumes. The 7th edition. Vol. II. London, 1768 (*Локк, Дж.* Два трактата о государственном правлении (1690). В книге: Сочинения Джона Локка. В четырех томах. Издание седьмое. Том II. Лондон, 1768). — 461.

Luther, M. An die Pfarrherrn wider den Wucher zu predigen. Ver-

manung. Vittemberg, 1540 (*Лютер, М*. Наказ приходским священникам выступать с проповедями против ростовщичества. Виттенберг, 1540). — 246, 343.

Idem. In: Der sechste Teil der Bücher des ehrnwirdigen Herrn Doctoris Martini Lutheri. Wittembergk, 1589 (*То же*. В книге: Шестая часть книг достопочтенного господина доктора Мартина Лютера. Виттенберг, 1589). — 246, 343.

Luther, M. Eyn Sermon auf das Evangelion von dem reichen Mann und armen Lazaro. Wittemberg, 1555 (*Лютер, М*. Проповедь на евангельский текст о богаче и нищем Лазаре. Виттенберг, 1555). Первое издание вышло в Виттенберге в 1523 году. — 246, 343.

Luther, M. Von Kauffshandlung und Wucher (1524). In: Der sechste Teil der Bücher des ehrnwirdigen Herrn Doctoris Martini Lutheri. Wittembergk, 1589 (*Лютер, М*. О торговле и ростовщичестве (1524). В книге: Шестая часть книг достопочтенного господина доктора Мартина Лютера. Виттенберг, 1589). — 246, 343.

**Macaulay, Th. B*. The History of England from the accession of James the Second. Volume I. Tenth edition. London, 1854 (*Маколей, Т. Б*. История Англии со времени восшествия на престол Якова II. Том I. Издание десятое. Лондон, 1854). — 102, 494.

MacCulloch, J. R. A Dictionary, practical, theoretical, and historical, of commerce and commercial navigation. A new edition, corrected, enlarged, and improved. London, 1847 (*Мак-Куллох, Дж. Р*. Практический, теоретический и исторический словарь-справочник по торговле и торговому судоходству. Новое издание, исправленное, расширенное и улучшенное. Лондон, 1847). Первое издание вышло в Лондоне в 1832 году. — 426.

MacCulloch, J. R. The Literature of political economy: a classified catalogue of select publications in the different departments of that science, with historical, critical, and biographical notices. London, 1845 (*Мак-Куллох, Дж. Р*. Литература по политической экономии. Систематический каталог избранных печатных работ в различных отраслях этой науки, с историческими, критическими и биографическими аннотациями. Лондон, 1845). — 101.

**MacCulloch, J. R*. Notes and supplemental dissertations to Smith's Wealth of nations — см. *Smith, A*. An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a life of the author, an introductory discourse, notes, and supplemental dissertations by MacCulloch.

Macnab, H. G. Examen impartial des nouvelles vues de M. Robert Owen, et de ses établissements à New-Lanark en Ecosse. Traduit par Laffon de Ladébat. Paris, 1821 (*Макнаб, Г*. Беспристрастное исследование новых взглядов г-на Роберта Оуэна и его предприятия в Нью-Ланарке в Шотландии. Перевод Лаффона де Ладеба. Париж, 1821). Первое издание вышло в Лондоне в 1819 году. — 448—449.

Malthus, Th. R. Definitions in political economy. London, 1827 (*Мальтус, Т. Р*. Определения в политической экономии. Лондон, 1827). — 244, 247, 250, 282.

Idem. A new edition, with a preface, notes, and supplementary remarks by John Cazenove. London, 1853 (*То же*. Новое издание, с предисловием, примечаниями и дополнительными заметками Джона Кейзнова. Лондон, 1853). — 247, 250, 282, 309.

**[Malthus, Th. R.]* An Essay on the principle of population. London, 1798 (*[Мальтус, Т. Р.]* Опыт о законе народонаселения. Лондон, 1798). — 440, 468.

Idem. The 5th edition, in three volumes. London, 1817 (*То же.* Издание пятое, в трех томах. Лондон, 1817). — 473.

**Malthus, Th. R.* The Grounds of an opinion on the policy of restricting the importation of foreign corn. London, 1815 (*Мальтус, Т. Р.* Основания для мнения о целесообразности ограничить ввоз иностранного хлеба. Лондон, 1815). — 468, 471.

**Malthus, Th. R.* An Inquiry into the nature and progress of rent, and the principles by which it is regulated. London, 1815 (*Мальтус, Т. Р.* Исследование о природе и возрастании ренты, а также о принципах, ее регулирующих. Лондон, 1815). — 459—464, 467—470.

Malthus, Th. R. The Measure of value stated and illustrated. London, 1823 (*Мальтус, Т. Р.* Мера стоимости. Изложение вопроса и иллюстрация. Лондон, 1823). — 247, 250, 282.

**Malthus, Th. R.* Observations on the effects of the corn laws, and of a rise or fall in the price of corn on the agriculture and general wealth of the country. Third edition. London, 1815 (*Мальтус, Т. Р.* Замечания о влиянии хлебных законов и повышения или падения цены хлеба на сельское хозяйство и на общее богатство страны. Издание третье. Лондон, 1815). Первое издание вышло в Лондоне в 1814 году. — 468, 470.

Malthus, Th. R. Principles of political economy considered with a view to their practical application. London, 1820 (*Мальтус, Т. Р.* Начала политической экономии, рассматриваемые в расчете на их практическое применение. Лондон, 1820). — 293.

Idem. 2nd edition with considerable additions from the author's own manuscript and an original memoir. London, 1836 (*То же.* Издание второе, со значительными добавлениями из собственной рукописи автора и с краткой его биографией. Лондон, 1836). — 62, 245, 278, 293, 309.

**Marx, K.* Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. Manuskript 1857/58 (*Маркс, К.* Критика политической экономии. Черновой набросок 1857—1858 гг.). — 86—91, 96—99, 117, 152—158, 343—357.

**Marx, K.* Zur Kritik der politischen Oekonomie. Erstes Heft. Berlin, 1859 (*Маркс, К.* К критике политической экономии. Выпуск первый. Берлин, 1859). — 25, 34, 124, 192, 339, 346, 353, 378, 379, 381, 382.

Mercier de la Rivière, P. P. L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques (1767). In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Partie II. Paris, 1846 (*Мерсье де ля Ривьер, П. П.* Естественный и существенный порядок политических обществ (1767). В издании: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть II. Париж, 1846). — 540—541.

[Mill, J.] Colony. In: Supplement to the Encyclopaedia Britannica. 1831 (*[Милль, Дж.]* Колония. В книге: Приложение к Британской энциклопедии. 1831). — 527.

[Mill, J.] Education. In: Supplement to the Encyclopaedia Britannica. 1832 (*[Милль, Дж.]* Воспитание. В книге: Приложение к Британской энциклопедии. 1832). — 527.

Mill, J. Elements of political economy. Second edition, revised and corrected. London, 1824 (*Милль, Дж.* Основы политической экономии. Издание второе, просмотренное и исправленное. Лондон, 1824). Первое издание вышло в Лондоне в 1821 году. — 251.

Mill, J. St. Essays on some unsettled questions of political economy. London, 1844 (*Милль, Дж. Ст.* Очерки о некоторых нерешенных

вопросах политической экономии. Лондон, 1844). — 40.

Mirabeau, H. G. De la monarchie prussienne, sous Frédéric le Grand. Tome III. Londres, 1788 (*Мирабо, О. Г.* О прусской монархии при Фридрихе Великом. Том III. Лондон, 1788). — 101.

Mitford, W. Considerations on the opinion stated by the lords of the committee of council. London, 1791 (*Митфорд, У.* Размышления по поводу заключения, сделанного комиссией совета палаты лордов. Лондон, 1791). — 490.

Molinari, G. Études économiques. Paris, 1846 (*Молинари, Г.* Экономические этюды. Париж, 1846).— 16.

Müller, A. H. Die Elemente der Staatskunst. Dritter Theil. Berlin, 1809 (*Мюллер, А. Г.* Основы искусства государственного управления. Часть третья. Берлин, 1809). — 442—443.

Newman, F. W. Lectures on political economy. London, 1851 (*Ньюмен, Ф. У.* Лекции по политической экономии. Лондон, 1851). — 102.

Newman, S. Ph. Elements of political economy. Andover and New York, 1835 (*Ньюмен, С. Ф.* Основы политической экономии. Эндавер и Нью-Йорк, 1835). — 423—424.

Newnham, G. L. A Review of the evidence before the committees of the two Houses of Parliament on the corn laws. London, 1815 (*Ньюнхем, Дж. Л.* Обзор показаний перед комиссиями обеих палат парламента по вопросу о хлебных законах. Лондон, 1815). — 532—534.

Observations upon the importation of foreign corn. London, 1828 (Замечания по поводу ввоза зерна из-за границы. Лондон, 1828). — 523.

Ogilvie, W. An essay on the right of property in land, with respect to its foundation in the law of nature; its present establishment by the municipal laws of Europe. London, 1781 (*Огилви, У.* Опыт о праве собственности в стране, в отношении его обоснования законом природы; его нынешнее установление внутригосударственными законами в Европе. Лондон, 1781). — 470.

Paley, W. The Principles of moral and political philosophy. London, 1785 (*Пейли, У.* Начала моральной и политической философии. Лондон, 1785). — 471.

Paoletti, F. Estratto de pensieri sopra l'agricoltura. In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo XX. Milano, 1804 (*Паолетти, Ф.* Краткое изложение мыслей по земледелию. В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Том XX. Милан, 1804). — 536.

[Papillon, Th.] The East-India-trade a most profitable trade to the Kingdom. London, 1677 (*[Папиллон, Т.]* Ост-Индская торговля — самая прибыльная торговля для королевства. Лондон, 1677). — 495, 497.

Parnell, H. The substance of the speeches of Sir H. Parnell... in the House of Commons, with additional observations on the corn laws. London, 1814 (*Парнел, Г.* Содержание речей сэра Г. Парнела в палате общин, с дополнительными замечаниями о хлебных законах. Лондон, 1814). — 531—532.

Parry, Ch. H. The Question of the necessity of the existing corn laws, considered, in their relation to the agricultural labourer, the tenantry, the landholder, and the country. London, 1816 (*Парри, Ч. Г.* Вопрос о необходимости существующих хлебных законов с точки зрения интересов сельскохозяйственного рабочего, арендатора, землевладельца и страны. Лондон, 1816). — 534—535.

[Pinto, I.] Traité de la circulation et du crédit. Amsterdam, 1771

(*[Пинто, И.]* Трактат об обращении и кредите. Амстердам, 1771). — 425.

A Political enquiry into the consequences of enclosing waste lands, and the causes of the present high price of butchers meat. London, 1785 (Политическое исследование последствий огораживания пустошей и причин нынешних высоких цен на мясо. Лондон, 1785). — 487—489.

Postlethwayt, M. Great-Britain's commercial interest explained and improved. In two volumes. The second edition. London, 1759 (*Послтуэйт, М.* Торговые интересы Великобритании. В двух томах. Издание второе. Лондон, 1759). — 512—513.

Postlethwayt, M. The Universal dictionary of trade and commerce. The fourth edition. London, 1774 (*Послтуэйт, М.* Всеобщий торгово-промышленный словарь. Издание четвертое. Лондон, 1774).— 512—515.

Pownall, T. Considerations on the scarcity and high prices of bread corn and bread. Cambridge, 1795 (*Паунол, Т.* Размышления о нехватке зерна и хлеба и высоких ценах на них. Кембридж, 1795).— 486.

Price, R. An Appeal to the public, on the subject of the national debt. 2nd edition. London, 1772 (*Прайс, Р.* Обращение к публике по вопросу о государственном долге. Лондон, 1772). Впервые опубликовано в 1771 году. — 246, 439.

Price, R. Observations on reversionary payments; on schemes for providing annuities for widows, and for persons in old age; on the method of calculating the values of assur ances on lives; and on the national debt. The second edition. London, 1772 (*Прайс, Р.* Замечания о подлежащих возврату платежах, о проектах обеспечения ежегодных рент для вдов и стариков, о методе подсчета стоимости страхования жизни и о государственном долге. Издание второе. Лондон, 1772). Первое издание вышло в Лондоне в 1771 году. — 246, 439—440.

Idem. Third edition. London, 1773 (*То же.* Издание третье. Лондон, 1773). — 99.

Idem. Sixth edition. By W. Morgan. Vol. II. London, 1803 (*То же.* Издание шестое, У. Моргана. Лондон, 1803). — 99—101, 106—108.

A Prize essay on the comparative merits of competition and cooperation. London, 1834 (Удостоенный премии опыт о сравнительных достоинствах конкуренции и кооперации. Лондон, 1834). — 472—473.

Proudhon, P. J. Gratuité du crédit — см. *Bastiat, Fr.* Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon.

**Proudhon, P. J.* Qu'est-ce que la propriété? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement. Paris, 1840 (*Прудон, П. Ж.* Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. Париж, 1840). — 340.

Proudhon, P. J. Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère. Tomes I—II. Paris, 1846 (*Прудон, П. Ж.* Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Тома I—II. Париж, 1846). — 117.

Public economy concentrated; or, a Connected view of currency, agriculture, and manufactures. Carlisle, 1833 (Сжатое изложение общественной экономии, или Рассмотрение средств обращения, сельского хозяйства и промышленности. Карлайл, 1833).— 32—33.

**Quesnay, F.* Dialogues sur le commerce et sur les travaux des artisans (1766). In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Première partie. Paris, 1846 (*Кенэ, Ф.* Диалоги о торговле и о труде ремесленников (1766). В кни-

ге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть первая. Париж, 1846). — 21, 500.

*Quesnay, F. Maximes générales du gouvernement économique d'un royaume agricole (1758). In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Première partie. Paris, 1846 (*Кенэ, Ф.* Общие принципы экономической политики земледельческого государства (1758). В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть первая. Париж, 1846). — 81, 83.

Raguet, C. A Treatise on currency and banking. 2nd edition. Philadelphia, 1840 (*Раге, К.* Трактат о денежном обращении и банковском деле. Второе издание. Филадельфия, 1840). Первое издание вышло в США и в Англии в 1839 году. — 450—451.

Ramsay, G. An Essay on the distribution of wealth. Edinburgh, 1836 (*Рамсей, Дж.* Опыт о распределении богатства. Эдинбург, 1836). — 247, 282, 451, 487.

Reasons for the late increase of the poor-rates; or, a Comparative view of the price of labour and provisions. London, 1777 (Причины недавнего увеличения налогов в пользу бедных; или Сравнительное рассмотрение цен на труд и продукты питания. Лондон, 1777). — 507—508.

Reasons for a limited exportation of wool. London, 1677 (Причины ограничения вывоза шерсти. Лондон, 1677). — 497—500.

Reasons of the decay of the clothing-trade... By a Well-wisher to that trade, and the true English Interest. London, 1691 (Причины упадка промышленности по производству одежды. Сочинение человека, желающего добра этой промышленности и подлинным интересам Англии. Лондон, 1691). — 500.

Remarks on the commercial policy of Great Britain, principally as it relates to the corn trade. London, 1815 (Замечания о торговой политике Великобритании, касающиеся, главным образом, хлебной торговли. Лондон, 1815). — 470, 492—493, 529, 531.

*Ricardo, D. On the principles of political economy, and taxation. Third edition. London, 1821 (*Рикардо, Д.* О началах политической экономии и налогового обложения. Издание третье. Лондон, 1821). Первое издание вышло в Лондоне в 1817 году. — 16, 27, 35, 130, 233, 287, 291, 292, 329, 343, 368, 402, 454.

*Roscher, W. System der Volkswirthschaft. Erster Band: Die Grundlagen der Nationalökonomie. Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858 (*Рошер, В.* Система народного хозяйства. Том первый: Основы политической экономии. Издание третье, дополненное и исправленное. Штутгарт и Аугсбург, 1858). Первое издание вышло в Штутгарте и Тюбингене в 1854 году. — 448.

Saint-Germain-Leduc. Sir Richard Arkwright, ou Naissance de l'industrie cotonnière dans la Grande-Bretagne (1760 à 1792). Paris, 1841 (*Сен-Жермен-Ледюк.* Сэр Ричард Аркрайт, или Зарождение хлопчатобумажной промышленности в Великобритании (1760—1792 гг.). Париж, 1841). — 447.

*Say, J. B. Traité d'économie politique, ou Simple exposition de la manière dont se forment, se distribuent et se consomment les richesses. Seconde édition. Tomes I—II. Paris, 1814 (*Сэй, Ж. Б.* Трактат по политической экономии, или Простое изображение того, как богатства создаются, распределяются и потребляются. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1814). Первое издание вышло в Париже в 1803 году. — 251, 257.

*Idem. Troisième édition. Tome II. Paris, 1817 (*То же.* Издание

третье. Том II. Париж, 1817). — 539.

**Idem*. Cinquième édition. Tome I. Paris, 1826 (*То же*. Издание пятое. Том I. Париж, 1826). — 150.

Senior, N. W. Letters on the Factory Act, as it affects the cotton manufacture. To which are appended, a Letter to Mr. Senior from L. Horner, and Minutes of a conversation between Mr. E. Ashworth, Mr. Thomson and Mr. Senior. London, 1837 (*Сениор, Н. У.* Письма о влиянии фабричного акта на хлопчатобумажную промышленность. С приложением письма Л. Хорнера г-ну Сениору и записи беседы между г-ном Э. Ашуортом, г-ном Томсоном и г-ном Сениором. Лондон, 1837). — 249.

Senior, N. W. An Outline of the science of political economy. London, 1836 (*Сениор, Н. У.* Очерк науки политической экономии. Лондон, 1836). — 249.

Senior, N. W. Three lectures on the rate of wages. With a preface on the causes and remedies of the present disturbances. London, 1830 (*Сениор, Н. У.* Три лекции об уровне заработной платы. С предисловием о причинах и мерах по устранению имеющихся извращений. Лондон, 1830). — 249, 453—454.

Sismondi, J. C. L. Simonde de. De la richesse commerciale, ou Principes d'économie politique, appliqués à la législation du commerce. Tome I. Genève, 1803 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* О торговом богатстве, или О началах политической экономии в их применении к торговому законодательству. Том I. Женева, 1803).— 494.

**Sismondi, J. C. L. Simonde de.* Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Tome I. Paris, 1819 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Том I. Париж, 1819). — 245.

**Idem*. Seconde édition. Tomes I—II. Paris, 1827 (*То же*. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1827). — 20, 287.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. In two volumes. London, 1776 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. В двух томах. Лондон, 1776). — 283, 440, 469—470.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. In three volumes. With notes, and an additional volume, by David Buchanan. Edinburgh, 1814 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. В трех томах. С примечаниями и дополнительным томом Давида Бьюкенена. Эдинбург, 1814). — 471, 493.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a life of the author, an introductory discourse, notes, and supplemental dissertations by MacCulloch. In four volumes. Edinburgh and London, 1828 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С биографией автора, вступительной статьей, примечаниями и дополнительными рассуждениями Мак-Куллоха. В четырех томах. Эдинбург и Лондон, 1828). — 217—218, 251.

**Smith, A.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par Germain Garnier. Tomes I—IV. Paris, 1802 (*Смит, А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. Новый перевод Жермена Гарнье, с примечаниями и замечаниями переводчика. Тома I—IV. Париж, 1802). — 268—269, 281, 287, 354—355, 491, 534.

Smith, Ch. A Short essay on the corn trade, and the corn laws

(1766). In: Three tracts on the corn-trade and corn-laws. London, 1767 (*Смит, Ч.* Краткий опыт о хлебной торговле и хлебных законах (1766). В книге: Три трактата о хлебной торговле и хлебных законах. Лондон, 1767). Первое издание вышло в Лондоне в 1758 году. — 481—482.

Smith, Ch. Three tracts on the corn-trade and corn-laws. The second edition. London, 1767 (*Смит, Ч.* Три трактата о хлебной торговле и хлебных законах. Второе издание. Лондон, 1767). Первое издание вышло в Лондоне в 1766 году. — 481—482, 489—490.

Spence, Th. E. Burke's address to the swinish multitude. [London, 1795] (*Спенс, Т.* Обращение Э. Бёрка к невежественной толпе. [Лондон, 1795]. Первое издание вышло в 1783 году. — 482.

Spence, Th. The end of oppression, or a quartern loaf for two-pence... being a dialogue between on old mechanic and a young one, concerning the establishment of the rights of men. London, 1795 (*Спенс, Т.* Конец притеснения, или четырехфунтовая буханка за два пенса... Диалог между старым и молодым ремесленником относительно установления прав людей. Лондон, 1795). — 470.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political oeconomy. In three volumes. Vol. I. Dublin, 1770 (*Стюарт, Дж.* Исследование о началах политической экономии. В трех томах. Том I. Дублин, 1770). Первое издание вышло в Лондоне в 1767 г. в двух томах. — 14—15, 19, 101, 356—357.

**Storch, H.* Cours d'économie politique, ou Exposition des principes, qui déterminent la prospérité des nations. Tomes I—VI. St.-Pétersbourg, 1815 (*Шторх, А.* Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. Тома I—VI. Санкт-Петербург, 1815). — 57, 508—510.

**Storch, H.* Cours d'économie politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tomes I—IV. Paris, 1823 (*Шторх, А.* Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. С пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Тома I—IV. Париж, 1823). Первое издание вышло в Санкт-Петербурге в 1815 году. — 257.

[Temple, R.] An Essay upon taxes, calculated for the present juncture of affairs in England. London, 1693 (*[Темпл, Р.]* Опыт о налогах, рассчитанных для нынешнего положения дел в Англии. Лондон, 1693). — 500.

Some thoughts concerning the maintenance of the poor. In a letter to a member of parliament. London, 1700 (Некоторые мысли относительно поддержания существования бедных. В виде письма к члену парламента. Лондон, 1700). — 503.

Some thoughts on the interest of money in general, and particularly in the publick funds. London, 1738 (Некоторые мысли о проценте вообще и, в частности, о проценте по государственному займу. Лондон, 1738). — 504—507.

Three letters to a member of the honourable House of Commons, from a country farmer, concerning the prices of provisions. London, 1766 (Три письма члену достопочтенной палаты общин от сельского фермера относительно цен на продовольствие. Лондон, 1766). — 522.

Tooke, Th. An Inquiry into the currency principle; the connection of the currency with prices, and the expediency of a seperation of issue from banking. Second edition. London, 1844 (*Тук, Т.* Исследование законов денежного обращения; связь денежного об-

ращения с ценами и целесообразность отделения выпуска банкнот от банковского дела. Издание второе. Лондон, 1844). — 168, 218—220.

Torrens, R. An Essay on the external corn trade. London, 1815 (*Торренс, Р.* Опыт о внешней торговле зерном. Лондон, 1815). — 528—532.

Torrens, R. An Essay on the production of wealth. London, 1821 (*Торренс, Р.* Опыт о производстве богатства. Лондон, 1821). — 139, 247, 249, 282.

[Townshend, Ch.] National thoughts, recommended to the security attention of the public; with an appendix, shewing the damages arising from a bounty on corn. By a landowner. The second edition corrected. London, 1767 (*[Тауншенд, Ч.]* Мысли с точки зрения всей нации, рекомендованные серьезному вниманию общественности; с приложением, показывающим убытки, возникающие от поощрительной премии на зерно. Сочинение земельного собственника. Издание второе, исправленное. Лондон, 1767). — 507.

Tucker, J. A brief essay on the advantages and disadvantages which respectively attend France and Great Britain, with regard to trade. Third edition. London, 1753 (*Такер, Дж.* Краткий опыт о выгодах и невыгодах, которые сопутствуют Франции и Великобритании в торговле. Издание третье. Лондон, 1753). — 496—497.

Tucker, J. Four tracts on political and commercial subjects. Third edition. Gloucester, 1776 (*Такер, Дж.* Четыре трактата на политическую и коммерческую темы. Издание третье. Глостер, 1776). — 497.

Tuckett, J. D. A History of the past and present state of the labouring population, including the progress of agriculture, manufactures, and commerce. In two volumes. Vol. I. London, 1846 (*Такет, Дж. Д.* История положения трудящегося населения в прошлом и настоящем, включая развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли. В двух томах. Том I. Лондон, 1846). — 444, 445.

* *Turgot, A. R. J.* Réflexions sur la formation et la distribution des richesses (1766). In: Oeuvres de Turgot. Nouvelle édition par E. Daire. Tome premier. Paris, 1844 (*Тюрго, А. Р. Ж.* Размышления о создании и распределении богатств (1766). В книге: Сочинения Тюрго. Новое издание Э. Дэра. Том первый. Париж, 1844). — 246.

Two letters on the flour trade, and the dearness of corn. By a person in business. London, 1767 (Два письма о мучной торговле и дороговизне зерна. Сочинение делового человека. Лондон,1767). — 487.

Ure, A. The Philosophy of manufactures: or, an Exposition of the scientific, moral, and commercial economy of the factory system of Great Britain. London, 1835 (*Юр, Э.* Философия фабрики, или Изложение научной, нравственной и коммерческой стороны экономики фабричной системы Великобритании. Лондон, 1835). — 472.

Idem. Second edition, corrected. London, 1835 (*То же.* Издание второе, исправленное. Лондон, 1835). — 514—515.

Usurie arraigned and condemned. London, 1625 (Ростовщичество, привлеченное к ответственности и осужденное. Лондон, 1625). — 454.

Vanderlint, J. Money answers all things; or, an Essay to make money sufficiently plentiful amongst all ranks of people. London, 1734 (*Вандерлинт, Дж.* Деньги соответствуют всем вещам, или Опыт о том, как сделать, чтобы у всех слоев населения было достаточно денег. Лондон, 1734). — 110, 529.

*Verri, P. Meditazioni sulla economia politica con annotazioni di Gian-Rinaldo Carli (1771). In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo XV. Milano, 1804 (*Верри, П.* Размышления о политической экономии с примечаниями Джана-Ринальдо Карли (1771). В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Том XV. Милан, 1804). — 536.

Vidal, F. De la répartition des richesses. Paris, 1846 (*Видаль, Ф.* О распределении богатств. Париж, 1846). — 424.

Wade, J. History of the middle and working classes. Third edition. London, 1835 (*Уэйд, Дж.* История среднего и рабочего классов. Издание третье. Лондон, 1835). Первое издание вышло в Лондоне в 1833 году. — 40.

[Wakefield, E. G.] England and America. A comparison of the social and political state of both nations. In two volumes. London, 1833 (*[Уэйкфилд, Э. Г.]* Англия и Америка. Сравнение социального и политического положения обоих народов. В двух томах. Лондон, 1833). — 247, 523—527.

Wayland, Fr. The Elements of political economy. Boston, 1843 (*Уэйленд, Фр.* Основы политической экономии. Бостон, 1843). — 312, 537.

[Whatley, G.] Principles of trade. London, 1774 (*[Уотли, Дж.]* Принципы торговли. Лондон, 1774). — 528—529.

Witt, J. de. Aanwysing der heilsame politike gronden en maximen van de Republike van Holland en West-Friesland. Leyden, 1662 (*Витт, Я. де.* Указание важнейших политических принципов и максим республики Голландии и Западной Фрисландии. Лейден, 1662). — 111.

Wright, Th. A Short address to the public on the monopoly of large farms. London, 1779 (*Райт, Т.* Краткое обращение к общественности по поводу монополии крупных ферм. Лондон, 1779). — 487.

Young, A. The expediency of allowing the free exportation of corn. London, 1770 (*Юнг, А.* Целесообразность свободного вывоза зерна. Лондон, 1770). — 112—113, 529.

Young, A. Political arithmetic. Containing observations on the present state of Great Britain. London, 1774 (*Юнг, А.* Политическая арифметика, содержащая замечания о современном положении Великобритании. Лондон, 1774). — 16, 17, 529.

Young, A. The Question of scarcity plainly stated. London, 1800 (*Юнг, А.* Вопрос о скудости, изложенный доступно. Лондон, 1800). — 490.

Young, A. A Six weeks' tour through the southern counties of England and Wales. London, 1769 (*Юнг, А.* Шестинедельное путешествие по южным графствам Англии и Уэльса. Лондон, 1769). Первое издание вышло в Лондоне в 1768 году. — 112, 529.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ОТЧЕТЫ И ДРУГИЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

An Act for vesting certain sums in commissioners, at the end of every quarter of a year, to be by them applied to the reduction of the national debt (anno 26 Georgii III, Regis, cap. 31) (Акт о передаче известных сумм членам парламентской комиссии в конце каждого квартала с тем, чтобы эти суммы использовались ими для уменьшения национального долга (принято в 26 год царствования Георга III, гл. 31)). — 440.

Address to the two houses of parliament on the importance of the corn laws to the national revenue. London, 1815 (Обращение

к обеим палатам парламента по поводу важности хлебных законов для национального дохода. Лондон, 1815). — 491.

First Report on children's employment commissioners in mines and collieries. 21 April 1841 (Первый отчет членов комиссии по обследованию условий детского труда на рудниках и в копях. 21 апроля 1841 г.). — 477—478.

Report from the select committee on petitions relating to the corn laws of this Kingdom: together with the minutes of evidence, and an appendix of accounts. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 26 July 1814 (Отчет особого комитета о петициях, касающихся хлебных законов королевства; с протоколами показаний и приложением. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 26 июля 1814 г.). — 532.

Reports of the inspectors of factories to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department (Отчеты фабричных инспекторов министру внутренних дел ее величества) — for the half year ending 31st October 1855. London, 1856 (за полугодие, истекшее 31 октября 1855 г. Лондон, 1856). — 515.

Reports respecting grain, and the corn laws: viz: First and second reports from the Lords Committees, appointed to enquire into the state of the growth, commerce, and consumption of grain, and all laws relating thereto. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 23 November 1814 (Отчеты о зерне и хлебных законах: Первый и второй отчеты комиссии палаты лордов, уполномоченной изучить положение с производством, торговлей и потреблением зерна, а также все законы в этой области. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 23 ноября 1814 г.). — 532, 533.

Representation of the lords of the committee of council, appointed for the consideration of all matters relating to trade and foreign plantations, upon the present state of the laws for regulating the importation and exportation of corn. A new edition, 1800 (Заявление комиссии совета палаты лордов, назначенной для рассмотрения всех дел, относящихся к торговле и иностранным плантациям, по поводу нынешнего состояния законов, регулирующих импорт и экспорт зерна. Новое издание, 1800). Заявление было сделано королю 8 марта 1790 года. — 490.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«*Acta Eruditorum*» («Ученые записки»), Лейпциг, 1683 г. — 544.

«*The Economist*» («Экономист»), Лондон.
— 19 июля 1851 г. — 441—442.
— 22 января 1853 г. — 443—445.

«*The Evening Post*» («Вечерняя почта»), Лондон. — 520, 529.

«*The Lancet*» («Ланцет»), Лондон, 1 марта 1862 г. — 337.

«*Midland Express*» («Центральный курьер»). — 445.

«*The Morning Star*» («Утренняя звезда»), Лондон. — 211.

«*Reynolds's Newspaper*» («Газета Рейнолдса»), Лондон, 25 декабря 1859 г. — 445—446.

«*The Times*» («Времена»), Лондон.
— 13 марта 1862 г. — 447.
— 19 ноября 1862 г. — 210—211.
— 2 июля 1863 г. — 528.

«*The Westminster Review*» («Вестминстерское обозрение»), Лондон, январь 1826 г. — 40.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ЦИТИРУЕМЫХ КНИГ*

Верри, П. Политическая экономия, или О государственном хозяйстве. Переведено с французского, а на французский — с итальянского, с седьмого издания. Спб., 1810.

Гельвеций, К. Сочинения в двух томах. М., 1973.

Годскин, Т. Сочинения: I. Защита труда против притязаний капитала. II. Популярная политическая экономия. М., 1938.

Джонс, Р. Экономические сочинения. Перевод с английского. Соцэкгиз, Ленинградское отделение, 1937.

Кенэ, Ф. Избранные экономические произведения. М., 1960.

* Настоящий указатель содержит только те русские переводы цитируемых Марксом книг, на которые в тексте тома, в квадратных скобках, или в примечаниях даны ссылки с указанием страниц русского издания (сам же перевод цитируемых Марксом мест, даваемый в тексте тома, в необходимых случаях уточнен и исправлен).

Мальтус, Т.Р. Исследование о природе и развитии ренты, а также о началах ее регулирующих. Перевод А. Миклашевского (в «Ученых записках императорского Юрьевского университета», №№ 2 и 3, Юрьев, 1908).

Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955 (*Рикардо, Д.* Сочинения. Перевод под редакцией М. Н. Смит. Том I).

Сисмонди, Ж. Симонд де. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Тома I—II. М., 1937.

Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

Шторх, Г. Курс политической экономии, или Изложение начал, обусловливающих народное благоденствие. Перевод с французского с биографическим очерком автора, под редакцией и с заметками д-ра И. В. Вернадского. Том I. Спб., 1881.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

А

* Составлен к двум томам — 47 и 48; цифрой I обозначен том 47, цифрой II — том 48.

В

Г

И

К

Л

М

Н

П

Р

С

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

Я

ПОСТРАНИЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ РАСПОЛОЖЕНИЯ РУКОПИСИ 1861—1863 ГОДОВ В 47, 26 И 48 ТОМАХ СОЧИНЕНИЙ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Экономическая рукопись 1861—1863 гг.		Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса
Тетрадь I, стр.	A	т. 47, стр. 615, 197, 53—54
	1—3	3—8
	4—6	8, 10—15
	7—13	16—29
	14	29—30, 15—16
	15	30—32
	16	32, 8—9
	17	32—33, 9
	18—23	33—45
	24—25	45—49
	26	49—50, 45
	27	50—52
	28—53	52—53, 54—108
Тетрадь II, стр.	A	111—113
	54	108—110
	55—60	110—111, 113—125
	61	125—127, 124
	62	127—130, 124
	63—93	130—188
Тетрадь III, стр.	A	188—189
	94	отсутствует в рукописи (ошибка в нумерации)
	95—105	190—213
	106	213—214, 222—224
	107—108	224—226, 251—254
	109—111	254, 214—219
	112	220, 226, 254, 256—257
	113	257, 250, 220
	114	220—221, 222, 257, 255
	115	255—256, 222, 221—222
	116	226—229
	117—119	229, 256, 229—233
	120—124,	232—233, 233—240
	124 a—124 h	240—250
	125—129	258—268

Продолжение

Экономическая рукопись 1861—1863 гг.		Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса
	130	269—271, 268
	131	271—273
Тетрадь IV, стр.	132—137	отсутствуют в рукописи (ошибка в нумерации)
	138 a	294, 279—281
	138—174	273—279, 281—294, 295—333
Тетрадь V, стр.	175 a	501
	175	333—334, 334—335
	176—177	335—337
	178	337—338, 339
	179	338—339, 334, 339
	180—181	339—341
	182	т. 47, стр. 341; т. 26, ч. I, стр. 393—394
	183	т. 26, ч. I, стр. 394—395; т. 47, стр. 341—342
	184—189	т. 47, стр. 342—351
	190	351—352, 353
	191—193	353—358
	194	358, 359—360
	195	360—362
	196	352, 362
	197—199	362—367
	200	367, 367—369
	201	369, 358—359, 369—370
	202—203	370—373, 373—374
	204	374—375, 373
	205	375—376
	206	376, 370, 376—377, 377—378
	207	378—379, 377, 379
	208—219	379—400
Тетрадь VI, стр.	219 b	т. 26, ч. I, стр. 3
	220—240	6—38
	241	39, 38—39, 39—40
	242—264	40—72
	265	72—74, 70
	266—272	74—84
Тетрадь VII, стр.	272 b	3
	273—283	84—102
	283 a	102—104, 44
	283 b	44, 104—105
	284—298	105—129
	299	129—130, 132—133
	300	133, 131—132, 133—134
	301—303	134—139
	304	130—131, 139—140

Продолжение

Экономическая рукопись 1861—1863 гг.		Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса
	305—317	140—163
	318	163—164, 165—166
	319	т. 26, ч. I, стр. 166, 438; ч. III, стр. 194—196
	320—331	т. 26, ч. III, стр. 196—217
Тетрадь VIII, стр.	331 b	т. 26, ч. I, стр. 3
	332—344	т. 26, ч. III, стр. 217—243
	345	243—244, 57—58
	346	т. 26, ч. III, стр. 58—59; ч. I, стр. 164—165
	347	т. 26, ч. I, стр. 165, 438, 166—168
	348—357	168—186
	358	186—187, 189
	359—363	189—199
	364	199, 73, 165, 200
	365—371	200—214
	372—376	214, 439—440
Тетрадь IX, стр.	376 b	3
	377—399	214—261
	400	261—262, 187—188, 262
	401—420	262—303
	421	303—304, 188—189
Тетрадь X, стр.	421 c	3—4
	422—426	305—319
	426 a	319—321
	427—436	321—344
	437	344—346, 326
	438—440	347—352
	441	т. 26, ч. I, стр. 352; ч. III, стр. 331—332
	442—444	т. 26, ч. III, стр. 332—336
	445—459	т. 26, ч. II, стр. 3—43
	460	43, 663
	461—485	43—97
	486	97—98, 26, 98—99
	487—489	99—106
Тетрадь XI, стр.	490 a	т. 26, ч. I, стр. 4; ч. II, стр. 655—656
	490—498	т. 26, ч. II, стр. 106—126
	499	126—127, 126, 127—128
	500	128—129, 129—130
	501	130, 130—132
	502	130, 132, 129, 132—134
	503—508	134—143
	508 a	144—147
	509—548	147—233
	549	233, 234—236
	550—580	236—295

Продолжение

Экономическая рукопись 1861—1863 гг.		Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса
Тетрадь XII, стр.	580 b	т. 26, ч. I, стр. 4; ч. II, стр. 651—652
	581—588	т. 26, ч. II, стр. 295—313
	589	313, 314—315
	590—599	315—334
	600	334—335, 314, 335—336
	601—604	336—345
	605	345—346, 346—348
	606—617	348—371
	617 a	371—373
	618—631	373—402
	632	402, 403—404
	633—635	404—410
	636	410, 346, 233—234, 411—412
	637—640	412—421
	641	421, 424, 402—403, 424—425
	642	425, 421—423
	643	423, 425—426
	644—648	426—436
	649	отсутствует в рукописи (ошибка в нумерации)
	650—651	436—440
	652	440, 441, 440—441, 441—442
	653—662	442—464
	663	464, 434, 464—465
	664—669	465—477
Тетрадь XIII, стр.	669 b	654
	670 a	т. 26, ч. I, стр. 4; ч. II, стр. 658, 653; ч. I, стр. 377; ч. II, стр. 657; ч. III, стр. 330—331
	670—683	т. 26, ч. II, стр. 477—502
	684	502—503, 504
	685—687	504—510
	688	510—511, 503—504
	689—690	511—515
	691	515—516, 514
	692	514, 517—519
	693—715	519—570
	716	570—571, 575, 573, 575—576
	717	576—578
	718	578, 560, 578—580
	719	580—582
	720	579, 582—584

Продолжение

Экономическая рукопись 1861—1863 гг.		Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса
	721—770	т. 26, ч. II, стр. 584—648; ч. III, стр. 3—42
	770 а	т. 26, ч. II, стр. 571—573
Тетрадь XIV, стр.	771 а	т. 26, ч. I, стр. 4—5; ч. II, стр. 573—574
	771—777	т. 26, ч. III, стр. 42—56
	778	56—57, 59—60
	779—837	60—169
	838	отсутствует в рукописи (ошибка в нумерации)
	839—850	169—190
	850 а	190, 191—192
	851	193—194, 244
	852—853	245—250
	853 а	250—252
	854—861	252—268
	861 а	т. 26, ч. II, стр. 574—575
Тетрадь XV, стр.	862 а	т. 26, ч. I, стр. 5; ч. III, стр. 248
	862—864	т. 26, ч. III, стр. 268—275
	865—866	286—290
	867—870	275—284
	870 а	284—286
	870 b	290—292
	871—886	292—321
	887	321—322, 146, 322
	888—890	322—327
	891—900	471—492
	901	т. 26, ч. III, стр. 492; т. 48, стр. 118—119
	902	т. 48, стр. 119—120; т. 26, ч. III, стр. 493—494
	903—906	т. 26, ч. III, стр. 494—503
	907	т. 26, ч. III, стр. 503; т. 48, стр. 120—121
	908	т. 48, стр. 121—123
	909	отсутствует в рукописи (ошибка в нумерации)
	910	т. 48, стр. 123—124; т. 26, ч. III, стр. 504—505
	911—918	т. 26, ч. III, стр. 505—521
	919	521—523, 524
	920—924	524—533
	925	533—534, 190—191, 534—535
	926—932	535—550
	933—934	т. 48, стр. 338—342
	935	т. 48, стр. 342—343; т. 26, ч. III, стр. 550—552

Продолжение

Экономическая рукопись 1861—1863 гг.		Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса
	936	т. 26, ч. III, стр. 552—554
	937	554, 504, 555—556
	938—943	556—565
	944	т. 26, ч. III, стр. 565—566; т. 48, стр. 343
	945—947	т. 48, стр. 343—350
	947 a—947 b	350—353
	948—949	353—357
	950 a	т. 48, стр. 357; т. 26, ч. III, стр. 567—568
	950 b	т. 26, ч. III, стр. 568; т. 48, стр. 357—359
	950—953	т. 48, стр. 359—365
	954—955	368—372
	956	366—368
	957—973	372—404
Тетрадь XVI, стр.	973 c	242—243
	973—994	243—281
	995—998	297—311
	999—1 008	281—296
	1 009	296—297, 311
	1 010—1 021	311—329
	1 021 a	567
Тетрадь XVII, стр.	1 022—1 028	329—337
	1 029—1 037	404—422
	1 038	422—423, 167—168
	1 039—1 065	168—225
	1 065 a	225—226
Тетрадь XVIII, стр.	1 066 b	571, 560
	1 066—1 067	439—442
	1 068	442—443, 226—227
	1 069—1 074	227—241
	1 075—1 083	423—437
	1 084	т. 48, стр. 437—438; т. 26, ч. III, стр. 327—328
	1 085	т. 26, ч. III, стр. 328—329
	1 086	329—330, 337—338
	1 087—1 088	338—342
	1 089	342, 343—345
	1 090	345—347, 342
	1 091	342—343, 347—348
	1 092—1 101	348—371
	1 102	371—373, 374, 373
	1 103—1 104	374—379
	1 105	379—381, 380, 381
	1 106—1 108	381—388
	1 109	т. 26, ч. III, стр. 388—389; ч. I, стр. 425—426; ч. III, стр. 389—390

Продолжение

Экономическая рукопись 1861—1863 гг.		Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса
	1 110	т. 26, ч. III, стр. 390—391, 392, 384, 392—393
	1 111	393—395, 391—392
	1 112	392, 395—397
	1 113—1 129	397—428
	1 130	428—429, 365, 429—430
	1 131—1 138	430—445
	1 139	т. 26, ч. III, стр. 445—446; ч. I, стр. 425; ч. III, стр. 447
	1 140	т. 26, ч. III, стр. 447; ч. I, стр. 424; т. 48, стр. 443—445
	1 141—1 143	т. 48, стр. 445—449
	1 144	т. 48, стр. 449; т. 26, ч. III, стр. 447—448
	1 145—1 155	т. 26, ч. III, стр. 448—467
	1 156	т. 26, ч. III, стр. 467—468; т. 48, стр. 450—451
	1 157	т. 48, стр. 451; т. 26, ч. III, стр. 434
Тетрадь XIX, стр.	1 158—1 158 а	т. 47, стр. 400
	1 159—1 173	400—425
	1 174	отсутствует в рукописи (ошибка в нумерации)
	1 175—1 189	425—448
	1 190	448—449, 450
	1 191	451, 450, 451
	1 192—1 235	451—500
	1 236	500, 502—503
	1 237—1 241	503—512
Тетрадь XX, стр.	1 241 а	512, 549
	1 241 b	628
	1 242—1 254	512—533
	1 254 а	536—538
	1 255	533—536
	1 255 а	538—540
	1 256—1 274	541—574
	1 275	574, 573, 574
	1 276—1 291	574—601
	1 291 а	т. 47, стр. 611—612; т. 26, ч. I, стр. 355, 368
	1 292	т. 47, стр. 601—603
	1 292 а	т. 26, ч. I, стр. 368—370
	1 293	т. 47, стр. 603—605
	1 293 а	т. 26, ч. I, стр. 370—371, 378—379
	1 294	т. 47, стр. 605—607
	1 294 а	т. 26, ч. I, стр. 379—380
	1 295—1 296	т. 47, стр. 607—611
	1 297	отсутствует в рукописи (ошибка в нумерации)

Продолжение

Экономическая рукопись 1861—1863 гг.		Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса
Тетрадь XXI, стр.	1 298	т. 48, стр. 3
	1 299	551
	1 300	т. 26, ч. I, стр. 380—382
	1 301	т. 26, ч. I, стр. 382; т. 48, стр. 3—4
	1 302—1 326	т. 48, стр. 4—55
	1 327	отсутствует в рукописи (ошибка в нумерации)
	1 328—1 330	55—62
	1 331	62, 451—452
	1 332—1 345	452—476
Тетрадь XXII, стр.	1 345 b, 1 345 c	556
	1 346	т. 48, стр. 476—477; т. 26, ч. I, стр. 356
	1 347—1 350	т. 26, ч. I, стр. 356—362
	1 351	т. 26, ч. I, стр. 362—363; т. 48, стр. 477
	1 352	т. 48, стр. 477—478
	1 353—1 370	63—94
	1 371	94—95, 124—125
	1 372—1 396	125—166, 96—99
	1 397	т. 48, стр. 99; т. 26, ч. I, стр. 367, 363
	1 398	т. 26, ч. I, стр. 363—365
	1 399	365—366, 386
	1 400	т. 26, ч. I, стр. 386—387; т. 48, стр. 479—480
	1 401	т. 48, стр. 480—482
	1 402	482, 99—100
	1 403—1 406	100—106
Тетрадь XXIII, стр.	1 406 a	106
	1 407—1 417	106—108, 483—494
	1 418	т. 48, стр. 494; т. 26, ч. I, стр. 372—373
	1 419	т. 26, ч. I, стр. 373—375
	1 420	т. 26, ч. I, стр. 375—376; т. 48, стр. 494—495
	1 421—1 431	т. 48, стр. 495—510
	1 432	отсутствует в рукописи (ошибка в нумерации)
	1 433	т. 48, стр. 510; т. 26, ч. I, стр. 383—384
	1 434	т. 26, ч. I, стр. 384—385
	1 435—1 437	т. 48, стр. 511—515
	1 438	515, 108—109
	1 438 a—1 438 b	109—112
	1 439—1 440	112—114
	1 441—1 447	515—526
	1 448	526—527, 526

Продолжение

Экономическая рукопись 1861—1863 гг.	Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса
1 449—1 451	т. 26, ч. I, стр. 388—392
1 452—1 460	т. 48, стр. 527—541
1 461—1 463	115—117
1 464—1 472	541—548

СОДЕРЖАНИЕ

Том подготовил к печати
С. М. Григорьян

Помощник подготовителя
А. А. Русских

Редактор *В. С. Выгодский*

Технический редактор *Л. К. Уланова*

Корректоры
Е. Н. Кудрявцева, В. С. Якунина

★

ИБ № 2066

Сдана в набор 10.10.79. Подписана в печать 23.06.80. Формат 60×92$^1/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 44. Уч.-изд. л. 46,16. Тираж 45 тыс. экз. Заказ № 945. Цена 1 р.

★

Издательство политической литературы. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

★

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

ПОЛИТИЗДАТ
19[illegible]